

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2023 Том 14 № 3

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ**

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС. 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор
Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 05.09.08 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.Н. Кольшиева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 01.09.2023. Выход в свет 10.09.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 33,64. Тираж 500 экз. Заказ № 1137. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2023 VOLUME 14 No. 3

LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL MODELLING
OF TEXT AND DISCOURSE

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

---

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludĭa Bednĕrovĕ-Gĭbovĕ, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumbaa (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor: *K.V. Zenkin*
English Text Editor: *O.N. Kolysheva*
Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 117198
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
The Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation 6 Miklukho-Maklaya str., 117198

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

От редакционной коллегии.....	571
Message from the Editorial Board	573
СИНХРОННЫЕ ПАРАДИГМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ	
Denisenko V.N., Yergazy N., Rybakov M.A. (Moscow, Russian Federation). Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication (Языковые средства выражения вежливости в контексте делового общения в русском языке)	575
Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В. (Москва, Российская Федерация), Мирзаева С.В. (Элиста, Российская Федерация). ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков	595
Алпатов В.М., Валентинова О.И. (Москва, Российская Федерация), Никитин О.В. (Петрозаводск, Российская Федерация). Макс Мюллер в истории языкознания: забытая классика или трамплин в будущее? К 200-летию со дня рождения	616
Novospasskaya N.V., Yang Xue, Mikhaylenko A.Yu. (Moscow, Russian Federation). Image of a Woman in Chinese and Russian Prose (Образ женщины в китайских и русских паремиях)	633
Ващекина Т.В., Красина Е.А. (Москва, Российская Федерация). В лабиринтах времени и языка: к 85-летию проф. Л.Г. Зубковой	647
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Новикова М.Л., Маркелова Т.В. (Москва, Российская Федерация). Геопозитический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности	658
Болдырев Н.Н. (Тамбов, Российская Федерация), Федяева Е.В. (Новосибирск, Российская Федерация). Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ	686
Мякшева О.В. (Саратов, Российская Федерация). Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект	704
Kulikova M.N., Riabov O.V. (St. Petersburg, Russian Federation). Linguistic Means of Constructing 'Enemy Number One' in the US Cold War Cinema (Лингвистические средства конструирования образа «врага номер один» в кинематографе США)	719
Каменова В.А., Морозова И.С., Ермолаева Е.Н., Старцева Т.В. (Кемерово, Российская Федерация). Стереотипное представление о кибержертве в языковом сознании российских студентов: на материале цепочечного ассоциативного эксперимента	732

СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА

- Ковшова М.Л. (Москва, Российская Федерация).** Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования 745
- Параккини Лайла (Милан, Италия), Трофимова Г.Н. (Москва, Российская Федерация).** Функционально-семантические доминанты языка цифровых трансмедиа в контексте актуальных проблем межкультурной коммуникации 757
- Minyar-Belouchcheva A.P., Sergienko P.I. (Moscow, Russian Federation).** Linguocultural Aspects of PR Translation in the Modern World (Лингвокультурные аспекты PR-перевода в современном мире) 769
- Балан Е.Г., Чеснокова О.С. (Москва, Российская Федерация).** Семиотика песенного дискурса периода Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) 785
- Akhrenova N.A., Zaripov R.I. (Moscow, Russian Federation).** Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts (Лингвопрагматические характеристики современных медиатекстов) 801
- Karabulatova I.S. (Harbin, China), Anumyan K.S., Korovina S.G. (Moscow, Russian Federation, Krivenko G.A. (Pavlodar, Republic of Kazakhstan).** Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China (Эмотикема УДИВЛЕНИЕ в новостном дискурсе России, Казахстана, Армении и Китая) 818
- Чжан Личэн (Нанкин, Китай), Кормазина О.П. (Владивосток, Российская Федерация).** Образы доброго и злого человека в русской и китайской паремиологических картинах мира 841
- Filyasova Yu.A. (St. Petersburg, Russian Federation).** The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study (Стилистика заголовков в рекламном дискурсе: коммуникативно-функциональное исследование на материале английского языка) 856
- Аль-Рахби А.М., Зарытовская В.Н. (Москва, Российская Федерация).** Структурно-семантические особенности топонимов Омана как отражение языковой ситуации, материальной и нематериальной культуры страны 876
- Якушевич И.В. (Москва, Российская Федерация).** ВЕТЕР: семантизация символа в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» 893
- Баянбаева А.А., Демченко А.С. (Алматы, Казахстан), Барабаш В.В. (Москва, Российская Федерация).** Жанровые разновидности современной казахстанской русской повести 910
- Будильцева М.Б., Новикова Н.С. (Москва, Российская Федерация).** Жизнь идиомы — определение актуального корпуса фразеологизмов: опыт экспериментального исследования 931
- Dugalich N.M., Shavtikova A.T., Okil Izildin (Moscow, Russian Federation).** Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series “اختيار 3” (“The Choice 3”) (Стратегии создания образа политика в арабоязычном поликодовом тексте на примере сериала “اختيار 3» («Выбор 3») 946
- Li Xiuyu, Rybinok Ev.S. (Moscow, Russian Federation).** Lexico-Semantic Group of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese: based on the Translation of F.M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” (Лексико-семантическая группа глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках: на материале перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») 960

CONTENTS

LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL MODELLING OF TEXT AND DISCOURSE

Message from the Editorial Board 573

CURRENT SYNCHRONIC PARADIGMS OF LINGUISTIC KNOWLEDGE

Denisenko V.N., Yergazy N., Rybakov M.A. (Moscow, Russian Federation). Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication 575

Neliubova N.Yu., Lomakina O.V. (Moscow, Russian Federation), Mirzaeva S.V. (Elista, Russian Federation). Labor in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs 595

Alpatov V.M., Valentinova O.I. (Moscow, Russian Federation), Nikitin O.V. (Petrozavodsk, Russian Federation). Max Müller in History of Linguistics: Forgotten Classics or Springboard to Future? 200th Anniversary of Birth 616

Novospasskaya N.V., Yang Xue, Mikhaylenko A.Yu. (Moscow, Russian Federation). Image of a Woman in Chinese and Russian Paroemiae 633

Vashtekina T.V., Krassina E.A. (Moscow, Russian Federation). In the Labyrinths of Time and Language: on the 85th Anniversary of Prof. L.G. Zubkova 647

COGNITIVE STUDIES

Novikova M.L., Markelova T.V. (Moscow, Russian Federation). Geopoetic Image as a Cultural Token, Process and Result of Aesthetic Reality Modeling 658

Boldyrev N.N. (Tambov, Russian Federation), Fedyaeva E.V. (Novosibirsk, Russian Federation). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis 686

Myaksheva O.V. (Saratov, Russian Federation). Linguistic Analysis of a Literary Text as the Key to its Comprehension: Cognitive and Discursive Aspect 704

Kulikova M.N., Riabov O.V. (St. Petersburg, Russian Federation). Linguistic Means of Constructing ‘Enemy Number One’ in the US Cold War Cinema 719

Kameneva V.A., Morozova I.S., Ermolaeva E.N., Startseva T.V. (Kemerovo, Russian Federation). Stereotypical Representation of a Cybervictim in Russian Students’ Language Consciousness based on the Material of the Chain Associative Experiment 732

SEMANTICS AND SEMIOTICS

Kovshova M.L. (Moscow, Russian Federation). The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research 745

Paracchini Laila (Milan, Italy), Trofimova G.N. (Moscow, Russian Federation). Functional and Semantic Dominants of the Digital Transmedia Language in the Context of Topical Problems of Intercultural Communication 757

Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I. (Moscow, Russian Federation). Linguocultural Aspects of PR Translation in the Modern World 769

Balan E.G., Chesnokova O.S. (Moscow, Russian Federation). Semiotics of Song Discourse During the Spanish Civil War (1936—1939)	785
Akhrenova N.A., Zaripov R.I. (Moscow, Russian Federation). Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts	801
Karabulatova I.S. (Harbin, China), Anumyan K.S., Korovina S.G. (Moscow, Russian Federation), Krivenko G.A. (Pavlodar, Republic of Kazakhstan). Emotiveme “SURPRISE” in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China	818
Zhang Licheng (Nanjing, China), Kormazina O.P. (Vladivostok, Russian Federation). Images of a Good and Evil Person in Russian and Chinese Paremiological Pictures of the World.....	841
Filyasova Yu.A. (St. Petersburg, Russian Federation). The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study	856
Al-Rahbi A.M., Zarytovskaya V.N. (Moscow, Russian Federation). Structural and Semantic Features of Oman’s Toponyms as Reflection of the Country’s Linguistic Situation and Material and Non-Material Culture	876
Yakushevich I.V. (Moscow, Russian Federation). WIND: Semantics of the Symbol in Boris Pasternak’s Novel “Doctor Zhivago”.....	893
Bayanbayeva A.A., Demchenko A.S. (Almaty, Kazakhstan), Barabash V.V. (Moscow, Russian Federation). Genre Varieties of Modern Kazakh Russian Story	910
Budiltseva M.B., Novikova N.S. (Moscow, Russian Federation). Life of an idiom — Definition of Actual Corpus of Phraseological Units: Experimental Research	931
Dugalich N.M., Shavtikova A.T., Okil Izildin (Moscow, Russian Federation). Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series “اختيار 3” (“The Choice 3”).....	946
Li Xiuyu, Rybinok Ev.S. (Moscow, Russian Federation). Lexico-Semantic Group of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese: based on the Translation of F.M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”	960

От редакционной коллегии

Специальный выпуск нашего журнала посвящен 95-летию доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов **Аиды Васильевны Широковой** (26 сентября 1928 — 8 апреля 2018).

Аида Васильевна Широкова — известный российский лингвист, выпускница классического отделения филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1952). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Развитие фонологической системы балканской латыни (на материале надписей)» (1963, научный руководитель проф. Р.Г. Пиотровский); диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему: «Развитие диалектальных фонологических систем народной латыни» (1977).

А.В. Широкова преподавала в Университете г. Черновцы, Минском педагогическом университете, с 1972 года работала в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. А.В. Широковой были подготовлены 20 кандидатов наук, среди них Надира Ахмед, Т.А. Вавичкина, В.Н. Денисенко, Л.И. Дзюбенко, Л.М. Найда, Н.Ю. Нелюбова, Н.В. Новоспасская, М.А. Рыбаков, В.Ф. Сухопар и др., магистры и бакалавры филологии.

Сфера научных интересов Аиды Васильевны Широковой лежит в области романского языкознания, лингвистической типологии, сравнительно-исторического и общего языкознания, А.В. Широковой опубликовано более 150 работ. Наиболее известные научные труды А.В. Широковой:

1. *Широкова А.В.* Латинский язык на Балканах (Опыт фонологического описания): учебное пособие. Минск, 1967. 116 с.
2. *Широкова А.В.* Лекции по сопоставительной грамматике русского языка. М., 1977. 31 с.
3. *Широкова А.В.* Сопоставительная грамматика русского языка: учебное пособие. М.: Ун-т дружбы народов, 1984.
4. *Широкова А.В.* Морфологическая типология слова в разноструктурных языках: учебное пособие. М.: РУДН, 1992. 128 с.
5. *Широкова А.В.* От латыни к романским языкам: учебное пособие по истории романских языков. М.: Добросвет: Университет, 2005. 221 с.

6. Широкова А.В. Типологическое взаимодействие грамматических категорий числа и рода в языках флективного типа // Russian Journal of Linguistics. 2003. № 4. С. 38—45.
7. Широкова А.В. Специфические типологические особенности русской, французской и испанской морфологии // Russian Journal of Linguistics. 2002. № 3. С. 56—66.
8. Широкова А.В., Новоспаская Н.В. Категория вокатива как периферическое явление БЯС // Russian Journal of Linguistics. 2008. № 4. С. 18—23.

В разделе «Синхронные парадигмы лингвистических знаний» публикуются статьи ученых, работающих в настоящее время на филологическом факультете Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, научным руководителем которых была А.В. Широкова, которые помнят Аиду Васильевну внимательным и душевным человеком, терпеливым наставником, эрудированным лингвистом.

В этот раздел вошли также статьи, посвященные 200-летию со дня рождения знаменитого лингвиста *Фридриха Макса Мюллера* (1823—1900) и памяти коллеги проф. А.В. Широковой — доктора филологических наук, профессора *Людмилы Георгиевны Зубковой* (1938—2021).

Message from the Editorial Board

The Special Issue of our journal is dedicated to the 95th anniversary of **Aida Vasilyevna Shirokova**, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (26 September 1928–8 April 2018).

Aida Vasilyevna Shirokova is a famous Russian linguist, a graduate from Classical Department of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University (1952). She defended a thesis for the academic degree of Candidate of Philological Sciences on the topic *Development of the phonological system of Balkan Latin (based on inscriptions)* (1963, scientific supervisor Prof. R.G. Piotrovsky); dissertation for the degree of Doctor of Philology on the topic *Development of dialectal phonological systems of folk Latin* (1977).

A.V. Shirokova taught at the University of Chernivtsi, Minsk Pedagogical University, and since 1972 she worked at Patrice Lumumba Peoples' Friendship University. A.V. Shirokova was a scientific supervisor and advised 20 candidates of sciences, among them Nadira Ahmed, T.A. Vavickina, V.N. Denisenko, L.I. Dzyubenko, L.M. Naida, N.Yu. Nelyubova, N.V. Novospasskaya, M.A. Rybakov, V.F. Sukhopar and others; she guided numerous masters and bachelors of philology.

The sphere of scientific interests of Aida Vasilyevna Shirokova lies in the field of Romance linguistics, linguistic typology, comparative historical and general linguistics. A.V. Shirokova authored over 150 works. Her most famous scientific works are:

1. Shirokova, A.V. (1967). Latin language in the Balkans (Experience of phonological description): textbook. Minsk. 116 p. (In Russ.).
2. Shirokova, A.V. (1977). Lectures on comparative grammar of the Russian language. Moscow. 31 p. (In Russ.).
3. Shirokova, A.V. (1984). Comparative grammar of the Russian language: textbook. Moscow: Peoples' Friendship University. (In Russ.).
4. Shirokova, A.V. (1992). Morphological typology of words in languages of different structures: textbook. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 128 p. (In Russ.).
5. Shirokova, A.V. (2005). *From Latin to Romance Languages: A Textbook on the History of Romance Languages*. Moscow: Dobrosvet: University. 221 p. (In Russ.).
6. Shirokova, A.V. (2003). Typological interaction of grammar categories of number and gender in inflectional languages. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 38–45. (In Russ.).

7. Shirokova, A.V. (2002). Tipological peculiarities of Russian, French and Spanish morphonology. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 56—66. (In Russ.).
8. Shirokova, A.V. & Novospasskaya, N.V. (2008). To the problem of vocative case category as the peripheral phenomenon of the Balkan Linguistic Union. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 18—23. (In Russ.).

The section *Synchronous Paradigms of Linguistic Knowledge* offers articles by scientists whose scientific supervisor was A.V. Shirokova and who currently work at the Faculty of Philology of Peoples' Friendship University of Russia and remember Aida Vasilievna as an attentive and sincere person, a patient mentor, and an erudite linguist.

In this section of the journal the editorial board also brings forward articles dedicated to the 200th anniversary of the famous linguist Friedrich Max Müller (1823—1900) and the memory of Professor A.V. Shirokova's colleague — Doctor of Philology, Professor Lyudmila Georgievna Zubkova (1938—2021).

СИНХРОННЫЕ ПАРАДИГМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ CURRENT SYNCHRONIC PARADIGMS OF LINGUISTIC KNOWLEDGE

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-575-594

EDN: NRGNZR

UDC 811.161.1'271

Research article / Научная статья

Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication

Vladimir N. Denisenko, Nazerke Yergazy , Mikhail A. Rybakov

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198

 naz_erke9898@inbox.ru

Abstract. The subject of the study is the concept of “politeness” in business communication, its lexical and grammatical ways//means of expression in Russian. Particular attention is paid to the social relationship between interlocutors in a communicative situation. The purpose of the study is to describe the concept of “politeness” and identify its linguocultural features. In accordance with the purpose and objectives of the study, the paper analyzes the features of the implementation of the concept of “politeness” in the system of language functions and considers the strategies of positive and negative politeness in speech behavior in the field of business communication. Based on the analysis of the content of the main functions of language, it was concluded that the category of politeness is realized within the framework of the communicative function of language; The study analyzed the strategies of positive and negative politeness and the peculiarities of its implementation within the framework of private//specific individual communicative functions that correspond to various areas of communication. As a result of the analysis of speech behavior strategies in accordance with the rules of politeness, it was concluded that politeness is an important component of business communication, and speech behavior strategies are based on the difference in the cultural values of a particular society and depend on the models of social behavior adopted in it. If the lines of behavior underlying the first of them are associated with the involvement of the interlocutor in the conversation, paying attention to him, then the second strategy contains lines of behavior associated with the provision of freedom to the interlocutor.

Keywords: formulas of politeness, discourse, business communication, linguoculture

© Denisenko V.N., Yergazy N., Rybakov M.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Denisenko, V.N., Yergazy, N. & Rybakov, M.A. (2023). Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 575–594. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-575-594>

Языковые средства выражения вежливости в контексте делового общения в русском языке

В.Н. Денисенко, Н. Ергазы , М.А. Рыбаков

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 naz_erke9898@inbox.ru

Аннотация. Предметом исследования является понятие «вежливость» в деловом общении, его лексические и грамматические способы выражения в русском языке. Особое внимание уделяется социальному отношению между собеседниками в коммуникативной ситуации. Цель исследования заключается в описании понятия «вежливость» и выявлении его лингвокультурных особенностей. В соответствии с целью и задачами исследования в работе были проанализированы особенности реализации концепта вежливости в системе функций языка и рассмотрены стратегии негативной и позитивной вежливости в речевом поведении в сфере делового общения. На основе проведенного анализа содержания основных функций языка был сделан вывод о том, что категория вежливости реализуется в рамках коммуникативной функции языка; в исследовании были проанализированы стратегии позитивной и негативной вежливости и особенности ее реализации в рамках частных коммуникативных функций, соотносящихся с различными сферами общения. В результате анализа стратегий речевого поведения в соответствии с правилами вежливости был сделан вывод о том, что вежливость является важной составляющей делового общения, и стратегии речевого поведения базируются на различии культурных ценностей того или иного общества, зависят от принятых в нем моделей социального поведения. Если линии поведения, лежащие в основе первой из них, связаны с вовлечением собеседника в разговор, оказанием ему внимания, то вторая стратегия содержит линии поведения, связанные с предоставлением свободы собеседнику.

Ключевые слова: формулы вежливости дискурс, лингвокультура

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Denisenko V.N., Yergazy N., Rybakov M.A. Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 575–594. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-575-594>

Introduction.

The statement of the problem

Communication between people is carried out under the influence of various factors and a number of some specific individuals' characteristics. To create and build up ideal relationship there are more often used respect, appreciation and gratitude, politeness, which fulfil a vitally important role in creating friendly atmosphere among the nations of different cultures.

Politeness strategy is one of the mostly studied issues of linguistic pragmatics which has recently emerged within general linguistics. Worldwide the universality of politeness peculiarities used to be of great significance. Despite the fact that the notion of "politeness" is adopted by all members of the human society its expression varies in this or that way depending on the factual peculiarities or assigned behavior of every separate nation. Politeness is a complex and many-sided phenomenon being an integral part of people's everyday life which is realized in all spheres of human activity.

Intense interest in the studies of this phenomenon on the part of representatives of different branches of knowledge emphasizes the significance of the issue in human interrelations. From the 1970s and until nowadays, this topic forms the core of attention to make research in the disciplines connected with social interaction, such as psychology, ethno-psychology, culture studies, anthropology, pragmatics, applied linguistics and communication.

As far as politeness makes the basis to create social order and serves as a prerequisite of human communication, any theory bringing the understanding of this phenomenon simultaneously turns to the background of humans' social life [1. P. 159–212].

Nowadays there exist a number of approaches to study various aspects of the "politeness" category: politeness as asocial norm; politeness as speech maxims and rules [2. P. 292–305]; politeness as face saving [3. P. 213–216. S. 13–50]; politeness as ethical and pragma-linguistics category [7. P. 27–39].

To define what the politeness means the authors mainly focus on the pragmatic view of politeness principles which is: "to maintain social balance friendly relations which would let us imply that our interlocutors primarily intend to collaboration" [8. P. 167–206]; to serve as "the means to minimize confrontation within a discourse and any possibility of confrontation in general as well as a possibility to perceive a confrontation as a threat" [9. P.159–212]; to rely on "specific national strategies of behavior, aimed at harmonic, non-conflict communication and the satisfaction of a partner's expectations" [10. P. 144–163]; to be "the means to express respect to the others" [11. P. 684–697], or to choose a great many of various kinds: *what* we'd like to tell, *how* we'd like to tell something, and also using definite types of sentences, words and sounds which in the best possible way could connect those "what" and "how".

Specifics of realizing the concept of “politeness” in the system of linguistic functions

Being a subject of linguistic studies, politeness attracts attention of many Russian and foreign linguists. Terms of reference of politeness as a linguistic phenomenon includes such issues like the development of the conception of politeness, the study of social-and-psychological factors of polite behavior, the description of linguistic expression of politeness, the establishment of interconnection between the category of politeness and the type of discourse. Peculiarities of the rules of politeness are defined by the specifics of various channels of modern business communication (phone talks, social nets; e-mail: s).

Modern linguistics hasn't yet possessed a unified opinion on the category of politeness. In most linguistic cultures politeness is interpreted as a respect towards other participants of communication. It's the main constituent of the given notion. V.I. Karasik underlines that above all, politeness represents the ways and means to express respect to some other person though it doesn't amount itself to the expression of respect [12. P. 70–71].

However, every tradition brings along its own shades of understanding the essence of the mentioned category. While comparing the peculiarities of understanding the essence of politeness in Russian, oriental and western cultures, A.K. Shaban states, in particular, that in accordance with the Russian tradition, politeness is the ethic, moral quality of a man connected with his speech behavior and providing for the harmonizing of social interaction; in oriental cultures, e.g., in the Arabic culture, politeness means softness both interior, intuitive and exterior caused by the rules of social behavior; according to the English speaking tradition, politeness makes the “face” which is used by the participants of communication, its interlocutors to attain their pragmatic targets [13. P. 86].

Further on let's analyze the place of the concept “politeness” in the system of linguistic functions. The main function of language is the communicative one. In his work, Prof. V.G. Gak states the inherent connection of language with communication [14. P. 3]; and S.Yu. Drofa distinguishes general communication and particular communicative functions, the content of which is stipulated by a definite sphere of communication [15. P. 73].

Classifications of linguistic functions could be divided into two main groups: linguistic proper and those belonging to cultural studies. We'd start our analysis with discussing linguistic classifications while considering as the most significant classifications by R.O. Jakobson and A.A. Reformatsky. In the basis of R.O. Jakobson's classification there lies the model of speech communication including integral components of informational process. Each function specified by Jakobson correlates to some component, e.g., the expressive function correlates to the addressor, the referential function is stimulated by a referent, the cognitive function is oriented to the addressee. The poetic, metalinguistic and phatic functions are correspondingly oriented on the message, code and channel of communication.

It seems that in accordance with the classification mentioned above the realization of the concept “politeness” could be determined as being principally implemented in the frames of the conative function. According to N.A. Kobrina, the essence of the conative function consists in arguing the interlocutor into something [16. P. 101]. The use of linguistic means of politeness in business communication primarily aims at influencing an addressee as well as to strive him in the polite attitude.

The classification of linguistic functions put forward by A.A. Reformatsky includes three main functions: nominative (to give a name; to nominate); communicative which reflects the main target of language as a means of communication; expressive which main content is to express emotions and feelings of a speaker (addressor). In accordance with the given classification the realization of the category of politeness in the business communication could be referred to the communicative function of language.

Having described linguistic classifications of language functions, let’s get down to their classifications within the cultural studies. Austrian scholar K. Bühler speaks about the main language functions realized in the context of culture, which are expressive function; appellative function while its essence lies in the appeal, intake and strife to influence a listener (an addressee); and representative function, or the function of representation. As is seen from the said above, K. Bühler’s classification doesn’t mention cognitive function among the three presented, but there’s specially emphasized the function of an appeal (Appellfunktion), which serves to influence an addressee/listener, and in fact it embodies conative function. It should be mentioned that many researchers who discuss classifications of language functions speak about the conative function using some other terms to signify it [17. P. 192].

The author of the next classification of linguistic functions in the context of culture is Ch. Ferguson. In his classification the communicative function occupies the first place according to the main target of language as a means of communication. In the opinion of the scholar, second significant place belongs to the cognitive function. Its designation is to fix the results of mental activity and cognition of the outward world. According to him, it’s necessary to single out the emotional-and-expressive function because language doesn’t limit itself just meaning to be a means of communication or serves to develop mental activity and helps learn the outward world. Language allows express feelings, emotions. Finally, Ch. Ferguson distinguishes one more important aspect of language functioning that is the ability to express request, order, to persuade, to educate, or in some other way, to influence upon an interlocutor. The function reflecting the expression of the elements mentioned above, Ch. Ferguson calls voluntative function. In its core there lies an appealing-incentive component. The given function singled out in the researchers’ classification is a conative in its essence [17. P. 192].

The Russian researcher A.N. Sokolov who distinguished four types of language-and-speech functions, characterizes the functions of the fourth type as social-and-

speech functions, which include regulative, magic and contact establishing functions [18. P. 71–73]. As is supposed, according to this classification, one can mean the realization of the category of politeness within this complex of functions presented by a researcher because the content of functions enumerated principally correlate with the aims to realize the category of politeness in business sphere, i.e., the aims to realize the process of interaction, establishing and maintaining the contact and influence of an interlocutor.

M. Halliday's classification includes the conceptual function which allows express the content and also the textual and interpersonal functions. In the frames of the interpersonal function, a speaker-addressor maintains relations with a listener-addressee [19. P. 330–368]. The interpersonal function includes the expressive and conative functions. Thus, the researcher determines the conative function as a subtype of the interpersonal function.

The S.Yu. Marmushkina's definition of the conative function specifies the variety of researchers' approaches to its essence and differences in terminology on the part of an addressee-listener [20. P. 84–87]. She remarks that the conative function aims at persuading an addressee could be also defined as an incentive appellative or persuading function.

N.A. Kurakina analyzes peculiarities of realizing various functions of language, and the conative function as well, on the materials of English-American fiction literature discussing the pragmatic aspect of complementary utterances. On the basis of studying speech communicative peculiarities of complements, N.A. Kurakina comes to a conclusion that American complement fulfils the phatic function combining it with the emotive and conative functions. The emotive function to a greater extent characterizes the American linguo-culture where is observed the intention to level social disparity in communication. The English complement along with the conative function often fulfils the phatic function [21. P. 11–12].

So, the realization of language functions takes place through their interconnection. For example, in the given discussion of analyses of the speech communicative peculiarities of complements the researcher made a conclusion that in the English linguo-culture the phatic function is fulfilled predominantly together with the conative function.

Proceeding from the carried out analysis of the basic functions of language, one could conclude that the category of politeness is being realized in the frames of the communicative function of language. The peculiarities of its realization in the frames of other particular communicative functions depending on various spheres of communication are reflected in various researchers' classifications. The majority of linguists assign the concept of politeness to the sphere of conative function of language the core of which includes the intention to influence an interlocutor, in this case, to persuade him into respectful attitude. While nominating the function of the type, researchers use various terms (e.g., volutative, appealing and persuading function of language or influencing function, etc.). It's also essential to stress the

fact that the realization of the concept of politeness could be connected with the phatic function (oriented to the contact), and the appellative and regulative functions, because all language functions are interacting with one another.

Strategies of negative and positive politeness of the speech behavior in the sphere of business

In linguistics, the category of politeness is studied in the framework of speech behavior strategies or in course of analyzing speech acts (excuses, thanks, complements, expressions of condolence, etc.). S.Yu. Turina defines politeness as a speech-behavior category having the main target to be reaching the achievement of positive communicative efficiency [22. P. 2]. S.Yu. Turina's study determines the meaning of both — positive and negative politeness. According to the definition of the researcher, negative politeness is connected with sparing liberty of behavior to an addressee, while positive politeness means to express solidarity with him/her. The content of the notions of positive and negative politeness determines peculiarities of developing the strategies of speech behavior depending on this or that type of politeness.

The strategies of positive politeness could be expressed in the following ways of speech behavior:

- 1) paying attention and showing interest towards a listener-addressee, involving him/her into a dialogue;
- 2) creating the atmosphere of internal group identity (slang, “you” as a form of addressing and the like).

Let's give some examples reflecting positive politeness, meaning to express attention to the addressee, involving him/her in a dialogue. They are collected in Table 1.

It should be specified that in the situation of business communication not every and all strategies mentioned above could be accepted. For example, the analysis of peculiarities realizing strategies of positive politeness in the pedagogical communicative sphere of between teachers and students allowed us make a number of conclusions. Under the conditions analyzed, the teachers' speech contained the so-called “irrelevant” words which nevertheless bear a certain meaning besides their main function — to fill in sense lacunas. They allow accentuate the attention of a listener-addressee on certain speech aspects, render several emotions, serve to express the attitude of a speaker to his/her utterance. In course of the study we came across vocalizations, self-interjections, repetitions (partial and full), non-verbal pauses, i.e., all the phenomena which are typical and natural for the oral speech. We also have to mention that the realization of the strategies of positive politeness aiming to create the inside-group identity atmosphere hasn't always been successful. In this way realizing the strategy of positive politeness aimed at creating the inside-group identity, a teacher could use certain linguistic means providing

for the atmosphere of easy informal communication in natural environment. The strategies could even individualize a definite image of a teacher. But it's crucial that their use correspond to the criteria of appropriateness and rationality.

Table 1

**Paying attention and rendering interest towards an addressee,
involving him/her in a dialogue**

Context	Function
«А-а-а, так она все-таки говорила с тобой об этом?» (In Russian). — lit.: "A-a-a! Well, she has talked with you about it?" — [A teacher addressing a pupil]	Involving in a dialogue
«Да-а-а, ты сегодня на высоте» (In Russian). — lit.: Well-well, you are smart today!" [A teacher addressing a pupil]	Paying attention
«– Я там был вчера – Да ну?» (In Russian). – lit.: Well, I was there yesterday/ Really? [A dialogue with a pupil]	Paying attention Involving in a dialogue
«А ты, Миша, как считаешь?» (In Russian). – lit.: "And you, Misha, what do you think?" [A teacher addressing a pupil]	Paying attention
«Как твои успехи в спорте?» (In Russian). lit.: "Have you got any sports records?" [A teacher addressing a pupil]	Paying attention Involving in a dialogue
«Очень приятно познакомиться с Вами» — — lit.: "Nice to meet you!" [A teacher addressing a parent]	Paying attention
«Как Ваши дела?» — lit.: "How are you doing?" [A teacher addressing a colleague]	Paying attention Involving in a dialogue
«О, вы даже об этом читали!» — lit.: "Oh, you even haven't read it!" [A teacher addressing pupils]	Paying attention

The strategies of negative politeness consist of presenting the independence of addressees' action and confine to the following types of behavior:

- 1) eliminating direct requests and using indirect speech acts;
- 2) formulating utterances in a soft (polite) manner;
- 3) demonstrating respect by means of diminishing self-esteem and raising an addressee's esteem, readiness to ask an excuse;
- 4) impersonification of communication interlocutors.

Here come examples reflecting the strategies of negative politeness/ The given examples are presented in Table 2. The majority of them is connected with the realization of a type of behavior expressed in the utterance formula in a soft (polite) form.

Table 2

Types of behavior in the frames of realizing the strategies of negative politeness

CONTEXT	FUNCION
«А успеваемость его при этом снижается, вот что получается» — lit.: “And at this the academic progress lowers: this is the outcome” [From a talk with a parent]	An intention to soften the utterance
«Ну как Вам сказать, конечно, это немного бестактно» — lit.: “Well, what could I tell you, of course it’s a bit tactless” [From a dialogue of a teacher and a parent]	Softening the utterance
«Понимаете ли, какое дело, он иногда бывает груб» — lit.: “Could you imagine that sometimes he behaves rude” [From a dialogue of a teacher and a parent]	Softening the utterance
«Это был глупый поступок, мягко выражаясь» — lit.: “Softly speaking, it was a silly act” [A teacher addressing to a pupil]	An intention to underline his own reticence in evaluating somebody’s else behavior
«Он, безусловно, очень способный. Но, к сожалению, мало старается» — lit.: “Of course, he’s very smart, but, it’s a pity, he makes little effort” [From a dialogue of a teacher and a parent]	Softening the utterance
«Конечно, Вам это лучше знать» — lit.: “Of course. You’d know it better” []	Raising of an addressee’s position
«Разумеется, Вы это представляете себе лучше» — lit.: “Certainly, you’d imagine it better” [From a dialogue of a teacher and a parent]	Raising of an addressee’s position
«Конечно, Вы правы» — lit.: “Of course, you’re right” [From a dialogue of a teacher and a parent]	Raising of an addressee’s position
«Я с Вами совершенно согласна» — lit.: “I absolutely agree with you” [From a dialogue of a teacher and a parent]	Raising of an addressee’s position

And the examples of Table 2 reflect the realization of different types of behavior in the frames of the negative politeness strategies, namely: formulating utterances in a soft (polite) forms; demonstrating respect by lowering self-esteem and raising an addressee’s position; intending to underline self-reticence in the evaluation of somebody’s else behavior.

Establishing the relations of cooperation to a larger extent depends on the understanding of national-and-cultural specifics of the category of politeness and the strategies of its realization in the business discourse. It’s worth mentioning that the category of politeness and the rules to use it are rather complicated in various

cultures. However, the principle of politeness is applied in any situation, e.g., while interrupting a talk in business communication. At present there are two approaches to describe the situation of interrupting talks in business communication. In the first case, the interrupting is treated as an impolite speech act. S.Yu. Turina stresses the fact that according to the opinion of western researchers a party interrupting communication is viewed as an aggressor, and an interlocutor being interrupted is a party which suffered [23. P. 222].

N.H. Hien remarks that to establish the rules politeness, just a fact of interrupting talks one should possess the following data about the interlocutors and situation: the topic and length of the talks, their interrelations and the attitude to the fact of the interrupting, and most important, what's the aim of the one interlocutor to interrupt the other (s) [24. P. 125–126].

From the point of view of T.P. Tretyakova, the interrupting could mean a strategy to control a dialogue [25. P. 18]. It's useful to turn to the discussed in the study of I.E. Petrova situation which is connected with the description of some problems of a communication of a social worker with his client. Listening attentively to his client, the social worker doesn't always have a chance to direct a free talk into the necessary course. Sometimes such situation is due to a fear of offending a person just interrupting his story. I.E. Petrova proposes to solve such situations by asking direct questions about what a client expects of the meeting with a social worker:, in particular: *What do you think, what kind of aid we could render to you? Or: Tell us, please, what the reason is you've come to us? How could we help you?* [26. P. 92–108].

The answers to such questions help clear out the essence of the problem concerning which a client has turned up, because, according to the opinion of the researcher, the interrupting of a dialogue in this situation is appropriate.

Anyway, the issue of interrupting a talk in business communication is ambiguous. In accordance with the general rule of politeness, carrying out business talks should be maintained on the basis of demonstrating mutual correctness of the parties involved while a speaker is given ample possibility to speak out his point of view. In other words, the interrupting of talks both in business or interpersonal communication is a fact of rudeness and breaking the rules of politeness. However, business communication has got its own specifics, and the fact of the situation of active discussion of a problem could give the evidence of the interest of all the participants of the talks. Besides, a lot of things depend on the context of communication. For example, sometimes it's absolutely necessary to interrupt an interlocutor to direct the talks to a proper course which could be primarily of the interest of an interlocutor himself.

While solving the issue of appropriateness or non-appropriateness of interrupting the talks, one should take into consideration the specifics of cultural environment as well as the specifics of behavioral models adopted in the society. Finally, and it's

worth mentioning, that in any situation the interrupting of the talks in the business communication sphere should be accompanied with the use of linguistic means of expressing politeness. Let's give some examples of politeness formulas which could be useful in course of interrupting the talks: *I beg your pardon, Excuse me for interrupting you, Please, excuse me, Let me precise, please, etc.*

So, politeness is an important constituent of business communication, and the strategies of speech behavior are determined by cultural specifics. Various approaches to understanding politeness are based on different cultural values of this or that society and depend on the adopted models of social behavior.

Lexical means to express politeness

The analysis of linguistic means to verbalize politeness was carried out by applying the systematization and classification methods. According to the structure of main language domains, linguistic means to verbalize politeness could be divided into lexical, morphological and syntactic ones. We'd start to analyze linguistic means to express politeness in business papers written in Russian from the lexical language layer. As E.P. Ryashevskaya states, the most typical lexical means to express politeness are lexemes with the meaningful components of request, respect, and acknowledgement in their semantic structure.

In correspondence with the etiquette norms of business letters, while addressing to a few people, e.g., representatives of a company there are used addressing "Уважаемые господа!" in Russian and "Dear Sirs" in English. When there is a common sphere of business and mutual professional interests the addressing is "Уважаемые коллеги!"/"Dear colleagues!". In case business relations are well maintained, it's proper to address using names and patronymic names (In Russian) obligatory adding the adjective "уважаемый"/"dear". More official variation is the addressing by surname also adding the adjective "уважаемый"/"dear" and the noun "господин" or "Госпожа"/"Sir" or Ms.

If the addressing refers to an official and concerns his official regulations and the surname of the official is not known for an addresser of a business letter it's appropriate addressing him by the name of the position occupied [27. P. 32].

The addressing is followed by the main part (see the following example):

Уважаемый Иван Федорович!

Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за интерес, проявленный к продукции, производимой нашим предприятием. Надеюсь, что Вы будете полностью удовлетворены ее качеством. В соответствии с условиями поставки первая партия продукции, объем которой предусмотрен п. 5 заключенного между нами договора, будет доставлена Вам 5 декабря 2021 года. Заверяю Вас, что все оговоренные условия поставки будут неукоснительно соблюдаться в течение всего периода действия договора.

С уважением, директор ООО «Пластпром» О.А. Вишняков.

(In English:

Dear Ivan Feodorovich!

Let us primarily thank you for the interest in the production manufactured by our enterprise. I hope that you'd be completely satisfied with its quality. According to the shipment conditions, the first block of the produce of the volume previewed in p.5 of the agreement concluded between our parties will be shipped to your company 5, Dec., 2021. I assure you that all the shipment condition discussed before would be observed to the letter during the whole validity term of the agreement/

Sincerely Yours,

OOO "Plastprom" Director

O.A. Vishnyakov).

The closing part of the business letter contains a Russian lexeme ‘*С уважением*’ (*Sincerely Yours* — in English). It's the most widely spread variations among the similar type of cliché expressions. It also has some variations in Russian: «*искренне Вам*», «*с уважением и благодарностью*», «*заранее Вас благодарю*».

To sum up, business letters in Russian consist of three main sections: addressing, main part and signature. Each of the sectors named above is characterized by a proper set of lexical means which, firstly, have to correspond to the topic of the letter; secondly, they might be used in variations. Proceeding from the said above one could conclude that in Russian the category of politeness is realized on the basis of various lexical means.

Morphological means to express politeness

As was said above, the realization of the concept of politeness is essentially revealed in the frames of the cognitive function. In a number of classifications this function is named the appellative or persuading function. At this, the cognitive function could interact with the emotive and phatic functions. The mentioned peculiarities exert the influence on the content and structure of grammatical constructions by means of which the concept of politeness is realized. Quite a largely used morphological means to express politeness in Russian language business communication is the Imperative Mood of verbs. For example, «*решите вопрос*» (*Solve the problem!*), «*рассмотрите эту проблему*» (*Review the question!* As I. Zamani and J.N. Sheikhi mention, the Imperative Mood in Russian has a vast range of meanings and in particular the motivation for an action (radical, neutral and softened); request, to fulfil some action, order, vocation, advice, etc. [28. P. 176].

Let's emphasize the fact that the realization of politeness is made in the frames of the language cognitive function and the mostly widely used form to render the conative function is the use of verbs in the Imperative Mood, because the content of the conative function contains the intention to influence an interlocutor.

However, proceeding from the carried out analysis of business letters of request, T.V. Khomutova, A.K. Shaban and B.G. Fatkulin made a conclusion that for letters on requests isn't typical to use verbs in the Imperative Mood without accompanying

lexical or syntactical means due to the fact that verbs in the form of the Imperative Mood more often express an order [29. P. 27–29]. Using additional lexical and syntactical means softens the expression transforming an order into a request. The most widespread variation is the use of the word «пожалуйста» (please) as a consensual to a verb in the Imperative, e.g., expressions like «не сочтите за труд» (*it'd be so kind of you*), «будьте добры» (*Be so kind*), etc.

To a more greater extent, the doubling of lexical means to express politeness make milder the form of the Imperative Mood rendering the order, e.g., «будьте так добры, пожалуйста» (*be so kind, please*); «будьте любезны» (*be so gracious*), etc. However, N.A. Karban' stresses the fact that the pattern matching politeness and categoricalness sometimes doesn't work in the Russian communicative culture because there categoricalness doesn't always contradict the rules of politeness. For example, the invitation «очень буду ждать» (I'll be looking forward to it), «отказа не принимаю» (please, no refusals) are polite and at this, categorical and insisting [30. P. 13–16].

T.V. Larina even remarks that the Russian communicative style is characterized with a greater degree of informality, with a lesser degree of social distancing to compare with those European ones. Within such a style of interrelations the categoricalness doesn't break the rules of politeness [31. P. 205].

Let's give following examples:

«А после напишете проверочную работу» [Обращение учителя к классу].
(*And afterwards, please, write a test* [Teacher's addressing to the class];

«После третьего урока пройдете в зал. Вот таким образом» [Обращение учителя к ученикам] (*After the third period, please, go to the hall. Just like this.* [Teacher's addressing to the pupils];

«А сейчас вы выполните самостоятельное задание. Поехали!» [Обращение учителя к классу] (*And now, please, make an individual task. Come on!*) [Teacher's addressing to the class];

«Я прошу тебя больше этого не повторять. Вот так вот» [Обращение учителя к ученику]. (*I ask you don't repeat it once again, please. This is that*) [Teacher's addressing to a pupil]

So, the mentioned above peculiarity is determined by the specifics of the Russian tradition and social behavioral models. The politeness of a request could be emphasized by the conventionality of action previewed, e.g., «если Вас не затруднит, сделайте, пожалуйста» (*If it's of no problem to you, please, do it*); «если Вы сможете выполнить это задание к пятнице, буду Вам очень признателен» (*If you could fulfil the task by Friday, I'll be really grateful to you*); «если Вы будете так любезны, Вы окажете мне большую услугу» (*If you'd be so kind, please, you'd do a great favor to me*).

One more morphological means to express politeness is the use of verbs in the Subjunctive Mood, e.g., «было бы прекрасно, если бы Вы это сделали»

(*It would be so nice of you if you'd do it*). The Subjunctive Mood adds to a request the semantics of desirability thus lessening the categoricalness of ordering.

In this way, in Russian the main morphological means to express politeness in business communication are verbs in the Imperative and Subjunctive Mood forms combined with additional lexical and syntactical means of politeness.

Syntactical means to express politeness

The formation of syntactical constructions to express the category of politeness is also taking place in accordance with the place of the concept of politeness in the system of linguistic functions. At the syntactical level the linguistic means to express politeness are represented by the combinations of modal verbs with the infinitives of meaningful verbs and various types of sentences. T.N. Khomutova, A.K. Shaban and B.G. Fatkulin underline that the semantic structure of modal verbs used to include a component of “permitting physical or mental ability” which makes the meaning of politeness relevant [29. P. 27–29]. These researchers give an example of syntactical means to express politeness speaking about the combination of a modal verb «*мочь*» (*can*) and a meaningful verb infinitive in question sentences, e.g., «*я могу попросить Вас выполнить это?*» (*Could I ask you to make it?*); «*я могу надеяться на Вас?*» (*Could I rely on you?*); «*я могу попросить Вас прийти к семнадцати часам?*» (*Could I ask you to come by 7 pm?*).

In the opinion of N.I. Formanovskaya, an indirect polite request could be rendered by means of various question structures which could contain modal verbs, e.g., «*Вам не трудно выполнить это?*» (*Would it be normal for you to do it?*), «*Вы не сделали бы это?*» (*Could you possibly do it?*) and the like. [32. P. 67–72].

It should be important to precise the role of exclamatory sentences which, in particular, help forming an addressing to an addressee in the sphere of business communication. Characterizing the potential of exclamatory sentences in the plane of expressing the concept of politeness, one should underline that one of their meaningful constituents makes a communicative purpose to influence upon an addressee which is to realize the intention to persuade him in your own respectful attitude towards him/her.

Let's give some examples:

«*Уважаемый Иван Сергеевич!*» (Dear Ivan Sergeevich!)

«*Уважаемые коллеги!*» (Dear colleagues!)

«*Уважаемые господа!*» (Dear Sirs!)

«*Уважаемый господин Кравцов!*» (Dear Sir Kravtsov!)

«*Уважаемый руководитель предприятия!*» (Dear Head of the Enterprise...!).

In such a way, the Russian language on its every level possesses characteristic means to express politeness. Lexical means to express politeness include lexemes with meaningful components of respect, request, and acknowledgement. The

morphological means to express politeness contain verbs in the Imperative and Subjunctive Moods in combination with various lexical and syntactical means depending on the topics of business communication. The syntactical means to express politeness involve combinations of modal verbs with infinitives and rely on syntactical types of sentences (questions, conditional phrases, etc.) which help express in a letter of request a shade of politeness.

As the analysis revealed, the Russian language typically and regularly uses complexes of means to express politeness, and as a rule, involves linguistic means of all the three levels — lexical, morphological, and syntactical. This evidence is caused by interrelation and interconnection of all language's levels. Thus, the phonetical level determines the physical presentation of meaningful units of all the levels. Lexical structure involves the whole bulk of words and word collocations. The grammar structures bring together the regularities to construct utterances in course of any act of speech.

Conclusion

According to the aim and tasks of the study, there were analyzed the peculiarities of the realization of the concept of politeness in the system of linguistic functions, and observed the strategies of speech behavioral negative and positive politeness in the sphere of business communication. There were also analyzed lexical, morphological and syntactical means to express politeness in the sphere of business communication in the Russian language.

On the basis of the carried out analysis of the content of the main language's functions there was made a conclusion that the category of politeness is realized in the frames of the linguistic communicative function. Peculiarities of its realization in the frames of more special communicative functions correlating with the spheres of communication are reflected in various researchers' classifications. The majority of linguists refer the concept of politeness to the sphere of the cognitive function of language the essence of which lies in the intention to influence an addressee, in this case — persuade him/her in respectful attitude to him/her. Researchers naming the function of this essence use different terms (e.g., the volutative function of language or the influencing function, etc.). It's worth to underline that the realization of the concept of politeness could be connected both with the phatic (oriented to the contact) and appellative, and regulative functions because all the functions of language exist as interconnected.

Proceeding from the analysis of the strategies of speech behavior and according to the rules of politeness there was made a conclusion that politeness is the important constituent of business communication, and the strategies of speech behavior are based on the differences and varieties of cultural values of this or that society, and depend on the social behavior models adopted by it. We have analyzed strategies of positive and negative politeness which in their cores are opposite to one another.

If the courses of behavior lying in the basis of the first type of politeness and are connected with involving an interlocutor in the talks, rendering attention to him/her, the second strategy contains the behavioral courses connected with giving an interlocutor independence of communication. In the study we have analyzed a number of examples of the strategies named.

According to the results obtained in course of the analysis of linguistic means used to express politeness in the sphere of business communication for the Russian language the conclusion was made concerning the fact that the Russian language on its every level contains typical means to express politeness. Lexical means to express politeness involve lexemes with meaningful components of respect, request and acknowledgment. Morphological means to express politeness contain verbs in the Imperative and Subjunctive Moods in combination with various lexical and syntactical means depending on the topics of business communication. As to syntactical means to express politeness, they are the combinations of modal verbs with infinitives and syntactical types of sentences (questions, conditional phrases, etc.) which help a letter of request to attain the shade of politeness. It's also necessary to mark the role of exclamatory sentences which, in particular, are used to formulate an addressing to an addressee in the sphere of business communication. It's worth mentioning to be one of the constituents of their content a specific communicative purpose to influence on an addressee, i.e., to realize the intention to persuade him/her in your own respectful attitude to him/her.

In course of the analysis of linguistic means to express politeness we emphasized once and again that their peculiarities to a greater extent are motivated by the peculiarities of realizing the concept of politeness in the system of language's functions, that the category of politeness is closely connected with the conative (persuading) function of language.

As the carried our analysis shown, for the Russian languages more characteristic is a complex use of linguistic means to express politeness, and, as a rule, there are involved linguistic means of all the three language's levels — lexical, morphological, and syntactical.

References

1. Brown, R. & Gilman, A. (1989). Politeness theory and Shakespeare's four major tragedies. *Language in society*, 18(2), 159–212.
2. Lakoff, R.T. (1973). The logic of politeness: Or, minding your p's and q's. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 9(1), 292–305.
3. Goffman, E. (1955). On face-work: An analysis of ritual elements of social interaction. *Psychiatry*, 18(3), 213–231.
4. Brown, P. & Levinson, S. (2009). Modelling linguistic politeness (II): Brown and Levinson and their critics. In: *Politeness*, R.J. Watts (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press. pp. 85–116.
5. Fraser, B. (2005). Wither politeness. In: *Broadening the horizon of linguistic politeness*, R.T. Lakoff & S. Ide (Eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. pp. 65–83.

6. Janney, R.W. & Arndt, H. (1993). Universality and relativity in cross-cultural politeness research: A historical perspective. *Multilingua — Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, 12(1), 13–50.
7. Formanovskaya, N.I. (1998). *Communicative pragmatic aspects of communication units*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Publ. (In Russ.).
8. Leech, G. (2007). Politeness: Is there an East West divide? *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 3(2), 167–206.
9. Lakoff, R.T. (1990). Talking power: The politics of language in our lives. *Language in Society*, 18(2), 159–212.
10. Larina, T.V. (2015). Pragmatics of Emotions in Intercultural Context. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 144–163.
11. Holmes, J. (2006). Politeness strategies as linguistic variables. In: *Encyclopedia of Language & Linguistics*, E.K. Brown (Ed.). Elsevier. pp. 684–697.
12. Karasik, V.I. (2002). *The language of social status*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
13. Shaban, A.K. & Khomutova, T.N. (2019). Semantics of Politeness in Different Linguocultures: Universal and Culture-Specific Characteristics. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5(1), 85–95. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8> (In Russ.).
14. Gak, V.G. (1985). To the typology of functional approaches to language learning. In: *Problems of functional grammar*. Moscow: Nauka. pp. 3–15.
15. Drofa, S.Yu. (2015). To the Problem of Classification of Language Functions. *Omsk Scientific Bulletin*, 3(139), 73–77. (In Russ.).
16. Kobrina, N.A., Boldyrev, N.N. & Khudyakov, A.A. (2007). *Theoretical grammar of modern English*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
17. Vinogradov, V.A. (Ed.). (2001). *Introduction to linguistics*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
18. Sokolov, A.V. (2002). *General theory of social communication*. St. Petersburg: Mikhailova V.A. Publ. (In Russ.).
19. Halliday, M. (1971). Linguistic Function and Literary Style: An Inquiry into the Language of William Golding's *The Inheritors*. In: *Literary style: A symposium*, S. Chatman (Ed.). Oxford: Oxford University Press. pp. 330— 368.
20. Mamushkina, S.Y. (2016). Communicative Relevance of Linguistic Functions. *Baltic Humanitarian Journal*, 5 (4(17)), 84–87. (In Russ.).
21. Kurakina, N.A. (2016). *The pragmatic aspect of complimentary statements (based on the material of Anglo-American fiction)* [dissertation]. Arkhangelsk. (In Russ.).
22. Tyurina, S.Y. (2008). Discursive markers of politeness in business communication. *Vestnik IGEU*, 1, 92–95. (In Russ.).
23. Tyurina, S.Y. (2008). About polite interruption of a business conversation. *Almanac of Modern Science and Education*, 2(9), 221–224. (In Russ.).
24. Hien, N.H. (2016). Politeness and interruption of business conversation in American, Vietnamese and Russian cultures. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 125–129. (In Russ.).
25. Tretyakova, T.P. (1984). *Functional and semantic components of children's dialogic speech (based on the material of modern English)* [dissertation]. Leningrad. (In Russ.).
26. Petrova, I.E. (2017). Social Work Client or Recipient of Social Services: Religious and Secular View. *PNRPU Sociology and Economic Bulletin*, 2, 92–108. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.2.7> (In Russ.).
27. Rashevskaya, E.P. (2012). *Business Russian textbook*. Kostroma: KSTU Publ. (In Russ.).
28. Zamani, I. & Sheikhi, J.N. (2017). Verbal Mood As A Medium Of The Politeness Category In Russian And Persian. *SibScript*, 4, 175–180. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-175-180>. (In Russ.).

29. Khomutova, T.N., Shaban, A.K. & Fatkulin, B.G. (2019). Linguistic Exponents of Politeness in Business Request Letters: A Contrastive Study (English, Arabic and Russian). *Bulletin of The South Ural State University. Series: Linguistics*, 16(2), 27–35. <https://doi.org/10.14529/ling190204> (In Russ.).
30. Karaban, N.A. (2009). Interaction of the category of politeness with other grammatical categories (on the example of business letters). *Grani poznaniya*, 1(2), 29–32. (In Russ.).
31. Larina, T.V. (2003). *The category of Politeness in the Aspect of Intercultural Communication. On the material of English and Russian Communicative Cultures* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
32. Formanovskaya, N.I. (1984). Ways of expressing a request in Russian (a pragmatic approach). *Russian Language Abroad*, 6, 67–72. (In Russ.).

Библиографический список

1. Brown R., Gilman A. Politeness Theory and Shakespeare's Four Major Tragedies // *Language in Society*. 1989. № 18(2). P. 159–212.
2. Lakoff R.T. The Logic of Politeness: Or, Minding Your p's and q's // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 1973. № 9(1). P. 292–305.
3. Goffman E. On face-work: An analysis of ritual elements of social interaction // *Psychiatry*. 1955. № 18(3). P. 213–231. <https://doi.org/10.1080/00332747>
4. Brown P., Levinson S. Modelling linguistic politeness (II): Brown and Levinson and their critics // *Politeness*. R.J. Watts (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 85–116.
5. Fraser B. Wither politeness // *Broadening the horizon of linguistic politeness*. R.T. Lakoff & S. Ide (Eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 65–83.
6. Janney R.W., Arndt H. Universality and relativity in cross-cultural politeness research: A historical perspective // *Multilingua — Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*. 1993. № 12(1). P. 13–50.
7. *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1998.
8. *Пивяка Г.* Вежливость: есть ли разделение между Востоком и Западом? // *Журнал исследований вежливости: язык, поведение, культура*. 2007. № 3(2). С. 167–206.
9. Lakoff R.T. Talking power: The politics of language in our lives // *Language in Society*. 1990. № 18(2). P. 159–212.
10. *Ларина Т.В.* Прагматика эмоций в межкультурном контексте // *Russian Journal of Linguistics*. 2015. № 1. С. 144–163.
11. Holmes J. (2006). Politeness strategies as linguistic variables. In: E.K. Brown (Ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Elsevier. pp. 684–697.
12. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.
13. *Шабан А.К., Хомутова Т.Н.* Семантика понятия «вежливость» в различных лингвокультурах: универсальное и культурно-специфическое // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2019. Т. 5. № 1. С. 85–95. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8>
14. *Гак В.Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // *Проблемы функциональной грамматики*. М.: Наука, 1985. С. 3–15.
15. *Дрофа С.Ю.* К проблеме классификации функций языка // *Омский научный вестник*. 2015. № 3(139). С. 73–77.
16. *Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.
17. *Виноградов В.А.* (отв. ред.). *Введение в языковедение*. М.: Аспект Пресс, 2001.
18. *Соколов А.В.* *Общая теория социальной коммуникации*. СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2002.

19. *Halliday M.* Linguistic Function and Literary Style: An Inquiry into the Language of William Golding's *The Inheritors* // *Literary style: A symposium*, S. Chatman (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1971. P. 330— 368.
20. *Мамушкина С.Ю.* Коммуникативная релевантность языковых функций // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 4(17). С. 84–87.
21. *Куракина Н.А.* Прагматический аспект комплиментарных высказываний (на материале англо-американской художественной литературы): дисс. ... кандидата филологических наук. Архангельск, 2016.
22. *Тюрина С.Ю.* Дискурсивные маркеры вежливости в деловом общении // *Вестник Ивановского государственного энергетического университета*. 2008. № 1. С. 92–95.
23. *Тюрина С.Ю.* О вежливом прерывании делового разговора // *Альманах современной науки и образования*. 2008. № 2(9). С. 221–224.
24. *Хиен Н.Ч.* Вежливость и прерывание делового разговора в американской, вьетнамской и русской культурах // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. № 3. С. 125–129.
25. *Третьякова Т.П.* Функционально-семантические составляющие детской диалогической речи (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
26. *Петрова И.Э.* Клиент социальной работы или получатель социальных услуг: взгляд профессиональный и светский // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2017. № 2. С. 92–108. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.2.7>
27. *Рацевская Е.П.* Деловой русский язык. Кострома: Изд-во КГТУ, 2012.
28. *Замани И., Шейхи Дж.Н.* Глагольное наклонение как средство выражения категории вежливости в русском и персидском языках // *СибСкрипт*. 2017. № 4. С. 175–180. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-175-180>
29. *Хомутова Т.Н., Шабан А.К., Фаткулин Б.Г.* Лингвистические средства выражения вежливости в деловом письме-просьбе: контрастивное исследование (на материале английского, арабского и русского языков) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2019. Т. 16. № 2. С. 27–35. <https://doi.org/10.14529/ling190204>
30. *Карабань Н.А.* Взаимодействие категории вежливости с другими грамматическими категориями (на примере деловых писем) // *Грани познания: Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ*. 2009. № 1(2). С. 29–32.
31. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации. На материале английской и русской коммуникативных культур: дис. д-ра филол. наук. М., 2003.
32. *Формановская Н.И.* Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // *Русский язык за рубежом*. 1984. № 6. С. 67–72.

Information about the authors:

Vladimir N. Denisenko, D.Sc. in Philology, Professor, Head of the Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, RUDN University; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Nazerke Yergazy, Postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, RUDN University
ORCID: 0000-0003-4346-983X; *e-mail*: naz_erke9898@inbox.ru

Mikhail A. Rybakov, PhD in Philology, Assistant Professor, Assistant Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, RUDN University; *Research interests*: linguistic typology, contrastive semantics; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-9444-388; eLIBRARY SPIN-код 6890–700; Scopus ID: 57200527717

Сведения об авторах:

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Ергазы Назерке, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: naz_erke9898@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-4346-983X

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: лингвистическая типология, сопоставительная семантика; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-9444-388; eLIBRARY SPIN-код 6890–700; Scopus ID:57200527717

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615

EDN: OSAIRD

УДК [811.161.1:811.133.1:811.512.37]’373

Научная статья / Research article

ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков

Н.Ю. Нелюбова¹ , О.В. Ломакина¹ , С.В. Мирзаева²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Калмыцкий научный центр РАН,
358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. И.К. Илишкина, 8

 rusoturisto07@mail.ru

Аннотация. Паремиологический фонд языка эксплицитно или имплицитно выражает информацию о системе ценностей народа. Исследование посвящено описанию труда как ценности европейских и азиатских народов на паремиологическом материале. Новизна исследования заключается в том, что на основе анализа аутентичных словарей паремий были выделены основные семантические доминанты русских, французских и калмыцких паремий о труде, а также языковые средства репрезентации данной ценности, обусловленные как универсальными чертами, так и спецификой изучаемых лингвокультур. Путём сплошной выборки из опубликованных и рукописных паремиографических источников была составлена авторская картотека, насчитывающая около 1000 единиц. Наиболее репрезентативные примеры послужили иллюстративным материалом исследования, при описании которого использовался описательно-аналитический метод, а также получившие в последние годы теоретическое обоснование лингвоаксиологический и лингвокультурологический методы. Сопоставительный анализ показал, что в трех лингвокультурах доминирует положительное отношение к труду, который представляет собой ценность, противопоставляемую лени и безделью, выступающих в паремиях как антиценности. В качестве основных аксиологических доминант были установлены следующие: связь труда и жизни в достатке, необходимость стараний и усилий в труде, оценка трудовой деятельности по ее результатам. Важная функция принадлежит компонентам паремий, связанным с трудом (наименования профессий и рода занятий, атрибутов труда, обладающих определенной символикой), посредством образов передаются модели поведения человека. Упоминание данных компонентов связано с развитием разных видов трудовой деятельности, которые были развиты в период создания паремий. Во французских паремиях акцент делается на том, что труд — ценность, приносящая материальный достаток, в них ценится индивидуальный труд, а не коллективный, что связано с направленностью европейской

© Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

французской культуры, относящейся к индивидуалистскому типу, что совершенно не является характерным для евроазиатской русской и азиатской калмыцкой культур. Среди аксиологических маркеров были выделены средства разных языковых уровней: особая ритмическая организация текста; лексемы с оценочной семантикой; прием повтора и использование контраста, позволяющего, в частности, выразить сценарии поведения через антисценарии, специфические грамматические конструкции. В русских поговорках к средствам выражения оценки можно отнести имена собственные с суффиксом субъективной оценки *-к-*, во французском и калмыцком материале такие аксиологические маркеры отсутствуют, что связано с типологическими особенностями рассматриваемых языков.

Ключевые слова: лингвоаксиология, поговорка, поговорка, русские поговорки, французские поговорки, калмыцкие поговорки

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН. Исследование частично проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-78-10152 «Корпус старокалмыцких текстов на «ясном письме» на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия».

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Нелиубова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале поговорок русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595–615. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs

Natalia Yu. Neliubova¹ , Olga V. Lomakina ¹ , Saglara V. Mirzaeva²

¹RUDN University,

6, Miklukho-Maklaya Str, Moscow, Russian Federation, 117198

²Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

8, Ilishkina Str, Elista, Kalmyk Republic, 358000

 rusoturisto07@mail.ru

Abstract. The paremiological fund of language either explicitly or implicitly expresses information about the value system of the people. The study is devoted to the description of labor as a value of European and Asian peoples on the basis of paremiological material. The novelty of the study lies in the fact that, proceeding from the analysis of authentic dictionaries of proverbs, the main semantic dominants of Russian, French and Kalmyk proverbs about labor were identified, as well as linguistic means of representing this value, due to both — universal features and the specifics of the studied linguistic cultures. Through a continuous selection of published and handwritten paremiographic sources, the author's card file was compiled, numbering about 1000 items. The most representative examples served as illustrative material for the study, in the description of which the descriptive-analytical method was used, as well as the linguo-axiological and linguo-culturological methods which have received theoretical justification in recent years. Comparative analysis showed that in the three linguistic cultures

a positive attitude towards labor dominates, which is a value opposed to laziness and idleness, which act as anti-values in proverbs. The following were established as the main axiological dominants: the connection between work and life in abundance, the need for effort and effort in work, the assessment of labor activity based on its results. An important function belongs to the components of proverbs related to labor (names of professions and occupations, attributes of labor that have certain symbols), through images, models of human behavior are transmitted. The mentioning of these components is associated with the development of various types of labor activity that were developed during the creation of proverbs. In French proverbs, the emphasis is made on the fact that labor is a value bringing material wealth, they value individual labor, and not the collective one, which is associated with the orientation of European French culture, belonging to the individualist type, being not at all the characteristic of the Eurasian Russian and Asian Kalmyk cultures. Among the axiological markers, the means of different language levels were singled out: a special rhythmic organization of the text; lexemes with evaluative semantics; the reception of repetition and the use of contrast, which allows, in particular, to express scenarios of behavior through anti-scripts, specific grammatical constructions. In Russian proverbs, proper nouns with the suffix of subjective evaluation *-к-* can be attributed to the means of expressing evaluation; in French and Kalmyk material, such axiological markers are absent, due to the typological features of the languages under consideration.

Keywords: linguistic axiology, proverb, paremia, Russian proverbs, French proverbs, Kalmyk proverbs, labor

Financing. Acknowledgement:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022. The study was partially funded by Russian Science Foundation, project № 22-78-10152 “Corpus of Old Kalmyk Clear Script Texts on the Lingvodoc Linguistic Platform: New Approaches to the Digitization of Written Heritage”.

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Neliubova, N.Yu., Lomakina, O.V. & Mirzaeva, S.V. (2023). LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 595–615. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Введение. Постановка проблемы

В последние десятилетия сравнительно-сопоставительные исследования в основном предполагают описание языковых единиц на предмет определения общего с другими языками и специфического (прежде всего национально маркированного), особенностей использования в текстах различной функционально-стилистической направленности [1–3]. Вместе с тем в основе подобных исследований традиционно лежал сравнительный подход, применяемый к родственным языкам и опирающийся на их системные свойства [4].

Системность как черта представителей Московской фонологической школы была характерна и для работ А.В. Широковой. В трудах А.В. Широковой сопоставительное исследование разноструктурных языков проводится на фонологическом и морфологическом уровнях с опорой на идеи Московской фонологической школы. Стержневым принципом описания является морфологический

критерий. Анализ проведен на обширном языковом материале, охватывающем не только языки одной группы и их эволюцию [5], но и различные языки в пределах индоевропейской семьи, где одной из главных типологических черт является целостность слова в отличие от языков агглютинативного типа [6–8].

Под влиянием традиций компаративистики, фактически официально одобренной лишь в сер. XX в., сегодня активно изучаются связи родственных и неродственных языков [9; 10], а также развиваются такие новые направления языкознания, как сравнительно-сопоставительная лингвоаксиология и лингвокультурология [11–13], причём нередко исследователи привлекают материал разноструктурных языков [14; 15].

Сравнительно-сопоставительная аксиопаремиология [16] опирается на постулаты лингвоаксиологии и ставит целью выделение ценностных констант и семантических доминант паремиологических фондов языков, при этом материалом исследования нередко становятся паремиографические издания, построенные по тематическому принципу [11].

Цель исследования — описать *труд* как ценность в паремиологии неродственных русского, калмыцкого и французского языков, представив семантические доминанты, позволяющие, во-первых, представить место данной ценности в иерархии ценностей определённого народа, во-вторых, определить универсальное и национально-специфическое в понимании труда и отношения к нему. Выбор трёх разных лингвокультур, отличающихся как вероисповеданием их представителей, заложенных в религиозных кодексах, влияющих на систему норм и запретов, так и типом самой культуры (евроазиатская русская, азиатская калмыцкая, европейская французская)

Методология исследования

При анализе эмпирического материала использовался традиционный описательно-аналитический метод, а также получившие теоретическое обоснование в последние годы лингвоаксиологический и лингвокультурологический методы. Данная статья продолжает работы авторов по комплексному изучению паремиологических систем разноструктурных языков и опирается на понимание паремиологии как раздела лингвистики [17–20], лингвокультурологического описания паремий как одного из аспектов сопоставительной паремиологии [20–22] и аксиопаремиологии как направления лингвоаксиологии [16; 23].

Материал исследования

Авторская картотека собрана приёмом сплошной выборки из опубликованных и рукописных паремиографических сборников русского, калмыцкого и французского языков. Для иллюстрации основных семантических доминант и характеристика труда как ценности отобрано около 1000 пословиц.

Сборник «Народная мудрость» (2011) В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [24] создан по тематического принципу и является своего рода «дайджестом» более известного «Большого словаря русских пословиц» (2010) В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой, включающего около 70 тыс. паремий. Рубрика «Труд и безделье» представляет дихотомические понятия для русского языкового сознания и включает 683 паремии.

Из французского словаря пословиц и поговорок «Dictionnaire de proverbes et dictons» F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni (2006) [25] был взят интересующий нас раздел пословиц, выстроенный по тематическому принципу и включающий 2141 единицу, где пословицы о труде представлены в рубриках «Le travail de la terre» (земледелие) — 89 пословиц и «Métiers et monde du travail» (ремесла и мир труда) — 47 пословиц.

Калмыцкий фонд анализируемых паремий составил 185 единиц: здесь привлекался фольклорный материал, зафиксированный среди донских калмыков в 90-е гг. XIX в. собирателем калмыцкого фольклора И.И. Поповым, поскольку он записан на «ясном письме» (тодо бичиг) и входит в базу данных старокалмыцких текстов, создаваемую в рамках научного проекта РФФ «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия». Рукописный труд И.И. Попова под названием «Пословицы и поговорки донских калмыков», опубликованный Д.В. Убушиевой и др., включает 185 образцов в записи на тодо бичиг и переводе на русский язык [26. С. 102–137]. Отдельную ценность представляют также включенные в приложения к данному изданию примечания И.И. Попова, в которых приводятся кириллические транскрипции калмыцких текстов, объяснения значений отдельных слов, в некоторых случаях — толкования смысла паремий, возможно, записанные им со слов информантов [26. С. 232–266]. В современном издании пословицы сгруппированы по тематическим разделам, в ином порядке, чем в авторской рукописи, поэтому нумерация текстов двойная и в скобках приводится номер согласно рукописи И.И. Попова.

История вопроса

До 90-х гг. XX в. в лингвистических работах паремии традиционно рассматривались как малый жанр фольклора. В постсоветской России в связи с активной работой Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов начался расцвет фразеологии и выделение паремиологии и крылатологии как самостоятельных лингвистических направлений. Данная тенденция отразилась не только на изучении и монографическом описании русской паремиики и — шире — славянских, балтийских, германских, романских языков, но и национальных паремиологических систем России. Монографические исследования Л.Б. Савенковой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семеновки паремиологического

фонда русского языка, а также создание и публикация полного свода пословиц [27] во многом определили вектор комплексного описания паремиологических единиц в трилогии «Паремиология в дискурсе» [28], «Паремиология без границ» [29] и «Паремиология в диалоге языков и культур» [30].

Монографического исследования французских и калмыцких паремий нет, однако существуют отдельные публикации, характеризующие паремиологический фонд французов [11; 31; 32–35] и калмыков [36–39].

Преломление теории ценностей в языке опирается на поиск значимости (как положительной) конкретного понятия, его место относительно нормы. Описание системы ценностей на языковом материале паремий может проводиться в нескольких направлениях: на основе инвентаризации языковых единиц с учётом словарного материала, анкетирования или на материале текстов различной жанрово-стилистической дифференциации [16].

Ценностная диада *труд — лень* занимает определённую семантическую нишу в разных культурах вне зависимости от вероисповедания народа, что находит отражение в пословицах разных народов. В русском языковом сознании, начиная со Средневековья, труд «осмыслялся как мученический подвиг <...>, поскольку он был связан с тяжестью и страданием от прилагаемых усилий» [40. С. 289]. Впоследствии «труд для русской лингвокультурной общности стал важнейшим фактором, определяющим мировидение и миропонимание — принципом культуры» [41. С. 15].

Русские и французские пословицы о труде рассматривались в сопоставительном аспекте: русские и французы «осуждают праздный образ жизни, безделье, которое разрушает представление о благополучной и счастливой жизни, лень, которая приводит к бедности и несчастной жизни» [42. С. 9]; во французском языке положительная оценка труда «выражена в большей степени косвенными средствами и характеризуется меньшей назидательностью, чем в русском» [43. С. 169]. Пословицы о труде как одной из ценностей калмыцкой лингвокультуры рассмотрены Б.Б. Горяевой, которая делает вывод о том, что в традиционном восприятии калмыков труд расценивается как основа человеческого благополучия и первостепенная жизненная необходимость [36. С. 155].

Труд как ценность: семантические доминанты и аксиологические маркеры русской, французской и калмыцкой паремии

В анализируемом фонде русских пословиц при характеристике труда как ценности основную смысловую нагрузку, наряду с одноименной лексемой: *Поле труд любит* [24. С. 369], несут понятия *дело*: *Всякое дело мастера боится* [24. С. 362]; *Дело учит, и мучит, и кормит* [24. С. 363], *работа*: *Работа и мучит, и кормит, и учит* [24. С. 369], *Работа мастера*

любит [24. С. 369]. Антиномией труда как в языке, так и в пословичном фонде выступает лень и безделье: *Дела с бездельем не смешивай* [24. С. 363], *Лень к добру не приставит* [24. С. 383], *Человека лень не кормит, а здоровье только портит* [24. С. 386].

В русской лингвокультуре доминирует положительное отношение к труду: *Никогда никакой труд не позорен* [24. С. 368], *Труд всё побеждает, Труд всё преодолагает, Человек познаётся в труде* [24. С. 371]. Подобная семантика передаётся при помощи биномов *труд — счастье: Где труд, там и счастье* [24. С. 362].

Труд благословляется Богом: *Об ленивом рабе и Бог не печётся* [24. С. 384], *Делай дело — Божье своё само сделается* [24. С. 363].

По труду можно судить о человеке: *Сталь познаётся в огне, а человек в труде* [24. С. 370].

Успех дела зависит от стараний: *Хорошо трудиться — хлеб уродиться* [24. С. 371], *Работай до ознобу, ешь до поту* [24. С. 369], нацеленности на результат — следует ограничить дела: *Семь дел в одни руки не берут* [24. С. 370]; больше работать, а не отдыхать: *Работе время, а потехе час* [24. С. 370], *Делу время, а потехе час* [24. С. 363].

В ряде русских пословиц подчеркивается необходимость материального вознаграждения: *Всякий труд mzды достоин, За труд не бьют. А награлы дают* [24. С. 377], *Работка грязна, да денежка бела* [24. С. 370]. Пример конверсивных отношений в этой группе пословиц: *Какова плата, такова и работа — Какова работа, такова и плата* [24. С. 378].

Особую группу среди анализируемых пословиц представляет подгруппа «Ремесла и профессии», где чаще всего аксиологическими маркерами выступают прилагательные *хороший — плохой* (*Хороший пастух стада не растеряет, С хорошим поваром в полку жить — не тужить, Хороший повар сам себя хвалит* [24. С. 376]; *У хорошего садовода — хороший сад, Хорош садовник — крупен крыжовник* [24. С. 377]), *добрый* (*Добрый повар и в бою кашу сварит, Добрый повар сначала душу в котёл кладёт, а потом мясо, Добрый повар стоит доктора* [24. С. 376]), *богатый* (*Богат мельник ступком* [24. С. 375]), *счастливый* (*На счастливого охотника как из-под земли зверь идет* [24. С. 375]), существительные *молодец* (*Кузнец — молодец: что ни удар, то гривна* [24. С. 375]) и *бездельник* (*Мельник — не бездельник*: [24. С. 375]), использующиеся для характеристики лиц определённой профессии.

Ряд пословиц, репрезентирующих труд как ценность, включает имя собственное: *Портной Данило что ни шьёт, то гнило; Портной Проня шьёт да порет, Портной Пепка шьёт крепко: от пятницы до субботы без заботы* [24. С. 377], *Нашему Ванюшке всегда под ногами камушки* [24. С. 384], *У лентяя Федорки всегда отговорки* [24. С. 385], но аксиологическими маркерами можно считать лишь те имена собственные, которые включают суффикс субъективной оценки *-к-*.

В пословицах называются атрибуты труда: *соха, веретено, борона, нож* и др.: *Соха кормит, веретено одевает; Соха да борона сами не богатые, а весь мир кормят* [24. С. 370]; *Мастер глуп — нож туп* [24. С. 372].

Анализируемые французские пословицы в значительной степени отражают одну из семантических доминант французских пословиц — индивидуализм, привязанность к своей собственности и первостепенную важность личных интересов (см. также [32; 33; 35]): *Ouvrage de commun, ouvrage de nul* [25. Р. 123] / Общее дело — ничье дело; *L'homme est en enfer qui ne peut plus mettre une borne en un petit pré* [33] / Человек находится в аду, если не может поставить забор на маленьком лугу, где под адом подразумевается коллективизм [25. Р. 33]; *Chacun travaille à son métier* [25. Р. 123] / Каждый занимается своим ремеслом; *Chacun son métier et les vaches seront bien gardées* [25. Р. 123] / Пусть каждый занимается своим делом, и коровы будут в порядке. Отмечается важность хозяйского присмотра для достижения положительных результатов труда: *L'œil du fermier vaut fumier* [25. Р. 33] / Хозяйский глаз (глаз фермера) стоит навоза; *L'œil du maître vaut plus que deux mains* [25. Р. 33] / Хозяйский глаз дороже двух рук.

Во французских пословицах подчеркивается ценность труда, так как, в первую очередь, он кормит и приносит прибыль: *Il n'est si petit métier qui ne nourrisse son maître* [25. Р. 123] / Нет даже маленького ремесла, которое не прокормит своего хозяина; *Celui qui laboure le champ le mange* [25. Р. 34] / Кто вспахивает поле, тот и ест его (плоды); *Il faut semer qui veut moissonner* [25. Р. 35] / Не посеешь — не пожнешь.

Ряд паремий постулирует ценность упорного труда, который помогает справиться с самыми сложными задачами: *À faible champ fort laboureur* [25. Р. 34] / Плохому (слабому) полю — сильный пахарь; *Force paist [nourrit] le pré* [25. Р. 34] / Упорный труд питает луг. Важность любого труда и трудовой деятельности подчеркивается в паремиях *Il n'y a pas de sots métiers, il n'y a que de sottes gens* [25. Р. 123] / Нет глупых профессий, есть лишь глупые люди и *À toute peine est dû salaire* [25. Р. 125] / Всякий труд достоин оплаты.

Ряд синонимичных единиц напоминает о том, что о труде судят по его результатам: *Tant vaut l'homme, tant vaut la terre* [25. Р. 34] / Каков человек, такова и земля (рус.: *Каков пон, таков и приход*); *C'est au pied du mur qu'on voit le maçon* [25. Р. 124] / По основанию стены судят о том, каков каменщик (виден каменщик); *À l'ouvrage connaît-on l'ouvrier* [25. Р. 124] / По работе судят о работнике; *À l'oeuvre on connaît l'artisan* [25. Р. 124] / Мастера узнают по творениям.

О ценности мастерства говорят также паремии *Apprenti n'est pas maître* [25. Р. 124] / Подмастерье — не мастер; *Ce n'est pas maîtrise de faire comme les autres* [25. Р. 124] / Делать, как другие — не мастерство. О том, что представляет собой хороший и плохой работник, свидетельствуют единицы

Bon ouvrier ne viendra jamais tard à son travail [25. Р. 125] / Хороший работник на работу никогда не опоздает и *Mauvais ouvrier ne trouve jamais bon outil* [25. Р. 125] / Плохой работник никогда не находит хорошего инструмента.

Ценность труда может выражаться через осуждение безделья: *Oisiveté est mère de tous les vices* [25. Р. 125] / Праздность — мать всех пороков [43. С. 169], *Au paresseux laboureur les rats mangent le meilleur* [25. Р. 34] / У ленивого пахаря крысы съедают лучший урожай, а также через предупреждение о том, что ленивый никогда не разбогатеет [44. С. 116]: *Jamais paresse n'a acquis richesse* / Ленивость наводит на бедность и *La paresse marche lentement et trouve la pauvreté en route* / Лени ходит медленно и по дороге находит бедность, где ленивый работник представлен как плохой работник. Таким образом, анализ паремий позволяет выделить семантическую доминанту положительной оценки усилий в труде, которые приносят самый долгожданный результат: *Labeurs sans soin, labeurs de rien* [25. Р. 34] / Делать как-нибудь, так никак и не будет; *Qui sème en pleurs recueille en heur [bonheur]* [25. Р. 35] / Кто сеет в слезах, собирает в радости; *Force paist [nourrit] le pré* [25. Р. 34] (в данной пословице *force* обозначает тяжелый труд) / Тяжкий труд питает луг.

Как видно из приведенных примеров, для выражения оценочной семантики во французских паремиях о труде используется ряд языковых средств. В основном их можно отнести к универсальным аксиологическим маркерам, выражающим положительную или отрицательную оценку вне контекста. В некоторых примерах определенную коннотацию они приобретают в контексте: подробнее о данных разновидностях (см. [45. Р. 50, 55]).

Отметим следующие лексические единицы оценочной семантики: прилагательные *bon* / хороший и *mauvais* / плохой, употребленные по отношению к работнику, *sot* / глупый; наречие *bien* / хорошо; единица *le meilleur* / лучшее — существительное, образованное путем транспозиции от прилагательного *bon* / хороший в превосходной степени — в значении лучший урожай; существительные *pleurs* / плач и *bonheur* / счастье, *enfer* / ад (в аду чувствует себя тот, кто не может оградить свой участок земли) и *vice* / порок (о лени). Две последние лексемы получили отрицательную коннотацию сквозь призму религиозного восприятия действительности, послужившего основой для их дальнейшего метафорического употребления.

Отрицательную оценку во французских паремиях выражают также лексемы *paresseux* / ленивый (у которого весь урожай съедают крысы), *paresse* и *oisiveté* / лень — мать всех пороков, из-за которой наступает бедность. Примером контекстуально выраженной отрицательной оценки служит единица *commun* / общий (о деле) в силу индивидуалистской направленности французской культуры и менталитета. Наречие *tard* / в контексте *venir tard à son travail* / приходить поздно (опаздывать) на работу — также имеет в данном случае отрицательную коннотацию. Положительную оценку в контексте пословицы о хозяйском присмотре выражает лексема *fumier* / навоз, так

как он питает и удобряет землю, в результате чего она становится более плодородной.

Среди грамматических аксиологических маркеров важно упомянуть употребление неопределенно-личного местоимения *on* (*on voit* / видно, *on connaît* / узнается) как средства выражения коллективной оценки [46]. Важно отметить, что аналогичное значение выражается употреблением лексемы *chacun* / каждый в пословицах о том, что каждый должен заниматься своим делом. Подобную оценку выражают также безличный оборот *il faut* / нужно (*il faut semer* / нужно сеять в значении «нужно трудиться»), сравнительная конструкция *valoir plus* / стоить больше в пословице о том, что глаз хозяина стоит двух рук и просто глагола *valoir* / стоить в ряде приведенных выше паремий. В этом же ряду отметим безличную конструкцию *il y a* / есть, существует, выражающую общепринятую ситуацию менее категорично, путем констатации определенных фактов. В целом для французских паремий не характерна крайняя категоричность трансляции тех или иных принципов и моделей поведения, что объясняет отсутствие в них форм повелительного наклонения.

Анализ материала позволил выявить высокую частотность употребления отрицательной формы глагола: *il n'y a pas* / нет, не существует, *n'est pas maître* / не мастер, *ce n'est pas maîtrise* / это не мастерство, *ne peut plus* / больше не может, *ne viendra jamais tard* / никогда не опоздает. Аксиологический смысл передаваемой коллективной оценки усиливается в последних двух случаях отрицательными наречиями. Таковую же функцию выполняет наречие *rien* / ничто в паремии о том, что работа без старания ничего не стоит (не имеет результата), в которой аксиологическая семантика подчеркивается и употреблением предлога отрицательной семантики *sans* (*soin*) / без (заботы, старания). В подобных примерах предлагаемые в паремиях способы поведения передаются через антисценарии, акцентируя внимание на том, от чего следует защищаться, чего следует избегать или опасаться.

Важным способом передачи аксиологического смысла пословиц является прием контраста, являющийся одной из важнейших характеристик их структурной и семантической организации и обуславливающий их «восприятие и закрепление в индивидуальном и массовом сознании» [47. С. 39]. В нашем материале были выявлены некоторые примеры использования контраста: *faible* — *fort* / слабый — сильный; *il y a* — *il n'y a pas* / есть — нет, *bon* — *mauvais* / хороший — плохой; *apprenti* — *maître* / подмастерье — мастер и др.

Облегчает восприятие и запоминание пословиц, в том числе их аксиологической составляющей, специфическая ритмическая организация, особенностью которой часто является рифма. Во французских паремиях о труде она представлена следующими парами: *fermier* — *fumier* / фермер — навоз;

laboureur — le meilleur / пахарь — лучший; *soin — rien* / забота — ничто; *pleurs — bonheur* / плач — счастье; *paresse — richesse* / лень — богатство.

Аксиологическую функцию имеет также употребление в пределах одной пословицы приема повтора, в частности показателен повтор единиц синонимичных лексемам *труд, работа: ouvrage, labeur*, поскольку привлекает в данном случае внимание к ценности труда. Кроме указанных лексем были выявлены следующие единицы данного синонимического ряда: *métier* / профессия, специальность, ремесло (встретилась в нашем материале 5 раз, помимо упоминания в названии рубрики); *ouvrage* / работа, труд, дело (3 раза); *besogne* / труд, работа, дело (2 раза); *labeur* / тяжелый труд (2 раза); *travail* / работа, труд (1 раз, помимо упоминания в названиях рубрик); *peine* / труд, старания (1 раз).

Следует отметить, что из глагольных ключевых лексем во французских пословицах употребляются глаголы, обозначающие трудовую, в основном сельскохозяйственную, деятельность, самым частотным из которых является *semer* / сеять (8 случаев употребления). Другие глаголы встречаются единично: было выявлено по 2 случая употребления глаголов *récolter* / пожинать, собирать урожай и *forger* / ковать; глаголы *moissonner* / жать, пожинать; *labourer* / пахать и глагол общего значения *travailler* / работать встретились по 1 разу.

Наименования профессий и рода деятельности разнообразны и также обращают внимание на преобладание сельскохозяйственного труда и определенных ремесел, которые были развиты в период создания пословиц. Наиболее частотна лексема *ouvrier* / рабочий, работник (5 раз); по 3 раза встретились названия *barbier* / цирюльник и *mercier* / галантерейщик; по 2 — *médecin* / врач; *maçon* / каменщик; *potier* / гончар. Лексемы *fermier* / фермер; *tavernier* / трактирщик; *forgeron* / кузнец; *cordonnier* / сапожник и общее название *artisan* / ремесленник встретились по 1 разу.

Аксиологическая составляющая паремий с данными компонентами заключается в том, что образы, связанные с трудом, выступают метафорической основой для передачи повседневных житейских ситуаций и часто передают универсальные семантические модели: *Les cordonniers sont toujours les plus mal chaussés* [25. Р. 124] / Сапожники всегда хуже всех обуты (рус.: Сапожник без сапог); *C'est en forgeant qu'on devient forgeron* [25. Р. 125] / Кузнецом становятся в процессековки (рус.: Дело делу учит; Не боги горшки обжигают). Некоторые пословицы напоминают о солидарности и взаимной поддержки среди представителей одной профессии: *Un barbier rase l'autre* [25. Р. 123] / Цирюльник цирюльника бреет (ср.: рус. Рука руку моему), а другие — о зависти и конкуренции: *Le potier au potier porte envie* [25. Р. 124] / Гончар гончару завидует.

В приведенных примерах важно обратить внимание на метафорические образы *le champ* / поля, *le pré* / луг и *la terre* в земля, символизирующие

поле трудовой деятельности, источник пищи и материального благополучия. Образы, связанные с трудом, работой по металлу или по дереву, могут символизировать прочность материала, а инструменты упоминаться в связи с умением и упорством мастера, которое может преодолеть самое серьезное сопротивление: *Au long aller la lime mange le fer* [25. P. 125] / От долгой заточки железо стачивается. Иногда такое усердие может быть избыточным: *En limant on fait d'une poutre une aiguille* [25. P. 125] / Шлифуя бревно, можно превратить его в иглу. Также некоторые атрибуты труда могут символизировать остроту социальных отношений [25. P. 123]: *Il faut être enclume ou marteau* [25. P. 125] / Нужно быть либо наковальней, либо молотом; *Il vaut mieux être marteau qu'enclume* [25. P. 125] / Лучше быть молотом, чем наковальней. Смысл последнего примера в том, что лучше бить, чем быть битым. В некоторых случаях метафоры в таких паремиях передают универсальную структурную модель: *Il faut battre le fer tandis qu'il est chaud* [25. P. 125] / Нужно ковать железо, пока оно горячо (ср.: рус. *Куй железо, пока горячо*).

В материалах по калмыцкому фольклору, зафиксированных И.И. Поповым, выявлено семь образцов, содержащих оценку труда как неотъемлемого элемента человеческого существования, в разделах «Человек», «Знание, мастерство», «Поучения, наставления», «Обман, хитрость». Ниже приведем тексты в записи на тодо бичиг, переложении на современный калмыцкий язык и переводе на русский язык Б.Б. Горяевой.

1. 37(7)

mal asarxalā aman tosutai:

kī asarxalā toloyoi cusutai

Мал асрхла, амн тоста,

Кү асрхла, толһа цуста.

Вырастишь скот — рот в масле,

Вырастишь человека — голова в крови [26. С. 109].

2. 95(182)

uruni urul tosutai:

Урни урл тоста.

У мастера губы в масле [26. С. 120].

3. 96(99)

caldanggīn nüdiin urun:

Цалдңгин нүдн урн.

Неумелый только глазами мастер [26. С. 120].

4. 101(71)

ögöqsön abudaq: tariqsan xadadaq:

Өгсән авдг, тәрсән хаддг.

Что отдали, то возьмут, что посеяли, то пожнут [26. С. 121].

5. 107(115)

zaxūgin gertü tülēn ügei:

zalgidagīn ger-tü xoto ügei:

Залхуһин герт түлән уга,

Зальгдгин герт хот уга.

В доме лентяя топлива нет,

В доме пьяницы¹ пищи нет [26. С. 122].

6. 108(116)

γar ködölküle aman ködöldoq:

Һар көдлхлә, амн көдлдг.

Если руки работают, то и рот работает [26. С. 122].

7. 166(125)

künei γarār moyoi barixu-du kimde:

Күүнә һарар моһа бәрхд кимд.

Чужими руками легко ловить змею [26. С. 133].

Традиционной формой хозяйствования калмыков является скотоводство, поэтому вполне логично, что в первой поговорке семантика упорного труда передается с помощью понятия разведения скота, результат которого образно описывается как «рот в масле» (старокалм. *aman tosutai*). Данной синтагме, имеющей положительную коннотацию сытой и благополучной жизни в достатке, противопоставляется «голова в крови» (старокалм. *toloγoi cusutai*) как возможный негативный результат воспитания человека. Обозначение масла как символа жизни в достатке является оценочной единицей положительного плана и во втором примере, демонстрирующем связь мастерства в чем-либо, добросовестного труда с благополучным существованием. В третьей поговорке ценность труда утверждается через осуждение отсутствия навыков трудовой деятельности, упорства в труде, включающее оценочную лексику *caldang* 'легкомысленный, поверхностный, беспорядочный' [48. Р. 420].

Следующий пример, вероятно, представляет собой заимствование из русской (или шире — общеевропейской) фольклорной традиции (см.: «Что посеешь, то и пожнешь»), дополненный в начале аналогичной по смыслу и строю фразой «Что отдали, то возьмут» (старокалм. *ögöqsön abudaq*), и отражает представления о земледелии как основной форме труда, что не характерно для традиционной культуры калмыков, хотя в данном случае может иметь значение тот факт, что И.И. Попов записывал материал у донских калмыков, совмещавших скотоводство и земледелие. Аксиологический смысл в пятой паремии усилен через единицы отрицательной семантики, указывающие на антиценности: у лентяя (старокалм. *zaxū*), противопоставляемому

¹И.И. Попов дает перевод «расточитель, прожора» [26. С. 253], что, на наш взгляд, более соответствует смыслу поговорки.

трудолюбивому человеку, в доме нет топлива (старокалм. *gertü tülēn ügei*) как результата труда; таким же образом, у человека, страдающего чрезмерным аппетитом, в доме нет еды для угощения гостей (так в данном случае подчеркивается ценность гостеприимства). Об этом же пишет в примечаниях И.И. Попов: «Топливо надо собирать — труд. А у прожоры, как есть что съестное, пожрет, и нет запаса для угощения людей» [26. С. 253].

В шестом примере утверждается связь труда и сытой жизни в достатке, что указывает в примечаниях и автор: «...если будешь стараться, работать, будет чего есть, если же нет, ничего не будет» [26. С. 253]. Кроме того, интересно то, что И.И. Попов считает глагол *ködölkü* ‘работать’ синонимичным глаголу *köndörkü* ‘двигаться’, о чем говорит в примечании, и соответственно переводит калмыцкий текст как «Если двигается рука, двигается и рот». Также далее он приводит второе, дополнительное, значение данной пословицы: «Отчасти смысл может быть и таков: если старший не старается, не будут стараться и меньшие; станица не хлопочет, хутору не разорваться» [26. С. 253]. В данном случае можно предположить, что лексемы *yar* ‘рука’ и *aman* ‘рот’ как обозначения частей тела человека как индивида семантизируются на следующих уровнях более высокого порядка как старшие — младшие братья-сестры как части семьи, станица — хутор как части на уровне административного разделения. Наконец, в седьмой паремии ценность труда подчеркивается с помощью единиц с негативным оценочным значением (*kimde* ‘легко’, *künei* ‘чужой’). Возможно также заимствование из русской фольклорной традиции: И.И. Попов приводит аналог *Чужими руками легко жар загребать* [26. С. 261].

Таким образом, в приведенных единицах труд оценивается как необходимое условие благополучной жизни в сытости и тепле; с семантикой труда также связана ценность знания (как мастерства в том или ином деле), выявленная во втором и третьем примерах. Все пословицы носят сентенциальный характер: о специфике жанра калмыцкой пословицы, в частности о ее дидактической направленности, пишет И.И. Попов в предисловии к своему труду, указывая, что калмыцкое слово для обозначения пословицы *üliger* также может иметь значения ‘сравнение’, ‘пример’, ‘доказательство примером’, ‘притча’ [26. С. 102].

Касаясь вопроса языковых средств выражения оценочности, можно отметить, что аксиологический смысл передается с помощью различных лексических единиц, выражающих положительную (*tosutai* ‘в масле’, *urun* ‘мастер’) и отрицательную (*caldang* ‘легкомысленный’, *zalkü* ‘ленивый’) оценку. В качестве примера контекстуально выраженной отрицательной оценки можно указать лексему *künei* ‘чужой’ как оппозицию понятию «свой» (старокалм. *öbörön*) в последнем примере. Из грамматических маркеров можно выделить конструкции с условным деепричастием (*mal asarxalā* ‘если вырастить скот’, *kü asarxalā* ‘если воспитаешь человека’, *yar ködölküle* ‘если руки

двигаются’). Стоит подчеркнуть двухчастную структуру некоторых паремий, в том числе с конструкциями с условным деепричастием, скорее всего, выполняющую мнемоническую функцию, т.е. имеющую целью облегчение запоминания текста. Такой тип структуры также является средством ритмической организации текста (см. образцы №№ 1, 4, 5), в пятом примере, помимо этого, использован прием начальной аллитерации (*zaxūgin — zalgidagīn*). Аксиологическая функция реализуется с помощью приема контраста, например, в первой паремии, где результат разведения скота противопоставляется результату воспитания человека; с помощью антисценария, как в пятом и седьмом образцах, демонстрирующего, как поступать не стоит.

Заключение

Сопоставительный анализ русского, французского и калмыцкого паремиологического материала показал, что в трех лингвокультурах доминирует положительное отношение к труду, который представляет собой ценность и неотъемлемую часть человеческого существования, противопоставляемую лени и безделью, выступающих в паремиях как антиценности. В качестве основных аксиологических доминант можно выделить связь труда и сытой жизни в достатке, подчеркивается необходимость стараний и усилий в труде, а также мысль о том, что о человеке и его трудовой деятельности судят по ее результатам.

Важную функцию выполняют компоненты паремий, связанные с трудом и часто служащие метафорическими образами, посредством которых передаются модели поведения в различных жизненных ситуациях. Наименования профессий и рода занятий, а также атрибутов труда, обладающих определенной символикой, разнообразны и обращают внимание на преобладание сельскохозяйственного труда (в основном земледелия в русских и французских паремиях и скотоводства — в калмыцких). Преимущественно в русских и французских паремиях встречается упоминание определенных ремесел, которые были развиты в период создания пословиц.

Во французских паремиях труд воспринимается в основном как ценность, приносящая материальный достаток. Важно отметить, что ценится индивидуальный труд, а не коллективный, что связано с направленностью европейской французской культуры, относящейся к индивидуалистскому типу, что совершенно не характерно для евроазиатской русской и азиатской калмыцкой культур. Предположительно с данным фактом связано и отсутствие категоричности в передаче сценариев поведения и аксиологических доминант во французском материале. Средства выражения коллективной оценки содержат скорее констатирующую информацию или указывают на то, что нужно или лучше делать или не делать, чем прямой призыв к действию, что отличает французский

материал от эксплицитно выраженной дидактической направленностью русских и калмыцких паремий.

Среди аксиологических маркеров были выделены средства разных языковых уровней: особая ритмическая организация текста, облегчающая его запоминание и способствующая усвоению содержащихся в нем образцов поведения; лексемы с оценочной семантикой; специфические грамматические конструкции; прием повтора и использование контраста, позволяющего, в частности, выразить ценность труда через отрицательную оценку лени, а сценарии поведения — через антисценарии. В русских паремиях к средствам выражения оценки можно отнести имена собственные с суффиксом субъективной оценки *-к-*, где имеет место разнообразие форм словообразования, во французском и калмыцком материале такие аксиологические маркеры отсутствуют, а аналогичный смысл выражается с помощью языковых средств, присущих соответствующему грамматическому строю языков.

Перспективы проведенного исследования состоят в возможности использования предложенной методики в процессе анализа других ценностей с целью установления их места в аксиологической парадигме и выявления семантических доминант различных этносов, принадлежащих к другим европейским, евроазиатским и азиатским культурам.

Библиографический список

1. *Пивовар Е.С.* Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. С. 243–254. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254>
2. *Ma Xiangfei, Seliverstova E.I., Volkova L.B.* A Cross-cultural Comparison of Cognitive Styles Used by Chinese and Russian Undergraduates in Comprehension of Russian Texts // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2023. № 2. С. 122–133.
3. *Селиверстова Е.И.* Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 115–130. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>
4. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: УРСС, 2004.
5. *Широкова А.В.* От латыни к романским языкам. М.: Добросвет, 2005.
6. *Широкова А.В.* Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология). М.: Добросвет, 2000.
7. *Широкова А.В.* Морфология слова как основа типологической характеристики языков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2010. № 1. С. 49–56.
8. *Широкова А.В.* Типологическое взаимодействие грамматических категорий числа и рода в языках флективного типа // *Russian Journal of Linguistics*. 2003. № 4. С. 38–45.
9. *Широкова А.В., Новоспаская Н.В.* Категория вокатива как периферическое явление БЯС // *Russian Journal of Linguistics*. 2008. № 4. С. 18–23.
10. *Широкова А.В.* Специфические типологические особенности русской, французской и испанской морфонологии // *Russian Journal of Linguistics*. 2002. № 3. С. 56–66.
11. *Нелюбова Н.Ю.* Аксиологические концептосферы французов и русских: из опыта анализа паремиологических словарей // *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 3(46). С. 387–391.

12. *Иванищева О.Н., Мэнцзе Л.* Мир животных сквозь призму народной мудрости // Человек. Культура. Образование — Human. Culture. Education. 2021. № 3(41). С. 106. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-106>
13. *Ломакина О.В.* Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9(467). С. 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917>
14. *Бредис М.А.* Образ денег как отражение макроконцепта богатство в пословицах разноструктурных языков // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2(53). С. 164–171.
15. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Сюэ Б.* Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива четыре как компонента фразеологизмов и паремий (на материале разноструктурных языков) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 1(13). С. 72–82. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-72-82>
16. *Ломакина О.В.* Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 97–107.
17. *Мокиенко В.М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
18. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. 2019. № 3. С. 34–43.
19. *Бочина Т.Г.* Пословица на века молвится: избранные работы по русской паремиологии. Казань: Издательство Казанского университета, 2023.
20. *Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
21. *Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
22. *Бредис М.А., Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
23. *Иванов Е.Е.* Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337 <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4>
24. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
25. *Montreynaud F., Pierron A, Suzzoni F.* Dictionnaire de proverbes et dictions. Paris: Le Robert, 2006.
26. Инедиты калмыцкого фольклора из архива И.И. Попова: несказочная проза и малые жанры / сост., пер. Б.Б. Горяева, С.В. Мирзаева, Д.В. Убушиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021.
27. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В.М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018.
28. Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
29. Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.
30. Паремиология на перекрестках языков и культур: монография / М.А. Бредис, Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова, Ю.А. Петрушевская; под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021.
31. *Зимин В.И., Миронова М.В.* Ономаσιологический аспект рассмотрения русских и французских пословиц // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 107–110.

32. *Нелюбова Н.Ю.* Характеристика человека в русских и французских пословицах сквозь призму индивидуального и коллективного // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2021. № 2. С. 137–148.
33. *Нелюбова Н.Ю.* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
34. *Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Еришов В.И.* Концепты «женщина», «мужчина», «любовь» во французских пословицах (на материале французского языка Франции и Бельгии) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2018. Т. 9. № 4. С. 926–943.
35. *Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Еришов В.И.* Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 223–243. <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>
36. *Горяева Б.Б.* Калмыцкие народные пословицы и поговорки в аспекте аксиологии // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. Т. 7. № 2. С. 151–156.
37. *Горяева Б.Б., Убушиева Д.В.* Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И.И. Попова // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2020. № 1. С. 141–152. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-1-13-141-152>
38. *Менкенова К.В., Баринаева Б.В., Салыкова В.В.* Отражение буддийских ценностей в калмыцких пословицах и поговорках // *Успехи гуманитарных наук*. 2020. № 5. С. 239–242.
39. *Оконов Б.Б.* Об идейно-тематическом содержании калмыцких пословиц и поговорок // *Филологические вести*. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1973. С. 37–61.
40. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
41. *Токарев Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003.
42. *Дитятева Н.В.* Сопоставительный анализ антитетических пословиц о труде и родине (на примере русского и французского языков) // *Военно-филологический журнал*. 2021. № 3. С. 5–12.
43. *Нелюбова Н.Ю.* Репрезентация концепта ТРУД в русских и французских пословицах: ценностный аспект // *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 3(42). С. 165–171.
44. *Солдаткина Т.А.* Языковая репрезентация паремиологических единиц концепта «труд/лень» в английском и французском языках // *Вестник Марийского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 10. С. 114–117.
45. *Jitwongnan J.* L'analyse des adjectifs axiologiques dans les ouvrages touristiques sur la Thaïlande // *Sciences de l'Homme et Société*. 2014. Режим доступа: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01084118/document> (дата обращения: 21.12.2022).
46. *Legallois D., Ferrari S.* Vers une grammaire de l'évaluation des objets culturels // *Schedae*. 2006. № 8(1). P. 57–68.
47. *Бочина Т.Г.* Контраст в тувинских пословицах // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 37–46. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
48. *Ramstedt G.J.* *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.

References

1. Pivovar, Y.S. (2019). The key concept as a structuring base of Russian and Belarusian linguistic worldview. *Russian Language Studies*, 17(2), 243–254. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254>. (In Russ.).
2. Ma, Xiangfei, Seliverstova, E.I. & Volkova, L.B. (2023). A Cross-cultural Comparison of Cognitive Styles Used by Chinese and Russian Undergraduates in Comprehension of Russian Texts. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2, 122–133.

3. Seliverstova, E.I. (2022). Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, 1, 115–130. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>. (In Russ.).
4. Meie, A. (2004). *Comparative method in historical linguistics*. Moscow: URSS. (In Russ.).
5. Shirokova, A.V. (2005). *From Latin to the Romance Languages: A Textbook on the History of the Romance Languages*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.).
6. Shirokova, A.V. (2000). Comparative typology of languages with different structures (phonetics, morphology). Moscow: Dobrosvet. (In Russ.).
7. Shirokova, A.V. (2010). Morphology of the word as the basis for the typological characteristics of languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 49–56. (In Russ.).
8. Shirokova, A.V. (2003). Typological interaction of grammatical categories of number and gender in languages of the inflectional type. *RUDN Journal of Linguistics*, 4, 38–45. (In Russ.).
9. Shirokova, A.V. & Novospasskaya, N.V. (2008). To the problem of vocative case category as the peripheral phenomenon of The Balkan Linguistic Union. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 18–23. (In Russ.).
10. Shirokova, A.V. (2002). Typological Peculiarities of Russian, French and Spanish Morphology. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 56–66. (In Russ.).
11. Nelyubova, N.Yu. (2021). Axiological conceptospheres of the French and Russians: on the experience of paremiological dictionaries analysis. *Cognitive Studies of Language*, 3(46), 387–391. (In Russ.).
12. Ivanishcheva, O.N. & Liang, M. (2021). The World of Animals through the Prism of Folk Wisdom: a Comparative Analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami Proverbs and Sayings about a Horse/Deer. *Human. Culture. Education*, 3(41), 106–123. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-106>. (In Russ.).
13. Lomakina, O.V. (2022). Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467), 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917> (In Russ.).
14. Bredis, M.A. (2022). The image of money as a reflection of the macroconcept wealth in proverbs from typologically diverse languages. *Cognitive Studies of Language*, 2(53), 164–171. (In Russ.).
15. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Xue, B. (2023). Numerical Code of Linguoculture: Analysis of the Numeral Four as a Component of Phraseological Units and Paremias (Based on Examples of Typologically Different Languages). *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 1(13), 72–82, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-72-82> (In Russ.).
16. Lomakina, O.V. (2021). The studying of the proverbs in the value paradigm: the methodology of research and the criteria for estimating value. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 7(73)—1, 97–107. (In Russ.).
17. Mokienco, V.M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *The world of the Russian word*, 3, 6–20. (In Russ.).
18. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienco, V.M. (2019). The proverb in contemporary linguistics: definition, status, and functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19*, 3, 34–43. (In Russ.).
19. Bochina, T.G. (2023). *A proverb is said for centuries: selected works on Russian paremiology*. Kazan: Kazan University Press. (In Russ.).
20. Ivanov, E.E. (2023). Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, 1, 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>. (In Russ.).
21. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032> (In Russ.).

22. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Linguistic and cultural commentary in multilingual proverb dictionaries). *Russian Journal of Lexicography*, 26, 5–30. <https://doi.org/10.17223/22274200/25/1> (In Russ.).
23. Ivanov, E.E. (2022), Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, 4, 317–337. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22> (In Russ.).
24. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2011). *Folk wisdom: Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russ.).
25. Montreynaud, F., Pierron, A. & Suzzoni, F. (2006). *Dictionnaire de proverbes et dictons*. Paris: Le Robert. (In French).
26. Inédites of Kalmyk folklore from I.I. Popov's archive': non-fairytale prose and small genres (2021). B.B. Goryaeva, S.V. Mirzayeva, D.V. Ubushieva (eds.). Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS. (In Russ.).
27. Lomakina, O.V. (2018). *Phraseology in the text: functioning and idiosyle*. V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN. publ. (In Russ.).
28. Paremiology in Discourse (2015). O.V. Lomakina (Ed.). Moscow: URSS; Lenand. (In Russ.).
29. Paremiology without borders (2020). M.A. Bredis & O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
30. Paremiology at the crossroads of languages and cultures (2021). E.E. Ivanov & O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
31. Zimin, V.I. & Mironova, M.V. (2014). Onomasiological study of russian and french proverbs. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 77, 107–110. (In Russ.).
32. Neliubova, N.Yu. (2021). Characteristics of a person in Russian and French proverbs through the lens of the individual and collective. *World of Linguistics and Communication*, 2, 137–148. (In Russ.).
33. Neliubova, N.Yu. (2022). Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, 1, 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
34. Neljubova, N.Ju., Semina, P.S. & Kazlauskene, V. (2020). Gourmandise in the hierarchy of values: a case study of french and belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990> (In Russ.).
35. Neliubova, N.Yu., Khil'tbrunner, V.I. & Ershov, V.I. (2019). The reflection of the hierarchy of values in the proverbial corpus of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 223–243. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-24> (In Russ.).
36. Goryayeva, B.B. (2014). Kalmyk proverbs and sayings in the aspect of axiology. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research RAS*, 2, 151–156. (In Russ.).
37. Goryaeva, B.B. & Ubushieva, D.V. (2020). Kalmyk Proverbs and Sayings Recorded by I.I. Popov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*, 1, 141–152. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-20201-13-141-152> (In Russ.).
38. Menkenova, K.V., Barinova, B.V. & Salykova, V.V. (2020). Reflection of Buddhist values in the Kalmyk proverbs and sayings. *Modern Humanities Success*, 5, 239–242. (In Russ.).
39. Okonov, B.B. (1973). On the ideological and thematic content of Kalmyk proverbs and sayings. In: *Filologicheskie vesti*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. pp. 37–61. (In Russ.).
40. Vendina, T.I. (2002). *Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
41. Tokarev, G.V. (2003). *The concept as an object of linguoculturology (based on the representation of the concept "Labor" in Russian)*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
42. Dityateva, N.V. (2021). Comparative analysis of antithetic proverbs about homeland and labor (based on russian and french languages). *Military Philological Journal*, 3, 5–12. (In Russ.).

43. Nelyubova, N.Yu. (2022). Representation of labour concept in Russian and French proverbs: the value aspect. *Cognitive Studies of Language*, 3(42), 165–171. (In Russ.).
44. Soldatkina, T.A. (2012). Language Representation of Paremiological Units in the Concept Labour/Idleness in English and French. *Vestnik a Scientific Journal of the Mari State University. The Humanities*, 10, 114–117. (In Russ.).
45. Jitwongnan, J. (2014). *L'analyse des adjectifs axiologiques dans les ouvrages touristiques sur la Thaïlande. Sciences de l'Homme et Société*. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01084118/document> (accessed: 21.12.2022). (In French).
46. Legallois, D. & Stéphane, F. (2006). Vers une grammaire de l'évaluation des objets culturels. *Schedae*, 8(1), 57–68. (In French).
47. Bochina, T.G. (2022). Contrast in Tuvan Proverbs. *New Research of Tuva*, 1, 37–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3> (In Russ.).
48. Ramstedt, G.J. (1935). *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (In German).

Сведения об авторах:

Нелубова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: nat.nelubova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6538-8267

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5678

Мирзаева Саглар Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра РАН; *e-mail*: saglaramirzaeva@kigiran.com
ORCID: 0000-0002-8542-0260

Information about the authors:

Natalia Yu. Neliubova, PhD in Philology, Associate Professor, Leading Research Scientist, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: nat.nelubova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6538-8267

Olga V. Lomakina, D.Sc. (Philology), Professor, Leading Research Scientist, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5678

Saglara V. Mirzaeva, PhD in Philology, Senior Researcher of the Department of written monuments and linguistics of the Russian Academy of Sciences; *e-mail*: saglaramirzaeva@kigiran.com
ORCID: 0000-0002-8542-0260

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-616-632

EDN: NOJZMC

УДК 81(091)

Научная статья / Research article

Макс Мюллер в истории языкознания: забытая классика или трамплин в будущее? К 200-летию со дня рождения

В.М. Алпатов¹ , О.И. Валентинова² , О.В. Никитин³

¹Институт языкознания РАН,
125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

³Петрозаводский государственный университет,
185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, проспект Ленина, 33

 olnikitin@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуализации идей крупного компаративиста XIX в. Макса Мюллера (1823–1900), современника А. Шлейхера, работавшего, как традиционно считают, преимущественно в русле натуралистического направления. Авторы исследования показывают, что достижения М. Мюллера необоснованно занижали, называя ученого популяризатором науки. Победа в немецком языкознании позитивизма ослабила интерес к трудам М. Мюллера: языкознание перестали воспринимать как естественную науку. Отмечается, что позитивистский подход отрицал «метафизическую» типологию, в русле которой мыслил М. Мюллер. Авторы приходят к выводу, что многие идеи и методологические установки М. Мюллера пережили его время и звучат актуально в гуманитарной науке XXI в., основывающейся на антропологическом осмыслении языковых явлений. М. Мюллер одним из первых различал филологию и лингвистику, смело экстраполировал установки компаративистики в другие области гуманитарного знания — мифологию, религию, новаторски применял социокультурный подход к анализу свойств языка и изучению архаичных текстов. Сопоставляются идеи М. Мюллера со сравнительно-историческими наблюдениями отечественных компаративистов — Ф.И. Буслаева и И.И. Срезневского. Подчеркивается, что в его работах обнаруживается связь философии с частными науками: языкознанием, теологией, историей культуры. В этом смысле «Наука о языке» может расцениваться как оригинальный опыт создания филологической герменевтики. Утверждается, что М. Мюллер изучал историческое пространство языка с актуальной для современной науки точки зрения — сравнительной семасиологии. Преломление его идей наблюдается в работах современных ученых — типологов, компаративистов, концептологов: В.А. Дыбо,

© Алпатов В.М., Валентинова О.И., Никитин О.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Ю.С. Степанова. В XXI в. вновь натуралистический подход выходит на новый уровень развития, а сравнительный метод — главный инструмент исследований М. Мюллера и других ученых Шлейхеровской эпохи — актуализируется не только в лингвистике, но и в филологии, истории религии, этнологии. Диалектический подход к вопросам типологического языкознания, примененный М. Мюллером, остается востребованным наукой новейшего времени.

Ключевые слова: компаративистика, натурализм, типологическое языкознание, системность, философия языка, лингвистическая методология

История статьи:

Дата поступления: 02.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Алпатов В.М., Валентинова О.И., Никитин О.В. Макс Мюллер в истории языкознания: забытая классика или трамплин в будущее? К 200-летию со дня рождения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 616–632. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-616-632>

Max Müller in History of Linguistics: Forgotten Classics or Springboard to Future? 200th Anniversary of Birth

Vladimir M. Alpatov¹ , Olga I. Valentinova² , Oleg V. Nikitin³

¹Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1, p. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russian Federation, 125009

²RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

³Petrozavodsk State University,
33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Russian Federation, 185910

 olnikitin@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the actualization of the ideas of the great comparative scholar of the XIXth century Max Müller (1823–1900), a contemporary of A. Schleicher, who, as is traditionally believed, worked mainly in the naturalistic trend. The authors of the study show that the achievements of M. Müller were unreasonably underestimated, calling the scientist a popularizer of science. The victory of positivism in German linguistics weakened interest in the works by M. Müller: linguistics was no longer perceived as a natural science. It is noted that the positivist approach denied the “metaphysical” typology, close in spirit to M. Müller. The authors come to the conclusion that M. Müller’s ideas and methodological attitudes survived his time into the future and sound relevant in the humanities of the XXIst century, based on the anthropological understanding of linguistic phenomena. M. Müller was one of the first scholars to distinguish between philology and linguistics, he boldly extrapolated the attitudes of comparative studies to other areas of humanitarian knowledge — mythology, religion, innovatively applied a socio-cultural approach to the analysis of language features and the study of archaic texts. The study compares M. Müller’s ideas with traditional historical

observations of national comparativist- and-historical observations of Russian comparativists — F.I. Buslaev and I.I. Sreznevsky. It is emphasized that his works reveal the connection of philosophy with private sciences: linguistics, theology, cultural history. In this sense, “The Science of Language” can be regarded as an original experience of creating philological hermeneutics. It is stated that M. Müller studied the historical space of language from the point of view relevant to the modern science of comparative semasiology. The refraction of his ideas is observed in the works of modern scientists — typologists, comparativists, conceptologists: V.A. Dybo, V.V. Ivanov, V.N. Toporov, Yu.S. Stepanov. Once again, the naturalistic approach is reaching a new level of development in the XXIst century, and the comparative method — the main research tool of M. Müller and other scientists of the Schleicher era — is being actualized not only in linguistics, but also in philology, history of religion and ethnology. The dialectical approach to typological linguistics applied by M. Müller, remains in demand by the science of modern times.

Keywords: comparative studies, naturalism, typological linguistics, systematics, philosophy of language, linguistic methodology

Article history:

Received: 02.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Alpatov, V.M., Valentinova, O.I. & Nikitin, O.V. (2023). Max Müller in History of Linguistics: Forgotten Classics or Springboard to Future? 200th Anniversary of Birth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 616–632. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-616-632>

Ошибки прошедшего готовят торжество грядущего

М. Мюллер «Лекции по науке о языке»

[1. С. 12].

Введение

6 декабря 2023 г. исполняется 200 лет со дня рождения Макса Мюллера (1823–1900), одного из виднейших языковедов XIX в.

Всё в биографии этого ученого было необычно. В годы, когда в Европе формировались и развивались национальные традиции и создавались национальные научные школы, М. Мюллер работал в трех странах (Германии, Франции, Великобритании) и писал на трех языках. Однако затем он выбрал Великобританию, где теоретическая лингвистика была тогда наименее развита, и главные лингвистические работы издавал на английском языке.

М. Мюллер был сыном известного немецкого поэта Вильгельма Мюллера, не забытого до сих пор, поскольку на его стихи писал музыку Франц Шуберт. Будущий филолог учился в Лейпциге и Берлине, исследовал санскритские рукописи и в 1844 г. издал свой первый перевод памятника. В 1845 г. М. Мюллер

навсегда покинул Германию и переехал в Париж, где начал собирать материалы для издания «Ригведы». Однако он не задержался в Париже и в 1848 г. окончательно переселился в Оксфорд, где долгое время преподавал, читал курсы М. Мюллер и в Кембридже. Менял он не только страны пребывания, но и научные интересы. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона отмечает любопытный факт: «С 1879 г. М. занимался обучением нескольких священников, присланных к нему из Японии для изучения санскритского языка. Эти занятия привели его к открытию древнейших санскритских рукописей, находившихся в Японии. Воспользовавшись ими, он издал санскритские подлинники многих буддийских текстов» [2. С. 359].

Лингвистические публикации М. Мюллера относятся преимущественно к раннему периоду его деятельности. Позднее он отошел от лингвистической компаративистики и занимался сравнительным религиоведением, пытаясь применить известные подходы и использовать исторические данные для сопоставления священных текстов разных религий. Эта идея была выстроена «по образцу науки о языке» [3].

Активные филологические поиски и эксперименты М. Мюллера пришлись на период расцвета компаративистики в Европе, которая была новым шагом вперед на пути эволюционного развития науки. О времени создания лингвистики спорят давно, но всем очевидно, что рубеж XVIII—XIX вв. — переход от логистического взгляда к сравнительно-историческому — стал той отправной точкой *современных* нам представлений о языке и оценок, которая получила мощный импульс на протяжении всего XIX столетия и оказала влияние на последующие этапы: «Начиная, по крайней мере, с первой трети XIX века, можно говорить о мировой науке о языке» [4. С. 10]. Но ее теоретическое осмысление, формирование методологии и разработка терминологии происходило не сразу. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы это расширившееся поле исследований было адаптировано к актуальным задачам того времени.

Имя Фридриха Макса Мюллера, или, как его часто называют, Макса Мюллера не столь широко известно современным языковедам. Но в XIX столетии он являлся заметной фигурой. Мы бы его отнесли к наиболее значимым компаративистам после Я. Гримма, Ф. Боппа, Р. Раска и его современника А. Шлейхера. Время расцвета преподавательской и научной деятельности М. Мюллера пришлось на 1860–1870-е гг. Именно в этот период он прочитал свои знаменитые лекции по «Науке о языке» (1861–1863) и «Наслоение языка» (1868). Безусловно, наряду с А. Шлейхером он был крупнейшим представителем влиятельного в те годы натуралистического направления, исходившего из представления о биологической природе языка и о языкознании как естественной науке.

И все же время лингвистического взлета М. Мюллера оказалось не таким долгим. Он как-то незаметно исчез из дискуссий конца XIX века, и еще при

его жизни автор статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, признавая значение М. Мюллера в публикации санскритских памятников, полагал, что он «настоящим языковедом никогда не был» [2. С. 360].

В двадцатом веке его почти не вспоминали. В борьбе идей (а рубеж XIX—XX вв. именно так и следует оценивать) победили новые взгляды и подходы — синхронические, социологические, формальные. М. Мюллера же можно отнести к лингвистам, работавшим тогда, когда у компаративистики еще не было альтернативы. Ученые другого свойства (И.А. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр) «выходят на первый план в эпохи кризиса, когда вызревает новая научная парадигма» [5. С. 5]. Между тем главная книга М. Мюллера «Наука о языке» в 1860-х гг. была встречена очень положительно и вобрала в себя компендиум знаний по сравнительной филологии. В ней присутствовал не только традиционализм, но и была заметна авторская линия.

Отметим очень редкое для первой половины XX в. сочувственное отношение к М. Мюллеру у Р.О. Шор. Она отличалась большой эрудицией в области истории языкознания, однако упрощенно сводила эту историю к борьбе материализма и идеализма в науке. Последний, по ее мнению, господствовал в мировой науке о языке XIX в., хотя М. Мюллер был одним из немногих исключений. Она писала: «Элементы материализма, осмеянные и отброшенные господствующей наукой, обнаруживаются у немногих занимавших маргинальное положение языковедов, в том числе у М. Мюллера» [6. С. 9]. Вряд ли дело было в материализме, но о маргинальном положении сказано верно. Отметим, что в последнее время М. Мюллера стали вспоминать как своего предшественника специалисты по дальнему родству языков (об этом сообщила нам в личной беседе А.В. Дыбо).

Феномен «Науки о языке» в отечественной лингвистике XIX века

Однако в 1860–1870-х гг. всё было иначе, и лекции М. Мюллера стали заметным явлением в языкознании. В предисловии к изданию новых лекций [7; 8] один из переводчиков, Д. Лавренка, писал: «Богатство и разнообразие везде освещены теми гениальными обобщениями, которые составляют прелесть прежнего курса и из настоящего делают стройное целое» [7. С. I]. Второй выпуск предваряется небольшим вступлением «От переводчика», где, как кажется, личный восторг профессионального читателя, адаптировавшего лекции к русскому языку, еще более усиливается: «Нет сомнения, что лекции эти должны быть настольною книгою не только у каждого преподавателя какого-либо языка, а тем более русского, каждого образованного человека и любителя лингвистических исследований, но и для учащихся...» [8. С. I]. Какие же вопросы рассматривает ученый?

Первое, что импонировало отечественным филологам в идеях М. Мюллера, был его интерес к истокам национальных культур (к мифологии, фольклору, другим артефактам), связанным с развитием языка.

Близко к воспринятой ученым идее народности стояло его понимание эволюционных процессов как части *естественной* истории человечества. Он писал в продолжении лекций: «Более чем когда-нибудь во мне окрепло в настоящее время убеждение, что без науки о языке тот круг наук, которому по преимуществу посвящено это ученое учреждение, круг естественных наук, был бы не полон» [7. С. 6].

М. Мюллер так же, как и русские филологи (А.Х. Востоков, И.И. Срезневский), стремился проникнуть в «детство языка» и, подобно В. фон Гумбольдту, занимался проблемами антропологии культуры и с этих позиций оценивал так называемые «дикие» языки. Показательна такая реплика из лекций М. Мюллера: «...поучительно изучение *дикарских* (nomad) языков, которые мы так называем в отличие от *гражданственных* (state) или культурных. В них мы встречаемся с такими явлениями, которых уже не можем ожидать даже в самом древнем санскрите или еврейском языке. В них раскрывается детство языка со всеми его детскими причудами, из них мы, наконец, выносим то убеждение, что много еще есть в языке такого, о чем и не снилось нашим философам» [7. С. 40].

Во второй лекции «Язык и разум» М. Мюллер, отталкиваясь от Лейбница, размышляет об искусственном языке, насмешка над которым была «своего рода модой» [7. С. 44] в то время. Можно сказать, что ученый шел по пути универсализации кодов языка и одновременно с этим предлагал искать типологические сходства между знаками разных языков.

Шестую лекцию М. Мюллер посвятил «началам этимологии», которая также подвергалась насмешкам из-за вольтеровской шутки, жившей, очевидно, и в умах ученых XIX века. Исследователь справедливо писал, что «только в настоящем столетии этимология стала наукой, и замечательно, что саркастическое определение Вольтера оказалось одним из основных ее принципов» [7. С. 231]. М. Мюллер говорит о том, что этимология не занимается только звуками, а ее задача «не состоит уже больше в том лишь, чтобы показать, где одно слово происходит от другого; она задается теперь исследованием этого перехода одного слова в другое, раскрывая его правильность и необходимость» [7. С. 232].

Первая часть книги балансирует между научным исследованием и дидактической книгой. Для университетского образования в России это было необычно. Наши учебники, может быть, за исключением книги Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», еще не выходили за границы «греческой грамматики». Таким каламбуром называли «Практическую русскую грамматику» Н.И. Греча, над которой иронизировали из-за его логических взглядов и неприятия достижений в компаративистике. У М. Мюллера

мы видим иное: обширная глава посвящена образованию звуков с подробными «физиологическими рисунками», фонетической транскрипции, особенностям звуковых изменений.

Во второй части лекций ученый перешел от традиционного языкознания (седьмая лекция называлась «О силе корней», а восьмая — «Метафора») к сравнительной мифологии (IX–XII лекции) [8]. В этом можно было бы усмотреть нарушение стройности курса, однако в концепции «Науки о языке» М. Мюллера прослеживается общая линия: связь истории языков, натурфилософии и мифологии, стремление понять, как в слове отражается дыхание эпохи, как язык взаимодействует с мыслью. Поэтому лингвистические наблюдения М. Мюллера — это еще один шаг к созданию филологической герменевтики. Такой подход к пониманию языка близок отечественным ученым XIX — начала XX века (Ф.И. Буслаеву, А.А. Потебне, А.Н. Веселовскому и др.).

В наше время в работах отечественных компаративистов неявно прослеживаются и другие идеи М. Мюллера. Так В.А. Дыбо занимался разработкой теории отдаленного родства языков и реконструировал палеокультуру по языковым источникам. Особенно удачно у него получилось это применить к концепции славянской сравнительно-исторической акцентологии. Но не только. Размышляя об индоевропейской проблеме, он использовал данные археологии и этнологии для реконструкции и датировки древних культур [9. С. 75–94]. Известный компаративист С.А. Старостин выявлял культурную лексику в словарном фонде [10]. Наблюдения М. Мюллера над синтезом разных традиций и наук отчасти продолжил Ю.С. Степанов в книге «Методы и принципы современной лингвистики», в которой на материале индоевропейских языков показал, как работают оппозитивный метод и метод моделей в диахронической лингвистике [11]. А его фундаментальное исследование «Константы: Словарь русской культуры» [12] является отличной иллюстрацией того, как рождаются и анализируются концепты — семиотические ряды слов, объединенные общими смысловыми и ценностными парадигмами (в нем анализируются не только этимологии понятий, но и стили мышления, «ментальные изоглоссы в культуре» и др.).

Типологические идеи М. Мюллера в свете системной лингвистики

Причины типологического различия языков, причины языковой эволюции, ее закономерности — таковы глобальные проблемы, поднимавшиеся в XIX в. учеными-филологами. Среди них М. Мюллер, которого российская читающая публика знала более всего по его мифологической теории, оказавшей чрезвычайное влияние на отечественную мифологическую школу. А лекции по науке о языке, которыми зачитывались современники, в том числе и в русском переводе, постепенно подменили пересказами его идей

и, схематизировав их, подытожили: «...способствовал широкой популярности Мюллера талант живого художественного изложения... чисто лингвистических исследований у него совсем не имеется. Лекции его по общему языкознанию, теперь совсем устаревшие, с самого начала стояли ниже современного им уровня науки» [2. С. 360]. В конечном счете, языковедческие идеи М. Мюллера сузили до экстраполяции дарвинизма в языкознание, ограничив их жизнь жизнью автора.

Падение известности М. Мюллера, возможно, связано и с тем, что ему в отличие от ряда других языковедов XIX в. не удалось создать заметной научной школы. XIX в. не стал в отличие от следующего века англоязычной эпохой в языкознании, а во Франции и особенно в Германии тогда победил позитивизм и языкознание перестало считаться естественной наукой (эта идея вновь возникнет в середине XX в. совсем на иных основаниях).

Будучи почти ровесником А. Шлейхера и пережив его более чем на 30 лет, Мюллер-лингвист воспринимался как ученый шлейхеровской эпохи, сыгравший положительную роль как популяризатор, но не больше. Может быть, поэтому он вскоре после смерти А. Шлейхера окончательно перешел к другим сюжетам. Но его оценка в последовательно позитивистской энциклопедии была глубоко несправедливой. Надо учитывать, что позитивистское языкознание вообще отрицало «метафизическую» типологию и единственной научной классификацией считало генетическую, поскольку ее можно строго доказывать.

В сочинениях М. Мюллера содержание неразрывно связано с формой выражения. Сеть тончайших сопоставлений характеризует не столько манеру изложения, сколько свойство научного мышления ученого. Признавая язык совершенным созданием, М. Мюллер писал: «Всякий оттенок мысли, находящий выражение себе в столь законченной и с такой точностью составленной системой времен, наклонений и частиц греческого языка (имеется в виду древнегреческий язык. — *В.А., О.В., О.Н.*) может быть и был действительно выражен средствами на этом языке грудных младенцев (подразумевается китайский язык. — *В.А., О.В., О.Н.*) словами, в которых нет ни префикса, ни суффикса, ни окончаний для обозначения числа, падежа, времени, наклонения или лица» [13. С. 14].

В подтверждение этой мысли М. Мюллер обращается к сопоставлению языка с природой: «В природе не может быть заблуждений; ошибка должна быть с нашей стороны. Это убеждение жило в душе Аристотеля, когда, несмотря на свое далеко не полное знание природы, он объявил, что в природе нет ничего вставного или бессвязного, как в плохой трагедии; и со времени Аристотеля каждый новый факт и каждая новая система подтверждали его убеждение» [1. С. 12–13].

Любопытно, что мысль о совершенстве языка ставили ему в упрек, отмечая ее расхождение с теорией эволюции точно так же, как ставили в упрек

аналогии с идеями Дарвина. Но было бы упрощением считать, что теорию Дарвина Мюллер буквально переносил на понимание языкового развития. Она больше давала повод к сопоставлению, поискам соприкосновения и расхождения в изменении биологического организма и языка. И языкознание, и биология работают с системами. Разными, но системами. Надо сказать, что эта мысль (о совершенстве языка) обосновывается в сравнительно недавних работах профессора Г.П. Мельникова с позиций системологии: каждый язык со всеми особенностями его типологического строя в каждый момент его существования, являясь естественно сложившей саморегулируемой адаптивной системой, совершенен для выполнения им основной функции в сложившихся условиях, которые Г.П. Мельников называл внешней детерминантой [14].

Совершенство любого типа языка и сегодня не является аксиомой. В исследовании причин стадильности лингвисты продолжают связывать в той или иной степени изменение стадии языкового строя с изменением стадии ментального развития. Например, все еще соотносят отсутствие разграничения между подлежащим и сказуемым в словопредложении предельно инкорпорирующих языков с недостаточной развитостью логического мышления их носителей.

В лекции М. Мюллера о наслоении языка воспроизводится высказанная ранее В. фон Гумбольдтом мысль о том, что развитие языка возможно только по линии усложнения грамматики, достигающей наивысшей степени во флективных формах. Однако стабилизироваться строй языка может на разных этапах универсального вектора развития.

М. Мюллер вслед за А. Шлейхером воспроизводит модель преемственных состояний языка, соответствующих, правда, не четырем, а трем грамматическим типам, хотя В. фон Гумбольдт уже выделил инкорпорацию в отдельный тип:

- RR, где R — корень, не подверженный фонетическим изменениям;
- R + ρ, или ρ + R, или ρ + R + ρ, где ρ — фонетически измененное «пустое» (служебное) слово, утратившее знаменательное значение, которое у него было ранее;
- гр, или рг, или ргр — фонетически искаженные «полные» и «пустые» слова (знаменательные и служебные), «сплавленные в одну смешанную массу» (соединенные фузией).

Возникновение моделирования как метода говорит о том, что «научная дисциплина имеет уже многоярусную *систему методов* и, по-видимому, целый подкласс логических моделей, то есть моделей методов определенных этапов исследования как элементов, включенных в стратегическую систему этапов как метод весьма высокого яруса» [14. С. 160].

Идея изменения одного языкового типа в другой встретила резкую критику в современном М. Мюллеру научном сообществе даже со стороны таких мыслителей, каким был Август Фридрих Потт, первым обосновавший научную этимологию индоевропейских языков [15].

Сегодня идея перехода разрабатывается по линии стадиальных перестроек между предельно инкорпорирующими языками и флективными с переходным эргативным инкорпорирующим состоянием и возможными иными дискретными состояниями не предельно инкорпорирующих форм и выдвинута гипотеза существования трех независимых осей стадиальных перестроек, опирающаяся на понятие внутренней формы языка, смысл которого раскрывается через понятие номинативного ракурса языка [16].

Отстаивая идею изменения языкового типа, М. Мюллер пишет о «наслоении» в языке: в корнеизолирующем языке есть агглютинирующие формы, а в агглютинативных языках обнаруживаются элементы флексии. Нет в действительности языка, который можно было назвать исключительно односложным, агглютинирующим или «флексивным». М. Мюллер раскрывает себя как диалектик, принципиально чуждый механистическим представлениям: «Не столь затруднительно показать переход от одного слоя языка к другому; гораздо труднее провести отчетливым образом демаркационную линию между различными слоями» [13. С. 18]. В этом высказывании можно прочесть предвосхищение идей, которые позволили в дальнейшем обнаружить стадии таких переходов и синтезировать морфологическую классификацию языков со стадиальной в системной типологии языков.

Вполне выражен в сочинениях М. Мюллера передовой и на сегодняшний день методологический принцип взаимодополнения результатов, полученных разными исследователями: «Хотя система Птолемея была неверна, однако даже, с ее эксцентрической точки зрения, были открыты законы, определившие истинное движение небесных тел. Уверенность, что еще остается нечто необъясненное, непременно приведет к открытию нашего заблуждения» [1. С. 12].

М. Мюллер и сравнительные науки

Интеллектуальный диалог с античной мыслью, традиция соотносить науку частную с другими частными науками и с идеями общей философии и связывают М. Мюллера со своим временем, и выделяют его среди современников. Его «Сравнительная мифология» [17], переведенная на русский в 1863 г., — одна из первых работ, в которой раскрывается значение языка в формировании мифов. Идеи М. Мюллера самым существенным образом повлияли на русскую мифологическую школу. Ее основатель Ф.И. Буслаев писал: «Чтобы во всей ясности определить смысл какого бы то ни было мифа, надобно пользоваться здравыми этимологическими его основами. Сравнительная филология, произведя полную реформу в грамматике и словопроизводстве классических языков, приложила этот принцип к правильно-му изучению классической мифологии, и отныне никакой миф не может быть до конца объяснен в точности, пока не будут подвергнуты этимологическому разбору самые имена действующих в мифе лиц» [18. С. 333].

М. Мюллер, знаток санскрита, исследователь и переводчик древних индийских рукописей (см. знаменитую «History of Ancient Sanscrit Literature» [19]), в этимологических исследованиях опирается на ведийские источники: «...не сходя еще с почвы индоевропейских народностей, мы должны познакомиться с той теорией, которую составили ведисты для объяснения мифологического развития этих народностей. В этом отношении первое место отводим мы блистательным гипотезам М. Мюллера» [18. С. 332].

Сравнительное поле в его работах все время расширяется, к сопоставлению подключаются космогонии «современных дикарей», ограничение в лингвистическом анализе связано только с незнанием их языков. Ф.И. Буслаев отмечает эту кажущуюся ему уникальной для санскритолога особенность исследовательского метода М. Мюллера, проявлявшего глубокий интерес к работам по мифологии индейцев Центральной Америки: «Но что особенно замечательно — и сами ведисты, ограничивающие науку строгими лингвистическими и филологическими основаниями, не только не пренебрегают этой областью, потому что не могут ее разрабатывать лингвистически, но и уделяют ей часть своего времени, столь дорогого для открытий по древнеарийской древности. ...Ясно, что когда речь идет о первобытности нравов, обычаев и воззрений, то ведисты не могут обойти своим вниманием того, что в диком варварстве, может быть, еще предшествует маститой давности арийских „Вед“. ...Говоря о первобытном состоянии народов индоевропейских в их доисторических зародышах, открываемых в языке и текстах арийских „Вед“, мы нашли во всех языках этих народов глубоко вкоренившееся предание о семье с ее родственными разветвлениями, а в основе мифологических воззрений на природу, следуя М. Мюллеру (Essays, I, 272, II, 223) и другим лингвистам, мы усмотрели исконное у всех этих народов чествование света, неба и солнца в их борьбе с мраком и зловредными крайностями» [18. С. 359].

Влияние М. Мюллера на развитие научной мысли не всегда было прямым, в полемике с ним вырабатывались научные представления А.А. Потебни [20], который, опираясь, с одной стороны, на идею М. Мюллера о связи языка и мифа, одновременно доказывал, что не мог язык, как полагал М. Мюллер, быть сначала сознательно метафоричным, а потом, забыв первоначальную метафоричность, начать порождать мифы. В полемике с М. Мюллером А.А. Потебня показал, что первоначально в языке господствовали не отвлеченные, а конкретные значения.

Так труды М. Мюллера создали не только актуальную и сегодня научную традицию, методологически поддержав школу компаративистики в разных областях знания, но и столь необходимое для развития науки живое полемичное поле (см. труды Вяч. Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе [21], А.Ф. Лосева [22], В.Н. Топорова [23] и др.), без которого невозможно возникновение независимой мысли.

Лингвистическое наследие М. Мюллера

Лингвистическое наследие М. Мюллера, так ярко заявившего о себе в эпоху открытий в области компаративистики, на долгие годы «потерялось» среди имен Ф. Боппа, А. Шлейхера, Ф.Ф. Фортунатова, создавших свои *школы*. Их идеи и книги до сих пор обсуждаются, а памятные юбилеи стали доброй традицией. Так, в 2016 г. в Институте языкознания РАН отмечали 200-летие выхода в свет первой крупной работы Ф. Боппа, положившей начало триумфальному шествию сравнительно-исторического языкознания в Европе; с 2018 г. в Петрозаводском государственном университете проходят «Фортунатовские чтения»; в 2022 г. в МГУ состоялась международная научная конференция «Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868)». О М. Мюллере и сейчас пишут редко, но можно отметить диссертацию «Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое» [24]. Эту лакуну в отношении М. Мюллера (и не только его) можно объяснить отчасти нашей невнимательностью к истории и методологии языкознания. С другой стороны, развиваясь спиралевидно, наука в разные времена выдвигает свои критерии: доминирующие направления сменяются маргинальными, и наоборот [4]. Так случилось и с натурализмом, которым «болели» лучшие умы XIX в.: «...когда в 1922 году, т. е. уже в структуралистский период, во Франции появилась последняя работа в духе натурализма, она уже воспринималась как анахронизм» [4. С. 10–11]. Даже труды такого корифея компаративистики, как А. Шлейхера, уже к 1880 г., по признанию А. Мейе, имели бы «только исторический интерес» [25. С. 466]. Этот «переворот» он отнес к 1875–1880 гг. Влияние А. Шлейхера постепенно ослабевало [26. С. 10].

Однако, как мы доказали, М. Мюллер был не только ярким натурфилософом в лингвистике, но и типологом, классификатором — *теоретиком новой науки о языке*. В своих работах он пытался предугадать развитие лингвистики и стремился к тому, чтобы целостный подход к анализу языка преобладал над разрозненными фактами и экспериментами.

То, что работы М. Мюллера издавались в России XIX в. в переводе на русский язык (в 1866 г. в воронежском журнале А.А. Хованского «Филологические записки» публиковался курс лекций по науке о языке М. Мюллера, в 1868–1870 гг. [7; 8] они вышли двумя выпусками отдельным оттиском, а в 1871 г. там же — лекция «Наслоение языка» [13]), свидетельствует о симпатии к нему и отечественных филологов. Хотя у нас натуралистическое направление в лингвистике не было так ярко выражено и не сформировало отдельную школу, очевидно, что мюллеровские интерпретации «наслоений в языке» были созвучны компаративистским мотивам буслаевской мифологической школы, мыслям И.И. Срезневского о связи языка с народным творчеством [27]. Можно с уверенностью сказать, что антропологизм

М. Мюллера, пусть и не совсем зрелый с точки зрения методологии, лег на питательную почву компаративистики, искавшей и находившей *человеческое* в языке. В этом состоит немала заслуга М. Мюллера и первопроходцев его поколения.

Другой чертой его творчества можно назвать живую увлеченность древностями. Этим объясняется интерес ученого и к языкам, и к религиям, и к истории философии. Он обладал уникальным даром популяризации сложных научных идей, что до сих часто воспринимается как вторичное знание. То, с каким вдохновением писал ученый о языковых и религиозных центрах развития (арийском, семитском и туранском), позволило ему применить сравнительный метод не только в лингвистике, но и в религиоведении, то есть расширить историческое поле языка, найти общие генетические связи между разными семиотическими системами, рассмотреть архаичные тексты сквозь призму, как бы сейчас сказали, социокультурного подхода — то, что признается перспективным в науке XXI в. М. Мюллер не боялся идти своим путем в компаративистике, а «популяризаторство», и в особенности натуралистические взгляды ученого, за что его критиковали последователи и современные ученые [24], можно рассматривать в ином герменевтическом ракурсе: он не являлся строгим компаративистом-классиком, этимологом и грамматистом, не был апологетом только одного метода, а синтезировал идеи философии языка с лингвистической концепцией. У своих учителей М. Мюллер перенял главное — интерес к праистории, поиску сходств языков и культур как цивилизационных явлений. Он был проповедником идей сравнительности в самом высоком духовном смысле этого слова и, наверное, сумел заглянуть в будущее филологического знания.

Заключение

Научная биография М. Мюллера, как и всякого талантливого человека, противоречива. В ней были и интересные находки, и объяснимое подражательство, вызванное скорее увлеченностью филолога лингвистическими идеями своего времени. Поражает широта и глубина когнитивного проникновения ученого в языковые миры, которые стали для него трамплином для поиска истины, духовного совершенствования. Не изменяя основным принципам компаративистики, он в работах нащупал, порой прозорливым наитием филолога-самородка, пути развития сравнительно-исторического языкознания и вывел эту науку за пределы поля изучения только древних языков и памятников. Очевидно, что, находясь под влиянием натурализма, он, как и его учителя, не мог полностью освободиться от довлевших над наукой концепций. При этом философское, или, скажем по-современному, лингвокультурологическое начало в работах позднего времени вышли на первый план, оставив позади традиционную методологию компаративистики. Одни увлечения

сменились другими: М. Мюллер прошел большой путь авторитетного лингвиста-пропагандиста и в конце его сознательно погрузился в сплетения религиозно-идеологических идей и изучение древних цивилизаций. Новые поиски придали ученому свежий импульс в решении проблемы языка — мифа.

В лингвистике второй половины XIX в. немало личностей и идей, которые неоднозначно воспринимались современниками. Языкознание того периода — эпоха открытий и соревнований. Тот, кто оказался на вершине пьедестала, получил лавры «основоположника». М. Мюллер и в его время был нетипичным компаративистом, а позднее стал восприниматься в научной аудитории чаще как популяризатор, хотя в лекциях ученого до сих пор можно найти ценнейшие, тончайшие факты и пересечения, выходящие далеко за стандарты лингвистического века компаративистики. Вопрос лишь в том, как их интерпретировать.

Библиографический список

1. Мюллер М. Лекции по науке о языке, читанные в Королевском британском институте в апреле, мае, июне 1861 г. СПб.: Издание редакции «Библиотеки для чтения», 1865.
2. Ловягин А.М. Мюллер Фридрих-Макс // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX (39). СПб: Семеновская типолитография И.А. Ефрона, 1897. С. 359–360.
3. Костылев П.Н. К 140-летию религиоведения. «Кто знает одну религию, не знает ни одной» (Ф.М. Мюллер) // Religio. Ru: журнал. 17.02.2010. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20150912060456/http://religo.ru/journal/5009> (дата обращения: 02.12.2022).
4. Алпатов В.М. История лингвистики: мейнстрим и маргиналы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2(870). С. 9–14. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_9
5. Алпатов В.М. История идей науки и история людей науки // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: Материалы Международной научной конференции / отв. ред. О.К. Ирисханова. М.: МГЛУ, 2020. С. 3–6.
6. Шор Р.О. На путях к марксистской лингвистике. М.; Л.: ОГИЗ, 1931.
7. Мюллер М. Наука о языке: Новый ряд чтений Макса Мюллера в Великобританском королевском институте в 1863 г.: пер. с англ.: (Lectures on the science of language. Second series. 1864). Вып. 1. Воронеж: В типографии В. Гольдштейна, 1868.
8. Мюллер М. Наука о языке: Новый ряд чтений Макса Мюллера в Великобританском королевском институте в 1863 г.: пер. с англ.: (Lectures on the science of language. Second series. 1864). Вып. 2. Воронеж: В типографии В.А. Гольдштейна, 1870.
9. Дыбо В.А. Язык — этнос — археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 75–94.
10. Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия / под ред. Б.Б. Пиотровского, В.В. Иванова, В.Г. Ардзинбы. М.: Наука, 1985. С. 74–94.
11. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
13. Мюллер М. Наслоение языка. Лекция, прочитанная в заседании Кэмбриджского университета 29 мая 1868 г. / перевод с англ. А. Чудинова. Воронеж: В типографии В.А. Гольдштейна, 1871.

14. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.
15. Pott A.F. Max Müller and the characteristics of language affinity // *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 1855. Bd. 9, 405–464.
16. Мельников Г.П. Системная типология языков: Синтез морфологической классификации со стадиальной. М.: РУДН, 2000.
17. Мюллер М. Сравнительная мифология / пер. с англ. И.М. Живаго. М.: тип. Грачева и К°, 1863.
18. Буслаев Ф.И. Русский быт и духовная культура / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015.
19. Müller F.M. *History of Ancient Sanscrit Literature*. London: Williams and Norgate, 1860.
20. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
21. Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 тт. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
22. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994.
23. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. В 4-х тт. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1–2. М.: Языки славянских культур, 2006.
24. Стекольников И.В. Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое: дисс. ... докт. филол. наук. Мытищи: МГОУ, 2020.
25. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938.
26. Алпатов В.М. Шлейхер, теория, метод // Сравнительно-историческое языкознание XIX—XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868): Материалы XI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во Московского ун-та, 2022. С. 10–16.
27. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1887.

References

1. Müller, M. (1865). *Lectures on the science of language delivered at the British Royal Institute in April, May, June 1861*. St. Petersburg: Biblioteka dlya chteniya. (In Russ.).
2. Lovyagin, A.M. (1897). Müller Friedrich-Max. In: *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. Vol. XX (39). St. Petersburg. pp. 359–360. (In Russ.).
3. Kostylev, P.N. (2010). On the 140th anniversary of religious studies. “Who knows one religion, knows none” (F.M. Müller). *Religio. Ru: Journal*. URL: <https://web.archive.org/web/20150912060456/http://religio.ru/journal/5009> (accessed: 02.12.2022). (In Russ.).
4. Alpatov, V.M. (2023). History of linguistics: mainstream and marginals. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(870), 9–14. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_9 (In Russ.).
5. Alpatov, V.M. (2020). The history of ideas of science and the history of people of science. In: *Science without borders: synergy of theories, methods and practice: Materials of the International Scientific Conference*. O.K. Iriskhanova (Ed.). Moscow: MGLU. pp. 3–6. (In Russ.).
6. Shor, R.O. (1931). *On the way to Marxist linguistics*. Moscow; Leningrad: OGIZ. (In Russ.).
7. Müller, M. (1868). *Lectures on the science of language. Second series by Max Müller at the British Royal Institute in 1863*. P. 1. Voronezh: V.A. Goldstein Publ. (In Russ.).
8. Müller, M. (1870). *Lectures on the science of language. Second series by Max Müller at the British Royal Institute in 1863*. P. 2. Voronezh: V.A. Goldstein Publ. (In Russ.).
9. Dybo, V.A. (2006). Language — ethnos — archaeological culture (A few thoughts on Indo-European problem). In: *Globalization — ethnization: ethno-cultural and ethno-linguistic processes*. In 2 books. B. 1. Moscow: Nauka. pp. 75–94. (In Russ.).

10. Starostin, S.A. (1985). Cultural vocabulary in the General North Caucasian dictionary fund. In: *Ancient Anatolia*. Moscow: Nauka. pp. 74–94. (In Russ.).
11. Stepanov, Yu.S. (1975). *Methods and principles of modern linguistics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
13. Müller, M. (1871). *Layering of the language. Lecture delivered at a meeting of the University of Cambridge on May 29, 1868*. A. Chudinov (Transl.). Voronezh: V.A. Goldstein Publ. (In Russ.).
14. Melnikov, G.P. (2003). *System typology of languages: Principles, methods, models*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
15. Pott, A.F. (1855). Max Müller and the characteristics of language affinity. *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 9, 405–464.
16. Melnikov, G.P. (2000). *System typology of languages: Synthesis of morphological classification with stadial*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
17. Müller, M. (1863). *Comparative mythology*. Transl. from English by I.M. Zhivago. Moscow: Grachev & K° Publ. (In Russ.).
18. Buslaev, F.I. (2015). *Russian life and spiritual culture*. Comp. and ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russ.).
19. Müller, F.M. (1860). *History of Ancient Sanscrit literature*. London: Williams and Norgate.
20. Potebnaya, A.A. (1989). *Word and myth*. Moscow: Pravda. (In Russ.).
21. Ivanov, V.V. & Gamkrelidze, T.V. (1984). *Indo-European language and Indo-Europeans: Reconstruction and historical and typological analysis of proto-language and proto-culture*. In 2 vol. Tbilisi: University of Tbilisi Publ. (In Russ.).
22. Losev, A.F. (1994). *Myth. Number. Entity*. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
23. Toporov, V.N. (2006). *Studies on etymology and semantics*. In 4 vols. Vol. 2. *Indo-European languages and Indo-European studies*. Books 1–2. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.).
24. Stekol'shchikova, I.V. (2020). *The naturalistic concept of language in linguistics of the XIX century: general and specific* [dissertation]. Mytishchi: MGOU. (In Russ.).
25. Meillet, A. (1938). *Introduction to the comparative study of Indo-European languages*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz. (In Russian).
26. Alpatov, V.M. (2022). Schleicher, Theory and Method. In: Comparative historical linguistics of XIX–XXI centuries. To the 200th anniversary of August Schleicher (1821–1868). In: *Proceedings of the XIth International Scientific Conference on Comparative Historical Linguistics*. Moscow: Moscow University Publ. pp. 10–16. (In Russ.).
27. Sreznevsky, I.I. (1887). *Thoughts on the history of the Russian language*. St. Petersburg: V.S. Balashov Publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт лингвистических исследований РАН; e-mail: v-alpatov@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0003-4323-2832; Scopus Author ID: 33067564500; ResearcherID: EJF-4777-2022

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; e-mail: ovalentinova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет; *e-mail*: olnikitin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2815-6691; Scopus Author ID: 57209316536; ResearcherID: AAE-8207-2019

Information about the authors:

Vladimir M. Alpatov, D.Sc. (Philology), Professor, Academician of RAS, Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia, Institute of Linguistics of RAS; *e-mail*: v-alpatov@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-4323-2832; Scopus Author ID: 33067564500; ResearcherID: EJF-4777-2022

Olga I. Valentinova, D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, RUDN University; *e-mail*: ovalentinova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019

Oleg V. Nikitin, D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University; *e-mail*: olnikitin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2815-6691; Scopus Author ID: 57209316536; ResearcherID: AAE-8207-2019

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646

EDN: MHOLPY

UDC [811.581:811.161.1]’373

Research article / Научная статья

Image of a Woman in Chinese and Russian Proverbs

Natalia V. Novospasskaya¹ , Yang Xue¹, Arina Yu. Mikhaylenko² ¹RUDN University,

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

²Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

32A, Leninsky Av., Moscow, Russian Federation, 119334

 novospasskaya-nv@rudn.ru

Abstract. Proverbial comparative studies are a relevant area of modern linguistics, since the corpus of proverbs of a particular language reflects the peculiarities of the worldview of an ethnos, its value guidelines, established social connections, prohibitions, priorities, and traditions. In this regard, it seems interesting to compare the language signs and the meanings behind them, which coincide in two different Chinese and Russian linguistic cultures. The similarity that underlies our comparison is due to universal human values, the foundations of traditional society and the biological nature of family relationships. The result of the study was the recording of eleven coinciding meanings of proverbs about a woman: daughter as a beloved female child; daughter as an extra mouth in the family; daughter as a potential member of another family; daughter as a family member opposed to daughter-in-law; qualitative description of a bad wife; qualitative description of a good wife; wife-partner; tradition of wife beating; mother as the basis for the life and upbringing of a child; mother as a bearer of love; opposition of mother and stepmother. The study can be continued by identifying and describing means of expressing these meanings in Chinese and Russian proverbs about a woman. A separate aspect of the comparative analysis can be identification of divergent meanings in proverbs about women, which we understand as a fixation of gender norms of traditional society.

Keywords: proverbial picture of the world, proverb, Chinese language, Russian language

Article history:

Received: 01.06.2023

Accepted: 15.06.2023

For citation:

Novospasskaya, N.V., Yang, X. & Mikhaylenko, A.Yu. (2023). Image of a Woman in Chinese and Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 633–646. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646>

© Novospasskaya N.V., Yang X., Mikhaylenko A.Yu., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Образ женщины в китайских и русских паремиях

Н.В. Новоспасская¹ , Ян Сюе¹, А.Ю. Михайленко²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Институт славяноведения РАН,
119334, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А
 novospasskaya-nv@rudn.ru

Аннотация. Паремиологические сопоставительные исследования являются актуальным направлением современной лингвистики, поскольку корпус паремий конкретного языка отражает особенности мировосприятия этноса, его ценностные ориентиры, сложившиеся социальные связи, запреты, приоритеты, традиции. В этой связи представляется интересным сравнить знаки языка и стоящие за ними смыслы, которые совпадают в двух различающихся китайской и русской лингвокультурах. Сходство, которое лежит в основе нашего сопоставления, обусловлено общечеловеческими ценностями, основами традиционного общества и биологической природой семейных отношений. Результатом исследования стала фиксация одиннадцати совпадающих значений паремий о женщине: дочь как любимый ребенок женского пола; дочь как лишний рот в семье; дочь как потенциальный член другой семьи; дочь как противопоставленный невестке член семьи; качественное описание плохой жены; качественное описание хорошей жены; жена-партнер; традиция битья жены; мать как основа жизни и воспитания ребенка; мать как носитель любви; противопоставление матери и мачехи. Исследование может быть продолжено выявлением и описанием средств выражения данных значений в китайских и русских паремиях о женщине. Отдельным аспектом сопоставительного анализа может стать выявление несовпадающих значений в паремиях о женщине, которые мы понимаем как фиксацию гендерных норм традиционного общества.

Ключевые слова: паремиологическая картина мира, паремия, китайский язык, русский язык

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2023

Дата приема в печать: 15.06.2023

Для цитирования:

Novospasskaya N.V., Yang Xue, Mikhaylenko A.Yu. Image of a Woman in Chinese and Russian Paroemiae // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 633–646. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646>

Introduction

Linguistic analysis of systems of paroemiae in world languages will remain a relevant scientific problem of modern linguistics [1–3]. Aspects of consideration include thematic, structural and figurative representation of paroemiae [4], their axiological characteristics [5; 6], cognitive-pragmatic nature [7].

The image of a woman in paroemiae, which became the object of consideration of this study, continues the tradition of describing the paremiological picture of the world in a separate fragment, in particular, on the material of Spanish [8–10], Malagasy [10], Tuvan [11], German [11], Portuguese [12], Swedish [13] languages. These studies form part of the thematic field of family, the paremiological systems of which are described based on French [14; 15], English [16–18]; Turkish [17], Kalmyk [18], Swedish [19] languages.

A separate group of studies consists of the analysis of the Chinese linguistic picture of the world [20–22], because culture is “a special type of knowledge that reflects information about a person’s reflexive self-knowledge in the processes of his/her life practices” [23. P. 679], culture is a semiotic system in which “signs and meanings are synthesized: a sign is the bearer of what was developed by human in the process of understanding the world” [24. P. 170]. In this regard, it seems interesting to compare those signs and the meanings they express that coincide within the Chinese and Russian linguistic cultures, determined by universal human values, the foundations of traditional society and the biological nature of family relationships.

Materials and results of the study

The study was conducted based on the material obtained by continuous sampling from dictionaries of paremiological units of the Chinese^{1,2} and Russian^{3,4} languages. The principle of selection is based on choosing paroemiae of any format in which one of the three meanings under consideration is expressed; there is a formal reference to a woman. The selected paremiological units are sorted into groups with a common meaning. Single paroemiae are not taken into account in the sample; thus, only those paroemiae that are reflected in both the Chinese and Russian languages are combined into groups. We formed groups WOMAN–MOTHER; WOMAN–DAUGHTER; WOMAN–WIFE.

The connection between the form and content of the paroemiae is due to the generalization of the meaning, i.e. stable orientation of characteristics and attributes. Lexical groups in which there is no specific content act

¹ Wen, Duanzheng (2012). *Dictionary of 10,000 proverbs*. Shanghai: Shanghai Lexicographic Publ. (In Chinese).

² Wen, Duanzheng (2011). *Large dictionary of Chinese proverbs*. Shanghai: Lexicographical Publ. (In Chinese).

³ Dal’, V.I. (1957). *Proverbs of the Russian language*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

⁴ Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *Large dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).

as formal means of expressing a generalization of the proverbial structure. The proverbial form is based on an associative-imaginative motivational complex of semantic dominants that organize the complex content of the proverb. These semantic dominants predetermine the content of subsequent components of the form which verbally embody the semantics of this whole in the language. The form of paroemiae about the three hypostases of a woman in many cases is based on the associative connection of its components, which can continue to be included in chains of oppositions, forming associative-semantic subgroups. These components are linked by an associative connection with the identifier stimulus located in the centre of the field. According to Yu.N. Karaulov, for the implementation of an association there is a necessary condition — a semantic connection: if there is a semantic connection, there is also an association [25. P. 180].

WOMAN–MOTHER in Chinese and Russian paroemiae

Mother is a key figure in the structure of the family and society as a whole, embedded in the world picture of any language. The paremiological level of the language reflects predominantly the traditional idea of it. Chinese and Russian traditional society defined motherhood as the dominant feature of a woman's life, maternal love is perceived as equal to female nature, most women preferred to be a mother and knew how to do it. In traditional society, the lack of a girl's right to go to school and later to realize herself in the professional sphere created the preconditions for redirecting her energy to the family, which became a platform for learning, and later an arena for her activities. Thus, mothers were the first teachers of children, authoritative in the family in raising children, which was assessed by society as the main function of a woman.

We noted such meanings as the *indispensability of a mother for a child, the infinity and tenderness of a mother's love, the opposition of mother and stepmother.*

1) **indispensability of a mother for a child** — this meaning is often presented in Chinese and Russian paroemiae in two ways:

- *comparison with the flora/animal world* as proof of the intrinsic nature of the connection between a child and a mother (35 Chinese and 39 Russian paremiological units): 瓜儿离不了秧儿, 小孩离不了娘 ‘a melon cannot be separated from its sprouts, a child cannot be separated from his/her mother’; 鱼见生水, 如子见母 ‘when a fish sees water, it is similar to a son seeing his mother’ meaning mother is all life, a child needs her as fish needs water / Птица радуется весне, а младенец матери ‘the bird rejoices at the spring, and the baby at its mother’; Мать любит дитя как кошка — котя ‘a mother loves her child as a cat loves her kitten’;

- *contrasting the relationship of a child with father and mother* (22 Chinese and 24 Russian paremiological units), this meaning is presented as unequal participation and level of influence of the mother and father on the upbringing of the child, the role of the mother is assessed as more significant: 和尚亲不如庙亲, 老子亲不如娘亲 ‘a monk is not as close as a temple and a father is not as close as a mother’; 爹是爹, 娘是娘, 爹爹再好替不了娘 ‘father is father, mother is mother, and father is no substitute for mother’ / Отцов много, а мать одна ‘there are many fathers, but one mother’; Без отца — пол сироты, а без матери и вся сирота ‘without a father one is partially an orphan, and without a mother — an entire orphan’; Что мать в голову вобьёт, того отец не выбьёт ‘what mother puts into her head, father will not knock it out’;
  - here we note a meaning of the *negative role of mother in the child’s life*, which is represented by: *cause-and-effect link of upbringing and its result* (11 Chinese and 16 Russian paremiological units): 娇生惯养没有好儿郎 ‘mothers who spoil their children do not have good children’; 母慈悲儿孝顺, 娘狠毒儿生分 ‘if the mother is merciful, then the son is obedient; if the mother is cruel, then the son is indifferent’ / Щенок у матери лаять учится ‘puppy learns to bark from mother’; and the *similarity of the child and mother* (In appearance, character and behaviour) (7 Chinese and 12 Russian paremiological units): 看看她娘脚后跟, 就知道闺女七八分 ‘if you look at her mother’s heels, you can tell her daughter’s size — whether it’s 7 or 8’ / Дурной рыбак — дурные сети, дурная мать — дурные дети ‘a bad fisherman has bad nets, a bad mother has bad children’; У свахи-неряхи и невесты неряхи ‘the matchmaker is a slob then her girls (wives-to-be) are slobs’.
- 2) The idea of **infinity and tenderness of a mother’s love** is often expressed in the paremiological units under consideration with the use of:
- comparisons (19 Chinese and 26 Russian paremiological units): 鸡无三条腿, 娘无两条心 ‘the chicken does not have three legs, and the mother does not have two hearts’ in the meaning of the needlessness of the mother’s second heart, because her love is infinite, the idea is conveyed through a comparison with the third leg of a chicken, similar to the Russian paroemia Как у собаки пятая нога ‘dog’s fifth leg’ / Материнская забота и в огне не горит и в воде не тонет ‘maternal care does not burn in fire and does not drown in water’.
  - metaphors (11 Chinese and 16 Russian paremiological units): 舐犊情深 *literally* ‘deeply in love licks the calf’ in the meaning ‘the cow licks her calf as a symbol of care and love’; 寸草春晖 *literally* ‘the sun in spring is necessary for the growth of grass’ in the meaning ‘a small blade of grass cannot repay with its meager heart the deep love of the spring sun’ / Материнская ласка конца не знает ‘mother’s caress knows no end’; Для матери ребенок до ста лет дитёнок ‘for a mother a child stays a baby up to a hundred years old’.
- 3) *The role of the mother in traditional society is also conveyed through the **opposition of mother and stepmother*** (14 Chinese and 16 Russian paremiological units).

The frequency of paroemiae with the component stepmother in the paremiological units of two languages confirms the traditional division of functions in the family between genders: if the wife dies, the man must marry a second time, since there remains a need to run the household, and most importantly, to raise his children because the man is the economic basis of the family. The stepmother in paroemiae is presented as evil, which can be emphasized in comparison with the animal world, or directly contrasted with the mother: 黄蜂尾, 马蜂针, 最狠不过后母心 ‘a wasp’s tail, a wasp’s needle, the most ruthless thing is the stepmother’s heart’ / Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь ‘the stepmother is chasing out of the house, and the bear is chasing out of the forest’; 扇风不及吹风凉, 后娘莫如亲生娘 ‘the air flow from under the hand fan is not as cold as the wind, the stepmother is worse than the real mother’ / Мать высоко замахваётся, да не больно бьёт, мачеха низко замахваётся, да больно бьёт ‘the mother swings high, but doesn’t hurt, the stepmother swings low but hits painfully’.

WOMAN–DAUGHTER in Chinese and Russian paroemiae

In a traditional society, the attitude towards a daughter is opposed to the attitude towards a son, which is why we understand the son as a resource. Paroemiae of the Russian and Chinese languages coincide in marking the son as a family value (12 Chinese and 13 Russian paremiological units): 家有秘密不外传, 不传闺女只传男 ‘if there is a secret treasure in a family, it should not be passed on to others, it should not be passed on to daughters, only to men’; Дочь питаю — за окно кидая, сына кормлю — в долг даю ‘I feed my daughter — it’s a waste-out, I feed my son — it’s investment’.

In the selection of paroemiae about a daughter, we note the coinciding meanings of a daughter who grows up for someone else’s family, the opposition of a daughter and a daughter-in-law, a daughter as an extra mouth and a beloved daughter.

- 1) **a daughter who grows up for someone else’s family** — the understanding of a daughter as a potential member of another family (the one into which the daughter will marry) is most frequent in the sample (13 Chinese and 16 Russian proverbs): 出嫁的女儿就像泼出去的水 ‘a daughter given in marriage is like water that is poured out’ / Дочь — работница для чужого поля, ключница чужому отцу, ларечница чужой матери ‘a daughter is a worker for someone else’s field, a housekeeper for someone else’s father, a treasure keeper for someone else’s mother’; Дочь — чужое сокровище ‘daughter is someone else’s treasure’;
- 2) **the opposition of a daughter and a daughter-in-law** (In the sample 5 Chinese paroemiae and 4 Russian paremiological units): 姑娘本是堂前客, 嫂嫂才是

当家主 ‘the daughter must be a guest at the front of the hall, the daughter-in-law is the mistress of the house’; 传子不传婿, 传媳不传女 ‘it is passed from son to son, but not from son-in-law’ is understood as the fact that the material and cultural wealth of the family is passed through the line of the son (son + daughter-in-law), but not through the line of the daughter (daughter + son-in-law) / Зять по дочке помилует, а сын по невестке опостылеет ‘a son-in-law will be kind to one’s daughter, but a son will be disgusted with one’s daughter-in-law’;

- 3) **a daughter as an extra mouth** in a family — this meaning can be expressed explicitly (9 Chinese and 8 Russian paremiological units) and implicitly (12 Chinese and 13 Russian paremiological units): 女到娘家是个贼, 十回来, 九回失 ‘the daughter returns to her mother’s house like a thief; in nine cases out of ten the family will lose something’ (direct indication of material damage); 河里的沙土打不起墙, 出门的闺女养不了娘 ‘sand from a river cannot build a wall, and a daughter who leaves home cannot feed her mother’ (indication of the meaning through comparison); 家有三个女, 连娘四个贼 ‘the family has three daughters and a mother, that is, four thieves’ (direct indication of material damage); 赔不尽的女儿, 过不尽的年 ‘there is no end to raising a daughter you need to spend money on, it’s endless years’ (about the need for material investments in raising a daughter who will not bring dividends); 没粪不要种黍子, 没钱不要养妮子 ‘don’t plant millet without manure, don’t raise your daughters without money’; 月好晒不得谷, 女好上不得屋 ‘although the moon is good, it cannot illuminate the grain; although the daughter is good, she does not return home’ / Дочку в колыбельку — приданое в коробейку ‘put daughter in the cradle — put dowry in a box’; Одна с хлеба долой ‘one off the bread’ (about a married daughter), Растить дочку, что лить в дырявую бочку ‘raising a daughter is like pouring a leaky barrel’; Дочь отцу-матери не корысть (не кормилица) ‘a daughter of a father and mother is not for self-interest’ (not a feeder). This meaning is also expressed with the use of the antithesis son — daughter (10 Chinese and 13 Russian paremiological units): Сын хлебом кормит, а дочь последний кусок унесёт ‘the son feeds family with bread, and the daughter takes away the last piece’; Девочка выносит, а сын приносит ‘the girl takes things out and the son brings them in’;
- 4) **a beloved daughter** — we noted this meaning in two types of paroemiae: units in which both sons and daughters are mentioned (9 Chinese and 12 Russian paremiological units) and only daughters (6 Chinese and 7 Russian paremiological units): 生女勿悲酸, 生男勿喜欢 ‘don’t be too sad about the birth of a daughter, and don’t be too loving towards a born boy’; 生了女儿纺棉花, 生下儿子做庄稼 ‘give birth to a daughter who spins cotton, give birth to a son who grows crops’; 生男可喜, 生女不忧 ‘giving birth to a boy is nice, but giving birth to a girl is also worth it’; 手心手背都是

肉, 儿子丫头都是后 ‘all sons and daughters are a worthy continuation’ / *Сын да дочь — ясно солнце, светел месяц* ‘son and daughter — the sun is clear, the moon is bright’; *Хорошая дочь стоит двух плохих сыновей* ‘a good daughter is worth two bad sons’; *Все равные детки, что пареньки и девки* ‘all children are equal, both boys and girls’; *Мальчик на подмогу, девочка на потеху* ‘boy for help, girl for fun’.

WOMAN–WIFE in Chinese and Russian paroemiae

The third type of paroemiae about a woman is a large group of proverbs about a woman-wife, the units of which are classified into four large meanings: *a good wife* and *a bad wife*, *husband and wife as partners* and *beating a wife*.

1) **A good wife** meaning is represented by paroemiae expressing such connotations as:

- *a good wife is the basis of a happy family life* (22 Chinese and 24 Russian paremiological units): *家要富, 炕上坐下巧媳妇* ‘if a family wants to be rich, sit on the stove and get a smart wife’ / *Мир в семье женой держится* ‘peace in the family is kept by the wife’; *Дом с хорошей женой — рай* ‘home with a good wife is heaven’; *От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь* ‘a bad wife will make you old, a good wife will make you younger’;
- *a good wife is a virtuous wife* (14 Chinese and 16 Russian paremiological units). We noted an expression of this type through direct nomination and through negative nomination: *好女不吃两家饭 家和靠妻贤* ‘harmony in the family depends on a virtuous wife’; *秧好一年谷, 妻贤一生福* ‘if you reap a good harvest, you will eat for a year; if you find a virtuous wife, you will be happy all your life’ and *烈女不更二夫, 忠臣不侍二君* ‘a virtuous woman does not serve two husbands, a faithful homager does not serve two kings’ (with the help of comparison the second part of the paroemia accentuates the meaning ‘faithful’); *不怕千军万马, 就怕妻不贤子不孝* ‘do not be afraid of a thousand troops, but be afraid of an unvirtuous wife and a negligent son’ / *Три друга: отец, да мать, да верная жена* ‘three friends: father, mother and faithful wife’;
- *a good wife is a skillful housewife* (6 Chinese and 7 Russian paremiological units): *秧好一半谷, 妻好终生福* ‘good seedlings fill half the valley, good wife fills life with happiness’; *Доброй жене домоседство не мука* ‘for a good wife home-keeping is not a torment’ (the main meaning is conveyed by the lexeme *добрая* ‘good, veracious’); *С лица не воду пить, умела бы пироги печь* ‘a pretty face may not make you happy, she (wife) should know how to bake pies’.

2) **A bad wife meaning** is marked by such characteristics as:

- *a bad housewife* (7 Chinese and 12 Russian paremiological units): *娇子勿能立业, 娇妻勿能治家* ‘a spoiled child cannot create his own business, an incompetent wife cannot manage household chores’; *Червь дерево точит,*

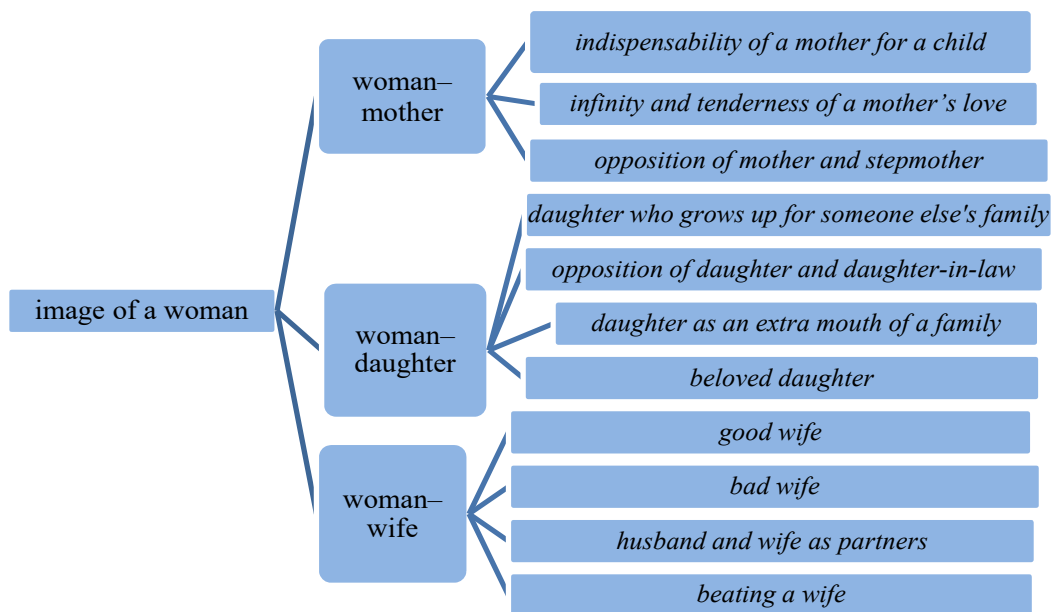
а плохая хозяйка дом изводит ‘a worm wears away a tree, and a bad housewife plagues a house’;

- *a wife as absolute evil* (3 Chinese and 4 Russian paremiological units): *世间最恶是妖婆, 地下最恶是阎罗* ‘he most vicious person on earth is wife, and the most vicious person underground is Yan-lo’ / *Бог создал три зла — бабу, черта, козла* ‘God created three evils: a woman, a devil, a goat’;
  - *a wicked wife* (12 Chinese and 20 Russian paremiological units): *蹶马破车, 恶妇破家* ‘a slow horse with a broken cart, a wicked wife with a shabby house’; *十只黄猫九只雄, 十个老婆九个凶* ‘out of ten yellow cats, nine are males, out of ten wives, nine are wicked’ *不出妖婆家不穷, 不刮西风天不晴* ‘no house would be poor without a wicked wife, and no weather would be sunny without a west wind’ / *Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою* ‘it is better to eat bread with water than to live with a wicked wife’; *Злая жена — поборница греху* ‘a wicked wife is an advocate for sin’; *Худая жена — кара господня* ‘a wicked wife is God’s punishment’;
- 3) **Husband and wife as partners** meaning (7 Chinese and 7 Russian paremiological units): *夫有千斤担, 妻挑五百* ‘the husband carries a thousand cats, and the wife carries five hundred’ / *Муж с женой что лошадь с телегой: везут, когда они исправны* ‘a husband and wife are like a horse and cart: they are driven when they get along’.

In meaning 4) **beating a wife** by her husband: we identified two subgroups:

- *about domestic violence as an established tradition* (14 Chinese and 18 Russian paremiological units): *官打民不羞, 父打子不羞, 夫打妇不羞* ‘there is nothing shameful in an officer beating a citizen, there is nothing shameful in a father beating his son, there is nothing shameful in a husband beating his wife’; *禾苗见了锄, 媳妇见丈夫* ‘a seedling meets a hoe like a wife meets her husband’; *打不死的婆娘, 晒不死的辣椒* ‘wives don’t get beaten to death, and peppers don’t burn in the sun’ / *Бей жену к обеду, а к ужину опять* ‘beat your wife at lunchtime, and again at dinnertime’; *Жену не бить — милу не быть* ‘if you don’t beat your wife you won’t be satisfied’; *Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее* ‘the more you beat your wife, the tastier the cabbage soup becomes’; *Жена не горшок, не расшибешь* ‘a wife is not a pot, you won’t break (hurt) her’; *Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет — мил не живет* ‘he who doesn’t drink wine doesn’t live drunk; he who doesn’t beat his wife doesn’t live well’; *В стары годы бывало — мужья жен бивали, а ныне живет, что жена мужа бьет* ‘in the old days husbands would beat their wives, but now it happens that a wife beats her husband’;
- *a small subgroup* (1 Chinese and 2 Russian paremiological units) in which the tradition of beating your wife is condemned: *汉子打老婆, 一辈子不好过* ‘a man who beats his wife will be unlucky for the rest of his life’ / *Бил жену денечек, сам плакал годочек* ‘he bet his wife for a day and cried for a year’.

Thus, the coinciding figurative and thematic representation of women in paroemiae of the Chinese and Russian languages can be illustrated by the following diagram (see Fig.).

Figurative and thematic representation of women in paroemiae of the Chinese and Russian languages

Conclusion

The conducted research made it possible to identify groups of meanings of paroemiae in the Chinese and Russian languages, expressing three main ideas about a woman: woman-mother, woman-wife and woman-daughter. The presence of eleven similar meanings of paroemiae in the two unrelated languages under consideration is predetermined by certain social and cultural norms that have developed in traditional societies. In relation to a woman, the paroemiae under consideration reinforce the assessment of various aspects of family life, which allows evaluating one's own and others' behaviour, correlating it with the standard one, forming and directing one's own vector of communication, and determining the interaction of members of society. Paroemiae about a woman are a fixation of gender norms of society, which we understand as the rules and standards of a woman's activity in three states: **daughter** (a beloved female child; an extra mouth in the family, useless for her family and a potential member of another family; a family member opposed to a daughter-in-law), **wife** (qualitative description of a bad and good wife; wife-partner; tradition of wife beating), **mother** (mother as the basis

of life and upbringing of a child, bearer of love, contrast between mother and stepmother). We see the prospect of research in further analysis of the means of expression of the considered block of meanings of paroemias about a woman in the Chinese and Russian languages.

References

1. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Proverbs in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguistic-cultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> (In Russ.).
2. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 34–41. (In Russ.).
3. Seregina, M.A. (2016). Paroemias as a form of representation of people's knowledge in language. Cognitive-structural aspect. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25> (In Russ.).
4. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021). Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *The New Research of Tuva*, 3, 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
5. Semenenko, N.N. (2020). Axiology Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> (In Russ.).
6. Neliubova, N.Yu. (2022). Axiological Dominants of Paremies as Typological Markers in Russian, Tuvan and French Ethnic Cultures. *The New Research of Tuva*, 1, 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
7. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2017). Cognitive-pragmatic nature of proverbs. In: *Proverbs in the phraseological field: cognitive, discursive, comparative aspects: monograph*; T.N. Fedulenkova (Ed.). Vladimir: VIGU publ. pp. 14–53. (In Russ.).
8. Zakharova, L.B. & Zakharova, E.V. (2020). Feminine agioanthroponyms in Spanish Paroemias. *Philology. Theory & Practice*, 15(3), 899–903. <https://www.doi.org/10.30853/phil20220121> (In Russ.).
9. Chesnokova, O.S. (2003). Spanish Phraseology in a Context of Linguoculturology. *Russian Language Studies*, 1, 73–78. (In Russ.).
10. Novospasskaya, N.V., Raadraniyana, A.M. & Lazareva, O.V. (2019). The image of a woman in Russian, French, Spanish and Malagasy linguistic cultures based on proverbs & *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 301–322. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322> (In Russ.).
11. Bolat-ool, R.V. & Pelevina, N.N. (2017). On Woman's Image in Tuvian and German Proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 21, 29–32. (In Russ.).
12. Diaz Ferrero, A.M. & Quero Gervilla, E.F. (2018). Analysis of proverbs expressing a negative view of women in the Russian and Portuguese language. *Tomsk State University Journal of Philology*, 54, 42–58. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/54/3> (In Russ.).
13. Alyoshin, A. & Zinovieva, E. (2021). Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias. *Scandinavian Philology*, 19(2), 219–235. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>
14. Nelyubova, N.Yu., Dugalich, N.M. & Ershov, V.I. (2021). Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1051–1074. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>

15. Nelyubova, N.Yu. (2019). The Family as a Universal Value in the French and Russian Proverbial Picture of the World. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6, 50–59. <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>
16. Orlova, T.G. (2021). Structural and Semantic Analysis of English and Russian Proverbs about Marriage as a Source of Expression of Cultural and National Identity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1075–1093. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1075-1093>
17. Zaripova, A.M. (2022). Similarities and differences in the representation of the concept of “FAMILY” in the English and Turkish lingvocultures. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1(459), 77–82. <https://www.doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10109> (In Russ.).
18. Sarangaeva, Zh.N. (2018). The allegorical interpretation of concept of marriage in Kalmyk, Russian and English paroemia. *The Bulletin of Adyge State University: Internet Scientific Journal*, 3(22), 93–97. (In Russ.).
19. Zinovieva, E.I. & Alyoshin, A.S. (2022). The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New Research of Tuva*, 1, 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russ.).
20. Tan, Aoshuang (2004). *Chinese picture of the world: language, culture, mentality*. Moscow. (In Russ.).
21. Zinovieva, E.I. & Simin, Z. (2023). Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 328–346. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-34622>. (In Russ.).
22. Demidova, T.V., Barov, S.A. & Soloveva, T.M. (2023). Specifics of Lexical and Grammatical Rules in the Chinese Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 418–434. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434> (In Russ.).
23. Telia, V.N. (2004). Factor of culture and reproducibility of phraseological units-signs-microtexts. In: *Secret meanings: Word. Text. Culture: in honor of N.D. Arutyunova*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 674–684. (In Russ.).
24. Kovshova, M.L. (2013). *Linguistic and cultural method of phraseology: code of culture*. Moscow: LIBRAKOM. (In Russ.).
25. Karaulov, Yu.N. (1976). *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Библиографический список

1. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
2. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–41.
3. Серегина М.А. Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. Вып. 1. С. 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25>
4. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремииологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
5. Семенов Н.Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 213–232. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>
6. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской лингвокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

7. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография; под ред. проф. Т.Н. Федуленковой. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. С. 14–53.
8. Захарова Л.Б., Захарова Е.В. Женские агиоантропонимы в испанских паремиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 15. № 3. С. 899–903.
9. Чеснокова О.С. Испанская фразеология в контексте лингвокультурологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2003. № 1. С. 73–78.
10. Новоспаская Н.В., Раадранириана А.М., Лазарева О.В. Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 301–322. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322>
11. Болат-оол Р.В., Пелевина Н.Н. Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 29–32.
12. Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 42–58. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/54/3>
13. Alyoshin A., Zinovieva E. Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias // Scandinavian Philology. 2021. № 19(2). P. 219–235. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>
14. Nelyubova N.Yu., Dugalich N.M., Ershov V.I. (2021). Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 12(4). P.1051–1074.
15. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. 2019. Вып. 6. С. 50–59. <https://www.doi.org/10.203309/PhS.6-19/050>
16. Орлова Т.Г. Структурно-семантический анализ английских и русских пословиц о браке как источник выражения культурно-национальной идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С.1075–1093.
17. Зарипова А.М. (2022). Сходства и отличия в репрезентации концепта СЕМЬЯ в английской и турецкой лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 1. № 459. С. 77–82. <https://www.doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10109>
18. Сарангаева Ж.Н. Аллегорическое представление концепта Брак в калмыцких, русских и английских паремиях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. Т. 3. № 22. С. 93–97.
19. Зиновьева Е.И., Алёшин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
20. Тань Аошунан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М., 2004.
21. Зиновьева Е.И., Чжао С. Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 328–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346>
22. Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11 № 1. С. 48–63. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63>

23. *Телия В.Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов–знаков–микротекстов // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
24. *Ковшиова М.Л.* Лингвокультурологический метод фразеологии: код культуры. М.: ЛИБРАКОМ, 2013.
25. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.

Information about the authors:

Natalia V. Novospasskaya, PhD in Philology, Associate Professor at General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University. *Research interests:* paremiology, lexicography, Slavic languages; *e-mail:* novospasskaya-nv@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7599-0246; SPIN-код: 2677–4438; Scopus ID: 57219297279; ResearcherID: GQI-3296-2022

Yang Xue, PhD student at General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University. *Research interests:* paremiology, comparative studies of the vocabulary of Russian and Chinese languages; *e-mail:* 1042218091@rudn.ru

Arina Yu. Mikhaylenko, researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. *Research interests:* history of the Russian literary language, Slavic languages; *e-mail:* mihaylenko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9687-149X; SPIN-код: 8088–7610.

Сведения об авторах:

Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов:* паремиология, лексикография, славянские языки; *e-mail:* novospasskaya-nv@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7599-0246; SPIN-код: 2677–4438; Scopus ID: 57219297279; ResearcherID: GQI-3296-2022

Ян Сюе, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов:* паремиология, сопоставительные исследования лексики русского и китайского языков; *e-mail:* 1042218091@rudn.ru

Михайленко Арина Юрьевна, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения Российской академии наук; *сфера научных интересов:* история русского литературного языка, славянские языки; *e-mail:* mihaylenko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9687-149X; SPIN-код: 8088–7610.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-647-657

EDN: KQGUKU

УДК 81(091)

Обзорная статья / Review article

В лабиринтах времени и языка: к 85-летию проф. Л.Г. Зубковой

Т.В. Ващекина¹, Е.А. Красина² ✉

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

²Независимый исследователь,
г. Москва, Российская Федерация

✉ elena_krassina@mail.ru

Аннотация. Людмила Георгиевна Зубкова — профессор, доктор филологических наук, известный российский лингвист, автор более 100 работ по общему и сравнительно-историческому языкознанию, философии и теории языка, истории языкознания, методологии лингвистики, фонологии, морфонологии, морфологии русского языка, лингвистической семантики и семиотики, научный руководитель более 20 кандидатов филологических наук. Л.Г. Зубкова работала в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы (1960–2002); профессор МГУ им. М.В. Ломоносова и профессор кафедры русского языка и общего языкознания МГПУ (2002–2021). Предлагается обзор наиболее значимых этапов научной деятельности проф. Л.Г. Зубковой и ее научного наследия.

Ключевые слова: философия языка, теория языка, история языкознания, методология лингвистики, общее языкознание, типологическое языкознание, фонология, морфонология, морфология, лингвистическая семантика, семиотика

История статьи:

Дата поступления: 01.05.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Ващекина Т.В., Красина Е.А. В лабиринтах времени и языка: к 85-летию проф. Л.Г. Зубковой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 647–657. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-647-657>

© Ващекина Т.В., Красина Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

In the Labyrinths of Time and Language: on the 85th Anniversary of Prof. L.G. Zubkova

Tatiana V. Vashtekina¹, Elena A. Krasina ✉²

¹Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

²Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation

✉ elena_krassina@mail.ru

Abstract. Lyudmila Georgievna Zubkova was a professor, Doctor of Philology, famous Russian linguist, author of more than 100 works on general and comparative historical linguistics, philosophy and theory of language, history of linguistics, methodology of linguistics, phonology, morphonology, morphology of the Russian language, linguistic semantics and semiotics. She supervised more than 20 candidates of philological sciences. L.G. Zubkova worked at Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba (1960–2002), taught at Lomonosov Moscow State University and was a professor of the Department of Russian Language and General Linguistics at Moscow State Pedagogical University (2002–2021). The study gives a review of the most significant stages of professor L.G. Zubkova's scientific activity and her scientific heritage.

Keywords: philosophy of language, theory of language, theory and history of linguistics, methodology of linguistics, general linguistics, typological linguistics, phonology, morphonology, morphology, linguistic semantics, linguistic semiotics

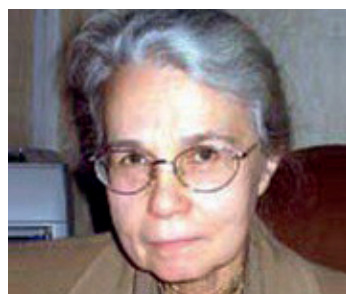
Article history:

Received: 01.05.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Vashtekina, T.V. & Krasina, E.A. (2023). In the Labyrinths of Time and Language: on the 85th Anniversary of Prof. L.G. Zubkova. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 647–657. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-647-657>

**Людмила Георгиевна
Зубкова**

11.06.1938–13.09.2021

(из личного архива Т.В. Ващекиной)

**Ludmila Georgiyevna
Zubkova**

11.06.1938–13.09.2021

(photos from T. V. Vashtekina's
personal archive)

Людмила Георгиевна Зубкова родилась в 1939 г. в Новосибирске. В 1960 г. окончила с отличием русское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1966 г. закончила аспирантуру по кафедре фонетики филологического факультета ЛГУ. В ЛГУ в 1967 г. защитила кандидатскую диссертацию «Вокализм индонезийского языка (экспериментально-фонетическое исследование)», в 1979 г. защитила докторскую диссертацию «Сегментная организация простого слова в языках различных типов».

С 1960 по 2002 г. работала в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы сначала в должности преподавателя, с 1969 г. — в должности доцента кафедры русского языка основных

факультетов; с 1980 по 2002 гг. — профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; позднее — профессор МГУ им. М.В. Ломоносова и профессор кафедры русского языка и общего языкознания МГПУ. Преподавала русский язык, читала курсы лекций по общему и русскому языкознанию в Индонезии, Австрии, Англии, Италии, США. Подготовила более 20 кандидатов филологических наук.

Людмила Георгиевна Зубкова была заместителем главного редактора научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Филология. Журналистика» и членом редколлегии «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика». Автор ряда монографий, учебников и учебных пособий, более 100 научных статей. В 2002 г. подготовила к печати в качестве ответственного редактора монографию проф. Г.П. Мельникова «Системная типология языков».

Область научных интересов: философия языка, теория языка, теория и история языкознания, методология лингвистики, общее и типологическое языкознание, фонология, морфонология, морфология, лингвистическая семантика и семиотика.

***

Система языка формировалась как единство двух начал — структурно-семантического и семиотического на основе двух универсальных свойств языка — членораздельности и символичности, что в полной мере было осознано философами и лингвистами к середине XX века.

Структурно-семантические характеристики языка, в большей степени реализуя свойство членораздельности, вылились в представления о его системе, которая обеспечивалась всего четырьмя абстрактными единицами, параллельно представленными как совокупность этических и эмических сущностей, и двумя типами отношений — парадигматическими и синтагматическими, которые связаны между собой сложным алгоритмом [1. С. 227–228]. Будучи «системой систем», иерархически сложным целым, в котором каждая система или уровень организованы одной из абстрактных единиц, она обнаруживает особые отношения на фоне общих структурных свойств. Таковы отношения дистрибуции в широком понимании, когда каждый элемент системы представлен «через множество окружений, в которых он встречается, и посредством двух обязательных типов отношений: отношения к другим элементам, одновременно представленным в том же отрезке высказывания (синтагматическое отношение), и отношения элемента к другим, взаимоподставимым элементам (парадигматическое отношение)». При этом в сфере применения «сегментация и субституция не одинаковы по охвату», по Э. Бенвенисту [2. С. 129–140]. Межуровневые отношения принято

характеризовать как интегративные, а абстрактная и конкретные единицы того или иного уровня идентифицируются только в составе единиц более высокого уровня.

Что же касается языка как семиотической системы, то прежде всего теория апеллирует к универсальной черте языка — его символичности, в которой заключаются свойства означивания, т.е. реализуется знаковый характер языка. По умолчанию все языковые знаки рассматриваются как принадлежащие к одному классу, подобному слову, независимо от того, выступают или они в виде свободной или связанной формы. И вновь дает о себе знать двуединство формы и содержания, членораздельности и символичности, которые «выступают как совмещенные свойства, обязательно и одновременно данные, неразделимые в процессе функционирования языка» [2. С. 129–140].

В научном творчестве Людмилы Георгиевны Зубковой ярким стартом стала докторская диссертация «Сегментная организация простого слова в языках различных типов» (ЛГУ, 1979 г.), отразившая основные теоретические достижения отечественной и зарубежной лингвистики в области современной системологии, хотя в центре внимания находилась типология слова разноструктурных языков. В 1983 г. в издательстве УДН вышла небольшая книга, по сути, монография «Части речи в фонологическом и морфологическом освещении», основным объектом анализа которой стали классы и разряды слов: «Слово является фокусом взаимосвязи, взаимодействия и взаимопроникновения всех уровней языковой структуры» [3. С. 7]. Наряду с классами и разрядами слов постулируется понятие части речи и обсуждаются фонологические и морфологические основания выделения частей речи в языках различных типов. Одновременно ставится задача установления единообразных критериев в классификации слов по частям речи. Очевидно, что объединяющим критерием избирается типологическое разграничение частей речи в языках различного строя с опорой на общие фонологические и морфологические свойства языков. Системный подход объективируется через принципы классификации частей речи, когда первостепенное значение приписывается взаимосвязанным свойствам отдельных уровней языка, которые в системе любого языка представлены в частях речи.

Важной вехой типологических исследований явилась монография «Фонологическая типология слова», опубликованная в издательстве УДН в 1990. Эта работа Л.Г. Зубковой стала первым и уникальным опытом функционально-системного описания звуковой формы слова. Впервые на материале генетически далеких и разноструктурных, типологически различных языков были определены универсальные и типологически релевантные характеристики фонемной структуры слова. При этом показана сложная иерархическая связь слова как значимой единицы языка с морфемой

и предложением, двумя другими значимыми единицами языка. В итоге вскрывается обусловленность фонологической типологии слова со стороны типологии грамматического строя языка.

Не останавливаясь на более детальном обзоре работ Л.Г. Зубковой по типологии (см. Основные публикации), отметим, что это одно из основных исследовательских направлений, которое получило углубленное развитие в работах десятков учеников и аспирантов Л.Г. Зубковой, включающих широкий спектр языков Азии, Африки, Европы и России. В этой связи нельзя не упомянуть сравнительно-сопоставительный анализ разнообразного и достоверного языкового материала и особый квантитативный метод анализа морфемно-слоговой структуры слова и одновременно характеристику его деривационного потенциала. Другим направлением стало исследование становления науки о языке — языкознания, в фокусе которого была помещена «теория языка в развитии».

В процессе преподавания университетских курсов «История языкознания», а затем «Теория и история языкознания» стало ясно, что хронологический принцип изложения представлений о языке в философско-лингвистических концепциях с классической античности до наших дней не был плодотворным, не заставлял студентов самостоятельно думать и размышлять, а только заучивать биографии ученых и концепции лингвистических школ. Тогда возникла идея, что в центре этих университетских курсов должен быть язык — объект научного описания и анализа. Язык как неотъемлемое свойство человека не только получал множество различных определений и характеристик, но и участвовал в жизни человека и общества как уникальное средство познания и общения. В силу этого в основу курса «Теория и история языкознания» были положены проблемы языка и действительности, языка и мышления (познания), универсального, типологического и специфического в языке и языках, сходства и различия языков различного строя (и это вновь типологический аспект!), система и структура языка, языковые функции, язык и культура, язык и общество.

Впервые эти проблемы, существенные для теории языка и истории языкознания, обсуждались в учебном пособии проф. Л.Г. Зубковой «Лингвистические учения конца XVIII — начала XX века» (М.: УДН, 1989). Была и еще одна сложность: как уравновесить различные и неравноценные по своей значимости лингвистические концепции, которые прочно вошли в мировую науку? Как сопоставить, например, вклад В. фон Гумбольдта и А.В. Шлейхера в развитие языкознания? И здесь ведущую роль сыграло понятие синтезирующей и аспектирующей концепций, которые, в первую очередь, проверялись критериями диалектики, представлениями о языке как о развивающейся деятельности, как открытой динамической и вариативной системе, о чем впервые заявил В. фон Гумбольдт в разработанной им философско-лингвистической концепции.

Это учебное пособие стало предтечей двух книг Л.Г. Зубковой: учебного пособия «Общая теория языка в развитии» (М.: РУДН, 2002) и монографии «Эволюция представлений о языке. (М.: Языки славянской культуры, Серия: *Studia philologica*, 2015). На наш взгляд, монография является углубленной и расширенной репликой учебного пособия, но она отличается иной композицией и новой аргументацией, как и включение раздела о концепции проф. Г.П. Мельникова, разработавшего цельно-системный типологический подход к описанию языка и языков. Прочитав аннотацию: «В книге на материале ключевых концепций, разработанных начиная с античности по сей день, показаны истоки и эволюция идей, заложивших основы современного понимания языка. Прослеживается решение двух центральных проблем: язык в отношении к внешнему и внутреннему миру человека (Часть I), язык как система знаков (Часть II)».

Что касается научного творчества и сотрудничества проф. Л.Г. Зубковой и проф. Г.П. Мельникова, то в течение двух десятилетий они работали на кафедре общего и русского языкознания РУДН. Естественно, они обсуждали теоретические проблемы языкознания и на конференциях различного уровня, и в личных беседах. Монография Г.П. Мельникова «Системная типология языков. Принципы, методы, модели» (М.: Наука, 2003) была опубликована после смерти её автора. Проф. Л.Г. Зубкова стала ответственным редактором этой книги [4]. Она лично и небольшое число учеников и аспирантов Г.П. Мельникова по крупицам собрали это труд, опираясь на огромное количество оставшихся рукописей. Так было выражено безграничное уважение к научному труду ушедшего коллеги, и это стало научным подвигом Людмилы Георгиевны Зубковой.

Итогом разработки идеи «общей теории языка в развитии», полагаем, стала еще одна монография Л.Г. Зубковой «Теория Языка в её развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез лингвоцентризма (М.: Языки славянской культуры, 2017). В книге вновь рассматриваются основные философско-лингвистические и лингвистические концепции начиная с периода классической античности (Платон, Аристотель, Эпикур) до наших дней, прослежены эволюция и истоки идей, обусловивших современное понимание природы и сущности языка с учетом широкой философско-лингвистической тематики: вновь углубленно рассматриваются объект, предмет, метод и структура языкознания; язык и общество; язык — мышление — действительность; функции языка; система и структура языка; язык и речь; общее, особенное и отдельное в языке; природа межъязыковых различий. Семиотическая природа языка раскрывается в связи с эволюцией понятия языкового знака.

Системные, синтезирующие лингвистические концепции И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, А.А. Потемни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и аспектирующие концепции А. Шлейхера, Г. Пауля, Ф. де Соссюра

охарактеризованы с точки зрения природного и социального, физического и психического, индивидуального и общественного в человеке и его языке, по образному выражению И.А. Бодуэна де Куртенэ, с точки зрения «человечения языка».

Символический, знаковый характер языка не только обсуждается в монографиях об эволюции языка и становлении лингвистической теории, но в специальных трудах проф. Л.Г. Зубковой. Учебное пособие Л.Г. Зубковой «Язык как форма» (М.: РУДН, 1999) создано в рамках теоретического курса для магистров-филологов, но по содержанию является монографией. Здесь реализуется идея диалектического единства формы и содержания в языке, а семантическая парадигма предшествует прагматической и синтаксической парадигмам, как пишет Ю.С. Степанов [5]. Языковое сознание и мышление, языковое содержание требуют специфического отражения действительности и мышления, при том что «реальный мир в значительной степени строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы», как писал Э. Сепир [6]. Эта идея была положена в основу теории языковой картины мира, не говоря уже о гипотезе лингвистической относительности Э. Сэпира и Б. Уорфа. Книга состоит из двух частей: Часть первая «Язык как форма мысли» показывает, как эволюционировали представления о связи языка, мысли и действительности, в концентрированной форме представленные в идее языкового знака и его составляющих. Нельзя не отметить, что автор книги очень наглядно — в схемах и таблицах — демонстрирует принципы и признаки языковых знаков в философских и лингвистических концепциях, вновь начиная с периода классической античности до середины XX в. Становится понятно, каким образом в концепции на рубеже XIX—XX вв. языковой знак был объективирован как двусторонний в единстве означающего (материальной стороны) и означаемого (идеальной, психической стороны), взаимодействующими произвольно и достаточно сложно, а новая категория — значимость, коррелируя со значением, позволила в дальнейшем постулировать семиотические отношения синтактики, семантики и прагматики, выявить особые отношения сигматики и процесс языкового семиозиса (от Ч.С. Пирса до Ю.С. Степанова, Л.А. Новикова, И.М. Кобозевой и др.). Часть вторая «Звуковая форма языка» возвращает читателя к вопросам типологии языка, типологической детерминанты, по Г.П. Мельникову [4], и типологической классификации с учетом признака лексичности/грамматичности языка, о чем писал и Ф. де Соссюр. Язык предстает как форма в отношении к сознанию, мышлению, познанию действительности, при том, что собственно язык, особенно в области грамматики, обладает множеством категорий и форм.

Детальное развитие эти идеи получили в монографии Л.Г. Зубковой «Принцип знака в системе языка» (М.: Языки славянской культуры, 2010).

В Предисловии автор пишет: «Монография посвящена категориально-иерархическому и универсально-типологическому обоснованию принципа знака в свете сущностных свойств языка». Далее формулируется основная задача исследования: показать и доказать, что «согласованность между означающим и означаемым как принцип знака заложена в категориально-иерархической организации обоих планов языка — как плана содержания, так и плана выражения. Будучи языковой универсалией, категориально-иерархическая организация словесного знака в языках различных типов принимает разные формы в зависимости от способа грамматической категоризации и глубины иерархического членения языкового целого, обнаруживая таким образом системную мотивированность знака».

Впервые эта книга посвящена «Учителям, Ученикам, Коллегам», а не членам семьи автора. Эпиграфом избираются слова В. фон Гумбольдта: «Тот, кто задумывался когда-либо над природой языка, не осмелится утверждать, что язык — это совокупность произвольных или случайно употребляющихся знаков понятий, что слово не имеет другого назначения и силы, кроме того, чтобы отсылать к предмету, представленному либо во внешней действительности, либо в мыслях, и что совершенно безразлично, каким языком пользуется та или иная нация» (цитируем эпиграф не полностью)».

Монография снова состоит из двух частей, повторяя композицию предшествующих изданий, но с новым наполнением и ракурсом анализа. В первой части «Принцип знака в свете сущностных свойств языка» в фокусе опять находится слово в его типологическом многообразии и в связи с лексичностью/грамматичностью различных языков. Итоговая Глава 9. *От внутренней типологической детерминанты языка и потребностей системы к специфике звукового строя (на примере русского языка)* называется *объяснительной* и суммирует символические, семиотические категориально-иерархические свойства организации языка как одной из знаковых систем. Во второй части проф. Л.Г. Зубкова обращается к проблемам универсального и типологического, всесторонне анализируя звуковую форму слова в её отношении к морфеме и слогу, к словам различных грамматических классов языков различного строя. Закономерным становится *Заключение* и особенно *Общие выводы* «Грамматическая мотивированность словесного знака и целостность языковой системы», которые отражают взаимодействие двух систем в языке — структурно-семантической (типологической) и семиотической.

Последняя книга «Мир и война в жизни нашей семьи» (М.: Языки славянской культуры, 2019) в высшей степени биографична, как и автобиографична: её авторами являются все члены семьи Зубковых — Вера Петровна (урожденная Рыкова), Георгий Георгиевич, Нина Георгиевна и Людмила Георгиевна. Она посвящена любимой сестре — *Нинусе*. Это история семьи

Зубковых с крестьянскими корнями, и одновременно — это история трех поколений советских людей, которые вместе со страной переживали трудности и радости. Доброта, любовь, искренность и память — вот некоторые черты членов этой семьи, которые знакомы всем, кто бывал дома у Зубковых, кто общался с ними и вместе шел по жизни.

Выпускники и аспиранты Российского университета дружбы народов с благодарностью вспоминают проф. Л.Г. Зубкову: Татьяна Владимировна Ващекина (доцент кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); Светлана Алексеевна Москвичева, (доцент кафедры общего и русского языкознания, РУДН, Россия); Ирина Сикс (Федюнина) (руководитель русской программы Университета Канзаса, США); Арюна Гомбоевна Иванова (доцент кафедры иностранных языков экономического факультета РУДН, Россия); Татьяна Леонидовна Ляхнович (доцент Белорусской сельскохозяйственной академии, Беларусь); Суреш Бабу (Советник посольства в России, бывший Посол Индии в Армении, Грузии и Монголии), Анджу Мехта, Мехеранджали Бадэ, Анита Пандох, Сантош Кумар Мишра, Сародж Шарма (Индия); Нахам Куло (Республика Чад); J. Prabhakar Rao (University of Hyderabad, Индия) и др. Их воспоминания мы разместили на сайте нашего журнала: <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>.

Основные публикации проф. Л.Г. Зубковой

Монографии

1. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М.: ЯСК. Серия: Studia philologica, 2010.
2. Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языке. М.: ЯСК. Серия: Studia philologica, 2015.
3. Зубкова Л.Г. Теория языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: ЯСК. Серия: Studia philologica, 2016.
4. Зубков Г.Г., Зубкова В.П., Зубкова Л.Г., Зубкова Н.Г. Мир и война в жизни нашей семьи. М.: ЯСК. 2019.

Учебники и учебные пособия

1. Зубкова Л.Г. Части речи в фонологическом и морфологическом освещении. М.: УДН, 1983.
2. Зубкова Л.Г. Лингвистические учения конца XVIII — начала XX века М.: УДН, 1989.
3. Зубкова Л.Г. Фонологическая типология слова. М.: РУДН, 1990.
4. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М.: РУДН, 1999.
Зубкова Л.Г., Новиков Л.А., Иванов В.В. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация. СПб., 2001.
5. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М.: РУДН, 2002. (ГРИФ Министерства образования РФ).

Статьи (частично)

1. Зубкова Л.Г. Акцентуация слова как единства внутренней и внешней формы // Межуровневые связи и системе языка. М.: РУДН, 1989.
2. Зубкова Л.Г. Словесное ударение в характерологическом, конститутивном и парадигматическом аспектах // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 5.

3. *Зубкова Л.Г.* К типологии просодических средств различения значений слова в русском языке // *Vocabulum et Vocabularium*. Вып. 4. Харьков: Харьковское лексикографическое общество, 1997.
4. *Зубкова Л.Г.* Грамматическая мотивированность русской фонетики // *Известия Алтайского государственного университета, Филология*. 1999. № 4(14). С. 117–121.
5. *Зубкова Л.Г.* Типология фонологических оппозиций в свете их семантических функций // *Вопросы языкознания*. 1999. № 3. С. 60–69.
6. *Зубкова Л.Г.* Межуровневые связи и звуковая форма значащих единиц в квантитативной типологии // *Свет памяти: Сб. научных статей и библиографических материалов памяти П.С. Кузнецова*. Омск: ОмГПУ, 2003.
7. *Зубкова Л.Г.* Соотношение морфемного и слогового членения слова и функциональная значимость слогоделения в языках различных типов // *Грамматические категории и единицы*. Владимир: ВГПУ, 2004.
8. *Зубкова Л.Г.* Целостность языка и его детерминанта в трактовке И.А. Бодуэна де Куртене и Н.В. Крушевского // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*. 2006. Т. 148. № 3. С. 73–82.
9. *Зубкова Л.Г., Иванова А.Г.* Степень автономности морфемы как типологическая характеристика // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2008. № 11. С. 6–9.

Библиографический список

1. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975.
2. *Бенвенист Э.* Глава X. Уровни лингвистического анализа // *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974.
3. *Зубкова Л.Г.* Части речи в фонологическом и морфологическом освещении. М.: УДН, 1983.
4. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. Принципы, методы, модели / Отв. ред. Проф. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
5. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
6. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии М.: Прогресс, 1993.

References

1. Stepanov, Yu.S. (1975). *Fundamentals of general linguistics*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).
2. Benveniste, E. (1974). Chapter X. Levels of linguistic analysis. In: *General linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
3. Zubkova, L.G. (1983). *Parts of speech in phonological and morphological illumination*. Moscow: UDN publ. (In Russ.).
4. Melnikov, G.P. (2003). *System typology of languages. Principles, methods, models*, prof. L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Stepanov, Yu.S. (1985). *In the three-dimensional space of language. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Sapir, E. (1993). *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress. (In Russ.).

Information about the authors:

Tatiana V. Vashtekina, PhD. in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Comparative Analysis of Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; *Research interests*: comparative linguistic studies; linguodidactic testing; methods of teaching Russian as a foreign language; *e-mail*: vasciulia@vanex.ru

Elena A. Krasina, D.Sc. in Philology, Professor, Independent Researcher; *Research interests*: theory of language, linguistic semantics, pragmatics and semiotics, text syntax, comparative linguistic studies; *e-mail*: elena_krassina@mail.ru

Сведения об авторах:

Ващекина Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; *сфера научных интересов*: сопоставительные лексические и фразеологические исследования; лингводидактическое тестирование; методика преподавания русского языка как иностранного; *e-mail*: vasciulia@vanex.ru

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь; *сфера научных интересов*: теория языка, лингвистическая семантика, прагматика и семиотика, синтаксис текста, сопоставительные исследования языков; *e-mail*: elena_krassina@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685

EDN: JXICOC

УДК 811.161.1:165:159.9:612.821

Научная статья / Research article

Геопозитический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности

М.Л. Новикова¹ , Т.В. Маркелова²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Институт современного искусства,
121309, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а

 novikova-ml@rudn.ru

Аннотация. Исследовательское поле геопозитики как теории изучения творческих форм и способов взаимодействия человека с географическим пространством, многомерной концепции, обусловленной синкретическим восприятием действительности, динамично расширяется в аспекте интерпретирования и моделирования пространства. Такая призма исследования позволяет обратиться к проективным смыслам моделируемой действительности, исследованию геопозитического образа как культурного знака, процесса и результата эстетического отображения и представления действительности. В связи с актуальностью проблемы авторы ставят перед собой цель исследования семиотической триады Санкт-Петербурга, эмоциональную составляющую аксиологической модели и его семантических трансформаций Петрополь — Петроград — Ленинград, что позволяет представить многостороннее описание модификаций геопозитического образа. Логика исследования продиктована тем, что концептуализация пространства в его разнообразных манифестациях связана с изучением территории как объекта эстетического осмысления. Анализируется творческая объективация воплощения знаков конкретного географического места в его двуединой рационально-эмоциональной сущности как факт словесного искусства. Трансформация и трактовки значений геопозитического образа города Санкт-Петербург с опорой на сферы городской семиотики города как пространства и города как имени, анализируются в аспекте надления места новыми смыслами и значениями в контексте пространственно-культурных исторических связей и моделей. Обосновывается, что геопозитический образ — это особое представление географического пространства в его историко-культурной, ценностно-смысловой цельности и слитности в их единстве. Реально

© Новикова М.Л., Маркелова Т.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

существующая территория может быть представлена как компактная аксиологическая модель через «призму» социокультурных ценностей, знаков и символов. Актуализация понятия палимпсест с опорой на сочетание текстуальных наслоений, исследование особенностей структурного моделирования смыслов в языковом окружении пространственно-культурных исторических связей в их аксиологическом осмыслении позволяют обратиться к реконструкции знаковой системы и вариативной семантики текстов «зеркала города».

Ключевые слова: геопоэтика, семиотика, палимпсест, вторичная моделирующая система, рациональное, эмоциональное, аксиологическое

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2022

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Новикова М.Л., Маркелова Т.В. Геопоэтический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 658–685. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685>

Geopoetic Image as a Cultural Token, Process and Result of Aesthetic Reality Modeling

Marina L. Novikova¹ , Tatyana V. Markelova²

¹RUDN University,

6, Miklukho-Maklaya Str, Moscow, Russian Federation, 117198

² Institute of Modern Arts,

27A, Novozavodskaya street, Moscow, Russian Federation, 121309

 novikova-ml@rudn.ru

Abstract. The research field of geopoetics as the theory of studying creative forms and ways of human interaction with the geographic space, the multidimensional concept shaped by the syncretic perception of reality, is expanding dynamically in the aspect of space interpretation and modeling. Such research prism facilitates addressing projective meanings of the modeled reality, studying geopoetic image as a cultural sign, process and result of aesthetic display and representation of reality. Taking into account the relevance of the problem, the authors of the article set a goal to investigate the semiotic triad of St. Petersburg, the emotional component of the axiological model and its semantic transformations: Petropol' — Petrograd — Leningrad, that permits to present a multilateral description of geopoetic image modifications. The research logic is dictated by the fact that the conceptualization of space in its various manifestations is associated with the study of the territory as an object of aesthetic reflection. The study analyzes creative embodiment of a particular toponym in its dual rational and emotional essence as a fact of verbal art. Transformation and treatment of geopoetic image meanings of St. Petersburg based on the spheres of urban semiotics are analyzed in the aspect of giving new meanings and semantics to the place in the context of spatial and cultural historical relations and models. The authors argue that geopoetic image is a special representation of geographical space in its historical and cultural, value and semantic nature and fusion in their unity. The existing territory can be presented as a compact axiological model through the “prism” of socio-cultural values, signs and symbols. Actualization of the palimpsest concept based

on the combination of textual layers, research of peculiarities of structural meaning modeling enable addressing the reconstruction of the semiotic system and variant semantics of “city mirror” texts.

Keywords: semiotics, cultural sign, palimpsest, secondary modeling system, rational, emotional, axiological

Article history:

Received: 01.12.2022

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Novikova, M.L. & Markelova, T.V. (2023). Geopoetic Image as a Cultural Token, Process and Result of Aesthetic Reality Modeling. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 658–685. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685>

Введение

Словесное искусство и художественное познание мира. Моделирование как метод лингвистического исследования

Широкий круг проблем гуманитарного знания во всем многообразии тем и проблем, активно представленных в многомерном языковом пространстве, реализуется в особом эстетическом виде моделирования действительности — словесном искусстве. Вектор исследования процесса и результата эстетического моделирования мира обусловлен спецификой поэтического слова как двуединой рационально-эмоциональной сущности — выразителя эстетической, переживаемой, а не просто понимаемой информации. Поэтическое слово — объект не только рационального, но и художественно-интуитивного познания, «результат и продукт двуединой рационально-эмоциональной сущности» [1. С. 498]. Яркий и многозначный синтез рационального и художественно-интуитивного познания — особая эстетическая коммуникация, художественное познание и моделирование мира, «именование, учреждающее бытие и бытийную сущность всех вещей» [2. С. 12]. Образы словесного искусства подвижны и гибки, по своей природе они семантически и эстетические значимые, по Ю. Тынянову, «колеблющиеся признаки» [3. С. 95]. Их изменчивость, неопределенность — источник творческого эстетического восприятия, «объект художественно моделируемой действительности — мнимый, «приблизительный». Языковой образ — квазипредмет. Он всегда многолик и подвижен» [1. С. 171—172].

Понятия моделирование, моделирующие системы, экстралингвистические (В.В. Иванов, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), надязыковые, сверхфразеологические (Е.М. Мелетинский, Д.М. Сегал) — основополагающие в развитии семиотических исследований. Язык моделирует не дискретные фрагменты мира, а некую глобальную «точку зрения», в которой говорящий выражает свое отношение к действительности — модальность [4. С. 32—33]. Обращаясь

к роли словесного искусства, Ю.М. Лотман отмечает, что «сознание человека есть сознание языковое, все виды надстроенных над сознанием моделей — и искусство в том числе — могут быть определены как вторичные моделирующие системы» [5. С. 20—21]. Словесное искусство воспроизводит действительность «второй раз, доступными ему (искусству) средствами», выступая как знак, включенный «в цепь таких научных представлений, как отношение знака и обозначаемого, знака и кода — «языка» данной системы передачи сведений и т.д.» [6. С. 30].

Словесное искусство — это не только художественное познание и моделирование мира, но и особая эстетическая коммуникация, особый язык, который надстраивается над естественным языком как вторичная система. Знаки в искусстве имеют иконический, изобразительный характер, обусловленный связью между выражением и содержанием. Иконический знак представляет некоторые свойства репрезентируемого объекта, или обладает свойствами собственных денотатов [7]. Область денотатов вторичной моделирующей системы не идентична миру денотатов первичной. Конструируется особый вторичный ярус, надстраивающийся над естественным языком как вторичная система. Особенности поэтического языка как вторичной моделирующей системы в единстве его коммуникативной и эстетической функции создают новые отношения между имеющимися признаками, моделирующими художественную действительность [8]. Словесный образ как элемент вторичной моделирующей системы является многоплановым. Он обладает специфическими свойствами, выражаемыми особой художественной формой.

Художественный текст может рассматриваться как модель универсума человека, созданная с помощью языка как моделирующей системы, «главное призвание (или одно из самых сущностных) человека — моделирование мира. Человек, изменяя мир вокруг себя (иначе его моделируя), изменяет модель мира и изменяет себя» [9. С. 5]. Конструирование новых смыслов позволяет изучать и концептуализировать мир со стороны его художественного восприятия и познания в особом эстетическом виде моделирования действительности — словесном искусстве. Эстетический знак (образ), являясь элементом вторичной моделирующей системы в его сопоставлении с обычным знаком первичной моделирующей системы, имеет особую художественную форму, являясь образом словесным. Результат преодоления чисто понятийного характера языкового высказывания, основная особенность и главное отличие проявляется, по А.А. Потебне, «в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» [10. С. 28]. Словесное творчество говорит как о реальной, так и о потенциальной действительности в их константах и вариациях, что делает язык «непривычным, сверхъестественным или несокрытым <...> он вступает за границы того, что может быть сказано» [11. С. 193], основанным на способности слов «располагать гибким веером значений»

[12. С. 58]. Применительно к лингвистическим исследованиям следует учитывать, что субъект и объект — исследователь языка и сам язык — включены друг в друга [13. С. 6—12].

Модель «как исследовательский конструкт реальности», по В.И. Карасику, может быть использована в качестве инструмента для «изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» человека и среды в их взаимодействии. «Человеческие» структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий [14. С. 6]. Структурные функциональные, динамические модели могут быть представлены различными способами: проблемно-концептуальные (создание модели в системе определенной проблемы или концепции), авторское моделирование (отражающее индивидуально-авторскую концепцию) и др. Гипотетический характер проблемного поля моделирования «не отменяет уверенности в том, что смоделированные конкретные феномены на самом деле представляют существующие отношения» [15. С. 487].

Определяющий развитие исследования словесного искусства «глубинный» символический план (*realiora, realissima*, ноуменальный ряд), как справедливо отмечал Л.А. Новиков, отражается как «намеки» в «поверхностном» (*realia*, видимость, феноменальный ряд) в виде подобий («символы кивают») в поле возникающих вокруг него интерпретаций, которые не только поясняют его содержание, но и выявляют неявные, латентные смыслы» [1. С. 21].

Исследовательское поле геопэтики.

Палимпсест: город в созвучии текстуальных наслоений

Моделирующее значение пространственных образов обусловлено различными структурно-семиотическими критериями, которыми оно характеризуется. Пространство, по Ю.М. Лотману, текстуально и семиотично, поскольку пространственными понятиями оперирует любая культурно-языковая модель. Фундаментальным направлением изучения пространства является *структурно-семиотический подход*, разработанный Ю.М. Лотманом, В.Н. Топоровым, Ю.С. Степановым, Б.А. Успенским. Семиотика географического пространства исследуется в работах В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, В.Г. Щукина, В.В. Абашева.

Геопэтика, геолингвистика, геосемиотика — новые отрасли лингвистического знания. Геомедиа, цифровая география, цифровой урбанизм обусловлены спецификой визуального восприятия пространства с географической точки зрения [16]. Геопэтика — отношение к окружающему миру и как к географическому месту, и ментальному пространству — «ветвистое» междисциплинарное понятие интеллектуального и эстетического освоения топографических мест [17. С. 153].

Геопоэтика тесно связана с изучением «текстов культуры». Труды Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Г.Д. Гачева являются методологической основой геопоэтических исследований. Творческая организация словесного материала привлекает к себе внимание как многогранное яркое выразительное средство моделирования мира с использованием пространственных координат. Реальное место, территория, объективированная в поэтическом тексте, может быть представлена как его компактная модель «через «призму» социокультурных ценностей, знаков и символов, в их взаимосвязи с эмоциональным и концептуальным осмыслением пространства» [18. С. 36], трактовкой в различных культурных контекстах.

Описание различных регионов географического пространства, обусловленное их осмыслением как способа освоения и переживания опыта, путем представления ценностно значимых смыслов [19. С. 115—116] характеризует геопоэтику как поле потенциальной конвергенции науки, философии и поэзии в русле исследования процессов символизации географического пространства. Преобразовывая земную материю в расширенном смысле предметов и бытия, художник слова открывает пространство культуры, мысли и жизни [20].

Геопоэтический образ — это осмысление географического пространства в его историко-культурной, ценностно-смысловой цельности и слитности в их единстве, отражающем соответствие «между географией физической и географией душевной» [21. С. 44]. Культура как система коллективной памяти и коллективного сознания является пространством «схождения всевозможных цитаций, принадлежащих разнообразным дискурсам, из которых и состоит культура как способность любого текста быть переходным звеном от одного текста к другому... с неограниченной возможностью связей: ссылок, референций, цитаций, аллюзий» [22. С. 214], создания геопоэтических реальностей, которые, отражая географические, не совпадают с ними.

Множественность художественных пространственных кодов, их смысловая и эмоциональная многослойность порождают новую информацию, новые смыслы, создаваемые дискурсами в их многообразных манифестациях представления территории как объекта еще «не названного смысла. Искусство именуется его. Так получается геопоэтический образ» [23]. В его осознании с позиции творческого мышления, представлены оригинальность и необычность; стремление к интеллектуальной новизне; семантическая гибкость (как возможность исследовать объект с разных позиций); варибельность, образная адаптивная пластичность (изменение восприятия объекта, позволяющее анализировать его скрытые составляющие); появление нового видения объекта в различных ситуациях [24. С. 434–436]. Исследовательское поле геопоэтики как теории изучения творческих форм и способов взаимодействия человека с географическим пространством динамично расширяется в аспекте интерпретирования и моделирования пространства.

Многослойный феномен города в системе символов, представленных в истории культуры, занимает особое место. Система временных и пространственных отношений — моделирующая система высокой степени обобщений, обусловленная творческим замыслом автора, модель воображаемого мира, в разной степени приближенная к миру реальному. Путем сложного взаимопереплетения, столкновения объективного и субъективного создается культурно-географическая реальность. Культура — единый интертекст, который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого нового текста, новой тканью, сотканной из старых цитат, создающей новые смыслы.

Обратимся к различным трансформациям и трактовкам значений геопоэтического образа города Санкт-Петербург, опираясь на «две основные сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя» [25. С. 208] как сочетанию текстуальных наслоений, наделения места новыми смыслами и значениями и особенностям структурного моделирования смыслов в контексте пространственно-культурных исторических связей и моделей. Поставим задачу: найти проективные смыслы моделируемой действительности, принципиально важные для изучения геопоэтического образа как культурного знака, их мерцающие, семантические трансформации на примере различных дискурсов представления города *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград*, динамика которых, по И. Гербарту, «выражена в их противоположности (когда одно вытесняет другое), сходстве (ведущем к слиянию) и компликации (объединении, при котором сохраняется их раздельность)» [26. С. 177].

В то же время «одновременность и современность эстетического бытия вообще называют его вневременностью», следует «мыслить эту вневременность в связи с временем, так как они сущностно взаимодействуют» [27. С. 81]. Природа геопоэтического образа как художественного образа географического пространства представляет собой топографическое, историко-культурное и ценностно-смысловое единство [28. С. 216], раскрывающее их содержательную структуру, смысловое поле прошлого и настоящего.

Как факт искусства слова феномен города в отечественной традиции плодотворно исследовался Н.П. Анциферовым, Ю.М. Лотманом, В.Н. Топоровым, отмечавшими, что город постоянно заново создает «свое прошлое, которое получает возможность соплагаться с настоящим как бы синхронно» [29. С. 325]. Реконструкция знаковой системы и вариативной семантики текстов «зеркала города» делает возможным трансформацию «материальной реальности в духовные ценности» [30. С. 7], что является моделирующей системой высокой степени обобщений. В геопоэтическом образе (в его географической узнаваемости, но представленной сквозь призму авторского видения) символически осмысливается конкретное пространство, оно гиперболизируется, представляя обобщенный художественный

смысл, который соотносится с системой ценностей, присущих национальной культуре и национальной ментальности. Сложные образные структуры являются результатом компактного упорядочивания информации, управляемой глубинными ассоциативными связями.

Творческая реализация знаков конкретного географического места *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград* представлена в различных культурных контекстах, в вариациях их трактовок. В процессе символической репрезентации города создается «сетка семантических констант, представляющих собой матрицы новых репрезентаций как значимых, основополагающих категорий описания места, объединяющих прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты» [31. С. 101], обусловленные появлением новых смыслов и значений (семиозис).

Этот феномен может быть рассмотрен через актуализацию понятия палимпсест (греч. *Palin* — снова и *psaio* — стираю) как рукописи, в которой первоначальный текст заменялся новым, понимаемым как соотношение проявляющихся друг через друга текстов [32]. В таком ракурсе исследование города как палимпсеста может рассматриваться как складывающееся из «многообразных вариаций памяти... размышлений и отражений в сознании» [33. С. 207] созвучие текстуальных наслоений, различающихся по времени создания.

Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград как геопозитический образ, представленный в пространстве различных текстов, — это сплетения идей и смыслов, актуализованных знаками различных уровней, явными и скрытыми аллюзиями. Значимыми становятся те или иные составляющие, представленные в многомерном текстовом пространстве, изменяются их смыслы, оценочные категории, в рамках которых иначе могут восприниматься те или иные реалии города. Особенности гетерогенного текста, которому приписывается некий общий смысл [30. С. 208], сложные переплетения семантической, эстетической информации, творческое восприятие и векторы интерпретации реальной действительности Петербурга А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А. Белого, А. Блока, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Е. Евтушенко, Т. Толстой, Е. Шварца и др. обусловлены авторским видением концептуального пространства города. «Борьба между Петербургом — художественным текстом и Петербургом — метаязыком наполняет всю семиотическую историю города. Идеальная модель боролась за реальное воплощение» [25. С. 219].

Объективация знаков конкретного географического места, выраженного в слове, «может быть орудием, с одной стороны, разложения, с другой — сгущения мысли единственно потому, что оно есть представление, то есть не образ, а образ образа» [10. С. 223] сложного узора *Санкт-Петербурга — Петрополя — Петрограда — Ленинграда*.

Геопоэтический образ Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград как семиотическое пространство: проективные смыслы моделируемой действительности

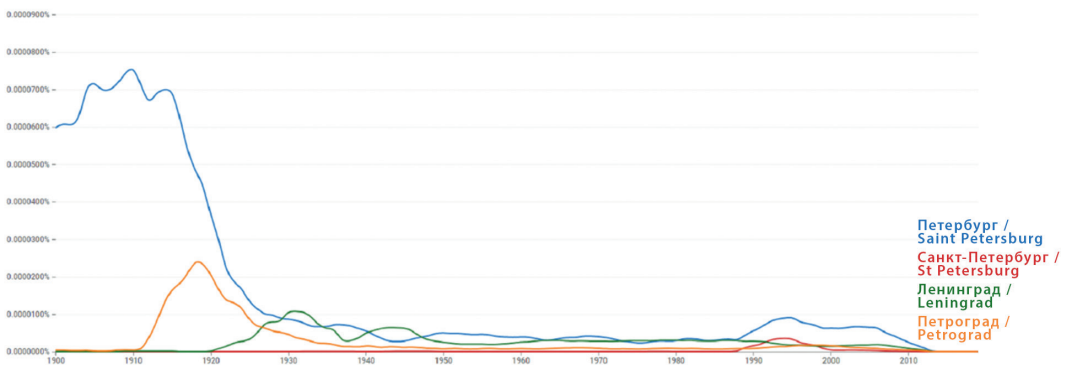
В современных лингвистических исследованиях ярко представлена нацеленность на формализацию описания различных языковых явлений, используются разнообразные стратегии и тактики поиска информации. Анализ развития культурно значимых феноменов путем количественного анализа слов и словосочетаний в больших корпусах оцифрованных текстов (Culturomics) выводит гуманитарные науки на новый уровень благодаря внедрению точных наук и новых методов [34. С. 25], позволяет обратиться к языковым массивам данных, обрабатывать большие пласты информации. Для получения более полной картины геопоэтического образа, эмпирически релевантных данных (не ставя своей задачей их полного описания в статье), обратимся к корпусным исследованиям, которые дают возможность проанализировать ключевые коннотации, ценности, связанные с представлением о городе в разные эпохи.

Ценностно-смысловая цельность каждого образа, диктуемая сплавом «географии физической и географии душевной» (Н.А. Бердяев), реализуется аксиологической моделью, построенной на основе корпусных исследований с учетом элементов вторичной моделирующей системы как явления творческого акта в слове и тексте. Линейка номенов *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград* представляет шкалу культурной вариативности пространства в зависимости от его времени. Ценностное восприятие пространства во временном контексте реализующих его художественных словесных знаков моделирует каждый раз новый семантически многослойный (трансформированный) образ за счет «гибкого веера значений слов» — знаков пространства во времени.

Квантитативные методы активно верифицируют данные исследования, его обоснованность и достоверность, не уменьшая при этом важности качественных методов, основанных на рационалистических подходах, где основное внимание уделяется не только форме, но и содержанию. Геопоэтический образ города — это некое семиотическое пространство с воплощенными в нем культурными текстами (в ином плане — объективация знаков конкретного географического места и творческое его восприятие), понимаемое как сумма эмоциональной, семантической, эстетической информации, процесс актуализации старых и создания новых смыслов. Это интерпретированное отображение, включающее характеристику и оценку изображаемого.

Таким образом, выявление статистических и лингвистических закономерностей, кодифицирующих смыслов в знаках-символах и других системах моделирования мира сквозь призму эстетического отношения к ним в сочетании уникальности и стереотипности [35. С. 74], возможно репрезентативно представить с помощью обработки массивов языковых данных. В качестве

источника для исследования взята новая версия «Национального корпуса русского языка», общий объем — более 1.5 млрд слов (см. Рис. 1). Для анализа с последующей лингвоаксиологической интерпретацией использовался корпус русских **письменных прозаических и поэтических** текстов, отражающих русский язык Нового времени. Анализу подвергнуты массивы, представляющие различные жанры прозы (художественная литература, включая прозаическую драматургию) и **современные письменные тексты** (середина XX — начало XXI в.). Взаимопереплетение, столкновение объективного и субъективного создает субъективно детерминированное, особое видение реальности писателями разных школ — классицизма, романтизма, акмеизма, постмодернизма.

Рис. 1. Частота употреблений имени города (на миллион словоформ в основном корпусе Национального корпуса русского языка)

Fig. 1. City name usage frequency (per million of words in the National Russian Language Corpus)

Каждое имя города как геопозитический образ обладает собственной аксиологической моделью, основанной на анализе семантики, синтактики и прагматики (Ч. Пирс) оценочных знаков, выражающих как отличия пространства в контексте времени (Петербург — Ленинград), так и ключевое базовое сходство. В ходе построения аксиологической модели анализируются лексические окружения каждого имени города. Основными параметрами построения модели являются:

1. Систематизация прагмем, коннотаций, функций как семиотической триады оценочных знаков.

2. Анализ прагмем как «свернутых» оценочных суждений, посвященных образу города в разножанровых авторских текстах, творчески воплощающих его характерные черты.

3. Исследование коннотаций, выражающих отношение к образу города «безоценочными» словами, где эмоциональная оценка обеспечивается контекстом.

4. Выявление архисем в геопространстве каждого образа с проекцией их последующей связи и взаимодействия для понимания общего

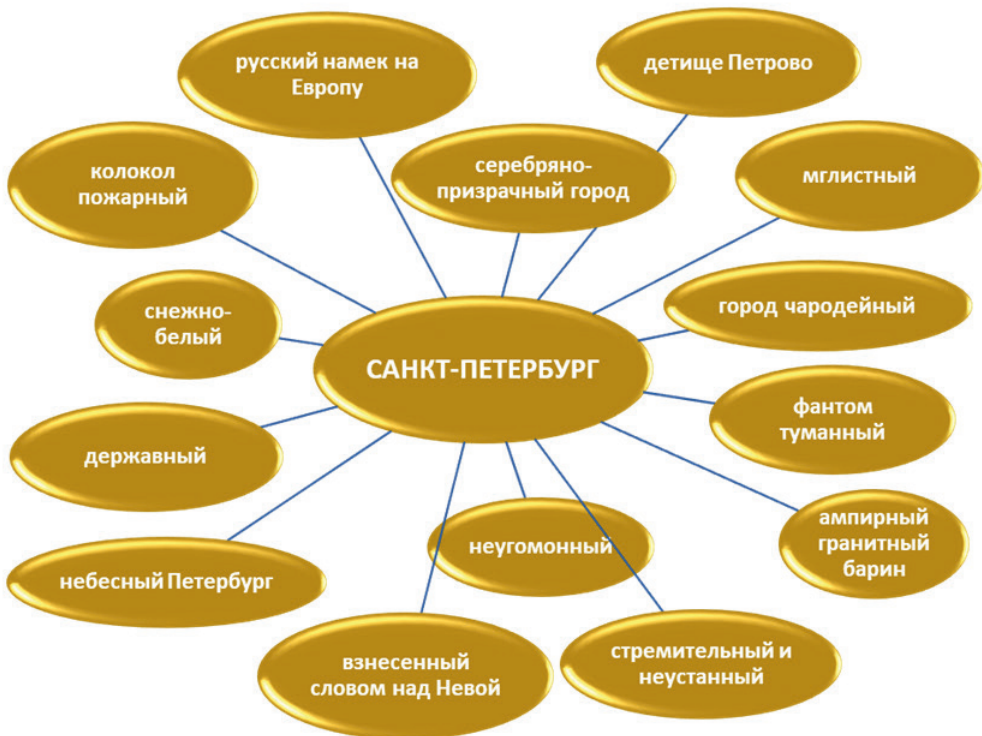

и индивидуального в художественной и эстетической трансформации представлений геопоэтического образа как культурной вариации. Отличие степени образности (тропеичности) каждой культурной вариации в зависимости от типов оценочной семантики.

5. Создание аксиологической модели уникального культурного знака — геопоэтического образа города, воспринимаемого как «многоликий и подвижный» (Л.А. Новиков) в его пространственно-временном существовании.

Приступая к аксиологическому моделированию геопоэтического образа, отметим отсутствие знаков-функций *хорошо — нормально — плохо* и их синонимов в перечне лексем на рисунках статьи. Эти знаки как символы качества отличаются десемантизованностью и когнитивной слабостью, широкой интерпретационной базой, зависящей от качеств объекта оценки. И поскольку наш субъект-ценитель образа города — конкретная творческая личность (исходно) и обобщенный конструкт, то природа оценки «good — это good и ничего более» [36. С. 531] не свойственна аксиологической модели. Выборочно представлены результаты анализа, систематизированные в виде рисунков в виде рисунков (см. Рис. 2–5).

Санкт-Петербург сквозь призму историко-культурного и смыслового поля настоящего

Рис. 2. Город как образ. Концептуализация пространства Санкт-Петербурга как эстетического объекта
Fig. 2. City as an image. Conceptualization of St Petersburg as an aesthetic object

Творческая объективация воплощения знаков конкретного географического места, концептуализация пространства Санкт-Петербурга связана с представлением территории как эстетического объекта в реализации различных стратегий моделирования. Геопоэтический образ придает местам особый смысл, это «сочетание ярких, характерных, знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства» [18. С. 48]: *Петербург* с его красною стройной, с блестящим поясом роскошных островов (П. Вяземский); несравнимый *блистательный* Санкт-Петербург! *Преславный град*, что Петр наш основал (В. Третьяковский); он поплывет в высоком море — *небесный* Петербург теней (Е. Шварц). В *регулярном, как Петербург* петровский, мире (Б. Слуцкий); мой *Петербург*, мой *колокол пожарный* // Петербург, *мое окно* (И. Бродский), *Снежно-белый, холодный* от метелей и пург // Над Невой благородной онемел Петербург (М. Цейтлин); *Петербург*, *исхлестанный бичами пург* (Н. Клюев). Санкт-Петербург — это семиотическое пространство, представленное знаками культуры различных уровней: литература, музыка, архитектура, живопись и др., поэтому средствами его семиотизации могут быть различные пространственные коды. В названии города — и связь с апостолом Петром, и именем царя Петра I, что обуславливает его двойственное толкование. «Имя Петр, переводимое с латыни как «камень», связывает его с материалом, который был так важен для семиотизации новой территории» [37. С. 85]: Недаром Пушкин и Растрелли // сверкнувши молнией в веках // так титанически воспели тебя в *граните* и в *стихах*; один на целый мир вокруг брезгливо поднял бровь *ампирный гранитный барин* Петербург (Н. Агнивцев). Словесные средства семиотизации соотнесены с материалом зданий города как невербальным средством социально-символического кода.

Разные объекты города представлены по-разному, доминирующие знаки, семантика и синтактика их различны, гетеротопия города, неоднородность мест — важная его характеристика, наряду с гетерохронией как различием описания этих мест в разные эпохи [25. С. 209—211; 37. С. 79]. Об этом говорят и свидетельствуют созданные на их основе тексты. Обратимся в качестве иллюстрации к особенностям поэтического отражения некоторых символов города, их структурирование и осмысление остаются неизменными на протяжении веков: *Адмиралтейства* светлый *скипетр* был поднят над рекой (С. Кирсанов); корабль над *шпилем Адмиралтейства* // Где небосвод давно распорот *Адмиралтейскою иглой* (Н. Агнивцев); *Адмиралтейство* // *Зажгло бессмертную иглу* (Вс. Рождественский); хочется *Адмиралтейству пронзить* лазоревую муть (М. Кузмин); *Адмиралтейства вечная игла* (Г. Адамович); в небе *шпагой* замер *Адмиралтейства шпиль* (И. Юрасов); *Адмиралтейства шпиц* вознесся, как *стрела* (К. Фофанов); *Адмиралтейства на штыке-шпиле* не повисли

Лувра картинные потроха] (В. Маяковский); *Петропавловская крепость* // Тучи рвущая игла город мой пронзил века (Е. Ефимовский); с вершины *Петропавловского шпиля* (А. Ахматова); *гранитный вал* с внушительной *спицей* (С. Андреевский).

Геопоэтический образ может придавать местам особенный смысл и звучание как слияние различных составляющих, базовых представлений, описывающих реальные пространства, например, симметричное расположение пространственных объектов в Санкт-Петербурге — проспектов, улиц, парков «есть — *Петербург*, или *Санкт-Петербург*, или *Питер* (что — то же)»; «Линии!.. память *петровского Петербурга*. Параллельные линии на болотах некогда провел Петр; линии те обросли то *гранитом*, то *каменным*, а то *деревянным забориком*... линия *Петра* превратилась в линию позднейшей эпохи: в *екатерининскую* округленную линию, в *александровский строй* белокаменных колоннад; вонзается сюда Петербург своими *проспектными стрелами*» (А. Белый).

Геопоэтический образ придает местам особый смысл, это «сочетание ярких, характерных, знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства» [18. С. 48]: *Петербург* с его красотою стройной, с *блестящим поясом роскошных островов* (П. Вяземский); Ты всех прекрасней — несравнимый *блистательный Санкт-Петербург!* *Преславный град*, что Петр наш основал (В. Третьяковский). Он поплывет в высоком море — *небесный Петербург* теней (Е. Шварц). В *регулярном*, как *Петербуог петровский*, мире (Б. Слуцкий); мой *Петербург*, мой *колокол пожарный*... // *Петербург*, мое *окно* (И. Бродский), *Снежно-белый, холодный* от метелей и пург // над Невой благородной онемел Петербург (М. Цейтлин); *Петербург*, *исхлестанный бичами пург* (Н. Клюев). Сплетение идей и смыслов в художественно-философской глубине их осознания на фоне географической конкретизации воспроизводят пространственно-временную картину мира в ее символично-идеологическом аспекте.

В отличие от пространственных координат временные прямо не конкретизированы, прерывны и условны, концептуализация геопоэтических образов может быть представлена в качестве одного из основных способов языкового моделирования, другими словами, как одна из форм передачи информации, в том числе и эмоционально-оценочной, отражающей субъективно-личностное начало восприятия географического пространства, в его символизации и социально-историческом осознании: Был Петербургом когда-то // *Невский* развешивал цепи огней... // *Вместо коней и квадриг* въехал на площадь вокзала и застыл на ней *броневик* (Т. Щепкина-Куперник); *Мокрый, струящийся, бьющий ветром в стекла город* ... казался тогда злым *петровским умыслом*, мстью огромного, пучеглазого, с разинутой пастью, зубастого царя-плотника (Т. Толстая); что *Петербург* нам родина — особая *страна*, Он *запад*, *брошенный в восток*, и *окружен и одинок* (Е. Шварц). Устанавливаются новые

отношения между имеющимися признаками, порождаются качественно новые, моделирующие художественную действительность.

В семиотической триаде Санкт-Петербурга преобладают знаки-коннотации, концептуализирующие эмоциональную составляющую аксиологической модели данного образа. Воздействующая сила эстетически значимой цветовой гаммы основана на ассоциативном потенциале слов *снежно-белый*, *серебряно-призрачный*, *небесный* (в условно положительной зоне шкалы оценки) и *мглистый*, *туманный* (в условно отрицательной шкале), формируемом эмосемами [38. С. 100] «*блестящий*», «*благородный*», «*очень*», «*кристаллический*», «*чистый*», «*прекрасный*», «*неземной*», с одной стороны, и «*сумрачный*», «*мрачный*», «*неясный*», «*туманный*», «*затянутый пеленой*», «*непрозрачный*», «*неясный*», «*затемненный*», «*печальный*», с другой. Противоположные чувства, выраженные авторами оценочных знаков, реализуются «синтаксисом» сем в семемах многозначных слов, сочетая импликациональное и интенциональное содержание в контексте. Эмоции *радостного* и *печального*, *приятного* и *неприятного*, в оценочно-эмоциональной интерпретации — *света* и *тьмы* (*яркого* и *темного* — условно) создают пространство и время цветовой гаммы Санкт-Петербурга в ключевых лексемах его языкового образа.

Доминирующие знаки объектов, несущих субъективную оценочную информацию, содержат эмосемы *тревожности*, *опасности*, *смуты*. Они представлены символами быстрого оповещения, ясности, призыва в фигуре «*колокол пожарный*» и неясности, призрачности, тайны, причудливости в синтактике «*фантом туманный*». Семиотизация явного, звучащего, набатного, ударного, «с языком» и противоположного — призрака, причудливого, неопределенного, мрачного, смутного создает особую экспрессию *явленного* и *неявленного* (сущности и призрака), *ясного* и *неясного*, то есть *воображаемого* в пространстве и времени языкового образа Санкт-Петербурга.

Особую роль в аксиологической модели играют знаки-коннотации, в которых город ассоциируется с человеком, имплицитно его многоликие черты в лексемах-символах «*детище Петрово*» — «*ампирный гранитный барин*», ментально противопоставленных друг другу. Эмосемы «*близкий*», «*созданный собственным трудом и заботой*», с экспрессивной пометой «устар.»¹ вступают в сложное взаимодействие с эмосемами «*могущественный*», «*величественный*», «*монументальный*», «*холодный*», «*твердый*», с высокой долей экспрессии выражая «тепло и холод» иконической метафоры «*человек — город*» в пространственно-временном (*начало — ребенок — дитя — ампир — античность*) геопоэтическом образе.

Знак-прагма отличается особенными свойствами в семиозисе, поскольку напрямую наполнен отношением не только знака к объекту

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. С. 254.

оценки, но и человека-творца к выраженности этого отношения: здесь «предметное и оценочное значения склеены, жестко связаны» [39. С. 19—20], их денотат и сигнификат представляют синтаксис компонентов суждения.

Город как объект оценки, составляющей ореол геопоэтического образа, соответствует предметной семе, а его поэтические признаки — оценочной. Полная независимость от контекста делает знаки-прагмемы особенно значимыми в аксиологическом моделировании образа, ибо оценочная семантика «встроена» в словарное значение слова. Символами оценки прагматического типа выступают знаки-прагмемы, которые по взаимоотношению знака и объекта делятся на «сильные» — с первичными оценочными семемами или словарными пометами, «средние» — оценочные семы обнаруживаются при дальнейшем анализе безоценочных семем и «слабые», близкие к коннотациям, где оценочный смысл появляется на третьем — четвертом шаге семантического анализа [40. С. 584—585].

В нашем лексическом пространстве к сильным знакам — прагмемам относятся «*державный*» и «*чародейный*», в которых причудливо отражается семантический аспект взаимоотношений знака и объекта глазами интерпретанта — творческой личности: оценочная семема «*величественный*» — «*могущественный*» — «*царский*» сплетается в едином геопоэтическом образе с эстетической оценкой высшей степени — «*очаровательный, обаятельный*» — «*волишебный, колдовской*», то есть притягательный своей величественной красотой. Взаимодействие интенциональных смыслов статуса, поведения и эмоционального воздействия *колдовства* в сильных прагмемах свидетельствуют о неоднозначном субъективном восприятии образа города во времени и пространстве, прогнозирующем причудливость оценок как отражения разных социальных ценностей одного символического кода — Санкт-Петербурга.

Ближе к средним прагмемам находятся признаковые имена «*неугомонный*» — «*стремительный и неустанный*», одушевляющие образ эмосемами *энергичный, активный, устремленный, деятельный* как позитивными предикатными свойствами объекта. На втором шаге семантического анализа появляется качество — «*развивающийся*» («и это хорошо»), добавляющее в аксиологическую модель динамику пространственно-временного существования города. Добавим сюда же особый способ существования образа — «*внесенный словом над Невой*», то есть поддержанный особенной высшей силой.

Таким образом, константы аксиологической модели геопоэтического образа рисуют противоречивый языковой конструкт Санкт-Петербурга, обусловленный творческим восприятием элементов его пространства и времени в архисемах лексического рисунка знаков-коннотаций: *светлый (прекрасный, яркий)* — *темный (мрачный, туманный)*; *сущность (реальный)* — *призрак (неясный)*; *теплый* — *холодный*.

Архисемы прагматических знаков сосредоточены в зоне положительной оценки благодаря своему свойству «двойной» оценочности: в слове заключается одновременно и объект, и его ценность, и мотив выбора этого слова автором оценки — «свернутой» в прагмеме «идеи»: город великий (могучий) и красивый (колдовской); энергичный и развивающийся, то есть языковой конструкт прагматики Санкт-Петербурга выражает эстетическую и утилитарную положительную оценку: величественное очарование — колдовское могущество; неутомимая энергия — активное развитие.

Многослойность далекого и близкого, высокого и земного, пугающего и притягательного, ясного и смутного не только несет аксиологическую информацию о пространственно-временной сложности геопоэтического образа Санкт-Петербурга, но и о его сверхъестественной природе.

Эмоционально-оценочное пространство поэтического образа Петрополя

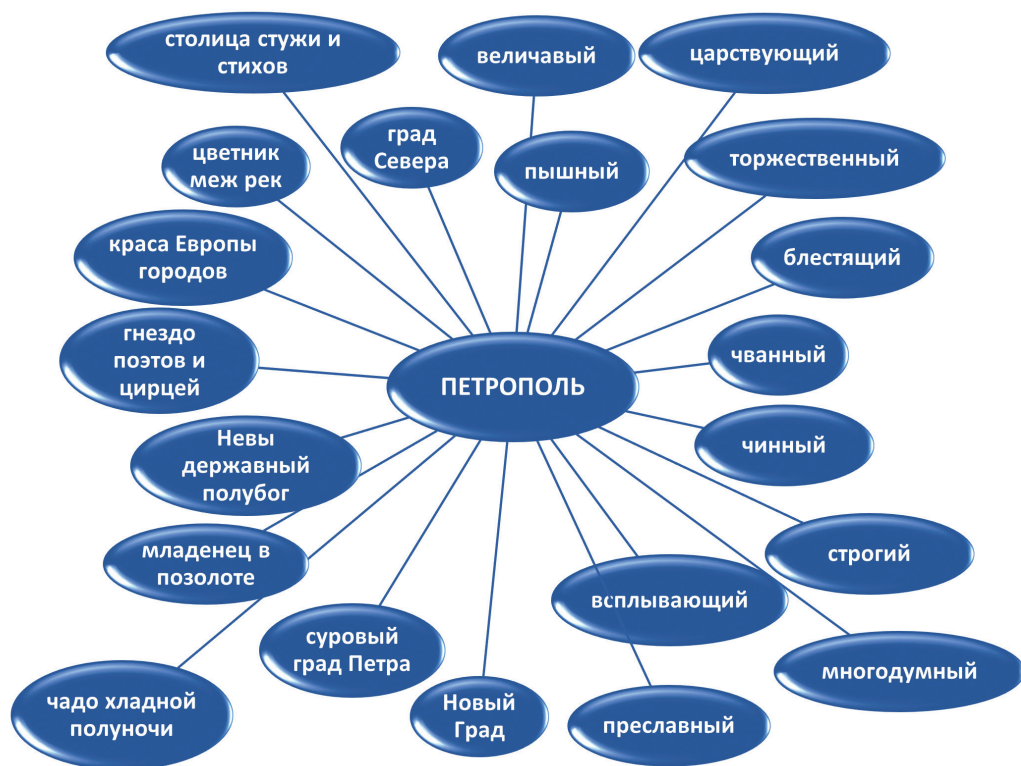

Рис. 3. Поэтизация имени Петрополь во временном и пространственном континууме

Fig. 3. Poetization of Petropol in the temporal and special continuum

Глубинное отражение реальной действительности в геопозитическом образе *Петрополь* (греч. Πετρούπολις — *город Петра*, риторическое, лирическое имя Санкт-Петербурга) представлено развертыванием художественного содержания во времени и пространстве. Необходимо подчеркнуть, что оно усложняется и трансформируется в пространстве языка и культуры, художественных кодов, смысловой и эмоциональной многослойности эстетического освоения действительности в особом эстетическом виде моделирования действительности — словесном искусстве.

Остановимся на некоторых иллюстрациях. Мой град любезный // *Петрополь* славный и полезный (М. Ломоносов); Русь... ей *Петрополь* — голова // у него России *очи* (В. Бенедиктов); *Петрополь* с башнями дремал // чуть Белът в брегах своих сверкал (Г. Державин); В сем доме у него всегда пермесский глас // Он сделал у себя в *Петрополе* Парнас (А. Сумароков); И всплыл *Петрополь* как тритон, // По пояс в воду погружен (А. Пушкин); обессмертили Струве в *Петрополе* чрез Неву пять висящих мостов (Д. Минаев); *Петрополь величавый*, Невы державной полубог! (П. Ершов); весна в зеленый пух *Петрополь* одевает (О. Мандельштам); *Петрополь* и синие волны // балтийские волны и звон площадей (К. Вагинов); уныл *Петрополь* // тополь серой шерстью исходит (Е. Шварц); *Петрополь* смотрится младенцем, весь в позолоте и тоске (А. Миронов); *Петрополь*, гнездо поэтов и цирцей (Л. Аронзон); Столыпин подал в отставку // *Петрополь* испугался, нахмурился, помрачнел (В. Шульгин); стоит он, заколдованный, — *Петрополь* (А. Дар). Геопозитические образы воплощают средствами словесного искусства выраженные в форме чувственного восприятия и переживания реальные географические объекты, а также факты и события, связанные с ними, отражая особенности их языкового бытования и речевого функционирования. Они могут быть формализованы до перечня исходных элементов, моделей и списка правил их соединения.

Аксиологическая модель поэтизации имени *Петрополь* отражает специфику семиозиса преобладанием прагматических знаков: на 21 прагмему приходится только три знака-коннотации, синкретичных с прагмемами. Предварительный общий взгляд на эмоционально-оценочное пространство поэтического образа *Петрополя* реализует элементы концов оценочной шкалы — «очень хорошо» — «очень плохо» [41], формируя динамику *восторга — отвращения, восхищения — возмущения*, то есть риторическую силу символа, часто выражаемую словарными пометами лексем: «устар.», «трад.-поэт.», «высок.» (*краса, славный, град* и др.). Преобладающая эстетическая оценка конструируется внутренними семемами и семами «сильных» прагмем: *роскошный, величавый, священный, нерушимый, превосходный, серьезный*, объединенными в архисему «*величие*» как признак основной характеристики пространственно-временного образа не *города, а града*: его Невы, башен, сада и др.

Лексический рисунок реализует усиление градации от *величавый, пышный, торжественный* — к *царствующий* и *преславный*. Последнее слово — сильная оценочная прагмема, в состав которой входят семемы и семы с эмотивным — *приятный, доставляющий удовольствие*, качественным — *знаменитый, известный, достойный*, эстетическим — *хороший, милый, красивый, симпатичный* аспектами оценки. Но в этот выразительный ряд оценочной лексики «врываються» признаковые имена-характеристики поведения в пространстве и времени — синонимичные «строгий», «суровый» и «чинный» с архисемой «непреклонность», «требовательность», а также особняком стоящей «сильной» единственно негативной прагмемой «чванный» (этим. *чвань* — гордость) с семемами *спесивый, гордый, надменный*. Такое причудливое содержание лексического рисунка аксиологической модели Петрополя позволяет выделить особое выразительное средство — хиазм: *величие строгости (непреклонности)* — *строгое величие (непреклонность)*.

Архаическая славянская и греческая лексика — *град, чадо, младенец, цирцея* моделирует художественный код *тайны, волшебства* (коварная волшебница, владеющая превращением людей в свиней — цирцея), причем тайны колдовской, сохраненной и охраняемой величием строгости, волшебства, лежащего в основе создания города, его божественного (царь — наместник Бога на земле) происхождения и магической, блестящей, пышной красоты (*Европы городов*), — опасной во времени и пространстве *хладной полуночи*, античного времени поклонения низшему божеству, *полубогу* места — *Невы державной*.

Словесный образ Петрополя обрамлен топонимической конкретикой — *град Севера, краса Европы городов, Новый град, столица стужи и стихов*, как бы раскрывающей тайну и помещающей ее в метафорический контекст знаков-коннотаций, отражающих творческие представления авторов поэтических и прозаических высказываний, расцветивающих объекты как «уменьшенные» копии предметов — «*младенец в позолоте*», «*чадо хладной полуночи*» либо «увеличенные» — «*цветник меж рек*», «*столица стужи и стихов*», «*гнездо поэтов и цирцей*», «*многодумный*». Культура Петрополя варьируется с помощью архисемы «скопление» (людей, цветов, ритмов, дум-мыслей, божеств), демонстрируя богатство и выразительность как символы геопоэтического образа. Высокая образность аксиологического ряда: *строгого величия* — *тайны колдовской* — *красоты* как общий культурный код языковых представлений аксиологической модели и интенсификация положительных оценок художественного стиля речи оправдывает лирическую риторiku, вложенную в имя Петрополь, и демонстрирует его особое место в культурной вариативности Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград.

Аксиологическое поле модели геопозитического образа Петрограда

Рис. 4. Петроград. Город как объект оценки: ценностные представления и культурно-исторический контекст

Fig. 4. Petrograd. City as an axiological object: evaluative representations and cultural historical context

Геопозитическому образу города как единому целому имманентно присуще свойство превращаться в некоторый *обобщенный художественный смысл*, который соотносится с системой ценностей, присущих культуре и национальной ментальности. Название *Петроград*, которое Санкт-Петербург носил в течение десяти лет, тесно связано с военными и революционными преобразованиями. Оно широко представлено в топографии города: *Петроградский остров, Петроградский район, Петроградская сторона*. Символизация и маркировка географической среды, выработка нормативных вариантов интерпретации различных культурных форм детерминирована множеством изменчивых *идеологических* смыслов. Они закрепляют различные социокультурные представления и систему ценностно-смыслового отношения к действительности в философской категории понятий «*отдельное — общее*», «*хорошее — плохое, «ценность — антиценность*». Контекст Первой мировой войны и Октябрьской революции обеспечивает особый концептуальный характер аксиологической модели Петербурга, отражающей цивилизационный слом в рамках одного пространственно-временного континуума, смену культурных кодов в языковых образах Петрограда. Пространство расширяется и обобщается, проявляется в динамике сцепления двух типов пространства — реального и его ощущения, их взаимодействии и смысловой направленности.

Динамическое описание реальных исторических событий раздвигает пространственно-временные границы, которые становятся проницаемыми, вариативными: Петербург, который Петр построил // ныне назывался

Петроград (Р. Ивнев); Не Петербург, а — *Петроград*. Так тверже, холодней и строже (В. Лебедев); *Петроград...* // В нем пышный роскоши расцвет (В. Брюсов); стремительный и неустанный, толпокипящий *Петроград* пылающей подобен лаве (С. Обрадович); смешал *Петроград* // с мутью дыма и крыш мглисто-алый закат (И. Бунин); в этом имени — осенний Смольный, Балтика, «Аврора», *Петроград* (О. Берггольц); ночной *Петроград*, как пылающий бриг, проносился с Колумом по русским степям (М. Светлов); Петербургу *Петроград* оставит лишь предсмертье Блока (Б. Ахмадулина), ты едешь в черный *Петроград*, и все вокруг тебе знакомо (И. Бродский); *Петроград*, чёрный стражник (Р. Куксимов); бурлящий беспорядками, грабежами и насилием *Петроград* (А. Колмогоров); они прикрывали *Петроград* — колыбель революции (Ю. Ерофеев); *Петроград* — купель пролетарских побед (И. Садофьев); сосредоточен, хитроват, глядит рабочий *Петроград* (Е. Евтушенко); *Петроград* укрылся с головою темнотой, — темны дома и в темноте круглы гранитные, тяжелые углы (Б. Корнилов). *Петра* фигура чернеет в темном небе хмуро // и вспоминает *Петроград* (М. Кузьмин).

Преобладание «сильных» прагмем для внешних (*поведение*) и внутренних (*состояние*) характеристик геопозитического образа не случайно в силу сочетания лингвистических и экстралингвистических причин: прагмема — единственный семиотический знак, в котором отношение слова к обозначаемому явлению связано с отношением говорящего к предмету сообщения [39. С. 20]. Такое сращение двух отношений — внутреннего, семантического и внешнего — коммуникативного — характерно для времени тектонических сдвигов, требующих оценочных высказываний, направленных на изменение мира.

Таким измененным геопозитическим образом предстает Петербург — в архисемах, отличающихся элементами интенсификации: «движение», «преобразование», «развитие» — *внешнее*: в бунтующем, толпокипящем, протестующем, революционном, триумфальном, шумном, красном (интенсив — цвета крови) городе баррикад («возведенных сооружений»); и *внутреннее*: горячий, голодающий, омраченный, туманный и угарный, промозглый, пылающий, покинутый *Петроград*. Имплицитно представленные семы: ‘лихорадочно-страстный’, ‘скудно питающийся’, ‘опечаленный’, ‘безудержный’, ‘сырой’, ‘охваченный страстью’, ‘одинокий’ обобщают трудности контекста революционного времени. Синтагматика нераздельных *поведения* и *состояния* в пространственно-временном континууме связаны внутренним значением *протеста-страсти, переворота-недовольства, победы-скудости*. Многослойность геопозитического образа Петербурга формируется многозначностью слов-символов временного пространства: Аврора — *поэтический символ утренней зари* и *прозаический символ начала революции* — «выстрел Авроры». К прецедентности этого имени добавляется «скрытая» интертекстуальность *Балтики* как символа холодного неласкового пограничья, свинцового по цвету моря, войн и начала революции.

Стилистическая выразительность языкового образа создается окказиональным словосочетанием «*купель пролетарских побед*» с неоднозначным внутренним смыслом не просто «сосуд для крещения», а начало страданий, испытаний с пометой «устар. высок.», что соответствует современному восприятию событий 1914—1924 гг. Коннотации *неясности, неопределенности, неявленности, смутности и мрачности* с интенсивной семей 'без меры' обеспечиваются сложным эпитетом *призрачно-туманный* и сочетанием «*туманный и угарный*» с негативной семей 'удушливый'.

«Сильные» прагмемы *царственно-холодный* и *величавый* «смягчают» динамизм языкового образа (см. архисемы «движение») скрытой семантикой «*торжественная красота*», «*внутреннее достоинство*», «*рассудочность*» — до безразличия — «*лишенный пылкости или страстности*», то есть холодная красота и красивая холодность как символ высокого (царственного) величия. Неоднозначность интенсивов (*страсть* — и положительно, и отрицательно в зависимости от контекста и др.), расширенный состав негативных признаков-характеристик свидетельствует о специфике аксиологической модели Петербурга.

Знак-прагма выступает здесь как конструктор аксиологического поля модели, выполняет доминирующую роль в создании геопозитического образа Петрограда (в отличие от Санкт-Петербурга и Петрополя), организуя синтактику и семантику оценочных знаков как основу сложной ментально-эмоционально-коммуникативной внешней и внутренней динамики ценностного отношения творца текста-палимпсеста, автора концептуального языкового образа Петербурга.

Ленинград. Метафора палимпсеста в ее ценностном аспекте как знаки национального языкового сознания

Рис. 5. Знаково-символический образ в его культурно-исторических доминирующих чертах как моделирующая система

Fig. 5. The sign-symbolic image in its culturally and historically dominant features as a modeling system

Название *Ленинград* в траектории смысла пространства и времени тесно сплетено в геопозитическом образе с Петербургом и Петроградом. Метафора палимпсеста в ее ценностном аспекте позволяет обратиться к осмыслению исторических событий периода 1924–1991 гг. до возвращения городу его исторического названия Санкт-Петербург. Категории времени представлены в тесной взаимосвязи с пространственными в их взаимодействии, выражении одного через другое: *Вслед ампиру и барокко // вырос юный Ленинград* (Вс. Рождественский); *Вождь революции, Ленинград... // какая долгая дорога из Петербурга в Ленинград* (Б. Ахмадулина); *Есть путь из Петербурга в Ленинград* (Л. Мартынов); *я узнал воочью не дворцовый Петроград — Ленинград рабочий* (Я. Смеляков); *над гранитом невских берегов Петербург обнялся с Ленинградом* (М. Вега); *она ушла, как будто бы навек вернулась в Петербург из Ленинграда* (Е. Евтушенко). Основные признаки реального времени: одномерность, необратимость, однонаправленность от прошлого к будущему, протяженность и др. разрушаются. Создается особое время, характеризующееся многомерностью и образностью, оппозиция «внешнее» — «внутреннее» составляет основу создания художественного пространства и времени, их взаимопроникновение — яркая характеристика художественно моделируемой действительности.

Аксиологическая модель Ленинграда отличается преобладанием «сильных» знаков-прагмем с особенными семантическими связями между ними, реализующими категоричность ценностного отношения совокупного, обобщенного автора текстов о городе, реализующего пространственно-временные характеристики-оценки.

Высокую ценность образа формируют, в первую очередь, «сильные» прагмемы с положительной оценкой, расположенные на концах шкалы *гвардеец-город* (с семами ‘отборный’, ‘лучший’, ‘испытанный в боях’), *правoffланговый* — ‘пример для подражания’, ‘победоносный’; во вторую очередь, «средние» прагмемы — *трудовой, ратный, интеллигентствующий*, оценочность которых проявляется на втором шаге анализа ‘труженический’, ‘хороший работник’, ‘умный’, ‘с внутренней культурой’, а также в словарной помете «высок.».

На фоне положительных характеристик художественно моделируемой действительности знаками негативной оценки внутреннего состояния объекта становятся концептуальные знаки — сильные прагмемы *блокадный* (‘окруженный противником’), *голодный* (‘скудный продуктами’), *затемненный* (‘маскирующий свет’), выражающие причину как зло, которое устраняют. Метафора палимпсеста обнаруживает также аллюзии (скорее даже логозпистемы), констатирующие символический ореол Ленинграда: *колыбель революции, вождь революции, солдат победы* как знаки национального языкового сознания и менталитета. Таким образом, аксиологическая модель геопозитического образа Ленинграда

обобщает сильные знаки-прагмемы: *победитель — стойкий (несломленный) — лучший — в борьбе со злом.*

Перефразируя высказывание У. Эко о том, что употребление слова «отечество» вместо «страна» может изменить всю систему эмоциональных реакций, можно утверждать, что Ленинград как город Ленина, семиотическое пространство, представленное знаками культуры различных уровней с очевидными и скрытыми аллюзиями, вошёл в историю как город, перенесший 900-дневную фашистскую блокаду в годы Великой Отечественной войны. «Семиотика как наука об отношениях между кодами и сообщениями занимается непрерывным выявлением идеологий... в мире знаков, упорядоченных в коды», знаки наделяются дополнительными коннотативными значениями, «созначениями» [15. С. 138] в единстве эмоциональной, семантической, эстетической информации, которую несет городское пространство: блокадный *Ленинград*, несокрушимый, непобежденный, несломленный: пришла Победа, ее солдат, ее правофланговый — *Ленинград* (О. Берггольц); *Ленинград, Ленинград, Ленинград!* Да прославится хлеб его черствый... и сердце возмужавших упорство (М. Алигер); *Ленинград мой, милый, брат мой, Родина моя!* (П. Шубин); *Ленинград рассечен фронтом, как шрамом свежим по лицу* (Д. Андреев); *стоит, не дрогнув, Ленинград* (Вс.А. Рождественский); *Стоек и бесстрашен Ленинград, в снегах кровавых гордый Ленинград; подошел к Берлину и властно постучался Ленинград, ликует, дышит победоносный Ленинград* (О. Берггольц); *возвращенный из смертной бездны, Ленинград салютует себе; мое молчанье — отдаю Великому мученику Ленинграду* (А. Ахматова).

Лексический рисунок аксиологического поля демонстрирует парадигматическую организацию, объединяющую слова в один синонимический ряд: *стойкий, несокрушимый, непобежденный, несломленный, неукротимый, непреклонный, бесстрашный*, где значение каждого передается через значение другого с помощью логического круга: *несокрушимый — стойкий, несломленный; несломленный — непобежденный; непреклонный — стойкий, твердый* и др. Семантической доминантой этого ряда можно считать «сильную» прагмему «стойкий», отметив при этом один из принципов выражения категоричности положительной оценки — однокоренную антонимию (*сломленный — несломленный* и др.). «*Стойкий*» (*несломленный*) предстает как архисема в аксиологической модели Ленинграда.

Заключение

Город как текст культуры сквозь призму творческого его видения — целостный организм, особое семиотическое пространство, мозаичное переплетение текстов различных авторов, образное полотно городской ткани в объединении различных кодов и их трансформации, сплетение идей

и смыслов в художественно-философской глубине их осознания на фоне географической конкретизации.

Проективные смыслы моделируемой действительности принципиально важны для изучения геопозитического образа как культурного знака. Творческое воплощение знаков конкретного географического места может актуализироваться и как реальность бытийного плана, и как факт словесного искусства с позиций эстетического отношения к ним. Знаково-символический образ города *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград* меняется в его культурно-исторических доминирующих чертах: образ территории, ее представление неразрывно связаны с разными эпохами.

Реальное место, объективированное в художественных текстах, сплетение идей и смыслов в художественно-философской глубине их осознания представлено как компактная модель социокультурных ценностей, эмоционального и концептуального творческого переосмысления пространственных и временных координат путем представления ценностно значимых смыслов творца текста-палимпсеста, автора концептуального языкового образа семиотической триады Санкт-Петербурга, эмоциональную составляющую аксиологической модели и ее оценочных знаков — прагмем и коннотаций, что позволяет представить многостороннее описание модификаций геопозитического образа в его культурно-семантических трансформациях. Символический образ географической территории как единого целого, смысловое содержание ценностных представлений которой является весьма различным, определяется в зависимости от культурно-исторического контекста, а его особое видение и создает своеобразные полюсы — неотделимые друг от друга, но и несводимые друг к другу — геопозитического образа как культурного знака, процесса и результата эстетического отображения и представления действительности.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001.
2. Хайдеггер М. Исток художественного творения М.: Академический Проект, 2008.
3. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: Едиториал — УРСС, 2004.
4. Segal D. Literatura kak vtorigchnaja modelirujushhaja sistema // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV. P. 1–35.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 12–150.
6. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994.
7. Моррис Ч.У. Основание теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.
8. Поселягин Н.В. О понятии «вторичные моделирующие системы»: из истории раннего российского структурализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. Т. 1. № 1. С. 13–20.
9. Агранович С.З., Степанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2003.

10. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990.
11. *Gosetti-Ferencei J.* The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot // *Continental Philosophy Review*. 2012. Vol. 45. P. 189–212.
12. *Гадамер Г.Г.* Язык и понимание // *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 43–60.
13. *Денисенко В.Н.* Моделирование системы языка в аспекте языковой личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2010. Т. 1. № 1. С. 6–12.
14. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.
15. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004.
16. *Лавренова О.А.* *Анналы международной ассоциации семиотики пространства и времени // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2020. № 1(41). С. 218–227.
17. *Сид И.* История понятия геопоэтика // *Вестник МГЛУ*. 2015. № 11 (722). С. 153–170.
18. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.
19. *Новикова М.Л.* Аксиология художественного пространства сквозь призму геопоэтики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. № 1. С. 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123>
20. *Уйат К.* Необъятное поле геопоэтики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.institutgeopoetique.org/fr> (дата обращения: 14.03.2023).
21. *Бердяев Н.А.* Русская идея // *О России и русской философской культуре*. М.: Наука, 1990. С. 5–42.
22. *Красина Е.А., Чеснокова О.С.* «Сюжет» Х.Л. Борхеса: опыт интертекстуального прочтения // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 57. С. 206–223. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/13>
23. *Абашев В.В., Абашева М.П.* Литература и география // *Вестник Пермского университета*. 2012. № 2. С. 143–151.
24. *Гилфорд Дж.* Три стороны интеллекта задач // *Психология мышления*. М.: Прогресс, 1965. С. 433–457.
25. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 208–220.
26. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.
27. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
28. *Александрова-Осокина О.Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 216–241.
29. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство—СПБ, 2000.
30. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство—СПБ, 2003.
31. *Urbanc M., Printsman A.* Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century // *Acta Geographica Slovenica*. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 101–131.
32. *Крюкова Е.В.* К вопросу о рецептивной стороне палимпсеста // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020. № 9. С. 179–187. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-179-187>
33. *Исаев С.Г., Владимирова Н.Г.* Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017.
34. *Захаров В.П., Масевич А.Ц.* Методы корпусной лингвистики в исторических и культурологических исследованиях // *Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество»*. СПб.: Изд-во Университета ИТМО, 2016. С. 24–43.
35. *Палийчук Д.А.* Корпусные технологии в лингвистических исследованиях // *Гуманитарные исследования. История и филология*. 2022. № 6. С. 72–79.

36. Вендлер З.О. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 530–554.
37. Чертов Л.Ф. О семиотизации и ресемиотизации пространства города // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 1(41). С. 78–90. <https://doi.org/10.31249/chel/2020.01.05>
38. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 97–103.
39. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 18–28.
40. Маркелова Т.В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 581–592. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592>
41. Morris Ch. Varieties of human value. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

References

1. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea. Vol. II. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
2. Heidegger, M. (2008). *The source of artistic creation*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
3. Тунуанов, Ю.Н. (2004). *The problem of poetic language*. Moscow: Editorial—URSS. (In Russ.).
4. Segal, D. (1979). Literatura kak vtorichnaja modelirujushhaja Sistema. *Slavica -Hierosolymitana*, IV, 1–35. (In Russ.).
5. Lotman, Yu.M. (1998). The structure of a literary text. In: *About Art*. Saint Petersburg: Iskustvo. pp. 12–150. (In Russ.).
6. Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school (1994). Moscow: Gnosis. (In Russ.).
7. Morris, C.W. (1983). The foundation of the theory of signs. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga. pp. 37–89. (In Russ.).
8. Poselyagin, N.V. (2010). On the concept of “secondary modeling systems”: from the history of early Russian structuralism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(1), 13–20. (In Russ.).
9. Agranovich, S.Z. & Stepansky, E.E. (2003). *Myth in a word: continuation of life*. Samara: Samara Humanitarian Academy publ. (In Russ.).
10. Potebnya, A.A. (1990). *Theoretical poetics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
11. Gosetti, Ferencei J. (2012). The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot. *Continental Philosophy Review*, 45, 189–212.
12. Gadamer, G.G. (1991). Language and understanding. In: *Actuality of the beautiful*. Moscow: Iskustvo. pp. 43–60. (In Russ.).
13. Denisenko, V.N. (2010). Modeling of the language system in the aspect of linguistic personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(1), 6–12. (In Russ.).
14. Karasik, V.I. (2013). *Language matrix of culture*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
15. Eco, U. (2004). *Missing structure. Introduction to semiology*. Saint Petersburg: Symposium. (In Russ.).
16. Lavrenova, O.A. (2020). Annals of the International Association of Semiotics of Space and Time. *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects*, 1(41), 218–227. (In Russ.).
17. Sid, I. (2015). History of the concept of geopoeitics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(722), 153–170. (In Russ.).
18. Zamyatin, D.N. (2003). *Humanitarian geography: space and language of geographical images*. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.).

19. Novikova, M.L. (2017). Axiology of artistic space through the prism of geopoetics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123> (In Russ.).
20. White, K. (2023). *Vast field of geopoetics*. URL: <https://www.institutgeopoetique.org/fr> (accessed: 14.03.23). (In Russ.).
21. Berdyaev, N.A. (1990). Russian idea. In: *About Russia and Russian philosophical culture*. Moscow: Nauka. pp. 5–42 (In Russ.).
22. Krasina, E.A. & Chesnokova, O.S. (2019). “Story” by H.L. Borges: the experience of intertextual reading. *Tomsk State University Journal of Philology*, 57, 206–223. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/13> (In Russ.).
23. Abashev, V.V. & Abasheva, M.P. (2012). Literature and geography. *Perm University Herald. History*, 2, 143–151. (In Russ.).
24. Gilford, J. (1965). Three sides of the intellect of tasks. In: *Psychology of thinking*. Moscow: Progress. pp. 433–457. (In Russ.).
25. Lotman, Yu.M. (2002). Symbolism of St. Petersburg and problems of the semiotics of the city. In: *History and typology of Russian culture*. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB. pp. 208–220. (In Russ.).
26. Yaroshevsky, M.G. (1976). *History of psychology*. Moscow: Mysl’. (In Russ.).
27. Gadamer, H.-G. (1988). Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress. (In Russ.).
28. Aleksandrova-Osokina, O.N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Studies. *Scientific Dialogue*, 5, 216–241. (In Russ.).
29. Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskusstvo—Saint Petersburg. (In Russ.).
30. Toporov, V.N. (2003). *Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Art-Saint Petersburg. (In Russ.).
31. Urbanc, M. & Printsman, A. (2004). Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century. *Acta Geographica Slovenica*, 44(2), 101–131.
32. Kryukova, E.V. (2020). On the issue of the receptive side of the palimpsest. *RSUH/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, 9, 179–187. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-179-187> (In Russ.).
33. Isaev, S.G. & Vladimirova, N.G. (2017). *Actual poetics: Change of artistic paradigm*. Veliky Novgorod: NovGU im. Yaroslav the Wise. (In Russ.).
34. Zakharov, V.P. & Masevich, A.Ts. (2016). Methods of corpus linguistics in historical and cultural studies. In: *Collection of scientific articles of the XIX Joint Conference “Internet and Modern Society”*. Saint Petersburg: ITMO University Publ. pp. 24–43. (In Russ.).
35. Paliychuk, D.A. (2022). Corpus technologies in linguistic research. *Humanitarian Studies. History and Philology*, 6, 72–79. (In Russ.).
36. Vendler, Z.O. (1981). About the word good. In: *New in foreign linguistics*. Iss. 11. Moscow: Progress. pp. 530–554. (In Russ.).
37. Chertov, L.F. (2020). About semiotization and resemiotization of city space. *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects*, 1(41), 78–90. <https://doi.org/10.31249/chel/2020.01.05> (In Russ.).
38. Shakhovskiy, V.I. (1986). Meaning and emotive valence of units of language and speech. *Problems of linguistics*, 2, 97–103. (In Russ.).
39. Epstein, M.N. (1991). Ideology and language (building a model and comprehending discourse). *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 18–28. (In Russ.).
40. Markelova, T.V. (2019). Sign-pragmeme as a semiotic dominant of the axiological field. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(3), 581–592. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592> (In Russ.).
41. Morris, Ch. (1956). *Varieties of human value*. Chicago; University of Chicago Press.

Сведения об авторах:

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: лингвистическая поэтика, семиотическое и семантическое моделирование, язык как семиосфера, когнитивистика; *e-mail*: novikova-ml@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4673-067X; SPIN-код: 1502–9636

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор – проректор по учебной работе АНО ВО «Институт современного искусства»; *сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-код: 4862–5769

Information about the authors:

Marina L. Novikova, D.Sc. (Philology), Professor, Russian Language Department, Institute of Law, RUDN University; *Research interests*: Linguistic Poetics, Fictional Text studies, Semiotic and Semantic Modeling, Language as a Semiosphere, Cognitive studies; *e-mail*: novikova-ml@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4673-067X; SPIN-code 1502–9636

Tatyana V. Markelova, D.Sc. (Philology), Professor, First Vice-Rector — Vice-Rector for Academic Affairs, Autonomous non-commercial Art University «Institute of Modern Arts»; *Research interests*: Axiological Linguistics, Pragmatic communication, Syntactic Semantics, Cultural studies; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-code 4862–5769

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703

EDN: LVSSMM

УДК 81:165:159.9:612.821

Научная статья / Research article

Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ

Н.Н. Болдырев¹ , Е.В. Федяева²

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
392036, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

² Новосибирский государственный технический университет,
630073, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20

 fedyeva_lena@mail.ru

Аннотация. В рамках современной теории языка исследование языковых явлений осуществляется с учетом фактора языковой личности, что обусловлено пониманием того, что язык не только передает знания человека о мире в том или ином формате, но и определенным образом их интерпретирует. Актуальность данного исследования обусловлена ведущей ролью антропоцентрического фактора в лингвистических исследованиях, а также включенностью проблематики изучения когнитивных и языковых механизмов формирования различных смыслов в круг современных научных исследований в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. В исследовании рассматривается концептуально-инференционный анализ как новый метод исследования в рамках когнитивного подхода в лингвистике. Цель данного исследования — проиллюстрировать возможность использования данного метода для моделирования процессов интерпретации и репрезентации знаний в языке. Применение метода концептуально-инференционного анализа иллюстрируется на примере процесса количественной интерпретации качества в языке как сложном процессе обработки сознанием количественно-качественных отношений действительности. На основе анализа языковых средств репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО осуществляется моделирование процесса количественной интерпретации качества, описывается репертуар инферируемых качественных смыслов, демонстрируется зависимость интерпретирующих характеристик от области определения. Помимо предлагаемого метода также используются другие методы и приемы концептуального анализа. Материалом исследования послужили произведения современных англоязычных авторов общим объемом 12 000 единиц разных жанров, временных периодов и вариантов одного и того же языка. В результате комплексного применения методов концептуально-инференционного и концептуально-дефиниционного анализа раскрывается высокий интерпретирующий потенциал количественных смыслов в отношении качества описываются когнитивные механизмы формирования количественно-качественных смыслов, показывается актуализация различных типов знаний, имеющих в распоряжении индивида как интерпретатора количественно-качественных связей.

© Болдырев Н.Н., Федяева Е.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: концептуально-дефиниционный анализ, интерпретация, инференция, знания, количество, качество

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект No 22-18-00067).

История статьи:

Дата поступления: 01.01.2023

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703>

Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis

Nikolay N. Boldyrev¹ , Elena V. Fedyaeva²

¹Derzhavin Tambov State University,
33, International Str., Tambov, Russian Federation, 392000

²Novosibirsk State Technical University,
20, Marx Ave., Novosibirsk, Russian Federation, 630073

 fedyaeva_lena@mail.ru

Abstract. In studying language modern linguistics takes into account the users' personality and their role as interpreters, arguing that language does not only convey a person's knowledge of the world in one format or another, but also interprets it in a certain way. The leading role of the anthropocentric factor in linguistic research, as well as focusing on the cognitive and linguistic mechanisms of meaning construction makes the problem be discussed in the study up-to-date and significant one within the framework of the cognitive-discursive paradigm. The authors put forward an idea of conceptual-inferential analysis as a new research method which can be effectively applied to language data within the framework of a cognitive study of language. The aim of this article is to substantiate the possibility of using this method in modelling the processes of interpretation and representation of world knowledge in language. The application of the method of conceptual-inferential analysis is illustrated by the example of quantitative interpretation of quality in language as a complex mental processing of quantitative-qualitative relations in the world. Based on the analysis of the linguistic means of the quantity concept representation, the article gives a deeper insight into processes of quantitative interpretation of quality, describes the repertoire of potential inferred qualitative meanings and demonstrates their dependence on the cognitive context. In addition to the proposed method, the authors also use other research methods and techniques of conceptual analysis and conceptual-definition analysis. The evidence data (12000 examples) is retrieved from the works by modern authors. The integrated application of conceptual-inferential and conceptual-definition analysis methods reveals a high interpretive potential of quantitative meanings in representing quality in language. It also helps identify cognitive mechanisms of the quantitative-qualitative meanings construction, and to detect various types of knowledge available to an individual as an interpreter of quantitative-qualitative relations and their representation in language.

Keywords: conceptual-definitional analysis, interpretation, inference, knowledge, quantity, quality

Financing. Acknowledgement:

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00067).

Article history:

Received: 01.01.2023

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Boldyrev, N.N. & Fedyaeva, E.V. (2023). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 686–703. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703>

Введение

Интерес исследователей к различным аспектам познавательной деятельности человека и проблеме соотношения результатов этой деятельности со способами их представления в языке проявляется в стремлении современной лингвистики к интегративному анализу процесса формирования языковых значений и поиску новых принципов и методов исследования языка как важнейшей когнитивной деятельности и средства доступа к сознанию человека. Это обусловило формирование общей проблематики, связанной с исследованием способов оформления концептуального содержания в языке, выявлением когнитивных и языковых механизмов формирования смыслов, реконструкции процессов интерпретации мира в языке и описанию когнитивных схем языковой интерпретации, репрезентации различных типов знаний и моделированию работы сознания в целом (см. [1–10]).

Данный вектор развития науки о языке, поставленные цели и задачи подразумевают изучение объекта ее исследования с междисциплинарных позиций, т.е. с учетом данных, полученных в смежных науках (философии, истории, психологии, антропологии, культурологии и др.), ввиду понимания мотивированности содержательной стороны языка когнитивным опытом индивида (включающим знания о фундаментальных принципах устройства бытия и знания, полученные вследствие принадлежности к определенной культуре), психологическими особенностями и лингвокреативным потенциалом языковой личности, а также другими факторами, имплицитно «встроенными» в семантику языковых единиц.

Изучение результатов осмысления мира в языке в рамках когнитивного подхода, акцентирующего антропоцентрический характер языковых единиц, предопределяет перспективность подобного рода исследований, осуществляемых на основе собственных теоретических принципов и методологических приемов. Одним из методов исследования, направленных на изучение внутренней природы языка как системы хранения, репрезентации и интерпретации знаний, может считаться концептуально-инференционный анализ — частный метод, разработанный в целях моделирования процесса количественной интерпретации качества в языке [11]. **Цель данного исследования** — показать

возможность применения концептуально-инференционного анализа в рамках когнитивного подхода к исследованию языка в качестве методологического инструментария, раскрывающего корреляции концептуальных структур и значений языковых единиц при изучении взаимодействия языка и сознания в целом.

Когнитивный подход в лингвистике: принципы и методы исследования

Появление когнитивного направления в лингвистике вызвано пониманием того, что язык, являясь неотъемлемой составляющей человеческого сознания, не может изучаться в отрыве от его создателя и пользователя. Естественное стремление человека к адаптации обуславливает деятельностный подход («активное отношение» в терминах А.Н. Леонтьева) к окружающему миру. В процессе такого активного взаимодействия формируются структура и содержание его сознания, а установленный «антропоцентрический порядок» фиксируется в языковых единицах, что делает очевидным наличие тесной связи между процессами по осмыслению и объяснению мира человеком и языком. Безусловно, идея взаимозависимости и взаимообусловленности человеческого языка и мышления подчеркивалась исследователями на разных этапах развития лингвистической науки. Так, уже в рамках структурного, или системоцентрического подхода, признававшего необходимость сосредоточиться строго на изучении внутренней лингвистики, Г. Гийом, считавший себя последовательным структуралистом, называл язык и его структуру «единственным документом внутренней деятельности мышления» [12. С. 153], а Л. Ельмслев, один из крупнейших представителей структурной лингвистики, считал, что «язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык — инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность...» [13. С. 264]. Приведенные цитаты свидетельствуют о зарождении еще в рамках системно-структурной парадигмы мысли о взаимной обусловленности мыслительных и языковых структур.

Дальнейший переход от структурной к генеративной грамматике в языкознании сопровождался главенством формы над смыслом, системы — над ее функционированием, универсальности языка — над его вариативностью. Внимание исследователей было сосредоточено не на эмпирическом материале живого языка, а на сконструированных ими же самими структурах, необходимых для демонстрации идей порождающего синтаксиса [14].

Когнитивная лингвистика, пришедшая на смену генеративной, характеризуется тенденцией к изучению не только отдельных единиц, или квантов знаний — концептов, но и целых структур знаний, лежащих в основе формирования языковых значений. Это объясняется тем, что для характеристики

значения слова необходима определенная фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний, которая входит в общую систему культурно значимого опыта и мнений носителей данного языка. Эти знания и выступают в качестве когнитивного контекста формирования и понимания смыслов. В этом смысле контекст культуры является наиболее значимым, поскольку мысль о том, что познание мира человеком происходит в рамках определенной культуры не вызывает сомнений. Этим обусловлено особое внимание, уделяемое в современных исследованиях когнитивного направления, изучению взаимосвязи языка и сознания в широком культурном и социально-историческом контексте. Принимается положение о том, что когниция (“cultural cognition”) и процесс концептуализации действительности (“cultural conceptualizations”) культурно детерминированы, т.е. представление об определенном фрагменте опыта и его дальнейшая конфигурация в языке мотивированы географической, культурной и социальной средой обитания. Этим объясняется обращение к проблеме реконструкции категорий культуры (“cultural category”), метафор культуры (“cultural metaphor”), а также культурноспецифических схем знаний (“cultural schema”) (см. [15—17]).

Подчеркнем, что, в целом, становление новых парадигм, направлений и подходов свидетельствует об эволюции научного знания, его внутреннем потенциале, поскольку любая наука сильна не своим догматизмом, а многообразием точек зрения, подходов и направлений, благодаря которым обеспечивается ее развитие и движение вперед. В рамках антропоцентрической парадигмы традиционные проблемы языкознания пересматриваются и анализируются с новых позиций — позиций человека, его психологии, его сознания, лингвокультурного сообщества, частью которого он является. Важно и то, что формирование и дальнейшее развитие антропоцентрической парадигмы не подразумевает полного отказа от ранее накопленного опыта и научных достижений прошлого. Это скорее новый вектор развития научного знания, новый импульс, подразумевающий обращение к традиционным проблемам языкознания и их теоретическое осмысление с позиций новых подходов на основе учета и систематизации новых данных.

Лингвистика сегодняшнего дня располагает значимыми результатами в области осмысления природы языка, его антропоцентрической природы, принципов структурной организации языка и сознания, процесса актуализации различных механизмов формирования смыслов в ходе осмысления тех или иных фрагментов действительности. Очевидно, что когнитивный подход, в фокусе внимания которого оказывается «антропоцентрический компонент» семантики языковых единиц, обладает существенным научным потенциалом для анализа процессов познавательной деятельности человека по освоению окружающей действительности, а накопленный теоретический опыт и разработанные в рамках данного подхода исследовательские методы

указывают на наличие собственной системы взглядов на объект исследования. К числу таких собственных методов исследования относятся, например, концептуальный анализ [18], концептуально-таксономический анализ [19], анализ скетч-фреймов [20], концептуально-репрезентативный анализ [21], анализ когнитивной доминанты [22], концептуально-конфигуративный анализ [23], метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты [24], метод метакогнитивного моделирования [25] и др.

Концептуально-инференционный анализ как метод исследования в рамках когнитивного подхода

Исследование природы и архитектуры языка в контексте его связи с сознанием как магистральное направление развития когнитивной лингвистики соотносится с проблемой эволюции когнитивных способностей человека в целом. Так, согласно одной из теорий, рассматривающей язык в качестве биолингвистической программы, «язык порождает дискретно-бесконечный набор иерархически структурированных выражений, которые определенным образом интерпретируются на интерфейсах с двумя другими внутренними системами — сенсомоторной системой, служащей для экстернализации, и концептуальной системой, служащей для умозаключения (*inference*), интерпретации, планирования, организации действий и других элементов того, что в общих чертах называется мышлением» [26. С. 136]. С этой точки зрения язык понимается в терминах внутреннего языка, «I-language», т. е. интериоризированного языка, или языковой способности [27. С. 14]. Не углубляясь в детали данной теории, отметим, что одним из важных тезисов, имеющих непосредственное отношение к заявленной в предлагаемой статье проблематике, является способность человеческого сознания собирать воедино различные перцептивные сигналы и производить следующие из них выводы. В этом аспекте анализ глубинных структур сознания сводится к изучению его способности подводить взаимоотношения ингредиентов среды под определенную модель отношений «ЕСЛИ → ТО». Эту способность психофизиологи обычно связывают с активностью левого полушария, которое обрабатывает когнитивную информацию (вербальную и невербальную) путем отбора и сопоставления лишь немногих существенных для анализа параметров. Можно предположить, что в ходе геннокультурной эволюции по мере роста дифференциации и специализации полушарий мозга у гоминида постепенно сформировалась принципиально новая способность — способность к выявлению жестких, однозначных причинно-следственных связей [28. С. 104].

Показательной в этом отношении является система силлогизмов Аристотеля как система истинных следствий из истинных посылок, ставшая достоянием логики — науки, изучающей формы и законы мышления. Структура силлогизма представлена формулой *посылка → следствие*

и соотносима с общей моделью отношений *если* $\rightarrow$ *то*. Посылка есть речь, утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то. Следствие «как процесс образования силлогизма связано с тем, что и тот, кто доказывает, и тот, кто, спрашивает, одинаково умозаключают, что нечто чему-то присуще или не присуще» [29. С. 119].

Логическое умозаключение как элемент понятийного аппарата логики коррелирует с понятием инференции. Тем не менее, Е.С. Кубрякова разграничивает понятия инференции и логического умозаключения, поскольку «инференция понимается как операция обыденного сознания, рационального в своей основе, но в то же время не столь связанного с формальными способами доказательства истины» [30. С. 410]. Инференция есть мыслительная операция, «в результате которой человек способен выйти за пределы буквального/дословного значения единиц, взглянуть за рассматриваемыми им языковыми формами больше содержания и определить, что их них следует, вытекает, используя опыт обыденного сознания» [31. С. 33–34]. Другими словами, инференция как менее жесткая версия логического умозаключения, больше связана с жизненным опытом человека, догадками, представлениями и даже идеями фантазийного характера, вытекающими из этого опыта, а также с его интуицией, индивидуальными сиюминутными ощущениями, что вполне согласуется с положением о том, что «языковая деятельность в значительной степени связана с инферентными модусами обработки информации...» [32. С. 61].

Инференция также часто связывается с понятием импликации. М.В. Никитин отмечает, что «концепты как дискретные содержательные сущности сознания объединены концептуальными связями. Один из типов связей — импликационные, являются мыслительным аналогом реальных связей сущностей объективного мира. В конечном счете это — отражение связей между вещами, событиями, между частью и целым, между вещью и признаком. Один концепт предполагает, вызывает мысль о другом, одно понятие имплицитно другое в силу зависимости, взаимодействия, связи отражаемых ими сущностей. Наиболее явным примером импликационных связей является отражение в сознании причинно-следственных связей, но сюда же относятся связи пространственные, временные, партитивные и иные, т.е. всякого рода линейные связки, соположенности, совместности, сопряженности» [33. С. 5]. В логике сказанного, на примере процесса количественной интерпретации качества в языке, можно говорить о том, что межконцептуальные импликационные связи, мотивированные фундаментальными базовыми принципами количественно-качественных отношений бытия, способствуют актуализации концепта КАЧЕСТВО на основе концепта КОЛИЧЕСТВО. Другими словами, концепт КОЛИЧЕСТВО как концепт интерпретирующего типа является основанием для формирования выводного знания нового типа — концепта КАЧЕСТВО. Операция инференции в этом процессе выступает в роли связующего звена, «когнитивной скрепы» данных концептуальных структур.

Поскольку сущность когнитивного подхода в лингвистике заключается в понимании языка как средства доступа к концептуальным структурам, концептуально-инференционный анализ подразумевает детальное изучение как интерпретирующего, так и интерпретируемого концептов, описание их специфических характеристик и уточнение их статуса в концептуальной системе человека. Это становится возможным за счет применения общих принципов концептуального и концептуально-дефиниционного анализов, традиционно используемых в работах, выполненных в рамках когнитивного направления в лингвистике.

В результате интеграции концептуального и концептуально-дефиниционного анализов в процессе изучения концептов КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО становится очевидным, что данные концептуальные структуры являются продуктом познания и объяснения человеком количественно-качественного многообразия мира. Так, специфика концепта КОЛИЧЕСТВО определяется сочетанием статических и динамических признаков. ЧИСЛО как архетип сознания является когнитивным ориентиром концепта КОЛИЧЕСТВО. Именно ЧИСЛО является организующим началом концепта КОЛИЧЕСТВО, отвечающим за его статические признаки и внутреннюю стабильность. Динамические признаки концепта КОЛИЧЕСТВО отражают динамику человеческого сознания: репрезентированный языковым знаком, концепт КОЛИЧЕСТВО всегда связан с «присутствием» человека, поскольку является средством познания и понимания количественных связей и отношений конкретных феноменов действительности, количественных характеристик окружающего предметного пространства и самого человека. Учитывая принцип изоморфизма языка и сознания, подробное языковое картирование количества, его представленность на всех языковых уровнях свидетельствует в пользу того, что КОЛИЧЕСТВО является базовым универсальным для всего человечества концептом интерпретирующего типа.

Концептуализация ингерентных свойств объектов и явлений действительности ведет к формированию в сознании концепта КАЧЕСТВО, специфика которого заключается в тесной связи с ощущениями субъекта познания. Субъективный характер восприятия дает основания полагать, что качественный аспект действительности представлен в языке в модифицированном виде: языком репрезентируются не объективные качества, а качества как результат процесса языковой интерпретации. Преобладание антропоцентрического начала в представлениях о качественном аспекте действительности делает достаточно сложной его объективную констатацию и обуславливает необходимость его «верификации». Концептуализация качества сквозь призму количества способствует объективации качества и его уточнению.

Онтологическая соотнесенность количества и качества обуславливает смысловой синкретизм языковых средств репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО, совмещающих в себе эксплицитное значение квантитативности с потенциально-имплицитным значением квалитативности и оценки, что

позволяет рассматривать их в качестве средств, способных обеспечивать извлечение новых качественных смыслов в отношении свойств, характеристик объектов и явлений реальной действительности. Следовательно, суть процесса количественной интерпретации качества в языке состоит в осмыслении качества, представленного в количественных показателях. При этом следует говорить о зарождении нового знания, поскольку речь идет о количественно-качественных отношениях, а любое «отношение всегда есть то, что, будучи установлено между вещами, образует новые вещи» [34. С. 86].

Объективное многообразие количественных свойств действительности ведет к вариативности языкового оформления результатов обработки этого многообразия сознанием, что объясняется наличием у языка интерпретирующей функции, заключающейся в том, что язык не просто фиксирует полученные знания о мире, он их интерпретирует, как интерпретирует и сам мир, представляя его в всем многообразии. Общее концептуальное содержание количества реализуется в языке в виде конкретных количественных смыслов, которые формируются за счет подключения разнообразных когнитивных механизмов. К числу основных когнитивных механизмов формирования количественных смыслов можно отнести, например, когнитивные механизмы ограничения, опредмечивания, абстрагирования, шкалирования, профилирования, символизации, концептуального сравнения и концептуальной метафоры и др. [35]. Количественные смыслы, объективированные в единицах языка, не только выступают в роли *количественной интерпретанты качества*, но и активируют процесс получения выводного знания о качестве того или иного объекта или явления.

Таким образом, применение концептуально-инференционного анализа заключается в следующих процедурах: 1) выделение концептуальных характеристик, создающих основу для формирования выводного знания (КОЛИЧЕСТВО); 2) описание процесса формирования нового выводного знания (КАЧЕСТВО).

Изучение *нового знания*, инферирование которого происходит на основе уже имеющихся у индивида знаний, приобретает в этой связи особо значимый смысл.

Актуализация знаний различного типа как основание операции инференции

Понимание языка не только как средства познания мира, его концептуализации и категоризации, но и средства хранения и передачи знаний о нем подразумевает понимание языка как системы оперирования знанием о мире. Результаты познавательного, предметно-практического, чувственного опыта хранятся в сознании человека, в семантике отдельного слова и целого высказывания. Другими словами, в языковых единицах различных уровней находят

отражение знания человека о положении дел в окружающей его действительности. Этим обусловлена необходимость рассмотрения совокупности структур знаний и глубинных механизмов, которые лежат в основе формирования значения и позволяют языку выполнять интерпретирующую функцию. Попытка реконструкции знаний, лежащих в основе языковой интерпретации, выявление их типологии и описание процесса их актуализации способствует повышению уровня экспланаторности при изучении результатов языковой интерпретации фрагментов и явлений действительности.

Поскольку наши знания о мире имеют континуальный характер, операция инференции осуществляется с опорой на энциклопедические знания, а также на другие типы знаний, дополняющие друг друга. Количественные концепты, вербализованные в языке, являются одновременно средством доступа к имеющимся у индивида знаниям о количестве и основой для обработки этих знаний по линии качества интерпретирующим сознанием субъекта. Процедура инферирования качественных характеристик опирается на коллективные и индивидуальные схемы знания о количественно-качественных корреляциях: конвенциональные энциклопедические знания, специфические знания, приобретенные в рамках определенной лингвокультуры, а также индивидуальный когнитивный опыт человека.

Важно подчеркнуть, что в ходе применения концептуально-инференционного анализа становится очевидным, что инферирование новых качественных смыслов на основе количественных показателей зависит от области определения, что обусловлено многообразием существующих норм в отношении качественных показателей различных объектов и событий мира. Так, например, в рамках концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК количественные значения обуславливают процесс инферирования качественных смыслов в отношении различных характеристик, присущих человеку, а в рамках концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ выводимые качественные смыслы связаны с функциональными характеристиками объектов.

Далее приведем примеры, демонстрирующие зависимость инферированных качеств от интерпретируемой концептуально-тематической области. Качественные смыслы, формирующиеся на базе количественных показателей в рамках концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК, указывают на присущие человеку качества как внешнего, так и внутреннего характера. Так, научное медицинское знание, связанное с оценкой физиологических характеристик человека, форматируется конвенциональными количественными показателями и шкалами. Шкала роста, например, призвана оценивать рост человека как неотъемлемую конституентную характеристику здорового человека:

*Wim had been **six feet three** by the time he reached **fifteen** (D. Steel. Dating game)¹.*

В примере (1) вывод о внешних данных подростка осуществляется за счет актуализации когнитивного механизма шкалирования (в рамках

конвенциональной шкалы роста), обуславливая формирование качественной характеристики ‘высокий’ и ‘выше среднего’ относительно нормы, связанной с параметрическими показателями среднестатистического человека. Отметим, что данная характеристика соотносима с характеристикой ‘красивый’, поскольку исследования подтверждают, что мужчины более высокого роста считаются более привлекательными.

Оценка состояния взрослого человека обычно включает такие базовые показатели, как температура тела, частота пульса, частота дыхания, артериальное давление и пр. В примере (2) вывод о состоянии человека в терминах «нездоровый», «больной» формируется в связи с отклонением от нормы, поскольку с точки зрения медицины нормальная жизнедеятельность человека возможна в диапазоне всего в несколько градусов:

(2) *I myself have been in the sickbay for 24 hours with a temperature of 39 degrees*² (D. Mitchell. Number 9 Dream).

Количественные показатели могут стать основанием индивидуальной интерпретации внутреннего состояния человека как одного из специфических видов качества, характеризующего переменные свойства объекта или «такие виды качеств, которые легко поддаются движению и быстро изменяются» [36. С. 1143]. Проиллюстрируем данный тезис следующим контекстом:

(3) *Alison fished impulsively from her red Greek shoulder bag, and pressed on him two packets of airline cigarettes. “Esychia,” the muleteer said.*

“You think I’m just sentimental.”

*“No I don’t. But **one packet would have been enough.**”*

*“No it wouldn’t. **I felt two packets fond of him**”³ (J. Fowels. The Magus).*

Опираясь на описанные выше процедуры концептуально-инференционного анализа, можно сделать вывод о том, что в приведенном примере количественный показатель ‘*two packets*’ как средство репрезентации концепта КОЛИЧЕСТВО актуализирует концепт СОСТОЯНИЕ, указывая на эмоциональное состояние, связанное с испытываемой к человеку симпатией, как особого рода качество, сложно поддающееся измерению и оценке.

Качественные смыслы, формирующиеся на базе количественных показателей в рамках концептуально-тематической области ПРИРОДА, указывают на тесную связь человека с окружающим миром обуславливает жизненную необходимость постоянного мониторинга за состоянием природной среды. Конвенциональные градусные шкалы являются одним из значимых

² Mitchell D. Number 9 Dream (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=yU8O4diEAPUC&pg> (дата обращения: 12.12. 2022).

³ Fowles J. The Magus. Boston: A Dell Book, 1965. P. 243.

инструментом ее оценивания. Так, формирование вывода относительно состояния атмосферы в примере (4) осуществляется на базе температурной шкалы Фаренгейта:

(4) ‘... *If I remember correctly, on Boston’s own city website it said that the minimum January daytime temperature is **fifteen degrees.***’ — ‘Yes, **Fahrenheit, Serena**⁴. (S. Clarke Merde Happens).

В рамках концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ выводимые качественные смыслы связаны с осмыслением функциональных характеристик объектов. В результате осмысления количественных признаков формируется новое знание о качестве объектов. Продemonстрируем сказанное примером:

(5) *There were some thirty tables, all of them topped with pearl-smoked Indian marble. Each table had four or more cedar chairs — **sixty-minute chars**, Clara used to call them*⁵... (G.D. Roberts. Shantaram).

Формирование оценочного смысла в отношении качества стульев в примере (5) связано с языковой единицей, совмещающей в себе темпорально-квантитативное значение с имплицитным значением квалитативности и оценки. Знание о том, что базовой функциональной характеристикой стула является придание телу человека удобного положения, становится основанием для вывода инферентных характеристик ‘неудобный’, ‘некомфортный’. Указанные качественные характеристики формируются за счет «подключения» концепта ВРЕМЯ, поскольку с точки зрения связи количества с пространством и временем количество может пониматься как качество в пространственно-временном аспекте, со стороны его бытия в пространстве и времени. Отметим также, что «подключение» концепта ПРОСТРАНСТВО становится, например, основанием для формирования оценочных качественных смыслов в отношении технического состояния автомобиля:

(6) *For many good reasons, **they were terrified** of turning loose on the streets of Hattiesburg an illegal, unlicensed, and quite uninsured alien in **Honda with a zillion miles** and their two children in the rear sit*⁶ (J. Grisham. The Appeal).

В примере (6) формирование инферентных качеств «очень старый», «функционально ненадежный» осуществляется на основе показателей преодоленного автомобилем пространства, т. е. пробега, репрезентированного количественным показателем *a zillion miles*, выбор которого обусловлен культурно значимым понятием OVERSTATEMENT.

⁴ Clarke S. Merde Happens. Transworld Publishers, 2008. P. 94.

⁵ Roberts G.D. Shantaram. Lnd.: Abacus, 2004. P. 60.

⁶ Grisham J. The Appeal. Lnd.: Arrow books, 2008. P. 51.

Необходимо отметить, что многофункциональный характер единиц языка, обусловленный прототипическим принципом связи значения слова и реализации им конкретного речевого смысла, объясняет способность имен различных предметных сущностей выступать в роли количественных индикаторов качества, что существенно расширяет класс языковых единиц с количественным значением, делая его открытым и потенциально неограниченным. Личный когнитивный опыт в различных областях знания наряду с актуализацией различных когнитивных механизмов (прежде всего механизмов воображения: концептуального сравнения, концептуальной метафоры и др.) порождают индивидуально-авторские примеры количественной интерпретации качества. Приведем пример:

(7) *I even loved you when you got that **terrible acne**, and your face **looked like the Bible and Shakespeare in Braille***⁷ (T. Holt. *May Contain Traces of Magic*).

В примере (7) количественный смысл ‘очень много’ формируется на основе интеграции знаний о достаточно большом объеме произведений Шекспира и Библии как собрании религиозных священных писаний, а также знаний об Азбуке Брайля — предназначенном для чтения и письма незрячими и слабовидящими людьми рельефно-точечном тактильном шрифте, представляющем собой множество точек. Данный количественный смысл запускает процесс интерпретации по линии качества и способствует формированию инферентных характеристик, специфицирующих внешность человека и другие потенциально выводимые качества.

Подобным образом при помощи образных схем интерпретации, а также знаний, полученных в области географии, формируются инферентные качественные смыслы в рамках концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ:

8) *...but now he was in the bathroom, the tap was running, he'd turned on the mighty shower that **flooded down like Yosemite cascade***⁸ (S. Faulks. *A Week in December*).

В примере (8) актуализация фоновых знаний, сформировавшихся в рамках американской культуры относительно особенностей ландшафта США, становится основанием для языковой интерпретации функциональных характеристик бытового оборудования в терминах топонима *Yosemite cascade*. Это объясняется тем, что водопады Йосемитского национального парка в Калифорнии, расположенного в долине Йосемити, являются одними из самых мощных, поскольку средняя их высота

⁷ Holt T. *May Contain Traces of Magic*. Электронный ресурс. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=5BXYQV_oiIUC&pg (дата обращения: 12.12.2022).

⁸ Faulks S. *A Week in December*. Lnd.: Vintage, 2010. P. 287.

составляет несколько сотен метров. Знание именно этого факта способствует осмыслению качественных характеристик комплекса сантехнического оборудования, его высокой функциональности, современности и, возможно, высокой стоимости.

Представленные контексты иллюстрируют, что количественный признак, репрезентируемый подобными существительными, порождает предметный образ, который является точным за счет своей «наглядности», что, в свою очередь, способствует более точному выводу в отношении качественных характеристик. Выступая в роли показателей степени интенсивности признака (ср. термин “degree words” [37]), существительные, номинирующие объекты реальной действительности, становятся своего рода призмой, сквозь которую оцениваются и интерпретируются качественные характеристики. Примеры подобного рода раскрывают лингвокреативный потенциал индивида, указывают на общий уровень его компетентности, «обнажают» приоритетные зоны индивидуальной концептуальной системы. Вариативность языковой интерпретации зависит от объема эрудиции личности, поскольку процесс отбора знаний связан с активацией разных зон концептуальной системы человека, отвечающих за хранение знаний различного типа. Данный процесс также может быть связан с активацией сложных структур знания, требующих дополнительных инференций и постепенного «развертывания» знания.

Подводя итог, отметим, что в основании процесса инферирования и формирования нового выводного знания лежат в целом единые схемы знаний и схожие механизмы осмысления количественно-качественных корреляций, что, однако, не исключает их культурно и индивидуально обусловленной вариативности на концептуальном и языковом уровнях.

Заключение

Поскольку целью когнитивного подхода к анализу языковых данных является реконструкция и моделирование глубинных процессов формирования смысла, концептуально-инференционный анализ может рассматриваться как в качестве самостоятельного, так и в качестве дополнительного инструментария исследования, раскрывающего соотношение концептуальных и языковых структур. Представляется, что возможность применения данного метода исследования обусловлена его включенностью в круг современных научных разработок в рамках когнитивного и антропоцентрического подходов к изучению единиц языка.

Использование данного метода в ходе моделирования процесса количественной интерпретации качества в языке показало, что концептуально-инференционный анализ позволяет раскрыть природу процесса познания индивидом количественного аспекта действительности и последующего осмысления

качественных характеристик на основе количественных показателей. Данный метод способствует внедрению когнитивного подхода при изучении проблематики взаимодействия категорий количества и качества, позволяя выделить когнитивные основания этого взаимодействия. Применение данного метода связано с исследованием как интерпретирующей (КОЛИЧЕСТВО), так и интерпретируемой (КАЧЕСТВО) концептуальных областей, позволяя продемонстрировать инферентную природу нового формирующегося знания. В сочетании с другими методами (например, методом когнитивного моделирования) концептуально-инференционный анализ позволяет комплексно решать задачи, поставленные на разных этапах исследования. В этой связи перспективным видится применение концептуально-инференционного анализа при изучении других языковых феноменов, связанных с передачей выводного знания, для дальнейшего выявления когнитивного потенциала языковых единиц, развития теории и практики лингвистических исследований.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.
3. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2019.
4. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–32.
5. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
6. Павленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
7. Anderson J. The Architecture of Cognition. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1983.
8. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annu. Rev. Psychol. 2008. Vol. 59. P. 617–645.
9. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
10. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. I: Concept structuring system. Cambridge, Massachusetts, London: A Bradford Book. The MIT Press, 2001.
11. Федяева Е.В. Количественная интерпретация качества в языке: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2020.
12. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Пер. с фр. / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
13. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://classes.ru/grammar/148.new-in-linguistics/source1/worddocuments/110.htm> (режим доступа: 23.12.2022).
14. Козлова Л.А. Принцип трансдисциплинарности и его аппликативный потенциал // Язык. Культура. Личность: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Козловой / под науч. ред. И.Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПА, 2020. С. 11–24.
15. Palmer G.B. Toward a theory of cultural linguistics. Ostin: University of Texas Press, 1996.
16. Sharifian F., Jamarani M. Cultural schemas in intercultural communication: A study of the Persian cultural schema of *sharmandegi* 'being ashamed' // Intercultural Pragmatics. 2011. № 8–2. P. 227–251.

17. Sharifan F. *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical framework and applications*. Amsterdam: PA, 2017.
18. Кубрякова Е.С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.: Эйдос, 2007. С. 7–18.
19. Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.: Эйдос, 2007. С. 95–108.
20. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов; М.: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.
21. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты. М.; Тамбов; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
22. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004.
23. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.
24. Дубровская О.Г. Социокультурная специфика дискурса: субъективный принцип формирования. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
25. Виноградова С.Г. Коммуникативное членение сложного предложения: когнитивные основы. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015.
26. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2018.
27. Jackendoff R. *Patterns in the Mind*. New York: Basic Books, 1994.
28. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999.
29. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
30. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
31. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Российская академия наук. Институт языкознания, 1997.
32. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСК, 2014.
33. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997.
34. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.
35. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-3-5-14>
36. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998.
37. Bolinger D. *Degree Words*. The Hague; Paris: Mouton, 1972.

References

1. Arutyunova, N.D. (1999). *The Language and the Human World*. Moscow: Languages of Russian culture publ. (In Russ.).
2. Boldyrev, N.N. (2016). *Cognitive Nature of Language*. Moscow-Berlin: Direkt-Media publ. (In Russ.).
3. Boldyrev, N.N. (2019). *Language and the System of Knowledge*. Moscow: YaSK Publishing House. (In Russ.).
4. Dem'yankov, V.Z. (1994). Cognitive Linguistics as a Kind of Interpretative Approach. *Topics in the study of language*, 4, 17–32. (In Russ.).
5. Nikitin, M.V. (2003). *The Cognitive Semantics Basics*. Saint-Petersburg: A.I. Gertsen RGPU publ. (In Russ.).
6. Pavilenis, R.I. (1983). *Problem of Meaning: (Modern logical-philosophic analysis of the language)*. Moscow: Mysl' publ. (In Russ.).

7. Anderson, J. (1983). *The Architecture of Cognition*. Cambridge, M.A.: Harvard University Press. (In Russ.).
8. Barsalou, L.W. (2008). Grounded cognition. *Annu. Rev. Psychol.*, 59, 617–645.
9. Langacker, R.W. (1991). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter.
10. Talmy, L. (2001). *Toward a cognitive semantics. V. I: Concept structuring system*. Cambridge, Massachusetts, London: A Bradford Book. The MIT Press.
11. Fedyaeva, E.V. (2020). *Quantitative Interpretation of Quality in Language* [dissertation]. Tambov. (In Russ.).
12. Guillaume, G. (2010). *The Principles of Language Theory*. Moscow: LKI publ. (In Russ.).
13. Hjelmlev, L. Prolegomena to a Theory of Language. URL: <https://classes.ru/grammar/148.new-in-linguistics/source1/worddocuments/110.htm> (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
14. Kozlova, L.A. (2020). Transdisciplinarity Principle and its Application Potential. *Language Culture Personalit.* AltGPA publ. 11–24.
15. Palmer, G.B. (1996). *Toward a theory of cultural linguistics*. Ostin: University of Texas Press.
16. Sharifian, F. & Jamarani, M. (2011). Cultural schemas in intercultural communication: A study of the Persian cultural schema of sharmandegi ‘being ashamed’. *Intercultural Pragmatics*, 8–2, 227–251.
17. Sharifian, F. (2017). *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical framework and applications*. Amsterdam: PA.
18. Kubryakova, E.S. (2007). *Conceptual Language Analysis*. Moscow: Eydos publ. pp. 7–18. (In Russ.).
19. Boldyrev, N.N. (2007). *Issues of Linguistic Knowledge Research*. Moscow: Eydos publ. pp. 95–108. (In Russ.).
20. Babina, L.V. (2003). *Cognitive bases of secondary phenomena in language and speech*. Tambov: Derzhavin Tambov State University publ. (In Russ.).
21. Besedina, N.A. (2006). *Concepts Transferred through Morphology*. Moscow; Tambov; Belgorod: Belgorod State University publ. (In Russ.).
22. Furs, L.A. (2004). *Concepts Represented through Syntax*. Tambov: Derzhavin Tambov State University publ. (In Russ.).
23. Magirovskaya, O.V. (2008). *The Cognition Subject Representation in Language*. Tambov: Derzhavin Tambov State University publ. (In Russ.).
24. Dubrovskaja, O.G. (2014). *Socio-cultural Specificity of Discourse: Subjective Principle of Formation*. Tambov: Derzhavin Tambov State University publ. (In Russ.).
25. Vinogradova, S.G. (2015). *Communicative Perspective of Composite Sentences: Cognitive Bases*. Tambov: Derzhavin Tambov State University publ. (In Russ.).
26. Chomsky, N. & Bervik, R. (2018). *Why only Us. Language and Evolution*. Saint Petersburg: Piter publ. (In Russ.).
27. Jackendoff, R. (1994). *Patterns in the Mind*. New York: Basic Books.
28. Merkulov, I.P. (1999). *Cognitive Evolution*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia publ. (In Russ.).
29. Aristotle. (1978). *Collected Woks in four Volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl’ publ. (In Russ.).
30. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and Knowledge. On the way to knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world*. Moscow: Slavic languages publ. (In Russ.).
31. Kubryakova, E.S. (1997). *Parts of speech from a cognitive point of view*. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics of the RAN (Russian Academy of Sciences). (In Russ.).
32. Irishanova, O.K. (2014). *Focus Games in Language. Semantics, syntax, and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture publ. (In Russ.).
33. Nikitin, M.V. (1997). *Course in Linguistic Semantics*. Saint Petersburg: Scientific Center for Dialogue Problems publ. (In Russ.).

34. Uemov, A.I. (1978). *The Systems Approach and General Systems Theory*. Moscow: Mysl' publ. (In Russ.).
35. Boldyrev, N.N. & Fedyaeva, E.V. (2020). Cognitive Mechanisms of The Quantitative Meaning Construction. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 5–14. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-3-5-14> (In Russ.).
36. Aristotle. (1998). *Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories*. Minsk: Literatura publ. (In Russ.).
37. Bolinger, D. (1972). *Degree Words*. The Hague. Paris: Mouton.

Сведения об авторах:

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. *Сфера научных интересов*: семантика, грамматика германских языков, когнитивная лингвистика; *e-mail*: boldyrev@tsutmb.ru

ORCID: 0000-0001-6864-9859; Scopus Author ID: 56285294400; Researcher ID: I-9854-2017

Федяева Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета. *Сфера научных интересов*: семантика, лексика и грамматика германских языков, когнитивная лингвистика; *e-mail*: fedyaeva_lena@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8488-3511; Researcher ID: AAF-4024-2021

Information about the authors:

Nikolay N. Boldyrev, D.Sc. (Philology), Professor, Honored science worker for RF, Director of the Center For Cognitive Research, Derzhavin Tambov State University. *Research interests*: semantics, grammar of Germanic languages, cognitive linguistics; *e-mail*: boldyrev@tsutmb.ru
ORCID: 0000-0001-6864-9859; Scopus Author ID: 56285294400; Researcher ID: I-9854-2017

Elena V. Fedyaeva, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department, Humanities Faculty, Novosibirsk State Technical University. *Research interests*: semantics, grammar of Germanic languages, cognitive linguistics; *e-mail*: fedyaeva_lena@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8488-3511; Researcher ID: AAF-4024-2021

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718

EDN: RIUGZG

УДК 811.161.1'42:82

Научная статья / Research article

Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект

О.В. Мякшева Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,

410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

 myaksheva.ov@gmail.com

Аннотация. Структурно-семантическая лингвистика накопила колоссальный опыт в систематизации языковых единиц, отношений между ними, сформировала целостный взгляд на язык как сложную систему. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистики позволила объяснить языковые/речевые характеристики контекстом, привлекла в качестве полноценного компонента анализа когнитивную природу языкового знака; перенесла идею антропоцентризма на фигуру второго участника коммуникации, пришла к выводу, что большую роль в коммуникативном взаимодействии *адресант — текст — адресат* играет последний компонент и интерпретационный потенциал текста находится в зависимости от когнитивных возможностей этого адресата и его дискурсивного багажа. Перечисленные характеристики состояния современной лингвистики позволили в предлагаемой статье попытаться выявить взаимообусловленную зависимость между структурно-семантическими характеристиками языковых единиц, отобранных автором художественного текста из арсенала языка и вплетенных в его синтагматику, и когнитивно-дискурсивным «подтекстом», который лингвистика вычленила из текста, что помогает отчетливее обнажить авторские интенции. Материалом анализа послужили фрагменты произведений классиков русской литературы (И.А. Бунина, И.А. Гончарова, М.М. Пришвина, А.П. Чехова), использовался как ведущий метод структурно-семантического анализа, дополненный элементами контент- и дискурс-анализа. Новизна исследования заключается в стремлении произвести лингвистический анализ речевого полотна художественного текста в контексте открывшихся, благодаря когнитивно-дискурсивной парадигме, новых объяснительных «горизонтов». Исследование языковых «деталей» конкретных фрагментов художественных текстов показало, что интерпретация художественного текста базируется на подробно описанных в рамках структурно-семантической парадигмы характеристиках языковых единиц (морфем, слов, словоформ, синтаксических конструкций, ССЦ и под.), расширение взгляда на контекстное окружение (в данном случае — уже широкого контекста) позволяет внести в интерпретацию аргументы, которые находятся в зависимости от собственного прочтения интерпретатора и в рамках его системы ценностей.

© Мякшева О.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: структурно-семантические характеристики языковых единиц, синтагматика, когнитивно-дискурсивный подтекст

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2022

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Мякишева О.В. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 704–718. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718>

Linguistic Analysis of a Literary Text as the Key to its Comprehension: Cognitive and Discursive Aspect

Olga V. Myaksheva

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya str., Saratov, Russian Federation, 410012

 myaksheva.ov@gmail.com

Abstract. Structural and semantic linguistics has accumulated colossal experience in the systematization of language units, the relationships between them, has formed a unified view of the language as a complex system. Cognitive and discursive paradigm in linguistics has made it possible to explain linguistic and speech characteristics with the context and attracted the cognitive nature of the linguistic sign as a full-fledged component of analysis. Transferring the idea of anthropocentrism to the figure of the second participant in communication, it came to the conclusion that the last component plays large role in the communicative interaction between addresser — text — addressee, and that the interpretive potential of the text depends on the cognitive abilities of this addressee and his discursive baggage. In the/given article the listed characteristics of the state of modern linguistics made it possible to try to identify an interdependent relationship between the structural and semantic characteristics of language units selected by the author of a literary text from the arsenal of the language and woven into its syntagmatics, and the cognitive and discursive «subtext» that linguistics extracts from the text, which helps expose the author's intentions more clearly. The material for the analysis made fragments of works by the classical Russian literature authors (I.A. Bunin, I.A. Goncharov, M.M. Prishvin, A.P. Chekhov), structural and semantic analysis was used as a leading method, supplemented with elements of content and discourse analysis. The novelty of the research lies in the desire to make a linguistic analysis of the speech canvas of a literary text in the context of new explanatory «horizons» that have opened up due to the cognitive-discursive paradigm. The study of the linguistic «details» of specific fragments of literary texts has shown that the interpretation of a literary text is based on the characteristics of linguistic units (morphemes, words, word forms, syntactic constructions, CSI, etc.) described in detail within the framework of the structural and semantic paradigm, expanding the view of the contextual environment (in this case — already broad context) allows introduce into the interpretation arguments that depend on the interpreter's own reading and within his value system.

Keywords: structural and semantic characteristics of linguistic units, syntagmatics, cognitive and discursive subtext

Article history:

Received: 01.09.2022

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Myaksheva, O.V. (2023). Linguistic. Analysis of a Literary Text as the Key to its Comprehension: Cognitive and Discursive Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 704–718. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718>

Введение

Исследование языка художественной литературы, художественного текста — одна из наиболее интересных и благодатных тем с точки зрения возможностей проникновения в глубинные механизмы создания текстов, самоё текстовое полотно, «объединённую смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [1. С. 555]. Главное, что необходимо иметь в виду, приступая к анализу художественного текста, это то, что он создаётся творцом языка, свободным от случайных, «побочных», несущественных обязательств, которые нередко не дают возможности автору текста другой, не художественной (не эстетической!) стилевой природы (в первую очередь современных СМИ) проявить себя полноценно, независимо от конъюнктуры реальной, и не только речевой, ситуации.

Системно-структурная парадигма лингвистики, основываясь на анализе речевых произведений и в последнее время своего существования значительно обогащённая вниманием к семантике языковых единиц, позволила многосторонне и исчерпывающе изучить эти единицы и отношения между ними, осмыслить язык как целостную систему; пришедшая ей на смену когнитивно-дискурсивная парадигма заявила своей задачей объяснять эту устроенность.

Хрестоматийное определение языка как способа существования сознания и одновременно средства коммуникации, с точки зрения современного когнитивно-дискурсивного взгляда, таит в себе внутреннее противоречие, которое, что естественно, является источником языкового развития. Материализуя сознание, язык служит человеку, в первую очередь говорящему/пишущему, который передаёт слушающему/читающему мысль, неизбежно отягощая её субъективными коннотациями, более того, сам отбор языковых единиц из парадигмы возможных уже является пристрастным. Об этом пишет и В.Е. Чернявская, характеризуя прагматический поворот в языковедении: «Функциональная перспектива текста, его коммуникативное назначение выходит на первый план. Все языковые единицы, все слова, включённые в текст, становятся, таким образом, включёнными в коммуникативную ситуацию. Они являются результатом осмысленного целенаправленного **выбора** (выделено нами — *О.М.*) автора текста, создающего текстовое целое» [2. С. 21]. Антропоцентрический (в конце прошлого века В.Н. Телия его удачно называла антропометрическим [3. С. 134]) для современной лингвистики ракурс исследований не оставляет ни единого шанса усомниться в этом. Даже научная речь не может не включать в себя примет речевой индивидуальности [4], «ситуативного эгоцентризма» адресанта [5].

Целью исследования является обнаружение взаимообусловленной зависимости между структурно-семантическими характеристиками языковых единиц, отобранных автором художественного текста из арсенала языка и вплетенных в его синтагматику, и когнитивно-дискурсивным «подтекстом», который современная лингвистика вычленяет из текста, что помогает отчетливее обнажить авторские интенции — это всегда было и остается основной целью исследования текста.

Уточним наше понимание словосочетания *когнитивно-дискурсивный «подтекст»*. Во-первых, «подтекст» понимается строго в границах: скрытый смысл высказывания, который восстанавливается на основе контекста, как минимального — синтагматического ряда соседствующих словоформ, так и более широкого — «конвоя» высказывания (Т.М. Николаева). *Дискурсивный* уже входит в понятие «конвоя», поскольку этот термин (в одном из своих толкований) используется как характеристика того, что связано с ситуативным контекстом, «определяющим все то, что существенно для данного высказывания, текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и **КОГНИТИВНЫХ** (выделено нами — *О.М.*) целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [6. С. 5]. Как видим, и понятия *дискурсивный*, *дискурс* оказались органически связаны с термином *когнитивный*, поскольку в широком смысле *дискурс* — это все то, что позволяет понять текст, включая ментальные процессы, которые происходят при восприятии, осмыслении и познании действительности сознанием.

Таким образом, **алгоритм** работы с текстовым материалом следующий: даётся структурно-семантическая характеристика языковой единицы, далее — её контент-анализ в пределах текстового фрагмента с целью выявления семантических «наращений», а также дискурс-анализ, который позволяет, в случае аргументационной необходимости, выйти за пределы ближайшего контекста, в частности — в область когниции, мыслительных сфер. В статье не предлагается методика когнитивно-дискурсивного анализа с учетом положений когнитивной лингвистики (см. работу: [7] и подобные), а показывается, что лингвистический анализ текста с выходом в объяснительную сферу (не только *Что? Как?*, но и *Почему?*) является фундаментом изучения текста: «В принципе можно с полным на то основанием утверждать, что вся деятельность по категоризации мира, то есть по распределению по особым группировкам, классам и т.п. — по **категориям**, носит всегда в конечном счете **языковой характер**. Не будучи воплощенной в языковые единицы, языковые формы, комбинации этих единиц и этих форм в дискурсе, ни сама эта действительность, ни подведение ее **итогов**, просто не могли бы существовать» [8. С. 37].

Материалом для лингвистического анализа послужили фрагменты художественных произведений И.А. Гончарова, А.П. Чехова И.А. Бунина, М.М. Пришвина. Выбор именно этих авторов в какой-то мере был случайным,

зависимым от прагматических параметров — объема фрагмента, отчетливости выражения языкового явления в пределах этого объема и под., однако системность обнаруженных закономерностей очевидна уже потому, что для анализа были взяты тексты классиков русской литературы. **Новизна** исследования заключается в рассмотрении художественного текста с позиции когнитивистики и дискуртологии, в стремлении произвести лингвистический анализ речевого полотна художественного текста в контексте открывшихся, благодаря когнитивно-дискурсивной парадигме, новых объяснительных «горизонтов».

Проблема осмысления художественного текста в современной лингвистической парадигме

В.В. Виноградов считал, что словесно-художественное произведение представляет собой воплощенную в формах языка и освещенную поэтическим сознанием автора обобщенную картину своеобразного мира — субъективного или объективного (в зависимости от метода творчества) [9. С. 112–120]. Это определение «своеобразного мира» художественного произведения уточнялось учёными позднее так: «новая сфера бытия, понимаемая как преодоление тварности и смерти» [10. С. 280], «объективный мир авторского сознания» [11. С. 251]. Художественная картина мира, по мнению лингвистов, «опосредована дважды — языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [12. С. 42]. В.Г. Костомаров утверждал, что образ автора в художественном тексте имеет главное свойство — «запечатлеть индивидуальное видение мира личностью» [13. С. 110].

Как видим из определений, в них отчётливо подчёркивается, что орудием создания художественного текста является не просто язык во всем богатстве его проявлений, а способность художника создавать воображаемый мир, причём **освещённый** (выделено нами — *О.М.*) поэтическим сознанием (В.В. Виноградов), как преодоление тварности и смерти (В.Н. Топоров).

Когнитивная лингвистика открыла путь к осмыслению — в рамках её понятий и терминов — основ бытия, и не вызывает сомнений, что именно художественные тексты отражают ценности как смыслообразующие основания человеческого бытия, а писатели, используя данную им способность мастерского владения словом и подчиняя наше восприятие его магии, удовлетворяют потребность читателя, в процессе чтения и осмысления текста, искать в нём ответы на самые сложные вопросы мироустройства. В статье «Анализ художественного текста в свете когнитивной лингвистики» на материале рассказов А.П. Чехова убедительно доказывается, что когнитивный анализ позволяет представить не только концептосферу писателя, но и аксиосферу с выявлением системы ценностных координат [14. С. 577].

Мысль о том, что язык не воссоздает, не копирует в графической форме объективный мир, а создает картину мира, характеризует — в эстетически

наполненном значении — именно мир художественный. Этот воображаемый, созданный фантазией писателя мир имеет такие формы, такие «деформации», которые способен создать только мастер слова и посредством которых мы ощущаем «прорыв» из реального, обыденного, обычного мира в мир особенный, сотворенный неподвизтым взглядом художника слова (подробнее об этом: [15. С. 36–51; 16. С. 363–370]).

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистики и упростила процесс изучения художественного текста, так как позволила объяснить его характеристики широким контекстом, включающим знания о воссоздаваемой эпохе, языковой личности автора, литературном направлении, жанре произведения, аксиологии и т.д., с другой — усложнила, поскольку нередко увлечение дискурсивными характеристиками текста ослабляет внимание к его речевому полотну. В.Е. Чернявская настойчиво напоминает, что «конкретным объектом лингвистики является не текст вообще, а конкретный текст, и именно с ним мы имеем дело» [2. С. 30]. Невнимание к данному обстоятельству опасно тем, что может увести от конкретных текстовых смыслов, коммуникативной функции конкретного текста и, следовательно, вложенных именно в него авторских интенций. Как справедливо писал В.Г. Костомаров, в беллетристике только словесная организация текста, отбор и расстановка слов, неожиданность и красота их сочетания, характер звучания сами по себе определяют ценность описываемого, вне языковой строки «Я помню чудное мгновенье» эстетического события нет [13. С. 126].

Особое внимание в процессе анализа конкретного художественного текста к его языковой составляющей объясняется нами и тем, что традиционная структурно-семантическая и её продолжение — функциональная лингвистика накопили колоссальный материал, который включает в себя подробные классификации языковых единиц по уровням и разновидностям, возможному набору форм, и немаловажно, что создавались эти классификации на основе анализа художественных текстов. Задача исследователя заключается в том, чтобы уместно и квалифицированно применить эти сведения к конкретному тексту, что позволит объяснить их использование писателем и тем самым попытаться выявить коммуникативные задачи, которые ставил перед собой создатель этого текста.

В статье О.В. Ломакиной [17] рассматривается проблема контекста, который в современной лингвистике имеет широкое и узкое значение, и приводится обзор трактовок, связанных с этими понятиями. Для реализации цели нашего исследования мы преимущественно будем опираться на узкое понимание контекста как минимального окружения языковой единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение.

В нашей статье рассматриваются языковые факты четырёх уровней языковой системы: лексическо-фразеологического, морфемно-словообразовательного, морфологического, синтаксического, но в обратном порядке

их представления — от синтаксического к лексико-фразеологическому и, если позволяет текстовый материал, морфемно-словообразовательному, а приводятся только наиболее интересные (в демонстрационном плане) примеры с точки зрения их роли в выражении авторского замысла. Безусловно, мы предлагаем своё объяснение отбора автором языкового материала, поскольку, как совершенно справедливо пишут современные лингвисты, текст представляет собой «завершённую с точки зрения создателя, но в смысловом и интенциональном плане открытую для множественных интерпретаций линейную последовательность языковых знаков» [18. С. 8].

Анализируя такой признак текста, как когерентность, В.Е. Чернявская утверждает, что интерпретирующему субъекту принадлежит активная роль в раскрытии текстового (коммуникативного) назначения, адресат выступает и как объект воздействия для автора текста, и как самостоятельный субъект декодирования и интерпретации, имеет собственные коммуникативно-прагматические установки, собственные фоновые знания, заставляющие по-разному (вариантивно!) «мерцать» те или иные текстовые смыслы [2. С. 27–28]. Как видим, большую роль в коммуникативном взаимодействии *адресант — текст — адресат* играет последний компонент, и интерпретационный потенциал текста находится в зависимости от когнитивных возможностей этого адресата и его дискурсивного багажа [19. С. 54]. Нельзя в этом отношении не иметь в виду и того, что чем больше временное расстояние между созданием и восприятием текста, тем более значимую роль играет такой фактор, как языковой код (состояние языковой системы). Посредством языкового кода в определенное время автором произведения формируется текст, десятилетия и даже столетия спустя он реципиентом интерпретируется. И разница между состоянием языковой системы может быть существенной, что, безусловно, влияет на декодирование адресатом текста.

Анализ языковых «деталей» конкретных художественных текстов

Перейдём к анализу конкретных текстов. Анализируемый нами фрагмент из произведения «Кладовая солнца» М. Пришвина (*Лет двести тому назад ветер-сеятель <...> И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост*) включает в себя 3 абзаца и состоит из 2-х ССЦ, причем второе ССЦ объединяет 2-й и 3-й абзацы. Не останавливаясь на доказательстве такого деления на структурно-семантические отрезки текста (отчасти это будет продемонстрировано последующим лингвистическим анализом), сосредоточим своё внимание на характеристике наиболее значимых языковых «деталей».

Одной из объединяющих данные ССЦ языковых черт является актуализация в них обстоятельственных компонентов конкретного места события, которые служат в первую очередь элементом создания зримой картинке (*Оба*

семечка легли в одну ямку **возле большого плоского камня**; Оттуда сюда, **к этому плоскому камню**, где сели отдохнуть дети, слабо долетело пение птиц, посвященное восходу великого солнца; Он сел **на самом верху**, где сук сосны и сук ели сложились, как мостик **между двумя деревьями**. Устроившись **на этом мостике**, для него довольно широко, **ближе к ели** <...>. Вторая яркая общая синтаксическая черта — использование сложноподчинённого предложения с гибридной природой придаточного — меры, степени и следствия (*И тогда деревья так стонали и были на все Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку; До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему; Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания*).

Отличает эти ССЦ в синтаксическом аспекте то, что в первом из них доминируют однородные ряды, формирующие такое выразительное средство, как градация (*Их корни с малолетства сплелись, их стволы **тянулись** вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга; Деревья разных пород боролись между собой **корнями** за питание, **сучьями** — за воздух и свет. **Поднимаясь** все выше, **толстая** стволами, они **впивались** сухими сучьями в живые стволы и местами **насквозь прокололи** друг друга*). Как известно, однородный ряд придаёт темповый характер, ритм прочтению, а входящие в этот ряд лексические компоненты отвечают за окраску (позитивную или негативную) нарастающего модусного смысла.

Во втором ССЦ более частотны определения, выраженные причастиями и причастными оборотами (*могучие стволы соснового бора стали, как **зажженные** свечи великого храма природы; Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетело пение птиц, **посвященное восходу великого солнца**; косач как будто стал расцветать в лучах **восходящего** солнца; И особенно красив стал его радужный, **раскинутый лирой** хвост*). Как представляется, причастие (являясь гибридной частью речи и атрибутом чаще книжного, нередко высокого стиля), как глагол, вносит в описание события элемент динамики, процессуальности, как прилагательное — живописует его.

Наполним синтаксические структуры лексическим содержанием, расширив контекст анализа вниманием к словосочетательным связям и некоторым деривационным и морфологическим характеристикам. Ключевыми в первом ССЦ являются лексемы с семантикой «губительных» для всего живого, с сильной отрицательной коннотацией, качеств, свойств и действий (*злой ветер; несчастная жизнь*), компоненты, входящие с ними в словосочетательные связи, усиливают их отрицательный потенциал (*впивались сухими сучьями в живые стволы и местами **насквозь прокололи друг друга, неизбывная***

злоба), повтор лексем с указанной семантикой, их словообразовательные дериваты не дают возможности выйти из мрачной и удручающей атмосферы жестокой борьбы за существование: *деревья так стонали и выли; стон и вой сосны и ели; одичавшая собака <...> выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.*

Во втором ССЦ, напротив, активны лексемы семантического поля «солнце», «свет»: *солнце, осветили, лучи, восход; восходящее; загорелся* (начать ‘сверкать, блестеть’¹), *расцветать* (переносное от: ‘распустив бутоны, дать цветки’²). Жизнеутверждающие, живописующие, красочные метафоры, характеризующие событие, героями которого являются дети и которое происходит около того же *плоского камня*, вводятся посредством сравнительного оборота: *как зажженные свечи великого храма природы* (обратим внимание на религиозный, высокий и торжественный контекст метафорической «картинки»); *как мостик между двумя деревьями* (здесь — на диминутив *мостик*), сравнительной частицы перед сказуемым-метафорой (*как будто стал расцветать*), творительного сравнения (*загорелся огненным цветком; раскинутый лирой хвост*), предметы сравнения *огненный цветок, лира* своим коннотативным фоном поэтизируют восприятие реальных номинаций *гребешок, хвост*.

Связность (когезия) как признак текста, отражаясь в названных выше общих языковых чертах ССЦ, позволяет увидеть через внутреннюю целостность (когерентность) движение интереса автора от изображения пугающего, злобного, устрашающего в окружающей нас жизни к светлому, лучезарному, великому в своей всепобеждающей молодости и красоте. Наполнение одной и той же структуры (СПП с придаточным меры, степени и следствия), используемой и в первом, и во втором ССЦ, лексическим содержанием передают в первом — состояние безысходности измученных деревьев и животных, а во втором — благоговейную тишину рассвета (*дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания*).

Во втором анализируемом нами фрагменте (*Лес, точно терем расписной <...> Вступает в пёстрый терем свой*), отрывке из стихотворения И.А. Бунина «Листопад», описывается осенний лес. Синтаксис фрагмента формируется рядами однородных определений (*лиловый, золотой, багряный; веселой, пёстрой*); обстоятельств (*то там, то здесь*), дополнений (*пахнет дубом и сосной*); сложные предложения также характеризуются чаще перечислительными отношениями между предикативными единицами (*Берёзы жёлтую резьбой Блестят в лазури голубой, Как вышки, ёлочки темнеют*), активно обстоятельство сравнения в форме сравнительного оборота (*точно*

¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. С. 162.

² Там же. С. 818.

терем расписной, как вышки, что оконца). Морфологический уровень представлен в первую очередь качественными прилагательными, чаще цветовой палитры (*лиловый, золотой, желтый, голубой, багряный*) (цветовая палитра выражена и глаголами с семантикой изменения состояния: *синеют, темнеют*); глаголами несовершенного вида настоящего времени, что формирует грамматическую семантику беспредельности и вневременности; существительными чаще в именительном падеже с субъектным значением (*лес, берёзы, ёлочки*), в творительном падеже со значением объекта сравнения (*стеной, резьбой, вдовой*). Такой отбор грамматических единиц, на наш взгляд, поддерживает минорное настроение восприятия.

Рассмотрим лексический языковой уровень под когнитивным углом зрения. Языковая картина мира в этом фрагменте характеризуется сближением реальных предметов осеннего леса (*лес, поляна, берёзы, ёлочки, клёны* и т.д.) с артефактами (*терем, оконца, стена, вышки*). Необходимо обратить внимание на то, что восприятие сегодняшнего адресата ориентировано скорее на образ *вышки* как ‘сооружения, оборудованного на какой-нибудь высоте <...> для технических надобностей’³, несмотря на то, что в стихотворении в стилистике всей метафоры *лес — терем* реализуется значение ‘верхняя, пристроенная наверху часть здания’⁴. Особенно оживляет восприятие и создаёт неповторимый поэтический образ то, что *осень* у И.А. Бунина олицетворена фигурой *тихой вдовы*, которая *вступает в пёстрый терем свой*.

Интересно заметить, что, анализируя конструкции с творительным сравнения в поэзии Анны Ахматовой, ученые среди групп лексики, послужившей основой для сравнения, выделили социально окрашенную и эмоционально-экспрессивную, в неё вошла и анализируемая нами лексема *вдова* (*Вдовою у могилы безымянной Хлопочет запоздалая весна*) [20. С. 56]. Для А.А. Ахматовой образ *вдовы* также стал объектом сравнения при олицетворении времени года, но не осени, а весны. Однако такой анализ выходит за рамки конкретного текста, уводит нас в рассмотрение широкого контекста, что не является предметом непосредственного внимания в данной статье.

Третий фрагмент взят из романа И.А. Гончарова «Обломов» (*Это был какой-то всепоглощающий, ничем не победимый сон <...> промочит горло и потом падает опять на постель, как подстреленный*). Фрагмент базируется на функционально-сематическом типе текста — повествовании, поэтому, на наш взгляд, в нём наибольший демонстрационный потенциал выражения коммуникативных задач содержит грамматический уровень, с него и начнём. Данный фрагмент представляет собой одно ССЦ, композиционно разделённое автором на 3 абзаца.

³ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. С. 140.

⁴ Там же.

В первом абзаце в форме двусоставной предикативной единицы со значением характеристики (*это был сон*), значительно усиленной коммуникативно важными определениями (*всепоглощающий, ничем не победимый*), утверждается статус такого сна — *истинное подобие смерти*. Во 2-м и 3-м абзацах живописуются те события, которые *изредка* происходили на фоне *из всех углов разнообразного храпенья на все тоны и лады*.

Глаголы совершенного вида будущего времени тематических групп действия, восприятия и перемены состояния: *поднимет (голову), посмотрит, перевернется, плюнет, заснет, вскочит, схватит, промочит (горло)*, деепричастия чаще совершенного вида (*почавкав, поворчав, подув, не открывая глаз*), имеют текстовую семантику мгновенных, «точных» на фоне беспробудного сна, действий. Конкретная семантика этих глаголов (особенно — *плюнет, почавкав, промочит*), их сниженная стилистическая окраска, контекстное окружение (*плюнет спросонья, посмотрит бессмысленно, вскочит обеими ногами*) имеет следствием яркий сатирический изобразительный эффект.

Предложение, где полноправным субъектом событий становятся мухи, представляет собой сложную синтаксическую структуру, характерную для письменных текстов с обязательным отчетливым формальным выражением всех логических отношений в характеризующей ситуации: *подув на плавающих там мух, так, чтобы их отнесло к другому краю* (придаточное способа действия и следствия); *отчего мухи, до сих пор неподвижные, сильно начинают шевелиться* (придаточное присоединительно-распространительное). Канцелярский официальный оборот *в надежде на улучшение своего положения* по отношению к судьбе мух гармонично включается в созданную писателем художественную картину. В последней части этого объемного предложения неожиданно меняется видовая и временная характеристика глагола-сказуемого, описывающего поведение одного из вдруг вышедших из состояния сонного анабиоза: глагол *падает*, имеющий грамматическое значение несовершенного вида настоящее времени, контрастируя с употребленными выше глаголами, изображает длительное, будто в замедленной съёмке, действие (сравните по аналогии с предыдущими глаголами возможную, но не используемую автором форму «упадёт»). Устойчивый оборот *как подстреленный* добавляет в ситуацию сценического «драматизма».

Наконец, четвертый фрагмент. Это отрывок из рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» (*Театр был полон <...> в петлице у него блеснул какой-то учёный значок, точно лакейский номер*). Деление данного фрагмента на 3 абзаца соответствует 3 ССЦ, причём их темы довольно легко определяются: *губернский театр, Анна Сергеевна, лакей*. Все 3 абзаца — ССЦ содержат в себе хорошо ощущаемые, но разные модусные смыслы (тональность повествования в них передаёт эмоциональное состояние главного героя).

В первом абзаце основное текстовое пространство занимает второе предложение, которое содержит описание губернского театра того времени (*как*

вообще во всех губернских театрах). Обращает на себя внимание повторяющийся пространственный ориентир указательной местоименной природы с препозитивным союзом (*и тут*), однако его присутствие в данном контексте нами не декодировано, как осталась непонятной и фраза *был туман повыше люстры* (вероятно, сказалась недостаточность дискурсивных знаний). В двусоставных предикативных единицах этого предложения, в подавляющем большинстве с подлежащим в постпозиции, глаголы-сказуемые в основном однозначно прогнозируются, поскольку типичны для подобных описаний (*беспокоилась галёрка, стояли франты, сидела дочь, качался занавес, оркестр долго настраивался*), только для губернатора предложена оригинальная оценочная ситуативная рамка: *скромно прятался за портьерой, видны были только его руки*.

Вызывает особый интерес последнее сложное по структуре предложение первого абзаца. В грамматически зависимую (придаточное предложение) определительную по семантике позицию в нём вынесена информация о публике, которая *входила и занимала места*, основная информация заключена в главном предложении, в котором Гуров *жадно искал глазами* (заметим, что обстоятельство образа действия предложено в степени максимальной интенсивности — *жадно*). И всё, больше вербализованных компонентов в предложении нет, у устойчивого оборота глагольной природы (*искать глазами*) имеется открытая и сильная объектная валентность (*кого?*), но она не замещена. Чувствует ли это читатель? Конечно, нет, потому что его декодирующий потенциал вполне достаточен для идентификации объекта — *Анну Сергеевну*. Автор в данном случае употребил неполное предложение для передачи модусного смысла трепета главного героя перед встречей с предметом своей любви. Кого же ещё в этом захолустном губернском театре он может искать глазами?

Второй абзац начинается сдержанно: *Вошла и Анна Сергеевна*, однако последующее изложение, старт которому даётся фразой *когда Гуров взглянул на неё*, содержит большое количество языковых форм с оценочной семантикой, отражающих состояние влюбленного: это и традиционная для описания подобных ситуаций фраза *сердце его сжалось*, и однородные ряды, наполненные «сердечной» лексикой и фразеологией, формирующие градацию: *для него теперь на всём белом свете нет ближе, дороже и важнее человека, она <...>наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем* и т.д.

Заканчивает это предложение обобщающая (герой будто задохнулся от переполнивших его чувств) реплика-восклицание *как она хороша*. Последнее предложение абзаца коротко и лаконично: *Думал и мечтал*. И снова точка. Жизненный опыт адресата вполне может распространить фразу информацией о том, что было в мечтах героя (тем самым занять открытую валентность *о чём?* у глагола *мечтал*), но сейчас у нашего героя просто нет слов, одни бьющие через край чувства, и это автор текста нам мастерски показал.

Третий абзац — ССЦ переполнен языковыми средствами, позволяющими автору нарисовать отталкивающий образ мужа Анны Сергеевны. Начинается описание вполне нейтрально: *молодой человек с небольшими бакендами, очень высокий, сутулый*, однако быстро прерывается отвратительной для восприятия картинкой: *он при каждом шаге покачивал головой и, казалось, постоянно кланялся*, чуть позже — *улыбался он сладко*. Словообразовательные дериваты *лакей, лакейски-скромное, лакейский номер* рождают текстовый смысл, невысказанный монолог главного героя: «Да лакей он, лакей, лакей, но её муж, и поэтому имеет счастье сесть рядом!»

Заключение

Двадцать лет назад, анализируя произведения «Гробовщик» и «Станционный смотритель» А.С. Пушкина и «Котлован» А.П. Платонова, мы пришли к выводу о том, что явления симметрии и асимметрии языкового знака позволяют понять мотивы и задачи писателей, использующих язык в качестве средства и предмета воздействия на читателя. Сейчас, в когнитивно-дискурсивной парадигме, на материале других, но тоже художественных текстов, этот вывод прозвучит несколько иначе: иной ракурс рассмотрения, как представляется, помог открыть новые знания.

Возможность глубокого осмысления художественного текста базируется на подробно и системно описанных (в совокупности со сведениями о богатейших вариантах семантики форм, сферах их использования, о прямых и переносных употреблении, выразительном потенциале и т.п.), в рамках структурно-семантической парадигмы, характеристиках языковых единиц (морфем, слов, словоформ, синтаксических конструкций, ССЦ и под.). Расширение взгляда на контекстное окружение (в данном случае — уже широкого контекста) позволяет внести в интерпретацию аргументы, объективность которых зависит от многих факторов: когнитивных возможностей интерпретатора, его дискурсивного багажа, системы ценностей. Внимание к дискурсивно-когнитивному «подтексту» помогает приоткрыть завесу скрытых смыслов, разгадка которых и есть наиболее захватывающее занятие в процессе восприятия и интерпретации художественного текста.

Библиографический список

1. Николаева Т.Н. Текст // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998.
2. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2021.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
4. Котурова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография. Пермь: Западно-Уральский институт экономики и права, 2011.

5. Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений): монография. М.: ФЛИНТА, 2019.
6. Романова Т.В., Винокурова А.С., Маликова Д.А. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации: монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2021.
7. Шустрова Е.В. Методика когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 166–171.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
9. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
10. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: структура и семантика. М.: Наука, 1983. С. 227–285.
11. Диброва Е.И. Категории художественного текста // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции. М.: СпортАкадемПресс, 1998. Т. 2. С. 250–257.
12. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.
13. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.
14. Ломакина О.В., Моклецова И.В., Уразаева К.Б. Анализ художественного текста в свете когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4(47). С. 571–578.
15. Мякишева О.В. Текст как «срединная составляющая» процесса коммуникации между адресантом и адресатом // Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения: монография / под ред. О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной. Саратов: Наука, 2019. С. 36–51.
16. Мякишева О.В. Текстовая концептуализация пространства (на материале художественных произведений) // Принципы и методы исследования в филологии: Конец 20 века. Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 6. Санкт-Петербург-Ставрополь: СГУ, 2001. С. 363–370.
17. Ломакина О.В. Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации // Филология и культура. 2015. № 4. С. 92–97.
18. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык. М.: Высшая школа, 2005.
19. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
20. Акоюн К.С., Оганнисян Т.Д. Конструкции с творительным сравнения в поэзии Анны Ахматовой // Международный научный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» (6–10 декабря 2021 года). Сб. Материалов в 3 ч. Ч. III. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 52–58.

References

1. Nikolaeva, T.N. (1998). Text. In: *Russian language: Encyclopedia*. Moscow: Great Russian Encyclopedia: Drofa Publ. (In Russ.).
2. Chernyavskaya, V.E. (2021). *Linguistics of the text. Discourse linguistics*. Moscow: Lenand Publ. (In Russ.).
3. Teliya, V.N. (1986). *The connotative aspect of the semantics of nominative units*. Moscow: Nauka (In Russ.).
4. Kotyurova, M.P., Tikhomirova, L.S. & Solovieva, N.V. (2011). *Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about the speech individuality of a scientist*. Perm: West Ural Institute of Economics and Law publ. (In Russ.).
5. Kotyurova, M.P. & Solovieva, N.V. (2019). *Modern scientific text (through the prism of discursive changes)*. Moscow: Flinta. (In Russ.).

6. Romanova, T.V., Vinokurova, A.S. & Malikova, D.A. (2021). *Cognitive-discursive analysis of new spheres and genres of communication*. Nizhny Novgorod: Decom Publ. (In Russ.).
7. Shustrova, E.V. (2013). Methods of cognitive-discursive analysis of a literary text. *Pedagogical education in Russia*, 6, 166–171. (In Russ.).
8. Kubryakova, E.S. (2012). *In Search of the Essence of Language: Cognitive Research*. Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). Moscow: Znak. (In Russ.).
9. Vinogradov, V.V. (1963). *Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russ.).
10. Toporov, V.N. (1983). Space and text. In: *Text: structure and semantics*. Moscow: Nauka, pp. 227–285. (In Russ.).
11. Dibrova, E.I. (1998). Categories of artistic text. In: *Semantics of language units: reports of the VI International Conference*. Moscow: SportAcademPress Publ. Vol. 2. pp. 250–257. (In Russ.).
12. Language and national consciousness. Questions of theory and methodology. (2002). Voronezh: Voronezh State University Publ. (In Russ.).
13. Kostomarov, V.G. (2005). *Our language in action: Essays on modern Russian stylistics*. Moscow: Gardariki Publ. (In Russ.).
14. Lomakina, O.V., Mokletsova, I.V. & Urazaeva, K.B. (2021). Analysis of a literary text in the light of cognitive linguistics. *Cognitive Language Studies*, 4(47), 571–578. (In Russ.).
15. Myaksheva, O.V. (2019). Text as a “middle component” of the communication process between the addresser and the addressee. In: *Efficiency of communication: the concept, the role of the addresser and the addressee, the main methods of achieving it*. Saratov: Nauka. pp. 36–51. (In Russ.).
16. Myaksheva, O.V. (2001). Textual conceptualization of space (based on works of art). In: *Principles and methods of research in philology: The end of the 20th century*. Saint Petersburg-Stavropol: Saratov State University Publ. Vol. 6. pp. 363–370. (In Russ.).
17. Lomakina, O.V. (2015). Phraseocontext: from the theory of study to the practice of interpretation. *Philology and Culture*, 4, 92–97. (In Russ.).
18. Goncharova, E.A. & Shishkina, I.P. (2005). *Text interpretation. German*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
19. Sidorov, E.V. (2009). *Discourse ontology*. Moscow: Librokom Publ. (In Russ.).
20. Akopyan, K. S. & Ogannisyan, T. D. (2021). Constructions with creative comparison in the poetry of Anna Akhmatova. In: *International Scientific Congress “Russian Language in the Global Scientific and Educational Space”*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Publ. pp. 52–58. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Мякишева Ольга Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; *сфера научных интересов*: функциональная грамматика, филологический анализ текста; *e-mail*: myaksheva.ov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2553-8555

Information about the author:

Olga V. Myaksheva, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University; *Research interests*: functional grammar, philological analysis; *e-mail*: myaksheva.ov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2553-8555

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-719-731

EDN: LBQIYY

UDC 811.111'272:791.43(73)

Research article / научная статья

Linguistic Means of Constructing 'Enemy Number One' in the US Cold War Cinema

Marina N. Kulikova¹ , Oleg V. Riabov²

¹Saint Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

²Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186

 m.kulikova@spbu.ru

Abstract. The study examines how the US Cold War cinema employed linguistic means to construct images of the USSR and American communists. The research relevance is determined by: the need to study the techniques of creating the enemy image as one of the crucial issues in international relations; and the importance of the topic amidst the aggravation of Russia—US relations. The study aims at analysing the usage of linguistic means in such practices of constructing/deconstructing the images of 'enemy number one' as dehumanisation of the enemy, its normalisation, domestication, and rehumanisation. The research novelty lies in the fact that, for the first time, the language as a resource for constructing enemy images in the Cold War films is analysed. The material for the study makes American films of the 1940s–1960s, in which contaminated speech for depicting Soviet characters is extensively used. Particular attention is paid to the means of creating speech portraits of Soviet characters. The research methods used are descriptive, linguistic, and sociolinguistic methods, and discourse analysis. The authors conclude that linguistic means (primarily linguistic competences and accent) were instrumental for creating enemy images in the cinematic Cold War. Linguistic otherness served as a means of emphasising second-rate culture, which in turn was intended to mark political foreignness. Linguistic means helped fulfil functions of the enemy image: showing its otherness; depriving it of the linguistic abilities as an essential attribute of humanity, helping dehumanise it; emphasizing its civilisational inferiority; and making the enemy comical. Finally, attention is drawn to the fact that the cinematic image of 'enemy number one' contributed to the hierarchisation of languages; everything Russian was associated with communism and therefore perceived as inferior and hostile.

Keywords: image of Russia, enemy image, linguistic means of stylisation, phonetic stylisation, contaminated speech of foreigners, accent

Financing. Acknowledgement:

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>).

© Kulikova M.N., Riabov O.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Kulikova, M.N. & Riabov, O.V. (2023). Linguistic Means of Constructing ‘Enemy Number One’ in the US Cold War Cinema. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 719–731. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-719-731>

Лингвистические средства конструирования образа «врага номер один» в кинематографе США

М.Н. Куликова¹ , О.В. Рябов²

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9

²Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48

 m.kulikova@spbu.ru

Аннотация. Кинематограф США периода холодной войны использовал лингвистические средства в конструировании образов СССР и американских коммунистов. Актуальность исследования определяется как необходимостью изучения приемов создания образа врага в качестве одной из важнейших проблем международных отношений, так и значимостью темы в условиях обострения российско-американских отношений. Цель исследования — анализ включения лингвистических средств в такие практики конструирования образов «врага номер один» (а также их деконструкции), как дегуманизация врага, его нормализация, доместикация и регуманизация. Впервые на материале американских фильмов 1940–1960-х гг. анализируются репрезентации языка в качестве ресурса создания кинообразов врага холодной войны. Особое внимание уделено средствам создания речевых портретов советских персонажей. В исследовании применены описательный метод, а также методы лингвистического, социолингвистического и дискурс-анализа. Авторы приходят к выводу, что лингвистические средства (прежде всего языковые компетенции и акцент) стали важным ресурсом создания образов врага в кинематографической холодной войне. Языковые отличия служили средством внушения идеи второсортности советской культуры, что, в свою очередь, было маркированием политической чужеродности. Лингвистические средства способствовали реализации функций образа врага: показывали его инаковость; лишали его языковых способностей как важнейшего атрибута человечности, то есть дегуманизировали врага; подчеркивали собственное цивилизационное превосходство; делали врага комичным. Кроме того, установлено, что языковой портрет «врага номер один» вносил вклад в иерархизацию языков; русский язык ассоциировался с коммунизмом, а потому позиционировался как низшее и как враждебное.

Ключевые слова: холодная война, образ России, образ врага, лингвистические средства стилизации, фонетическая стилизация, контаминированная речь иностранцев, акцент

Финансирование. Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>).

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Kulikova M.N., Riabov O.V. Linguistic Means of Constructing ‘Enemy Number One’ in the U.S. Cold War Cinema // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 719–731. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-719-731>

Introduction

The enemy image is a constant element of human history, but the Cold War era provides particularly rich material for its study. Rieber and Kelly noted in their article, published at the end of the Cold War, that perhaps never before in history had one society so hated and feared another for so long—during a period of prolonged peace. In fact, the nuclear confrontation could only be ‘sold’ to society if images of the enemy were mass-produced. Advanced weapons meant that the entire civilian population of the rival superpower, not solely the army, became the enemy against whom combat operations were allowed. Residents of the USSR and the USA had to get used to the idea that they were potentially either accomplices to mass murder or targets of a lethal attack by the opposing side [1. P. 5].

The atomic bomb was the ‘great leveller’; with the advent of nuclear weapons, the potential victims of war were not only soldiers in the trenches and civilians in war zones, but also those populations that had previously been relatively safe: military and political leaders, the economic and cultural elite, as well as ordinary citizens on the home front. This was also a factor in the intensification of hostile feelings.

Additionally, as the superpowers sought to avoid a direct military confrontation, they were particularly inventive in creating enemy images as part of the ‘struggle for hearts and minds’. In studying the frames of mutual perception of the USSR and the USA, a special role belongs to the study of culture, as shown in works devoted to the ‘cultural turn’ in studies of the Cold War [2]. On the one hand, culture actively influenced international relations by acting as part of ‘soft power’. On the other hand, ignoring the context of the confrontation between the two superpowers, it is difficult to understand many cultural phenomena of that era, be it the space race or hockey, rock and roll or ballet. This applies in full measure to cinema, which was one of the main theatres of the cultural Cold War. As Shaw writes, American films consciously or unconsciously both reflected and propagated the official ideology of the Cold War [3. P. 303]. Apparently, this was no less true of Soviet films. The cinematic Cold War involved leading actors, directors, and screenwriters on both sides of the Iron Curtain.

Cinema, which combined production of visual images, narration and sound, served as a very effective tool in constructing the enemy image. It contributed

to substantiating the superiority of a certain way of life, to producing positive collective identity, and to creating an image of the enemy. In forming cinematic images of the enemy, various discourses are employed, including political, civilisational, national, moral, aesthetic, historical, anthropological, gender and sports ones; they have been intensively studied (for more detailed information on the cinematic Cold War s(see, e.g. [3—7]). The role of linguistic means in constructing the Cold War enemy by cinema should be analysed as well. The enemy was not only visible on the cinema screen, but also audible. The role of using linguistic means for constructing enemy images has already been studied [9—11], on corpora of films including [12—14].

However, American Cold War films have not yet been the object of such study. The role of linguistic means of speech stylisation (i.e. the transmission of features of sound speech in order to create the speech characteristics of characters) in creating cinema-images of the enemy is therefore the subject of research. This determines the novelty of the work and its relevance. The analysis of the types and functions of linguistic stylisation is carried out in pragmatic, stylistic, cognitive aspects and within the framework of discourse analysis. Descriptive method as well as linguistic and sociolinguistic analysis methods are used as research methods.

We will therefore try to trace how linguistic means are employed to construct the image of ‘enemy number one’ in the US Cold War cinema. The main questions can be presented as follows. What is the theoretical background of the study? What linguistic means are used to create the enemy image? What functions does the employment of these means perform? How does the language of the characters depend on their political orientation? Finally, how does the deconstruction of the images of the enemy take place, i.e. their rehumanisation?

The enemy image, language and the cinematic Cold War

Language has more than just a denotative function, which is to name objects or convey factual information. Language also reflects social relations and defines cognitive relationships, and accordingly, various linguistic tools are used intentionally to construct a particular reality (e.g., [8; 9]). Of particular importance for our study is the fact that language is used to draw symbolic boundaries between social groups and to legitimate social hierarchies. Phillipson uses the term *linguicism* to refer to ‘ideologies, structures and practices which are used to legitimate, effectuate, and reproduce an unequal division of power and resources (both material and immaterial) between groups which are defined on the basis of language’ [11. P. 47].

The *linguicism* is a significant component of the cinematic discourse, which, following Androutsopoulos, we understand as ‘the ensemble of film-as-text and processes of its production and consumption’ [12. P. 140]. Consequently, anything said in the film might be used as a stylistic device with a certain purpose to produce and reveal the ideological message of the film. Androutsopoulos points out that

linguistic heterogeneity and stylisation are of great importance for cinematic discourse [12. P. 139].

Bleichenbacher distinguishes four types of narration in movies: complete elimination of any linguistic hints to the nature of the language (s) replaced [13. P. 57]; signalisation, which means ‘the literal naming of a language in the text’ [13. P. 59]; evocation when the marked variety of English is used [13. P. 59]; and presence when the usage of the other language (s) is attracted for creating the certain atmosphere or reality. He underlines that the use of other languages indexes undesirable social practices [13. P. 47]. In his opinion, ‘movies pervaded by linguistic ideologies can be expected to portray speakers of languages other than English as more negative, and also to downplay the use of languages other than English’ [14. P. 157–158]. Androutsopoulos assumes that ‘a lot of non-English dialogue typically serves to make the respective L1 speakers more negatively salient’ [12. P. 150]. Characters who use non-standard speech more have lower status. These linguistic means are therefore used to indicate the status of the character, its character features or regional differences.¹

Among stylistic resources that are employed as linguistic means are accent, code-switching, and non-standard varieties to name just a few. Phonetic means play a special role in representing the speech of foreigners: even when statements are grammatically and lexically correct, it is the accent that reveals the foreigner.² At the same time, it can be manifested both at the sound level, when sounds are mispronounced, and at the prosodic level, when the intonation pattern is distorted and the wrong phrasal or sentence stress is used. In any case, such speech irregularities act in relation to standard speech as markers of substandard speech, not literary speech. Accordingly, the binary opposition ‘standard speech — substandard speech’ is realised. This plays a significant role in: constructing the enemy image; realising the ‘us — them’ opposition; and promoting a certain ideology in films using language. As a result, language mistakes are politicised.

Linguistic means of creating film images are presented at all levels of the language: phonetic, grammatical, lexical, and syntactical. They can be found both at the sentence level and in some lexical-semantic units. At the same time, they are used in order to indicate belonging to ‘us’ or ‘them’, to endow them with certain positive or negative traits.

One of the first attempts to investigate the importance of language to promulgate the certain ideology in regard to cinematic Cold War has been made by Lawless in her article about James Bond films shot in 1962–2012, which created

---

¹ According to Taavitsainen & Melchers, ‘it is mostly the low and the rural that are presented as speakers of non-standard; humorous parts are attributed to minor characters and non-standard language to side episodes’ [15. P. 13].

² Based on the qualitative and quantitative analyses, Lippi-Green comes to a conclusion that ‘the negative characters are the largest group among those who speak English with a foreign (L2) accent’ [16. P. 159].

the image of the USSR [17]. Her article generated a scholarly discussion [18; 19]. However, the reviewers note her timely research and the necessity to continue investigating this subject.

Language and practices of creating the image of 'enemy number one' in Hollywood films

We will try to answer the question of how language becomes a weapon in the cinematic Cold War by analysing such characteristics as linguistic competences (when authors endow their character with the ability to speak a foreign language), accent, mistakes in pronunciation and word choice, any sub-standard, distorted forms imitating the speech of a foreigner. All these mistakes in speech make it difficult to perceive it and create an opposition 'us-them', signalling belonging to a different linguistic community. To this end, we will examine how linguistic means have been used to construct images of the Communist enemy (internal and external) in Hollywood films, analysing such practices of constructing/deconstructing this image as dehumanisation, normalisation, domestication, and rehumanisation.

Dehumanisation of the enemy

The division of the post-war world between the two poles produced a Manichean worldview in which everyone was 'enemy number one' to the other. According to Campbell, during the Cold War it was important for the maintenance and preservation of American identity to represent the 'Evil Empire' as totally different from the USA [20]. For America, communism was not just a situational enemy but the constitutive Other that framed and sustained the collective identity. The ideal image of social relations in the USA was constructed by contrasting it with the social and political system of the USSR. Linked to the containment of communism was the very idea of the U.S. global leadership.

The most effective way of showing the difference between 'us' and 'them', as well as the superiority of the former over the latter, is dehumanisation, i.e. the total or partial denial of the Other's right to belong to the human race. Dehumanisation has been a widespread tool of war propaganda for millennia; its purpose is, above all, to destroy feelings of pity for the enemy and legitimise their killing. According to Haslam's dual concept of dehumanisation, it comes in two forms: the animalistic form (by likening the out-group representatives to animals) and the mechanistic one (by comparing them to machine). The former is characterised by such features as lack of shared humanity, immorality, lack of intellectual abilities and education, aggressiveness, inability to self-control; the latter includes depriving out-group representatives of such characteristics as will, subjectivity, individuality, emotionality, interpersonal warmth, compassion, flexibility of thought, sensitivity to pain [22. P. 255–256]. During the Cold War, the dehumanisation of 'enemy number

one' was actively employed in both the USSR and the USA. First of all, this was true of the animalistic form of dehumanisation. Besides a direct likening of Soviet people to animals, an indirect type of animalistic dehumanisation was also used, involving the attribution of characteristics to the enemy that signified a lack of cultivation and, thus, humanity. In the majority of US films produced during the period under study, among the qualities attributed to representatives of the communist world, one can identify, first, those that accentuate the backwardness of the USSR as a lack of civilisation: terrible living conditions and filth; uneducated population; and bad manners. Secondly, these are the qualities that indicate an inability to control oneself, which manifests itself in excessive drinking, propensity for domestic violence, and unbridled sexuality. Thirdly, these traits were meant to emphasise the lack of respect for the human person: oppressive powers, the suppression of the individual by the collective, and disregard for the right to privacy.

In the context of our study, it is necessary to stress that one of the most important attributes of the human being is language. The denial of the ability of 'others' to speak (or speak the 'regular language'), which is part of dehumanising practices, allows their belonging to the human race to be also questioned. At the same time, linguistic competencies were often meant to differentiate 'others'. As a rule, in propaganda only the leaders of the enemy state are presented as the embodiment of evil; ordinary citizens, the 'people', hate their own rulers and have no hostile feelings towards 'us' (and if they are now duped by propaganda, they will soon begin to see clearly (e.g.: [1. P. 27])). Such a device was designed to implement the function of the enemy image as a prediction of victory: the enemy is weak; they are deprived of unity. It also serves as a way of legitimising our own politics: our truth is recognised by all normal people, including in the enemy's camp.

This technique was actively employed during the Cold War. Above all, it was typical of Soviet propaganda based on the class principle: there are two Americas, a reactionary one and a progressive one; the representatives of the latter are workers, communists, peace activists, and Afro-Americans. However, in Hollywood productions, there were also images of Soviet citizens who were sympathetic to the filmmakers: victims or fighters against the Soviet system, with many Soviet residents trying to escape from the communist paradise at the earliest opportunity.

Let us consider how the portrayal of 'good' and 'bad' Russians is carried out and the opposition between 'self' and 'others' is implemented using the film *Never Let Me Go* (1953) as a case study. All positive characters (the heroine — a ballet dancer Maria Lomakina, who is in love with an American journalist — and her friend — a translator and English teacher Svetlana Mikhailovna) speak English. However, their accent is not so exaggerated in comparison with other characters. Their sound [r] is not so rolling as the Russian one. The sound [h] is much less hard and their intonation patterns do not differ much from native English speech. However, the border guards, employees of the NKVD and other state organisations have a very strong Russian accent, which is a deliberate grotesque typification of the enemy

image. The phonetic features that are employed to mimic a Russian accent include: strong pronunciation of sound [g] instead of [ŋ] at the end of the word; no aspiration of sounds [d] and [t]; soft [l]; the use of sound [v] instead of [w]; and the use of sound [z] or [s] instead of [ž] and [θ]. A communist woman is distinguished by the absence of romance, but Maria is very romantic, which means she is not an enemy. She is not a robot, but an affectionate loving woman who calls her American husband Philip Sutherland in the Russian manner Filippushka. Even mistakes in her speech seem adorable. If she does not know something, she asks her beloved man. She is a brilliant ballet dancer, open to becoming a civilised person. For example, when Maria talks about a ballet dancer who works for the NKVD, she tries to learn unfamiliar vocabulary: She is ... how do you say 'следит'?

Another example of creating an image of a positive character by demonstrating language skills is the film *The Journey* (1959) directed by Anatole Litvak and starring Yul Brinner and Deborah Kerr. The film, dedicated to the events in Hungary in 1956, is, of course, anti-Soviet in nature. However, Yul Brinner managed to create a complex image of the Soviet character, Major Zurov (or Surov), which was unrivalled in American cinema of that time. Having often sinister and sometimes caricatured character features that are all alien to the American film audience, Major Zurov is an intelligent, courageous, honest officer devoted to his country. He is a man capable of nobility in relation to a woman whom he unrequitedly falls in love with. It is significant that the major speaks English well, in contrast to the negative characters; he lived for some time as part of the Soviet military mission in Canada. (*Deborah: I must say you have a remarkable command of the language. Where did you pick it up? — Surov: Canada. I was with our military mission, just after the last war.*).

Normalisation of the enemy

Another practice of producing an enemy image is normalisation. In American communism, the rivalry between capitalism and socialism was represented as a struggle between the natural and the unnatural [21. P. 42–46]. The 'abnormality' of communism was expressed through the widespread use of the metaphor of disease to describe 'enemy number one' (see: 21. P. 98–100). America embodied the norm, and returning to the norm meant choosing the American way of life and getting closer to the values of American society.

In the cinematic Cold War, love stories played a special role in this normalisation, in which He is a worthy representative of the 'free world'; She belongs to the world of the 'Red Menace'. Already in *Ninotchka* (1939) directed by Ernst Lubitsch and starring Greta Garbo the plot was built around a caricatured image of Soviet masculinity, opposed to Western masculinity, thanks to which a woman-party hand was able to become a 'normal woman' again. The success of *Ninotchka* ensured further Hollywood interest in such stories. One of these love stories was the film

Silk Stockings (1957) directed by Rouben Mamoulian. From the point of view of the use of linguistic means, of great interest is the fact that the accent of the main heroine, Nina Yoschenko, is changing while she is transforming from a communist woman sent on a special mission to return to the Soviet Union the commissars and composer who have got out of control, into a normal woman who can love. At the beginning of the film, her accent is heard clearly. Typical methods of depicting Russian speech are used such as: rolling [r]; absence of nasal sounds; hard [h]; errors in the length and shortness of vowels; and devoicing consonants at the end of words to name just a few. From a robot-like creature, she turns into a romantic girl who does not want to talk about business, but wants to talk about love: ‘What is a woman without love — a zero’. After the date, her accent becomes much softer, but she makes lexical mistakes, and this is even adorable, because we are talking about a man’s offer of marriage (proposition), and Stephen kindly corrects her (proposal). When she and her fellow countrymen are not happy with the interpretation of the ode to the tractor, the strong accent returns again. That is, Nina turns into a person alongside the English language acquisition. Political normalisation is manifested not only through gender normalisation, but also through language. Linguistic competences and political views turn out to be directly related to each other.

Domestication of the enemy

The image of the enemy is needed not only for foreign policy, but also for domestic policy. The legitimisation of power and the socio-political order is associated with the representation of the ruling elite as a reliable protector from the enemy, and the opposition as an internal enemy and an accomplice of an external enemy. The political opposition is presented as a fifth column. Portraying the American ‘reds’ as henchmen of an external enemy was perhaps the most significant component of the ‘struggle for hearts and minds’ on the home front.

In Hollywood films, enemy agents seek to trigger unrest in American society and stir up inter-class and inter-racial tensions (*The Red Menace* (1949) directed by Robert G. Springsteen; *I Was a Communist for the FBI* (1951) by Gordon Douglas; *The Woman on Pier 13* (1949) by Robert Stevenson). Additionally, the espionage (above all, atomic espionage) of American communists in favour of the USSR is dealt with in such films as Robert Aldrich’s *Kiss Me Deadly* (1955), Russel Rouse’s *The Thief* (1952), or Lewis Allen’s *A Bullet for Joey* (1955). Finally, their ultimate goal is to seize power in the USA (*The Manchurian Candidate* (1962) by John Frankenheimer) and deprive it of its independence. In *I Was a Communist for the FBI*, Matt Cvetic, an FBI agent working undercover as a member of the Communist Party, exposing the ‘criminal nature of Communism’, states in a court scene that the US Communist Party is ‘a vast spy system composed of American traitors whose only purpose is to deliver the people of the United States into the hands of Russia as a slave colony.’

The Cold War cinema also used linguistic means to mark the internal enemy. It was important to expose and discover them. We have taken *The Red Menace* (1949) as a case study. This film shows American communists and ethnic others. This is evidenced by the names of the characters (for example, among the members of the US Communist Party in the film are Nina Petrovka, Yvonne Kraus, Henry Solomon). 100 % Americans are primarily white Anglo-Saxon Protestants.

The linguistic means used are scarce in this film. It is even stated by the police officers who arrest Yvonne Kraus and accuse her of murders: *'We found that Yvonne Kraus did go to Mexico in 1938 to open a pottery business and we lost track of her and so did the Mexican authorities... Besides that, you made a mistake here. A mistake that any German might make. It was a pronunciation you gave to the names of Friedrich and Humbert. The real Yvonne Kraus never spoke a word of German in her life.'* At that very moment, she begins speaking with a very strong German accent. It was the climax of the film. It seems that the filmmakers might have used a lot of other means to construct the enemy image. One of them is *The Internationale*, the official anthem of the socialist movement, as a soundtrack to enhance the menace from enemy number one.

Rehumanisation of the enemy

Finally, another practice associated with the image of 'enemy number one' is the rehumanisation of the USSR, that is, the return of humanity to the representatives of the communist world. The most prominent example of rehumanisation was Norman Jewison's film *The Russians are Coming! The Russians are Coming!* (1966). The Soviet submarine 'Sprut' (Octopus) accidentally approaches an island off the northeastern coast of the USA so close that it runs aground. Part of the crew go to the American territory to find a motor launch and to remove the submarine from the aground before the American military notice it. As a result of many adventures, when it almost comes to an armed clash between the sailors and the inhabitants of the island, everything ends well, warm relations are established between them, and the Sprut goes to sea. The film does not seek to convince the audience that Russians are the same humans as Americans, however, shows that Russians are also human beings. They are Others, but people with whom it is possible to negotiate the conditions of peaceful existence; they have the same basic values as US citizens: they want to live, so they strive to prevent the outbreak of a nuclear war in which there will be no winners, they are able to love, they take care of children, and so on. They are not enemies anymore who pose a mortal danger to 'us — Americans' and it is not necessary to neutralise them anymore; they are recognised as having a right to legitimate interests (see detailed analysis of the film by Shaw [5; 23]; Riabov [22]). This was how the main message of the film was perceived in the USA; a 1966 review in *The New York Times* noted that the film reveals 'the fundamental fact that, after all,

Russians and Americans are basically human beings and, therefore, share basic human qualities' [23. P. 242].

How is this rehumanisation achieved through linguistic means? Russian sailors are given the ability to speak English. In conversation with Americans, they constantly try to behave politely, use formulaic language and fixed verbal expressions. When they first visit an American's house, the lieutenant greets the head of the family *'A pleasant good morning to you, sir!'*

A notable plot line of the film, contributing to the rehumanisation of Soviet people images, is a love story line that develops between the youngest sailor Alexei Kolchin and Alison Palmer. Kolchin speaks a mixture of Russian and English, which betrays his excitement: *'In Union of Soviet, when I am only young boy, many are saying, Americanski are bad people, they will attack Russia. So all mistrust American. But I think that I do not mistrust American... not really sinceriously. I wish not to hate... anybody!'*. This example clearly shows that contaminated speech is implemented at different levels of the language. There are grammatical errors in speech (absence of articles, incorrect use of tenses), phonetic errors (rolling [r]), morphological errors. But he is so sincere in his statements that the audience, of course, have a liking for him. Linguistic means thus help to create an image of otherness. At the same time, the very possibility of communication shows that even linguistic errors cannot impede mutual understanding if representatives of the two superpowers show goodwill.

Conclusion

We have examined the issue of using linguistic means to construct the cinematic images of 'enemy number one' in the US Cold War cinema. They both create symbolic boundaries between 'us' and 'them' and legitimate social hierarchies. It can be concluded that linguistic means (primarily linguistic competences and accent) acted as an important resource for creating enemy images in Cold War cinema. Hierarchisation of languages is a means of hierarchisation of cultures, and, as a consequence, a means of hierarchisation of ideologies. Linguistic otherness served as a means to emphasising cultural otherness, and that, in turn, was intended to mark political otherness. Language helps to fulfil all the functions of the enemy image: it shows the otherness; deprives them of the most important attribute of humanity, contributing to their dehumanisation; emphasises the civilisational superiority of 'us'; and makes the enemy funny. Additionally, it is necessary to take into account the opposite influence: the cinematic image of the Russian enemy contributed to the hierarchisation of languages; Russian was associated with communism, and was therefore perceived as inferior and hostile.

We have shown these patterns using stylistic resources such as accent, code-switching, and non-standard varieties. The length of the article did not make it possible for us to consider other stylistic resources (e.g. jargon and dialect),

which obviously also help to create enemy images. Another promising direction of development of this topic is the verification of the article's conclusions, both by involving a wider range of Hollywood sources and by conducting a comparative analysis by studying the use of linguistic means in Cold War Soviet cinema.

References / Библиографический список

1. Rieber, R. W. & Kelly, R.J. (1991). Substance and Shadow: Images of the Enemy. In: *Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy*, R.W. Rieber (Ed.). New York: Plenum. pp. 3–39.
2. Griffith, R. (2001). The Cultural Turn in Cold War Studies. *Reviews in American History*, 29(1), 150–157.
3. Shaw, T. (2007). *Hollywood's Cold War*. Edinburgh: Edinburgh UP.
4. Kenez, P. (1992). *Cinema and Soviet Society, 1917–1953*. Cambridge: Cambridge UP.
5. Shaw, T. & Youngblood, D.J. (2010). *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas.
6. Fyodorov, A.V. (2010). Images of the cold war: projection of the confrontation politics on the screen. *Polis. Political Studies*, 4, 48–64. (In Russ.).
Федоров А.В. Образы холодной войны: проекция политики противостояния на экране // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 48–64.
7. Riabov, O. & Riabova, T. (2021). The Images of Urban Space in Constructing the Cold War Enemy: US Skyscrapers in Soviet Animation. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 2, 122–138. <https://doi.org/10.1080/17503132.2021.1905792>
8. Fairclough, N. (1989). *Language and power*. London: Longman.
9. Culpeper, J. (2001). *Language and characterisation: People in plays and other texts*. Harlow: Pearson Education.
10. Phillipson, R. (1992). *Linguistic imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
11. Androutsopoulos, J. (2012). Introduction: Language and society in cinematic discourse. *Multilingua*, 31(2), 139–154.
12. Bleichenbacher, L. (2008). *Multilingualism in the movies: Hollywood characters and their language choices*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.
13. Bleichenbacher, L. (2012). Linguicism in Hollywood movies? Representations of, and audience reactions to multilingualism in mainstream movie dialogues. *Multilingua*, 31(2), 155–176.
14. Taavitsainen, I. & Melchers, G. (1999). Writing in Nonstandard English: Introduction. In: Irma Taavitsainen, Gunnel Melchers & Päivi Pahta (eds.), *Writing in Nonstandard English*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. pp. 1–26.
15. Lippi-Green, R. (1997). *English with an accent: Language, ideology, and discrimination in the United States*. London & New York: Routledge.
16. Lawless, K. (2014). Constructing the 'other': construction of Russian identity in the discourse of James Bond films. *Journal of Multicultural Discourses*, 9(2), 79–97. <http://dx.doi.org/10.1080/17447143.2014.894517>
17. Vartanova, E. (2014). Constructing ourselves through constructing others: *Journal of Multicultural Discourses*, 9(2), 98–103. <https://doi.org/10.1080/17447143.2014.923434>
18. Ono, K.A. (2014). Response to 'constructing the 'other': construction of Russian identity in the discourse of James Bond films. *Journal of Multicultural Discourses*, 9(3), 265–268. <https://doi.org/10.1080/17447143.2014.946420>
19. Campbell, D. (1992). *Writing Security: US Foreign Policy and the Politics of Identity*. Manchester: Manchester University Press.
20. Haslam, N. (2006). Dehumanization: An Integrative Review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(3), 252–264.

21. Sharp, J. (2000). *Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
22. Riabov, O. (2021). Rehumanization of 'them': evolution of representations of the 'enemy number one' in American Cold War cinema. *Dialogue with Time*, 77, 277–290. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.018> (In Russ.).
Рябов О.В. Регуманизация «чужих»: Эволюция репрезентаций «врага номер один» в американском кинематографе Холодной войны // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 277–290. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.018>
23. Shaw, T. (2010). The Russians Are Coming The Russians Are Coming (1966): Reconsidering Hollywood's Cold War 'Turn' of the 1960s. *Film History*, 22(2), 235–250.

Information about the authors:

Marina N. Kulikova, PhD in Philology, Associate Professor in the Department of English in Philology and Arts, St. Petersburg University; Took part in the project 'The cinematic images of Soviet and American enemies in the Cold War symbolic politics: comparative analysis'; *Research interests*: phonographic stylisation, stylistics, political linguistics, translation studies, Cold War studies, symbolic politics, enemy image; *e-mail*: kulikm@yandex.ru, m.kulikova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-2501-9894; SPIN-код: 8785-2770; AuthorID: 834724

Oleg V. Riabov, D.Sc. (Philosophy); Professor; Leading Researcher at Department of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia; A Head of the project 'The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics' (Russian Science Foundation). *Research interests*: Cold War Studies, Nationalism Studies, Symbolic Politics, Enemy Image, Symbolic Boundaries, Gender Studies, Visual Studies; *e-mail*: Riabov1@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5944-9668; ResearcherID: E-2527-2016; Scopus Author ID: 35096463200; SPIN-код: 6502-7446; AuthorID: 76343

Сведения об авторах:

Куликова Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка в сфере филологии и искусств, Факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет; участие в проекте «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ» (РНФ); *сфера научных интересов*: фонографическая стилизация речи, стилистика, политическая лингвистика, переводоведение, исследования холодной войны, символическая политика, образ врага; *e-mail*: kulikm@yandex.ru, m.kulikova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-2501-9894; SPIN-код: 8785-2770; AuthorID: 834724

Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США» (РНФ); *сфера научных интересов*: исследования Холодной войны, исследования национализма, символическая политика, образ врага, гендерные исследования, визуальные исследования; *e-mail*: Riabov1@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5944-9668; ResearcherID: E-2527-2016; Scopus Author ID: 35096463200; SPIN-код: 6502-7446; AuthorID: 76343

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-732-744

EDN: EBFSJW

УДК 811.161.1'23'37:004.7

Научная статья / Research article

Стереотипное представление о кибержертве в языковом сознании российских студентов: на материале цепочечного ассоциативного эксперимента

В.А. Каменева , И.С. Морозова ,
Е.Н. Ермолаева , Т.В. Старцева

Кемеровский государственный университет,
650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6
 russia_science@mail.ru

Аннотация. В настоящее время изучение виктимизации и виктимного поведения как явлений современного киберпространства в аспекте их стереотипизации в языковом сознании молодежи представляется крайне актуальной проблемой, обусловленной рядом экстралингвистических причин, таких как массовая вовлеченность молодых людей в виртуальное общение, анонимность киберкоммуникации и отсутствие юридической ответственности за девиантное поведение в сети Интернет, неосведомленность молодежи о необходимости корректной настройки параметров конфиденциальности личных аккаунтов и т.д. Целью данного исследования является установление наличия стереотипного представления о кибержертве в языковом сознании российских студентов. Новизна самого явления киберкоммуникации и его недостаточная изученность с психолингвистических позиций свидетельствуют о теоретической и практической значимости работ такого рода. Для решения поставленных задач был проведен цепочечный (цепной) ассоциативный эксперимент среди студентов Кемеровского государственного университета всех направлений подготовки в форме онлайн-анкетирования. Исследование полученных ассоциативных реакций респондентов на базе методов морфосинтаксического анализа и семантического гештальта позволило выделить семантические зоны, на основании которых смоделировано ассоциативное поле, характеризующее стереотипное представление о кибержертве в языковом сознании российских студентов. Результаты проведенного анализа позволяют авторам утверждать, что в представлении молодежи (студентов вуза) кибержертва как участник интернет-коммуникации не вызывает ассоциаций с национальной принадлежностью, биологическим полом, возрастом, профессией. При общем положительном отношении к кибержертве, вызывающей сочувствие, респонденты указывают на неспособность такого человека к активным действиям, что дает возможность интерпретировать стереотипный образ кибержертвы как человека без собственной жизненной позиции или человека, неспособного отстаивать ее по физиологическим или психологическим причинам, что нивелирует возможность самого человека влиять на коммуникативную ситуацию подобного типа.

© Каменева В.А., Морозова И.С., Ермолаева Е.Н., Старцева Т.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: киберкоммуникация, виктимизация, виктимное поведение, кибержертва, ассоциативный эксперимент.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Каменева В.А., Морозова И.С., Ермолаева Е.Н., Старцева Т.В. Стереотипное представление о кибержертве в языковом сознании российских студентов: на материале цепочечного ассоциативного эксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 732–744. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-732-744>

Stereotypical Representation of a Cybervictim in Russian Students' Language Consciousness based on the Material of the Chain Associative Experiment

Veronika A. Kameneva , **Irina S. Morozova** ,
Elena N. Ermolaeva , **Tatiana V. Startseva**

Kemerovo State University,
6, Krasnaya St., Kemerovo, Russian Federation, 650043
 russia_science@mail.ru

Abstract. Currently, the study of victimization and victim behavior as phenomena of modern cyberspace in the aspect of their stereotyping in the language consciousness of young people is a topical problem due to some extralinguistic reasons, such as massive involvement of young people in virtual communication, anonymity of cybercommunication and lack of legal liability for deviant behavior on the Internet, people's ignorance of the need to correctly configure the privacy settings of their personal accounts, etc. This research is aimed at revealing the stereotypical representation of a cybervictim in the language consciousness of Russian students. The novelty of the phenomenon of cybercommunication and the insufficient scientific research data within the framework of psycholinguistics indicate the theoretical and practical significance of such studies. To solve the tasks set, the chain associative experiment in the form of an online questionnaire was conducted among students of all educational specializations of Kemerovo State University. The study of the respondents' associative reactions with the use of methods of morphosyntactic analysis and semantic gestalt analysis made it possible to identify the semantic domains, on the basis of which the associative field was modeled, which characterizes the stereotypical representation of a cybervictim in the linguistic consciousness of Russian students. The results allow the authors to conclude that, from the viewpoint of young people, a cybervictim as a participant in the Internet communication does not evoke associations related to nationality, sex, age, profession. With a generally positive attitude to a cybervictim arousing sympathy, respondents point out the inability of such a person to take actions, which makes it possible to interpret the stereotypical image of a cybervictim as of a person without their own life philosophy or unable to defend it for physiological or psychological reasons, that negates the possibility to influence the communicative situation of this type.

Keywords: cybercommunication, victimization, victim behavior, cybervictim, linguistic consciousness, associative experiment

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Kameneva, V.A., Morozova, I.S., Ermolaeva, E.N. & Startseva, T.V. (2023). Stereotypical Representation of a Cybervictim in Russian Students' Language Consciousness based on the Material of the Chain Associative Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 732–744. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-732-744>

Введение

Актуальность изучения виктимизации в киберкоммуникации и сформированности стереотипных представлений в языковом сознании молодежи о кибержертве обусловлена рядом экстралингвистических причин. Во-первых, наблюдается высокая степень вовлеченности молодежи в киберкоммуникацию. Как известно, молодые люди в современных реалиях в большей степени общаются и заводят не только реальных, но и виртуальных друзей, попадая в ситуацию общения с субъективно представляемым, а не реально существующим партнером по взаимодействию. Это, в свою очередь, предопределяет особенности киберкоммуникации и те коммуникативные роли, которые выбираются или навязываются ее участникам. Во-вторых, возможность анонимного комментирования и, как следствие, отсутствие административной или уголовной ответственности влияют на проявление агрессии в киберкоммуникации. В-третьих, повышенная открытость персональной информации из-за психологических особенностей [1] или незнания корректной настройки фильтров приватности личных аккаунтов социальных сетей и др. повышает риск стать жертвой киберагрессора. В-четвертых, не всегда жертва и агрессор понимают, что играют эти роли.

Невозможность наблюдения страданий жертвы киберагрессии в реальной жизни снимает угрызения совести киберагрессора в случае доведения жертвы до суицида [2], поскольку агрессивные комментарии он может считать шуткой или забавой. По мнению ученых, «подросток может относиться безответственно к своим словам, написанным в социальных сетях, но нести ответственность за сказанные слова собеседнику при живом общении» [3. С. 73]. Кроме того, в настоящее время киберкоммуникация играет одну из главных ролей в социализации молодежи [4].

Все вышеперечисленные факторы в совокупности с новизной самого явления киберкоммуникации и ее малой изученностью с психолингвистических позиций также свидетельствуют о значимости данного научного объекта и делают теоретически и практически значимым психолингвистическое исследование виктимизации — актуальной проблемы киберкоммуникации.

Обобщение и систематизация исследований по киберкоммуникации подтвердили, что в большинстве случаев акцент делается на кибербуллинге,

а виктимизация остается вне детального исследовательского фокуса [5–7]. При этом признается, что кибербуллинг и виктимизация представляют собой взаимосвязанные по сути явления [8–10]. В данном исследовании вслед за И.С. Бубновой и А.Г. Терещенко под виктимизацией мы будем понимать процесс «превращения человека в жертву и его последствия», а виктимностью будем считать совокупность социальных и психологических черт личности, которые обуславливают ее предрасположенность и психологическую готовность к превращению в жертву [11. С. 90].

Отметим, что в научной литературе по психологии и социологии подробно описаны факторы, которые могут привести к виктимизации. Так, в работе А.С. Фомиченко указываются: непризнание ровесниками, узкий круг друзей, неумение выстраивать долгосрочные дружеские отношения [12]. Т.Г. Волкова, Ю.А. Наумова, Е.А. Захарова среди факторов, предопределяющих виктимизацию подростка, называют низкую самооценку, неуверенность в себе, тревожность, страх вероятного наказания или оскорблений. Значимым считаем включение учеными конфликтного поведения, наглости и агрессии в факторы, которые могут способствовать виктимизации подростка в киберкоммуникации [13; 14]. Р. Эскортелль, Б. Дельгадо, М.К. Мартинес-Монтеагудо признают низкую самооценку, неуверенность в себе и страх одними из важных факторов виктимизации, но исследователи подчеркивают, что повышенная тревожность, наоборот, защищает подростков от кибервиктимизации, так как они стараются избегать вызывающих беспокойство ситуаций в виртуальной среде, таких как наказание, выговор или негативная оценка со стороны сверстников, родителей и учителей [15]. Е.А. Колесников вслед за Г.Л. Смолян и А.А. Кононовым указывает психосоциальную деформацию семьи и плохую организацию учебного процесса в учебном заведении в качестве триггеров виктимизации [4; 16]. По мнению Ф.С. Сафуанова, Н.В. Докучаевой, А.В. Путинцевой, кибержертвами могут становиться подростки, которые склонны к саморазрушению и сами провоцируют противоправные действия по отношению к себе [17; 18]. По мнению М. Родригес-Энрикес и ее коллег, кибержертва проводит много времени за киберкоммуникацией в социальных сетях, ее характеризует экстраверсия и эмоциональная нестабильность. При этом подчеркивается, что эмоционально стабильный человек не станет кибержертвой, несмотря на длительное время общения в социальных сетях [19].

Обобщая все характеристики виктимности и виктимного поведения молодых людей, можно заключить, что кибержертвой может стать как неуверенный в себе подросток, ищущий одобрения, так и агрессивный подросток, склонный к саморазрушению и рисковому поведению в киберпространстве, который имеет проблемы с организацией коммуникации, эмоционально нестабилен, проводит много времени в интернет-пространстве, может быть из неблагополучной семьи. С одной стороны, данные характеристики могут

стигматизироваться и трансформироваться в стереотипы. С другой стороны, ряд исследователей утверждает, что не существует стереотипной жертвы кибербуллинга и подвергнуться виктимизации может абсолютно любой ребенок или подросток [17].

Целью данного исследования является установление наличия усредненного, то есть стереотипного представления о кибержертве в языковом сознании российских студентов. Под стереотипным представлением в данной работе понимается усредненный, эмоционально-окрашенный образ, некое устойчивое представление о человеке, которое функционирует как когнитивная схема при их восприятии [20; 21].

Для достижения поставленной цели был решен ряд задач: была создана генеральная выборка исследования при помощи цепочечного ассоциативного метода в форме онлайн-анкетирования; полученные ассоциаты были сгруппированы по семантическим зонам; на основании полученных реакций было смоделировано ассоциативное поле; проанализированы доминантные признаки, характеризующие представление о кибержертве; создана модель стереотипного представления у российских студентов в их языковом сознании с учетом его содержания, структуры и выраженности.

Материал и методы

Сбор материала для генеральной выборки был проведен в сентябре 2021 г. в Кемеровском государственном университете (КемГУ). В эксперименте приняли участие 537 студентов всех направлений подготовки для обеспечения обоснованности выводов. Участникам эксперимента была дана инструкция по заполнению таблицы и задание записать ассоциации к слову «кибержертва» в предоставленную онлайн-таблицу.

Сбор материала исследования и анализ данных осуществлялись при помощи таких методов, как цепочечный ассоциативный эксперимент для сбора генеральной выборки исследования, синтаксический анализ полученных ассоциатов, семантический анализ реакций респондентов на слово-стимул «кибержертва», метод семантического гештальта и моделирование.

Цепочечный ассоциативный эксперимент [22] для сбора данных был выбран по ряду причин. Во-первых, он дает большее количество материала исследования, чем в случае со свободным ассоциативным экспериментом. Во-вторых, он не подталкивает респондентов к определенным ответам, как это происходит при применении направленного ассоциативного эксперимента. В-третьих, он позволяет получить детальную информацию о сформированности и степени выраженности стереотипных представлений в языковом сознании респондентов. Доказано, что при помощи ассоциативного эксперимента можно также проследить «субъективные связи между компонентами стереотипа» [23. С. 88].

Применение метода семантического гештальта, синтаксического, семантического методов анализа полученных ассоциатов позволило установить основные формы реакций респондентов, сгруппировать признаки исследуемого стереотипного представления о кибержертве в семантические группы для анализа содержания, архитектоники и выраженности искомых стереотипных представлений у российских студентов.

Результаты и обсуждение

В цепочечном ассоциативном эксперименте приняли участие 537 студентов. Генеральная совокупность составила 537 реакций на слово-стимул *кибержертва*, из которых 8 ассоциатов семантически не связаны со стимулом, 2 реакции представляют собой индивидуальные ассоциаты *я* и *Гриша*.

Частеречный анализ полученных ассоциатов позволил установить доминирование двух типов реакций, выраженных словом и словосочетанием (представленных существительными и прилагательными). Например, респонденты дали такие реакции на слово-стимул *кибержертва*: *жертва интернет-насилия, страх, интернет-потерпевший, ягненок, жертва троллинга, жалость, пострадавший в сети, пострадавший, оскорбленный, невинный, слабый, слабохарактерный*.

Количественный подсчет реакций, полученных на слово-стимул *кибержертва*, показал доминирование ассоциатов в виде существительных в именительном падеже (70 % от общего объема генеральной совокупности). Второе место по частотности заняли ассоциаты, выраженные определением (20 % от общего объема генеральной совокупности). Предположительно, превалирование реакций, выраженных существительными, обусловлено лексико-грамматическими особенностями слова-стимула *кибержертва*, представляющего собой имя существительное в именительном падеже единственного числа.

Количественный анализ данных цепочечного ассоциативного эксперимента и применение семантического анализа полученных реакций опрошенных студентов позволили идентифицировать ядро исследуемого стереотипного представления российских студентов о кибержертве. К наиболее частотным реакциям на слово-стимул *кибержертва* были отнесены: *жертва* (97 реакций); *жертва в интернете, жертва интернет-насилия, жертва интернет-агрессии, жертва в социальной сети, виртуальная жертва, жертва в киберпространстве* (53 реакции); *оскорбленный, человек, которого оскорбляют, человек, подвергшийся оскорблениям, тот, кого оскорбили* (33 реакции). Указанные признаки составляют ядро исследуемого стереотипного представления в языковом сознании российских студентов.

В ближайшую периферию вошли: *пострадавший* (25 реакций); *травля* (23 реакции); *насилие, интернет-насилие* (17 реакций); *слабый духом* и *слабый*

человек (13 реакций); *потерпевший* (12 реакций); *униженный, унижение* (12 реакций).

Дальнюю периферию составили следующие признаки: *бедолага, бедняга, бедняжка, беда* (10 реакций); *страх* (9 реакций); *жалость* (8 реакций); *неуверенный, неуверенный в себе человек* (6 реакций); *невинный* (6); *подавленный, подавленность, морально подавленный человек* (5); *беззащитный* (5 реакций).

Анализ полученных слов-реакций проводился на основе метода семантического гештальта [24], в результате чего ассоциаты были распределены по семантическим зонам, охватывающим стереотипные признаки явления, обозначенного словом-стимулом. Основу для именованя семантических зон к слову-стимулу *кибержертва* составили базовые местоимения *кто, что, какой, где* и *как*, т.е. ассоциирующиеся со словом-стимулом *лицо, предмет, признаки, действие, место* и *качество*. Слова-реакции, составляющие каждую из указанных семантических зон, были распределены в порядке убывания. В итоге получилась следующая картина ассоциативного поля.

Семантическая зона *кто* (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом *кибержертва*): наиболее часто встречаемое слово-реакция *жертва* (158) ассоциативно связано с пассивностью позиции по отношению к агрессивному поведению со стороны киберагрессоров. В целом слова, демонстрирующие основной процент реакций (*жертва* (158), *человек* (130)), представляют собой семантически нейтральные элементы, не позволяющие соотнести данный объект действительности с национальной, социальной, гендерной или возрастной группой. Однако часть реакций, встречающихся единожды или редко, можно условно объединить в группы слов, связанных с определенной категорией (возраст, профессия, род деятельности, пол), со стилистическими особенностями лексики (сниженная, разговорная, сленг), а также слов с оценочным компонентом.

Так, выделяется группа слов, описывающих участников сетевых игр, геймеров, или активных пользователей социальных сетей (*изич, игрок, блогер, инстасамка*). В частности, слово *изич* представляет собой номинацию с оценочным компонентом пренебрежение, используемую геймерами для описания человека, которого легко обыграть в сетевой игре (от англ. *easy*).

Ряд слов-реакций формирует гендерно-маркированную группу (*девушка, девочки, пацан, феминистка, инстасамка*). Возрастной аспект представлен в следующих реакциях: *школьник, старик, дети*. Группа реакций, соотносимая с пластом разговорной и обценной лексики: *чмо, омежка, лох, фуфел, бедолага, терпила*.

Также выделяется ряд зоонимов (*ягненок, киберовечка, зайчик, кибержаба*). Примечательно, что в данном случае респонденты прибегают к использованию уменьшительно-ласкательных суффиксов для описания явления. Это позволяет говорить о присутствии положительного

оценочного компонента в семантике данных слов. Любопытным примером единичной ассоциации в ряду зоонимов является слово-реакция *кибержаба*, которое может пониматься как источник неприятностей, проблемной ситуации.

Наряду с этим выделяется группа слов с отрицательным оценочным компонентом, который связывает исходное слово-стимул с последствиями поведения самого человека, пострадавшего от киберагрессии (*провокактор, неряха, нытик, симулянт*).

В семантической зоне **что** представленные реакции можно условно разделить на категорию абстрактных слов, связанных с эмоциональным или физическим состоянием человека: *жалость* (8), *слабость* (5), *невинность* (4), *неуверенность* (4), *беспомощность* (3), *опасность* (3), *страх* (2), *внимательность* (2), *доверчивость* (2), *депрессия* (2), *неомощность*, *грусть*, *угнетение*, *бессонница*.

Также представлена группа слов, связанных с воздействиями внешней среды или собственными действиями человека: *травля* (6), *опасность* (3), *давление*, *суицид*, *помощь*, *защита*, *злая шутка*, *угрозы*. Среди однократно встречающихся слов-реакций присутствует ряд конкретных (*формалин*, *тушка*, *кошелек*) и абстрактных существительных (*добыча*, *нажива*), связанных с семантикой жертвенности, извлечения пользы как поведенческих стратегий и принципов взаимоотношений.

Семантическая зона **какой** представлена следующими реакциями: *пострадавший* (25), *слабый* (13), *потерпевший* (12), *униженный* (12), *любой* (4), *обиженный* (6), *оскорбленный* (2), *беззащитный* (2). Однократные упоминания представляют довольно разнообразную с точки зрения семантики группу слов (*ненаходчивый*, *увлеченный*, *ущемленный*, *угнетенный*, *запутанный*, *уязвимый*, *хороший*, *закрытый*, *особенный*, *несчастный*, *бедненький*). Как видно из представленных примеров, большая часть слов-реакций оценочно нейтральна или подразумевает положительную оценку явления. В данной категории слов-реакций также представлены гендерно-маркированные единицы (*несчастливая*, *ведомая*, *хрупкая*, *слабая*, *угнетенная*). Непосредственно лексемы встречаются однократно, однако представляют собой группу, отражающую семантику пассивного поведения женщины и ее подверженности внешнему влиянию. Данная группа слов также характеризуется оценочным компонентом значения, в то время как в аналогичной группе гендерно-маркированных единиц, представленных в категории **кто**, оценочный компонент не выделялся.

Семантическая зона **действия** формируется глагольными ассоциатами с преобладанием лексемы подвергать (36). В реакциях данный глагол представлен в своей возвратной форме (*подвергается*, *подвергшийся*, *подвергся*), что указывает на поведенческую пассивность человека в положении кибержертвы. Также в описаниях присутствует ряд безличных конструкций

в утвердительной и отрицательной форме со следующими глаголами: *обижать, оскорблять, писать, завидовать, унижать, кибербуллить, задевать, не признавать, не понимать* (10 единиц). Формы активного залога единичны и представлены глаголами *страдать* и *контролировать* (в отрицательной форме), что указывает на пассивность положения кибержертвы в восприятии респондентов.

Группа слов-реакций, которые можно отнести к семантической зоне *где / место действия* (*сеть* (12), *интернет* (48), *интернет-пространство* (1)), характеризуется большой частотностью, в то время как группа слов, связанная с категорией образ действия, не представлена.

Заключение

Полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента данные позволяют сделать вывод о сложившемся образе-стереотипе такого участника интернет-коммуникации, как кибержертва: это человек, страдающий от агрессии со стороны других людей, не способный контролировать ситуацию общения. Это субъект «А», несчастный, слабый, беспомощный человек, вызывающий у субъекта «Б» зависть, неприязнь, негативное отношение и желание воспользоваться в своих целях.

Исследованный материал позволяет утверждать, что кибержертва как участник интернет-коммуникации не вызывает ассоциаций с какой-либо национальной принадлежностью, с биологическим полом, возрастом; ассоциации с профессией также представлены слабо. Положительная оценка явления (сочувствие, жалость) преобладает, однако при этом респонденты указывают на неспособность такого человека к активным действиям, что позволяет интерпретировать стереотипный образ кибержертвы как человека слабохарактерного, не имеющего собственной жизненной позиции или неспособного ее отстаивать по физиологическим или психологическим причинам. Некоторые респонденты отмечают такое качество кибержертвы, как невиновность, в связи с чем можно говорить о присутствии в составе данного стереотипного представления компонента значения, связанного с невозможностью влияния человека на коммуникативную ситуацию подобного формата.

Библиографический список

1. *Фалкина С.А.* Психологические характеристики подростков, склонных к виктимному поведению в Интернет-сети // *Перспективы науки и образования*. 2014. № 1. С. 230–236.
2. *Lester, D., McSwain S., Gunn J.F.* Suicide and the Internet: The case of Amanda Todd // *International Journal of Emergency Mental Health*. 2013. № 15. P. 179–180.
3. *Смирнова А.Р.* Анализ проблемы кибербуллинга через призму ответственности // *Вестник современных исследований*. 2018. № 4.1(19). С. 72–76.

4. Колесников Е.А. Исследование психологических характеристик подростков, склонных к виктимному поведению в виртуальном пространстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29. № 2. С. 148–159.
5. Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 273–292.
6. Шейнов В.П., Карпиевич В.А., Дятчик Н.В., Полховская Г.Н. Незащищенность от кибербуллинга и интернет-зависимость юношей и девушек: связи и свойства // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 3. С. 64–72.
7. Aboajaoude E., Savage M.W., Starcevic V., Salame W.O. Cyberbullying: Review of an Old Problem Gone Viral // Journal of Adolescent Health. 2015. № 57(1). P. 10–18. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2015.04.011>.
8. Макарова Е.А., Осадчая А.В. Кибер-виктимизация и демографические характеристики подростков, вовлеченных в кибербуллинг // Национальное здоровье. 2019. № 1. С. 125–136.
9. Erentaitė R, Bergman LR, Zukauskienė R. Cross-contextual Stability of Bullying Victimization: a Person-oriented Analysis of Cyber and Traditional Bullying Experiences among Adolescents // Scandinavian Journal of Psychology. 2012. № 53(2). P. 181–190. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2011.00935.x>
10. Zych I., Ortega-Ruiz R., Marín-López I. Cyberbullying: a Systematic Review of Research, its Prevalence and Assessment Issues in Spanish Studies // *Psicología Educativa*. 2016. № 22(1). P. 5–18. <https://doi.org/10.1016/j.pse.2016.03.002>.
11. Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 89–93.
12. Фомиченко А.С. Особенности проявления кибербуллинга в высшем образовании (по материалам зарубежных исследований) // Мир науки. 2018. № 5. Т. 6. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN518.pdf> (дата обращения: 05.12.2022).
13. Волкова Т.Г. Виктимологическая профилактика. М.: Российская юстиция, 2009.
14. Наумова Ю.А., Захарова Е.А. О проблеме виктимного поведения подростков в современной действительности // Стратегии и тренды развития науки в современных условиях. 2017. № 1(3). С. 105–108.
15. Escortell R, Delgado B, Martínez-Monteagudo M.C. Cybervictimization, Self-Concept, Aggressiveness, and School Anxiety in School Children: A Structural Equations Analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. № 17(19). <https://doi.org/10.3390/ijerph17197000>
16. Смолян Г.Л., Кононов А.А. Проблемы обеспечения гарантий безопасности информационного общества // Научно-техническая информация. 2003. Сер. 1. № 8. С. 13–18.
17. Путинцева А.В. Особенности жертв кибербуллинга // E-Scio. 2019. № 9(36). С. 676–682.
18. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // Психология и право. 2015. № 4(5). С. 80–93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>
19. Rodríguez-Enríquez, M., Bennasar-Veny, M., Leiva, A., Garaigordobil, M., Yañez A.M. Cybervictimization among Secondary Students: Social Networking Time, Personality Traits and Parental Education // BMC Public Health. 2019. № 11. P. 1499. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7876-9>
20. Разумкова А.В. Этнические стереотипы поволжских татар в обыденном языковом сознании русских и татар республики Татарстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 682–693. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693>

21. Тамерьян Т.Ю. Моделирование этностереотипов в осетинской лингвокультуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 110–116.
22. Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 53–61.
23. Адамова З.Г. Моделирование автостереотипа «якуты»/«сахалар» на материале ассоциативного эксперимента // Вестник Якутского государственного университета. 2005. Т. 2. № 3. С. 88–94.
24. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН. 2000. С. 191–206.

References

1. Falkina, S.A. (2014). Psychological Characteristics of Teenagers Inclined to Victim Behavior on the Internet. *Perspectives of Science and Education*, 1, 230–236. (In Russ.).
2. Lester, D., McSwain, S. & Gunn, J.F. (2013). Suicide and the Internet: The Case of Amanda Todd. *International Journal of Emergency Mental Health*, 15, 179–180.
3. Smirnova, A.R. (2018). Analysis of the Cyberbullying Problem through the Prism of Responsibility. *Bulletin of Contemporary Research*, 4.1(19), 72–76. (In Russ.).
4. Kolesnikov, E.A. (2019). Study of Psychological Characteristics of Adolescents Tending to Victimal Behavior in Virtual Space. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 29(2), 148–159. (In Russ.).
5. Deyneka, O.S., Dukhanina, L.N. & Maksimenko, A.A. (2020). Cyberbullying and Victimization: a Review of Foreign Publications. *Perspectives of Science and Education*, 5(47), 273–292. (In Russ.).
6. Sheinov, V.P., Karpievich, V.A., Dyatchik, N.V. & Polkhovskaya, G.N. (2020). Danger of Cyberbullying and Internet Dependence of Teenagers: Interrelations and Properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 3, 64–72. (In Russ.).
7. Aboujaoude, E., Savage, M.W., Starcevic, V. & Salame, W.O. (2015). Cyberbullying: Review of an Old Problem Gone Viral. *Journal of Adolescent Health*, 57(1), 10–18. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2015.04.011>.
8. Makarova, E.A. & Osadchaya, A.V. (2019). Cyber-victimization and Demographic Characteristics of Adolescents Involved in Cyberbullying. *National Health*, 1, 125–136. (In Russ.).
9. Erentaitė, R., Bergman, L.R. & Zukauskienė, R. (2012). Cross-contextual Stability of Bullying Victimization: a Person-oriented Analysis of Cyber and Traditional Bullying Experiences among Adolescents. *Scandinavian Journal of Psychology*, 53(2), 181–190. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2011.00935.x>
10. Zych, I., Ortega-Ruiz, R. & Marín-López, I. (2016). Cyberbullying: a Systematic Review of Research, its Prevalence and Assessment Issues in Spanish Studies. *Psicología Educativa*, 22(1), 5–18. <https://doi.org/10.1016/j.pse.2016.03.002>.
11. Bubnova, I.S. & Tereshenko, A.G. (2014). Problem of Victim Behavior of Adolescents and its Socio-educational Prevention. *Psychology in Economics and Management*, 1, 89–93. (In Russ.).
12. Fomichenko, A.S. (2018). Features of Cyberbullying in Higher Education (based on foreign researches). *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 5(6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN518.pdf> (accessed: 05.12.2022). (In Russ.).
13. Volkova, T.G. (2009). *Victimological Prevention*. Moscow: Rossiiskaya Yustitsiya. (In Russ.).
14. Naumova, Yu.A. & Zakharova, E.A. (2017). To the Problem of Victim Behavior of Adolescents in Modern Reality. *Strategies and Trends of Science Development in Modern Conditions*, 1(3), 105–108. (In Russ.).

15. Escortell, R., Delgado, B. & Martínez-Monteaudo, M.C. (2020). Cybervictimization, Self-Concept, Aggressiveness, and School Anxiety in School Children: A Structural Equations Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(19). <https://doi.org/10.3390/ijerph17197000>
16. Smolyan, G.L. & Kononov, A.A. (2003). Problems of Providing Guarantees of Information Society Security. *Scientific and Technical Information Processing. Series 1*, 8, 13–18. (In Russ.).
17. Putintseva, A.V. (2019). Peculiarities of Cyberbullying Victims. *E-Scio*, 9(36), 676–682. (In Russ.).
18. Safuanov, F.S. & Dokuchaeva, N.V. (2015). Personality Characteristics of Victims of Illegal Attacks on the Internet. *Psychology and Law*, 5(4), 80–93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>. (In Russ.).
19. Rodríguez-Enríquez, M., Bennisar-Veny, M., Leiva, A., Garaigordobil, M. & Yañez A.M. (2019). Cybervictimization among Secondary Students: Social Networking Time, Personality Traits and Parental Education. *BMC Public Health*, 11, 19(1), 1499. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7876-9>
20. Razumkova, A.V. (2017). Ethnic Stereotypes of the Volga Tatars in Ordinary Language Consciousness of Russians and the Tatars of the Republic of Tatarstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 682–693. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693> (In Russ.).
21. Tameryan, T.Yu. (2015). Modelling of Ethnic Stereotypes in Ossetian Linguoculture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 110–116. (In Russ.).
22. Goroshko, E.I. (2005). Problems of Conducting a Free Associative Experiment. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 3, 53–61. (In Russ.).
23. Adamova, Z.G. (2005). Modelling of the Autostereotype “Yakuts/Sakhalar” based on the Material of the Associative Experiment. *Bulletin of Yakutsk State University*, 2(3), 88–94. (In Russ.).
24. Karaulov, Yu.N. (2000). Indicators of National Mentality in the Associative Verbal Net. In: *Language Consciousness and the Image of the World*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 191–206. (In Russ.).

Сведения об авторах

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: russia_science@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8146-9721; eLIBRARY SPIN-код: 9659–7646

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой акмеологии и психологии развития, директор Института образования, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: ishmorozova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0862-7225; eLIBRARY SPIN-код: 9296–1166

Ермолаева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: enermolaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1353-1287; eLIBRARY SPIN-код: 3192–0142

Старцева Татьяна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: startseva_tv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1818-0356; eLIBRARY SPIN-код: 3670–1941

Information about the authors:

Veronika V. Kameneva, D.Sc. (Philology), Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University; *e-mail*: russia_science@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8146-9721; eLIBRARY SPIN-code: 9659–7646

Irina S. Morozova, D.Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Acmeology and Developmental Psychology, Director of the Institute of Education, Kemerovo State University; *e-mail*: ishmorozova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0862-7225; eLIBRARY SPIN-code: 9296–1166

Elena N. Ermolaeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University; *e-mail*: enermolaeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1353-1287; eLIBRARY SPIN-code: 3192–0142

Tatiana V. Startseva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University; *e-mail*: startseva_tv@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1818-0356; eLIBRARY SPIN-code: 3670–1941

СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА SEMANTICS AND SEMIOTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756

EDN: FWLYUP

УДК 81:008

Научная статья / Research article

Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования

М.Л. Ковшова Институт языкознания РАН,
125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1 mlk@iling-ran.ru

Аннотация. Автор обосновывает определяющую роль лингвокультурологии на современном этапе развития науки о языке. Отмечается, что в лингвистике продолжается поиск пространства для исследования языка в свете целостного знания о человеке. Если при структуралистском и строго лингвистическом подходе язык рассматривается «в самом себе и для себя» как автономное семиотическое образование и экстралингвистические аспекты, как правило, выносятся за пределы лингвистики и переводятся в сферы других гуманитарных дисциплин, то в лингвистике антропологической направленности язык понимается как конститутивное свойство человека в его жизнедеятельности и духовной жизни. Наука о языке вплотную подошла к изучению языка как антропологического феномена, для чего недостаточно одной лингвистической техники анализа, работы по схеме «лингвистика плюс глубокая интроспекция» с опорой на случайные несистематические знания из других гуманитарных или негуманитарных сфер. Высказывается предположение, что современный антропологический «разворот» в лингвистике позволит преодолеть затянувшийся этап стихийного соединения существующих и потенциальных лингвистик. Отмечается процесс дифференциации лингвистических направлений, существующих на смежных, но не тождественных научных платформах; в то же время выявляется тенденция к сближению дисциплин в русле единой лингвоантропологической методологии. Утверждается идея о том, что определяющая роль в этом движении принадлежит лингвокультурологии. В статье излагаются основные принципы данного направления, описываются точки соприкосновения между лингвокультурологией и этнолингвистикой. На конкретных примерах эксплицируются процессы интеракции ментальных структур и языковых форм их презентации; исследуются культурно маркированные сигналы в семантике языковых знаков.

Ключевые слова: семантика, знаки языка и культуры, смыслы культуры

© Ковшова М.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.04.2023

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Ковшова М.Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 745–756. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756>

The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research

Maria L. Kovshova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, Russian Federation, 125009

 mlk@iling-ran.ru

Abstract. The author presents the arguments for the defining role of linguocultural studies at the present stage of the development of linguistics. It is noted that linguistics continues its search for the space of language studies in the light of integral human knowledge. Whereas structural approach views any language as an autonomous semiotic formation, “self-enclosed and self-supported”, as a rule, without taking into account extralinguistic aspects, which are studied in the framework of other humanities, anthropological approach is based on understanding language as a constitutive human property, as a part of humans’ daily living activities and their spiritual life. Linguistics has reached the point of studying language as an anthropological phenomenon and at this point solely linguistic analysis is not enough as it is insufficient to rely just on the traditional pattern including linguistics plus deep introspection or accidental, non-systematic knowledge taken from various humanities and sciences. It is suggested that anthropological “twist” in linguistics will let us overcome the long-running stage of spontaneous connection of the existing and potential linguistics. The article highlights the process of differentiation of linguistic approaches existing on the neighboring, but not identical, scientific platforms. At the same time the research conducted reveals the trend towards their convergence in the framework of the unified linguo-anthropological methodology. It is claimed that the defining role in this process belongs to linguocultural studies. The study deals with the basic principles of linguocultural approach. Various signs such as words, phraseological units and even the signs of the text size are used to identify the points of convergence between so similar, though not identical, branches — linguocultural studies and ethnolinguistics. The processes of interaction of mental structures and the language forms of their representation are explicated. Culturally marked signals in the semantics of language signs are identified and described.

Keywords: semantics, signs of language and culture, cultural meanings

Article history:

Received: 01.04.2023

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Kovshova, M.L. (2023). The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 745–756. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756>

Введение. Основные положения

В настоящее время наука о языке переживает дифференциально-интегративные процессы, которые выражаются, с одной стороны, в множественности «других лингвистик», о чем предупреждал Э. Бенвенист [1. С. 45], обладающих своей предметно-объектной сферой, методологией, метаязыком; с другой стороны — в тенденции к созданию единого направления, которое может быть названо лингвоантропологическим, и разработке единой методологии. Специфику ситуации составляет быстрая смена лингвистических парадигм и, как следствие, постоянно изменяющийся образ языка [2], сосуществование его различных видений, что приводит к возникновению множества направлений (когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвофольклористика, теолингвистика и др.). Согласно Ф. де Соссюру изучаемый объект не дан исследователю непосредственно сам по себе; «точка зрения создает самый объект» [3. С. 46], то есть объект определяется выбором конкретного предметного ракурса постижения языка. Предметно-объектная сфера познания, направленного на постижение языкового ракурса реальности, множится, поскольку каждое направление работает со своим предметом и объектом, в своей, имеющей те или иные параметры, лингвистической реальности [4]. В современной науке о языке заметно модифицируются правила научного менталитета: восприятие систем, сформировавшихся в рамках одной лингвистики с ее понятиями, символами, терминами и методами, иначе видится с позиций «других» лингвистик. Для того чтобы исследовать тот или иной объект, в работах активнее используются приемы и методы современных направлений; интенсивно привлекаются данные других гуманитарных областей — философии, психологии, истории, культурологии; в эпоху стремительного распространения научного знания усиливаются контакты лингвистики с нелингвистикой [5]. В современных исследованиях язык понимается как отражение характера и мировоззрения народа, но только глубокий и всесторонний анализ фактов языка позволяет под рассуждения о национальном мировидении «подвести объективную базу» [6. С. 481]. Такой взгляд на язык объединяет многие школы и направления, которые группируются вокруг следующих основных понятий: языковая картина мира и ключевые слова культуры (А. Вежбицка, Т.В. Булыгина, Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев, Анна А. Зализняк и др.), языковое значение и культурная семантика (Ю.Д. Апресян, Л.А. Новиков, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Е. Бартминский, Е.Л. Березович, Н.Г. Брагина и др.), культурная интерпретация и коды культуры (В.В. Воробьев, В.Н. Телия, В.А. Маслова, Д.Б. Гудков, В.М. Мокиенко, И.Т. Вепрева, Е.Н. Ремчукова и др.), концепты и концептосфера культуры (Ю.С. Степанов, В.И. Постовалова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, И.В. Зыкова, В.И. Карасик и др.). В настоящее время наметился конструктивный диалог,

в ходе которого установлены точки соприкосновения, например, между связанными, но не тождественными направлениями, как этнолингвистика и лингвокультурология; ср. [7; 8].

Этнолингвистика и лингвокультурология: точки соприкосновения

Этнолингвистическое направление обращено на изучение языковых и внеязыковых фактов народного самосознания; в рамках данного направления описываются и систематизируются вербальные и невербальные средства, созданные для кодирования содержания, «сводимого в целом к “картине мира”, к мировоззрению данного социума» [9. С. 86]. Этнолингвистику представляют разные научные школы, в основном в славянском мире, между которыми существуют определенные различия; см. об этом [10; 11]. Несмотря на разнообразие научных подходов в этнолингвистике, базовым считается метод исследования, который в своем целостном обращении к слову, ритуалу, обряду, мифу позволяет реконструировать «смысловое пространство», «концентрирующее в себе всё, что знает культурная традиция на определенную тему» [12. С. 341]. Этнолингвистический анализ нацелен на создание общего «портрета» того или иного вербального и невербального знака, принадлежащего традиционной культуре, на объединение в этом «портрете» всех сведений и культурных смыслов, закрепленных за знаком в народном сознании. Так, культурная семантика березы, согласно [13. С. 31–32], имеет глубокие общеславянские корни; береза как слово, предмет, образ принадлежит растительному коду традиционной культуры. С березой связано проведение похоронных ритуалов; женская символика березы запечатлена в календарном и свадебном обрядах; образ березы широко включен в сказочные и песенные мотивы и сюжеты. Также упоминаются поверья о сакральной силе березы — охранной, божественной, или, напротив, разрушительной, демонической. В соответствии с этнолингвистическим методом по данным народной культуры выявляются и обобщаются мотивировочные семантические признаки, верифицируется связь культурной семантики березы и языковой семантики единиц с данным образом; ср., например, «похоронную» обрядовую семантику березы и значение идиомы *лечь под берёзку*.

Лингвокультурология, в отличие от этнолингвистики, сосредоточена на описании культурной семантики, когнитивно релевантной сознанию носителя языка; категориальный и понятийный аппарат лингвокультурологии описан в [14]. Исследование начинается обычно «снизу» — с этимологии, со словарных толкований, с анализа контекстов употребления, что перекликается с теоретическими положениями Л.А. Новикова о сигматическом значении, формирующемся при погружении слова в коммуникацию [15]. Далее анализ переходит на «область когнитивных описаний, включая анализ структур

знания, стоящих за соответствующей языковой формой», и затем на «описание культурных смыслов слова, различных коннотаций, сопутствующих его лексическому значению в контексте разных культур, эпох и умонастроений, а также раскрытие символики слова и логики образа, стоящего за словом в сознании носителей языка определенной культуры» [4. С. 221–222]. Согласно описанию в толковом словаре, «берёза — лиственное дерево с белой (реже темной) корой и с сердцевидными листьями»¹. В научной картине мира, например, в почвоведении, береза квалифицируется как сорное дерево, своего рода экологический индикатор экологических или рукотворных катастроф. В аксиологическое противоречие с научным представлением вступает положительная коннотация лексемы *берёза*, сформированная в культуре и имеющая онтологическое основание. Благодаря распространенности на всей территории и природным качествам береза широко использовалась в крестьянском быту. Издавна на Руси из березы заготавливались на долгую зиму дрова; плелись березовые веники; из бересты изготавливались лапти, туески и др. Использование березы в календарных, семейных и бытовых обрядах, ее ценность для развития художественных промыслов послужили основанием поэтизации образа березы и его стойкой позитивной значимости; ср. народнопоэтическое: *берёзонька*. Образ-символ милой, «берёзовой» Родины, ключевой для народного самосознания, пронизывает все слои русской культуры. Ср. хороводную песню «Во поле берёза стояла» (первая запись 1790 г., авторы первой записи — И. Прач, Н. Львов); ср. название танцевального ансамбля «Берёзка»; ср. образы березки в художественной литературе, в живописи, в киноискусстве и др.

При том что лингвокультурологический анализ корреспондирует с результатами этнолингвистических реконструкций, он нацелен на то, чтобы выявить «след» этих реконструкций в современном языковом сознании, исследовать связь «заповедной» символики с семантикой языковых единиц. Так, собранные этнолингвистикой сведения о березе как древнейшем элементе похоронного обряда у славян позволяют объяснить исходную мотивированность внутренней формы фразеологизмов: *под берёзку лечь, до последней берёзки, уйти берёзки считать* и др. В то же время лингвокультурологический анализ, с опорой на словари, на корпус употреблений, на методику опроса респондентов, на метод глубокой интроспекции исследователя, позволяет утверждать, что единицы с «берёзовой» семантикой утратили связь, например, с мифом про березу как источник смерти; в «активном доступе» имеется лишь знание обычая сажать на могиле березку. Исследование другого выражения: *дать берёзовой каши/накормить берёзовой кашей* со значением «наказать, отхлестать розгами» не обнаруживает связи с мифологемой «дерево» [16], с демонологическими

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2006. С. 44.

верованиями о русалках, сидящих на березовых ветках, о силе березового сока, которым питались ведьмы [13. С. 32], и др. Понимание образа фразеологизма опирается на бытовое или книжное знание о том, что прутья березы использовались для наказания (порки). Лингвокультурологический комментарий делает упор на экспликации живодейственных культурных «сигналов» и описывает их на «языке» культуры. Так, в комментарии будет отмечено, что образ фразеологизма *дать берёзовой каше/накормить берёзовой кашей* интерпретируется в растительном и антропном кодах культуры как знаковых системах, во взаимосвязи которых кодируются стереотипные представления о наказании розгами, изготовленными из березовых веток. Образ также интерпретируется в гастрономическом коде культуры, которые хранит представления о символической функции пищи как источнике и усвоении знаний. Такие представления нашли широкое отражение в языке; ср. *духовная пища, пища для ума, впитывать с молоком матери* и др. В целом, фразеологизм играет роль стереотипа физического наказания, предпринятого в воспитательных целях; «воспитательная» культурная семантика березы запечатлена также в шутливых поговорках и эвфемизмах; ср.: «*Берёза ум даёт*»; «*то место, для которого природа берёзу придумала*» и др. [17. С. 50].

Лингвокультурология и ее роль на данном этапе. Принципы исследования

Человек по своей сущности есть “человек символический” (*homo symbolicus*) [18], и в этом плане роль лингвокультурологии представляется определяющей. Лингвокультурология исследует языковой код как вербальную часть кода культуры, ставит в центр изучения человека — субъекта языка и культуры, носителя разного типа знаний и исследует (путем интроспекции и с помощью экспериментальных методик) речемыслительные и коммуникативные процессы. Язык понимается как основной, вершинный, способ семиотизации тех смыслов, которые отбираются на всех этапах развития культуры как ценностно значимые [14. С. 40]. Главная задача лингвокультурологии на современном этапе видится в том, чтобы выявить и описать все способы воплощения культурных смыслов в семантике языковых знаков. По гипотезе, культурные смыслы хранятся в знаках языка и извлекаются из них в речи; неявно или целенаправленно воздействуют на сознание; проявляются в стереотипах поведения и жизнедеятельности и, в целом, составляют основу понимания национального характера, культурный код нации, который, в отличие от языкового кода, обладает «исторической протяженностью существования» [19. С. 15]. Согласно основной идее культурные смыслы надстраиваются к языковой семантике, закрепляются в форме культурной коннотации и актуализируются в процессах коммуникации в ходе рефлексии и интерпретации знаков языка в пространстве культуры. Содержание культурной

коннотации и сам процесс интеракции языкового и культурного знания обусловлены культурно-языковой компетенцией конкретного человека. В ходе восприятия и употребления языковых единиц сознание «подключает» лингвистические сведения (значение слов и выражений, формы употребления и др.). Вместе с этим подключаются культурные знания, которые хранятся на глубине ментальности в редуцированном виде: архетипы, «универсальный набор» которых «извлечен из мифологии и фольклора разных традиций» [20. С. 17], а также мифологемы, символы, эталоны, стереотипы, концепты, являющиеся знаками «языка» культуры. «Сложность исследования культурно-языковой компетенции заключается в том, что последняя связана с осознанным или бессознательным усвоением «языка» культуры. Владение этим кодом и обеспечивает референцию языковых знаков к предметной области культуры и тем самым награждает дискурсы культурной семантикой — этнической, национальной <...> либо же культурными смыслами, которые можно считать «общечеловеческими»» [21. С. 26]. В центре внимания лингвокультурологии находятся знаки разной протяженности; особый интерес представляют термины родства, названия духовных концептов или объектов материальной культуры, цветообозначения, идиомы, пословицы, прецедентные имена, эвфемизмы и др.; см., например, исследования Д.Б. Гудкова [22], О.С. Орловой [23] и др. Такие знаки языка насыщены культурной коннотацией и потому «назначены» быть знаками языка и культуры, хранить в своей семантике культурные смыслы; см., например, разработку данного понятия в исследовании Т.Б. Радбиля [24]. На культуруносные знаки языка ориентируется обыденное сознание; они являются своего рода формами объяснения действительности, с ними связаны программы деятельности и поведения; см., например, статью В.З. Демьянкова о влиянии паремий на успешность коммуникации между представителями разных возрастных групп [25].

Проведем лингвокультурологический анализ на примере популярного в интернет-коммуникации выражения «*босая, беременная, на кухне*», которое используется при обсуждении назначения женщины и ее роли в современном обществе. Происхождение выражения имеет американские «корни»; ср. историю фразы «*Barefoot and Pregnant*» и ее активное применение в западной публицистике, художественной литературе, социально-политическом и, прежде всего, феминистском дискурсе. После широкого проката в России американского кинофильма «Пятьдесят оттенков серого» (2015, режиссер — Сэм Тейлор-Джонсон, по одноименному роману Э.Л. Джеймс) данное выражение получило русскую «редакцию» и стало употребляться в основном в интернет-дискурсе. Коннотации, связанные с русским выражением, отражают его восприятие в контексте русской культуры и умонастроений, характерных для современного российского общества. Данное выражение хорошо пришло на обсуждение традиционных ценностей, с одной стороны, и нарастания радикализма в мире по отношению к правам женщины, с другой; ср., например [26].

Лингвокультурологический анализ основывается на методологическом принципе интроспекции, т.е. возможности исследователя «вжиться» в процесс интерпретации данного выражения в пространстве культуры, чтобы описать его культурную семантику и определить роль как знака «языка» культуры.

В лингвистическом плане выражение «*босая, беременная, на кухне*» по грамматическим маркерам и лексической семантике компонента *беременная* определяется как характеристика женщины. Цельность характеристики в данном выражении подчеркивается тем, что оно состоит из трех равных в своей квалифицирующей функции звеньев. По клишированности и смысловой обобщенности выражение «*босая, беременная, на кухне*» перекликается с крылатой фразой, имеющей позитивные коннотации: «*студентка, спортсменка, комсомолка, наконец, просто красавица*». По семантике и структуре выражение ближе немецкой речевой формуле: *Kinder, Küche, Kirche* (букв. дети, кухня, церковь). При употреблении русское выражение допускает варьирование и расширение компонентного состава; ср., например: «Что до женщин вообще, то, с одной стороны, женщина, конечно, должна быть голая, босая, беременная и стоять на кухне молча» (Андрей Панин: «*Меня нужно загнать в угол*» (2001) // «*Известия*», 10.08.2001)².

Языковая семантика выражения и его оценочность определяются содержанием коннотаций, которые сформированы в культуре.

Образная характеристика «*босая*» соотносится с архетипами «голый, нагой», «открытый/закрытый», получающих осмысление в телесном и костюмном кодах русской культуры, и интерпретируется через призму эстетических и функциональных оценок: неряшливость, небрежность, незащищенность, примитивность, ограниченность в пространстве и передвижении. На образ косвенно «работает» стереотипное представление о том, что босым, как правило, можно ходить дома, тем самым локализуется положение женщины (дом, место, в котором она живет) и ее внешний вид (в свободном домашнем облачении, даже без домашней обуви). Согласно М. Элиаде, «Миф может адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но он не может исчезнуть окончательно» [27]. Диапазон образа при его интерпретации может быть широк — от условной Марьюшки в платочке в деревенской избе или тёти Моти в домашнем затрапезе в хрущёвке до условной Бузовой в шёлковом неглиже в коттедже. Характеристика «*беременная*» усиливает смыслы незащищенности, ограниченности в перемещении и при этом передает стойкий для русской традиционной культуры стереотип основного предназначения женщины — материнства. Характеристика «*на кухне*» соотносится с домостроительным и пространственным кодами;

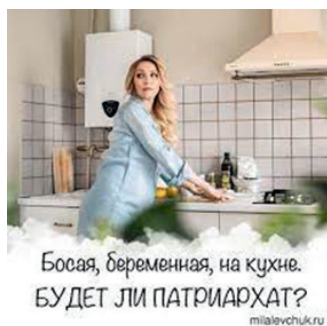
² НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2023).

местоположение обусловлено основной, по стереотипу, домашней функцией женщины — приготовлением пищи.

На интерпретацию образа влияют известные положения традиционной патриархальной культуры, запечатленные в разных пословицах и поговорках; ср., например: «Шей да пряди, босой не ходи» (пожелание женщине на праздник) [17. С. 88]; «У кого дети, у того счастье» [17. С. 272]; «Как хорошая жена да жирные щи, так другого добра не ищи» [17. С. 338]; «Женщине красота — домостройство» [17. С. 343].

В целом, выражение «босая, беременная, на кухне» передает стереотипные представления, присущие русской ментальности, и тем самым выступает вербальным стереотипом роли женщины в жизни и в обществе. Языковая семантика выражения насыщена культурными смыслами, которые оказываются пластичными в зависимости от ценностных приоритетов и социальных позиций и влияют на формирование оценочности: женщина в данном образе предстает как хранительница традиционных ценностей или как социально ограниченное, бесправное существо. Концентрация в одном образе характеристик, отрицающих нормативные потребности человека: быть обутом, физически крепким и свободным в перемещении, — делает выражение удобным для смысловой компрессии, возбуждает коммуникативные центры для дискуссии. Экспрессивность и «культуроёмкость» выражения определяет его самостоятельную значимость как «свернутого» знака культуры в составе полимодального текста; ср. рис. 1:

Рис. Пример полимодального текста с использованием выражения *босая, беременная, на кухне*

Источник: https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fu0.milalevchuk.ru%2Fuploads%2Ffiles%2Fexternal_e6b05138cc00284607c3b25a1ba31d5f%2Fmtn_eyJ3ljoINDAwliwCl6ljQwMClSlnpjljoiMSlsmFvZSl6ljEifQ.428462100_97379154_255417468991684_5389174885345962217_n.jpg&lr=213&pos=7&rpt=simage&source=serp&text=босая%20беременная%20и%20на%20кухне%20откуда%20фраза (дата обращения: 03.03.2022)

Fig. Example of polymodal text using the expression *barefoot, pregnant, in the kitchen*
Source: https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fu0.milalevchuk.ru%2Fuploads%2Ffiles%2Fexternal_e6b05138cc00284607c3b25a1ba31d5f%2Fmtn_eyJ3ljoINDAwliwCl6ljQwMClSlnpjljoiMSlsmFvZSl6ljEifQ.428462100_97379154_255417468991684_5389174885345962217_n.jpg&lr=213&pos=7&rpt=simage&source=serp&text=босая%20беременная%20и%20на%20кухне%20откуда%20фраза (accessed: 03.03.2022)

Заключение

Исследования в лингвистике последних трех десятилетий позволяют определить взятый наукой курс на исследование языка в свете целостного знания о человеке. Данный процесс привел к антропологическому «развороту» и возникновению направлений и дисциплин, которые продолжают множиться и создавать внутри себя научные школы с присущими им подходами и методами исследования. В то же время на этапе продолжающейся дифференциации разных «лингвистик» наблюдается их стихийное движение к объединению. Представляется, что определяющая роль в этом движении принадлежит лингвокультурологии, которая целенаправленно изучает знаки языка в контексте культуры; исследует язык как феномен, тесно связанный с жизнедеятельностью и духовной жизнью человека.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974.
2. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // *Язык и наука конца 20 века*. М.: изд-во РГГУ, 1995. С. 7–34.
3. Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1977.
4. Постовалова В.И. *Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм*. М.: ЛЕНАНД, 2016.
5. Ковшова М.Л. Наука о языке как часть науки о человеке. Культурологическое движение в лингвистике // *Русский язык за рубежом*. 2020. № 1. С. 38–43. <https://doi.org/10.37632/PI.2020.278.1.007>
6. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Языковая концептуализация мира*. М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Шмелев А.Д. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // *Труды Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова*. 2014. № 1. С. 36–119.
8. Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9. № 4. С. 1389–1408. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645>
9. Толстой Н.И., Толстая С.М. *О словаре «Славянские древности»* // *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 83–97.
10. Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics // *Вестник Новосибирск. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. Т. 17. № 4. С. 6–11. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11>
11. Sharifian F. *Lingwistyka kulturowa* // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. 2016. № 28. S. 31–55.
12. Березович Е.Л. *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*. М.: Индрик, 2007.
13. Виноградова Л.Н. Берёза // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. М.: Международные отношения, 2011. С. 31–32.
14. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. *Словарь лингвокультурологических терминов*. М.: Гнозис, 2018.
15. Новиков Л.А. *Семантика русского языка*. М.: Высшая школа, 1982.
16. Денисенко Е.Н. Репрезентация мифологемы «дерево» в русских и белорусских паремиях и фразеологизмах // *Славянская фразеология и паремиялогия. Культурное наследие и современность*. Гомель: ГГУ им. Скорины, 2022. С. 62–66.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. *Большой словарь русских пословиц*. М.: ОЛМА, 2010.

18. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998.
19. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 12–146.
20. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.
21. *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
22. *Гудков Д.Б.* Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020.
23. *Орлова О.С.* Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямого номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М.: ЛЕНАНД, 2022.
24. *Радбиль Т.Б.* «Культурный фон» как имплицитный культурный компонент в семантике языковых знаков // Когнитивные исследования языка. Знаки языка и смыслы культуры. Вып. 2(45). М. — Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2021. С. 283–293.
25. *Демьянков В.З.* О креативности обыденной мудрости // Язык. Человек. Культура. М.: Институт языкознания РАН, 2022. С. 45–51.
26. *Кухарева Анна.* Босая, беременная и на кухне: почему образ американской фермерши не дает покоя русским мужчинам? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://n-e-n.ru/fermersha/> (дата обращения: 03.03.2023).
27. *Элиаде М.* Аспекты мифа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

References

1. Benveniste, É. (1974). *Problems in General Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Stepanov, Yu.S. (1995). The Shifting Image of the Language in the XX Century Science. In: *Language and Science at the End of the 20th Century*. Moscow: RSUH. pp. 7–34. (In Russ.).
3. Saussure, de F. (1974). *Course in General Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Postovalova, V.I. (2016). *The Science of Language in the Light of Integral Knowledge*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
5. Kovshova, M.L. (2020). The Science of Language as a Part of Human Science. Cultural Approach in Linguistics. *Russian Language Abroad*, 1, 38–43. <https://doi.org/10.37632/PI.2020.278.1.007> (In Russ.).
6. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997). *Language Conceptualisation of the World*. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury. (In Russ.).
7. Shmelev, A.D. (2014). Language and Culture: Are There Any Points of Contact? In: *Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V.V. Vinogradova (Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute)*. Vol. 1. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences. pp. 36–119. (In Russ.).
8. Bartmiński, J., Berezovich, E., Vepreva, I., Kovshova, M. & Shmelev, A. (2021). The Interaction of Language and Culture: Research Boundaries and Perspectives. *Quaestio Rossica*, 9(4), 1389–1408. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645> (In Russ.).
9. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (2013). About the Dictionary “Slavic Antiquities”. In: Tolstoy, N.I., Tolstaya, S.M. (eds.). *Slavic Ethnolinguistics: Theory Issues*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 83–97. (In Russ.).
10. Peeters, B. (2019). On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 17(4), 6–11. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11>
11. Sharifian, F. (2016). Cultural Linguistics. *Ethnolinguistics. Problems of Language and Culture*, 28, 31–55. (In Polish).

12. Berezovich, E.L. (2007). *Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Papers*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
13. Vinogradova, L.N. (2011). Birch. In: *Slavic Mythology. Encyclopaedical Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. pp. 31–32. (In Russ.).
14. Kovshova, M.L. & Gudkov, D.B. (2018). *Dictionary of Linguoculturological Terms*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
15. Novikov, L.A. (1982). *Semantics of the Russian Language*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
16. Denisenko, Ye.N. (2022). Representation of the tree mythologem in Russian and Belarusian paroemias and phraseological units. In: *Slavic Phraseology and Paroemiology. Cultural Heritage and Modernity*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University. pp. 62–66. (In Russ.).
17. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *The Unabridged Dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: OLMA Publ. (In Russ.).
18. Cassirer, E. (1998). *Selected Works. An Essay on Man*. Moscow: Gardarik. (In Russ.).
19. Lotman, Yu.M. (2000). Culture and Explosion. In: *Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds. Articles. Studies. Notes*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB pp. 12–146. (In Russ.).
20. Tshiv'yan, T.V. (1990). *Linguistic Bases of the Balkan World Model*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
21. Teliya, V.N. (2004). Cultural-linguistic Competence: its high probability and deep secrecy in phraseological units. In: *Cultural Layers in phraseological units and discursive practices*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kultury. pp. 19–30. (In Russ.).
22. Gudkov, D.B. (2020). *Humans and Beasts: Russian Culturally Laden Human and Animal Names in the National Myth. A Linguocultural Dictionary*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
23. Orlova, O.S. (2022). *Euphemisms and Riddles on Life and Death in Russian and English Cultures: The Principle of Indirect Nomination. A Cognitive–Culturological Paper*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
24. Radbil, T.B. (2021). “Cultural background” as an implicit cultural component in the semantics of language signs. In: *Cognitive Studies of Language. Vol. 2. (45): Signs of language and senses of culture*. Moscow—Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin publ. pp. 283–293. (In Russ.).
25. Dem'yankov, V.Z. (2022). On the creativity of simple wisdom. In: *Language. Man. Culture*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 45–51. (In Russ.).
26. Kukhareva, A. *Barefoot, Pregnant, and in the Kitchen: Why Does the Image of an American Farm Woman Haunt Minds of Russian Men?* URL: <https://n-e-n.ru/farmersha/> (accessed: 03.03.2023). (In Russ.).
27. Eliade, M. *Aspects of Myth*. URL: http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf (accessed: 03.03.2023). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. акад. Ю.С. Степанова Института языкознания Российской академии наук; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, семантика, прагматика, фразеология, паремиология, лексикография, фразеография; *e-mail*: mlk@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0002-8920-8638; SPIN-код: 2677-4438; Scopus ID: 57222537296

Information about the author:

Maria L. Kovshova, D.Sc. (Philology), Chief Researcher at Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. *Research interests*: linguocultural studies, semantics, pragmatics, phraseology, paremiology, lexicography, and phraseography; *e-mail*: mlk@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0002-8920-8638; SPIN CODE: 2677-4438; Scopus ID: 57222537296

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-757-768

EDN: RAIRAG

УДК 81'37:316.77:070:004.7

Научная статья / Research article

Функционально-семантические доминанты языка цифровых трансмедиа в контексте актуальных проблем межкультурной коммуникации

Лайла Параккини¹ , Г.Н. Трофимова²

¹Миланский государственный университет,
20122, Италия, г. Милан, ул. Феста дел Пердоно, 7

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 trofimova-gn@rudn.ru

Аннотация. Выявлены и систематизированы в тематических рамках ковида некоторые ключевые функционально-семантические характеристики языкового ландшафта современных трансмедиа, которые представляют собой мультиформатное медиaprостранство, состоящее из тематически взаимосвязанных медиаресурсов, отражающих единое событие на полях сетевых СМИ, социальных сетей и ньюсмедиа. Исследуя примеры трансмедийных кейсов по освещению событий особой социальной значимости (пандемии) в российских и итальянских трансмедиа, авторы приходят к выводу о том, что язык цифровых трансмедиа демонстрирует тенденции универсализации, что способствует снижению информационных рисков и ослаблению угроз информационного противостояния несмотря на фактор различия в функционировании итальянской и русской языковых систем.

Ключевые слова: итальянский язык, русский язык, лексика, семантика, коммуникация, ковид

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Параккини Л., Трофимова Г.Н. Функционально-семантические доминанты языка цифровых трансмедиа в контексте актуальных проблем межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 757–768. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-757-768>

© Параккини Л., Трофимова Г.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Functional and Semantic Dominants of the Digital Transmedia Language in the Context of Topical Problems of Intercultural Communication

Laila Paracchini¹, Galina N. Trofimova²

Milan State University,
Festa del Perdono str., 7, Milan, Italy, 20122

²RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str, Moscow, Russian Federation, 117198
 trofimova-gn@rudn.ru

Abstract. The study is devoted to the identification and systematization within the thematic framework of some key functional and semantic characteristics of the landscape of modern transmedia, a multi-format media space consisting of thematically interconnected media resources reflecting a single event in the fields of online media, social network and new media. Having examined examples of special social significance (pandemics) events in Russian and Italian transmedia, the authors come to the conclusion that the language of digital transmedia demonstrates trends of universalization, which contributes to reducing information risks and weakening threats of information confrontation, despite the differences in the functioning of the language systems.

Keywords: transmedia, Italian, Russian, vocabulary, semantics, communication, Covid

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Paracchini, L. & Trofimova, G.N. (2023). Functional and Semantic Dominants of the Digital Transmedia Language in the Context of Topical Problems of Intercultural Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 757–768. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-757-768>

Введение

Одной из актуальных проблем современной межкультурной коммуникации стало речевое взаимодействие в рамках обсуждения пандемии Ковид-19. Ее глобальный характер актуализировал языковое творчество во многих странах, освоение темы сопровождалось вхождением новых слов и выражений, которые сразу стали обсуждаться не только обывателями, но и учёными-исследователями в социологии, политологии, психологии, массовой коммуникации и языкознании. В частности, требование всеобщей вакцинации привело к серьёзному противостоянию её сторонников и противников, в том числе в речевом формате. В ситуации социальной изоляции и перехода коммуникации в дистантное, компьютерно-опосредованное пространство именно вербальная коммуникация стала полем активного взаимодействия, быстро перешедшего в фазу острого противоборства, в котором конфликтные стороны стали проявлять агрессию, реализующуюся в негативно-эмоциональных

оскорблениях вплоть до прямых призывов к насилию. В то же время в языке ярко проявилась такая коммуникативная особенность, как высмеивание угрозы, усиление комического, иронического влияния на массовую коммуникацию. Все эти тенденции потребовали научного осмысления, которое уже реализовано в ряде статей.

Специфика описываемой ситуации заключается в том, что тема ковида захватила все уровни медиа, от официальных до обиходно-бытовых: социальные сети, сетевые СМИ, ньюсмедиа и пр. Их взаимодействие проявляется в трансмедийности, которая оказывает воздействие на освоение этих новых языковых средств прежде всего на лексическом уровне. В разных странах эти процессы обусловлены национально-культурными особенностями, что порождает неравенство их воздействующего потенциала и неконгруэнтность функционально-семантической доминантности. В то же время схожесть кризисных масштабов влечёт за собой универсализацию межкультурных различий на уровне освоения новой терминологии. В целом сравнительное изучение функционирования лексики ковидной тематики в русском и итальянском языках показало, что в различных лексических группах она осваивается по-разному в зависимости от информационной значимости и сферы использования.

Теоретические основы исследования

Функционирование языка в современных медиатекстах потребовало отдельного рассмотрения, которое привело к появлению нового направления на стыке языкознания, теории массмедиа и журналистики — медиалингвистики. Это позволило поместить языковой ресурс в точку пересечения нескольких направлений и по-другому взглянуть на специфику функционирования языковых единиц, их воздействующий потенциал и роль в реализации задач массмедиа, которые имеют свои особенности. Одной из них является ситуация, в которой находится современный медиатекст как инструмент и результат массовой коммуникации. Особенно существенным стало воздействие компьютерных и телекоммуникационных технологий, расширивших возможности медиатекста и обусловивших качественные сдвиги в восприятии медиаконтента. С позиций медиалингвистики, по мнению Т.Г. Добросклонской, на первый план выходит «изучение концептуальной стороны текстов массовой информации, направленное на выявление соотношения реальной действительности и её медиарепрезентаций» [1. С. 51].

Особую ситуацию для функционирования языка представляют собой трансмедиа, в которых различные форматы, влияющие на смыслопорождение, так тесно взаимодействуют между собой, что это, в свою очередь, оказывает специфическое влияние на язык и стиль высказываний. Наиболее ярко это проявляется в кризисных ситуациях особой социальной значимости, в частности

ковидной пандемии и кампании по вакцинации. В таком случае трансмедийные взаимосвязи оказываются еще существеннее. Концепцию трансмедиа впервые предложил Г. Дженкинс в его статье *Transmedia Storytelling* [2], развивая затем в исследовании «Культура конвергенции» [3. Р. 34]. Он предложил понятие трансмедийного нарратива, который развивается на пересекающемся поле медиаплатформ, каждая из которых вносит свой вклад в общий сюжет повествования: «трансмедийное повествование разворачивается в нескольких средах, и каждая сюжетная линия вносит особый и ценный вклад в общее повествование». «Эта новая форма повествования позволяет перейти от индивидуального и пассивного потребления к коллективному и активному развлечению» [3. Р. 35], что в свою очередь влияет на языковые интересы и стилистические предпочтения аудитории. Дженкинс формулирует основные свойства трансмедиа, которые определяют речевое поведение их участников. Растекаемость он понимает как «способность общественности активно включаться в распространение медиаконтента через социальные сети, расширяя его экономическую и культурную ценность», а углубляемость — как более глубокое вовлечение в один из трансмедийных компонентов. Следовательно, усиливается и энергичность языкового творчества в стремлении осмыслить происходящее и найти для всех происходящих событий свои, наиболее точные, номинации. Непрерывность, которую автор оценивает как перманентную миграцию пользователей между соединенными цифровыми платформами, позволяет аудитории объединиться и поддерживать сильное чувство «непрерывности», которое способствует удовлетворению «согласованности» и наличию правдоподобия вымышленных миров.

Нарративность организует и функционирование новых лексических единиц, которые становятся ключевыми доминантами при создании и распространении историй. Сторителлинг-формат повышает занимательность языкового творчества и усиливает интерес к взаимным обсуждениям тематики. На различных цифровых мультимедийных платформах эти истории становятся, по мнению К. Сколари, «особого рода нарративной структурой, расширяющейся как за счет разных языков (вербального, иконографического и т.п.), так и разных медиа (кино, комиксов, телевидения, видеоигр и др.)» [4. Р. 601]. В то же время вербальный компонент остаётся главным инструментом «конструирования нарративного мира на разных медийных платформах» [5. С. 22]. Постепенно новая лексика организует совокупность нарративов, «которые все больше становятся взаимосвязанным и неограниченным потоком медиаконтента, циркулирующего на разных платформах. При этом отдельные пользователи, ранее известные как “аудитория”, все активнее включаются в сопроизводство этих потоков» [6. Р. 290]. Н.А. Соколова подчёркивает, что трансмедиа как результат сочетания инициативы медиакомпаний с активностью аудитории, которая выходит из статуса пассивных потребителей, обретают новую роль «интерпретативных

сообществ» [7. С. 20]. Язык ковидной эпохи ярко отражает различные разновидности этих интерпретаций, в которых смысловые коннотации новых языковых единиц имеют ключевое значение.

В последнее время исследователи выявили тенденцию к нарративизации в нехудожественном контенте, прежде всего в медиaprостранстве, объединяющем различные СМИ, социальные сети, новые медиа и пр. К. Калинов рассматривает трансмедийное повествование как «задействующее не только различные медиа или каналы доставки, ...но и разные языки, которые, среди прочего, могут быть вербальными или знаковыми» [8. Р. 65]. В трансмедиа возникают нарративные пространства, которые Р. Праттен определяет как «единую сюжетную линию с определённым набором персонажей из многих сюжетов, подсюжетов, расширений» [9. Р. 15]. Нарративное пространство трансмедиа на тему Ковид-19 формируется как сфера функционирования огромного количества мини-нарративов, в которых активную роль играет новый язык ковидной эпохи. Основанное на них трансмедийное повествование Калин Калинов рассматривает как «мультимедийный продукт, который передает свое повествование через множество интегрированных медиаканалов» [8. Р. 66]. По мнению А.А. Калмыкова, трансмедиа продуцируют совместное творчество нескольких СМИ, телеканалов и интернет-порталов, периодических изданий и социальных сетей [10. С. 218]. Трансмедийный контент становится мультифункциональным, причём наряду с информированием значимым становится вовлечение аудитории в совместный и активный процесс словотворчества. По мнению Т.Г. Добросклонской, «трансмедiateкст — это интерактивный журналистский материал, созданный с применением мультимедийных технологий и опубликованный в интернет-пространстве» [1. С. 117]. В трансмедиа создаётся нарратив с особой модальностью, где, по выражению О.В. Краснояровой, «трансмедiateкст подстраивается под массовую аудиторию» [11. С. 230]. Новые слова и выражения по сути отражают процессы подстройки. М.А. Деминова и Д.В. Харьковская считают, что вербальные и медийные компоненты текста тесно взаимосвязаны и образуют некую целостность, неразрывное единство, составляющее сущность понятия «трансмедiateкст» [12. С. 100]. Лексическое наполнение определяет смысловую канву трансмедiateкста как объединённого нарратива на тему Ковид-19.

Результаты исследования

Исследование речевой медиакоммуникации во время пандемии Ковида-19 выявило специфические функционально-семантические доминанты, которые широко представлены в русском и итальянском языках, демонстрируя как совпадения, так и различия. Мы сосредоточимся на различиях их поведения внутри русского и итальянского языков, обращая особое

внимание на активные процессы словообразования с точки зрения лексико-семантического аспекта.

Методологически работа была выстроена пятиэтапно. В первых двух этапах рассматривались русские и итальянские материалы [13–16], относящиеся к сбору лексем пандемии (некоторые аспекты вопроса в русском языке изучены во втором разделе сборника под ред. Н.В. Козловской [17]). В обоих языках наметились четыре лексические категории, в рамках которых развились языковые доминанты, типичные для пандемического общения: 1) медицинские термины, которые мигрировали из специализированной прессы во все другие источники информации (*изоляция, дистанция, маска, isolamento, distanza, mascher*); 2) лексемы, которые ассоциировались с медициной во всех областях общения (*локдаун, бустер (вакцина), (протеин) спайк, грин-пасо*); 3) заимствования / кальки преимущественно из английского языка, которые вошли в русский и в итальянский; 4) неологизмы, образовавшиеся во время распространения пандемии через различные лингвистические процессы (*ковидник, ковидизм, ковидинг, ковидить, раскороновать, вирусовать, вирусоскептик, коронаоке, маскофил*). В итальянском языке был обнаружен только неологизм *covidizzare*, который переведёт русские варианты *ковидить, раскороновать, вирусовать*. Также существует лексема *coronaoke*, чтобы назвать домашние концерты, транслированные по сети во время пандемии. По сравнению со словами, как *вирусоскептик* и *маскофил*, в итальянском языке не сформировались неологизмы, которые можно считать эквивалентными. В нём используются конструкции, как, например, *persona scettica rispetto al virus* ‘человек, скептически относящийся к вирусу’, или *sostenitore della mascherina* ‘сторонник маски’¹.

В пределах упомянутых категорий на третьем этапе работы были определены доминантные признаки, по которым рассматривалось поведение двух языковых систем, а также факторы влияния данных доминант на развитие лексики. В связи с ограниченным объёмом настоящей статьи было принято решение продемонстрировать результаты исследования на двух терминах медицинской сферы, а именно на лексемах *вирус* и *ковид*, как двух из самых репрезентативных лексем пандемического периода. Разница между двумя словами состоит в том, что первое уже являлось частью нормированного языка до 2020 г., а второе — это вновь образованная лексема.

Четвертый этап был сосредоточен на изучении функционирования данных лексем в трансмедийном пространстве России и Италии, где данные использовались бы в качестве мотивирующих слов для создания неологизмов.

В последней части работы анализировались значения неологизмов, выражающих одну и ту же семантику в рассматриваемых языках.

¹ Contemporary Media Production // International Journal of Communication. 2009. Vol. 3. №4. P. 586–606.

Приведём полученные результаты.

В то время как в русском языке наблюдается большая продуктивность рассмотренных примеров как мотивирующей основы, порождающей неологизмы благодаря словообразовательной цепочке, в итальянском такое развитие явно более ограничено. Например, из лексемы *вирус* русский язык создает суффиксальные глаголы *вирусить*, *вирусовать*, *вирусничать* и др., передающие семантику *быть больным ковидом* и *передавать инфекцию*.

1. *Долго... собираются вирусить?*²
2. *Коронавирус вирусует не хуже прежнего.*
3. *Вот же скукота! Сижу дома, вирусничаю, на больничном... дома скучно...*

Итальянский язык, наоборот, чтобы передать данную семантику использует конструкции, образованные двумя и более лексемами (*avere il virus, diffondere il virus*³).

В русском языке доминанта *ковид* ещё более продуктивна. Она образует глаголы, которые выражают болезнь ковидом (*ковидеть*, *ковидничать*, *ковидовать*, *ковидствовать*, *обковидить*), заболеть ковидом (*ковидиться*, *ковиднуть*, *ковиднуться*, *обковидиться*, *сковидиться*), заразиться или заразить (*заковидеть*, *заковидить*, *заковидиться*), переболеть ковидом (*перековидеть*, *перековидить*, *перекоронавирусить*).

Благодаря использованию различных морфологических элементов (суффиксальной дериваций и префиксов), русский язык выражает с помощью глагольной формы различные состояния субъекта по отношению к заболеванию (*быть больным*, *заболеть*, *переболеть*, *заражать*). Также в этом случае, чтобы передать аналогичные понятия, итальянский предпочитает не неологические конструкции: *avere il covid, prendere il covid, avere avuto il covid, infettare*⁴.

В русском языке функционирование слова *ковид* способствует расширению лексической системы также в отношении категории существительного. Возникают понятия *ковидец* для обозначения больного ковидом; *ковидизм*, *ковидоз*, *ковидра*, *ковидство* для передачи семантики ковид-инфекции. *Ковидизация* указывает на общее распространение ковида; *ковидник* приобретает значение больницы для лечения ковида, больного ковидом и маски для защиты от ковида.

² Все указанные примеры размещены на различных страницах Интернета, к которым мы обратились 23.03.2022: ISS: con la TRECCANI a scuola di epidemia. Le parole del coronavirus. Режим доступа: https://www.treccani.it/magazine/parolevalgono/Le_parole_del_Coronavirus/index.html?page=2#listing-grid (дата обращения: 23.03.2022); Istituto Superiore di Sanità, Nuovo Coronavirus // Le parole dell'epidemia. Режим доступа: <https://www.iss.it/documents/20126/0/Glossario.pdf/fe8c209d-33b7-dbc4-b324-44eee879895f?t=1585325504835> (дата обращения: 23.03.2022); La Crusca Acasa: le parole della pandemia. Режим доступа: [L: https://accademiadellacrusca.it/it/contenuti/lacruscaacasa-le-parole-della-pandemia/7945](https://accademiadellacrusca.it/it/contenuti/lacruscaacasa-le-parole-della-pandemia/7945) (дата обращения: 23.03.2022).

³ Буквально *иметь вирус, распространить вирус*.

⁴ Буквально *иметь ковид, получить ковид, имел/а ковид, заразить*.

В итальянском языке с точки зрения деривационной неологизации в отношении существительных также замечается более низкая продуктивность, хотя были выявлены такие лексемы, как *covidista*, *covidismo* и *covidico*.

1. *I covidisti sostengono che qualsiasi misura... e legittima se riduce l'incidenza di Covid-19...* ‘Ковидисты утверждают, что любая мера... является законной, если она снижает заболеваемость от Ковида-19’.
2. *Covidismo, ovvero l'ideologia del COVID-19* ‘Ковидизм, т.е. идеология от КОВИДА-19’.
3. *Covidico. La nuova era dell'umanita* ‘Ковидик. Новая эра человечества’.
4. Первые два примера отражают очень тесную связь субъекта с *ковидизмом*, понимаемым как идеология, которая развилась после появления пандемии. Третий, с другой стороны, указывает на эпоху, связанную с пандемией ковида, несмотря на то, что обнаружались и контексты, в которых *covidico* обозначает того, кто болен ковидом⁵. Последний вариант не особо распространен, но существует в медиакоммуникации. Однако следует отметить, что, несмотря на наличие этих лексем, в целом проведенные исследования подтвердили, в том числе и в данном случае, склонность итальянского языка к использованию нормированных форм (например, *malato di covid*, *infezione da covid*, *epoca del covid* — *болен ковидом*, *инфекция от ковида*, *эпоха ковида* и т.д.).

Довольно существенные различия между двумя языками встречаются и при анализе неологизмов, рожденных в результате слияния двух лексем. Также в этом случае русский оказывается более продуктивным, чем итальянский. В русскоязычной медиакоммуникации активно употребляются такие слова, как *вирусоносец / ца*, *вирусоносный*, *вирусолизация*, которые также работают, заменяя базу *вирус* базой *ковид*. Итальянский язык не передает эти понятия с помощью одной лексемы, а предпочитает такие выражения, как *portatore del virus*, *diffusione totale della malattia*⁶ и т.д.

Сильное влияние, которое вирус оказал на все области жизни, привело к тенденции языковых систем усиливать распространение новой лексики, семантически связанной с болезнью, сочетая их со словами, типичными для различных сфер (экономической, правовой, социальной и т.д.). В этом смысле русский язык создал составные лексемы (*вирусокризис*, *вирусоскептик*, *вирусобес*, *вирусобесный*) или неологизмы, выражающие точное понятие, ссылаясь на семантическую аналогию, которая в сознании носителя языка формируется между вновь образованным словом и значением второй лексемы, которую оно использует. Например, *вирусообразот* (*вирус* + *товарооборот*), *вирус-мажорные обстоятельства* (*вирус* + *форс-мажорные*

⁵ Covidico o covidotico? Режим доступа: https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/domande_e_risposte/lessico/lessico_805.html (дата обращения: 23.03.2022).

⁶ Буквально *носитель вируса, общее распространение болезни*.

обстоятельства), *вируспруденция* (*вирус* + *юриспруденция* — о законе во время пандемии), *дивановирус*.

Применительно к слову *ковид* вспомним также *ковигист* (*ковид* + *пофигист*), *ковидиот* (*ковидиотизм*, *ковидиотство*, *ковидиотный*), *ковидарность* (*ковид* + *солидарность*). Относительно этой последней лексемы, интересно отметить, что прилагательное, которое происходит от неё (*ковидарный*), имеет два разных значения: элемент, связанный с ковидом (и в этом смысле оно является синонимом *ковидный*, *коронавирусный*), и человек, который выражает свою солидарность с теми, кто заразился ковидом. Также в русском языке были выделены слова *ковидокалипсис* (*ковид* + *апокалипсис*), *ковидоман* (тот, который боится пандемии и принимает все меры, чтобы её остановить), *ковидономика* (*ковид* + *экономика* = экономика во время ковида), *ковидофрения* (*ковид* + *шизофрения*).

И в этом случае итальянский язык оказался более консервативным, чем русский, предпочитая формированию неологизмов использование нормированных слов или конструкций (например, *negazionista* — тот, который отрицает существование вируса, *economia dell'epoca pandemica* — экономика пандемической эпохи, *schizofrenia da covid* — шизофрения от ковида и т.д.). Несмотря на это, однако, даже в итальянском языке удалось найти некоторые контексты, в которых появляются не столько неологизмы, сколько окказионализмы.

1. *Partecipiamo numerosi all'iniziativa Covidarieta della Fondazione...* 'Активно участвуем в инициативе *Ковидарность* Ассоциации...'
2. *Apocalisse Coronavirus sui cocktail bar italiani: previste perdite del 50 % nel 2020* 'Апокалипсис Коронавирус на итальянские коктейль-бары: планируются потери на 50 % в 2020 г.'
3. *Coronavirus, isteria collettiva in quattro passaggi* 'Коронавирус, коллективная истерия в четыре шага'.

Первый пример показывает соответствие русского и итальянского языков в создании неологизма по одному и тому же лингвистическому принципу (*covidarieta* = *covid* + *solidarieta*, *ковидарность* = *ковид* + *солидарность*). Из двух других контекстов вытекает возникновение связи между апокалипсисом и ковидом, с одной стороны, и ковидом и коллективной истерией, с другой. Однако единая составная лексема, как в русском языке, всё же не образуется.

Другим аспектом, который наблюдается из собранных данных, является частое создание в русском языке всех основных элементов, образующих словообразовательное гнездо (существительное, глагол, прилагательное), также исходя из неологизмов, созданных на основе определенной доминантной лексемы. Это подчёркивает существенно разную реакцию двух языков на распространение в них одних и тех же лексических единиц: русский язык показал большую склонность к неологизации, чем итальянский. Мы полагаем, в этом смысле, что можно говорить о более широкой степени языкового

творчества внутри русской системы, которое выражается в применении норм деривации, что позволило расширить структуру словообразовательных гнезд различных доминантных лексем. Это относится к словам как русского, так и иностранного происхождения.

Заключение

Проведённое исследование показало, что в рамках трансмедийного пространства терминологические лексические единицы и в русском, и в итальянском языках проявляют схожие функционально-семантические показатели, которые демонстрируют межкультурную унификацию, снижающую информационные риски. Данная конгруэнтность существует, несмотря на разные реакции к лексико-семантическим доминантам, которые с морфологической точки зрения наблюдаются в двух рассмотренных языковых системах. Трансмедийные пространства России и Италии продемонстрировали способность к популяризации медицинских терминов: русский язык — полагаясь в большей степени, чем итальянский на деривационную неологизацию, а итальянский — не отрицая возможность создать новые лексемы, но предпочитая более нормированные конструкции.

Библиографический список

1. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005.
2. *Jenkins H.* The Cultural Logic of Media Convergence // *International Journal of Cultural Studies*. 2004. Vol. 7. № 1. P. 34–35.
3. *Jenkins H.* *Convergence culture: Where old and new media collide*. N.Y.: New York University Press, 2006.
4. *Scolari C.A.* Transmedia Storytelling: Implicit Consumers, Narrative Worlds and Branding in Contemporary Media Production // *International Journal of Communication*. 2009. № 3. P. 586–606.
5. *Гамбарато Р.Р.* Панорама российских трансмедиа: опыт картирования мультиплатформенных инициатив // *Шаги-Steps*. 2017. № 2. С. 20–46.
6. *Jansson A.* Mediatization and social space: Reconstructing mediatization for the transmedia age // *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. P. 279–296.
7. *Соколова Н.Л.* Трансмедиа и «интерпретативные сообщества» // *Международный журнал исследований культуры*. 2011. № 3. С. 16–21.
8. *Kalinov K.* Transmedia Narratives: Definition and Social Transformations in the Consumption of Media Content in the Globalized World // *Postmodernism problems*. 2017. № 1. P. 60–68.
9. *Pratten R.* *Getting Started in Transmedia Storytelling: A Practical Guide for Beginners*. Seattle: Create Space, 2011. P. 13–15.
10. *Калмыков А.А., Коханова Л.А.* Интернет-журналистика. М.: Изд-во Юнити-Дана, 2005.
11. *Красноярова О.В.* Новые термины в теории журналистики и массовой коммуникации: процессы формирования и принципы функционирования // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2015. № 3. С. 229–238. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4\(3\).229-238](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(3).229-238)
12. *Деминова М.А., Харьковская Д.В.* Определение трансмедиатекста // *Медиаисследования*. 2020. № 7. С. 96–103.

13. Словарь русского языка коронавирусной эпохи, институт лингвистических исследований / под ред. М.Н. Приемышева. СПб: РАН, 2021.
14. *Cornaglia Ferraris P.* COVID-19. *Piccolo dizionario di ciò che sappiamo.* Laterza: Roma-Bari, 2020.
15. *De Vecchis K.* Long Covid e sindrome post-Covid: nuove parole dalla pandemia // *Italiano digitale.* 2021. № XVIII (3). P. 102–107.
16. *Paoli M.* L'italiano e uscito dal lockdown // *Italiano digitale.* 2020. № XIII (2). P. 108–121.
17. Новые слова и словари новых слов / под ред. Н.В. Козловской. СПб: ИЛИ РАН, 2020. С. 148–190.

References

1. Dobrosklonskaya, T.G. (2005). *Issues in the study of media texts (experience in researching modern English media speech).* Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
2. Jenkins, H. (2004). The Cultural Logic of Media Convergence. *International Journal of Cultural Studies*, 7 (1), 34–35.
3. Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide.* N.-Y.: New York University Press.
4. Scolari, C.A. (2009). Transmedia Storytelling: Implicit Consumers, Narrative Worlds and Branding in Contemporary Media Production. *International Journal of Communication*, 3, 586–606.
5. Gambarato, R.R. (2017). Panorama of Russian transmedia: experience of mapping multi-platform initiatives. *Steps*, 2, 20–46. (In Russ.).
6. Jansson, A. (2013). Mediatization and social space: Reconstructing mediatization for the transmedia age. *Communication Theory*, 23, 279–296.
7. Sokolova, N.L. (2011). Transmedia and “interpretive communities”. *International Journal of Cultural Research*, 3, 16–21. (In Russ.).
8. Kalinov, K. (2017). Transmedia Narratives: Definition and Social Transformations in the Consumption of Media Content in the Globalized World. *Postmodernism problems*, 1, 60–68.
9. Pratten, R. (2011). *Getting Started in Transmedia Storytelling: A Practical Guide for Beginners.* Seattle: Create Space. pp. 13–15.
10. Kalmykov, A.A. & Kokhanova, L.A. (2001). *Internet journalism.* Moscow: Unity-Dana Publ. (In Russ.).
11. Krasnoyarova, O.V. (2015). New Terms in the Mass Communication Theory: Processes of Formation and Principles of Functioning. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 3, 229–238. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4\(3\).229-238](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(3).229-238) (In Russ.).
12. Deminova, M.A. & Kharkova, D.V. (2020). Definition of Transmedia Text. *Media Research*, 7, 96–103. (In Russ.).
13. Dictionary of the Russian language of the coronavirus era (2021). Priemyшева, M.N. (Ed.), Institute of Linguistic Research. St. Petersburg: RAS. (In Russ.).
14. *Cornaglia Ferraris, P.* (2020). *COVID-19. Piccolo dizionario di ciò che sappiamo.* Laterza: Rome-Bari.
15. *De Vecchis, K.* (2021). Long Covid e sindrome post-Covid: nuove parole dalla pandemia. *Italiano digitale*, XVIII (3), 102–107.
16. *Paoli, M.* (2020). L'italiano e uscito dal lockdown. *Italiano digitale*, XIII (2), 108–121.
17. New words and dictionaries of new words (2020). Kozlovskaya, N.V. (Ed.). St. Petersburg: ILI RAS. pp. 148–190. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Параккини Лайла, кандидат филологических наук, научный сотрудник Миланского государственного университета; e-mail: laila.paracchini@unimi.it

ORCID: 0000-0002-4053-247X

Трофимова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: trofimova-gn@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-1295-5002

Information about the authors:

Laila Paracchini, PhD in Philology, Chief Researcher, Milan State University;
e-mail: laila.paracchini@unimi.it
ORCID: 0000-0002-4053-247X

Galina N. Trofimova, D.Sc. in Philology, Professor of the Department of Mass Communication, Philological Faculty, RUDN University; *e-mail*: trofimova-gn@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-1295-5002

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-769-784

EDN: GMNSXQ

UDC [811.111:811.161.1]’255:659.4

Research article / Научная статья

Linguocultural Aspects of PR Translation in the Modern World

Alla P. Minyar-Beloroucheva , Polina I. Sergienko Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991 ostvera@yahoo.com

Abstract. The present study deals with the topical issue of professional public relations (PR) terminology translation into the Russian language. The discipline and the field of professional activity, which emerged in Russia in the late 1980s, still poses lots of problems in terms of translation. The aim of the study is to reveal what translation procedures are applicable in rendering subject specific terminology into the target language with the absence of equivalents in the professional field. The novelty lies in the disclosure of translation features as well as translation procedures applied to PR terminology with special attention to linguistic and extralinguistic factors. The methods of comprehensive analysis of English PR terms, comprising the general scientific method, the communicative method, the method of comparative analysis, the dictionary definitions method, as well as the method of translation adequacy and the method of analysis of translation procedures and transformations have allowed to reveal the peculiarities of PR terms' meanings and their functioning in the English professional discourse to be rendered into the Russian language. The findings illustrate the most adequate procedures to be used for the purpose of rendering PR terms and terminology as units of specific meaning into the target language. The conclusion drawn from the study postulates that along with the borrowing of PR terminological field, the English cultural and conceptual worldview was also adopted to produce a hybrid professional worldview sharing similar PR subject specific language units, which is a great advance towards English as a global language.

Keywords: terminology, public relations, transformations

Authors' contribution:

The authors have equally contributed to the research in terms of theory and practice.

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Minyar-Beloroucheva, A.P. & Sergienko, P.I. (2023). Linguocultural Aspects of PR Translation in the Modern World. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 769–784. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-769-784>

© Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Лингвокультурные аспекты PR-перевода в современном мире

А.П. Миньяр-Белоручева , П.И. Сергиенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
 ostvera@yahoo.com

Аннотация. Терминология по связям с общественностью (PR) — дисциплина и сфера профессиональной деятельности — появилась в России в конце 1980-х гг., и до настоящего времени продолжает испытывать сложности с точки зрения перевода терминов. Цель данного исследования заключается в выявлении способов перевода английской PR-терминологии на русский язык, в котором изначально отсутствовали эквиваленты означенной профессиональной области. Новизна работы заключается в раскрытии специфики перевода PR-терминов с учетом особенностей лингвистических и экстралингвистических факторов. Методы, используемые в данном исследовании, включают комплексный анализ английских PR-терминов, общенаучный метод, коммуникативный метод, метод сравнительного анализа, метод словарных дефиниций и метод анализа переводческих трансформаций, позволяющие выявить значения PR-терминов, функционирующих в английском профессиональном PR-дискурсе. Полученные результаты демонстрируют наиболее адекватные способы перевода, которые следует использовать при передаче на русский язык англоязычных PR-терминов. Вывод, сделанный на основе исследования, позволяет утверждать, что при переводе PR-терминов, относящихся к профессиональной PR-деятельности, ранее не существовавшей в предметно-профессиональной области русского языка, происходит перенос не только новой терминологии, но и всего терминологического поля PR в культурно-концептуальное пространство русского языка. Это позволяет заимствованной PR-терминологии органически войти в концептуальное пространство перевода, что приводит к выравниванию менталитетов разных народов и широкому распространению английского языка.

Ключевые слова: терминология, связи с общественностью, трансформации

Вклад авторов:

Вклад авторов равноценен.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I. Linguocultural Aspects of PR Translation in the Modern World // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 769–784. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-769-784>

Introduction

Language and culture are interrelated and interdependent. This proposition is revealed not only in the semantics [1; 2] of language units but in the communicators' behavior determined by their culture. As any

language is a code of culture, various languages differ by means of coding the outward world and reflecting the life of native language speakers. All this is imprinted in the worldview of every nation that constitutes the basis for the construction of utterances which cause major difficulties in translation. Interest in translation as a social phenomenon is one of the distinctive features of modern intercultural communication within the anthropocentric paradigm [3]. It is obvious that a full understanding and thorough study of language phenomena is possible only if both linguistic and non-linguistic factors are taken into account in their full scope and diversity. In this regard, it is impossible to deny the fact that the modern linguistic theory of translation considers translation as a special form of interlanguage communication in the unity of linguistic and extralinguistic factors [4].

In the multilingual world undergoing drastic translations is regarded as an intercultural dialogue, which brings different nations closer together, harmonizing their culture and mentality [5].

The influence of globalization apart from the economy, politics, culture also becomes evident in the sphere of public relations. It is best illustrated by the linguistic study of public relations (PR) discourse representing the major trends of human development and social interests [6–8].

Translation as a specific type of intercultural communication [9], is fully embraced by the pragmatic categories of language. Accompanying the entire process and result of cross-language communication, pragmatic aspects are of great value concomitant with other various linguistic and extra-linguistic aspects. With the theorists focusing on the semiotic aspect involved in the translation [10; 11], the purpose of translation is formulated through the adequacy of means chosen in accordance with the situation, the professional needs and possibilities of the language.

It should be noted that in the domain of PR different languages demonstrate a certain similarity in verbalizing similar concepts and terminological units [12].

Universal issues of natural disasters, pandemics, politics, economic development, universal human values [13; 14] and modern technologies, — all bring the worldview of the representatives of different cultures closer together. Common conceptual fields foster the emergence of a universal language for the people of the globe. Translation into different languages in the current situation is no longer relevant, as the transmission of the message is facilitated by the shared code and vocabulary of the professional English PR language.

Methodology

The theoretical and methodological basis of the study is represented by the works of foreign and national scholars on terminology theory [15–21], translation theory [2; 3; 22–27; 43–44], the theory of intercultural

communication [28] and the works of the proponents of public relations theory [6; 29–31]. The material chosen for the study is authentic [28], as it is PR texts of major international corporations, operating globally. The chosen methods include the method of lexical analysis, the comparative-analytical method, classification and synthesis. The broad approach allowed for the comprehensive analysis and the empirical inference of results, which testify to the verisimilitude of the study. The quantitative analysis contributes to the understanding of the best translation procedures used to render professional terminological units into a different language. To achieve the aim set in the course of the present study it is also necessary to resort to the cognitive theory of translation based on the concept that the units of translation constitute the minimum mental units.

Methodologically it is also worth mentioning that the issue of terminology in linguistics in general and PR terminology in particular is one of the most complex ones, as different scientists tend to distinguish certain particularities of this phenomenon. Terminology as a separate scientific discipline of linguistics owns its emergence to three major researchers. They are the Austrian Wüster, the Latvian Ernst Drezen and the Russian Dmitriy Lotte, whose ideas are reviewed in the current study [32–34].

Results and Discussion

In the globalizing world, terminology is one of the entities due to which different mental spaces of the professionals of the world speaking different languages get harmonized. The shared concepts are verbalized in various languages by similar word- and sound- forms. It is terminology that defines the information content of a specific text, providing certain clues to organize, structure and encode/ decode specialized information.

The wide usage of PR terminology being a distinctive feature of the language for special purposes, is marked for its theoretical significance and practical application, as the sphere presupposes the mass communication with the audience. The initial definition of this communicative practice was given by the Chartered Institute of Public Relations in 1948: ‘Public relations practices is the planned and sustained effort to establish and maintain goodwill and mutual understanding between an organization and its publics’ [30]. Later the definition was extended to the following: ‘Public relations is the discipline which looks after reputation, with the aim of earning understanding and support and influencing opinion and behavior. It is the planned and sustained effort to establish and maintain goodwill and mutual understanding between an organization and its publics’ [30]. In essence, these definitions mean that public relations are about reputation: the result of what you do, what you say and what others say about you’. All in all, PR is the practice of managing reputation [29].

It should be noted that although PR practices have widely been spread in the West since the 1920s [6], the official establishment of the professional sphere of public relations in Russia dates back to 1988, following certain transformations in political and social life of the country, including the setting up of the marketing system, the advent of international companies and public services, as well as the emergence of first international PR agencies in Moscow. The development of business activity contributes to the emergence of the first domestic firms that provide the simplest PR services. However, from the mid-1990s only PR started to evolve vigorously in Russia, which was connected with the real growth of Russian agencies that borrowed foreign experiences and adapted them to internal needs. Moreover, PR terminology has actively taken use of the terms of other academic disciplines and other fields of knowledge. The development in the social sphere and the emerging information market reflect the changing structure of mass consciousness and transformation of the worldview.

PR Terminology

Terminology as a separate scientific discipline is associated with “a set of needs, a set of practices, and a unified field of knowledge [15. P. 182]. Following the M.T. Cabré, a French scholar, we distinguish PR terminological units as multidimensional entities, given their functions as units of specific knowledge, units of special purpose language and units of professional communication. Terminology can also be understood as a set of all terms of a certain branch of scientific or professional activity comprising subject specific vocabulary [19. P. 62].

Although it is claimed that terminological space precedes the emergence of a term [16. P. 132], the idea is not valid for the present study, as PR is a new field of professional activity for Russia, and the emergence of the terms fostered the creation of terminological space.

The Russian school of terminology recognizes terms as words, compound words and multi-word expressions that acquire special meanings [18] within a subject oriented discourse. G.O. Vinokur stated that « any word can act as a term, <...> a term is not a special word, but only a word in a special function, the function of naming a special concept, the name of a special object or phenomenon» [18. P. 49]. According to A.A. Reformatsky, an outstanding scholar “terms are special words, limited by their special purpose; words that strive to be unambiguous as the exact expression of concepts and the naming of things [19. P. 61].

Scholars also speak about definiteness and determinacy when it comes to terminological standardization [17].

Given the particularities of the professional discourse of PR we are to speak of terms, which are equivalent to subject specific terms, professionalisms and jargonisms, distinguishing certain differences among them. Terms are

neutral, well-known to ordinary people and semantically easily decoded units. Professionalisms should also be distinguished from jargonisms, which can be defined as a code within a code, that are imposed on the dictionary meaning of the words¹.

The semantic structure of professionalisms is not easily understood due to their metaphorical and metonymical character. Unlike professionalisms that are used by the people connected by common interests, jargonisms are used for the purpose to preserve secrecy within a certain social group. Professional jargon units function in the work place communication of the representatives of different professions [35].

The present study concentrates on subject specific terms functioning in professional PR discourse. On par with the development of PR practices in Russia its terminological system started to take shape in the Russian language. As the whole sphere was borrowed from the English-speaking countries, not only the terminology, but the concepts and the whole PR conceptual field was adopted and adapted for the use in Russia. Within the framework of cognitive approach the concept system rather than traditional terminology is given special prominence [36]. PR terminology fostered the development of PR discourse with its special characteristic features of suggestive language and mind-shaping influence.

Cognitive linguistics considers these verbalized entities reflecting certain concepts in the minds of professional speakers as mental units of public consciousness, that represent the speakers' worldview. New terminological units borrowed by the Russian language contribute to the development of the professional sphere, promote the advance of knowledge and expand the vocabulary. They also constitute certain challenges for linguodidactics [37]. This includes not only the enrichment of the professional vocabulary, but the everyday one as PR becomes part of everyday life and common communication practice. Moreover, in terms of cognitive approach we see a liaison between the new vocabulary coming into the language and the formation of a new worldview.

English PR terminology that entered the Russian language was unusual linguistically and culturally as both nations did not share the same PR conceptual framework. As both – the concepts and the words that embodied them were unfamiliar in Russian culture, it was problematic to find the appropriate equivalents in the Russian language not only because the two nations saw the reality differently, but because PR conceptual field was unfamiliar for the Russian speaking people. It is necessary to analyze the

---

¹ Ozhegov, S.I. (1992). *Tolkovyj onlajn-slovar` russkogo yazy'ka* [Explanatory online dictionary of the Russian language]. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/search?s=%D0%B6%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%BD> (accessed: 10.02.2022).

strategy that was used for the assimilation of the English PR terminology and making it a part of the Russian language vocabulary. To translate into another language, the terminological units, which concepts did not exist in the worldview of other nation, is a great problem. It was necessary to find equivalents for PR terminological units of the language of the nation of different cultural and historical settings. The task of the translation is to convey concepts from one language into another, which does not mean the planting of the concepts in another language, but their formal and conceptual transformations to inscribe in the paradigm of other nations. As not only signs are borrowed by other nations, but they are borrowed together with the concepts they indicate. Terminology is a conceptual entity and its use in another culture gives new senses to the original one.

PR Terminology Translation

The term “translation” originated in Latin implying “carrying across” or “bringing across”. On par with being a science it is also a skill [3], which demands creativity on part of a translator to carry out certain procedures. In the traditional theory researchers do not confine the definition of translation to mere transference of meaning, but extended it to ‘reproducing in the receptor language the closest natural equivalent of the source language message’, both in terms of meaning and in terms of style [3. P. 12]. When dealing with PR terminology translation we shall bear in mind the definition of translation as ‘the expression in the receptor or target language of what has been expressed in another, source language, preserving semantic and stylistic equivalences [38. P. 5–6]. In case of PR terminology translation from the source language into the Russian language we cannot speak about equivalents in the target language, but other forms of rendering the semantic and stylistic elements. It means the transfer of not only terms but their concepts as well.

Table 1 shows how English PR terminological units (SL) are rendered in the Russian language (TL) by means of different translation procedures

When transferred from English PR terms were seen differently from the Western images as every language is noted for its particular, culturally specific connotation. PR terminology translation was a difficult task for the translators, who were not to limit themselves with the replacement of “a written message and/or statement in one language by the same message and/or statement in another language” [22], their task dealt with the introduction of new concepts in the mentality of the people for whom PR technologies were a novelty. Every translated PR terminological unit was difficult to understand and interpret due to the lack of PR conceptual field in Russian mentality and culture as this cross-linguistic action required “a lot of effort to find similar modes of expression and cross culturally demand for parallel social sets” [39].

Table 1

PR terminological units and suggested procedures of their translation into Russian

English language	Russian language	Procedures of translation	Interpretation
by-liner	bai-lainer/ avtorskaya statja	transliteration+ modulation	an article with distinct authorship
corporate event	korporativnoe sobytie	transliteration+ calque	an event for the employees of the company
field research	polevoe issledovanie	calque	a research conducted on the spot
gatekeeper	geitkiper	transliteration	a person on guard of the company's reputation
Giffen effect	effect Dzhiffena	calque	a paradox describing an increase in demand resulting from a price increase
growth-hacking	"Growth-hacking"	barbarism	hacking mechanisms to boost sales for minimum cost
media-kit	press kit	modulation+ transliteration	a collection of texts or information about a company/a product to inform the journalist
round-up article	obzornaya statja	modulation	an article describing the general state of affairs connected with the market in question
PR tailor	PR spezialist	barbarism+modulation	a PR expert, practitioner
press-release	press-reliz	transliteration	information about the new product or corporate activities
tender	tender	transliteration	a competing for the best PR campaign project

When looking for equivalents for PR terminology in the target language, one could rely on monolingual dictionaries and PR books. Some of PR terms were phrases or idiomatic expressions which meaning could be understood as a unique whole. PR translator had to be very careful not to make inaccurate and inadequate translation as there were no readymade PR terminology equivalents in the Russian language. PR language is aimed at not only persuading people of their ideas but guiding them. Translators should be aware of the fact that PR terms may be highly meaningful in the source language and meaningless in the target one. PR texts change shape of the thoughts of the recipients and change the way they think.

Translation Strategy

Translation strategy is defined as “a potentially conscious procedure for the solution of the problem which an individual is faced with when translating a text segment from one language to another” [40]. Everything in translation strategies

imply the way translators strive to get over the difficulties they confront by trying to find a proper translation solution by means of correct translation procedures. Some theorists of translation reduce translation strategies to such as: “extension, amplification, compression, discursive creation, description, generalization, particularization, reduction, paralinguistic or linguistic substitution, and variation” [41]. Others expanded them to eighteen translation procedures, among them being adaptation, amplification, compensation, equivalence, explication, modulation, omission, transposition calque, loan, literal translation [22]. Adaptation, calque, equivalence, modulation, borrowing, literal translation and transposition are the translation procedures that were distinguished by Canadian scholars Vinay and Darbelnet [23]. Such procedures could be useful “either as tools for the study of completed translation (the analytic mode), or as helpmates in the act of translation (the operative mode)” [41].

Before getting to discuss the translation procedures used in the sphere of public relations it is also important to establish the notion of the unit of translation, which deals with cognitive ideas rather than terminological units. Jean-Paul Vinay and Jean Darbelnet define the unit of translation as “the smallest segment of the utterance whose signs are linked in such a way that they should not be translated individually” [23]. In the translation practice units of translation are nothing else but the units of thought that render the same concept in a different language, emphasizing their different cultural and linguistic aspects. Translation units are helpful tools to bridge the semantic gap between diverse cultures expressed in different languages. They are surface units that connect SL (source language) and TL (target language). Translation shifts are necessary to achieve the cognitive translation.

To render PR terminology translators employ such translation procedures as: borrowing, calque and modulation. These procedures have been used to foster the process of overcoming the PR terminological gap and to balance the PR professional concepts. It is necessary to recapitulate the essence of the well-established translation procedures [22] when applied for the sphere of public relations.

Borrowing

Borrowing is originally defined as the process of transmitting of words from the SL into the TL to fill in the conceptual gap existing between different cultures. It means that in the target language there exist no concepts and consequently the terms to denote them. In the present study we distinguish two types of borrowings: transliteration, when the words are rendered letter by letter by means of the Cyrillic alphabet (for example, press-release), and barbarisms, the lexical units which are taken directly from the English language (SL) and which pertain their original Latin alphabet form in the Russian language (TL). It should be noted, that barbarisms exist mainly within the abbreviation [42] (for example, POS, PR, BTL, MDA, SMM).

Calque

This procedure also borrows SL concepts and word forms to translate literally each of their elements into the TL. In translation terms we deal with lexical calques, as a result of which new terminological units and expressions emerge in the TL (e.g., target audience). Calques are not numerous for the sphere of PR, as the TL does not have its own corresponding concepts to render the notion from the SL.

Modulation

Modulation implies the process of adapting awkward sounding in the TL terms and terminological expressions to satisfy the phonetical and morphological norms of the TL. Modulation usually operates at the level of compound terms or expressions (e.g., a round-up article).

Interpretation

Translation act is inalienable from interpretation, as sometimes terminological units need to be explained to introduce them into the conceptual field and the Russian language dealing with PR processes (e.g., *growth hacking* — hacking mechanisms to boost sales for minimum cost, *astroturfing* — simulation of broad public support disguised as if it originates from grassroots participants).

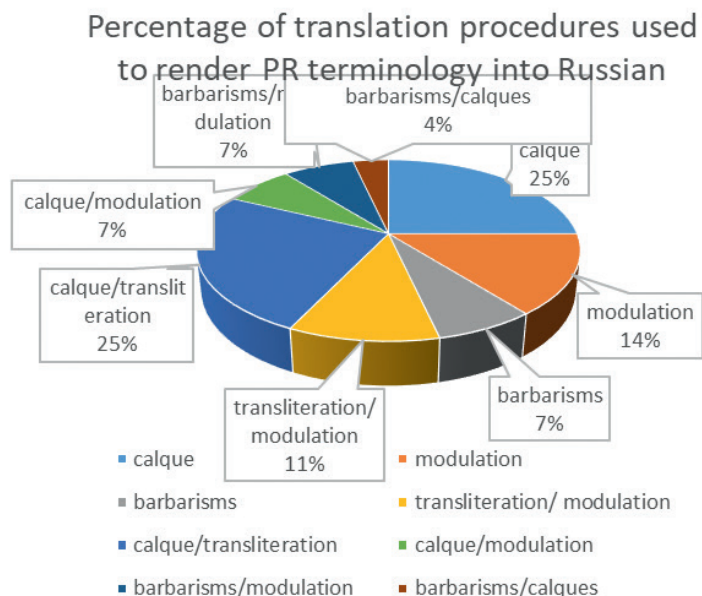
To translate PR terminological units into the Russian language such procedures as borrowing (including transliteration and barbarism), calques and modulation are most frequently used. These terminological units as ‘target audience’, ‘field research’ — include the procedure of calque. Transliteration procedures which serve the translation of such units as ‘benchmarking’, ‘by-liner’, ‘gate-keeper’ and ‘corporate event’ are calque + transliteration. Most prominent terminological units include borrowings, pertaining their Latin form — barbarisms. The examples include *growth hacking*, *product placement* and mostly concern abbreviations as an inalienable part of PR professional terminology.

The analysis of the PR terminology translation has demonstrated that there are no recognized or generally accepted solutions for their translation. And translators couldn't follow the guidelines, which indicate how to translate PR English terms. There are no translations of a great number of English PR terms and they are transmitted in the target language in their original English form.

Some PR terminology requires more than one translation strategy to be used by the translator. The conducted analysis has revealed that procedures most frequently used for PR terminological translation are calque + transliteration (25 %), calque (25 %), modulation (14 %), modulation + transliteration (11 %). The pie chart in Picture 1 shows in the majority cases during the PR terminological translation translators apply an untraditional procedure combining two procedures simultaneously (calque + borrowing). It means that the process of reconciliation

of different mental spaces is under way. Modulation is used to assimilate unknown PR terminological concepts in the new linguocultural environment and harmonize the divergence of different conceptual fields.

The conducted analysis of the applied translation procedures used to render English PR terminological units into the Russian language has yielded a vivid result indicating the prevalence of transliteration, barbarisms and calques (see fig.).

A chart pie reveals the percentage of different translation techniques. The overall study of lexical units amounted to 576 is quite convincing to speak about the validity of the results

PR terminology is determined by the specific profession which causes the semantic gap between the source and target languages and cultures. Translators do not always render the details of PR terminology due to the lack of common professional conceptual fields and differences in norms and conventions between the English and Russian languages. The results of the study testify to the fact that speakers of various languages and cultures start thinking alike, which is revealed in the sharing of identical English words borrowed, calqued or modified into different languages. PR terminology is the best pattern to illustrate all of the translation transformations and modifications which currently take place in the professionally oriented language.

Conclusion

In conclusion it should be said that a standardized terminology can facilitate professional communication within the domain of public relations. To standardize PR terminology, it is necessary to compile a reliable English-Russian PR dictionary with mostly used PR terms to expedite the process of PR texts translation.

Globalization renders all culture differences redundant making way for a unified and standardized global thinking, which cannot but be revealed in language.

The local background knowledge of different language speakers becomes less important, as the reality of global-specific elements of the modern development gains prominence. The new concepts are generally rendered through borrowings (transliteration or barbarisms), calque and modulation, which contributes to the shared mental space, verbalized identity in different languages. In these circumstances, it should be underlined that public relations play a leading role in promoting certain vision, ideas and values. By creating a positive image of a company PR experts appeal to the most urgent issues, relevant for the time-being and for all the people.

In rendering PR terminology professional translators are indispensable for constructing intercultural communication in the globalizing world. Shared professional terminology used by specialists of various fields of different countries contributes to the formation of the common mental space for international terminology which is a key to the universal language of the planet.

References

1. Novospasskaya, N.V. & Lazareva O.V. (2021). Linguistic Dominants of Grammar and Lexis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 537–546. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546> (In Russ.).
2. Lazareva, O.V. (2019). Functional Semantics and Linguosemiotics: modern trends. *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics*, 10(4), 731–739. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-731-739> (In Russ.).
3. Nida, E. & Taber, C. (1969). *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E.J. Brill.
4. Kim, R. (2006). Use of Extralinguistic Knowledge in Translation. *Meta*, 51(2), 284. <https://doi.org/10.7202/013257ar>
5. Vishnyakova, O., Minyar-Beloroucheva, A., Sergienko, P. & Vishnyakova, E. (2020). Harmonizing different cognitive styles through reading. In: T.V. Petkova & V.S. Chukov (Eds.) *5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences: Conference Proceedings*. Belgrade: Center for Open Access in Science. pp. 32–44. <https://doi.org/10.32591/coas.e-conf.05.02017v>
6. Bernays, E. (1923). *Crystallizing Public Opinion*. Whitefish: Kessinger Publ.
7. Jensen, I. (2001). *Emerging functions in the public sphere*. Bledcom.
8. Sergienko, P., Minyar-Beloroucheva, A., Vishnyakova, O. & Vishnyakova, E. (2021). Social PR campaign in promoting sustainable education within urban environment. In: *SHS Web of Conferences* no. 98. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219805033>
9. Robinson, D. (2003). *Becoming a Translator: An Introduction to the Theory and Practice of Translation*. Abingdon: Routledge.
10. Marais, K. (2018). *A (Bio)Semiotic Theory of Translation. The Emergence of Social-Cultural Reality*. London—New York: Routledge.
11. Kourdis, E. & Petrilli, S. (2020). Introduction: Translation and Translatability in Intersemiotic Space. *Punctum. International Journal of Semiotics*, 6(1), 5–14. <https://doi.org/10.18680/hss.2020.0001>
12. Hudeček, L. & Čutuk, I. (2017). Croatian Public Relations Terminology — Overview and Guidelines for Terminological Regulation. URL: http://www.commreview.hr/download/documents/read/hudecek-cutuk_35 (accessed: 23.02.2022). <https://doi.org/10.22522/cmr20170222>

13. Nelyubova, N.Yu., Dugalich, N.M. & Ershov, V.I. (2021). Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1051–1074. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>
14. Nelyubova, N.Yu., Semina, P.S. & Kazlauskene, V. (2020). Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990> (In Russ.).
15. Cabré, M.T. (2003). Theories of terminology, their description, prescription and explanation. *Terminology*, 9(2), 163–199.
16. Sageder, D. (2010). Terminology Today: A science, as art or a Practice? Some Aspects on Terminology and its Development. *Brno Studies in English*, 36(1), 123–134.
17. Weissenhofer, P. (1995). *Conceptology in Terminology Theory, Semantics and Word Formation*. Vienna: TermNet.
18. Vinokur, O.G. (1939). O nekotoryh javlenijah slovoobrazovanija v russoj tehničeskoj terminologii [On Some Phenomena of Word-Formation in Russian Technical Terminology]. In: *Istorija otechestvennogo terminovedenija: Klassiki terminovedenija* [History of Russian Terminology Science: the Classics of Terminology Science]. Moscow: Moscow Liceum. (In Russ.).
19. Reformatsky, A.A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
20. Grinev-Griniewicz, S.V. (2008). *Terminology*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
21. Grinev-Griniewicz, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.M. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> (In Russ.).
22. Newmark, P. (1988). *A Textbook of Translation*. London—New York: Prentice Hall Print.
23. Vinay, J.-P. & Darbelnet, J. (2000). A Methodology for Translation. In: *A Methodology for Translation*, J.C. Sager & M.-J. Hamel (eds.). Amsterdam: John Benjamins.
24. Fedorov, A.V. (1984). *Osnovy` obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy`)* [Fundamentals of the General theory of translation: linguistic issues]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
25. Garbovsky, N.K. (2017). *Translation Theory*. Moscow: Yurajt. (In Russ.).
26. Nikolich, M. & Novospasskaya, N.V. (2013). Kinship Terms in the Russian and Serbian Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 74–78.
27. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors of translation of Tuvan proverbs in the aspect of normative and polylingual paremiography (against the background of Russian and English languages). *New studies of Tuva*, 1, 17–36. <https://doi.org/10.251178/nit.2022.1.2>. (In Russ.).
28. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Language and Intercultural Communication*. Moscow: Slovo. (In Russ.).
29. Grunig, J.E. & Hunt, T. (1984). *Managing Public Relations*. Holt: Rinehart & Winston.
30. Wolstenholme, S. (2013). *Introduction to Public Relation*. Harlow: Pearson Education Limited.
31. Reid, E. (2014). Authentic Materials in Developing Intercultural Communicative Competences. In: *International Conference on Language, Literature and Culture in Education — LLCE2014*. Nitra. pp. 160–167.
32. Wüster, E. (1979). *Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography*. Wien: Springer.
33. Lotte, D.S. (1961). *Osnovy` postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Fundamentals of establishing scientific and technical terminology]. Moscow. (In Russ.).
34. Drezen, E.K. (1934). *Standartizaciya nauchno-tekhnicheskikh ponyatij, oboznachenij i terminov* [Standardization of scientific and technical concepts, designations and terms]. Moscow: Standartizatsiya i ratsionalizatsiya. (In Russ.).

35. Rebrina, L. & Generalova, L.M. (2019). Professional jargon units in workplace communication (by the example of professional languages of miners, oilmen, railway workers and ambulance doctors). In: *IOP Conference Series Materials Science and Engineering*, 483(1), 012089. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/483/1/012089>
36. Temmerman, R. (2000). *Towards New Ways of Terminology Description. The Sociocognitive Approach*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins.
37. Minyar-Beloroucheva, A., Sergienko, P., Vishnyakova, E. & Vishnyakova, O. (2020). New Linguodidactic Challenges in Teaching Professionally Oriented English as Referred to PR-Education. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, Future Academy*, 97, 539–547. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.72>
38. Bell, R.T. (1991). *Translation and Translating: Theory and Practice*. London—New York: Longman.
39. Mattiolo, E. (2007). *Keeping Lexical Complexity in Slang Translation*. Pisa: University of Pisa publ.
40. Lorsch, W. (1991). *Translation Performance, Translation Process, and Translation Strategies. A Psycholinguistic Investigation*. Tübingen: Narr.
41. Hurtado, A.A. (1999). *Enseñar a Traducir. Metodología en la formación de traductores e intérpretes. Teoría y fichas prácticas*. Madrid: Edelsa. (In Spanish).
42. Minyar-Beloroucheva, A., Sergienko, P., Vishnyakova, E. & Vishnyakova, O. (2020). Semantic and cognitive communicative aspects of abbreviation in the modern English discourse varieties. *International Journal of English Linguistics*, 10(1), 26–36. <https://doi.org/10.5539/ijel.v10n1p26>
43. Ershov, V.I., Nelyubova, N.Yu. & Semenov, A.L. (2013). Translation — culture — system. *Russian Journal of Linguistics*, (4), 11–17. (In Russ.).
44. Krasina, E.A. & Jabballa, M.X. (2018). Code-Switching: State-of-the Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(2), 403–415. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415>

Библиографический список

1. Новоспаская Н.В., Лазарева О.В. Лингвистические доминанты грамматики и словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 537–546. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546> (In Russ.).
2. Лазарева О.В. Функциональная семантика и лингвосомиотика: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. №4. С. 731–739. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-731-739>
3. Nida E., Taber C. *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E.J. Brill, 1969.
4. Kim R. Use of Extralinguistic Knowledge in Translation // *Meta*. 2006. № 51(2). P. 284. <https://doi.org/10.7202/013257ar>
5. Vishnyakova O., Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P., Vishnyakova, E. Harmonizing different cognitive styles through reading // T.V. Petkova & V.S. Chukov (Eds.) 5th International e-Conference on Studies in Humanities and Social Sciences: Conference Proceedings. Belgrade: Center for Open Access in Science, 2020. P. 32–44. <https://doi.org/10.32591/coas.e-conf.05.02017v>
6. Bernays E. *Crystallizing Public Opinion*. Whitefish: Kessinger Publ., 1923.
7. Jensen I. *Emerging functions in the public sphere*. Bledcom, 2001.
8. Sergienko P., Minyar-Beloroucheva A., Vishnyakova O., Vishnyakova E. Social PR campaign in promoting sustainable education within urban environment // SHS Web of Conferences. 2021. № 98. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219805033>
9. Robinson D. *Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation*. Abingdon: Routledge, 2003.

10. *Marais K.* A (Bio)Semiotic Theory of Translation. The Emergence of Social-Cultural Reality. London—New York: Routledge, 2018.
11. *Kourdis E., Petrilli S.* Introduction: Translation and Translatability in Intersemiotic Space // *Punctum. International Journal of Semiotics*. 2020. № 6(1). P. 5–14. <https://doi.org/10.18680/hss.2020.0001>
12. *Hudeček L., Čutuk I.* Croatian Public Relations Terminology — Overview and Guidelines for Terminological Regulation. 2017. Режим доступа: http://www.commreview.hr/download/documents/read/hudecek-cutuk_35 (дата обращения: 23.02.2022). <https://doi.org/10.22522/cmr20170222>
13. *Nelyubova N.Yu., Dugalich N.M., Ershov V.I.* Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1051–1074. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>
14. *Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Казлаускене В.* Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
15. *Cabré M.T.* Theories of terminology, their description, prescription and explanation // *Terminology*. 2003. № 9(2). P. 163–199.
16. *Sageder D.* Terminology Today: A science, as art or a Practice? Some Aspects on Terminology and its Development // *Brno Studies in English*. 2010. № 36(1). P. 123–134.
17. *Weissenhofer P.* Conceptology in Terminology Theory, Semantics and Word Formation. Vienna: TermNet, 1995.
18. *Винокур О.Г.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // история отечественного терминоведения: классики терминоведения. М.: Московский лицей, 1939.
19. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.
20. *Гринева-Гринева С.В.* Терминоведение. М.: Академия, 2008.
21. *Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А.* Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
22. *Newmark P.* A Textbook of Translation. London—New York: Prentice Hall Print, 1988.
23. *Vinay J.-P., Darbelnet J.* A Methodology for Translation // *A Methodology for Translation*. J.C. Sager, M.-J. Hamel (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2000.
24. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1984.
25. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Юрайт, 2017.
26. *Николич М., Новоспаская Н.В.* Термины родства в русском и сербском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 1. С. 74–78.
27. *Бредис М.А., Иванов Е.Е.* Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
28. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
29. *Grunig J.E., Hunt T.* Managing Public Relations. Holt: Rinehart & Winston, 1984
30. *Wolstenholme S.* Introduction to Public Relation. Harlow: Pearson Education Lmted, 2013.
31. *Reid E.* Authentic Materials in Developing Intercultural Communicative Competences // International Conference on Language, Literature and Culture in Education — LLCE2014. Nitra, 2014. P. 160–167.
32. *Wüster E.* Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography. Wien: Springer, 1979.
33. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.

34. Дрезен Э.К. Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов. М.: Стандартизация и рационализация, 1934.
35. Rebrina L., Generalova L.M. Professional jargon units in workplace communication (by the example of professional languages of miners, oilmen, railway workers and ambulance doctors) // IOP Conference Series Materials Science and Engineering. 2019. № 483(1). P. 012089. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/483/1/012089>
36. Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description. The Sociocognitive Approach. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2000.
37. Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P., Vishnyakova E., Vishnyakova O. New Linguodidactic Challenges in Teaching Professionally Oriented English As Referred To PR-Education // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, Future Academy. 2020. № 97. P. 539–547. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.72>
38. Bell R.T. Translation and Translating: Theory and Practice. London—New York: Longman, 1991.
39. Mattiello E. Keeping Lexical Complexity in Slang Translation. Pisa: University of Pisa publ., 2007.
40. Lorsch W. Translation Performance, Translation Process, and Translation Strategies. A Psycholinguistic Investigation. Tübingen: Narr, 1991.
41. Hurtado A.A. Enseñar a Traducir. Metodología en la formación de traductores e intérpretes. Teoría y fichas prácticas. Madrid: Edelsa, 1999.
42. Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P., Vishnyakova E., Vishnyakova O. Semantic and cognitive communicative aspects of abbreviation in the modern English discourse varieties // International Journal of English Linguistics. 2020. № 10(1). P. 26–36. <https://doi.org/10.5539/ijel.v10n1p26>
43. Ершов В.И., Семенов А.Л., Нелюбова Н.Ю. Перевод — культура — система // Russian Journal of Linguistics. 2013. № 4. С. 11–17.
44. Krasina E.A., Jabballa M.X. Code-Switching: State-of-the Art // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. P. 403–415. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415>

Information about the authors:

Alla P. Minyar-Beloroucheva, D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University; *e-mail*: ostvera@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9760-3857

Polina I. Sergienko, Ph.D. in Philology, Lecturer of the Department of English for the Humanities Faculties of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; *e-mail*: poserg@bk.ru
ORCID: 0000-0002-8443-1654

Сведения об авторах:

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: ostvera@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9760-3857

Сергиенко Полина Ивановна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и востоковедения МГУ им. М.В. Ломоносова; *e-mail*: poserg@bk.ru
ORCID: 0000-0002-8443-1654

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-785-800

EDN: QNSJKV

УДК 811.134.2'22:784:94(460).088.2

Научная статья / Research article

Семиотика песенного дискурса периода Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.)

Е.Г. Балан , О.С. Чеснокова

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 balan_el@mail.ru

Аннотация. Песенный дискурс как один из видов дискурса представляет особое поле для исследований. Музыкальное произведение, относящееся к определенному историческому контексту, является частью выражения культуры, памяти и идентичности народа. Цель исследования — интерпретация песенно-поэтических произведений периода Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг., одного из тяжелых этапов в истории страны, семиотический анализ песенных текстов двух враждующих сторон. Анализ текста песен позволяет определить ключевые особенности изображения военного конфликта в рамках лингвокультурного, лингвокогнитивного, социального и политического контекста. Определяется роль песенного дискурса как части пропаганды и способа сплочения против врага. Кроме того, актуальность исследования созвучна социально-политическому курсу Испании последних лет по работе с травматичным прошлым Гражданской войны и последующей диктатурой Ф. Франко. Материалом работы послужили песенные испаноязычные тексты о периоде Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Исследовательские методы — лексико-семантический, контекстуальный, корпусный анализ, методы семантической и прагматической интерпретации. Помимо исследования песенного дискурса периода Гражданской войны, анализируется песенный дискурс поствоенного периода. Авторы приходят к выводу, что песенно-поэтические тексты выступали эффективным инструментом для сплочения народа и быстрого донесения позиции конфликтующих сторон, укрепления пропаганды. На сегодняшний день музыкальные произведения проигравших в 1939 г. сторонников Республики и после 1939 г. попавшие под цензуру на территории Испании, продолжают пользоваться популярностью, с учетом кампаний испанских общественных организаций по поиску останков бойцов и увековечению памяти о жертвах Гражданской войны 1936–1939 гг. и диктатуры.

Ключевые слова: милитаристский дискурс, пропаганда

История статьи:

Дата поступления: 01.01.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

© Балан Е.Г., Чеснокова О.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Балан Е.Г., Чеснокова О.С. Семиотика песенного дискурса периода Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 785–800. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-785-800>

Semiotics of Song Discourse During the Spanish Civil War (1936–1939)

Elena G. Balan , **Olga S. Chesnokova**

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
 balan_el@mail.ru

Abstract. Song discourse, as a type of discourse, represents a special field research. A piece of music related to a certain historical context is part of the expression of culture, memory and identity of the nation. The aim of the study is the interpretation of song and poetry works from the period of the Spanish Civil War (1936–1939), one of the difficult stages in the history of the country, as well as a semiotic analysis of the song texts of the two fighting parties. The analysis of the lyrics makes it possible to determine the key features of the depiction of the military conflict within the linguocultural, linguocognitive, social and political context. The role of song discourse as part of propaganda and a way to rally the population against the designated enemy is defined. In addition, the relevance of the study is consonant with the socio-political course of Spain in the last few years to deal with the traumatic past of the Civil War and the consequent dictatorship of F. Franco. The material of the study is Spanish-language song texts about the period of the Spanish Civil War (1936–1939). The main research methods are lexical-semantic, contextual, corpus analysis, methods of semantic and pragmatic interpretation. In addition to the study of the song discourse of the Civil War period, the song discourse of the post-war period is also analyzed. The authors conclude that song and poetry texts acted as an effective tool for rallying the people and quickly conveying the position of the conflicting parties, strengthening propaganda. To date, the musical works of the supporters of the Republic who lost the war in 1939 and after 1939, which were censored in Spain, basking in the popularity, given the campaigns of Spanish public organizations to search for the remains of soldiers and perpetuate the memory of the victims of the Civil War of 1936-1939 and the dictatorship.

Keywords: militaristic discourse, propaganda

Article history:

Received: 01.01.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Balan, E.G. & Chesnokova, O.S. (2023). Semiotics of Song Discourse During the Spanish Civil War (1936–1939). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 785–800. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-785-800>

Введение

В статье исследуется консолидирующая роль песенных произведений периода Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. На материале 18 произведений интерпретируются их лексико-семантические особенности, последующая трансформация содержания в культурной памяти поколений в поствоенный период. Песни периода столь масштабных конфликтов характеризуются очевидными милитаристскими дискурсивными чертами, романтизацией военного подвига, наличием фигуры героя-солдата, дегуманизацией противника. Тексты, содержащие травматичные изображения горя и смерти, надолго сохраняются в коллективной памяти народа и способны стать частью его идентичности.

Целью исследования является интерпретация музыкальных произведений периода Гражданской войны. Материалами статьи стали следующие тексты: *A Las Barricadas*, *Viva La Quinta Brigada*, *Marcha De Las Brigadas Internacionales*, *Himno De Riego*, *Marineros*, *El Madrid De Noviembre*, *No Pasarán*, *Hijos Del Pueblo*, *Los Cuatro Generales*, *Cara Al Sol*, *El Camarada*, *Falangista Soy*, *Himno De La Bandera Gallega De Falange*, *Isabel Y Fernando*, *Novio De La Muerte*, *Himno De La Legión*, *Oriamendi*, *Prietas Las Filas*. Анализируются лингвокультурный, лингвокогнитивный, социальный и политический контексты данных произведений, с особым акцентом на военном конфликте периода их создания, интерпретируются особенности пропаганды в музыкальных произведениях, устанавливаются сходства и различия текстов, составленных противоборствующими сторонами.

Методологически принципиальным мы считаем мнение А.А. Кибрика о том, что различные типы дискурса следует рассматривать не ситуативно, а на основе ясных критериев, позволяющих отличить один тип от других [1. С. 6–11]. Песенный дискурс — один из видов дискурса. Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю дискурс (от франц. *discours* — речь) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [2]. По ставшему классическим определению Н.Д. Арутюновой, «дискурс — это речь, „погруженная в жизнь“» [3. С. 137]. Е.А. Красина подчеркивает, что «соотношение дискурса, высказывания и речевого акта подтверждают предлагаемое понимание высказывания как дискретной единицы синтаксического континуума, обращенной одной стороной к языку, а другой к речи» [4. С. 99]. Как писал Ю.С. Степанов, дискурс существует и реализуется прежде всего посредством текстов, за которыми «встаёт особый мир — возможный (альтернативный) мир» [5. С. 44]. Ю.С. Степанов также подчеркивает ментально-идеологическое содержание понятия дискурса как «особое использование языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии» [5. С. 38]. В настоящее время существуют различные школы дискурс-анализа [6]. Для исследуемого материала нам кажется методологически удачным следующее

определение дискурса: дискурс — это логически обоснованный, аргументированный «специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)» [7].

Песня в период военных действий и социальных потрясений может выполнять консолидирующую функцию для общества, а условия несложности мотива, повторяемости слов, частого упоминания лирического персонажа, с которым современник может себя ассоциировать, превращают песенный дискурс в эффективный инструмент информационной пропаганды и убеждения. Предлагаемый в статье подход к анализу песенного дискурса Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. коррелирует с ведущими современными принципами анализа языка, а именно содержательной и методологической полипарадигмальностью.

Песенный дискурс как часть пропаганды в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.

История конфликта и память о нем

Гражданская война началась в 1936 году после попытки государственного переворота периода Второй Республики и завершилась в 1939 г. победой националистов и сторонников ультраправой партии *Falange Española* (Испанская Фаланга) во главе с Ф. Франко, который вплоть до своей смерти в 1975 г. оставался у власти. Последующие годы после смерти диктатора характеризуются переходом к демократии (исп. *la transición*) и затянувшимся на несколько десятилетий политическим и общественным молчанием: так называемым «пактом забвения» (исп. *el pacto del olvido*). Пакт забвения является целенаправленным замалчиванием преступлений диктатуры в период Гражданской войны и после, чтобы сохранить в постфранкистском обществе «мир» и «единство» между ранее враждовавшими сторонами. Только спустя почти три десятилетия Испания, главным образом в лице третьего послевоенного поколения, начинает дискуссию о своем трагическом прошлом, где один из его первых этапов — это эксгумация братских могил [8]. Важно подчеркнуть, что именно внуки тех, кто сражался в 1936–1939 гг., оказываются готовыми говорить, и, главное, требовать от государства расследования преступлений начиная с 1936 г.

Это закономерно. Первое поколение, испытавшее все тягости войны, подчас психологически не готово вспоминать пройденное. Второе поколение, как правило, сохраняет это молчание и, что довольно часто, страшится прошлого, но третье поколение формируется в другое время, способное обращаться к частной памяти — прошлому своей семьи, и к памяти культурной — событиям, затронувших всю страну [9]. После войны, диктатуры

и продолжительного замалчивания фактов на рубеже веков в Испании начинается активное изучение Гражданской войны и преступлений режима Ф. Франко. В конце 1990-х исследователи проводят эксгумацию массовых захоронений времен войны. В этом процессе одну из важных ролей играет созданная в 1999 г. Ассоциация по восстановлению исторической памяти (*La Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica, ARMH*). Позиция Ассоциации заключается в том, что государство обязано возмещать ущерб родственникам погибших и репрессированных в период войны и после. Эта политика организации указана на их официальном сайте: «*ningún familiar debe costear la búsqueda de sus propias víctimas, ya que debería ser propio Estado el que se hiciera cargo de la reparación de los afectados y reparar la violación de los derechos humanos cometidos durante la Guerra Civil Española y la dictadura franquista*» [10].

Гражданская война, ставшая переломным периодом для испанского общества, установившаяся после нее диктатура, молчание о преступлениях и слом этого молчания, являются теми событиями, которые влияют на политический и общественный ландшафт и в настоящее время, начиная от переименования улиц до возвращения гражданства людям, вынужденным бежать из страны в 1930-е и последующие годы.

Музыкальные произведения и пропаганда

Неотъемлемой частью любого конфликта становится массив пропаганды, которую производит каждая из сторон, что запечатлено плакатах, карикатурах, кинофильмах и др. и, конечно, в песнях.

Муньис Веласкес в своем исследовании перечисляет функции музыки как инструмента пропаганды в условиях военного конфликта:

- Снижение уровня критичности (*disminución de la capacidad crítica*).
- Символизация силы (*simbolización del poder*).
- Отвлечение или развлечение (*entretenimiento o diversión*).
- Укрепление и соответствие социальным нормам (*Reforzar y dar conformidad a las normas sociales*).
- Сплоченность социальной группы (*cohesión el grupo*), будь это политическая группировка, определённая церковь, нация, племя.
- Идеальная передача дополнительных сообщений (*portar terceros mensajes*) [11. С. 350–351].

На начальном этапе Гражданской войны существовало институциональное объединение, которое популяризировало музыку — Министерство пропаганды (исп. *Ministerio de Propaganda*), орган управления в республиканском правительстве в 1936–1937 гг. Среди функций подконтрольной министерству Делегации пропаганды и прессы (исп. *Delegación de Propaganda y Prensa*) было ведение информационной работы

посредством радио, кинематографа, СМИ, плакатов [12]. Взаимосвязь музыки и общества наблюдается в течение столетий. Музыка способна пробуждать сильные эмоции и служить орудием пропаганды. Музыка, помимо этого, идеально подходит для запечатления переживаний в памяти человека на нейронном уровне [13; 14], а песенно-поэтический текст выступает как креолизованный текст, соединяющий вербальную и музыкальную составляющие в единую эстетическую сущность.

Семиотический анализ песенных текстов

В документальном фильме «*Cantata de la Guerra Civil Española*» (2019) режиссер Алфонсо Доминго подчеркивает, что период Гражданской войны совпал с повсеместным использованием радио, это позволило музыке стать частью повседневной рутины и сражавшихся, и мирного населения. Л. Сарагоса Фернандес указывает также на роль концертов, организованных для солдат, громкоговорителей и устной передачи слов популярных песен в окопах и траншеях [15. С. 490]. В период войны и после создавались музыкальные произведения, а некоторые уже известные песни обретали популярность в условиях военного конфликта.

Мы рассмотрим 18 музыкальных произведений периода Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Приведены произведения как фалангистов и правых националистов: *Cara Al Sol*, *El Camarada*, *Falangista Soy*, *Himno De La Bandera Gallega De Falange*, *Isabel Y Fernando*, *Novio De La Muerte*, *Himno De La Legión*, *Oriamendi*, *Prietas Las Filas*, так и приверженцев Республики, левых и анархистов: *A Las Barricadas*, *Viva La Quinta Brigada*, *Marcha De Las Brigadas Internacionales*, *Himno De Riego*, *Marineros*, *El Madrid De Noviembre*, *No Pasarán*, *Hijos Del Pueblo*, *Los Cuatro Generales*.

Анализ корпуса приведенных песен на частотные слова показал, что в тексте песен у сторонников Фаланги наиболее употребительны следующие слова — *España* (16), *legionario* (14), *bandera* (10), *Patria* (8), *muerte/morir* (6/6), *vencer* (5), *Dios* (5), *luchar* (5), у сторонников Республики — *pueblo* (10), *España* (9), *Patria* (8), *(anti-) fascismo* (5), *morir* (5), *barricadas* (4), *bandera* (3), *combatir* (3). В песнях противоборствующих сторонах очевиден милитаристский дискурс: это повторение слов *Испания*, которую необходимо защитить, символов государства *флаг* (*bandera*), *народ* (*pueblo*), *родина* (*patria*), тенденция к дегуманизации врага и призывы к его уничтожению, нарратив, описывающий реалии солдата: *сражаться* (*luchar*), *победить* (*vencer*), *смерть/умереть* (*muerte/morir*). Такой текст призван мотивировать бойцов продолжать бой против врага, сплотиться вокруг своих лидеров, а частое обращение к смерти преподносится как плата за процветание страны и будущих поколений.

Приведём несколько цитат из выбранных произведений, которые иллюстрируют данную тенденцию милитаристского дискурса:

- I. «y bajo el plomo certero
cayó tendido a mis pies»
(El Camarada)
- II. «me hallará la muerte si me lleva
y no te vuelvo a ver»
(Cara Al Sol)
- III. «Falangista hasta morir o vencer. $\diamond$
Cuando estoy en las trincheras
dando la cara a muerte,
si muero sólo lo siento,
madrecita de mi vida»
(Falangista Soy)
- IV. «Nuestra sangre ha regado las tierras
que nosotros hemos de labrar $\diamond$
Por la España inmortal que nos guía,
adelante a morir o triunfar.»
(Himno De La Bandera Gallega De Falange)
- V. «supo morir como un bravo $\diamond$
Y al regar con su sangre la tierra ardiente»
(Novio De La Muerte)
- VI. «¡Legionario a luchar,
legionario a morir!» *(Himno De La Legión)*
«aunque nos espere el dolor y la muerte,
contra el enemigo nos llama el deber.»
(A Las Barricadas)
- VII. «morirán los fascismos sangrientos»
(Marcha De Las Brigadas Internacionales)
- VIII. «juremos por ella $\langle la patria \rangle$
vencer o morir»
(Himno De Riego)
- IX. «El pueblo está en las calles
quiere morir o triunfar»
(El Madrid De Noviembre)

X. «Serán ahorcados,
Serán ahorcados.»

(*Los Cuatro Generales*)

В песнях этого периода также очевидна и разная политическая и идеологическая ориентация противников. Защищавшие Вторую Республику — преимущественно левые, анархисты, интернациональные бригады, по другую сторону — ультраправые националисты, сторонники Фаланги и будущего диктатора Ф. Франко.

В музыкальных произведениях фалангистов повторяется образ Испании как страны, которая должна обрести былое могущество: «¡Arriba escuadras a vencer, que en España empieza a amanecer!» — *Cara Al Sol*; «que en España, que en España, empieza a amanecer» — *El Camarada*; «en la España inmortal que triunfará» — *Falangista Soy*; «salvemos a España del odio y traición» — *Himno De La Bandera Gallega De Falange*; «Nuestra España gloriosa nuevamente ha de ser la Nación poderosa que jamás dejó de vencer» — *Isabel Y Fernando*.

Приведенные цитаты — пример культивирования реваншизма внутри рядов фалангистов. В контексте Гражданской войны в Испании — это желание обрести былую мощь и авторитет среди других стран, избавиться от врагов внутри страны, «очистить» её от людей, которые мешают нации обрести всеобщее процветание. В песне «*Isabel Y Fernando*» довольно примечательно, что текст обращается к прошлому, к *Золотому веку* Испании. Воспевание католического короля и королевы, чей союз ознаменовал эпоху великой Испанской империи с ее заморскими колониями и долгое время несокрушимым морским флотом: «*De Isabel y Fernando el espíritu impera moriremos besando la sagrada bandera*», становится главным семиотическим центром песни.

Как было сказано ранее, сторонники Республики были в большинстве приверженцами левых политических идей. В текстах их песен наблюдается противопоставление уже популярным в этот период националистическим и фашистским идеям. В ряде песен образ Испании — это образ страны, страдающей от фашистов:

- XI. «morirán los fascismos sangrientos, en España habrá ya felicidad, Generales traidores a su patria del fascismo quieren saciar la sed» (*Marcha De Las Brigadas Internacionales*);
- XII. «por la España antifascista, a la guerra acero va, ¡Pasará!» (*No Pasará*);
- XIII. «En la batalla, la hiena fascista, por nuestro esfuerzo sucumbirá» (*Hijos Del Pueblo*);
- XIV. «Marchaos hitlerianos, Marchaos invasores» в произведении *Los Cuatro Generales* упоминаются данные строки, где *hitlerianos* и *invasores* — это союзные войска нацистской Германии и фашистской Италии, оказывавшие поддержку фалангистам. Текст *Los Cuatro Generales* написан по мотивам народной песни XVII века, переложенной затем на стихи Федерико Гарсия Лоркой «*Los Cuatro Muleros*» [16].

Интересно в этом контексте отметить исследование концепта РОДИНА-PATRIA в системе ассоциативных сетей русского и испанского языков, где респонденты из Испании в конце 1900-х гг. ассоциировали слово *родина* с такими негативными явлениями, как: *fascismo*-5 фашизм; *fascista*-1 фашист; *nacionalismo*-4 национализм [17. С. 306]. Исследователь объясняет столькую резкую критику как возможную реакцию на насаждение национализма в период диктатуры Франко (1939–1975 гг.) [17. С. 310; 18].

Распространенные в 1920-е и 1930-е гг. идеи торжества простого народа над классовым угнетением, активно подвигаемые Коминтерном, запечатлены в разных исполнениях. Например, текст *Hijos Del Pueblo* призывает сынов народа к революции, борьбе против несправедливости и угнетения.

Призыв поднять красные революционные знамёна, а также особое внимание к решающей роли рабочего класса повторяется в песне *A Las Barricadas*:

«*Que llevará al pueblo a la emancipación alza la bandera revolucionaria
que llevará al pueblo a la emancipación.
En pie pueblo obrero, a la batalla hay que derrocar a la reacción.
¡A las barricadas, a las barricadas!*».

Интересно, что испанский текст наложен на польскую песню рабочего движения начала XX в. «Варшавянка» авторства Вацлава Свенцицкого, исполнявшуюся на манифестациях с 1885 г. в Польше [16].

Схожая концентрация на революции рабочих и коммунистических идей, особо популярных в 1920-е и 1930-е гг., проявляется в произведении *Los Cuatro Generales*, где в заключительном куплете повторяется обращение к народу страны: «*¡Arriba España roja republicana y comunista, y comunista!*».

Неотъемлемой частью нарратива некоторых республиканских песен выступает упоминание интернациональных бригад, или интербригад. Они состояли из добровольцев из разных стран, преимущественно левых взглядов, воевавших на стороне Республики. Впервые интернациональные бригады приняли участие на стороне республиканцев в битве за Мадрид осенью 1936 г. [19].

Помощь сторонниками Республики оказывало и правительство СССР, и международные организации, которые главным образом объединял Коминтерн [20. С. 104]. На сегодняшний день действует несколько мемориальных фондов, созданных ветеранами интернациональных бригад, среди них: *International Brigade Memorial Trust* [21], *Friends of the International Brigades*. Цель таких фондов — это популяризация знаний о событиях Гражданской войны, проведение просветительских и памятных мероприятий.

Тексты песен не оставляют без внимания ключевые военные столкновения. Рассмотрим тексты песен, в которых отображено значимое сражение в столице Испании. Осенью 1936 года началась осада Мадрида. События развивались стремительно. В начале ноября председатель республиканского правительства Франсиско Ларго Кабальеро покидает город, вторая неделя ноября, а именно период 7–12 ноября ознаменован самыми ожесточёнными боями на улицах города. Сторонники Республики понесли значительные потери и тем не менее смогли одержать победу. Важную роль в обороне Мадрида сыграли интернациональные бригады: «<...> публично мы никогда не говорим, что, по мнению наших товарищей военных специалистов, без интернациональных бригад Мадрид был бы взят. Без них наступление мятежников 10 февраля было бы успешным» [22].

Фалангисты в произведении *Oriamendi* повторяют слова «*que los boinas rojas entren en Madrid*», призывая к взятию города. Сторонники Союзов национал-синдикалистского наступления (исп. *Juntas de Ofensiva Nacional-Sindicalista*, *JONS* — одно из фашистских объединений, позже эта группировка объединилась с Испанской Фалангой), носили *boinas rojas* ‘красные береты’, и именно они, согласно тексту песни, войдут в Мадрид: «<...> *entren en Madrid*». В тексте *El Madrid De Noviembre* воспеваются стойкость и храбрость мадридцев. Как ответ грозному «*que los boinas rojas entren en Madrid*» из текста *Oriamendi* в песне *El Madrid De Noviembre* повторяются строки «никогда фашисты не зайдут в Мадрид» и «никогда фашизм не сможет победить Мадрид»:

*«pues los canallas fascistas
nunca en Madrid entrarán,
pues los canallas fascistas,
nunca en Madrid entrarán.»*

и куплетом ранее:

*«para que nunca el fascismo
pueda Madrid conquistar.
Para que nunca el fascismo
pueda Madrid conquistar.»*

Далее по тексту лирический герой говорит жителям города, что они не были рождены рабами «*no nacieron esclavos los madrileños, los madrileños*», об их невероятной храбрости «*porque son hierro y fuego los madrileños, los madrileños*», и, подчеркнув это, утверждает, что они будут сражаться на улицах до последнего: «*el pueblo está en las calles dispuesto hasta el fin a luchar*».

Тексты песен Гражданской войны вызвали к чувствам населения, призывая продолжать борьбу, отдать жизнь за родину, как в гимне «*Cara al Sol*» Союза национал-синдикалистского наступления, одного из фашистских объединений в Испании. Нередко при этом в тексте восхваляется одна из сторон и дегуманизируется противник.

Песенный дискурс в поствоенный период

После победы радикальных правых во главе генералом Ф. Франко в Испании установлена диктатура, которая завершилась со смертью Ф. Франко в 1975 г. Многие представители проигравшей стороны были вынуждены бежать за границу, опасаясь преследования. Песни республиканцев попали под цензуру. Находясь в изгнании, деятели культуры продолжали давнюю традицию вынужденных эмигрантов: создавали работы, посвященные утраченной родине, чувствуя необходимость зафиксировать свою травму вынужденного перемещения. Следует отметить, что существует не так много общественных практик, физических мемориалов, которые сохраняли бы память о беженцах, часто речь идет о личных воспоминаниях-свидетельствах, мемуарах. Одним из первых музыкальных произведений, составленных в изгнании, является «*Canción de Bourg Madame*». Франция XIX века зачастую становилась пристанищем для тех жителей Испании, которые бежали и от монархии, и от республики. В период Гражданской войны и после в соседней Франции находились десятки тысяч беженцев, по данным на 1945 г. после нацистской оккупации количество испанских беженцев составляло от 125 тысяч человек до 180 тысяч. Французский город Бур-Мадам располагается практически на границе с Испанией, именно туда в конце января 1939 г. с территории Каталонии бежали некоторые части республиканских соединений и многочисленные беженцы [23]. Песня «*Canción de Bourg Madame*» была написана в первую половину 1939 г. [24], передавая эмоциональное состояние пересекающих границу. Это горечь от вынужденного отступления:

*«Españoles, salís de vuestra patria
después de haber luchado contra la invasión:
caminando por tierras extranjeras
mirando hacia la estrella de lo liberación»*

обещание отмщения за погибших:

*«Camaradas caídos en la lucha
que disteis vuestra sangre por la libertad
os juramos volver a nuestra España
para vengar la afrenta de la humanidad»*

проклятия победившим националистам и Франко лично:

*«A ti Franco traidor vil asesino
de mujeres y niños del pueblo español
tú que abriste las puertas al fascismo
tendrás eternamente nuestra maldición».*

Республиканские песни, которые записывались и выпускались в период конфликта, не затерялись во времени. На территории Испании большинство республиканских песен были подвергнуты цензуре после 1939 г., однако сборники таких песен продолжили выпускаться и пользоваться популярностью за пределами страны [25].

В период диктатуры, установившейся после 1939 г., музыкальные произведения продолжали служить целям теперь уже всеобъемлющей государственной пропаганды: «Музыкальное выражение <>, должно было контролироваться режимом. При таком националистическом обострении композитору будет трудно отступить к другим эстетическим канонам (исп. *La expresión musical <>, debía ser controlada por el régimen*). <> *Con esta corriente de exacerbación nacionalista le será difícil al compositor apartarse a otros remansos estéticos <>*» [26. С. 352]. Так, не было ни одного собрания фалангистов, на котором не исполнялось бы песня «*Cara al sol*» [26. С. 351].

Традиционная народная песня «¡Ay, Carmela!», исполнявшаяся в период Наполеоновских войн, обрела популярность в Гражданскую войну, как у республиканцев, так и у фалангистов. Одна из известных версий «¡Ay, Carmela!» — это «*Viva la XV Brigada*», написанная в 1940-е Питером Сигером [27], затем на ее мелодии создана «*Viva La Quinta Brigada*», автор Кристи Мур. Песня «*Viva La Quinta Brigada*» рассказывает об ирландце, вступившем в Гражданскую войну против фалангистов:

*«They came to stand beside the Spanish people
To try and stem the rising fascist tide
Franco's allies were the powerful and wealthy
Frank Ryan's men came from the other side».*

После победы фалангистов на территории Испании песни республиканцев подвергаются цензуре. Однако тексты песен не забылись. В крупнейшем видеохостинге YouTube музыкальные записи собирают десятки тысяч просмотров и комментариев. После смерти Ф. Франко, например, испанский хор Coro Popular Jabalon выпустил два альбома песен под названием «*Cantos de Libertad*», альбом *Himnos y Canciones de la Guerra Civil Española (1936–1939)*. Современные исполнители и сейчас не оставляют тему Гражданской войны,

экспериментируя с аранжировками, что позволяет передавать память о травматичных для истории Испании событиях Гражданской войны 1936–1939 гг. из поколения в поколение.

Заключение

Роль песенных произведений периода Гражданской войны была явно нацелена на мобилизацию населения, призывая их защищать интересы одной из сторон. Феномен использования музыкальных произведений как части кампании по пропаганде давно известен. В Испании в период Гражданской войны и затем и диктатуры песенно-поэтические тексты стали инструментом, с помощью которого можно быстро и эффективно донести сообщение в форме мелодии и повторяющегося текста. По мере распространения радио добиваться нужного эффекта в информационном плане — дегуманизировать врага, призвать к его уничтожению, превознести жертвенность солдат во имя родины, побудить в гражданах чувство гордости за победы на фронте и т.д., стало эффективнее. Обе конфликтующие стороны использовали песни для укрепления пропаганды своих ценностей и взглядов.

Библиографический список

1. Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «Дискурс СМИ»? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. Орел: ОГПК, 2008. С. 6–11.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
4. Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Russian Journal of Linguistics. 2016. Т. 20. № 4. С. 91–102. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15150>
5. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: URSS, 2021.
7. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2002.
8. Ferrándiz F. Unburials, Generals, and Phantom Militarism: Engaging with the Spanish Civil War Legacy // Current Anthropology. 2019. № 60(19). P. 62–76.
9. Сихровски П. Рожденные виновными: Исповеди детей нацистских преступников. М.: Комплекс-Прогресс, 1997.
10. ¿Qué Es la Asociación Para La Recuperación de la Memoria Histórica (Armh)? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://memoriahistorica.org.es/que-es-la-asociacion-para-la-recuperacion-de-la-memoria-historica-armh-2000-2012/> (дата обращения 26.12.2022).
11. Muñiz Velázquez J.A. La Música en el Sistema Propagandístico Franquista // Historia y Comunicación Social. 1998. № 3. P. 343–363.
12. Pizarroso Quintero A. La Guerra Civil española, un hito en la historia de la propaganda // El Argonauta español. 2005. № 2. <https://doi.org/10.4000/argonauta.1195>
13. Ballesteros Jiménez S. Psicología General. Un enfoque cognitivo. Madrid: Universitas, 1995.

14. *Levitin D.J., Tirovolas A.K.* Current Advances in the Cognitive Neuroscience of Music // *Annals of the New York Academy of Science*. 2009. № 1156(1). P. 211–231. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2009.04417.x>
15. *Zaragoza Fernández L.* Canciones para una guerra: la propaganda republicana a través de la música durante la Guerra Civil Española. En *República y republicanismo en la comunicación // VIII Congreso de la Asociación de Historiadores de la Comunicación Sevilla: Universidad de Sevilla, 2006. P. 485–501.*
16. *Bertrand de Muñoz M.* Si me quieres escribir Canciones políticas y de combate de la Guerra de España // *Calambur poesía*. 2008. № 26. P. 305–335
17. *Санчес Пуиг М.* РОДИНА-PATRIA в системе ассоциативных сетей русского и испанского языков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 2. С. 302–315. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-302-315>
18. *Кучерявых В.С.* Способы языковой объективации концепта РОДИНА в современном политическом дискурсе Испании и России. Автореферат дисс. на соискание уч. степени к.филол.н. М., 2017.
19. *Орлов А.А.* Осень 1936 г.: битва за Мадрид (из рабочих материалов книги об истории Испании в XX веке) // *Ибероамериканские тетради*. 2019. № (4). С. 7–15. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2019-4-7-15>
20. *Мухамеджанов М.М.* К истории гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) // *Знание. Понимание. Умение*. 2012. № 2. С. 102–108.
21. International Brigade Memorial Trust [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://international-brigades.org.uk/uncategorized/international-brigade-memorial-trust/> (дата обращения 28.12.2022).
22. Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы / Ин-т всеобщей истории РАН, Федерал. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; отв. ред. С.П. Пожарская. М.: Наука, 2001.
23. *Vernant J.* The Refugee in the Post-War World. London: George Allen & Unwin, 1953.
24. *Gemie S.* The Ballad of Bourg-Madame: Memory, Exile, and the Spanish Republican Refugees of the Retirada of 1939 // *International Review of Social History*. 2006. № 51(1). P. 1–40.
25. *Zaragoza Fernández L.* Canciones para una guerra: la propaganda republicana a través de la música durante la Guerra Civil Española. En *República y republicanismo en la comunicación // VIII Congreso de la Asociación de Historiadores de la Comunicación Sevilla: Universidad de Sevilla, 2006.*
26. *Muñiz J.A.* La música en el sistema propagandístico franquista // *Historia y Comunicación Social*. 1998. № 3. P. 343.
27. Nuevatribuna El día que no pudimos cantar con Peter Seeger ¡Viva la Quince Brigada! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nuevatribuna.es/articulo/sociedad/dia-no-pudimos-cantar-peter-seeger-viva-quince-brigada/20140128230659100366.html> (дата обращения 25.01.2023).

References

1. Kibrik, A.A. (2008). Is the concept of “Media discourse” justified? In: *Genres and types of text in scientific and media discourse: collection of scientific tr.* Orel: OGIK. pp. 6–11. (In Russ.).
2. Linguistic encyclopedia (2002). V.N. Yartseva (Ed.). Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. (In Russ.).
3. Arutyunova, N.D. (1990). *Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow. (In Russ.).
4. Krasina, E.A. (2016). Discourse, Statement and Speech Act. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 91–102. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15150> (In Russ.).
5. Stepanov, Yu.S. (1995). Alternative World, Discourse, Fact, and Causality Principle. In: *Language and Science in Late 20th Century*. Moscow. pp. 35–73 (In Russ.).

6. Chernyavskaya, V.E. (2021). *Linguistics of the text. Linguistics of discourse*. Moscow: URSS. (In Russ.).
7. Ilyin, I.P. (2002). *Postmodernism. Glossary of terms*. Moscow. (In Russ.).
8. Ferrándiz, F. (2019). Unburials, Generals, and Phantom Militarism: Engaging with the Spanish Civil War Legacy. *Current Anthropology*, 60(19), 62–76.
9. Sichrovsky, P. (1997). *Born guilty: Children of Nazi Families*. Moscow: Complex-Progress. (In Russ.).
10. ¿Qué Es la Asociación ParaLa Recuperación de la Memoria Histórica (Armh)? [Electronic resource] URL: <https://memoriahistorica.org.es/que-es-la-asociacion-para-la-recuperacion-de-la-memoria-historica-armh-2000-2012/> (accessed: 26.12.2022). (In Spanish).
11. Muñoz Velázquez, J.A. (1998). La Música en el Sistema Propagandístico Franquista. *Historia y Comunicación Social*, 3, 343–363. (In Spanish).
12. Pizarroso Quintero, A. (2005). La Guerra Civil española, un hito en la historia de la propaganda. *El Argonauta español*, 2. <https://doi.org/10.4000/argonauta.1195> (In Spanish).
13. Ballesteros Jiménez, S. (1995). *Psicología General. Un enfoque cognitivo*. Madrid: Universitas. (In Spanish).
14. Levitin, D.J. & Tirovolas, A.K. (2009). Tirovolas Current Advances in the Cognitive Neuroscience of Music. *Annals of the New York Academy of Science*, 1156(1), 211–231. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2009.04417.x>
15. Zaragoza Fernández, L. (2006). Canciones para una guerra: la propaganda republicana a través de la música durante la Guerra Civil Española. En República y republicanismo en la comunicación. In: *VIII Congreso de la Asociación de Historiadores de la Comunicación*. Sevilla: Universidad de Sevilla. pp. 485–501. (In Spanish).
16. Bertrand de Muñoz, M. (2009). Si me quieres escribir. Canciones políticas y de combate de la Guerra de España. *Calambur poesía*, 26, 305–335. (In Spanish).
17. Sánchez Puig, M. (2021). РОДИНА-PATRIA in Russian and Spanish Verbal Associative Networks. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 302–315. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-302-315> (In Russ.).
18. Kucheryavykh, V.S. (2017). *Ways of Linguistic Objectivation of the Concept PATRIA in the Contemporary Spanish and Russian Political Discourse* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
19. Orlov, A. (2019). Autumn 1936: the battle for Madrid (from the working materials of the book on the history of Spain in the XX century). *Cuadernos Iberoamericanos*, 4, 7–15. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2019-4-7-15> (In Russ.).
20. Muhamedzhanov, M.M. (2012). To the History of the Civil War in Spain (1936–1939). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 102–108. (In Russ.).
21. International Brigade Memorial Trust [Electronic resource] URL: <https://international-brigades.org.uk/uncategorized/international-brigade-memorial-trust/> (accessed: 28.12.2022).
22. Comintern and the Spanish Civil War: Documents. (2001). Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Federal archive. S.P. Pozharskaya (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
23. Vernant, J. (1953). *The Refugee in the Post-War World*. London: George Allen & Unwin.
24. Gemie, S. (2006). The Ballad of Bourg-Madame: Memory, Exile, and the Spanish Republican Refugees of the Retirada of 1939. *International Review of Social History*, 51(1), 1–40.
25. Zaragoza Fernández, L. (2006). Canciones para una guerra: la propaganda republicana a través de la música durante la Guerra Civil Española. En República y republicanismo en la comunicación. In: *VIII Congreso de la Asociación de Historiadores de la Comunicación*. Sevilla: Universidad de Sevilla.
26. Muñoz, J.A. (1998). La música en el sistema propagandístico franquista. *Historia y Comunicación Social*, 3, 343.
27. Nuevatribuna El día que no pudimos cantar con Peter Seeger ¡Viva la Quince Brigada! [Electronic resource] URL: <https://www.nuevatribuna.es/articulo/sociedad/dia-no-pudimos-cantar-peter-seeger-viva-quince-brigada/20140128230659100366.html> (accessed: 25.01.2023).

Сведения об авторах:

Балан Елена Геннадьевна, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета и экономического факультета РУДН, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: историческая память, коммеморация, семиотика, песенный дискурс, Гражданская война в Испании (1936–1939), диктатура Ф. Франко; *e-mail*: balan_el@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0488-4686

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: вариативность испанского языка (лексика, семантика, фразеология), межкультурная коммуникация, переводоведение, семиотика художественного текста, ономастика; *e-mail*: chesnokova-os@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7025-4098; eLIBRARY SPIN-code: 6485–4278.

Information about the authors:

Elena G. Balan, PhD student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology and Faculty of Economics, assistant of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology and Faculty of Economics, RUDN University; *Research interests*: historical memory, commemoration, semiotics, song discourse, Spanish Civil War (1936–1939), Franco's dictatorship; *e-mail*: balan_el@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0488-4686

Olga S. Chesnokova, D.Sc. (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University; *Research interests*: variation of Spanish (vocabulary, semantics, phraseology), translation studies, literary text semiotics, onomastics; *e-mail*: chesnokova-os@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7025-4098; eLIBRARY SPIN-code: 6485–4278

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817

EDN: JLFRHH

UDC 81'42:070

Research article / Научная статья

Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts

Natalia A. Akhrenova^{1,2} , Ruslan I. Zaripov³

¹ State University of Humanities and Social Studies,
30, Zelyonaya street, Kolomna, Russian Federation, 140410

² Moscow Region State Pedagogical University,
24, Very Voloshinoy street, Mytishi, Russian Federation, 141014

³ Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,

14, Bol'shaya Sadovaya, Moscow, Russian Federation, 111033

 nakhrenova@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the description of the linguopragmatic potential of media texts in the context of the informational and psychological impact on the individual and collective addressee of mass information broadcasting. As the key modern form of text existence in the information space, a media text contains not only verbal elements that influence the audience through either spoken or written words, but also non-verbal ones, introduced through video, picture and various sound means other than speech. The combined combination of communicative means of linguistic and non-linguistic nature enhances the information-psychological impact on the audience by achieving a synergistic effect. Due to the fact that with the complex use of verbal and non-verbal means, the media text acquires such essential characteristics as polycode and multimodality, its analysis should take into account not only the linguistic proper, but also the extralinguistic aspects of communication. Modern media text has a complex communicative structure that combines a text, hypertext, dynamic (static) image and sound, and provides a non-linear, multi-channel, multi-layered and multi-dimensional perception of the embedded conceptual and stylistic meanings. The aim of the study is to analyze linguopragmatic characteristics of a media text as the primary form of the informational and psychological impact realization in the modern mass media discourse. Descriptive, synchronic, diachronic and functional methods of research, as well as methods of contextual and communicative-pragmatic analysis have been employed. As to the material, the study is based on the analysis of theoretical works by Russian and foreign linguists for the past 30 years. The authors concluded that the information-psychological impact is enhanced by the use of PR and advertising techniques in the media text and is largely based on their application.

Keywords: polycode-multimodal text, hypertext, informational-and-psychological impact, media space, information space, mass communication, mass media

© Akhrenova N.A., Zaripov R.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.01.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Akhrenova, N.A. & Zaripov, R.I. (2023). Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 801–817. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817>

Лингвопрагматические характеристики современных медиатекстов

Н.А. Ахренова^{1,2} , Р.И. Зарипов³

¹ Государственный социально-гуманитарный университет,
140410, Российская Федерация, г. Коломна, ул. Зеленая, 30

² Государственный университет просвещения,
141014, Российская Федерация, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

³ Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ,
111033, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14

 nakhrenova@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено описанию лингвопрагматического потенциала медиатекстов в контексте информационно-психологического воздействия на индивидуального и коллективного адресата массовой информации. Являясь ключевой современной формой существования текста в информационном пространстве, медиатекст содержит не только вербальные элементы, воздействующие на аудиторию посредством устной или письменной речи, но и невербальные, внедряемые посредством видео, изображения и различных звуковых средств, отличных от речи. Комбинированное сочетание коммуникативных средств языковой и неязыковой природы усиливает информационно-психологическое воздействие на аудиторию за счет достижения синергетического эффекта. В силу того, что при комплексном применении вербальных и невербальных средств медиатекст приобретает такие сущностные характеристики, как поликодовость и мультимодальность, при его анализе следует учитывать не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические аспекты коммуникации. Современный медиатекст имеет сложную коммуникативную структуру, сочетающую в себе текст, гипертекст, динамическое (статическое) изображение и звук, и обеспечивает нелинейное, многоканальное, многослойное и многоплановое восприятие заложенных концептуальных и стилистических смыслов. Цель исследования — проанализировать лингвопрагматические характеристики медиатекста как первичной формы реальности. Использовались описательный, синхронический, диахронический и функциональный методы исследования, а также методы контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа. Материалом исследования стали тексты теоретических работ российских и зарубежных лингвистов за последние 30 лет и современные медиатексты, функционирующие в электронных СМИ. Авторы пришли к выводу, что информационно-психологическое воздействие усиливается за счет использования в медиатексте PR и рекламных приемов и во многом основано на их применении.

Ключевые слова: поликодовый мультимодальный текст, гипертекст, информационно-психологическое воздействие, медиатекст, информационное пространство, массовая коммуникация, средства массовой информации

История статьи:

Дата поступления: 01.01.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Akhrenova N.A., Zaripov R.I. Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 801–817. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817>

Introduction. Statement of the problem

The wide range of communication media and information technology, as well as the outcomes of their influence on shaping a society and modelling a public opinion, became the focus of attention of the researchers in the 1950s. M. McLuhan [1; 2] stated that the entire period of human existence represents a change of the key means of communicating and perceiving information.

The era of globalization has been a logical consequence of improvements in mass media, science and technology. The Internet has become the crowning symbol and catalyst of globalization processes, transforming itself from a purely technical invention into a parallel reality that is comfortable for the vast majority of the users.

With the invention of the Internet, the paradigm of mass communication has undergone fundamental changes, having made the transition from a predominantly one-dimensional communication to multi-dimensional structure of the communicative medium, which includes various sound effects and visual images in addition to linguistic means. The more complex, three-component communicative organization of “language-image-sound” is inherent in the modern information space which has formed the media text as a new form that of text existence in mass communication. The synergistic combination of signification units of linguistic and nonlinguistic nature in a media text has provided its multi-channel, multi-layered and multi-dimensional nature, significantly increasing the effectiveness of information-psychological impact on a recipient.

Thus, the purpose of this article is to describe the linguopragmatic characteristics of a modern media text, functioning in the context of the global informational-and-psychological war, waged by geopolitical actors in order to implement their civilizational-and-historical plans by non-military means.

A media text as a key format for presenting information in the modern mass communication

The heterogeneous structure of the text has been studied in linguistics earlier. The continuous improvement of traditional media and the emergence of new types following the increasing complexity of the communicative space

has naturally led to a terminological update in applied linguistics. Studies on creolized and then video-verbal [3], polycode [4], multimodal [5], polycode-polimodal [6] or polycode multimodal [7] texts have emerged in the last fifteen years. According to A.N. Baranov's definition: "The text is a complex whole consisting of not only verbal but also of non-verbal elements — pictures, photographs, diagrams, tables, etc." [8. P. 275].

It has already been proved that any creolized text essentially reflects the characteristics of a media text, as this definition shows, "it is a special phenomenon in which the verbal and non-verbal components form one visual, structural, semantic and functioning whole, which implies its complex pragmatic impact on the addressee" [9. P. 177]. M.B. Voroshilova specifies the definition of this communicative phenomenon as "a text which has a complex form, that is based on a combination of units of two or more different semiotic systems which enter into relations of interrelation, mutual complementarity and mutual influence, which determines the need for multi-channel text perception and, therefore, the complex impact on the addressee" [10. P. 22]. This seems reasonable, because it allows reflect the full set of communicative means of influence of modern mass media communication. In addition to the verbal and visual components, it is necessary to apply an auditory component, which also allows cover the areas of mass communication, including speech and non-verbal audio elements, such as of radio, television, cinema, theatrical and concert performances, etc. (film industry, theatres, advertising and ideological posters, etc.) sources are included in the sphere of mass communication as they are "forms of communicative influence on the masses" [10. P. 12].

Nowadays, we mainly deal with a polycode-multimodal text, which not only unites all variations of the named semantically enriched communicative space by its correspondence to the main essential feature of modern media communication — the presence of elements of different semiotic systems, but also implies the perception of information by different channels ("by means of different modalities") [5. P. 2020]. Moreover, to this the Internet adds the possibility of multilateral interaction between addressers and addressees, author and viewers (readers). This requires cognitive-discursive, contextual and communicative-pragmatic analysis of both the main semantic and additional parts of the media text, available when there is an opportunity for evaluation and commentary by the audience.

Following T.G. Dobrosklonskaya, we consider a media text to be the main discrete unit of the media stream, which is largely dependent on the specific communication channel used to transmute the text: "We can say that any text is a message, a media text is a message plus a channel" [12. P. 52–53; 200]. The syncretic organization of the media text, reflecting its voluminous and multilevel structure, ensures the achievement of a synergistic effect in the process of communication, which manifests itself in the cognitive, semantic and manipulative aspects. The combination of linguistic and non-linguistic (media) components multiplies the cognitive activity of a recipient,

constructs more complex conceptual meanings, and allows to influence his or her intentional and ideological attitudes. This is also reinforced by the fact that the media text goes beyond not only traditional media such as the radio and television, but also the Internet into other sub-genres of the Internet discourse: social networks, blogs or channels, which also act as media from a functional and content point of view. At present, the media text in its structure, content and purpose of creation is already far from its original format and has the following discrete characteristics: openness and immediate content updating, polycode and polylogue (thanks to the possibilities of two-way and multilateral communication) nature, multimodality, hypertextuality, high communicative potential. Thus, we can speak of the modern media text as a four-component communicative structure, which includes a text, hypertext, dynamic and/or static image and sound [12. P. 52–53; 200].

Thus, it should be noted that the persuasive effect of the media text does not only depend on verbal means. Elements of various semiotic systems are successfully combined in the contemporary means of mass communication. That brings the degree of their communicative influence on an addressee to a qualitatively different level of informational and psychological influence. It fits into the modern concept of waging an information war or an informational and psychological war, which is defined as “a confrontation of parties arising out of a conflict of interests and/or ideologies and conducted through intentional, primarily, linguistic influence on the minds of opponents” [13. P. 43]. From the point of view of linguistics, informational and psychological influence is a relatively new phenomenon, which does not contradict the modern linguistic tradition, but expands the understanding of the phenomenon highlighting the essence of a purely verbal influence on an addressee. This term features both the linguistic (verbal) and extralinguistic (non-verbal) levels of communication. This combination of verbal and non-verbal means of mass media influence on an addressee allows conduct its complex analysis at the interdisciplinary level, as according to A. Baranov, the analysis of non-verbal and mixed semiotic systems lies “beyond the limits of any linguistic research proper — in the sphere of social psychology, culture studies, political science”, etc. [8. P. 115].

The informational and psychological influence is a system of mediated psycho-communicative influence by verbal and non-verbal means, which aims at changing the mental state, social attitudes and behavior patterns of a recipient of mass information, taking into account its subjective-personal and motivation-activational characteristics. The implementation of purposeful operations and measures of effective informational and psychological influence as a whole is impossible without the wide coverage of potential addressees. Therefore, mass communication is inseparable from the processes mentioned above. Its sphere is much wider than the borders of armed forces of states and areas of military confrontation between them. It corresponds to the infinite volume of information flow in the boundless media space. The informational-psychological impact is an essential effect of the media text, the main purpose of which is to project a conceptual message onto the

audience. From NATO's expert papers, it follows that the object of this influence is any user of "information technology" [14]. In all socio-economic spheres "it all comes down to controlling perception and influencing people's psyche through technology and the content it disseminates"¹.

Requirements for the implementation of informational and psychological influence in media texts

The modern individual is particularly susceptible to influence and manipulation, which contributes to the realization of qualitative information and psychological influence on his metasphere via a number of interrelated factors that can be conventionally divided into socio-economic and communicative. By the former, the authors mean intentionally adapting people to consuming specially prepared information and depriving them of the ability to evaluate it critically. This has become possible due to the widespread formation of a consumer society through advertising discourse, which, among other manifestations of mass culture, has indirectly created in people a total dependence on receiving ready-made tangible and intangible products. In addition, members of the modern society have been accustomed to a life of maximum comfort and, over time, have become unprepared to change their habitual way of life. Specialists in marketing and political technology have used this as a basis for campaigns aimed at shaping and changing public opinion.

Nevertheless, in today's informational society, the communicative component of information and psychological influence is still dominant. Moreover, in the context of aggravating confrontation between global actors, its importance is only increasing. This is explained by the fact that today the main sphere of human activity is the intangible environment, and the predominant sphere of interpersonal interaction is the Internet, in which the maximum impact effect can be achieved with modern technological capabilities. It is possible due to the interaction of linguistic means (text), images and sound effects in the communicative space of the media text, which, in turn, is fixed in a single hypertext as an interconnected set of texts (media texts) that make up the Internet discourse. In other words, the modern communicative structure of the Internet is reduced to a discourse-forming model "text-media text-hypertext", as an entailment of the previously proposed triad "text-discourse-hypertext" [15. P. 5].

Merging into the virtual reality created by the media text and immersing oneself in it with the help of sensory analyzers, users find themselves in the position of perceiving "space in space" and experiencing the effect of presence

---

¹ Речь идет о таком виде вооружений... // The source (in Russian) speaks about the kind of weapons: Негодяи и гении. Telegram. URL: https://t.me/negodyai_i_genii/259 (accessed: 18.11.2022).

in another communicative dimension. On the one hand, they are possessed by the phenomenon of fascination, which removes possible communicative barriers and intensifies the influencing effect; at the same time, they subconsciously project the transmitted social roles onto themselves and activate their imagination, intensifying their sensory experience. The subjective feeling of being in an illusory reality, the artificially forced development of the plot and the high information pressure per unit of time a priori ensure a higher level of impact than in the usual conditions of outward reality.

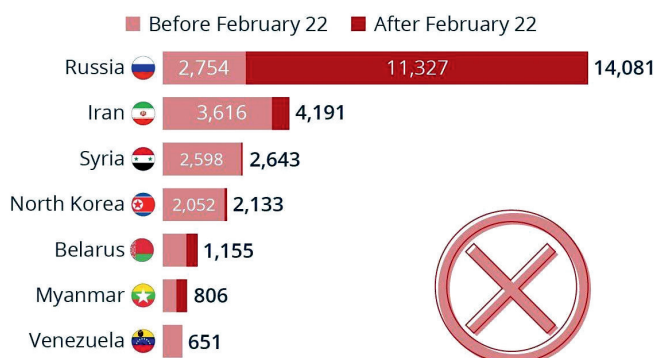
Pragmatic characteristics of informational-psychological impact of media text

As a part of the enormous amount of heterogeneous information, perceived by a person in media space through the visual channel, firstly, there should be mentioned messages of linguistic nature, containing a traditional verbal text as “a united by a semantic connection sequence of sign units, whose main properties are cohesion and completeness” [16. P. 507]. The pragmatic potential of the written text is self-sufficient, and the effectiveness of the message directly depends on author’s skillful use of the chosen linguistic means: neutral vocabulary and syntactic means, stylistic, phonetic and rhetorical devices, elements of word-play, intertextual means of a language, etc.

Nevertheless, the effectiveness of any message also depends on the completeness and quality of information perceived by a recipient, which appears flat as a result of the lack of visualization, and on their remembering this information, the amount of which, as it is well known, after two weeks does not exceed 10 % of what has been read [17]. A printed or handwritten page containing only lines of linguistic characters that make up a text leaves a recipient without any reliance on visualized images and often leads them to an inaccurate interpretation of the message: “The word *horse* does not look like a horse, does not sound like a horse and does not feel like a horse. The concept of *weather* does not reproduce any of the hundreds of specific instances directly related to its meaning” [18. P. 5]. It follows that the effectiveness of a message also depends on its correct understanding by the audience. In this respect, the visual support plays a role of the utmost importance. Besides, the image has a dual nature. On the one hand, it complements the textual information, but on the other hand, it can distract an addressee from the main idea. And generally a well-thought visual element helps to reshape its conceptual meaning in human mind and makes the message more persuasive (see Fig.). Professor O.I. Maksimenko says, “The new communicative situation in the world has demanded the emergence of other, mixed types of information representation often with a minimal presence of a verbal text, understandable to a large number of people, i.e. polycoded texts” [19. P. 95–96].

The World's Most-Sanctioned Countries

Number of currently active sanctions by target country

As of Feb. 19, 2023
Source: Castellum.AI

statista

Combination of verbal and non-verbal elements in a media text (Source: Statista)

The same applies to the information perceived by the acoustic channel, which is considered to be the main means of speech communication [20. P. 177]; not only verbal, but also other sound elements of the message penetrate through it. They give the latter additional semantic nuances which are inaccessible in the isolated perception of an oral text, and make the conditions of the communicative situation more realistic, psychological and attractive (or, on the contrary, repulsive) for an addressee. The phonetic features of the addresser's speech, ultimately lead to an increase in the impact potential of a message and its deeper comprehension. Typical examples of such polycoding are radio broadcasts, sound recordings (audio books, songs, etc.), some theatre genres, etc.

Thus, in the set of extralinguistic factors, non-linguistic elements of auditory and visual enhancement play a special role, which bring the characteristics of communication beyond the traditional verbal interaction into the sphere of a more voluminous, polycoded design. In this case, the multidimensional content of the message provides a higher level of impact and forces the recipient's organs of hearing and vision, which were previously focused only on the lexical, phonetic and kinetic characteristics of an addressee to engage in the perception of additional, audiovisual information. It is also important that the information expressed by non-linguistic means is the basis of forms of influence, "aimed primarily at the subconscious component of the psyche" [21. P. 66]. Finally, under the conditions of mass communication the audience usually feels more trust in non-verbal information than in verbal one [22].

The main perceptual human senses, vision and hearing, ensure the perception of over 90 % of incoming information [23. P. 53]. The contemporary world is based

on images and associations [24. P. 181], which under the conditions of visualization of the information are remembered better than a text in its linguistic manifestation. Visual observations of what is happening, such as watching video fragments, is even more effective in terms of fixing information in memory, “Through the clever use of sound and image, we can make the viewer identify with the situation on the screen. This identification provides effective communication” [18. P. 214]. And, most importantly, the visual non-static image is capable of changing the audience’s attitude to certain phenomena [18. P. 215].

S.G. Kara-Murza quotes as an example the phenomenon of television, which “operates simultaneously with text, music and visually perceived moving images,” and as a result “has an exceptionally high, magical ability to focus, scatter and switch the attention of the viewer” [25. P. 2]. The effectiveness of combining various forms of verbal and non-verbal influence lies in the fact that this approach “mobilizes peripheral attention systems” and “ensures greater redundancy of information in the central integrating system. The greater the redundancy, the less effort is required to perceive the message” [25. P. 2].

The visual perception of the recipient of man-made objects and images constructed in media space is guided by the degree of perfection of their forms, which designers, spin doctors and media specialists strive to bring closer to the ideal proportion of the “golden ratio”. The phenomenon is widely exploited in advertising: “encountering such forms activates and animates the whole process of perception, generates positive emotions and strengthens the effect of the advertising message” [20. P. 207]. The perfection of natural proportions is also the focus of propaganda and PR. Each of the arts — literature, music, theatre, etc., which are actually media-texts — broadcasting to mass audiences their works is based on the “information-perfection” impact of different types — linguistic, visual or auditory [20. P. 208].

A multicode message becomes multimodal when several sensory analyzers of a recipient are involved simultaneously. Thus, in addition to the simultaneous perception of visual information and a speech work of written nature, we may observe other patterns: for instance, audio information of non-linguistic nature and an oral speech work, cross-modal combinations – visual information with an oral speech or auditory information with a written speech. The center of the complex communicative impact on a recipient is when technically sophisticated combinations of audiovisual information with spoken and written texts on the Internet are used.

While television often meets these characteristics, the virtual environment of the global network is more advanced in terms of its affecting effect. The Internet has become the quintessential media development, absorbing and retransmitting them. Apart from the fact that it has the largest audience, numbering several billions worldwide, its communication space has reached a high level of interactivity, expressed through direct communication between the source of information and recipients via feedback, the possibility to comment on news, to engage in discussion

of content, etc. Any user can contribute the responses to comments and communicate at his/her own discretion and post any information.

The interaction of communicants which takes place around a particular media text is nothing but the production of new verbal and non-verbal works, new media messages that constitute a separate segment of the global hypertext that permeates the Internet discourse and acts as an important linguistic and pragmatic communication factor. From the point of view of hypertextuality, an additional communicative effectiveness of a media text lies in the transmission of socially useful information, the veracity and verifiability of which are achieved through hyperlinks to its primary sources. In addition, links to blogs, social networks, Telegram feeds and other sources can create some effectively working space where the desired route to finding information is set with coherent authorial arguments. This technique is also used to reach a wider audience, retain their attention, and create the right perception of the issue among different age groups. Information presented in a ready-made form will avoid reading resources with an opposing point of view and form the desired opinion of the sender of the information among the recipients.

The main linguopragmatic relations of a media text in the context of informational-psychological impact are as follows:

1. Media texts are differentiated by their genre and addressee, and are communicatively organized according to these factors. Its recipient pays attention to a media text that is catchy, devoted to an issue burning for the addressee, relevant and sufficiently concise, showing the general tendency to reduce the verbal component in the message. Subconsciously, the information received passes through the addressee's internal set beliefs, associations and, stereotypes. A sustained communicative, under certain conditions — manipulative effect is achieved by the subject of informational and psychological influence during long-term “processing” of the audience.
2. The image, as well as the sound element, constitutes the extra-linguistic and partially the paralinguistic part of a message. Regardless of the share of the non-verbal component in a media text, firstly, a recipient usually pays attention to it, except for videos that do not have an autoplay function. Then a recipient, guided by the principles of skimming reading, “grabs” the text in the large print and sees it in its entirety or individual key lexical units. The addressee may not get to the small print text — it is the last one to be read and sometimes it is not read at all. In this case, the conceptual setting of the message is “restructured” by this part of the text and formed in their mind in the form intended by the communicator. In any case, the message must meet the requirement of congruence.
3. A media text consisting solely of a linguistic part is potentially reduced to a linear text, while being embedded in the general communicative space of media discourse or Internet discourse. It will be in demand if it is sufficiently substantiated by facts, statistics and the author's reasoning, if it is commensurately saturated with subjective, evaluative and emotional

vocabulary, and if its rhetorical and syntactical form is organic. Informational-psychological impact in such a message is reduced to a speech message, but may retain certain audiovisual components, inherent to the hypertext and indirectly affecting the recipient.

4. The demand for the media text enhances the so-called correctness virus [26. P. 110]. A communicator should be well aware of the preferences of his/her target audience. Similar to an advertising text, the media text should include Abstractions and examples from both the author's personal experience or well-known media personalities and well-known cases that have already caused a desired and necessary response or reaction to the context; a non-trivial authorial opinion that builds on the formula "problem-commonly accepted point of view-authorial position with a possible solution".
5. Although it is recommended to avoid personalization in traditional texts of the journalistic genre, in modern media texts personalization is used to attract the audience's attention and establish contact with them through personal address and use of informal vocabulary. On the one hand, it helps break down barriers and imitate intimacy with the recipient of the message; on the other hand, it requires skillful and moderate use, as in some cases it can psychologically repel the audience.
6. The verbal and non-verbal media which make up the media text should be used as part of the communicator's chosen communicative strategy to shape and change the attitudes (opinions, attitudes) of the recipient. In terms of the modus operandi of a media text and its linguistic organization, communicative (persuasive) strategies, referred to, are as special ones. They are divided into:
  1. Value strategies, which aim to form (change) the value and attitudes of the receiver.
  2. Rational strategies. By employing them, the addresser purposes to convince the audience through both logical, conceptual and emotional information, targeted at the recipient's sensual or emotional spheres.

Having analyzed modern media texts we can conclude that they are highly influenced by the genre of advertising. The most evident proofs of this statement are the strategies and techniques used in media texts, which come from the advertising industry:

- drawing attention to the object or event in question;
- creating a positive image of a particular point of view and a negative image of the opposing one;
- self-presentation of the author by expressing his or her own point of view;
- optimal targeting.

In order to implement these strategies, the following techniques are used:

- varying fonts and graphic design;
- phonetic advancement;
- exclamation mark;

- creating a problematic situation;
- absolutizing an evaluation or attributing evaluative characteristics.

The linguistic and pragmatic potential of a media text lies in a canonically constructed either oral or printed verbal text, enhanced by vivid and figurative language, as well as an integrated hypertext and a well-chosen video and/or photo sequence. A media message of this nature is constructed and functions similarly to advertising texts (in the rational aspect, in the emotional aspect, in the value aspect) presented, for example, in glossy magazines, on the pages and sites of bloggers, etc. A high audience size can be achieved by additional means of transmitting information. For example, large news aggregators have pages in social networks and promptly updated channels in messengers such as Telegram, where short notes on current events are published or previous messages are duplicated, in addition to the official sites themselves. Despite the seeming freedom of structure, such media texts have a fixed structure. Some of them contain elements of storytelling, in which a typical situation is described first, followed by an expert or some celebrity perspective on the situation, the author's vision of the problem and suggestions on the further development of the topic through discussion.

Thus, on a structural level, four basic elements can be distinguished in spoken and written media texts, similarly to a traditional print media text: a headline, which is often a slogan; an introduction; the main text; and a conclusion, which contains the so-called echo-phrase, designed to transmit the main idea of the entire narrative. However, to increase the impact on the mass audience, authors provide the opportunity to comment on their message or express an emotional response through the use of emoji, stickers, etc. These elements can be considered the fifth constituent (optional) part that is characteristic of a media text functioning on the Internet. They create the illusion of personal communication between the author of the text and the addressee, which allows to communicate on a horizontal level, helps to overcome the limitations of "live" interpersonal interaction and multiplies the manipulation effect. It is achieved by a special atmosphere of interaction, by simulating a "face-to-face" communication where everyone's opinion matters, and by creating the effect of the real-time exchange of experience and information.

The headline is the most important part of a media text because it reflects the main theme and message of the text. Its main purpose is to attract the attention of the audience and interest the recipients; in the case of an advertisement, it may be a call to try a particular product. The author may use imperative and emphatic constructions which are based on puns or a mixing the semiotic codes (for example, numerical symbols and text), violate some grammatical norms (omission of articles, modal verbs, introduction of abbreviations, etc.), which is typical of the rules of construction of headlines in the print press:

The introduction sets out the general problem of the media text and highlights key points that the author wishes to draw attention to and that will be covered further, including the address to the interlocutors.

Depending on the communicative setting, the verbal (written) part of the media text may contain several paragraphs, each comprising a different idea interpreted by the author. In order to increase the impact on the recipient, authors resort to both rational and emotional types of argumentation. The main body paragraph is constructed according to the rules of academic writing and consists of a topic sentence summarizing the main content of the paragraph and the transition to the next paragraph. The argumentation can be brief, extended and ascertaining.

In the conclusion, the author summarizes all the points made earlier, expresses his/her personal opinion concerning the subject of the argument and often invites further discussion in the commentary. The most frequent way of doing so is with a so-called echo-phrase, which is usually subjective, evaluative and precedent-setting in nature. It is of great importance for the media text, because most often the addressee, having become interested in the headline, skims the text and then reads the conclusion carefully. As a consequence, conclusions are drawn on the basis of the echo phrase. Thus, the main functions of the conclusion are: to repeat the main idea of the text and to give it completeness. An open-ending text is also used, whereby the addressee is asked a question, for which they need to reflect on the material presented and leave their feedback in the comments. By involving the subscribers in the discussion, the communicator shapes a certain social attitude.

In addition to the abovementioned features of informational-psychological impact in media texts, the authors use the following rhetorical and organisational techniques:

1. Broadcasting controversial or unproven information in a presumptive form in order to manipulate public opinion, stir up readers' interest and provoke further discussion in comments.
2. The deification of evaluation in order to give exceptional status to the idea or concept being promoted.
3. The introduction of a rhetorical question at the conclusion of the text to initiate a discussion in the comments, create an effect of live communication, an exchange of experience.
4. Questioning the audience after the main text in posts or commentaries, etc. in order to get feedback. Such dialogicality (polylogicality) contributes to the collection of data about the habits, needs, interests, opinions of the collective addressee in order to have a more effective impact in the future.

To enhance the impact of these pragmatic, communicative, text-forming and rhetorical devices and techniques, the addressee uses a number of linguistic and intertextual means in a modern media text. Thus, at the lexical-and-grammatical level, one should distinguish evaluative adjectives, represented by synonyms with different expressive shades of meaning, various intensifiers of meaning and adjectives in the superlative degree (often substantivized), lexical units containing such shades of meaning as generalization, universality, unlimitedness, uniqueness, etc. At the stylistic level such traditional means are used as epithets,

comparisons, lexical repetitions, gradation, metaphors in their broadest sense, synonyms and antonyms, and occasionally there is an intentional dialogical and colloquial nature of the narration. The syntactic level is characterized by first-person narration, the use of homogeneous sentence members, parcellation, segmentation, constructions with separate sentence members, inversions, etc. The intertextual level provides a significant impact on the cognitive-axiological and sensual-emotional spheres of the recipient through allusions, the techniques of word play (paraphrase, pun, etc.), etc., expressed both verbally and non-verbally. Through reference to precedent works of art, the authors seek to address the cultural code and mentality of their audience.

Thus, the content of a modern media text is chosen by the subject of information in a linguopragmatic way, taking into account the communicative purpose, the characteristics of the addressee, the conditions of message transmission and other factors. The communicator's task is to harmoniously combine linguistic means (if any), image (s) and/or sound elements.

Conclusion

Summing up the study results, we must state that any modern media text forms a unique communicative space, which is based on the author's intention, rules of coherence and completeness and the interaction of its components: a text, hypertext, dynamic (static) image and sound. The main function and at the same time the effect of the media text, the effectiveness of which is increased by using the possibilities of PR and advertising technologies, is the production of information-psychological impact on the audience through a skillful combination of verbal and non-verbal units in accordance with universal mathematical and aesthetic parameters. The capacity of the linguistic and pragmatic potential of media communication depends on the effectiveness of its use of linguistic and non-linguistic means, which should ensure its rigorous logical proof (in the rational aspect), high psychological quality (in the emotional aspect) and a certain attitudinal nature (in the value aspect). At the same time, it must be taken into account that the information the recipient receives from external sources passes through the filter of his reality tunnel, and therefore a single message is not always sufficient to make significant adjustments in their cognitive-axiological frame of reference. The goals of information and psychological influence are achieved by communicators at a "long distance" as a result of systematic repetition of a large number of semantically homogeneous media texts and, consequently, consistent construction of an "alternative" reality in the information space.

The most effective message in terms of achieving a communicative intent is now one in which heterogeneous types of information complement each other. On the Internet, the impact effect of the media text is the highest, as it is not only implemented in a polycode and multimodal format that engages various semiotic codes and sensory analyzers of the collective recipient, but also provides the latter

with a communicative liberty to publicly evaluate and comment on the message. Horizontal and vertical interaction between communicators in virtual space significantly increases the psychological effect of the media text, while the statistics of their emotional reactions add to the persuasiveness of the message.

References

1. McLuhan, M. (1962). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press.
2. McLuhan, M. (2015). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.).
3. Belyakov, I.M. & Maksimenko, O.I. (2009). Videoverbal text: problems of perception. *Philological Sciences in MGIMO*, 38(53), 48–57. (In Russ.).
4. Chernyavskaya, V.E. (2009). Polycode text space: linguo-semiotic paradigm of linguistics. In: *Language in the paradigms of humanitarian knowledge: XXI century*. St. Petersburg: Lingua. pp. 23–37. (In Russ.).
5. Sabadin, S.T.M.Zh.P. (2022). Mixed Texts: Creolized vs Polycode vs Multimodal. *Philology. Theory & Practice*, 15(6), 2017–2023. <https://doi.org/10.30853/phil20220297> (In Russ.).
6. Evgrafova, Yu.A. (2020). *Black Mirror: Linguistic Semiotic Potential of Screen Texts: Monograph*. (In Russ.).
7. Milyakova, V.V. (2022). *Persuasive characteristics of advertising texts* [dissertation]. Mytishchi. (In Russ.).
8. Baranov, A.N. (2013). *Linguistic examination of the text: theoretical foundations and practice*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
9. Voroshilova, M.B. (2013). Creolized Text: Principle of Integrity or Principle of Replaceability. *Political Linguistics*, 4(46), 177–183. (In Russ.).
10. Voroshilova, M.B. (2013). *Political creolized text: keys to reading: a monograph*. (In Russ.).
11. Zelinsky, S.A. (2008). *Information and psychological impact on mass consciousness. The means of mass communication, information and propaganda — as a conductor of manipulative methods of influencing the subconscious and modeling the actions of the individual and the masses*. St. Petersburg: Skifia. (In Russ.).
12. Dobrosklonskaya, T.G. (2008). *Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: modern English media speech*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
13. Skovorodnikov, A.P. & Koptina, G.A. (2016). Linguistics of Information-Psychological War: on Substantiation and Definition of The Term. *Political Linguistics*, 1(55), 42–50. (In Russ.).
14. Cluzel du, F. (2020). Cognitive Warfare. *Innovation Hub*, June–November, 6. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (accessed: 16.11.2022).
15. Akhrenova, N.A. (2016). Internet-Discourse as a Hypertext. *Bulletin of Moscow Region State University*, 3, 1–12. (In Russ.).
16. Nikolaeva, T.M. (1990). Text. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 507. (In Russ.).
17. Lee, S.J. & Reeves, T.C. (2018). Edgar Dale and the Cone of Experience. In: *West, Richard E. Foundations of Learning and Instructional Design Technology: Historical Roots and Current Trends*. Provo: Brigham Young University. URL: https://open.byu.edu/lidtfoundations/edgar_dale (accessed: 21.10.2022).
18. Dale, E. (1954). *Audio-visual methods in teaching*. New York: The Dryden Press.
19. Maksimenko, O.I. (2012). Polycode vs. Creolized Text: Terminology Problems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 93–102. (In Russ.).

20. Golitsyn, G.A. & Petrov, V.M. (2007). *Information. Behavior. Language. Creation*. Moscow: LKI Publ. (In Russ.).
21. Panarin, I.N. (2012). *Media, propaganda and information wars*. Moscow: Pokolenie. (In Russ.).
22. Pirogova, Yu.K. (2001). Strategies of communicative influence in advertising: the experience of typology. In: *Proceedings of the scientific conference "Dialogue 2001"*. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova/> (accessed: 11.11.2022). (In Russ.).
23. Pease, A. (2000). *Questions are the Answers. How to Get to "Yes" in Network Marketing*. New South Wales: Pease Training International Pty.
24. Sukhoterin, L. & Yudinsev, I. (2007). *Information work in the state apparatus*. Moscow: Evropa. (In Russ.).
25. Kara-Murza, S.G. (2005). *Mind manipulation*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
26. Pyakhov, M. (2021). *It is clear, it is clear: How to convey thoughts and encourage people with the help of words*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).

Библиографический список

1. *McLuhan M.* The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962.
2. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2015.
3. *Беляков И.М., Максименко О.И.* Видеовербальный текст: проблемы восприятия // Филологические науки в МГИМО. 2009. Т. 38(53). С. 48–57.
4. *Чернявская В.Е.* Поликодовое пространство текста: лингвосомиотическая парадигма языкознания // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Е. Чернявской и С.Т. Золяна. СПб.: Лингва, 2009. С. 23–37.
5. *Сабадин С.Т.М.Ж.П.* Смешанные тексты: креолизованный vs поликодовый vs мультимодальный // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 2017–2023. <https://doi.org/10.30853/phil20220297>
6. *Евграфова Ю.А.* Черное зеркало: лингвосомиотический потенциал экранных текстов: монография. М.: Наука, 2020.
7. *Милякова В.В.* Персуазивные характеристики рекламных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022.
8. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта: Наука, 2013.
9. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4(46). С. 177–183.
10. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2013.
11. *Зелинский С.А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Скифия, 2008
12. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008.
13. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1(55). С. 42–50.
14. *Cluzel du F.* Cognitive Warfare // Innovation Hub. 2020. June-November. P. 6. Режим доступа: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (дата обращения: 16.11.2022).
15. *Ахренова Н.А.* Интернет-дискурс как гипертекст // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 1–12.

16. Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 507.
17. Lee S.J., Reeves T.C. Edgar Dale and the Cone of Experience // West, Richard E. Foundations of Learning and Instructional Design Technology: Historical Roots and Current Trends. Provo: Brigham Young University, 2018. Режим доступа: https://open.byu.edu/lidtfoundations/edgar_dale (дата обращения: 21.10.2022).
18. Dale E. Audio-visual methods in teaching. New York: The Dryden Press, 1954.
19. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
20. Голицын Г.А., Петров В.М. Информация. Поведение. Язык. Творчество. М.: ЛКИ, 2007.
21. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012.
22. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Материалы научной конференции Диалог 2001. Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova/> (дата обращения: 11.11.2022).
23. Pease A. Questions are the Answers. How to Get to “Yes” in Network Marketing. New South Wales: Pease Training International Pty. Ltd., 2000.
24. Сухотерин Л., Юдинцев И. Информационная работа в государственном аппарате. М.: Европа, 2007.
25. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.
26. Ильяхов М. Ясно, понятно: Как доносить мысли и побуждать людей с помощью слов. М.: Альпина Паблицер, 2021.

Information about the authors:

Natalia A. Akhrenova, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Germanic-Romance Languages of the Faculty of Foreign Languages, State University of Humanities and Social Studies; a.i. of the Translation and Cognitive Linguistics Department, State University of Education; *Research interests*: Internet linguistics, information impact, metaphorology; *e-mail*: nakhrenova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1265-5595

Ruslan I. Zaripov, PhD in Philology, doctoral candidate of Prince Alexander Nevsky Military university of the Ministry of Defense of the Russian Federation; *Research interests*: political linguistics, metaphorology, political discourse, information-psychological impact, translation technology; *e-mail*: lieutenant-en-chef@ya.ru
ORCID: 0000-0001-9980-7928

Сведения об авторах:

Ахренова Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков факультета иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета; и.о. заведующего кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения; *сфера научных интересов*: интернет-лингвистика, информационное воздействие, метафорология; *e-mail*: nakhrenova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1265-5595

Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, докторант Военного университета им. князя Александра Невского МО РФ; *сфера научных интересов*: политическая лингвистика, метафорология, политический дискурс, информационно-психологическое воздействие, технология перевода; *e-mail*: lieutenant-en-chef@ya.ru
ORCID: 0000-0001-9980-7928

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840

EDN: JQEIFZ

UDC 81:159.942:070-054.72(470+574+479.25+510)

Research article / Научная статья

Emoticeme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China

Irina S. Karabulatova^{1,2} , Karpis S. Anumyan^{3,4} ,
Svetlana G. Korovina³ , Galina A. Krivenko⁵

¹ Heilongjiang University,

74, Xuefu lu av, Hei Long Jiang Sheng, Ha Er Bin Shi, Nan Gang Qu, Harbin, China, 150080

² Lomonosov Moscow State University,

27/1, Lomonovovskiy av., Moscow, Russian Federation, 1191926

³ Moscow State Linguistic University,

38/1, Ostrozhenka Str., Moscow, Russian Federation, 119034

⁴ The Presidential Academy,

82, Vernadskiy av., Moscow, Russian Federation, 119571

⁵ Innovative University of Eurasia,

45, Lomov Str., Pavlodar, Republic of Kazakhstan, 140000

 karpisanumyan93@mail.ru

Abstract. Any news shows the full range of people's emotional assessments. The authors analyze the news about migration, single out emotive linguomigrationology separately, since emotions play a leading role in the development of the linguocultures of the host country and host communities. Migration transforms the language of communication, creating new forms of language at the intersection of linguistic and cultural realities in the form of pidgins and enriching ways of perceiving the world with emotives of contacting linguistic cultures. According to the authors, surprise is one of the leading emotions in the migrants' emoticon. The authors prove that post-socialist Russophony has a significant linguistic and cultural distance, depending on the country of reception. The article analyzes the specifics of the emoticeme in the lexical characteristics of the emotion "surprise" in the news discourse about migrants and migration in Russia, Kazakhstan, Armenia and China. The analysis of the emotive space of news discourse on the topic of migration is based on the theory of emotions (V.I. Shakhovsky's term) and linguomigration (I.S. Karabulatova's term), taking into account the principle of representativeness. This approach allows us to analyze the structure of polycode news discourses about migration in Armenia, Kazakhstan, China and Russia, interpret these discourses in the context of emotionality of various linguistic cultures and in accordance with communicative tasks. The authors believe that gaps in the background knowledge of the host country become a source of manifestation of emotional realities among migrants. The article is written on the material of open media sources and media discourse. The authors offer this article to specialists in the field of political science, linguistics, history, psychology, etc.

© Karabulatova I.S., Anumyan K.S., Korovina S.G., Krivenko G.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: emotivity, emotive linguomigrationology, migrant, media discourse, emoticema

Article history:

Received: 01.06.2023

Accepted: 15.06.2023

For citation:

Karabulatova, I.S., Anumyan, K.S., Korovina, S.G. & Krivenko, G.A. (2023). Emoticeme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 818–840. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840>

Эмотикема УДИВЛЕНИЕ в новостном дискурсе России, Казахстана, Армении и Китая

И.С. Карабулатова^{1,2} , К.С. Анумян^{3,4} ,
С.Г. Коровина³ , Г.А. Кривенко⁵

¹ Хэйлунцзянский университет,

150080, Китай, Провинция Хэйлуцзян, г. Харбин, Район Наньган, пр-кт Сюэфулу, 74

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

119192, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 1

³Московский государственный лингвистический университет,

119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

⁴Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1

⁵Инновационный Евразийский университет,

140000, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 45

 karpisanumyan93@mail.ru

Аннотация. Любые новости иллюстрируют весь спектр эмоциональных оценок людей. Авторы анализируют новости о миграции, выделяют эмотивную лингвомиграционистику отдельно, поскольку эмоции играют ведущую роль в развитии лингвокультур принимающей страны и принимающих сообществ. Миграция трансформирует язык общения, создавая новые формы языка на стыке лингвистических и культурных реалий в виде пиджинов и обогащая способы восприятия мира эмотивами контактирующих лингвокультур. По мнению авторов, удивление является одной из ведущих эмоций в эмотиконе мигрантов. Авторы доказывают, что постсоциалистическая русофония имеет значительную языковую и культурную дистанцию, в зависимости от страны приема. В статье анализируются специфика эмотикемы в лексических характеристиках эмоции “удивление” в новостном дискурсе о мигрантах и миграции в России, Казахстане, Армении и Китае. Анализ эмотивного пространства новостного дискурса по теме миграции основан на теории эмоций (термин В.И. Шаховского) и лингвомиграциологии (термин И.С. Карабулатовой), учитывающей принцип репрезентативности. Такой подход позволяет нам проанализировать структуру поликодовых новостных дискурсов о миграции в Армении, Казахстан, Китай и России, интерпретировать эти дискурсы в контексте эмоциональности различных лингвокультур и в соответствии с коммуникативными задачами. Авторы полагают, что пробелы в фоновых знаниях принимающей страны становятся источником проявления эмоциональных ре-

алий у мигрантов. Исследование проведено на материале открытых медиаисточников и медийного дискурса. Авторы предлагают эту статью специалистам в области политологии, лингвистики, истории, психологии и т.д.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивная лингвомиграциология, мигрант, медиадискурс, новости, эмотикема,

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2023

Дата приема в печать: 15.06.2023

Для цитирования:

Karabulatova I.S., Anumyan K.S., Korovina S.G., Krivenko G.A. Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 818–840. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840>

Introduction

Migration actualizes the emotional manifestations of human nature, showing feelings and emotions during intercultural communication in moments of surprise, indignation, joy, sadness, etc. Due to individual character traits, some people express their inner state openly, others hide it. Thus, N.S. Khrustaleva points out the relationship between migration and feelings of sadness, sadness and even depression [1]. Therefore, the specialist faces an important task aimed at understanding both his own and others' emotions in the situation of the complexity of attribution of the parameters “we” vs “they” [2–4] in the context of migrant-oriented discourses. At the same time, the boundaries of what is permissible and possible differ in different cultures, which in turn is reflected in the response to changes in living conditions and freedoms [5; 6].

The modern world is aimed at the rapid nature of transformations and transformations due to globalization, migration, and digitalization. At the same time, the human psyche often does not keep up with these significant changes in everyday life, which allowed researchers to attribute migration to the source of chronic stress and transformation of mental processes [7–12], which, in our opinion, is reflected in the specifics of the speech of migrants, transforming the internal picture of the world [13–17].

The scientific novelty of the work is due to the growing interest of representatives of various scientific directions in the field of formation of emotional experiences in the situation of migration, changing social environment and stress [18–21].

The very problem of addressing emotive vocabulary [22–25] is being actively developed in linguistics. Charles Hockett rightly notes that “linguistics without anthropology is sterile, anthropology without linguistics is blind” [26. P. 675]. From the point of view of linguistics, the linguistic analysis of emotivity in language is conducted within the framework of the theory of emotions in the light of the currently dominant anthropocentric paradigm, which places the person in all his complexity and versatility at the center of the study: with his emotions, feelings,

needs, experiences, and life perceptions [27]. Based on this, we believe that the emotivity of migrants' speech is associated with a particular pattern of response of an individual who is in a state of prolonged psycho-emotional stress [28], caused by migration as a factor of accentuation of psycho-emotional behavioral traits of a person.

Materials and methods

The research material was the linguistic means of transmitting the emotive component of speech in the migrant-oriented discourse of Russia, Armenia, China and Kazakhstan, as countries with pronounced migration problems. We analyzed interviews of migrants from different countries who arrived in Russia (Armenia, Kazakhstan and returning migrants of Russia), as well as interviews of migrants from Russia in Western European countries published in open sources (newspaper, magazine publications, social media) on the Internet (267 interviews), in applications of interview results in studies on the socio-economic behavior of migrants [17; 20; 21] — 133 text excerpts from various interviews. We also conducted a pilot experimental survey of migrants who arrived: a) to Russia from Armenia and Kazakhstan — 56 people; b) to Armenia from other countries — 22 people; c) to Kazakhstan from other countries — 19 people; d) to China from other countries — 24 people. In total, we analyzed 521 interviews of migrants illustrating their psychoemotional state and assessment of their own migration.

In conducting this study, the authors used the methodology of pragmatic and discursive analysis, based on the theory of emotive linguistics (emotiology) and the theory of evaluation. "The following problems remain relevant in the theory of emotions: there is no consensus on the nature and essence of emotions; their full nomenclature has not been identified with accuracy; the mechanisms of their occurrence have not been determined; the laws of their impact on human life have not been fully described; there is no generally accepted classification of them; precise methods and procedures for studying emotional phenomena have not been developed; the conceptual and terminological apparatus, etc., remains disordered" [29. P. 41]. In this connection, we agree with G.N. Lenko [30] that the analysis of the emotive structure of language should provide for an interdisciplinary approach. The analysis and synthesis of empirical material with subsequent generalization and classification, linguistic observation, content analysis, discourse analysis, and definitional analysis formed the basis of our research.

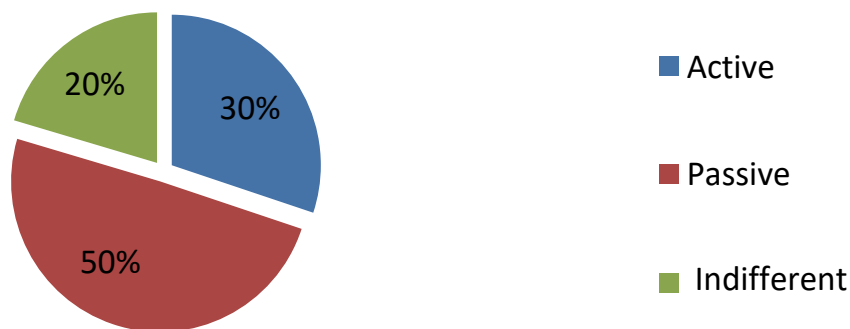
The general methodology of the study was influenced by classical and recent works on cognitive linguistics by N.D. Arutyunova [31], Yu.D. Apresyan [32], A.N. Baranov, V.A. Plungyan, E.V. Rakhilina [33], E. Benveniste [34], G.E. Kreidlin, M.A. Krongauz [35], J. Lakoff [36], E.F. Tarasov [2], V.I. Shakhovskiy [37; 38], and many others.

Results

On the one hand, migrant-oriented discourse arises because of oral and written communication of migrants with the receiving and releasing community, which is expressed both at the official and unofficial levels. On the other hand, we believe that the migrant-oriented discourse includes a variety of texts about migrants and migration, among which we distinguish separately scientific texts, official news texts, texts of fiction about migrants and migrant folklore. We believe that the designation of such a collection of literature on migration and migrants is appropriate to designate a migrant-oriented discourse as a more specific term than migration discourse.

The migration discourse in the interpretation of S.V. Shustova, E.O. Zubareva, N.V. Khorosheva (2020) is presented as a communicative process, the parties of which set themselves the task: “to adapt to the host country; to adopt the legislation of the country; to remain in their own denomination or change their religion; to master the language of the host country; to determine for themselves and their family the benefits of staying in this country; to make a decision about staying independently; to adapt to living conditions alone, family, group; to solve economic issues of life support; to give children an education; to provide the family with medical care; to adopt the culture of the titular nation” [39. P. 9].

We divided the migrants who participated in our survey into three conditional groups (see Fig. 1): 1) active migrants who know the language and culture of the host country (28 people); 2) dependent passive migrants are those who do not know the language, are not integrated or poorly integrated into the linguistic culture of the receiving country (46 people); 3) indifferent or indifferent migrants are those who do not seek to enter into any social ties, among them there are both successfully integrated and not adapted migrants (19 people).

Fig. 1. Survey results: Distribution by groups of social activity of migrants (2018–2021).

When a migrant finds himself in the new conditions of the receiving country, he is surprised by many things that are not included in his usual picture of the world. The experience of integration of migrants both in Russia and in the post-

Soviet countries is one of the topics that are constantly relevant for the sciences of the social and humanitarian profile. The change in the analytical mainstream transformed the secondary interpretation of the previously obtained results on the ethno-linguistic and socio-cultural adaptation of migrants, which allowed us to consider the previously published stories of migrants from a different angle, namely in the context of the internal experiences of the migrant, reflected with the help of emotive means of language.

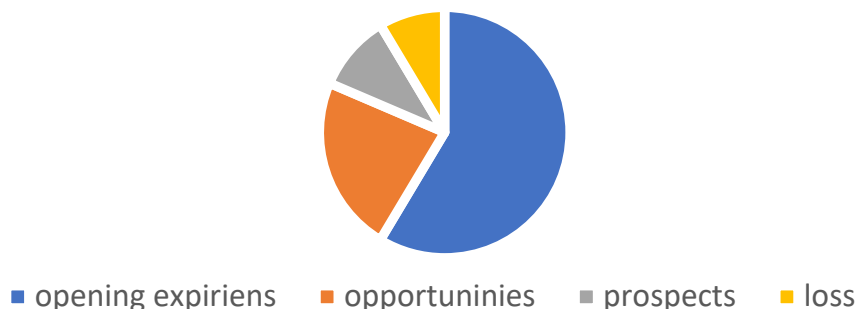
Modern science is gradually abandoning the rigid version of the “colonial approach” in displaying the topic of forced and forced migration (this happened in the Russian Empire and in the Soviet Union) for an adequate understanding of many processes of ethno-trauma in post-Soviet countries [40] and the desire of potential migrants to choose a new path in a new country that is mythologized due to various extralinguistic reasons.

Migrants are forced to radically transform their habitual patterns of behavior due to the dominance of other socio-cultural norms in the receiving country. Each culture has developed its own rules about the etiquette of communication, about the etiquette formulas of non-verbal behavior [35], which can have a pressing influence on the newly arrived member of society. For example, in Asian cultures (China, Kazakhstan, Vietnam, Korea, Uzbekistan, Japan), there is a “face rule”, in which a person must keep the brand and keep the face of success, despite negative external pressure. In this regard, Russia is often perceived as a country that is freer in its emotional manifestation. Or representatives of Western cultural countries demonstrate a smile that does not correspond to their internal state. Consequently, the emotional state of a certain subject, manifested as a reaction to a certain situation (or its description), and the further evolution of a particular emotional state within and outside the emotional situation has certain characteristics (duration, intensity, controllability, evaluability, etc.).

The surprise that a migrant experience can be both positive and negative, which depends both on the psychotype of the migrant himself and his linguistic and socio-cultural preparation for migration, and the extralinguistic characteristics of the receiving country. Depending on this, we can talk about two types of surprise: positive and negative (see Fig. 2). At the same time, the emotional spheres of migrants also differ depending on personal attitudes and the usual verbal response to the environment.

Ethno-socio-cultural etiquette may even prescribe the simulation of psycho-emotional states, which creates an additional burden for the migrant. The expression of loss is usually stigmatized. At the same time, the analysis of the language behavior of migrants and its speech manifestation often ignores the ethno-socio-cultural distance between the letting and receiving communities, which leave their imprint on the language personality of the migrant. We agree with experts in the field of the human psyche [12; 41], who argue that this socio-cultural distance is not only the main reason for the decrease in speech-thinking abilities due to stress and bilingual rapid

operation with concepts of two linguistic cultures, but also the difficulty in verbalizing their own psycho-emotional states among members of the migrant community. These problems, in turn, become a starting point for the development of mental problems that require the intervention of specialists of a different profile [11].

Fig. 2. The main emotive characteristics of migrants

When we talk about the emotion “surprise” as a reaction to a situation (seen) or its verbal representation, we pay attention to the fact that evaluativeness is the main characteristic of this ambivalent emotion, since evaluativeness, being an initial and subjective characteristic, determines the sign (positive or negative) that is associated with a particular emotion.

For example, a Russian writer of Kyrgyz origin, Musa Yriskeldinovich Murataliev, published a novel “The Invasion of Migrants” in 2013, and in 2017 he published a novel about migrants “Guest Worker” (2017), because life itself prompted him to describe Kyrgyz labor migrants in Russia. To some extent, the work of M. Murataliev echoes the novel by Ch. Aitmatov’s “Cassandra’s Brand” (2007), because it poses the problem of finding one’s own identity. The work of both writers eloquently illustrates the very control mechanisms of functionally equivalent languages in the linguistic personality of a natural bilingual, which ensures a successful process of speech activity in both languages. As a rule, migrants form a mythologized image of the country of origin, which is due to the psychological characteristics of the individual [1; 42].

In this regard, it is enough to recall “Afanasy Nikitin’s Journey across the Three Seas”¹ [43], in which we often meet with emotives that are valuable material for the study of psycho-emotional reactions and the subsequent transformation of the migrant’s worldview, which entails the transformation of the merchant’s linguistic personality as a return migrant [43]. Here we find what researchers will later designate as a “moratorium on identity” [10]. For the researcher of the migrant-oriented migrant discourse, this material is more interesting because it allows him

¹ Nikitin, A. (1999). *Walking across the Three Seas by Afanasy Nikitin*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

to include such research parameters, as well as characteristics of the phenomenon of a linguistic personality, as a speech picture of the world, the author's discursive strategies, his self-consciousness in the context of acculturation (secondary socialization) and inculturation (symbolization of "foreign" culture).

The key question for us is: does a person have a single identity, or does he acquire a different identity in the process of secondary socialization, characteristic of another linguistic culture, while abandoning his own? What causes a person to have a state of cultural shock and why? At the same time, the emotivity of the ethno-confessional aspect in linguomigratiology is a study that is quite complex due to the intimacy of the mental sphere.

By itself, the "foreign" culture of India cannot inform Nikitin of a collective identity, because it is fixed by a plurality of identities. "Without multiplicity there is no singularity, without otherness there is no originality" [44. P. 166]. Based on this, we believe that A. Nikitin as a migrant did not acquire another identity (Muslim) in the process of secondary socialization; he did not convert from Orthodoxy to Islam, as some researchers believe [45]. The very process of Afanasy Nikitin's secondary socialization caused the merchant to be surprised about the emergence of new ways of interaction in a new society, the acquisition of new socio-cultural roles in new discursive conditions of a foreign cultural environment.

Our hypothesis is confirmed in the author's lengthy description of the despair that A. Nikitin experienced after meeting with the Muslim ruler. The author of the notes castigates himself for not being able to confess his Christianity "Горе мнѣ, океанному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю уже самъ пойду. Господи Боже вседержителю, творецъ небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко скорбь близъ есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго и настави мя, Господи, на путь твой правый, яко никоея же добродѣтели в нужи той сотворих тебѣ, Господи мой, яко дни своя преплых все во злѣ, Господи мой, олло перводигерь, олло ты, каримъ олло, рагымъ олло, каримъ олло рагымелло; ахалимъдулимо" / "Woe to me, the accursed one, as I have lost my way from the true peath, and I do not know the way, and I'm already walking myself. O Lord God to the Almighty, creator of heaven and earth! Do not turn your face away from your servant, because I am a near tribulation. Oh, my God! Look upon me and have mercy on me, for I am your creation; do not turn me away from the true path, O Lord, and guide me, O Lord, on your right path, because you have created no virtue in that need, my Lord, because your days were all evil, my Lord, ollo pervodiger, ollo you, Karim ollo, ragim ollo, karim ollo ragimello; ahalimdulimo" (Allah is the Protector, Allah, you are Merciful; Allah, you are Compassionate; Allah is Gracious; Allah is the Benevolent God; Allah is the Merciful God; praise be to Allah)².

² Nikitin, A. (1999). *Walking across the Three Seas by Afanasy Nikitin*. St. Petersburg: Nauka.

A. Nikitin concludes this extraordinary prayer by insisting that he has not renounced Christianity. The above words sound like the last cry of despair and protest before the cruel inevitability. From that moment on, Nikitin turns all his prayers only to the Christian God, who cannot but be identified with Allah. He confesses that “Маметь дени иариа, а расть дени худо доносит (Muhammad’s faith is righteous) — а правую вѣру Богъ вѣдаетъ. А праваа вѣра Бога единого знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисту”³; that Muhammad is the “messenger of God”, that Jesus Christ is the “spirit of Allah”⁴.

The latter statement contradicts the basic Orthodox dogma, according to which the Father, the Son and the Holy Spirit are triune, the Father is the beginning, not born of anyone and not proceeding from anyone, the Son is born of the Father, and the Holy Spirit proceeds from the Father. At the same time, this statement reflects the Muslim teaching that Jesus was a prophet who brought the gospel and was supported by the spirit of Allah.

Not only the increasing proportion of Eastern prayers compared to Church Slavonic ones, but also the nature of these prayers and the conditions in which these prayers are pronounced, show that Afanasy Nikitin gradually adopted Islam not only as an appearance, but as another system of cultural signs. In fact, we are faced with the process of mixing or hybridization of ethno-socio-cultural identities in the linguistic picture of the world of the migrant merchant Nikitin [43]. The clash of Nikitin’s cultural stereotypes as a result of migration is a complex form, since the migrant’s connection with the previous culture is carried out only in his memory and imagination or indirectly, through following customs, traditions in food, clothing, etc.

This example is of interest to us, since modern migrants from the Muslim regions of Russia (Tatars, Bashkirs), having moved to Italy, experience the same problems as Afanasy Nikitin: they begin to visit Christian churches and send prayers with the original Islamic identity, which also indicates hybridization. For example: “Allah is Merciful. We need to go to chiesa and pray to the Virgin Mary that everything will be successful. Why are you surprised? And what to do, God is still one” (Razia, 63, a migrant worker from Ufa, works as a nurse in Genoa, Italy).

The emotion “surprise” manifests itself in interaction with other emotions, that is, it is in a relationship of equality with them and can be replaced (In terms of priority) by other emotions and vice versa [27].

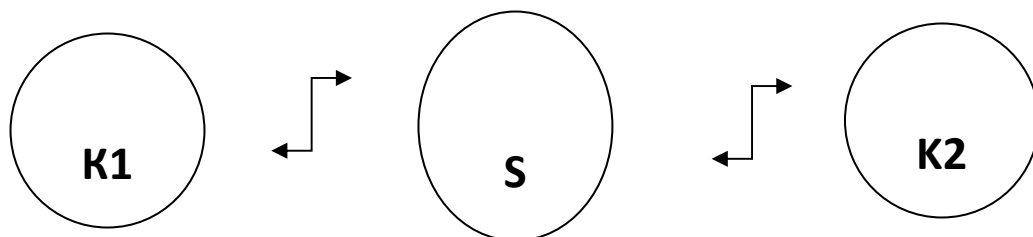

(In Russ.). P. 26; 13.

³ Nikitin, A. (1999). *Walking across the Three Seas by Afanasy Nikitin*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.). P. 29; 15.

⁴ Nikitin, A. (1999). *Walking across the Three Seas by Afanasy Nikitin*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.). P. 31; 17.

According to the concept of H. Bhabha [46], the contact of cultures leads to a gap in the place of contact. There is a situation of doubling or bifurcation, fragmentation of the migrant's consciousness. Polyphony or a mask worn over another mask become markers of a migrant's identity (see Fig. 3).

Fig. 3. The algorithm of interaction of ethno-linguistic cultures in the psycho-emotional sphere of a migrant

The very position of the migrant (S) between two cultures (K1 and K2) affects his consciousness: the migrant is between the past and the present. The model of H. Bhabha relies on the difference of elements within the whole, i.e. on the mechanism of hybridization, in contrast to other concepts, for which the “journey to” has become relevant. Hybridity makes it possible to choose a point of view and eventually becomes the voice of criticism itself, a means for producing a vision. And in this regard, hybridity also becomes a source of emotivity in the migrant's self-reflection, showing social phobias and social expectations.

Our analysis of the empirical material proves that in the absolute majority of speech situations, surprise as a reaction precedes the rest of the complex of psychoemotional reaction. This circumstance is especially striking when analyzing the migrant-oriented situation we are considering “migrants vs the receiving party”, whose participants are not just status-unequal communicants, but where it is obvious that one of them depends on the other, that is, should (and does not want or can) embody the intentions of the addressee, and it is difficult to imagine the possibility of negative emotions (irritation, anger, fear, etc.). They, of course, can be, but, as our analysis of practical material shows, they are usually not shown, suppressed.

In this regard, the examples extracted from the news migrant-oriented discourse, expressing the emotional and evaluative state of migrants, are indicative. So, Ivan Santana Lopez, a chef from Spain who moved to live in Armenia, uses the cognitive emotion of surprise when talking about his wife as follows: “We immediately found a common language, especially since she (the wife — I.K., etc.) knows Spanish perfectly. I was attracted to her by her sincerity, purity and amazing manners, as it turned out, inherited from her Armenian father”. Next, I.S. Lopez answers the question of the correspondent: “What surprised him the most in Armenia?”. The respondent answers: “First of all, I was surprised by the

history of Armenia”. At the same time, he points out that he knew very little about Armenia before meeting his future wife, and this is the norm for any other average resident of Spain: “I learned about Armenia and the great Armenian culture thanks to my wife. Many Spaniards associate Armenia with Colombia, as there is a city of the same name there. And in Spain, there are many immigrants from Colombia and from the city of Armenia,” — Ivan notes”⁵. Here we see that the emotion analyzed by us is expressed by the method of direct naming, i.e. projectively (the term of E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov), accompanied by positive-emotive evaluation.

For the successful adaptation of a migrant in the host community, the similarities of the cultures of the sending and receiving countries play an important role [3; 27]. In this regard, the following opinion of the above-mentioned migrant is of interest, that Armenians and Spaniards are brought together by “closeness in spirit”: “We also, like Armenians, honor family values, also gather with the whole family for a meal, etc.”⁵. Availability/ the absence of a large ethno-socio-cultural distance is a turning point for the transformation of the migrant’s behavioral matrix [43].

The emotion of “surprise” can be transmitted through the use of exclamations and exclamation sentences in speech. As a rule, this is how migrants mark a positive surprise from the joy of achieving their dreams (moving to a region, a country of migration) in the first months of being in a new place.

For example: “I accidentally drove into this small country and disappeared. I just fell in love with Slovenia, as one falls in love with a man. (...) I didn’t need anyone and nothing but Slovenia. I even stopped looking at men! Piran is a city in Slovenia. It’s impossible not to fall in love! Did I do the right thing by following my dream of moving? Three times yes”⁶;

“Even as a student, during the summer holidays, I came to stay (...) in Nur-Sultan. It was 2010. Then the city was actively being built. I really liked the city, the people, the hospitality. The city literally inspired me, and sunk into my soul.” — said Albina Moldynova”⁷;

“Walking through the streets of Moscow, I thought: “Here you feel free. This country is perfect for me, and I want to live in it!”. After that, I came here 20 times, looking for a place for business. I was surprised at how expensive rent is in Moscow — in the center you need to spend several thousand dollars on it! But

⁵ Sarkisyan, L. (2017). How a Spaniard fell in love with hash and moved to Yerevan. *Sputnik News Agency. Sputnik-Armenia*, 11.03.2017 [Electronic source]: Как испанец полюбил хаш и переехал жить в Ереван — Рамблер/новости (rambler.ru) (In Russ.).

⁶ Sianto, Y. (2018). The story of one big dream about moving, 08.02.2018 [Electronic resource]: <https://interesno.co/myself/c9d43249b090> (In Russ.).

⁷ Borisova, A. (2021). *V pogone za uspehom i schast'yem: istoriya pereyezda rossiyaniki v Kazakhstan* [In pursuit of success and happiness: the story of the move of a Russian woman to Kazakhstan]. In: Nur.KZ, 31.07.2021. URL: <https://www.nur.kz/nezavisimost/1924872-v-pogone-za-uspehom-i-schastem-istoriya-pereezda-rossiyaniki-v-kazahstan/> (In Russ.).

I was lucky!” — says 35-year-old barber Teddy Boy Greg, who moved from sunny California to Moscow⁸.

The stage of delight is then replaced by the stage of crisis, when migrants feel more acutely the negative influence of the new society; face various kinds of intercultural differences. During this period, the emotion “surprise” characterizes the distance between expectations and reality in the picture of the migrant’s world. The negative aspect of surprise contributes to cultural shock, which characterizes the state of physical, emotional, and social discomfort that occurs during the adaptation of a migrant in a new socio-cultural environment.

For example: “It seems to me that everything is being done much faster in terms of public services in Kazakhstan. You can come to one institution and deal with all the issues. I have all my relatives left in Kazakhstan, so I try to come there during holidays and holidays. This is my Homeland, I have lived there most of my life and always remember it with warmth,” — says Vladimir Shmakov, 26, who moved from the Kazakh city of Temirtau to Tyumen⁹.

The analysis of the empirical material shows that a migrant begins to realize his gaps in the background knowledge of the receiving country, even if this migrant comes from among immigrants [13; 16]. For a migrant who is at this stage of understanding his own relocation, the understanding of his own feelings of nostalgia, frustration, sadness, and depression can cause surprise between them. The migrant’s condition is aggravated by the collapse of his expectations about his own abilities to express his thoughts and emotions adequately and fully in another language, leading to depression and complex mental disorders [11].

The migrant-oriented discourse demonstrates that a migrant can experience confusion, delight, shock, and amazement when immersed in the realities of another culture. At the same time, we believe that examples from the migrant-oriented news discourse direct the attention of recipients, speakers of the linguistic culture of the receiving country, to those elements of background knowledge about their own country that are perceived as ordinary in the country itself. As a result, there is a secondary emotion of surprise in native recipients from the perception of migrant-oriented discourse.

As a result, we consider it legitimate to separate emotive linguomigrationology as a separate direction in applied linguistics. Under emotive linguomigrationology, we understand such a section in linguistic migrationology, which considers the verbal characteristics of the psycho-emotional states of migrants, the verbal characteristics of the psycho-emotional component of migrant-oriented discourses.

⁸Matveeva, A. (2018). *An American in Moscow: “I dream of a Russian wife and a Russian passport”*, RIAMO, 27.11.2018. URL: <https://riamo.ru/article/325242/amerikanets-v-moskve-mechtay-u-russkoj-zhene-i-rossijskom-pasporte.xl> (In Russ.).

⁹Weproject.media (2019). *Ethnic Russians about moving to Russia: about the difficulties, benefits, and why they miss Kazakhstan*, 23.03.2019. URL: (In Russ.).

Discussion

Migration as a powerful stress factor clearly manifests the entire spectrum of emotions of the human psyche [1; 7; 11; 24; 47]. Traditionally, representatives of such sciences as psychology and psychiatry, philosophy and law have been engaged in the analysis of emotions since ancient authors. Despite the development of the analysis of emotionally colored vocabulary in the language, emotivology or emotive linguistics began to be developed only in the 80s of the twentieth century, when the language of emotions became the object of study from semantic and pragmatic points of view [29; 37; 46].

Russian emotive linguistics became structured thanks to the works of V.I. Shakhovskiy [37–38], who rightly emphasized the relevance of studying the language of the psychoemotional sphere of a person using an interdisciplinary approach [38], which was later developed by other researchers in a synergetic aspect [8; 25; 27; 30; 48].

We agree with the opinion of N.V. Dorofeeva [49] that there are universal characteristics of the emotion “surprise”. The researcher describes them as: “a) the need to obtain maximum information about the object of surprise — mimic and cranial kinemes; b) a feeling of helplessness — mimic, cranial and manual gestures; c) cognitive tension — lowering of the eyebrows, scratching the back of the head, narrowing of the eye slit; d) doubt about the truth of what is happening — blinking, shaking the head, twisting the finger at the temple; e) a feeling of discomfort — distortion of facial features; f) the need for protection — the movement of the body backwards and to the side; g) the experience of the absurdity of what is happening — a smile and laughter; h) the need for active actions — the movement of the body upwards; i) the need to hide your experience — covering your face/eyes/mouth with your hands” [49. P. 158–159]. In general, understanding the emotivity of a foreign linguistic culture improves emotional intelligence, which helps the adaptation of a migrant in the receiving country.

Some linguistic researchers suggest the term “migration discourse” as a designation of a variety of social practice, since “it is formed by social structures and social agents” [50. P. 25]. Some researchers consider it as a part of political discourse. For example, I.V. Khokhlova, considering these discourses as the first part of the second, believes “that many signs and features of the latter are also more or less inherent in the first” [51. P. 185].

We believe that the multidimensional nature of the phenomenon of migration itself has led to the non-differentiation of migration-oriented and migrant-oriented discourses. It is no coincidence that T.A. van Dijk defines migration discourse as a complex structure that includes the implementation of linguistic, social, political, and cultural aspects of migration in different genres, as well as history, economics, migration policy, etc. [52. P. 230]. He suggested that migration can be described by means of semantic macrostructures consisting of macropositions that include local values of discourse [52. P. 233].

E.O. Zubareva, relying on the structure proposed T.A. van Dijk, having refined, and expanded it, built a system of modules of migration discourse (see: Fig. 4). At the same time, the author points out that this model assumes expansion by including other modules or topics, while simultaneously offering the following modules as examples: “social agents, migrant phobia, national language security, language conflict, speech aggression, migration crisis, social mobility, enclaves, types of migration, language, cultural, psychological adaptation, migration laws, language transformations” [53. P. 68].

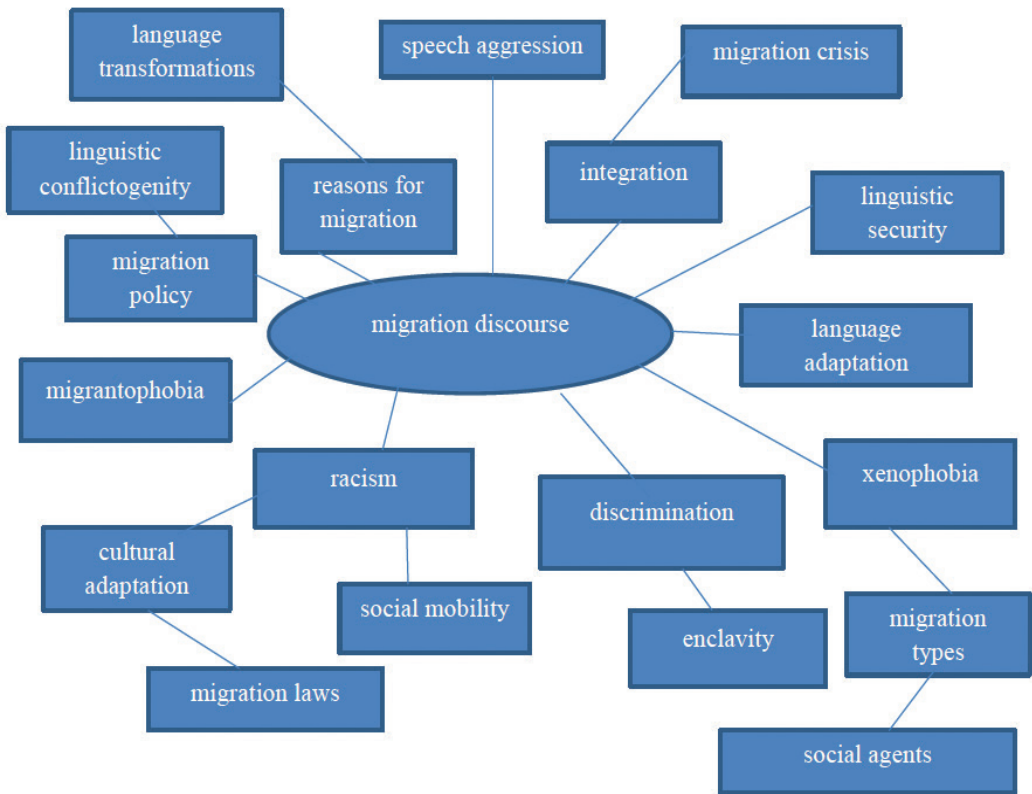

Fig. 4. The scheme of migration discourse modules proposed by E.O. Zubareva [59]

As we can see from the scheme of E.O. Zubareva, the discursive space about migration and migrants is built along the axes: “documentality ↔ artistry” and “formality ↔ everyday life”, so this scheme needs to be refined and clarified. In addition, we believe that this scheme is more suitable for displaying the main topics related to migration.

Based on this, we foresee that the integration of migrants into society will go beyond the acquisition of the language of the new host country as an educational language, since the understanding of the socio-cultural aspects of the new

language, the change in the mobility of migrants of recent decades [54; 55], the actualization of the electronic-digital communication format makes the transition from a homogeneous to a multicultural society a bifurcation point for the further development of society, a certain key moment.

Conclusion

The interpretation of any discursive space in its ultimate, Abstract embodiment implies not only the possibility of identifying all the meanings that are present in a particular discourse, but also gives it integrity, harmony, proportionality, and interrelation of the constituent components. At the same time, the entire experience of real interpretation, starting with the usual reading of the text that forms the core of the discourse, and ending with its special research based on the methodology of various scientific disciplines, almost always generates a situation when, due to various circumstances, some fragments of the discursive space are not perceived by the interpreter, rejected, disputed.

Media discourse and migration discourse uses the objectification work of the mental structures underlying the emotional reactions of a person. Objectification acts as a process of fixing in the language of Abstract mental categories of mental and emotive spheres that are inaccessible to direct observation, and all the characteristics of emotive states (duration, intensity, evaluativeness, etc.), which are expressed at various levels of the language system (lexemes nominating emotions, phraseology, emotive phonetics, morphological categories, syntactic means, emotively colored vocabulary, syntax) and in the formation of complex objectifies of emotions, They are a synthesis of units of different language levels in more complex formations (situations, context, text).

The development of a conceptual scheme for analyzing the relationship between migration and the ethno-linguistic process, associated with the need to consider several traditional concepts in a linguistic context, actualizes the need to form a new scientific direction in the philological sciences with a clear distinction between terminological fields and spaces.

Emotive linguomigrationology reveals great prospects both in terms of studying the language personality of a migrant, psycholinguistics, and in terms of improving methods of teaching foreign languages, as well as in the context of compiling and using health-saving methods.

References

1. Khrustaleva, N.S. (2010). The experience of mental trauma and sadness in the conditions of emigration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 1, 253–260. (In Russ.).
2. Tarasov, E.F. (2022). Introduction to the psycholinguistic theory of Intercultural communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 861–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875> (In Russ.).

3. Karabulatova, I.S., Lyausheva, S.A., Nagoy, A.A., Rozhkov, A.A. & Studenikina, E.S. (2018). The problem of “OUR/OTHERS” in the discourse of intercultural communication and the new challenges of globalization and migration. *Interciencia Journal*, 43(8), 177–192.
4. Tashlykova, M.B. (2020). Migration and migrants: “when words smuggle ideas”. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(5), 650–664. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0596>
5. Bekoeva, I.D., Balikoeva M.I., Denisenko A.V. & Kalinina, Yu.M. (2022). Conceptual composing, figurative-metaphorical and value characteristics of concepts SÆRIBAR/SÆRIBARDZINAD and FREEDOM/LIBERTY *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 989–1004. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-989-1004> (In Russ.).
6. Korovina, S.G. & Shabelskaya, N.K. (2022). Social network as a form of teaching the Chinese language in *Chinese civilization in the dialogue of cultures: materials of the 5th International scientific and practical conference*. Moscow: RUDN publ. pp. 107–115. (In Russ.).
7. Achotegui, J. (2005). Limiting stress and mental health: chronic and multiple stress immigrant syndrome (Ulysses syndrome). *Northern Journal of Mental Health of the Spanish Society of Neuropsychiatry*, 5(21), 39–53.
8. Achotegui, J., Morales, M.M., Cervera, P., Quirós, C., Pérez, J.V., Gimeno, N., Llopis, A., Moltó, J., Torres, A.M. & Borrell, C. (2010). Characteristics of immigrants with chronic immigrant stress syndrome or Ulysses syndrome. *The Spanish Society of Neuropsychiatry*, 8(37), 23–30.
9. Diaz-Cuellar, A.L., Ringe, H.A. & Schoeller-Diaz, D.A. (2013). *The Ulysses Syndrome: Migrants with chronic and multiple stress symptoms and the role of indigenous linguistically and culturally competent community health workers*. URL: www.panelserver.net/laredatenea/documentos/alba.pdf (accessed: 12.07.2022).
10. Kamaldinov, D.O., Kiseleva, L.T. & Ovchinnikov, A.A. (1999). The influence of society and the status “Moratorium on identity” in the formation of addiction. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2–3, 396–397. (In Russ.).
11. Semke, V.Ya. (2012). Industrial migration and mental health. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2(71), 5–6. (In Russ.).
12. Sultanova, A.N. (2019). Mental disorders in migrants developing in the conditions of migration: clinical, psychological, social characteristics in dynamics, stage-by-stage treatment and rehabilitation assistance [dissertation]. Moscow: Moscow State Medical and Dental University named after A.I. Evdokimov publ. (In Russ.).
13. Ebzeeva, Yu., Sheipak, S., Gishkayeva, L., Nakisbaev, D., Karabulatova, I. & Dubinina, N. (2017). The problems of formation of the modern elitist language personality in the age of globalization and migrations. *Man in India*, 97(23), 321–328.
14. Ebzeeva, Y.N., Karabulatova, I.S. & Nakisbaev, D.A. (2018). The problems of transformation of the personal identity in a modern migrant. *Astra Salvensis*, 6, 1, 729–738. <https://astrasalva.files.wordpress.com/2018/04/as-supp-1.pdf>
15. Islamova, Ju., Karabulatova, I., Kattsina, T., Polekhina, M. & Lyausheva, S. (2019). Discourse of nostalgic experiences of reemigrants in the Post-adaptation Period: historical and linguistic Parallels. In: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 374. International Conference on Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches (MPLG-IA 2019)*. Atlantic Press. pp. 175–179. <https://doi.org/10.2991/mplg-ia-19.2019.35>
16. Karabulatova, I.S., Chesnokova, O.S., Ebzeeva, Yu.N. & Radovič, M. (2020). The influence of Islamic migration on Russian and Spanish society: verbalization of the concept “MOOR”. *Terra Sebus*, 12, 301–325. URL: https://www.cclbsebes.ro/wp-content/uploads/2021/03/Terra-Sebus-12-16_-I_Karabulatova_et_alii.pdf (accessed: 12.07.2022).
17. Semenov, K.K. (2016). “I will not change my hatred of the Bolsheviks”: Alexey von Lampe as a mirror of military emigration]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 1, 76–91. (In Russ.).

18. Harmz, Wahid. (2002). Psychological adaptation of emigrants (Based on a study of Iraqi emigrants in Sweden), St. Petersburg: Rech'. (In Russ.).
19. Kiseleva, L.T., Ovchinnikov, A.A. & Sultanova, A.N. (2016). Features of the emotional response of migrants as a factor that reduces the success of adaptation. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 1(90), 9–14, https://elibrary.ru/download/elibrary_25897903_63806588.pdf (In Russ.).
20. Makhovskaya, O.I. (2003). *The temptation of emigration, or women flying to Paris*. Moscow: LitRes. (In Russ.).
21. Chelyshev, E.P. (2002). *Rossiyskaya emigratsiya: 1920-30-ye gody. Istoriya i sovremennost'* [Russian emigration: 1920-30s. History and modernity]. Moscow: Graf-Press. (In Russ.).
22. Anumyan, K.S. & Karabulatova, I.S. (2022). Emotivome “surprise” in the aspect of projectively and pragmatically constructed information. *Bulletin of the Russian New University. Human in the modern world*, 2, 85–91. <https://doi.org/10.18137/RNU.V925X.22.02.P.085>. (In Russ.).
23. Ebzeeva, Yu.N. & Lenko, G.N. (2016). Lexical means of expressing emotiveness (based on the texts of works of art by contemporary English, French and German authors). *Russian language studies*, 1, 142–151.
24. Firsova, N.M. (2004). Reflection of national characteristics of emotions of Hispanic and English-speaking peoples in verbal means of communication. *Russian Journal of Linguistics*, 6, 71–79. (In Russ.).
25. Karpova, Yu.A. (2011). Means of expressing emotive-empathic interaction in conditions of speech communication. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 4(16), 73–79. (In Russ.).
26. Hockett, C.F. (1973). *Man's place in nature*. New York; London: McGraw-Hill.
27. Anumyan, K.S. (2020). Features of emotive and communicative adaptation processes of migrants. *Bulletin of the Russian New University. Human in the modern world*, 4, 58–62. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.04.P.063> (In Russ.).
28. Semke, V.Ya. & Bokhan, N.A. (2008). *Transcultural addictology*. Tomsk: Russian Academy of Medical Sciences, Siberian Branch. (In Russ.).
29. Tarasova, O.D. (2015). The main directions of emotion research in linguistics. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 38–45. (In Russ.).
30. Lenko, G.N. (2017). Category of emotiveness: interdisciplinary approach. In: *Scientific support for the development of the agro-industrial complex in the context of import substitution*. Proceeding of “Scientific support for the development of agriculture and the reduction of technological risks in the food sector”. St. Petersburg: St. Petersburg Agrarian University pp. 256–260. (In Russ.).
31. Arutyunova, N.D. (1998). *Human language and world*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
32. Apresyan, Yu.D. (1995). *Lexical semantics: Synonymous language means*. Moscow: Nauka. URL: http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/ssfp/apresjan_lexsem.pdf (accessed: 12.07.2022). (In Russ.).
33. Baranov, A.N., Plungyan, V.A. & Rakhilina, E.V. (1993). *A guide to the discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovsky and partners. (In Russ.).
34. Benveniste, E. (2002). *General linguistics. General ed., introductory article and comment*. Moscow: URSS. (In Russ.).
35. Kreidlin, G.E. & Krongauz, M.A. (2015). *Semiotics, or the ABC of communication*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
36. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
37. Shakhovskiy, V.I. (2018). The cognitive matrix of an emotional and communicative personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 54–79. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79> (In Russ.).

38. Shakhovsky, V.I. (2019). Substantiation of the linguistic theory of emotions. *Journal of Psycholinguistics*, 1(39), 22–37. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37> (In Russ.).
39. Shustova, S.V., Zubareva, E.O., Khorosheva, N.V., Kosteva, V.M., Moschanskaya, E.Yu., Kinderknecht, A.S. & Köck, Jh. (2020). *Migration linguistics in the modern scientific paradigm: discursive practices, translation, didactics*: monograph. Perm: Perm State National Research University publ. (In Russ.).
40. Osipov, G., Karabulatova, I., Shafranov-Kutsev, G., Kononova, L., Akhmetova, B., Loskutova, E. & Niyazova, G. (2016). Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space in Central Asia and the Caucasus. *Journal of Social and Political Studies*, 17(2), 87–94.
41. Gritsenko, V.V. (2008). The problem of the impact of migration on mental health in cross-cultural psychology. In: *Actual issues of rehabilitation in the XXI century*. Smolensk: Smolensk University for the Humanities. pp. 48–50. (In Russ.).
42. Konstantinov, V.V. & Kovaleva, N.A. (2010). Socio-psychological analysis of the phenomenon of separation of migrants from their homeland: Monograph. Penza: PSPU named after V.G. Belinsky publ. (In Russ.).
43. Karabulatova, I.S. (2017). Transcultural Conflict and Reflection of the Transformation of the Personality of a Labor Migrant in “Walking Beyond the Three Seas” by Afanasy Nikitin. In: *Migration Bridges of Eurasia: Models of Effective Migration Management in the Context of the Development of the Eurasian Integration Project*. Vol. 2. Moscow: Economic Education. pp. 140–145. (In Russ.).
44. Assmann, J. (2000). *Religion und kulturelles Gedächtnis*. Munchen: Verlag C.H. Beck.
45. Alekseyev, P.V. (2009). The Muslim code of Afanasy Nikitin's “Voyage across the Three Seas”. *World of Science, Culture, Education*, 3(15), 70–74. (In Russ.).
46. Bhabha, H. (1994). *The Location of Culture*. London—New York: Routledge.
47. Kulikova, L.V. (2017). Diskursive Praktiken des interkulturellen Paternalismus in den modernen Migrationsgesellschaften (am Beispiel des deutschsprachigen Raums). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 1(10), 47–58. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0005>
48. Pchelkina, D.S. & Timoshkin, D.O. (2020). Russian-speaking “migrant YouTube” as a focus of urban and social studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(5), 676–687. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0598> (In Russ.).
49. Dorofeeva, N.V. (2002). Surprise as an emotional concept (based on the Russian and English languages). Krasnodar: KubSU. (In Russ.).
50. Zubareva, E.O. (2018). The concept of “migrant” in the migration discourse (on mat. of a free associative experiment) in a scientific result. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4(4), 29–41. (In Russ.).
51. Khokhlova I.V. (2014). Metaphors in the migration discourse of Germany (on the example of reports about refugees during the “Arab Spring”). *Vestnik of Kostroma State University*, 20(1), 185–188. (In Russ.).
52. Dijk, van T.A. (2018). Discourse and migration. *Qualitative Research in European Migration Studies*, Ricard Zapata-Barrero, Evren Yalaz (eds.). Switzerland: SpringerOpen. pp. 227–245. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8-13>
53. Zubareva, E.O. (2019). Linguistic representation of the concept of migration. In: *Migration linguistics in the modern scientific paradigm*. Perm: Perm State National Research University publ. pp. 65–112. (In Russ.).
54. Dyatlov, V.I. & Dyatlova, E.V. (2020). From the “influx of the yellow race” to “migrant workers”: dynamics of the languages for describing cross-border migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(5), 623–638. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0594> (In Russ.).

55. Entina, T., Karabulatova, I., Kormishova, A., Ekaterinovskaya, M. & Troyanskaya, M. (2021). Tourism Industry Management in the Global Transformation: Meeting the Needs of Generation Z. *Polish Journal of Management Studies*, 23(2), 130–148. <https://doi.org/10.17512/pjms.2021.23.2.08>

Библиографический список

1. Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы в условиях эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 1. С. 253–260.
2. Тарасов Е.Ф. Введение в психолингвистическую теорию межкультурного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 861–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875>
3. Karabulatova I.S., Lyausheva S.A., Nagoy A.A., Rozhkov A.A., Studenikina E.S. The problem of “OUR/OTHERS” in the discourse of intercultural communication and the new challenges of globalization and migration // *Interciencia Journal*. 2018. № 43(8). P. 177–192.
4. Ташлыкова М.В. Миграция и мигранты: Migration and migrants: «когда миры управляют идеями» // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 13(5). С. 650 — 664. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0596>
5. Бекоева И.Д., Баликоева М.И., Денисенко А.В., Калинина Ю.М. Понятийная составляющая, образно-метафорические и ценностные характеристики концептов СÆРИБАР/СÆРИБАРДЗИНАД и FREEDOM/LIBERTY // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 989–1004. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-989-1004>
6. Коровина С.Г., Шабельская Н.К. Социальная сеть как форма обучения китайскому языку // Китайская цивилизация в диалоге культур: материалы V международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2022. С.107–115.
7. Achotegui J. Limiting stress and mental health: chronic and multiple stress immigrant syndrome (Ulysses syndrome) // *Northern Journal of Mental Health of the Spanish Society of Neuropsychiatry*. 2005. № 5(21). P. 39–53.
8. Achotegui J., Morales MM, Cervera P., Quirós C., Pérez J.V., Gimeno N., Llopis A., Moltó J., Torres A.M, Borrell C. Characteristics of immigrants with chronic immigrant stress syndrome or Ulysses syndrome // *The Spanish Society of Neuropsychiatry*. 2010. № 8(37). P. 23–30.
9. Diaz-Cuellar A.L., Ringe H.A., Schoeller-Diaz D.A. The Ulysses Syndrome: Migrants with chronic and multiple stress symptoms and the role of indigenous linguistically and culturally competent community health workers, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.panelserver.net/laredatenea/documentos/alba.pdf (дата обращения: 12.07.2022).
10. Камалдинов Д.О., Киселева Л.Т., Овчинников А.А. Влияние и статус «Моратория на идентичность» при формировании аддикции // *Сибирский Вестник психиатрии и наркологии*. 1999. № 2–3. С. 396–397.
11. Семке В.Я. Промышленная миграция и психическое здоровье // *Сибирский Вестник психиатрии и наркологии*. 2012. № 2(71). С. 5–6.
12. Султанова А.Н. Психические расстройства у мигрантов в условиях развивающиеся в условиях миграции: клинико-психологические, социальные характеристики в динамике, поэтапное лечение и реабилитационная помощь: автореферат дисс. ... д-ра мед. наук. М.: МГМСУ им. А.И. Евдокимова, 2019.
13. Ebzeeva Yu., Sheipak S., Gishkayeva L., Nakisbaev D., Karabulatova I., Dubinina N. The problems of formation of the modern elitist language personality in the age of globalization and migrations // *Man in India*. 2017. № 97(23). P. 321–328.

14. *Ebzeeva Yu.N., Karabulatova I.S., Nakisbaev D.A.* The problems of transformation of the personal identity in a modern migrant // *Astra Salvensis*. 2018. № 6.1. P. 729–738. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://astrasalva.files.wordpress.com/2018/04/as-supr-1.pdf> (дата обращения: 12.07.2022).
15. *Islamova Ju., Karabulatova I., Kattsina T., Polekhina M., Lyausheva S.* Discourse of nostalgic experiences of reemigrants in the Post-adaptation Period: historical and linguistic Parallels // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. vol. 374. International Conference on Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary Approaches (MPLG-IA 2019). Atlantic Press, 2019. P. 175–179. <https://doi.org/10.2991/mplg-ia-19.2019.35>
16. *Karabulatova I.S., Chesnokova O.S., Ebzeeva Yu.N., Radovič M.* The influence of Islamic migration on Russian and Spanish society: verbalization of the concept “MOOR” // *Terra Sebus*. 2020. № 12. P. 301–325. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cclbsebes.ro/wp-content/uploads/2021/03/Terra-Sebus-12-16_-I_Karabulatova_et_alii.pdf (дата обращения: 12.07.2022).
17. *Семенов К.К.* «Моей ненависти к большевикам я не изменю»: Алексей фон Лампе как зеркало военной эмиграции // *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*. 2016. № 1. С. 7–91.
18. *Хармз В.* Психологическая адаптация эмигрантов (на материале исследования иракских эмигрантов в Швеции). СПб: Речь, 2002.
19. *Киселева Л.Т., Овчинников А.А., Султанова А.А.* Особенности эмоционального реагирования мигрантов как фактор, снижающий успешность адаптации // *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2016. № 1(90). С. 9–14.
20. *Маховская О.И.* Соблазн эмиграции или женщины, летающие в Париж. М.: LitRess, 2003.
21. *Чельшев Е.П.* Российская эмиграция: 1920–1930-ые годы. История и современность. М.: Graf-Press, 2002.
22. *Анумян К.С., Карабулатова И.С.* Эмотикема «удивление» в аспекте проективно и прагматически построенной информации // *Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире»*, 2022. Вып. 2. С. 85–91. <https://doi.org/10.18137/RNU.V925X.22.02.P.085>
23. *Эбзеева Ю.Н., Ленько Г.Н.* Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика преподавания*. 2016. № 1. С. 142–151.
24. *Фирсова Н.М.* Отражение национальных особенностей эмоций испаноязычных и англоязычных народов в вербальных средствах коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2004. № 6. С. 71–79.
25. *Карпова Ю.А.* Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // *Вестник Пермского государственного университета. Русская и иностранная филология*. 2011. № 4(16). С. 73 — 79.
26. *Hockett C.F.* Man’s place in nature. New York; London: McGraw-Hill, 1973.
27. *Анумян К.С.* Особенности эмотивно-коммуникативных процессов адаптации мигрантов // *Вестник РосНОУ. Серия: Человек в современном мире*. 2020. № 4. С. 58–62. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.04.P.063>
28. *Семке В.Я., Бохан Н.А.* Транскультурная аддиктология. Томск: РАМН, 2008.
29. *Тарасова О.Д.* Основные направления исследования эмоций в лингвистике // *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*. 2015. № 3. С. 38— 45.
30. *Ленько Г.Н.* Категория эмотивности: интердисциплинарный подход // *Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения. Сб. науч. тр. междунар. научно-практ. конф. ППС «Научное обеспечение развития сельского хозяйства и снижение технологических рисков в продовольственной сфере»*. СПб: С-Петербургский аграрный университет, 2017. С. 256— 260.
31. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
32. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1995.

33. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
34. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: URSS, 2002.
35. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. М.: Флинта, 2015.
36. Лакофф Г., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Editorial URSS, 2004.
37. Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. № 22(1). С. 54–79. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79>
38. Шаховский В.И. Обоснование лингвистической теории эмоций в вопросах психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1(39). С. 22–37. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37>
39. Шустова С.В., Зубарева Е.О., Хорошева Н.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Kinderknecht А.С., Köck Jh. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография. Пермь: ПГНИУ, 2020.
40. Osipov G., Karabulatova I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Niyazova G. Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space // Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies. 2016. № 17(2). P. 87–94.
41. Гриценко В.В. Проблема влияния миграции на психическое здоровье в кросс-культурной психологии // Актуальные вопросы реабилитации в XXI веке. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2008. С. 48–50.
42. Константинов В.В., Ковалева Н.А. Социально-психологический анализ феномена расставания мигрантов с родиной: монография. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2010.
43. Карабулатова И.С. Транскультурный конфликт и отражение трансформации личности трудового мигранта в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина // Миграционные мосты Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: сб. статей IX международного научно-практического форума (Москва, 28–29 ноября 2017 г.). Т. 2. М.: Экономическое образование, 2017. С. 140–145.
44. Assmann J. Religion und kulturelles Gedächtnis. Munchen: Verlag С.Н. Beck, 2000.
45. Алексеев П.В. Мусульманский код «Хождения за три моря!» Афанасия Никитина // Мир науки, культуры и образования. 2009. № 3(15). С. 70 —74.
46. Bhabha H. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994.
47. Kulikova L.V. Diskursive Praktiken des interkulturellen Paternalismus in den modernen Migrationsgesellschaften (am Beispiel des deutschsprachigen Raums) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1(10). С. 47–58. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0005>
48. Пчелкина Д.С., Тимошкин Д.О. Русскоязычный «мигрантский YouTube» как фокус городских и социальных исследований // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 13(5). С. 676–687. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0598>
49. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков). Краснодар: КубГУ, 2002.
50. Зубарева Е.О. Понятие «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) в научном результате // Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. № 4(4). С. 29–41.
51. Хохлова И.В. Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере о беженцах в период «Арабской весны») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 20. 1. С. 185–188.
52. Dijk van T.A. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies, Ricard Zapata-Barrero, Evren Yalaz (eds.). Switzerland: SpringerOpen, 2018. P. 227–245. https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13

53. Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко А.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Шустова С.В. Лингвистическое представление концепции миграции в современной научной парадигме // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 65–112.
54. Дятлов В.И., Дятлова Е.В. От «притока желтой расы» к «рабочим-мигрантам: динамика языков описания трансграничных миграций в России // Журнал Сибирского федерального университета. Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 13(5). С. 623–638. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0594>
55. Entina T., Karabulatova I., Kormishova A., Ekaterinovskaya M., Troyanskaya M. Tourism Industry Management in the Global Transformation: Meeting the Needs of Generation Z // Polish Journal of Management Studies. 2021. № 23(2). P. 130–148. <https://doi.org/10.17512/pjms.2021.23.2.08>

Information about the authors:

Irina S. Karabulatova, D.Sc. in Philology, Professor, Head of the Center for Digital Humanitarian Technologies “Russian Language +” Institute of Russian Language, Heilongjiang University, Leading Researcher of the Laboratory of “Semantic Analysis and Machine Learning” of the Institute of Advanced Research and Problems of Artificial Intelligence and Intelligent Systems of Lomonosov Moscow State University; *Research interests*: psycholinguistics, computational linguistics, theory of linguistic consciousness; *e-mail*: karabulatova-is@rudn.ru; Karabulatova.is@mipt.ru

ORCID: 0000-0002-4228-3235; ResearcherID: M-2778-2013

Karpis S. Anumyan, PhD in Philology, senior lecturer of the Department of Historical Sciences and Archival Studies of the Institute of Humanities and Applied Sciences of the Moscow State Linguistic University (MSLU), senior lecturer of the Department of Discursive Practices of the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy, RANEPА); *Research interests*: psycholinguistics, emotiology, linguistic migrationology, natural language analysis; *e-mail*: karpisanumyan93@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6125-4942; ResearcherID: AAW-8341-2020

Svetlana G. Korovina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Chinese Language, Translation Faculty, Moscow State Linguistic University (MSLU); *Research interests*: translation studies, sinology, theory of linguistic consciousness; *e-mail*: svetlanakorovina@list.ru

ORCID: 0000-0002-4316-8212; ResearcherID: A-8213-2017

Galina A. Krivenko PhD in Philology, Associate Professor of the Department of “Journalism and Philology” of the Innovative University of Eurasia; *Research interests*: bilingualism and polylingualism, language code switching; *e-mail*: galinakrvnk@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0370-6044; ResearcherID: GLR-0430-2022

Сведения об авторах:

Карбулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; руководитель Центра цифровых гуманитарных технологий «Русский язык +» Института русского языка Хэйлунцзянского университета, ведущий научный сотрудник лаборатории семантического анализа и машинного обучения Института перспективных исследований и проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; *сфера научных интересов*: психолингвистика, компьютерная лингвистика, теория языкового сознания; *e-mail*: karabulatova-is@rudn.ru; Karabulatova.is@mipt.ru

ORCID: 0000-0002-4228-3235; ResearcherID: M-2778-2013

Анумян Карпис Саркисович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), старший преподаватель кафедры дискурсивных практик Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); *сфера научных интересов*: психолингвистика, эмотиология, лингвомиграциология, анализ естественного языка; *e-mail*: karpisanumyan93@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6125-4942; ResearcherID: AAW-8341-2020

Коровина Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ); *сфера научных интересов*: переводоведение, китаистика, теория языкового сознания; *e-mail*: svetlanakorovina@list.ru

ORCID: 0000-0002-4316-8212; ResearcherID: A-8213-2017

Кривенко Галина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и филологии Инновационного Евразийского университета; *сфера научных интересов*: билингвизм и полилингвизм, переключение языкового кода; *e-mail*: galinakrvnk@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0370-6044; ResearcherID: GLR-0430-2022

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-841-855

EDN: DYFGCO

УДК [811.161.1:811.581]373

Научная статья / Research article

Образы доброго и злого человека в русской и китайской паремиологических картинах мира

Чжан Личэн¹ , О.П. Кормазина² ¹Юго-Восточный университет,

211189, КНР, г. Нанкин, ул. Юго-Восточного университета, 2

²Дальневосточный федеральный университет,

690922, Российская Федерация, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10

 Licheng.zhang@mail.ru

Аннотация. Лингвокультурологическое направление в паремиологии является одним из самых активно разрабатываемых, исследователями многократно проанализированы концепты ДОБРО и ЗЛО на материале паремий того или иного языка. Однако изучение черт характера «добрый» и «злой» на основе пословиц русского и китайского языков пока не рассмотрено, в чем и состоит новизна данного исследования. В статье проводится анализ паремиологических единиц русского и китайского языков, репрезентирующих доброго и злого человека. Цель исследования — выявление общих и своеобразных этноспецифичных черт, отразившихся в паремиях русского языка на фоне их аналогов в китайском языке, а также установление их мотивированности. Для достижения поставленной цели применены методы сопоставительного и лингвокультурологического анализа. Источниками материала послужили словари русских и китайских паремий, а также данные из корпусов русского и китайского языков. Делается вывод, что различных установок культуры, содержащихся в интересующих нас пословицах, гораздо больше, чем общих, что и обуславливает большую разницу в понимании черт характера «добрый» и «злой» между носителями русского и китайского языков. Понимание универсальных и национально-маркированных представлений русских и китайцев эффективно способствует культурной коммуникации между народами.

Ключевые слова: паремиология, лингвокультурология, русский язык, китайский язык, паремиологическая картина мира

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема в печать: 15.03.2023

Финансирование. Благодарности:

Данное исследование выполнено при поддержке финансовой поддержке Юго-Восточного университета в рамках научных проектов No. 2242023R40023 и RF1028623192.

© Чжан Л., Кормазина О.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Чжан Личэн, Кормазина О.П. Образы доброго и злого человека в русской и китайской паремииологических картинах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-841-855>

Images of a Good and Evil Person in Russian and Chinese Paremiological Pictures of the World

Zhang Licheng¹ , Olga P. Kormazina²

¹ Southeast University,

2, Southeast University Road, Jiangning District, Nanjing City, Jiangsu Province, China, 211189

¹ Far Eastern Federal University,

10, Russian Island — Ajax District, Vladivostok, Russian Federation, 690922

 Licheng.zhang@mail.ru

Abstract. The linguoculturological studies in paremiology make one of the most actively developing, researchers have repeatedly analyzed the concepts of GOOD and EVIL on the material of paremiology of a particular language. However, the study of character traits «good» and «evil» on the basis of the proverbs of the Russian and Chinese languages has not yet been considered, which is the novelty of this study. The article studies paremiological units of the Russian and Chinese languages, representing a good and evil person. The goal of the work is to identify common and peculiar ethno-specific features reflected in the proverbs of the Russian language against the background of their counterparts in the Chinese language, as well as to establish their motivation. To achieve this goal, methods of comparative and linguoculturological analyses were applied. The sources of the material were the proverbs dictionary, as well as data from Russian and Chinese corpora. The paper concludes that there are much more different cultural attitudes contained in the proverbs we are interested in than common ones, which causes a big difference in understanding the character traits of «good» and «evil» between native Russian and Chinese speakers. Understanding the universal and nationally marked ideas of Russians and Chinese effectively contributes to cultural communication between peoples.

Keywords: paremiology, linguoculturology, Russian, Chinese, paremiological picture of the world

Financing. Acknowledgement:

This work is supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities No. 2242023R40023 and No. RF1028623192.

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.02.2023

For citation:

Zhang, Licheng & Kormazina, O.P. (2023). Images of a Good and Evil Person in Russian and Chinese Paremiological Pictures of the World. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-841-855>

Введение

Концепты ДОБРО и ЗЛО являются ключевыми аксиологическими оценками во всех лингвокультурах, они широко отражены в пословицах и поговорках народов мира, поскольку именно паремии «наиболее образно,

аргументировано и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека, человеческого сознания и человеческого общества» [1. С. 310]. Концепты ДОБРО и ЗЛО исследовались во многих языках, например на материале мордовских пословиц и поговорок [2], в британской лингвокультуре [3], в сознании носителей русского языка [4], в устойчивых единицах русского и китайского языков [5] с целью выявления универсальных и национально-специфических черт русской культуры и культуры других народов. Активное исследование указанных концептов на основе языковых материалов разных языков отражает важность соответствующей ценности / антиценности в культуре, что и стало теоретической предпосылкой к выбору данной темы исследования.

Лингвокультурологическое направление в паремиологии является одним из наиболее активно разрабатываемых на настоящее время, оно ориентируется на национально-специфические черты и установки культуры того или иного народа, отраженные в паремиях. Актуальность нашей статьи обусловлена раскрытием лингвокультурологического аспекта анализа паремиологических единиц русского и китайского языков, характеризующих доброго и злого человека. К тому же, по мере углубления и улучшения взаимоотношений между Россией и Китаем, наблюдается большая необходимость узнать этнокультурные особенности двух стран.

На данный момент опубликованы только научные работы, в которых концепт ДОБРЫЙ анализируется на материале русских пословиц [6], а также на основе данных словарей и текстов произведений английского языка [7]. Исследования концепта ЗЛОЙ ранее не проводились. Образы доброго и злого человека, содержащиеся в пословицах русского языка, прежде не исследовались на фоне китайского языка, что и является новизной нашей статьи. Мы не ставим перед собой цель проанализировать все аспекты, касающиеся концептов ДОБРО и ЗЛО (доброе/злое дело, доброе/злое поведение, добрый/злой человека и т.п.), а сосредоточиваемся на чертах характера добрый и злой, отразившихся в паремиях русского и китайского языков.

Цель данного исследования заключается в выявлении общих и своеобразных этноспецифичных черт в паремиологических единицах русского и китайского языков, объективирующих доброго и злого человека, а также определении их мотивированности. Для достижения поставленной цели предлагается следующий алгоритм лингвокультурологического анализа:

- 1) выделить типичные образы доброго и злого человека в русском и китайском языковом сознании;
- 2) сопоставить представленные в паремиях двух языков ментальные установки культуры;
- 3) выявить причины общего и различного в стереотипных представлениях носителей обоих языков, т.е. типичные экстралингвистические факторы.

По мнению Н.Д. Арутюновой, образ является «синтетичным», он включает в себя не только все чувственно воспринимаемые аспекты объекта, но и все связанные и ассоциируемые с ним содержательные характеристики [8. С. 317]. В.А. Маслова отмечает, что понятие «образ» является «важнейшей языковой сущностью, содержащей информацию о связи слова с культурой, и он лингвокультурологически ориентирован» [9. С. 44].

Объектом нашей работы являются паремии русского и китайского языков, характеризующие доброго и злого человека. Предмет исследования — это установки культуры, содержащиеся в паремиях обоих языков. В данном исследовании значимость паремии видится в «ее народной оценке жизни, наблюдении народного ума» [10. С. 6]. В целом паремия представляет особый интерес для лингвокультурологии, потому что позволяет реконструировать стереотипы национального сознания [11. С. 204]. Другими словами, она является источником понимания культурно-языкового сознания, относится к языковым источникам культурной коннотации, поскольку «большинство пословиц представляют стереотипы и прескрипции народного самосознания» [12. С. 23]. Мы, придерживаясь мнения М.А. Бредиса, рассматриваем паремию как часть фразеологии в культурологическом, системно-структурном и когнитивно-прагматическом аспектах [13. С. 36].

Как известно, к паремиологии обращались такие известные фразеологи, как В.М. Мокиенко (2010) [14], А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский (2010) [15], Н.Н. Семененко (2020) [16] и др., в научных трудах которых активно обсуждаются вопросы о лингвистическом статусе паремий, их определению, разграничениям, функционально-стилевым особенностям и т.д. Мы придерживаемся мнения о том, что паремия — это прежде всего пословицы и поговорки [17. С. 108; 18. С. 178].

И пословицы, и поговорки возникли в отдаленной древности и с той поры сопутствуют народу на всем протяжении его истории. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в своей книге «Язык и культура» говорят о пословицах и поговорках как об «устных кратких изречениях, восходящих к фольклору» [19. С. 88]. Но пословица не просто изречение (*глубокая мысль, суждение, житейское правило, высказанное кратко, в немногих ярких словах*), она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становится пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей — такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают — просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное — истина.

В отдельных работах по фразеологии главное отличие пословиц от поговорок усматривается в том, что пословица выражает общее суждение, а поговорка — суждение частного характера. «Поговорки больше

пригодны для выражения чувства или просто для оживления речи, им присущ лишь конкретный и частный смысл, хотя они и соотносятся с типичными ситуациями» [19. С. 89].

Установки культуры, являющиеся одним их важных понятий в лингвокультурологии, — это своего рода «идеалы, в соответствии с которыми личность (предмет, явление) квалифицируется как «достойная/недостойная» [20. С. 575]. Исследование установок культуры в паремиологических единицах одного языка на фоне другого позволяет выяснить «общие и различные черты в постижении мира разными народами и отображении этого мира в пословичных фондах» [21. С. 34].

Что касается фразеологизмов китайского языка, то нет единого определения, но китайскими фразеологами принято выделить следующие фразеологические единицы китайского языка: идиомы 成语 (чэньюй), пословицы 谚语 (яньюй), поговорки 俗语 (суой), крылатые слова 箴言 (чжэньянь), устойчивое выражение 惯用语 (гуаньюньюй), недоговорка 歇后语 (сехоуюй), последняя единица является специфической для китайского языка, это изречение из двух частей, иносказания и его раскрытия, раскрытие обычно опускается. Фразеологизмы китайского языка чаще всего исследуются с точки зрения семантики и стилистики.

По мнению Ван Циня, пословица — это образное народное изречение, передаваемое из поколения в поколение, по структуре пословица краткая, ритмически организованная и устойчивая, в ней отражается ум и опыт народа [22. С. 259]. Ученый также рассматривает идейность (например, 劳动出智慧, 实践出真知 ‘ум исходит из труда, а истина — практики’), научность (например, 响水不开, 开水不响 ‘шумящая вода не кипит, кипящая вода не шумит’), художественность (лаконичность, образность, ритмичность и наличие определенной структуры) пословиц. Ван Цинь выделяет следующие основные типы пословиц китайского языка: крестьянские, метеорологические, поучительные, бытовые, а также пословицы природных условий местности [22].

Стоит также отметить культурные коннотации, отраженные в пословицах. Рассматриваются взаимосвязи между пословицами и материальной культурой, духовной культурой. В категории культуры верование играет важную роль, оно влияет на идеологию и поведение народа. В китайской традиционной идеологической концепции конфуцианство, буддизм и даосизм имеют важное значение, существует довольно большое количество пословиц, связанных с этими тремя учениями, например, 道高一尺, 魔高一丈 ‘добро вырастает на один чи, зло возрастает на чжан’ в значении: чем больше успехов делать, тем больше трудностей встаёт на пути; 君子爱财, 取之有道 ‘благородный человек зарабатывает честным путем’. Русская христианская традиция безусловно отличается от китайских традиционных учений, в связи с чем наблюдается разница на уровне образов во фразеологических единицах, этом будем подробнее рассмотрено во второй части исследования.

Источниками для исследования послужили словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля¹, «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой², «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимины³, «Словарь пословиц», авторы Яо Цзецзюнь и Цзян Синь⁴, «Большой словарь пословиц китайского языка» Вэнь Дуаньчжэна⁵, «Словарь 10 000 пословиц» Вэнь Дуаньчжэна⁶, а также данные из корпусов русского и китайского языков, а именно Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)⁷ и Лингвистического корпуса китайского языка (далее — ЛККЯ)⁸. Значимость корпусов двух языков в данном исследовании состоит в том, чтобы наблюдать частотность и особенности функционирования интересующих нас паремий в тех или иных стилях речи.

Обратимся к пословицам русского и китайского языков, репрезентирующих такие черты характера человека, как «добрый» и «злой». В ходе исследования из вышеуказанных словарей отобраны 108 русских и 105 китайских пословиц, объективирующих доброго человека, и 81 русская и 66 китайских соответственно — злого.

Анализ русских паремий, характеризующих доброго человека

При анализе русских паремиологических единиц, описывающих доброго человека, выявлены следующие установки культуры:

1. *Добрый человек заслуживает уважения: Первый поклон богу, второй хозяину с хозяйкой, третий всем добрым людям.*
2. *Добрый человек всегда получает добро в ответ: Хорошему все хорошо. Доброму везде добро.*
3. *Добрый человек добр по природе: Деньги водом, добрые люди родом, а урожай хлеба годом.*

¹ Даль В.И. *Пословицы русского народа*. М: ННН, ЭКСМО, 2003.

² Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. *Большой словарь русских пословиц*. М: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

³ Зимин В.И. *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. М: АСТ-Пресс, 2016.

⁴ Яо Цзецзюнь, Цзян Синь. *Словарь пословиц*. Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2006.

⁵ Вэнь Дуаньчжэн. *Большой словарь пословиц китайского языка*. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2011.

⁶ Вэнь Дуаньчжэн. *Словарь 10 000 пословиц*. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2012.

⁷ Национальный корпус русского языка, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23. 06. 2022).

⁸ 汉语语料库 (Лингвистический корпус китайского языка) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 23. 06. 2022).

4. *Добрый человек только за правду: За правого бог и добрые люди.*
5. *Добрый человек будет жить долго: Добрый человек в добре проживет век.*
6. *Общаться или дружить с добрыми людьми приятно и полезно: Не то чтобы пить, а с добрыми людьми посидеть (побеседовать) любит; В поле пшеница годам родится, а добрый человек всегда пригодится; С добрым жить хорошо.*
7. *Необходимо поддерживать контакты с добрыми людьми: На бога уповай, а от добрых людей не отставай.*
8. *Где добрых людей нет, там будет плохо: Где худо, оттуда бегут добрые люди.*
9. *Полезно слушать советы добрых людей: Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай! Слушайся добрых людей, на путь наведут. Кто добрых людей не слушает, тот богу спорник.* При этом можно отметить и исключения: успех приходит к тому, кто не слушает «добрых людей». Здесь, однако, важно подчеркнуть, что слово «добрый» употребляется в переносном значении: *Сам не смысли, добрых людей не слушай, пойдет дело на лад.* О подобных исключениях пишут Т.Р. Писарская и Н.Е. Якименко, отмечая, что «культурно-национальные установки обычно не носят ‘абсолютного’ характера, в пределах одной лингвокультурной общности сосуществуют различные, иногда — противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания» [20. С. 91–92].
10. Существует большое количество паремий (22 единицы), характеризующих оппозицию «добрый человек» и «злой, худой, лукавый человек», и в таких случаях прилагательные часто подвергаются субстантивации: 10.1. *Добрый человек живёт своим трудом, поэтому нет необходимости помогать ему, а злого не стоит защищать: Доброму не наси, худому не береги. Добрый сам наживёт, худой проживёт.* 10.2. *Надо дружить с добрым человеком, а злого — держать на расстоянии: Доброму держись, а от худого удались; С добрым дружись, а лукавых берегись,* так как от доброго человека можно перенять добро, а от злого — только зло (*С добрым поведёшься — добро переймешь, с худым поведёшься — худое переймешь*). 10.3. *Добрым всегда будет идти навстречу добро, а злым — зло: Доброму добро, а худому пополам ребро; Лихое лихому, а доброе доброму.* 10.4. *Злой человек завидует, добрый радуется: Злой плачет от зависти, а добрый — от радости.* 10.5. *Враждебное отношение злого человека к доброму: Злой доброму не любит. Злой не верит, что есть добрые люди. Тьма света (свету) не любит, злой доброму не терпит. Не любит пьяный трезвого, безумный разумного, а злой доброму.* 10.6. *Хорошее отношение к доброму и плохое отношение к злому: Злому не вверяйся, добрых не чуждайся. Доброму чти, а злого не жалей. Злому — смерть, а доброму — воскресение; Смерть злым, а добрым вечная память.* 10.7. *Добрый человек доволен всем, злой ничем не доволен: Доброму и сухарь на здоровье, а злому и мясное не впрок.*

11. Значительное число рассмотренных паремий посвящены образу женщины в семье. 11.1. В паремиях многократно встречается словосочетание «добрая жена» (7 единиц), положительно оценивается важное место доброй жены в семье: *Для щей люди женятся, а от добрых жен постригаются. Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи! С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне;* 11.2. Противопоставляется добрая жена злой: *Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет; Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье;* 11.3. Сравнивается добрая жена с худым мужем: *Худой муж в могилу — добрая жена по дворам; Плохой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет.*

В русском языке часто сравнивают доброго человека с ангелом, теленком, поэтому существуют устойчивые сравнения *добрый как ангел; добрый как телёнок/телок*, характеризующие добродушного, простодушного юношу, молодого мужчину⁹.

В НКРЯ встречается незначительное количество контекстов употреблений вышеуказанных пословиц, например, [Фелицата Антоновна Шаблова (жена, хозяйка небольшого деревянного дома)] *Хорошему все хорошо; а на волка хоть и лучше надень, все волк будет. Да ты должна, что ли?* (А.Н. Островский. Поздняя любовь (1873))¹⁰.

Анализ русских паремий, характеризующих злого человека

Во время исследования русских паремий, описывающих злого человека, нам удалось выделить следующие установки культуры:

1. В отличие от доброго человека, жизнь злого человека не будет долгой: *Злой человек не проживет в добре век. Злому человеку не прибавит (продлит) бог веку.*
2. Нельзя влюбляться в злого человека, это принесёт вред: *Злого кто любит — себя губит. Злого любить — себя [лишь] губить. Злого полюбить — себя загубить.*
3. Злость связана с лукавством; люди, обладающие этими пороками, часто притягивают друг друга, однако и в этом случае их ожидают неудачи: *Злой с лукавым водились, да оба в яму свалились. Злой с лукавым знаются, а (да) друг на друга ссылаются.*
4. Необходимо держать злых на расстоянии: *Кто злым быть не хочет, тот со злыми не водится.*
5. Нужно осторожно вести себя со злым человеком: *Козла спереди бойся, коня сзади, а злого человека со всех сторон.*

⁹ Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. М: АСТ, 2004. С. 68.

¹⁰ Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 136.

6. Многократно встречается (13 единиц) словосочетание «злая жена» в пословицах, причём данное качество часто гиперболизируется; также отмечается, что такая жена разрушает семью и раздражает мужа: *Перед злой женою сатана — младенец непорочный. Всех злее злых злая жена. Всех злыдней злее жена злая. Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит. Злая жена сведет мужа с ума.* В НКРЯ часто встречаются контексты с этими пословицами: 1) *Когда это было, а ты все еще продолжаешь злиться... О, зло зла злее, злая жена! Не пугайся, ибо сия тирада не мною выдуманна, а впервые осмелился ее вымолвить некий древний книжник, отважившийся сочинить пространное «Отеческое предание к сыну о женской злобе и о сыновней доброте»* (Александр Морозов. *Прежние слова (1985–2001)* // «Знамя», 2002); 2) *Кротима — высится, биема — бесится. Всякого зла злее злая жена.* *Евтихий продолжал смотреть на соседку и даже ответил на улыбку ее такою же невольною улыбкою* (Д.С. Мережковский. *Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)*); 3) *Если вдова, то сама собою всех укоряет и истязает. Всякого зла злее злая жена! И Бога не боится, и священника не урамляется, и седины не чтет* (Ф.И. Буслаев. *Повесть о горе и злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин (1856)*)¹¹.
7. Встречается 4 пословицы, в которых понятие «злой» связывается с национальной принадлежностью («злой татарин»): *Не пожелаю и злому татарину* (т.е. так худо). *Закажу и злому татарину. Злее злого татарина.*

Злой человек часто сравнивается с чертом, демоном, сатаной и т. п., поэтому существуют русские устойчивые сравнения *злой как черт, демон, сатана, дьявол, мегера, фурия, ведьма, цепной пёс, бешеная собака, пантера, змея*, которые возникли из разных мифов, сказок и т.д.¹².

Анализ китайских паремий, характеризующих доброго человека

При анализе китайских паремий, описывающих доброго человека, выявляются следующие установки культуры:

1. Уязвимость добрых людей: если человек слишком добрый, его легко обижают: *人善被人欺, 马善被人骑* ‘Доброго человека — обижают, а добрую лошадь — седлают’. Данная пословица употребляется для поощрения людей иметь смелость бороться и не заставлять других обижать себя.

¹¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.06.2022).

¹² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.06.2022).

恶人有人怕，善人有人欺 ‘Есть люди, которые боятся злых людей, и люди, которые обижают добрых людей’. В последней пословице наблюдается оппозиция доброго и злого человека. Первая пословица встречается в ЛККЯ 3 раза¹³.

2. Добрый человек обретает счастье и долголетие, ему всегда воздаётся по заслугам. В подобных пословицах добрый человек часто сопоставляется со злым: *善者福，恶者祸* ‘У доброго человека счастье, у злого — беда’. *善者升天堂，恶者入地狱* ‘Добрые люди попадают в рай, а злые — в ад’. *善者升天堂，恶者入地狱*. *善必寿考，恶必早亡* ‘Добрые люди будут жить долго, а злые — рано умирают’. *善人不负善人心* ‘Доброму человеку обязательно воздается за его добрые дела’. *善有善报，恶有恶报* ‘Доброе доброму, а злое злomu’. Последняя пословица заслуживает особого внимания в связи со своей высокой частотностью функционирования в художественной литературе (встречается 50 раз).
3. Нужно помогать доброму человеку, попавшему в беду, и противостоять злomu человеку, получившему власть: *善人在患，弗救不祥；恶人在位，不去亦不祥* ‘Когда бедствие приходит к доброму человеку, нельзя не помогать ему, а когда злой человек занимает высокий пост, нельзя не противостоять ему’. *善人在患，饥不及餐* ‘Когда у доброго человека беда, необходимо срочно помогать ему’.
4. Отношение к богатству доброго и злого человека: *善人富，谓之赏；淫人富，谓之殃* ‘Богатство доброго человека — это его награда, а богатство злого человека — это предвестие беды’.
5. Добрый человек может стать злым, совершая плохие поступки, и наоборот: *善人回头就是恶，恶人回头就是善* ‘Когда добрый человек делает зло, он превращается в злого, а когда злой человек творит добро, он становится добрым’.

Анализ китайских паремий, характеризующих злого человека

В ходе исследования китайских паремий, описывающих злого человека, нам удалось выделить следующие установки культуры:

1. Небо (Бог) наказывает злого человека: *恶人天不容* ‘Злых людей небо (божество) не потерпит’: рано или поздно наступит возмездие.
2. Злые люди трусливы, они боятся вступать в открытое противостояние: *恶人怕打雷，神鬼怕打围* ‘Злые люди боятся грома, гении и демоны — попасть в облаву’; *恶狗怕揍，恶人怕斗* ‘Злая собака боится бить, а злой

¹³ Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. М: АСТ, 2004. С. 69.

человек — драться’, в данной пословице говорится о том, что необходимо иметь смелость бороться со злыми людьми, которые обижают слабых и боятся сильных.

3. Сердце злого человека скрытое, его трудно понять: *恶人心, 海底针* ‘Сердце злого человека — иголка на дне моря’.
4. Злой человек ненавидит других, всё время конфликтует с людьми: *恶人纠纷多, 湿柴烟雾多* ‘У злого человека много конфликтов, у мокрых дров много дыма’.
5. Когда злой человек виновен, он всегда первым жалуется, чтобы другие его пожалели: *恶人先告状* ‘Злой жалуется первым’. Данная пословица часто употребляется в различных художественных текстах и газетах (встречается 43 раза в ЛККЯ)¹⁴.
6. Даже от злого человека есть своя польза: *恶人有恶人的用处* ‘И злой человек приносит свою пользу’.
7. Как в русском языке, так и в китайском языке *恶妇破家* ‘Злая жена разрушает семью’.

Сравнительный анализ русских и китайских паремий, характеризующих доброго и злого человека

На основе проведенного сравнительного анализа русских и китайских паремий, характеризующих доброго и злого человека, мы пришли к следующим выводам.

Общие ментальные установки культуры:

1. Как в русском, так и в китайском языках добрый человек живет долго, а злой человек, наоборот, умирает рано: *Добрый человек в добре проживет век; Злой человек не проживет в добре век; 善必寿考, 恶必早亡* ‘У добрых людей будет долголетие, а злые рано умирают’.
2. Добрые всегда будут получать в ответ добро, а злые — зло: *Доброму добро, а худому пополам ребро; Лихое лихому, а доброе доброму; 善有善报, 恶有恶报* ‘Доброе доброму, а злое злomu’.
3. В русском и китайском языках образ злой жены одинаковый, она разрушает семью: *Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит; 恶妇破家* ‘Злая жена разрушает семью’.

Кроме того, часто наблюдаются пословицы компаративной структуры, например, русские *С добрым дружись, а лукавых берегись; Злой плачет от зависти, а добрый — от радости*. Китайские: *善者福, 恶者祸* ‘У доброго человека счастье, у злого — беда’; *善者升天堂, 恶者入地狱* ‘Добрые люди попадают в рай, а злые — в ад’.

¹⁴ 汉语语料库 (Лингвистический корпус китайского языка) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 23. 06. 2022).

Различные ментальные установки культуры:

Различий в русских и китайских поговорках, характеризующих доброго и злого человека, гораздо больше, чем общих черт.

1. Из вышеуказанных русских установок культуры, содержащихся в поговорках о добром человеке, лакунарными для китайского языка являются следующие: добрый человек заслуживает уважения, добрый во всех отношениях, добр по природе, добрый человек всегда выступает за правду; общаться или дружить с добрыми людьми приятно и полезно; необходимо поддерживать контакты с добрыми людьми; полезно слушать советы добрых людей и т.д. Хотя подобные представления тоже существуют в языковом сознании китайцев, но они не вербализованы в поговорках.
2. Отсутствуют в русском языке китайские установки культуры: уязвимость добрых людей; необходимо помочь доброму человеку, когда у него беда; положительное отношение к богатству доброго и отрицательное — к злему; добрый станет злым, совершая плохие поступки, и наоборот. Это связано с более четким разграничением, большей полнотой в русском языковом сознании добра и зла как человеческих качеств, что и предопределяет меньшую вероятность «перехода» от добра ко злу и наоборот. Кроме того, добро в русской языковой картине мира представляется как безусловная сила, в связи с чем оказываются нехарактерными представления о добром человеке как слабом и незащищенном.
3. Русские и китайские поговорки характеризуют злого человека по разным аспектам. В китайском языке отсутствуют аналогичные русским установки культуры: нельзя влюбляться в злого человека, это принесет вред; злость связана с лукавством; необходимо держать злых на расстоянии; осторожно вести себя со злым человеком. В китайской лингвокультуре злой человек по умолчанию опасен, поэтому подобные представления не отражены в языке.
4. Лакунарными для русского языка являются китайские установки культуры: злой человек приносит свою пользу; трудно понять злого человека; небо (Бог) наказывает злого человека; злой человек боится вступать в открытое противостояние. Представления о трусости злого человека, как и о его неизбежном наказании, безусловно, присутствуют в русском языковом сознании, однако не находят отражения в поговорках (вероятно, в силу своей неоспоримости). Представления же о возможной пользе от злого человека мало характерны для русской языковой картины мира, где зло маркируется как абсолютный порок.
5. Некоторые исследуемые нами поговорки русского и китайского языков укоренились в духовной культуре, в частности в веровании или учениях, поэтому существуют поговорки русского языка с компонентами «бог»,

«смерть» и «воскресение», а в китайских пословицах встречаются такие элементы в конфуцианстве и буддизме, как 福 [фу] ‘счастье’, 祸 [хо] ‘горе’, 报 [бао] ‘воздаяние’. Также отмечается, что в связи с отличием в верованиях между двумя народами в китайских пословицах образы злого человека характеризуются «приземленными», наблюдается конкретизация его поведения.

Заключение

Правильное понимание концептов ДОБРО и ЗЛО имеет важное значение для воспитания ценностей у народа. Познание общих и различных установок культуры, отраженных в пословицах о добром и злом человеке, позволяет нам раскрыть универсальные и национально-своеобразные представления об указанных чертах характера у носителей русского и китайского языков, и тем самым эффективно способствует культурной коммуникации между двумя народами. Постигание этнокультурных специфик каждого народа особенно значимо при преподавании русского языка как иностранного, это поможет устранить некоторые возможные культурные недопонимания. В целом выделение аксиологических особенностей важно для инофонов, поскольку оценка одного и того же явления может различаться у представителей разных наций, на это стоит обратить особое внимание, чтобы избежать коммуникативных неудач. Перспективы дальнейшего исследования состоят в изучении фразеологических единиц русского и китайского языков, репрезентирующих различные черты характера человека, и составлении двуязычного словаря пословиц, характеризующих черты характера человека.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009.
2. *Левцанова Е.Ф.* Концепты «добро» и «зло» и их отражение в паремиях (на материале мордовских пословиц и поговорок) // *Современные инновации.* 2017. № 8. С. 62–64.
3. *Колижук Л.В.* Репрезентация лингвокультурного концепта «good» (добро) в паремиях // *Современные тенденции развития науки и технологий.* 2016. № 7. С. 31–34.
4. *Авдонина Л.Н., Дурина О.А.* Паремеиологическая зона концепта «добро» в русском языковом сознании // *Потенциал современной науки.* 2014. № 8. С. 29–30.
5. *Чжао Цзин.* Русские и китайские фразеологизмы сквозь призму концепта «добро»: на подступах к лингвоаксиологической интерпретации // *Успехи гуманитарных наук.* 2022. № 8. С. 172–177.
6. *Кузнецова П.В.* Структура концепта «добрый» в русском языке // *Вестник молодых ученых и специалистов самарского государственного университета.* 2015. № 2. С. 126–131.
7. *Мокрушина Е.Ю.* Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: авт. дис. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2008.
8. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
9. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
10. *Аникин В.П.* Предисловие // *Словарь русских пословиц и поговорок.* под ред. В.П. Жукова. М: Русский язык, 1998. С. 6–8.

11. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2013.
12. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М: Языки рус. культуры, 1999.
13. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–41.
14. Мокиенко В.М. Современная паремнология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2010.
16. Семенов Н.Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 213–232. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>
17. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д./., 2012.
18. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословиц: постоянство и изменчивость. М.: Флинта: Наука, 2017.
19. Верещагин Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
20. Писарская Т.Р., Якименко Н.Е. Установки культуры в лингвокультурологии // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3. С. 91–94.
21. Юань Лин. Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2016.
22. 王勤. 汉语熟语论. 济南: 山东教育出版社, 2006. [Ван Цинь. Фразеология китайского языка. Цзинань: Издательство просвещения Шаньдун, 2006].

References

1. Alefirenko, N.F. (2009). *Phraseology and paremiology*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
2. Levshchanova, E.F. (2017). Concepts “GOOD” and “EVIL” and their reflection in proverbs (based on Mordovian proverbs and sayings). *Sovremennye innovatsii*. 8, 62–64. (In Russ.).
3. Kolizhuk, L.V. (2016). Representation of the linguocultural concept “GOOD” in proverbs. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, 7, 31–34. (In Russ.).
4. Avdonina, L.N. & Durina, O.A. (2014). Proverbial area of the concept “GOOD” in the Russian-speaking world. *The Potential of Modern Science*, 8, 29–30. (In Russ.).
5. Zhao, Jing. (2022). Russian and Chinese phraseological units through the prism of the concept of “DOBRO”: on the approaches to linguoaxiological interpretation. *Modern Humanities Success*, 8, 172–177. (In Russ.).
6. Kuznecova, P.V. (2015). The structure of the concept “KIND” in Russian. *Proceedings of young scientists and specialists of the Samara University*, 2, 126–131. (In Russ.).
7. Mokrushina, E.Yu. (2008). *The concept “KIND” as an ethical phenomenon of linguistic culture* [dissertation]. Kemerovo. (In Russ.).
8. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ. (In Russ.).
9. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademiya publ. (In Russ.).
10. Anikin, V.P. (1998). Foreword. In: *Dictionary of Russian proverbs and sayings*, V.P. Zhukov (Ed.). Moscow: Russian language publ. pp. 6–8. (In Russ.).
11. Sabitova, Z.K. (2013). *Linguoculturology*. Moscow: Flinta: Nauka publ. (In Russ.).
12. Teliya, V.N. (1999). *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ. (In Russ.).

13. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 34–41. (In Russ.).
14. Mokienko, V.M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *Mir russkogo slova*, 3, 6–20. (In Russ.).
15. Baranov, A.N. & Dobrovol'skii, D.O. (2010). *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow: Znak publ. (In Russ.).
16. Semenenko, N.N. (2020). Axiology of Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-discursive Modeling of Semantics of Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 213–232. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232> (In Russ.).
17. Cavenkova, L.B. (2012). *Russian proverbs as a functioning system* [dissertation]. Rostov n/D/. (In Russ.).
18. Seliverstova, E.I. (2017). *The space of Russian proverbs: constancy and variability*. Moscow: Flinta: Nauka publ. (In Russ.).
19. Vereshhagin, E.M. (1990). *Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Russian language publ. (In Russ.).
20. Pisarskaya, T.R. & Yakimenko, N.E. (2016). Attitudes of culture in linguoculturology. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, 3, 91–94. (In Russ.).
21. Yuan, Liying. (2016). *Russian proverbs about upbringing/ill-manneredness against the background of similar proverbs of the Chinese language: linguoculturological aspect* [dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ.).
22. Wang, Qin (2006). *On Chinese Idioms*. Jinan: Shandong Education Press. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Чжан Личэн, кандидат филологических наук, доцент института иностранных языков, Юго-Восточный университет; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, фразеология, когнитивная лингвистика; *e-mail*: Licheng.zhang@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6357-6416

Кормазина Ольга Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного. Дальневосточный федеральный университет; *сфера научных интересов*: региональная лингвистика, теория речевых жанров, теория речевого воздействия, когнитивная лингвистика, лингвоперсонология; *e-mail*: olga.kormazina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0641-7088

Information about the authors:

Zhang Licheng, PhD in Philology, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages of the Southeast University; *Research interests*: regional linguistics, the theory of speech genres, the theory of speech impact, cognitive linguistics, lingopersonology; *e-mail*: Licheng.zhang@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6357-6416

Olga P. Kormazina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language of Far Eastern Federal University; *Research interests*: regional linguistics, the theory of speech genres, the theory of speech impact, cognitive linguistics, lingopersonology; *e-mail*: olga.kormazina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0641-7088

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-856-875

EDN: FNBDYU

UDC 811.111'42:659.1

Research article / Научная статья

The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study

Yulia A. Filyasova ✉

Saint-Petersburg State University of Economics,
30-32 Griboyedov Canal Embankment, Saint-Petersburg, Russian Federation, 191023

✉ phill.yield@gmail.com

Abstract. The study is relevant due to the needs of studying promotional discourse in terms of effective use of linguistic means for product and service promotion in a competitive market. The aim of this study is to study the stylistic and communicative features of headlines in promotional discourse in the English language. The research material included 2092 headlines from 115 automobile brochures (44 car brands). The research methods include discourse analysis, linguocognitive categorization by semantic and functional criteria, quantitative analysis, and cognitive mapping. As a result of the study, it was found that the headlines contained a wide range of stylistic devices. The most numerous are lexical means — hyperbole, metaphor, epithet, personification, idioms, metonymy, repetition, incorporation, and blends. The figures of speech based on syntactic means — hyperbole, comparison, antithesis, parceling, parallelism, emphasis, inversion, framing, anaphora, chiasm, and pun — occurred less frequently. However, considering the syntactic organization of the headlines with the predicative, imperative, gerundial, attributive and interrogative structures, syntactic means were found dominant due to their wider functionality. Among phonetic devices, alliteration prevailed. The communicative techniques included customization, text navigation, storytelling, informative facts and issues related to driving. The majority of the headlines epitomized a synthesis of various stylistic means whose classification was fulfilled only for the purposes of the linguistic research. The headline length varied within 1–23 words (average 5, median 4, STD 2.75); standard being concise, while creative — more extended. Thematically, the headlines accentuated comfort, emotional commitment to the brands, engine capacity and their low footprint. The obtained results could be used in the practice of teaching English for specific purposes to students specializing in marketing, advertising and public relations.

Keywords: advertising and PR language, tropes, figures of speech, emotional attachment, car brand, brand positioning, perception management, customization

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

© Filyasova Yu.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Filyasova, Yu.A., (2023). The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 856–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-856-875>

Стилистика заголовков в рекламном дискурсе: коммуникативно-функциональное исследование на материале английского языка

Ю.А. Филясова ✉

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32
✉ phill.yield@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения рекламного дискурса с точки зрения эффективного использования языковых средств для продвижения продуктов и услуг в условиях рыночной конкуренции. Целью исследования было изучить стилистические и коммуникативные особенности заголовков в рекламном дискурсе на английском языке. Материал включал 2092 заголовка из 115 брошюр, рекламирующих модели автомобилей 44 брендов. Методами исследования были дискурсивный анализ, лингвокогнитивная категоризация по семантическим и функциональным признакам, количественный анализ, когнитивное картирование. В результате исследования было выявлено, что в заголовках используется широкий спектр стилистических приемов. Наиболее распространенными оказались лексические средства — гипербола, метафора, эпитет, олицетворение, идиома, метонимия, повтор, инкорпорация, и слияние. Стилистические фигуры, использующие синтаксические средства, — гипербола, сравнение, антитеза, парцелляция, параллелизм, эмпфаза, инверсия, фрейминг, анафора, хиазм, каламбур — были менее частотными. Однако, учитывая синтаксическую организацию заголовков с предикативной, повелительной, герундиальной, атрибутивной и вопросительной структурой, синтаксические средства — более распространенные благодаря их широкой функциональности. В категории фонетических средств наиболее частотной стала аллитерация. Коммуникативные средства включали фокусирование на потребностях покупателей, навигацию по тексту брошюры, повествование от лица производителей, информативные факты и проблемные вопросы, связанные с вождением. Большинство заголовков представляли собой синтез различных стилистических средств, классификация которых выполнялась только для целей лингвистического анализа. Длина заголовков варьировала от 1 до 23 слов (среднее 5, медиана 4, СКО 2,75); стандартные, как правило, более краткие, креативные — более продолжительные. Тематически заголовки акцентируют комфорт, эмоциональную привязанность к бренду, мощность двигателя и его экологичность. Полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания английского языка для специальных целей студентам, специализирующимся в области маркетинга, рекламы и связей с общественностью.

Ключевые слова: язык рекламы и PR, тропы, стилистические фигуры, эмоциональная привязанность, марка автомобиля, позиционирование бренда, управление восприятием, кастомизация

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Filyasova Yu.A. The. Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 856–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-856-875>

Introduction

Promotional discourse is characterized by a number of lexical, morphological, syntactic, stylistic, and phonetic features which are distinctive from other types of language for specific purposes (LSP). Advertising language, as a specific functional style [1], has a number of similarities with the literary style due to linguistic tools such as metaphor [2], metonymy, antithesis, simile, allusion, hyperbole, rhyme, alliteration, assonance, rhetorical questions, and many others. These act as effective persuasive techniques that entice potential customers into buying the promoted products and services [3; 4]. Linguistically, different tropes occur in certain combinations of morphological forms — nouns, adjectives, clauses, etc. [5]. Rapid marketing development and strong competition in the globalized digital world has led to the emergence of a new sub-discipline — brand linguistics which applies an integrative approach to studying consumer behavior and modelling their interaction with brands [6]. In a highly branded market, it is vitally important to build emotional attachment to brands and create a recognizable brand personality [7]. The research into the language of advertising, characterized by polycodedness, intertextuality, and multimedialization [8; 9], needs to be based on a system-based principle [10].

The headline has a crucial role in promotional discourse which is known for its inverted-pyramid structure, following a reader's interest — 100 % of customers read headlines, 70 % read the first paragraph, and further by the end in a descending order. For this reason, headlines in advertising need special attention, in comparison with news and academic headlines [11; 12].

Material and methods

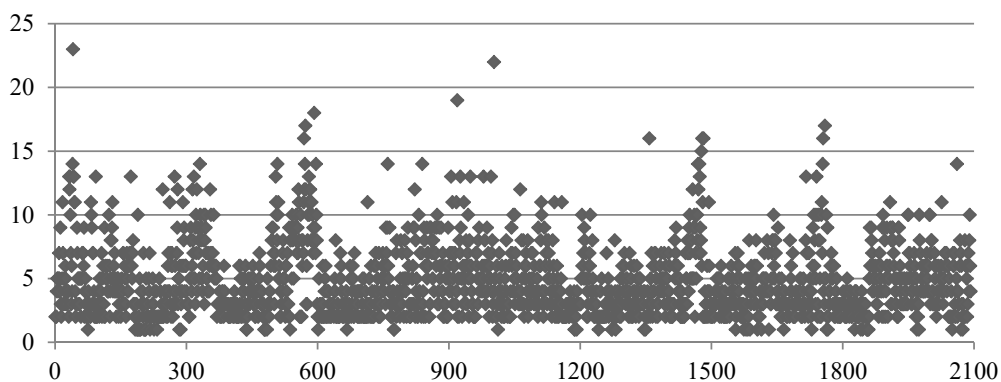
The aim of this study was to analyze the specifics of headlines in automobile brochures. The objectives included: (1) a quantitative analysis of headlines and their constituent elements; (2) the determination of linguistic and communicative expressive means — tropes and figures of speech; (3) cognitive mapping of relevant topics for automobiles and their features.

The study material included 2092 headlines from a corpus of 115 automobile brochures (8200 words), devoted to car models of 44 brands: Acura, Alfa Romeo, Alpine, Aston Martin, Audi, Bentley, BMW, Buick, Bugatti, Cadillac, Chevrolet, Chrysler, Dodge, Ferrari, Fiat, Ford, Genesis, GMC,

Gumpert, Honda, Infiniti, Jaguar, Jeep, KIA, Koenigsegg, Lexus, Lincoln, Maserati, Maybach, Mazda, McLaren, Mercedes, Mini, Mitsubishi, Porsche, RAM, Rolls-Royce, Spyker, Subaru, Tesla, Toyota, Vencer, Volkswagen, and Volvo. The research methods were continuous sampling, discourse analysis, linguocognitive categorization by semantic and functional criteria, quantitative estimation, and cognitive mapping.

Findings

The headline length was 1–23 words (average 5; median 4; standard deviation 2.75) (Fig. 1). The headlines, containing either linguistic or communicative means, comprised 67 %; among these stylistic — 57 % and communicative — 10 %. The majority of the stylistic techniques were characterized as lexical (31 %), followed by syntactic (23 %), and phonetic (3 %). Considering sentence-based headlines, the total number was 82 %. Graphic tools included capitalization (61 %) and dots at the end of headlines (59 %). Morphologically, the headlines had the nominative (65 %), and attributive (8 %) structure. Syntactically, the headlines had the structure of a sentence with the predicate (16 %), elliptical sentences among those (0.6 %), imperative sentences (8 %), gerundial phrases (4 %), and questions (1 %).

Fig. 1. Headline length in brochures (In words)
 Source: compiled by the author as a result of the study

The brochures generally contained two types of headlines — standard and creative. The former were short, ranging within 1–4 words and occurring at the beginning and at the end of the brochures; whereas the latter could reach the length of 23 words and provided unique linguistic material. The creative headlines differentiated not only brochures, but also brands. The standard headlines were almost similar.

Tropes and figures of speech

Metaphor

Metaphorical representation of driving experience characterized a large category of headlines; they reached the persuasive effect in combination with the hyperbole, imperative, epithets, and many others. Since the automobile market has really strong brands, emotions rather than rationality are in the ascendant and metaphors are widely used. The metaphorical headlines were further classified into subgroups which underlined certain technical, exterior and interior characteristics — a powerful engine, comfortable and roomy cabin, the opportunity to drive and cover long distances without technical failures.

Power

Examples: *WIELD THE **POWER** OF GRAVITY / ELEMENTAL **FORCES** / **Power** has met its hatch. / **POWER** AND EFFICIENCY PLAY WELL TOGETHER. / FIRE. **POWER**. / YOUR **TURBOCHARGED** SECRET FOR CONQUERING CHAOS / TENDONS & **MUSCLES***

Speed

Examples: ***LIGHT SPEED**. / KODO: “SOUL OF **MOTION**” / **Fast-acting** venom / **CHASING LAP TIME** / Heart of a Subaru. Soul of a **sports car**. / **COOL DELIVERY, SEARING PACE**. / CABIN **FEVER**. / READY FOR **BLASTOFF**. / **COMMAND CENTER**. / **TRACK STAR***

Comfort

Examples: *AN **EXQUISITE HAVEN** / LUXE LIVES HERE. / STEER TOWARDS **COMFORT**. / TOUCH OF **BRILLIANCE** / A DARKER SHADE OF **LUXURY** / APPEARANCE PACKAGE WRAPPED IN ATTITUDE / ESCAPE IN **COMFORT** / IMMERSE YOURSELF IN A NEW WORLD OF **OPULENCE**.*

Craftsmanship

Examples: *An objet **d’art** on wheels. / MODERN **ART**. / WORK OF **ART**. / Roadbook. The Porsche **Museum** on the road around the world. / CONTEMPORARY **ART: THE LEATHER APPOINTMENTS** / No stranger to the podium. / Inspirations that build an **icon**.*

Sound

Examples: ***Orchestrate** a more thrilling drive. / The **orchestra** rises for your applause. / **CONCERT HALL ON WHEELS**. / **VISCERAL SYMPHONY** / ALWAYS BEGIN ON A **BRIGHT NOTE***

Road

Examples: *DRIVE YOUR AMBITION / Forge your own terrain / Cure for the common commute. / Horizons that inspire / GUIDING LIGHT / CONQUER THE HORIZON / ADVENTURE WITHOUT LIMITS / Built for adventures / CONFIDENCE FOR MILES / Tread happily. / A journey that never ends.*

Emotions

Examples: *ACCELERATING THE FEEL OF MODERN REFINEMENT. / STIRS YOUR EMOTIONS / EXHILARATION IS IN THE AIR / BUILT FOR WHAT LIFE THROWS AT YOU / Fuel for thought. / DRIVING THRILLS FROM A GOLDEN AGE. / A JOURNEY FOR THE SENSES / IGNITE YOUR SENSES. / Senses working overtime. / THRILL AT EVERY TURN*

Certain headlines contained the concepts ‘blue’ and ‘green’ indicating the intention of car manufacturers to underline higher operational efficiency and energy saving technologies in their automobiles: *THE PERFORMANCE OF A V-8. BMW ADVANCED DIESEL WITH BLUE / THINK BLUE. / NEW GOLF BLUE MOTION / MEETING IN THE GREEN HELL.*

Hyperbole

Hyperbole and metaphor were the most extensively used stylistic means. The hyperbolisation effect was achieved with the aid of two groups of syntactic (the superlative form of adjectives and functional words) and one group of lexical tools. For this reason, the hyperbole was included in two different categories (see Fig. 2).

The superlative forms of adjectives

Examples: *The **best** of all worlds / THE **CLOSEST** CONNECTION / Make the **most** of every season. / **Largest** passenger volume in its class. / THE STRONGEST RAM TRUCK EVER. / **The most** elegant way to show your character / AT OUR **BEST** WHEN IT MATTERS MOST*

Functional words

Examples: *POWER **WITHOUT** COMPROMISE. / Comfort **without** compromise / CONVENIENT **BEYOND** COMPARE / **Beyond** expectations / SAFETY & SECURITY GOES **ABOVE AND BEYOND** / Safety from **all** sides. / THE MAYBACH EXPERIENCE INDULGES **ALL** THE SENSES / **EVERYTHING** IS CONSIDERED / INSPIRATION IS **EVERYWHERE***

Lexical means

Examples: ***AWE INSPIRING** BEAUTY / AN **ICON** REBORN / **INSPIRING GREATNESS** / MAINTAINING **THE EXTREME** / BORDERING ON **OBSESSION** / ON-BOARD **SOPHISTICATION** / GIVING CONNECTIVITY **ASTARRING** ROLE / **Phenomenally** exciting. / **Formidable** power. / **Unprecedented** strength and **unrivalled** style.*

Epithet

Epithets, being descriptive terms which accompany names and objects, give additional characteristics to automobiles, for example, to the interior, color, performance, engine, as well as benefits that customers will obtain after they make purchases, such as social status, comfort, dependability, functionality, the opportunity to travel, and usefulness.

The epithets include a wide range of adjectives: *aesthetic, aggressively styled, attention-grabbing, attractive, authentic, beautiful, boundless, bright, compelling, dramatic, dynamic, electrified, elegant, exciting, exclusive, executive, exhilarating, extraordinary, fascinating, fine, fresh, furious, genuine, glorious, grand, high-key, iconic, impressive, intrepid, intuitive, irrepressible, legendary, magical, magnificent, menacing, mild, muscular, original, outstanding, palatial, passionate, powerful, precious, pure, razor sharp, refined, rich, sensory, serene, silent, silky smooth, sporty, striking, sublime, subtle, thrilling, timeless, touching, tranquil, turbocharged, ultimate, unmistakable, vibrant, and wild.*

Examples: **ICONIC DESIGN / HIGH-KEY CONVENIENCE. / EXHILARATING PERFORMANCE / LOOKING FRESH / Genuine accessories / DRAMATIC SPORTINESS / A RICH HISTORY, AN EXCITING FUTURE / TIMELESS LINES, EXTRAORDINARY VISION / Intrepid wheels. / Compelling veneers. / A magical fusion. / A striking presence. / Wild. At heart. / Razor sharp. Silky smooth.**

Metonymy

Metonymical representation in brochure headlines replicates everyday English which is essential for advertising texts. Metonymy and synecdoche, as a specific kind of metonymy, produce the effect of simplicity, clarity, and conciseness, typical of colloquial language and authentic narration. In particular, *fingers* are associated with vehicle control, *rubber* — with wheels and speed, *engine* — with the entire automobile, *electric drive system* — with clean natural environment, *life on wheels* — with long journeys, *every turn and every mile* — with quality driving and a reliable engine, *home* — with multiple facilities in the salon that create the atmosphere of functionality and coziness, *two paths* — with the powerful engine that is able to go all over terrain, etc.

Examples: **TECHNOLOGY AT YOUR FINGERTIPS / RUBBER. MEET THE BACK ROAD. / START YOUR ENGINE. / THE EFFICIENCY OF A FOUR-CYLINDER. THE PERFORMANCE OF A V-8. BMW ADVANCED DIESEL WITH BLUE PERFORMANCE TECHNOLOGY. / AT THE PUSH OF A BUTTON. / The role of his life — on wheels.**

Personification

As a figurative way to creatively express inanimate objects, personification attributes human qualities to automobiles, their parts, and technical characteristics. Car models are associated with the most senior members of the royal family, officers

of high and middle ranks in the army or marines, leaders, environmental enthusiasts, people who are determined to achieve a high social status, friends and family members.

Examples: *King Of The Hill / Captain of the off-road. / MOOD MHANCER. / HIGH ACHIEVER / NATURE LOVER. / SPEED RACER. / City. Slicker. / THE URBAN ADVENTURER. / YOUR PERFECT CITY COMPANION. / YOUR PRO-ACTIVE PARTNER ON THE ROAD.*

According to the relatable concepts used as non-literal language for the purposes of personification, automobiles possess properties of the human body parts and its social attributes designed to facilitate driving.

Examples: *How our elements of style write a new design language. / The soul of a new machine. / NOW, YOU'VE GOT EYES IN THE BACK OF YOUR HEAD. / A car that sees in the dark. / THE WHISPER FROM THE ENGINE / THE DODGE GARAGE — PERFORMANCE LIVES HERE / THE ONLY CAR THAT COMES WITH FRIENDS — STANDARD.*

Idioms and Cliché

The brochure headlines containing idiomatic and stereotyped phrases with the figurative meaning were divided into two subgroups. The first was comprised of expressions which preserved its original form; the second included modified idiomatic phrases. The meaning of the set expressions referred to competition, success, prime quality, and movement.

Competition

Examples of original expressions: *BRING OUT THE COMPETITION. / MAKE YOUR MARK / GO ALL OUT / STAY THE COURSE. / LET YOUR TECH TAKE CENTER STAGE / POWER PLAY / SUVs DON'T STAND A CHANCE / PEACE OF MIND IS KNOWING THE COAST IS CLEAR / SETTING THE STANDARD FOR SAFETY MEANS ALWAYS RAISING THE BAR. / SKY'S THE LIMIT*

Examples of modified expressions: *COUPE D'ÉTAT.* (Original: coup d'état) / *INNOVATION REDLINED.* (Original: redline) / *What good is a mold if you don't plan on breaking it?* (Original: break the mold)

Prime quality

Examples of original expressions: *PERFECT FOR LIFE'S TWISTS AND TURNS / FINE ART / When the right materials strike a perfect chord. / DIAMOND IN THE ROUGH / REFINEMENT IN THE RAW*

Examples of modified expressions: *Beauty is in the details.* (Original: The devil is in the details) / *CHASING LIGHTNESS* (Chasing rainbows) / *SOLAR FLAIR.* (Original: solar flare) / *JAWS, PREPARE TO DROP.* (Original: Jaw dropped) / *ROADS ALL LEADING IN ONE DIRECTION. PERFECTION.* (Original: All roads lead to Rome)

Movement

Examples of original expressions: *READY, STEADY, GO. / REACH CLOUD 9 / NO MESSING AROUND. / HIGH PERFORMANCE WHEN IT COUNTS: IN A FLASH. / Performance at its core / ONWARDS AND UPWARDS. / The ins and outs of efficient living.*

Examples of modified expressions: *FROM A LINE TO A BLUR. (Original: Blur the lines) / ALL-WHEEL. ALL-OUT. (Original: All in, all out) / HIT THE BYWAY. (Original: Hit the road) / READY, CHARGE, GO. (Original: Ready, steady, go) / TOURER DE FORCE (Original: Tour de force)*

Antithesis

As a figure of speech aimed at opposing two ideas, antithesis served in the brochure headlines for reaching a contrasting effect and emphasizing the qualities of the exterior and interior, the engine and gearbox efficiency, accessories, roads and the driving process, as well as personal experience and impressions.

Quantitative opposition

Examples: *LESS IMITATION. MORE INNOVATION. / Less emissions. More driving pleasure. / ENJOYING MORE, USING LESS / More with less. / MORE COMFORT, LESS COMPROMISE / VEHICLES THAT REQUIRE LITTLE AND GIVE A LOT. / ONE LIFE — MANY LIFESTYLES / Dream **big** even on **small** trips*

Exterior vs. interior

Examples: *Evolutionary **outside**, revolutionary **inside** / The **outdoors**. It's **inside** Subaru. / The **exterior** is for everyone else. The **inside** is just for you. / BRING THE INSIDE OUTSIDE. / NOT TOO PRETTY TO GET DIRTY. / LOOK COOL. STAY WARM. / YOU MAY BE TRAVELLING, BUT YOU'LL STILL FEEL COMPLETELY AT HOME*

Technology

Examples: *LEVELING MANUAL **SYSTEM**, AUTOMATIC / Free of **emissions**, full of excitement / INSPIRED BY NATURE. IMPLEMENTED IN THE **MAYBACH** / VISIBLE ELEGANCE AND HIDDEN **STRENGTHS** / Not just **accessories**. Genuine Toyota **Accessories**. / One day, one **charge** — all the stops / The challenges of tomorrow. Already our strongest **driving force** today.*

Road

Examples: *From city roads to no **roads**. / PERFECT FOR DRIVING IN THE REAL WORLD / The **road** may waver, but not your priorities. / SHORT SPRINT. LONG **RANGE**. / WHEREVER YOU'RE **GOING**,*

A MAYBACH SHOWS THAT YOU'VE ARRIVED / THE STAYCATION THAT TRAVELS / A BOLD VISION THAT EMBODIES BOTH THE CALM AND THE STORM.

Personal experience

Examples: *TOP DOWN. HEART RATE UP. / Indulge us in our efforts to indulge you. / Our focus is your focus. / LESS ACCENTS. MORE STATEMENTS. / On our radar, off your nerves. / Have control. Let loose. / IN ONE SECOND A PERSON CAN LESS TALK. MORE DRIVE / DUAL POWER SOURCES. A SINGULAR DRIVING EXPERIENCE.*

Comparison

In this category, the headlines with the comparative forms of adjectives were included, for example: *PILOT ASSIST. DESIGNED TO MAKE DRIVING SAFER AND EASIER / A CERTIFIED PRE-OWNED MINI HAS MORE TO GIVE. / SERVICE BY VOLVO. A SIMPLER WAY. / Make the indoors as great as the outdoors. / A HIGHER GRADE OF LUXURY. / A more personal network / More than capable / Larger / Stronger.*

Combinations with other devices created a deeper effect:

- the imperative: *Don't pass up a chance for greater peace of mind; Dream bigger / MAKE A SMARTER CONNECTION;*
- repetition: *More efficiency means more fun;*
- metaphor: *Tame wilder terrain;*
- epithet: *Sharper styling;*
- antithesis: *WELL BUILT IS BETTER THAN WELL SAID;*
- idiom: *ACTION SPEAKS LOUDER;*
- the interrogative: *WHICH ONE COSTS MORE TO MAINTAIN?*
- comparison: *AS BALANCED AS IT IS BEAUTIFUL;*
- storytelling: *WE'VE TAKEN IT FURTHER. NOW IT'S YOUR TURN*

Repetition

The use of repetition as a stylistic device emphasizes certain automobile parts and their qualities, producing the effect of catchiness. Repetition was intended to underline customer focus, functionality, high quality, and safety.

Customer focus

Examples: *Your Volkswagen your way. / ANY ROAD IS YOUR ROAD. / BMW ConnectedDrive. So connected, you're free. / Stay connected any time, anywhere. / EFFORTLESSLY NAVIGATE YOUR NAVIGATION SYSTEM*

Functionality

Examples: *SPORT TOURING: **BOLD ON BOLD** / FOOTWORK THAT WORKS / FOUR DOORS. FOUR SEATS. SHARE IN THE LUXURY OF ASTON MARTIN. / THE 4-DOOR 4. / SUSTAINABLE TECHNOLOGY THAT DOESN'T FORGET TO SUSTAIN THE FUN. / Every part is the fun part. / A PLACE TO WORK AND A PLACE TO RELAX: THE REAR PASSENGER COMPARTMENT / MULTIFUNCTIONAL MEETS MULTITASKING*

High quality

Examples: *AFTER WE FINESSE THE DETAILS, WE FINESSE THE DETAILS. / Outstanding service — outstanding quality / FIRST-CLASS ADVICE TO MATCH THE FIRST-CLASS PERFORMANCE OF YOUR MAYBACH / The Amarak. 100 % pickup. 100 % premium*

Safety

Example: *THE MOST IMPORTANT PERSON ON THE ROAD IS EVERY PERSON ON THE ROAD*

Parallelism

Parallel structures help relate one idea to another, thus highlighting relations between them, and simultaneously, point out the importance of both. Parallel structures can be based on homogeneous predicates or similar positions of actants at a deeper semantic level with some variations at the superficial syntactic level.

Parallel actants

Examples: *EFFORTLESS POSE, ULTIMATE CONTROL. / Elegantly sporty. Uniquely daring. / A heritage of innovation. A future of sustainable exhilaration. / DESIGNED TO PERFORM, CRAFTED TO IMPRESS*

Parallel prepositional structures

Examples: *IN TOUCH. IN COMMAND. / INSPIRED BY NATURE. PERFECTED BY CRAFTSMANSHIP / THE POWER OF LUXURY. THE ART OF ASTON MARTIN. / A JOY FOR PASSENGERS. A SENSATION FOR THE DRIVER.*

Homogeneous predicates

Examples: *Your thoughts are racing. Your senses are quivering. Take a deep breath / SUPERHEROES GET CAPES. THE ILX GETS A-SPEC / Love every moment. Trust every mile. / All the space you need. All the style you want. / PERFECTION YOU CAN FEEL. PERFECTION YOU CAN SEE / Getting there is important. Being there is everything.*

Homogeneous nominatives

Examples: *NO ORDINARY LOOKS. NO ORDINARY CAR. / ACCESSORIES. EVEN MORE V40, EVEN MORE YOU.*

Parcellation

Splitting headlines into two or more parts was referred to as parceling, when the word order was not changed, and detachment when certain words were isolated and placed after the main sentence. Parceling was graphically expressed with the dot, while detachment — with the dot, comma or dash. Parceling could be observed in homogeneous subjects, predicates, objects, and attributes. Detachment was mainly seen with isolated attributes.

Parceling

Examples: *POWER. BEAUTY. SOUL. / LUXURY. POWER. SUSTAINABILITY. / Style. Power. Comfort. A dream comes true. And goes into overdrive. / CONTACT VENCER. ENQUIRE. MEET. DRIVE / ENHANCE. PROTECT. PERSONALIZE. / JOY WANTS MORE MPH. MORE MPG. AND LESS CO2. BMW ACTIVE HYBRID. / SOPHISTICATED. LUXURIOUS. STYLISH. THE INTERIOR*

Detachment

Examples: *THE MOVES OF A CHAMPION, REFINED. / THE POWER OF ELECTRIC, REDEFINED. / SHAPING THE FUTURE — RESPONSIBLY. / UPHOLSTERY — SENSATEC / PEACE OF MIND, STANDARD / DYNAMIC LUXURY, PERFECTLY STAGED / The dynamic Swedish SUV experience. Evolved.*

Miscellany

The effect of emphasis was achieved via the use of emphatic syntactic structures with ‘*even*’, ‘*only*’, the auxiliary verb in statements, and the impersonal subject that places the accented object at the beginning of the sentence. Anaphoric positions were occupied by the name of a car model, the second-person pronouns focusing on customers, and the determiner ‘*every*’ for emphasizing comfortable driving. The inversive syntactic order was also used for emphasizing certain car qualities. Multiple linguistic devices acted in unison.

The headlines in the form of questions were mainly directed to deeper involve readers by imitating dialogic interaction of a conversation. The direct question followed by the reference words: “*Are we there yet?*” said no one. — implied the supreme silence of the engine that cannot be heard by anyone. At a deeper semantic level, it contains double negation in which the reference words exclude the possibility of the question to have been asked.

The examples of incorporation, framing, pun, and chiasmus underline such automobile qualities as beauty, efficiency, uniqueness, sportiness, simplicity, high speed, and innovation.

Emphasis

Examples: **THE ONE AND ONLY ESCALADE / EVEN THE GLOVEBOX HAS MORE SPACE.** / *It's been said that **only** the brave few get powerful works of bold ambition.* / **WHAT'S ON THE INSIDE COUNTS / Absolute power **does** corrupt your desire for any other vehicle. / A design that helps diminish an impact is **no accident.** / Speed **isn't all there** is to thrill.**

Anaphora

Examples: **JOY CAN BE COUNTED. JOY IS BMW / YOUR TIME. YOUR PLACE. YOUR WI-FI. / EVERY METRE IS A JOY. EVERY CORNER PURE PLEASURE**

Inversion

Examples: **With efficiency** comes great power. / **A shade** more extraordinary. / **ECONOMY IMPROVED**

Incorporation

Examples: **THREE CHOICES FOR ONE-OF-A-KIND JOURNEYS / YOUR FAMILY'S AT-THE-READY BUBBLE. / ON-OUR-WAY READY MAKES PROMISES KEPT. / AT-A-GLANCE**

Framing

Examples: **THREE WAYS TO CONNECT WITH THE 3. / Home** Away from **Home / ROUGHING IT SHOULDN'T FEEL ROUGH / THE TAILGATE TO END. ALL TAILGATES**

Chiasmus

Example: *Courage changes **the sports car of the future.** And **the future of the sports car.***

Pun

Examples: *Has a **track record of breaking** them. / It turns out, **science fiction has nothing on reality.***

Blends

Examples: **BEAUTILITY. / FASTERPIECE.**

13. Phonetic Means

Phonetic expressive means add to the attention-grabbing effect by repeating consonants, vowels or selecting words which have similar acoustic characteristics and able to produce rhyme.

Alliteration

Examples: **COOL AND COLLECTED** (/k/) / **A CAVERN FOR CARGO.** (/k/) / **FEEL-GOOD FUEL EFFICIENCY** (/f/) / **THE FUSING OF FORM AND FUNCTION** (/f/) / **FamCAM KEEPS YOU FACING FORWARD** (/f/) / **XTREME XCITEMENT. BMW X.** (/ks/) / **POISE, PRESENCE AND PERSONALITY.** (/p/) / **BEAUTY, BRAINS AND BRAWN.** (/b/) / **PLUG AND PLAY.** /p/) / **THE SCIENCE OF SAFETY** (/s/) / **BALANCING SILENCE AND SOUND** (/s/) / **DESIGN EQUALS DRIVING DYNAMICS.** (/d/) / **INGENIUM ENGINES** (dʒ) / **THREE THRILLING DRIVES FROM ONE THRILLING CAR** (/θ/)

Assonance

Examples: *Individual and intuitive* (/ɪ/) / *Individuality and inspiration* (/ɪ/) / **EFFORTLESSLY CONNECT TO EVERYTHING AND EVERYONE** (/e/) / **EXPERIENCE EXHILARATION EVERY DAY** (/ɪ/) / **PACK YOUR BAGS** (/æ/) / **UNCOVER THE UNEXPECTED** (/ʌ/) / **REDEFINING REFINEMENT** (/ɑɪ/) / **THE REAL DEAL.** (/i:/) / *Outfit your Outback.* (/ɑʊ/)

Rhyme

Examples: **RACE WITH GRACE.** / **ADD SUN TO THE FUN.** / **ACTUALLY, IT IS MY WAY OR THE HIGHWAY** / *Easy. Breezy.* / *Feel protected. Stay connected.* / *Tough Not Rough* / **LESS IMITATION. MORE INNOVATION.** / **TECH THAT PROTECTS**

Syntactic organization

Syntactically, 72% of the headlines had the nominative structure, with 73 headlines being short nominal sentences of 1–3 words. Other syntactic forms of the headlines, due to greater extension or variation in their morphological structure, had a higher attention value. The predicative structures had a better potential for narration and choice of the narrative mode (Fig. 2).

Predicative Sentences

Examples: **HYBRID DRIVERS STILL NEED SEATING AND STORAGE SPACE** / *The roadster has come full circle* / **Boundaries are meant to be challenged.**

Elliptical Sentences

Ellipsis was often combined with personification, metaphors or other tropes with the omitted subject that was supposed to be a certain car model.

Examples: ***SPEAKS FOR ITSELF IN 10 DIFFERENT GEARS.*** / ***CARRIES THE WEIGHT OF OUR WORDS.*** / ***KEEPS YOU MOVING ALONG***

The Imperative

As manifestations of indirect communication, imperative sentences implied the hidden intention of the seller to persuade the customer to follow behavior models prescribed in the communicative message.

Examples: ***Amplify your drive.*** / ***Find your accessories*** / ***SEEK PERFECTION IN EVERY DETAIL.*** / ***TAKE THE WHEEL — AND TAKE CONTROL OF THE ROAD.***

The Attributive

The attributive headlines consisted of an adjective, sometimes emphasized with an adverb, two adjectives paired with a coordinate conjunction, triple adjectives separated by the dot or comma.

Examples: ***UNIQUE*** / ***UNRIVALLED.*** / ***UNBREAKABLE*** / ***STRIKINGLY SEDUCTIVE***

Refined and practical. / ***COMFORTABLE AND DYNAMIC*** / ***Assertive, yet graceful.***

Sporty, elegant and versatile / ***INFORMED, IN CONTROL AND ALWAYS UP TO DATE***

The Interrogative

Examples: ***WHICH F-PACE FITS YOUR LIFE?*** / ***WHAT SETS IT APART? EVERYTHING.*** / ***HOW DOES MUSIC MAKE YOU FEEL?***

The Gerundial

Driving Assistance package new Aussie icon / ***Inspiring all round.*** / ***Creating a Examples***

The wide range of syntactic constructions creates the effect of linguistic diversity and avoidance of monotony with the aim of both informing and entertaining potential customers.

Communicative techniques

from the marketing point of view, customer focus is fundamental to any advertisement. Linguistically, it was expressed through the use of the second-person pronouns in the headlines. Arguably, placing the focus on the customer is more important than the identity of the organization. This principle was clearly seen in the quantitative data: the number of the headlines containing the first-person

pronouns ‘we’ and ‘our’ representing the organization (Storytelling) was only one-third of the headlines containing the second-person pronoun ‘you’ (Customization) (Fig. 2).

Customization

Examples: *JUST **YOUR** STYLE / INTUITIVE SAFETY BY VOLVO CARS. FOR **YOU**, AND FOR THOSE AROUND **YOU**. / TAILORED TO **YOU** / SMART ENOUGH TO BE WHATEVER **YOU** NEED IT TO BE / **YOUR** NEXT STEP / MORE POWER TO **YOU**.*

Storytelling

Examples: *How We Managed Our Battery Cobalt Supply Chain in 2020 / Our Response to COVID-19 / Our Roadmap / We’ve appropriated countless hours to developing character. / We don’t see safety as an option, or a luxury.*

Brochure Navigation

A number of brochures contained a kind of ‘navigation’: certain elements were repeated in the headlines throughout the entire edition, sometimes along with particular graphics, and produced the impression of a holistic view of the brochures.

Examples: *BE SEEN: SWEEPING OLED DISPLAY / BE HEARD: AKG® AUDIO SYSTEM / BE MOVED: AVAILABLE SUPER CRUISE™*

BEAUTY IS IN THE DETAILS. / BEAUTY IS EVERYWHERE / BEAUTY FOR EVERYONE / OPEN AIR BEAUTY

CHOOSE YOUR ENGINE / CHOOSE YOUR MODEL / CHOOSE YOUR OPTIONS / CHOOSE YOUR COLOR / CHOOSE YOUR WHEELS / CHOOSE YOUR INTERIOR / CHOOSE YOUR JAGUAR

Informative Facts

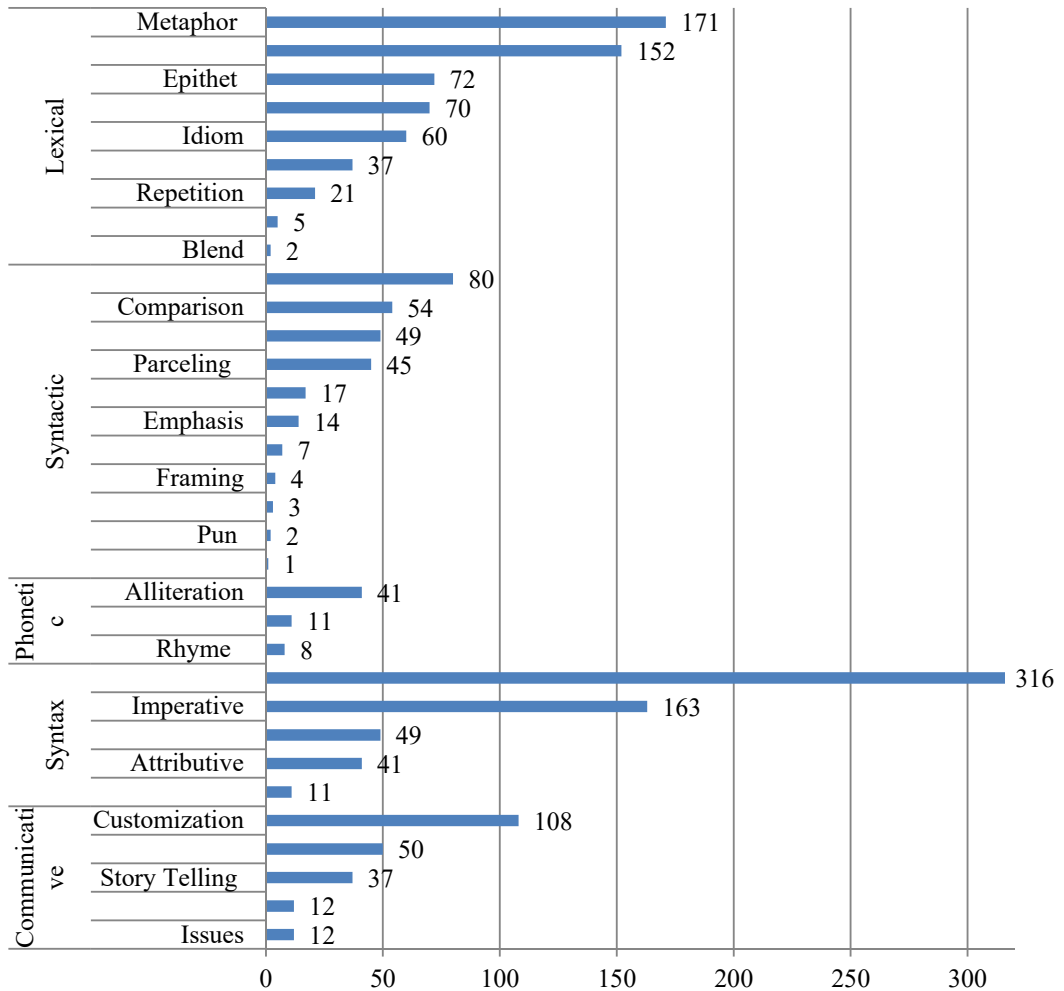
Factual information was placed with the aim of underlining human possibilities and their driving experience.

Examples: *WHEN SOMEONE SEES SOMETHING BEAUTIFUL, THEIR PUPILS DILATE BY UP TO 20%. / OVER A LIFETIME, THE AVERAGE PERSON WILL TAKE DETOURS OF NEARLY 15,000 MILES. / A person can focus on something for around 20 minutes before losing concentration.*

Issues

Mentioning modern problems attracts readers’ attention to relevant social issues and those solutions that manufacturers suggest in their automobiles due to certain technological advancements.

Examples: ***Human Rights / Human Trafficking, Modern Slavery and Child Labor / Underrepresented Communities in the U.S. / Waste Generated Per Vehicle Manufactured***

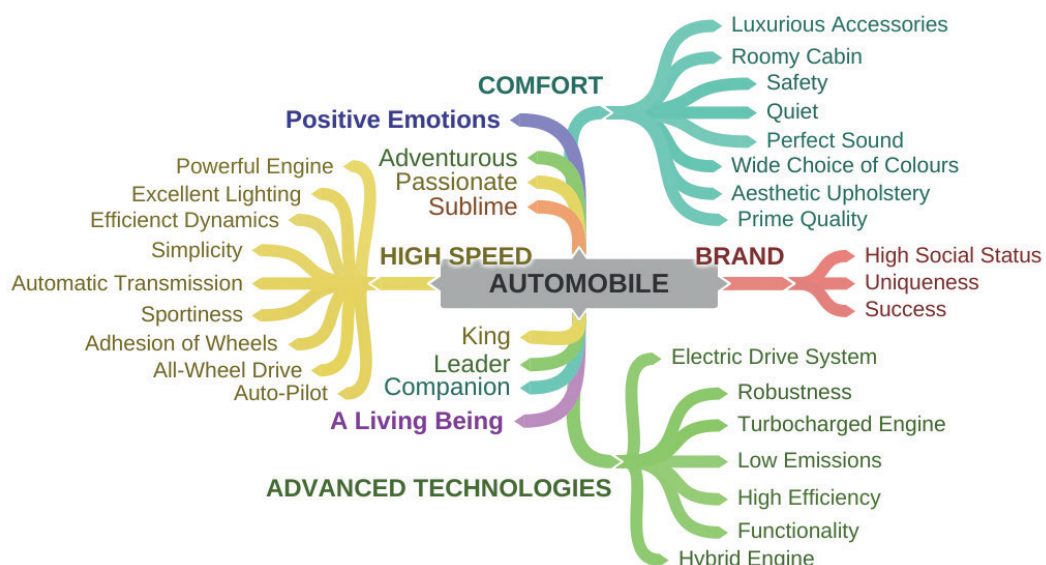
Fig. 2. Linguocommunicative means of expressiveness in promotional brochure headlines
 Source: Compiled by the author as a result of the study

The thematic scope in automobile brochures included the exterior and interior qualities that characterize the powerful engine, upholstery, a wide choice of materials and colours, wheels, road adhesion, elegant design of the car body, craftsmanship of manufacture that distinguishes these automobile models from all other models and underlines their uniqueness. Actually, the high quality of the salon and innovative engine are represented through the anthropocentric view, expressed in terms of personal impressions such as perfection, luxury, exclusivity, exhilaration, the spirit of adventure, and other positive emotions (Fig. 3).

The automobile market is highly branded which makes it difficult to develop and position each car model in its niche. Personal perception becomes the key aspect of branding. In a competitive climate, brand is more important than product. Brand positioning is about perception management rather than practical value. For this reason, the top priority in brochure headlines belongs

to comfort and pleasure as major characteristics of car models (see Fig. 3). The headlines are of crucial importance for brochures because potential customers rarely read the entire text. The headlines bear the entire charge of informing and persuading them to buy the products. The headlines were emotionally charged and focused on creating a strong belief that this particular car model was specially designed and customized for them. Despite the presence of detailed descriptions of technical features at the end of each brochure, the headlines containing emotional linguistic means of expressiveness comprised the backbone of each release. Irrational argumentation was aimed at developing unconscious preferences.

Fig. 3. A cognitive map of promotional brochure headlines /
Source: Compiled by the author as a result of the study

Conclusion

the majority of the headlines (82 %) in the promotional brochures devoted to car models had certain linguistic and communicative features that made them distinct, either stylistically or structurally. Standard brochure headlines tended to be laconic (1–4 words), whereas creative titles were more extended (up to 23 words). The headlines were mainly nominative (72 %). Those with the predicative structure had the narrative potential (16 %); numerically, they were followed by the imperative structures which model customer behavior (8 %). Among stylistic devices of expressiveness, the hyperbole and metaphor constituted the majority,

as the law of hyperbolisation establishes rules in the virtual world, in which objects have to comply with emotions and irrational expectations. Generally, tropes (592) exceeded syntactic figures of speech (274) twofold. However, in conjunction with sentence-patterned headlines, syntactic means outnumbered the tropes by 32 %. The phonetic means comprised a small category (60). The communicative techniques fulfilled the function of persuasion due to the projection of personal perception of car parts and their functional characteristics (108), text navigation elements that created an overall view of the entire brochure (50), narration on behalf of the manufacturers (12), informative facts (12) and social issues (12) that concentrate readers' attention on driving-related aspects. To conclude, the analysis shows a wide range of linguistic and communicative means for creating the emotional commitment to each particular car model. In essence, each headline was a combination of several expressive means immersed in the contextual environment of the promotional discourse.

References

1. Sakaeva, L.R., Yahin, M.A., Kuznetsova, E.V. & Ibragimova, V.L. (2019). Functional languages in the context of globalization: The language of advertising. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 10, 725–731. <https://doi.org/10.22055/raals.2019.15125>
2. Arrese, A. (2021). The use of 'bubble' as an economic metaphor in the news: The case of the 'real estate bubble' in Spain. *Language & Communication*, 78, P100–108. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.03.001>
3. Al-Subhi, A.S. (2022). Metadiscourse in online advertising: Exploring linguistic and visual metadiscourse in social media advertisements. *Journal of Pragmatics*, 187, 24–40. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.10.027>.
4. Polyakova, G.M. (2015). Linguocultural Analysis of the Advertisement Language in the American English. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 125–131. (In Russ.).
Полякова Г.М. Лингвокультурологический анализ языка рекламы в американском варианте английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 2. С. 125–131.
5. Burgers, Ch., de Lavalette, K.Y.R. & Steen, G.J. (2018). Metaphor, hyperbole, and irony: Uses in isolation and in combination in written discourse. *Journal of Pragmatics*, 127, 71–83. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.01.009>
6. Carnevale, M., Luna, D. & Lerman, D. (2017). Brand linguistics: A theory-driven framework for the study of language in branding. *International Journal of Research in Marketing*, 34(2), 572–591. <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2017.01.003>
7. Feng, W., Wu, D.D. & Yi, L. (2021). Transcultural brand communication: Disneyland's social media posts from USA to Hong Kong and Shanghai. *Discourse & Communication*, 15(6), 690–706. <https://doi.org/10.1177/17504813211026508>
8. Novospasskaya, N.V. & Zou, H. (2021). The Formation of Polycode Text Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 501–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
9. Zotova, A.S. (2021). Semiotics of Advertising Communication in WEB 2.0 Network Social Services. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1285–1298. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1285-1298> (In Russ.).

- Зотова А.С. Семиотика рекламной коммуникации в сетевых социальных сервисах web 2.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №4. С. 1285–1298. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1285-1298>
10. Denisenko, V.N., Krasina, E.A., Lazareva, O.V. (2019). Systemic typology of languages: analysis and synthesis in linguistic studies. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 9–18. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-9-18>
11. Filyasova, Y.A. (2020). A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 120–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-120-134>
12. Filyasova, Y.A. (2018). News Headlines: A Contrastive Linguistic Analysis. In: *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, Vienna, 19–21 March*, 5 (3.1). Vienna. pp. 333–344. <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018H/31/S10.042>

Information about the author:

Yulia A. Filyasova, PhD in Philology, Associate Professor of the English Philology and Translation Department, Humanitarian Faculty, SPbSUE. *Research interests:* linguistics, pedagogy; *e-mail:* phill.yield@gmail.com
SPIN: 9503–8000;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>

Сведения об авторе:

Фильсова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Гуманитарного факультета СПбГЭУ; *научные интересы:* лингвистика, педагогика; *e-mail:* phill.yield@gmail.com
SPIN-код: 9503–8000;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-876-892

EDN: EZQAIM

УДК 811.411.21'373.21(535)

Научная статья / Research article

Структурно-семантические особенности топонимов Омана как отражение языковой ситуации и материальной и нематериальной культуры страны

А.М. Аль-Рахби , В.Н. Зарытовская

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 zarytovskaya-vn@rudn.ru

Аннотация. Топонимы Султаната Оман ранее не получили освещения в отечественной арабистике. В проведенном исследовании авторы исходили из того предположения, что топонимы Омана, где есть характерный ландшафт и своеобразная материальная культура, а местный вариант арабского языка характеризуется разноуровневыми диалектальными особенностями, должны демонстрировать определенные тенденции в образовании местообозначений на фоне общеарабской топонимики. Объектом исследования послужил широкий спектр топонимов Омана — от обозначений наиболее крупных локаций до менее значительных исторически и экономически, но не с точки зрения анализа языкового материала. Была проведена выборка топонимов различных классов, в первую очередь ойконимов и гидронимов, доля которых в топонимике страны в силу местных природных условий весьма значительна. Авторы ставили целью выделить универсальное, общеарабское и исключительно оманское в семантике и алгоритмах словообразования топонимов на карте страны. Список основных местных топонимов был рассмотрен с позиций происхождения, этимологии, частоты формантов, морфологического состава, отношения к определенным семантическим полям. Это позволило систематизировать топонимы Омана и сделать ряд выводов: об исторически обусловленном отсутствии заимствований среди оманских топонимов, их многокомпонентности с преобладанием конкретных лексем, характеризующих местный ландшафт, включенности топонимов Омана в лексические группы, связанные с водой, и о национально-ориентированной картине мира, отраженной в характеристиках-индексах однотипных объектов оманской географии. Для этого исследователями были привлечены сведения из вспомогательных и смежных гуманитарных областей — географии, истории, социологии, этнопсихологии. Работа вносит вклад в изучение семантики топонимов, сравнительной топонимики, арабской лексикологии, российской арабистики, страноведения и регионоведения.

Ключевые слова: арабский язык, топонимы, топоформанты, макронимы, гидронимы, вади, Оман

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

© Аль-Рахби А.М., Зарытовская В.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Аль-Рахби А.М., Зарытовская В.Н. Структурно-семантические особенности топонимов Омана как отражение языковой ситуации, материальной и нематериальной культуры страны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 876–892. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-876-892>

Structural and Semantic Features of Oman's Toponyms as the Reflection of the Country's Linguistic Situation and Material and Non-Material Culture

Al-Rahbi Ahmed Mohammed , Victoria N. Zarytovskaya

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198
 zarytovskaya-vn@rudn.ru

Abstract. Toponyms of the Sultanate of Oman so far have not been studied in Russian linguistics in general, and in Russian Arabic studies, in particular. Due to the fact that in Oman there is a specific landscape and peculiar material culture, and the local variation of the Arabic language is characterized by multi-level dialectal peculiarities, the authors assumed that the toponyms of this country should demonstrate certain trends in the place names formation against the backdrop of the common Arabic toponymy. The object of the research is a wide range of toponyms of the Sultanate of Oman — from the names of the largest locations to the ones which are less significant in historical and economic terms, but are of interest from the viewpoint of the linguistic material analysis. The authors examined a large sample of toponyms of various categories, above all, oconyms and hydronyms; due to the local natural conditions, their share in the country's toponymy is very significant. The article is aimed at highlighting both the universal, pan-Arabic features and solely the Omani ones in the semantics and algorithms of toponymic word-building of the country. The main local toponyms were considered in terms of their origin, etymology, frequency of formants, morphological composition, as well as in relation to certain semantic fields. This made it possible to systematize the toponyms of Oman and draw a number of conclusions regarding the historically conditioned absence of loan words among Omani toponyms, their complexity with the predominance of specific lexemes characterizing the local landscape, the inclusion of Omani toponyms in lexical groups related to water, as well as the nationally-oriented world picture reflected in characteristics-indices of similar objects of Omani geography. To this end, the researchers used data from subsidiary and related humanitarian areas — geography, history, sociology, ethnopsychology. The work contributes to the study of the semantics of toponyms, comparative toponymy, Arabic lexicology, Russian Arabic studies as well as regional studies.

Keywords: Arabic, toponyms, topoformants, macronyms, hydronyms, wadi, Oman

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Al-Rahbi, A.M. & Zarytovskaya, V.N. (2023). Structural and Semantic Features of Oman's Toponyms as the Reflection of the Country's Linguistic Situation and Material and Non-Material Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 876–892. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-876-892>

Введение

Сегодня топонимика, изучающая этимологию географических названий, их написание, произношение и другие связанные с этой специфической лексикой вопросы, считается самостоятельным разделом лингвистических знаний в рамках ономастики. При этом топонимы, по замечанию М.В. Голомидовой, в отличие от других онимов, характеризуются «триединством» и имеют особые семантические функции: именование — индивидуализирующее название; локация — указание на место и индексация — выделение частного из ряда однотипных объектов [1. С. 144]. Можно также утверждать, что у топонимики есть свой терминологический аппарат, например *топоформанты*, в том, что касается морфологии слова, *гидронимы*, *катойконимы* и др. в том, что касается величины и класса обозначаемого объекта. Выделяются виды топонимов, которые классифицируются не только по объекту обозначения (*горы, реки, улицы* и др.) и занимаемой им площади на карте (*гиперонимы, макронимы, микронимы*), но и по принципу словообразовательной мотивации слова (*антропонимы, зоонимы* и т.д.), хронологии (историческое или современное название), количеству обозначаемых объектов на карте, первичности или вторичности именованного (например *Флорида*, она же *Штат восходящего солнца — Sunrise State*), принадлежности к определенным лексико-семантическим группам, происхождению (самоназвание, заимствование или гибридная форма, как это встречается в африканских топонимах) [2. С. 200], прозрачности внутренней формы [3. С. 76–77]. В частности, ведущий ономаст А.В. Суперанская выделяет десять типов ономастических классификаций [4. С. 159]. При этом семантические, лексические и грамматические группировки проводятся параллельно и независимо друг от друга, что является, по мнению специалистов, скорее недостатком существующих классификаций [5. С. 75]. Тем не менее нельзя отказать топонимике в собственном объекте анализа, в качестве которого выступает совокупность географических названий, включающих наименования природных и культурных объектов на территории страны, и предмете. Особенностью предмета ономастики, что немаловажно, является выход за границы чистой лингвистики. Благодаря тому, что по сути изучение топонимов — это реализация междисциплинарного подхода с привлечением обширных экстралингвистических данных, топонимика получила за последние десятилетия стремительное развитие, как и другие разделы языкознания, привлекающие сведения из смежных областей — этнолингвистика, лингвокультурология, геопозитика и др. Анализ топонимов позволяет получить комплексные результаты, значимые не только для лингвистики (происхождение именованных, их морфологический состав, частотность формантов и др.), но также сведения, способствующие обогащению представлений о культурных ценностях и быте народа, среде его обитания, сведения по его истории, психологии, существенно восполняющие картину

мира. Как указывают отечественные исследователи, «топонимическая система формировалась и развивалась в сложных естественно-географических, исторических условиях. Полная событий история заселения края, давние и сложные контакты с разными народами <...> разнообразная по природным условиям территория со всеми ее особенностями не могли не отразиться на характере топонимов. Характерные особенности ландшафта, растительного и животного мира, названия давних племен и народов, имена первых поселенцев и владельцев, черты культурной и социально-экономической жизни и другие факторы стали основой для образования топонимов» [6]. С.Н. Басик заключает: «Мы полагаем, что все имена собственные в геокультурном пространстве представляют собой специфический вспомогательный ономастический слой (страту) с интегрирующими, связующими функциями между местом, природным (физико-географическим) ландшафтом, населением, его деятельностью и восприятием окружающего географического пространства в целом» [7. С. 4].

При таком динамичном развитии топонимики ее арабоязычный сектор также постепенно разрабатывается как зарубежными, в том числе арабскими, так и отечественными специалистами (Р. Webb, N. Kharussi, A. Salman, З.М. Хадыева, Р.Р. Ильасова и др.). Однако большинство русскоязычных работ сосредоточены на правилах фонетического переложения специфических звуков в русских эквивалентах арабских топонимов [8], либо эти работы посвящены арабским географическим терминам, обогатившим международную морскую терминологию, и арабской географической литературе Средневековья [9]. Обращает на себя внимание работа Г.Г. Набиуллиной, в которой исследуется нарицательный элемент типа *гора, залив, мыс, ферма* и т.д. в составе арабских топонимов [6]. Оманскими исследователями из Университета Султана Кабуса проделана большая работа по выделению гидрологических терминов в составе местных топонимов [10]. При этом степень изученности топонимов арабского мира, при всем его многообразии по странам или ареолам использования того или иного диалекта, остается не высокой. Если говорить о топонимах Омана в отечественной научной литературе, то можно с уверенностью констатировать, что они пока не попадают в фокус российских лингвистов.

Поскольку в отечественном языкознании не освещались топонимы Омана, мы ставили перед собой достаточно широкую цель — составить описание основных топонимов на карте страны с точки зрения их происхождения и формирования названия, дать тому обоснование историей, чертами национальной культуры и особенностями местного диалекта арабского языка. Кроме того, авторы пытались выявить системные связи в этом лексическом пласте и проанализировать его на наличие образности, а также тяготения к тому или иному алгоритму словообразования. Для этого в работе использовались общенаучные методы, как анализ, синтез, сравнение, аналогия и методы оценки,

интерпретации и классификации. Мы выстраивали возможные семантические и формальные корреляции выборки топонимических единиц, сделанные на материале представленных в широком доступе карт, электронных систем, справочников по стране с привлечением научно-исследовательских изданий [10]. Топонимы группировались по разным признакам — наличию тех или иных сем, включенности в то или иное семантическое поле (ландшафта, растительного мира и др.), моделям арабского словообразования (модель места, модель действительного причастия и др.), наличию или отсутствию артикля в этих именах собственных, многосоставности, частотности использования топоформанта и т.д.

Как указывает А.В. Суперанская, топонимы, будучи неотъемлемой частью общей языковой системы, живут и развиваются по ее законам, а их возникновение и становление обусловлено достаточно строгими лингвистическими закономерностями [11. С. 35]. Безусловно, и в топонимике можно проследить универсальное и частное, а в нашем случае с топонимикой Омана — еще общеарабское и сугубо оманское, характерное для этого региона — самой западной точки арабского мира, обладающей своей культурной и языковой идентичностью.

Макронимы Омана с точки зрения и этимологии

Топонимы Омана представляют собой единый пласт на основе классического арабского языка. Поскольку Аравийский полуостров является родиной арабов и эта часть арабского мира не была заселена другими народами (за исключением упомянутых ниже отдельных вкраплений в узкой прибрежной зоне Персидского залива), подавляющая часть топонимов Омана имеют исконно арабское происхождение. В то же время топонимика Ирака, Сирии, Ливана, Египта, Марокко и других арабских стран за пределами Аравийского полуострова открывает иные пласты истории и этнологии этих территорий, демонстрируя топонимический мультилингвизм (термин введен О.С. Чесноковой [12]). Так, *Багдад* является словообразованием среднеперсидского языка [13], название *Дамаск* чаще всего возводят к арамейскому языку¹, *Триполи* — от греч. ‘три города’ и др.

В оманских топонимах прослеживается традиционный трехсложный корень (*Маскат* مسقط — употребительный на сегодня корень син-каф-та س-و-ق со значением ‘падать’, *ас-Сувейк* السويق — корень син-вау-каф س-و-ق со значением ‘торговля’ и ‘вождение’, *аль-Фулейдж* الفليج — корень фа-лям-джим ف-ل-ج со значением ‘система орошения’, *ас-Сурейма* الصريمة — корень

¹ Damascus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Damascus6> (дата обращения: 23.06.2023).

сад-ра-мим ص-ر-م со значением ‘строгость’ и ‘стойкость’ и др.) и частотные арабские модели словообразования с характерными формантами (модель места, начинающаяся с *та-*, уменьшительно-ласкательный интерфикс *ai-* (*ei*), определенный артикль арабского языка в виде *аль-* либо ассимилированного по правилам арабской грамматики *ас-*, *аиц-*, *ар-* и др.).

Поскольку описать подробно и всесторонне топонимы страны в рамках статьи не представляется возможным, мы коснемся в этом разделе макронимов — обозначений наиболее крупных географических образований — столицы, больших городов, имеющих историческое значение, и административных единиц, на которые поделена страна.

Оман

Согласно самой распространенной версии, лежащий в основе названия страны традиционный арабский корень из трех согласных айн-мим-нун *н-м-ع* восходит к самоназванию одного из племен Аравийского полуострова — кахтанитов, южных «чистых» арабов, потомков Кахтана [14. С. 28–31]. Этот же корень прослеживается в названии столицы Иордании — *Амман* عمان. Характерно, что без огласовок (кратких гласных, которые необязательным образом ставятся над строкой) *Оман* и *Амман* составляют одинаковые согласные в том же порядке, из-за чего иногда возникает путаница, если из контекста неясно, о чем идет речь — о столице Хашемитского Королевства или о Султанате Оман. Нам представляется неслучайным такое совпадение, которое свидетельствует в пользу арабского происхождения корня, а также говорит о том, что с большой долей вероятности в корне есть сема ‘стоянка’, ‘оседлость’. Поэтому мы не можем не учитывать мнение, что на страну было перенесено слово, изначально имевшее значение ‘место стоянки’. Так, языковед куфийской школы, одного из центров классической арабской филологии, Ибн аль-Араби (VIII–IX вв.) доказывает: «*Аман означает ‘проживающие в каком-то месте постоянно’, мы говорим о человеке оседлого образа жизни — *аамин или *аммун (прим. авторов — образованы на основе того же корня *н-м-ع* по моделям действительного причастия и качественного прилагательного — *فاعل*, *فعل*). И к этому же корню относится название Оман»². Что касается арабского грамматиста-классика аль-Заджджаджи (892–952), то он настаивал на происхождении именованной страны от имени собственного: «Оман был назван в честь Омана бин Ибрагима аль-Халиля»³. Историк из иракской Куфы Ибн аль-Кальби (IX в.) также упоминал: «Оман был назван в честь Омана бин Саба бин Ягсана бин Ибрагима Халиля аль-Рахмана, потому что он был тем, кто возвел одноименный

² Oman 2020. Muscat: Ministry of information, 2021. P. 58.

³ Там же.

город»⁴. Помимо этого, выдвигается предположение, что аравийские племена аздов, освоившие долину на территории современного Йемена, которую они именовали Оманом, перенесли название на страну, куда переселились предположительно во II-ом в. н.э. [14. С. 96]. Таким образом, могло произойти своеобразное расширение топонима с долины на страну с его переходом в другой подкласс.

В европейских исторических источниках нет иного названия Омана, кроме как кальки с арабского. Название страны звучит одинаково на всех основных современных языках — *Oman*. Самое раннее упоминание Омана как города зафиксировано в трудах римских историков I в. н.э. Именование *Omanit omrogium* также встречается в трудах Птолема, т.е. в исторических документах II в. н.э.⁵

На Востоке территория Омана была известна и под другими именованиями, внутренняя форма которых указывает на то, чем издревле выделялся и славился этот край, чем он был важен для соседей, по объективным причинам установивших с оманцами самые тесные отношения, что было неизбежно, учитывая выгодное географическое положение Омана в качестве ворот в Персидский залив, не говоря уже о его роли в товарообороте Древнего мира и Средневековья [15. С. 96]. Достаточно вспомнить оманский Ормуз, который не мог обойти в XV в. тверской купец Афанасий Никитин, вынужденный остановиться там на длительное время⁶. Также Афанасий Никитин делал остановку в Маскате, упоминая этот центр торговли и порт в своих записях как *Мошкат*⁷.

Что касается непосредственных соседей оманцев в древности, то шумеры Месопотамии называли Оман *Маджан* (Маган, Маккан) и *Джабаль ан-Нухас*, а персы — *Мазун*. Первое из названий переводят как ‘пристань’ или ‘край кораблей’, что соответствует активности жителей этого берега Персидского залива на море и важности местоположения Омана на пересечении морских путей [15. С. 96]. Второе же именование *Джабаль ан-Нухас* — *Гора Меди* говорит само за себя и подчеркивает значимость Омана для региона в тот исторический период в качестве богатого источника ископаемых. До сих пор археологи находят доказательства разработки богатых залежей металла на территории Омана в ранний период истории⁸.

⁴ Oman 2020. Muscat: Ministry of information, 2021. P. 58.

⁵ Там же.

⁶ Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 73.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ В Омани обнаружены гробницы древних рудокопов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.rambler.ru/science/43241054-v-omane-obnaruzheny-grobnitsy-drevnih-rudokopov/?utm_source=mnews_media&utm_medium=localsearch&utm_campaign=self_promo&utm_content=mnews_media&utm_term=оман (дата обращения: 22.06.2021).

Слово *Мазун* происходит от арабского *mizn*, что подразумевает «тучи, проливающиеся обильным дождем» и имеет форму качественного прилагательного по модели *fa*uul* — *فَعُول*. Действительно, благодатный климат с сезонными обильными осадками обеспечивал подъем и процветание сельского хозяйства в Омане, а также устойчивое развитие цивилизации на этой земле с древних времен.

Провинции Омана

Султанат Оман делится на административные единицы — мухафазы, или провинции, за которыми закреплены названия — *Дофар*, *Маскат*, *Мусандам*, *Северная аль-Батына*, *Южная аль-Батына*, *Северная аль-Шаркия*, *южная аль-Шаркия*, *аль-Дахилия*, *аль-Захира*, *аль-Бурейми*, *аль-Вуста* (см. Рис. 1). Сравнительный анализ их семантики показывает, что эта группа топонимов, во-первых, образует систему, для установления и понимания которой необходимо также учитывать крупнейшую горную гряду Омана *аль-Хаджар* *الحجر al-hajar* (на карте обозначена его наивысшая точка Джабаль Шамс), во-вторых, образна, в-третьих, строится на антропоморфическом сравнении. Если горы *аль-Хаджар* в буквальном переводе ‘хребет’, то провинция *аль-Батына* *الباطنة al-baatunah*, лежащая к югу от него, — ‘подбрюшье’. Это следует из сравнения с животом *بطن batan*. Провинция *аль-Захира* *الظاهرة al-dhaahirah*, тянущаяся к востоку от этого хребта, являет собой спину (от араб. *ظهر dhahr* ‘спина’). Соответственно, по отношению к ним в пространстве *аль-Вуста* *الوسطى al-wustaa* ‘центральные районы’ (от араб. *وسط wasat* ‘середина’), *аль-Дахилия* *الداخلية al-daahiliyyah* ‘внутренние районы страны’ (от араб. *داخل daakhila* ‘внутри’), *аль-Шаркия* *الشرقية al-sharqiyyah* ‘восточные районы’ (от араб. *قرشلا ash-sharq* ‘восток’).

Рис. 1. Административное деление Омана
Источник: sti-travel.co.ok

Fig. 1. Administrative divisions of Oman
Source: sti-travel.co.ok

Происхождение именованья большой южной провинции Омана *Дофар* ظفار dhufaar, основного ладаноносного района южной Аравии, не ясно. Но некоторые источники отождествляют ее, как раз исходя из факта произрастания ладана на его территории, с библейской горой *Сефар* [16. С. 60] и не исключают возможность следующего перехода первой согласной корня SFR→ZFR→DHFR.

Столицы

Название официальной столицы Омана города *Маската* مسقط masqat по своей морфологической форме относится к длинному списку исконно арабских топонимов, разбросанных по всему Арабскому миру, которые образованы по модели места, традиционно передаваемую как taf*al *مفعّل*: *Магриб* المغرب maghrib (Марокко и всей Северной Африки к Западу от Египта), *Мерса Матрух* مرسى مطروح marsa matruh (курорт в Египте), *Медина* المدينة al-mediinah в Саудовской Аравии, что дословно означает ‘город, место суда’, *аль-Маджма* المجمع — al-majma* со значением ‘место собраний’ и *аль-Мардама* المردمة al-mardamah (города в Саудовской Аравии), *аль-Мафрак* المفرق al-mafrq со значением ‘перекресток, место расхождения путей’ (населенный пункт в Иордании), *Манама* المنامة al-manaamah (столица Бахрейна) и др. Интересно, что большинство подобных топонимов сосредоточены в восточной части Арабского мира, ближе к Аравийскому полуострову — исторической родине арабов. На западе североафриканского побережья, где влияние на формирование географических названий оказали во многом местные берберские языки, они встречаются реже.

Как было сказано выше, корень в слове *Маскат* означает ‘место падения’, по всей видимости, якоря, учитывая, что удобная бухта Маската была известна еще во времена Афанасия Никитина. По той же модели от глагола *бросать* طرح taraha образовано название старого города, ныне исторического центра Маската — *Матраха*, где до сих пор причаливают корабли. Характерно, что от самого арабского глагола *أرسى* ‘бросать якорь’ (недостаточный 4-ой породы) образован ряд прибрежных топонимов по всему Арабскому миру — *Мерса Матрух*, *Мерса аль-Алям* в Египте, *Мерса аль-Умараа* в Тунисе и др.

Происхождение названия южной столицы Омана, центра губернаторства Дофар — города *Салала* صلالة salaalah арабские исследователи затрудняются определить⁹. Тем не менее, благодаря развитой географической арабской литературе Средневековья ясно, что именованье не уходит корнями

⁹ صلاة عقب التاريخ وطريق الحوادث [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.albayan.ae/opinions/diary/2012-09-07-1.1721946> (дата обращения: 23.05.2021).

вглубь веков. Ни у известного путешественника Ибн Баттуты (1304–1377), который посетил южную часть Омана в 1331 г.¹⁰, ни у оманского лоцмана и географа Ахмеда бен Маджида (ум. в 1500) в контексте Дофара топоним *Салала* не упоминается. Поэтому, располагая исключительно лингвистическими данными, представляется возможным выдвинуть единственную версию, что данная лексема входит в словообразовательное гнездо корня сад-лям-лям *ص-ل-ل* наряду с единицей *صليل* *saliil* ‘шум, грохот’. Основанием для такой этимологии служит тот факт, что в зеленом Дофаре держится особый для Омана климат, для которого характерны проливные дожди, а в ландшафте этой местности встречаются водопады. Для описания последних мы как раз можем применить такой эпитет, как *грохочущий*. Исходя из универсальности человеческого мышления, уместным представляется сравнить мотивацию оманской *Салали* с мотивацией таких российских топонимов, как *Гремячие ключи* (источник в Сергиево-Посадском районе Московской области), родник *Гремяч* в Ярославской области, село *Гремячее* в Тульской области, село *Гремяча* в Пермском крае, а также села *Гремяч* в Черниговской области.

Среди основных городов Омана, сыгравших роль в его истории и до сих пор имеющих большую численность населения, — *Сохар*, *Рустак* и *Низва*.

Именованье города *Сохар* *صحار* — *Suhaar* связывают с арабским корнем сад-ха-ра *ص-ح-ر*. От этого же корня образовано нарицательное *صحراء* *sahraa* ‘пустыня’, множественное число *صحارى* — *sahaaraa*, с артиклем определенности, ставшее другим топонимом — *Сахара* на африканском континенте. Последний занял свое места на западной окраине арабского мира, в отличие от Омана, который является его восточным краем.

Город *Рустак*, бывший в исторический период правления династии имамов аль-Йаруби столицей Омана (XVII в.), до сих пор сохранил свое культурное значение. Название *Рустак* — изначально имя нарицательное со значением ‘поселение с огородами и садами’. Слово имеет в арабском языке форму множественного числа, как правильную — *رستاقات* *rustaaqaat*, так и ломаную — *رساتيق* *rasaatiq*. Четыре согласные в корне указывают на то, что слово скорее всего не арабского происхождения, однако успешно адаптированное по правилам арабской морфологии. Ломаная форма множественного числа в арабском, как известно, представляет собой внутреннюю флексию, и ей подвергаются только те слова неарабского происхождения, которые характеризуются высокой частотностью и смогли стать органичной частью современного словаря. Ср.: множественное от англ. *мистер*, калькированного на арабский как *مستاترة*

¹⁰ صلاحه عقب التاريخ وطريق الحوادث [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.albayan.ae/opinions/diary/2012-09-07-1.1721946> (дата обращения: 23.05.2021).

masaatirah, по аналогичной ломаной модели образованы *أساتذة* asaatizah ‘профессора, учителя’, *مغاربية* magaaribah ‘магрибинцы’ и др. В энциклопедиях значится, что *Рустак* — это арабизированная форма от среднеперсидского термина ‘сельский район, окрестности, предместья’. При этом в средневековых трактатах по географии на персидском и арабском термин использовался как в своем основном значении ‘не город, а сельская местность’, так и в качестве термина, обозначающего административную единицу, эквивалент сельского округа [17]. Характерно, что свой *Рустак* (село в Тахарской провинции) есть в Афганистане, а в иранской провинции Фарс есть округ с таким же названием (в арабской вязи написание на персидском полностью соответствует написанию на арабском).

Носителям языка очевидно, что именование *Низвы* (также распространен вариант произношения *Назва*), одной из бывших столиц Омана (периода имамата VI—VIII вв.), расположенной на внутренних (не прибрежных) территориях, восходит к вдвойне неправильному корню с двумя слабыми харфами зай-вау-йа *ز-و-ي* со значением ‘угол’, ‘уединяться’, по-арабски, соответственно, *زاوية* zaawiyah и *انزوى* inzawaa, где *ин* — возвратный аффикс глагола (в российской арабистической традиции это показатель 7-ой породы глагола). Его элементы также прослеживаются в названии города *Низва*.

Морфология и семантика оманских топонимов

Как отмечается, арабские топонимические типы сочетают в себе структурные особенности языка (например, наличие артикля определенности *аль-* (в другом написании *эль-*), отсутствующего в русском, частотную генетивную конструкцию, т.н. идафу и др.) и ориентиры местной природы (*источники, мысы, горы* и т.д.) [6]. Таким образом, большое количество арабских топонимов многосоставны и обладают определенным набором повторяющихся топоформантов, называющих класс обозначаемого объекта: *рас* رأس ‘мыс’ (*Рас-аль-Хадд* в Омани), *эзбат* عربة ‘ферма’ (частотно в Египте), *айн* عين ‘источник’ (город с таким названием в ОАЭ близ границы с Оманом, туристическое место *Айн Сохна* (досл. ‘горячий источник’) в Египте на берегу Красного моря, *Рас аль-Айн* (досл. ‘мыс источника’) в Ливане и др.

Выборка топонимов Омани подтвердила, что подавляющая часть их многосоставные (двух-, трех- и даже четырехсоставные) и обозначают место через описание его природных меток. Более того, эти две характеристики арабских топонимов статистически в большей степени наблюдаются на карте Омани, чем, например, Ливана, что связано, как было сказано выше, с тем, что в образовании массива оманских топонимов участвовали исключительно

местные арабские племена. Следовательно, происхождение и этимология оманских топонимов более очевидны для нас, так как их словообразование отражает морфологию арабского языка. Ср: оманские топонимы — *Вади Удей* (название присвоено по пересохшему руслу), *Джаалян Бани Бу Хасан* (название присвоено по клану с перечислением предков в нескольких поколениях), *Фалядж аль-Машаих* (название присвоено по системе ирригации), *Хейль аль-Гаф* (название присвоено по имеющемуся водоему с произрастающим рядом деревом) и т.д. и ливанские топонимы, многие из которых односоставны и восходят к истории финикийцев и эллинов, поэтому их внутренняя форма и мотивация не просматривается для носителя языка, как *Бейрут*, *Баальбек*, *Сур (Тир)* — «брат-близнец» оманского *Сура*, по легенде, основанный финикийцами, добравшимися до этого берега и др. Некоторые ливанские топонимы имеют параллельные названия на других языках, как *Джубейль* (от араб. ‘гора’), он же *Библ* (от финикийского).

Более глубокий анализ топонимики Омана, который включил рассмотрение семантического измерения обоих компонентов состава обозначений местной географии, позволил выявить следующее:

1. Имеющиеся двусоставные оманские топонимы систематически образуют генетивную конструкцию, а не согласованное определение. Ср. в русском при двусоставности: *Переяславль-Залесский*, *Ростов Великий*, *Нижний Новгород*, *Старая Русса*, *Большие Можары*, *Романовы Дарки* и др., в то время как топонимы Омана представлены, как правило, идафами: *Фалядж аль-Машаих* (досл. канал шейхов), *Вади аль-Масйад* (досл. ‘вади мечеть’), *Бирка аль-Муз* (досл. ‘водоем бананового дерева’) и т.д.
2. В большом числе местных топонимов встречаются диминутивы с интерфиксом *-ai-* (как вариант передачи используется также более закрытое произношение гласной *-ei-*): *Мувейлих*, *Вади аль-Бувейрид*, *аль-Бурейми*, *ас-Сувейк*, *аль-Фулейдж*, *Айн Вушейля* и др.
3. Первый компонент оманского топонима с большой частотностью входит в семантическую группу, связанную с водой, играющей, как известно, ключевую роль в жизни Аравийского полуострова. Также к этой семантической группе относится ряд односоставных топонимов, в частности крупнейшие районы Маската *ас-Сиб* (в переводе ‘проток’), *аль-Хейль* (в переводе ‘водоем, образовавшийся в пересохшем русле’). В качестве первого компонента может выступать *айн* ‘источник’, *бирка* ‘небольшой непроточный водоем’, *афлядж* (либо в единственном числе *фалядж*) ‘оросительная система’, упомянутый выше *хейль* (например, в *Хейль ан-Нажд*), но гораздо чаще *вади* ‘характерные для оманского ландшафта сезонно пересыхающие русла рек, вдоль которых по хозяйственным соображениям издревле предпочитали селиться люди’.
4. Второй член генетивной конструкции, который должен характеризовать данное место, выделяя его из ряда подобных, может быть представлен:

- а) одним из видов произрастающего либо когда-то произраставшего там дерева, в том числе плодоносящего: *Хейль аль-Гаф* (растение вида *prosoripis*), *Бирка аль-Муз* (банановое дерево);
- б) природными явлениями, происходящими в данной местности: *Вади ас-Сейл* (досл. ‘долина селей’);
- в) животными данного ареала обитания: *Вади аль-Хадыба* (разновидность змей);
- г) характерной геоморфикой: *Вади ас-Саляба* (досл. ‘твердость’);
- д) заметными сооружениями, стоящими рядом: *Вади аль-Мисйад* (несколько измененное фонетически مسجد *masjid* ‘мечеть’);
- е) кланами, проживающими в данной местности, что отражает стремление к сохранению традиционного племенного уклада оманского общества: *Хейль аль-Манадыра*, *Хуль Бани Исса*, *Вади Бани Халед*, *Джаалян Бани Бу Хасан* и др. Тогда формантами выступают такие слова, как *بنى* — *banii* ‘дети, потомки’ и, соответственно, *بو* *buu* ‘родитель, предок’;
- ж) характеристикой протекающей здесь воды:
- ее скоростью: *Вади аль-Кахфи* (досл. ‘долина быстро текущей’);
  - количеством: *Айн Вушейля* (от *وشلة* *washlah* ‘малое количество воды’);
  - вкусом: *Айн аль-Хальва* (досл. ‘источник сладкой воды’). Ср. район Маската *аль-Мавалих* — от глагола *ملح* *maluha* ‘быть соленым на вкус’;
  - температурой: *Вади аль-Бувейрид* (от *بارد* *baarid* ‘холодный’).

Как показывает статистика, наиболее частотным оманским топонимом является слово *بدعة* *bid'a* — производное от корня ба-даль-айн *ب-د-ع* со значением ‘быть уникальным, бесподобным, удивительным’¹¹. Глагол *بدع* употребителен как каузатив по 1-ой породе ‘творить нечто, создавать уникальное’. Под этим названием в Омане существует несколько населенных пунктов в различных вилайетах султаната — *Ибри*, *аль-Хабура*, *Лива*, *Низва*, *Мадха*, *Бахля*, в небольшом районе *ас-Сувейк* есть две деревни под таким названием, для их различения они обозначены как *Бидаа аль-Шаркия* и *Бидаа аль-Гарбия* (Восточная и Западная Бидаа). Кроме населенных пунктов аналогичное название носит несколько оросительных систем в различных районах страны. Значение этих сетей рукотворных каналов, известных как аль-афладж, которые равномерно распределяют драгоценную воду по сельскохозяйственным участкам, трудно переоценить в климатических условиях Омана. Они в буквальном смысле являются источниками жизни и занесены в список нематериального наследия ЮНЕСКО как вершина инженерной мысли и успешной пример социальной практики кооперации. Поэтому, с одной стороны, каналы афладж могут иметь свои почетные собственные именованья, как рядом

¹¹ الموسوعة العمانية – أماكن مسماة ببدعة في عمان [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shabiba.com/article/169967/ش-فيديو/الموسوعة-العمانية-أماكن-مسماة-بالبدعة-في-عمان> (дата обращения 27.06.2021)

лежащие горы, вади, города и поселки, пополняя список оманских топонимов, с другой — сами выступают топоформантом, как в *Фалядж аль-Машаих* или *Фалядж аль-Кабаиль* (досл. ‘канал племен’).

Заключение

Рассмотрение формы и значений оманских топонимов позволяет сделать ряд важных выводов в отношении этой группы слов, которые свидетельствуют об их своеобразии — определенных чертах морфологии и семантики.

В первую очередь необходимо отметить, что топонимы Омана представляют собой пласт лексики исконно арабского происхождения, сочетая традиционный трехсложный корень с частотными моделями словообразования классического арабского языка. Большая часть из них многосоставные, встречаются даже трех- и четырехсоставные топонимы.

Нам удалось установить системные отношения между историческими названиями провинций Омана, основанные на антропоморфной метафоре. При этом значительная их часть образована по модели действительного причастия 1-ой породы.

Анализ семантики топонимов Омана и способов их индексации показал, что большинство из них пребывают в семантическом поле воды либо ландшафта, образованного водой, о чем говорят такие первые их первые компоненты, как *вади*, *айн*, *хейль* и др. Поиск этимологии односоставных топонимов во многих случаях приводит в это же семантическое поле, как в случае с названием столицы государства городом *Маскатом* или поселением *аль-Фулейдж*. При этом наиболее характерным для Омана компонентом являются *хейль* и *фалядж (афлядж)*. Последнее, являясь признанной ЮНЕСКО частью материальной культуры Омана, с такой же частотностью встречается разве что на территории Иордании, а на карте Омана выступает и как место, достойное собственного имени, и как топоформант. При этом наиболее частотным из оманских топонимов считается Бидаа, обозначающее различные их подклассы.

В оманских обозначениях места отражена такая черта устройства социальной жизни, глубоко укорененная в психологии народа, как клановость, представляющая собой нематериальную ценность Омана: целый ряд деревень, долин, поселений носят названия родов, там проживавших или проживающих до сих пор.

В сопоставительной части исследования мы сравнили алгоритмы образования русских и оманских топонимов и их мотивацию. Оказалось, что для русских двухсоставных топонимов в большей степени характерно согласованное определение, для оманских — рассогласованное при их семантической параллели. На фоне топонимов других стран Арабского мира были выявлены наиболее характерные оманские

топоформанты — четырехсоставные, связанные с родом и отражающие местный ландшафт (*вади*, *бирка* и др.)

Таким образом, совокупность перечисленных признаков создает особый характер оманских топонимов, и не только с формальной стороны. В топонимах Омана отразилось издревле сложившийся образ жизни местного сообщества, которое построило свою цивилизацию, во-первых, благодаря воде, во-вторых, благодаря кооперации, основанной на высоких моральных принципах равенства, справедливости и племенном укладе.

Разрабатывая эту тему, мы стремились дать широкий взгляд на топонимы Омана, предполагая, что исследование может быть продолжено в таких направлениях, как сопоставление топонимов Омана с топонимами других стран арабского мира, поиск на карте однокоренных с оманскими топонимов, детальное описание именованных оросительных систем Омана, анализ фонетических особенностей оманских топонимов и др.

Библиографический список

1. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1998.
2. Перфильева Н.В., Новоспаская Н.В., Да Сильва Ф. Информационный компонент топонимов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 189–203. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(2\).189-203](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203)
3. Blair D., Tent J. Toponym types. A revised typology of placenaming. Sydney: Placenames Australia Inc., 2020.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
5. Khayitova F.A. Principles of Toponyms (Place Names) Classifications // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding (IJMMU). 2020. Vol. 7. № 6. P. 73–79.
6. Набиуллина Г.Г. Местные географические термины в составе топонимов арабского языка // Современный мусульманский мир. 2019. № 4. ID 70.
7. Басик С.Н. Структура ономастического слоя в геокультурном пространстве // Научное обозрение: электронный журнал. 2018. № 4. ID 138.
8. Мазеин Н.В. Арабские географические названия. Как много в этом звуке // География. 2004. № 13. Режим доступа: <https://geo.isept.ru/article.php?ID=200401302> (дата обращения: 12.06.2021).
9. Хайрутдинов Д.Р. Арабская географическая терминология // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149. Кн. 4. С. 76–82.
10. Kharusi N., Salman A. In Search of Water: Hydrological Terms in Oman's Toponyms // Names. 2015. Vol. 63. No 1. P. 16–29.
11. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984.
12. Мартыненко И.А., Чеснокова О.С. Гибридные топонимы Панамы как отражение топонимического мультилингвизма // Филологические науки. Прикладное языкознание. Билингвизм. 2021. № 6(2). С. 221–226.
13. Duri A.A. Baghdād [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_COM_0084 (дата обращения: 23.06.2023).
14. 28—31. ص. 1997. محمد سليمان الطيب. موسوعة القبائل العربية. مدينة النصر: دار الفكر العربي.
15. Сенченко И.П. Султанат Оман. Легенды, сказания и факты истории. СПб.: Алетейя, 2020.

16. Бухарин М.В. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. М.: Восточная литература, 2009.
17. Bosworth C.E. Rustāq // *Encyclopaedia of Islam*. P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs (eds.). Leiden, 1954–2005.

References

1. Golomidova, M.V. (2019). *Artificial nomination in Russian onomastics*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (In Russ.).
2. Perfilieva, N.V., Novospasskaya, N.V. & Da Silva, F. (2017). The Information Component of Toponyms of Guinea-Bissau and Cape Verde. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 6(2), 189–203. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(2\).189-203](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203) (In Russ.).
3. Blair, D. & Tent, J. (2020). *Toponym types. A revised typology of placenaming*. Sydney: Placenames Australia Inc.
4. Superanskaya, A.V. (1973). *General theory of a proper name*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Khayitova, F.A. (2020). Principles of Toponyms (Place Names) Classifications. *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding (IJMMU)*, 7(6), 73–79.
6. Nabiullina, G.G. (2019). Local geographic terms in the toponyms of the Arabic language. *Modern Muslim world*, 4, 70. (In Russ.).
7. Basik, S.N. (2018) The structure of the onomastic layer in the geocultural space. *Scientific review: electronic journal*, 4, 138. (In Russ.).
8. Mazein, N.V. (2004). Arabic place names. How much there is in this sound. *Geography*, 13. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200401302> (accessed 12.06.2021). (In Russ.).
9. Khairutdinov, D.R. (2007). Arabic geographical terminology. *Scientific notes of Kazan State University*, 149, 4, 76–82. (In Russ.).
10. Kharusi, N. & Salman, A. (2015). In Search of Water. Hydrological Terms in Oman's Toponyms. *Names*, 63(1), 16–29.
11. Superanskaya, A.V. (1984). *What is toponymy?* Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Martynenko, I.A. & Chesnokova, O.S. (2021) Hybrid Toponyms of Panama as a Reflection of Toponymic Multilingualism. *Philological Sciences. Applied linguistics. Bilingualism*, 6(2), 221–226. (In Russ.).
13. Duri, A.A. *Baghdād*. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_COM_0084 (accessed 23.05.2021).
14. Mohamed Suleiman At-Tayeb (1997). *Encyclopedia of Arab tribes*. Madinat Nasr: Dar al-fikr al-arabiy. pp. 31–28. (In Arab.).
15. Senchenko, I.P. *Sultanate of Oman. Legends, legends and facts of history*. Saint Petersburg: Aletya. (In Russ.).
16. Bukharin, M.V. (2009) *Arabia, East Africa and the Mediterranean: Trade and Historical and Cultural Relations*. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russ.).
17. Bosworth, C.E. (1954–2005). Rustāq. *Encyclopaedia of Islam*. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs (eds.). Leiden.

Information about the authors:

Al-Rahbi Ahmed Mohammed, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *Research interests*: Arabic lexicology and dialectology, history of Arabic literature; *e-mail*: al_rakhbi_a@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-4010-1634

Victoria N. Zarytovskaya, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. *Research interests*: comparative linguistics, functional grammar and lexicology of the Arabic language, methods of teaching the Arabic language, modern Arabic literature; *e-mail*: zarytovskaya-vn@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-код: 4434–9391

Сведения об авторах:

Аль-Рахби Ахмед Мохаммед, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: арабская лексикология и диалектология, история арабской литературы; *e-mail*: al_rakhbi_a@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4010-1634

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание, функциональная грамматика и лексикология арабского языка, методика преподавания арабского языка, современная арабская литература; *e-mail*: zarytovskaya-vn@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-код: 4434–9391

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-893-909

EDN: IDNIAN

УДК 811.161.1'42:821.161.1P-31

Научная статья / Research article

Ветер: семантизация символа в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»

И.В. Якушевич

Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4

 sa1107@yandex.ru

Аннотация. Исследование проведено на стыке семиотики, лингвокультурологии и лингво-поэтики текста и посвящено одной из актуальных проблем современного гуманитарного знания — выявлению, семантическому описанию и языковой репрезентации одного из значимых символов национального мифологического мышления — ВЕТЕР. Цель исследования — представить модель знаковой структуры символа ВЕТЕР и рассмотреть его языковую трансформацию в романе «Доктор Живаго». Основной метод исследования — семантико-семиотическое описание знаковой структуры символа ВЕТЕР в категориях означающего и означаемого. Под семантизацией символа мы подразумеваем особенности его языкового воплощения и, как следствие, возникновение авторской трансформации общекультурного символического кода слова. Означающее символа — чувственный образ воздушного потока — в тексте может быть семантизирован как словами *ветер*, *метель*, *буря* и пр., так и разными синтаксическими конструкциями. Означаемое — ряд символических значений, сложившихся в культуре народа как результат мифологического отождествления воздушной стихии природы и человека. В результате исследования найдено пять символических значений, для объективации которых были привлечены данные словарей и фольклорные тексты: 1) ВЕТЕР→ДУХ, ДУША, 2) ВЕТЕР→РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА, 3) ВЕТЕР→СЛОВО, ВЕСТЬ, 4) ВЕТЕР→ЗЛО, МАГИЯ, 5) ВЕТЕР→ЖИЗНЬ. В тексте каждое из этих общекультурных значений трансформировано в системе событий и персонажей романа. Так, второе значение представлено четырьмя вариантами означаемого: ‘смерть матери Живаго’, ‘рождение сына’, ‘смерть Антипова’, ‘смерть Юрия Живаго’. Наиболее частотными в репрезентации двухкомпонентной структуры символа являются восходящие градационные ряды, обозначающие рост силы ветра и его превращения в дождь или метель. Одновременно разворачивается градационный ряд слов, передающий динамику психологического или физического состояния героя. Символическое значение часто актуализировано при помощи других символов, чье означаемое дублирует символ ветер. Итогом исследования является вывод об амбивалентной природе символа ВЕТЕР, возникающего в ключевые моменты жизни Юрия Живаго. ВЕТЕР — сама жизнь в мистическом ее понимании: как бессмертие.

© Якушевич И.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: означающее, означаемое, символ-дублер, восходящая градация, актуализатор символического значения

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Якушевич И.В. ВЕТЕР: семантизация символа в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 893–909. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-893-909>

WIND: Semantics of the Symbol in Boris Pasternak's Novel "Doctor Zhivago"

Irina V. Yakushevich

Moscow City University,
4, 2nd Selskhozoyastvenny str., Moscow, Russian Federation, 129226
 sa1107@yandex.ru

Abstract. The study was conducted at the intersection of semiotics, linguoculturology and linguopoetics of the text and is devoted to one of the urgent issues — the identification, semantic description and linguistic representation of one of the significant symbols of national mythological thinking — WIND. The purpose of the study is to present a model of the symbolic structure of the symbol WIND and to consider its linguistic transformation in the novel «Doctor Zhivago». The main research method is a semantic–semiotic description of the symbolic structure of the symbol WIND in the categories of signifier A and signified B. By symbol's semantics we mean the peculiarities of its linguistic embodiment and, as a consequence, the emergence of the author's transformation of the general cultural symbolic code of a word. The signifier of the symbol — the sensual image of the air flow — in the text can be semanticized both by the words wind, blizzard, storm, etc., and by different syntactic constructions. The signified is a number of symbolic meanings which have developed in the culture of the people as a result of the mythological identification of the air element of nature and man. As a result of the study, five symbolic meanings were found, for the objectification of which dictionary data and folklore texts were used: 1) WIND→SPIRIT, SOUL, 2) WIND→BIRTH AND DEATH OF A PERSON, 3) WIND→WORD, MESSAGE, 4) WIND→EVIL, MAGIC, 5) WIND→LIFE. In the text, each of these general cultural meanings is transformed into a system of events and characters of the novel. So, the second meaning is represented by four variants of the signified: 'death of Zhivago's mother', 'birth of a son', 'death of Antipov', 'death of Yuri Zhivago'. The most frequent in the representation of the two-component structure of the symbol are ascending gradation series, indicating the growth of wind power and its transformation into rain or blizzard. At the same time, a gradation series of words unfolds, conveying the dynamics of the psychological or physical state of the hero. The symbolic meaning is often actualized with the help of other symbols whose signified duplicates the wind symbol. The result of the study is the conclusion about the ambivalent nature of the symbol WIND, which occurs at key moments in the of Yuri Zhivago's life. The wind is life itself in its mystical understanding like immortality.

Keywords: wind-symbol, signifier, signified, doubler symbol, ascending gradation, actualizer of symbolic meaning

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Yakushevich, I.V. (2023). WIND: Semantics of the Symbol in Boris Pasternak's Novel "Doctor Zhivago". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 893–909. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-893-909>

Введение

Одним из перспективных направлений в лингвокультурологии является исследование языковых репрезентантов славянского мифологического мышления. Слово-символ семантизирует мифологическое мышление, «закрепляет в индивидуальном и коллективном сознании фрагменты переживаемого опыта» [1. С. 221]. Под семантизацией (или лексикализацией) мифа подразумевается вербализация в речи символических смыслов [2. С. 47; 3]. В художественном тексте символ включен в иерархическую цепочку «индивидуальное сознание — текст — культура» и является языковым носителем русской ментальности — «национального способа выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка» [4. С. 15]. Таким образом, семантизированный в художественном тексте символ включает, с одной стороны, смыслы «диахронной вертикали» — накопленные в процессе семиогенеза символические значения, реконструированные в результате анализа этимологии слова, его древнерусских значений и актуализированных в фольклорных текстах смыслов. С другой — символ передает авторское мироощущение, изменяясь под его влиянием. Трансформация общекультурного символического кода слова в индивидуально-авторской интерпретации порождает символ художественного текста как «генератор смыслов», по сути, сам изолированный текст [4. С. 146].

Цель предлагаемого исследования — моделирование семантической структуры символа ВЕТЕР и анализ его репрезентации в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Методы исследования

Для анализа текста символ ВЕТЕР необходимо семантизировать в виде знаковой модели [5. С. 5]. Означающее такого знака следует понимать двойственно: с одной стороны, это образ денотата, с другой — слова, называющие денотат. И это не только слово *ветер* («движение потока воздуха в горизонтальном направлении» [6]), но и другие номинации денотата на основе разных его признаков. Под денотатом мы подразумеваем «любой фрагмент действительности и представление о нем» [7. С. 51]. Что это за номинации?

Их главный источник — перцептивные признаки денотата. Чувственность денотата слова *ветер* складывается из нескольких эмпирических признаков: а) это поток воздуха, б) он перемещается, в) в горизонтальном направлении. Помимо этого для образной составляющей важны и другие признаки ветра: г) сила потока, д) температура воздуха (см. [1. С. 223]) и е) то, что именно он переносит: снег, дождь, пыль, звуки и пр. Слова *снег*, *метель* и *дождь*, называющие этот эмпирический образ в тексте, актуализируют либо один признак, либо все. Обоснуем привлечение этих слов в качестве означающего.

Ветер, переносящий снег, по мнению Н.В. Халиковой, переходит в другой образ — вьюги и метели [8. С. 54], о котором как о значимом символическом образе романа писали многие исследователи «Доктора Живаго». В частности, Б.М. Гаспаров считал метель запредельным и вечным началом [9. С. 265]. Воронежский ученый К.А. Нагина анализирует «*метельный текст*» в стихотворениях из посмертного сборника стихов Живаго («Снег идет», «Зимняя ночь» и «Рождественская звезда»), отмечая традиционный для русской литературы, наследуемый у А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого мотив метели как запретной любви и как неумолимой судьбы, действующей независимо от желаний влюбленных [10. С. 33–34]. В данной статье автор принципиально объединяет *ветер* и *метель* в один образ-означающее на основании двух причин. Первая заключена в словарном толковании метели именно как ветра, а снег — переносимая ветром субстанция [6]. Вторая — в степенном значении метели как сильного ветра. Ниже мы увидим, что Б.Л. Пастернак не раз использует эти два параметра — усиление силы ветра и характер переносимой субстанции (снег, дождь, мусор) — для градационной динамики символического образа. Итак, как и *ветер*, слова *снег*, *метель*, а также по аналогии *дождь* мы также относим к означающим символа ВЕТЕР.

Каково означаемое такого символа? Означаемое символа, его символическое значение есть результат аниматизма — веры во всеобъемлющую одушевленность природы. Это один из главных признаков мифологического мышления [11. С. 47]. Найдено 5 символических значений, для объективации которых был привлечен анализ внутренней формы слова, данные этнолингвистического словаря «Славянские древности» и «Словаря библейских образов», а также контексты фольклорных произведений, Библии: 1) ВЕТЕР→ДУХ, ДУША, 2) ВЕТЕР→РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА, 3) ВЕТЕР→СЛОВО, ВЕСТЬ, 4) ВЕТЕР→ЗЛО, МАГИЯ, 5) ВЕТЕР→ЖИЗНЬ.

В тексте романа такая структура развернута в «описательных формах» разного формата: от слова и словосочетания до сверхфразового единства [8. С. 52]. Все описательные формы символа ВЕТЕР разделим на два типа. Первые являются языковыми носителями означающего (обозначим как А) и включают либо слово *ветер* (которое в романе употреблено 65 раз), либо другие слова, называющие этот референт. Они акцентируют в нем а) разную силу ветра: *бушевала*, *свистела* и *завывала*

(вьюга); **порывистый** осенний ветер, ветер **шевелил** страницами писем, **теплый заговаривающийся** ветер, **сонный** ветер, **буран**; б) переносимые ветром снег, дождь, пыль и пр.: *бушевала вьюга, воздух дымился снегом, ветер тащил (газеты и афиши), ветер загонял дым в комнату, ветер взметал... тучи вертящихся снежинок, облака поднятого песка и пыли и др.*

Второй тип описательных форм является носителем означаемого (обозначим Б). Назовем их актуализаторами символического значения. Это элементы текста (слова, конструкции), раскрывающие импликацию [12].

Результаты исследования

I. ВЕТЕР→ДУХ, ДУША.

Первое и главное символическое значение скрыто уже в этимоне слова *ветер*: общ. слав. *větrъ было обозначением персонифицированного ветра-духа или ветра-бога. В свою очередь древнерусское слово *духъ* обозначало 'дуновение, ветер'. Но кроме этого *духъ* — это также жизненное начало, бесплотное сверхъестественное существо, душа [13. С. 153]. Об этом писал А.Н. Афанасьев: «В глубочайшей древности верили, что ветры суть дыхание божества» [14. Т. I. С. 145]. «Душа понималась, как существо воздушное, подобное дующему ветру... Такое представление души совершенно согласно с тем физиологическим законом, по которому жизнь человека условливается вдыханием в себя воздуха» [Там же. Т. III. С. 210]. В Библии: «они (ангелы — И.Я.) называются ветрами (Цар. 22, 11; Пс 17, 11; 103, 3; и др.).»

1. ВЕТЕР→ Лара и любовь к ней

На значение ветра как любви в славянской мифологии также указывал А.Н. Афанасьев: «Чувство любви есть также наносное; те же буйные ветры, которые пригоняют весною дождевые облака, раздувают пламя грозы и рассыпают по земле семена плодородия, — приносят и **любовь** на своих крыльях, навевают ее в тело белое, зажигают в ретивом сердце» [14. Т. I. С. 453–454].

В романе ветер символизирует любимую женщину Юрия Живаго — Лару. Ее прототипом была поздняя любовь Б.Л. Пастернака — О.В. Ивинская. Об этом поэт сообщил в письме Ренате Швейцер 7 мая 1958 г.: «Я познакомился с молодой женщиной — Ольгой Всеволодовной Ивинской... Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать» [15. С. 198]. Так, легкое дуновение стало предвестником появления Ларисы в госпитале: *ветер шевелил страницами писем и листал газеты... Послышались легкие шаги. В палату вошла Лара* (Б). Эти предложения следует рассматривать как семантический параллелизм: *ветер* (А) *шевелил страницами / вошла Лара* (В).

Семантическим параллелизмом связаны значение ‘снег’ и ‘лирическая героиня’ в первой строфе автобиографичного стихотворения «Свидание» из сборника стихов Юрия Живаго:

*Засынет снег (А) дороги,
Завалит скаты крыши.
Пойду размять я ноги:
За дверью ты (Б) стоишь.*

«Свидание», по воспоминаниям О.В. Ивинской, было написано после первого инфаркта, вызванного у Б.Л. Пастернака ее арестом. В реальности это был сон о том, что болезнь отступила и случилось долгожданное свидание с любимой женщиной. К ней в лагерь приходили письма от Б.Л. Пастернака, среди прочих и «Свидание» [Там же. С. 129].

Во время грозы в Мелюзее перед отъездом Живаго в Москву мадмуазель и Юрий Андреевич отчетливо слышали стук в дверь и, совершенно уверенные, что это Лара, пошли открывать: *Порыв ветра (А) вырвал дверь из его рук, задул свечу и обдал обоих с улицы холодными брызгами дождя.* Символическое значение скрыто в предложении: *Они были так уверены в этом, что...след этой уверенности остался за углом дома на улице, в виде водяного знака этой женщины или ее образа (Б), который продолжал им мерещиться за поворотом.* Актуализаторами символического значения ‘дух’ являются слова *образ, мерещиться*, метафорические словосочетания *след уверенности, знак женщины*.

В Юрятине холодный майский ветер словно преграждал дорогу к Антиповой: поднимал облака песка и пыли, а за секунду до встречи *ветер (А) взвил к небу землю и мусор со всего двора, завесив двор от доктора.* И если сам ветер символизировал страсть героя, то сор, поднимаемый ветром, — измену: именно так свои свидания воспринимали Юрий Андреевич и Лара. Они часто говорили о Стрельникове-Антипове, а дома Живаго чувствовал себя *неуличеным преступником (Б)*. Актуализаторами символического значения является лексика со значением измены: *обманывать, преступник, вина, свободная любовь, нечистая совесть*.

2. ВЕТЕР→ Вася Брыкин. Ветер, ворвавшийся в опустевшую избу, предвосхитил появление в судьбе Живаго погорельца Васи Брыкина, с которым доктор вернется в Москву. Здесь в символический контекст повествования внесен символ-дублер «дом как тело и душа человека», издревле известный в русской культуре [16]. Под символом-дублером мы будем подразумевать такие вербализованные символы, у которых означенное выражено разными словами (словосочетаниями), а одно из символических значений совпадает. Например, значение ‘тело и душа человека’ свойственно многим символам: дом, корабль, ветер, сосуд и др.

Незначительное, на первый взгляд, описание опустевшего жилища является символическим портретом осиротевшего и одинокого подростка: *Вечер был тихий, но точно ветер ворвался в избу (А), едва доктор ступил в нее... Всё в избе задвигалось, зашуршало. Дом — Вася Брыкин, вечерний ветер — Живаго: Вылезший из-под обрыва водонос (Б) оказался молодым подростком (Б). Он был бос, оборван и лохмат.* Актуализаторами символического значения являются не только слова, называющие ребенка (*человек, водонос, подросток, голова, плечи, руки*), но и цветовые детали, создающие семантический параллелизм. Движущиеся и шуршащие в избе *кочки валявшегося сена и пакли, лоскутья отставшей бумаги* — символическое воплощение *светло-русой и лохматой* головы Васи.

3. ВЕТЕР→ дух Юрия Живаго [17]. В стихотворении ВЕТЕР из посмертного сборника стихов Юрия Живаго дух умершего героя романа обращается к любимой женщине, Ларе: *Я кончился (Б), а ты жива.* В этой строке символическое значение выражено предложением *я кончился*, т.е. умер. Сам факт речи от первого лица в первой и последней строках стихотворения и есть актуализатор символического значения ‘дух’. Эти предложения можно отнести к несобственно-прямой речи: мистическое обращение духа остается скрытым внутри лирического «я» переживанием. Тем органичнее во 2-ой строке появляется его материальное воплощение — ветер. Порывы ветра и есть слова колыбельной песни лирического героя, пытающегося успокоить возлюбленную. В своих воспоминаниях О.В. Ивинская отождествляла Б. Пастернака с ветром. В главе «Я кончился, а ты жива...», посвященной похоронам поэта, она писала: «Живет твоя песня, любимый мой. И она будет жить всегда пока люди не забыли, что такое поэзия» [15. С. 387].

II. ВЕТЕР→ РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

Ветер, свободно перемещающийся в небе, где, согласно древнеславянским представлениям, находился тот свет, отождествлялся с божественной силой, способной как дать жизнь, так и отнять ее. Так, в словаре В.И. Даля слово *дыхание* обозначает жизнь и все живое: существо, тварь, человека или животное. Исторически однокоренное слово *дохнуть* обозначает смерть от недостатка воздуха, от удушливой тесноты. В пословице *На ветер живота не напасешься, на смерть детей не нарожаешься* слова *ветер* и *смерть* объединены синтаксическим параллелизмом [18. Т. 1. С. 92]. В Библии: «Были беременны, мучились, и *рождали как бы ветер*» (Книга Исаия. Глава 26. Стих 18). О пастернаковском мотиве погребения Москвы в годы революции писали Е.Б. Скороспелова и Ш.К. Чаглыян [19. С. 44]. В «Докторе Живаго» ветер неоднократно символизирует смерть и рождение героев романа.

1. ВЕТЕР→ смерть матери Живаго. В начале романа ветер описывает смерть Марьи Николаевны. Очевидно, что сила ветра растёт по мере осознания мальчиком непоправимого: сначала во время похорон это были *дуновения ветра*, который словно бы тоже пел «Вечную память». Потом — сильные

порывы, и кусты облетелой акации метались, как бесноватые, и ложились на дорогу. И наконец, в ночь, после похорон матери, на дворе бушевала **вьюга**, **воздух** дымился снегом... С неба... бесконечными мотками падала на землю белая ткань, обвивая ее **погребальными пеленами**. Означающее символа выражено не только именами существительными *ветер* — *вьюга* — *буря*, но и глаголами *налетел (ветер)* — *бушевала (вьюга)* — *свистела и завывала (буря)* — *метались и ложились на дорогу (кусты)*. Обе парадигмы выстраиваются в восходящую градацию, которая материализует постепенное осознание ребенком смерти. Актуализатором этого символического значения является похоронная лексика: *погребальный, кладбище, хоронить, царствие небесное, венки, креститься, гроб, холмик*, а также метафора, ассоциирующая падающий снег с погребальным саваном: *падала на землю ткань, обвивая ее погребальными пеленами*. На эту метафору метели-смерти обратила внимание Н.В. Кобзева [20. С. 138].

2. ВЕТЕР → **рождение сына Живаго**. Порывистый осенний ветер, терзающий виноградную лозу, не просто символизировал рождение сына Юрия Живаго, а передавал саму боль, которую терпела Тоня во время родов: *Порывы ветра (А) терзали побеги дикого винограда, которыми была увита одна из террас. Ветер (А) как бы хотел вырвать растение целиком, поднимал на воздух, встряхивал на весу и брезгливо кидал вниз, как дырявое рубище*. В этом фрагменте не один символ рождения человека. Это не только ветер, но и виноградная лоза, обозначающая в Библии плодородие и женщину (в хорошей семье жена «как плодовая лоза» Пс. 143:12) [21. С. 981]. Означающее выражено как словом *ветер*, так и восходящей градацией глаголов, называющих его действия: *терзали (порывы)* — *поднимал на воздух* — *встряхивал* — *кидал (ветер)*. Символический смысл стихии герой поймет позже, увидев через дверную щель новорожденного сына и Тоню, которая была *подобна разгруженной барке, совершающей переходы через море смерти к материку жизни*. Лодка также древний языческий и христианский символ переправы между тем и другим светом [22]. Однако в авторском варианте лодка перевозит души нерожденных детей в их земное существование. Актуализаторами символического значения стали символы-дублиеры (лоза и лодка), а также лексика, называющая реалии деторождения: *роды, прошли воды, схватки, новорожденный, бремя, акушерка и др.*

3. ВЕТЕР → **мнимая смерть Антипова**. Галлиулин считал Антипова и его солдат подорвавшимися на снарядах. В контексте боя символически значимой становится фраза об осеннем поле, *поросшим качающейся на ветру (А) сухой полынью и неподвижно торчащим кверху колючим будяком*. Актуализаторами символического значения ‘смерть’ является не только называющая ее лексика (*погибшие, убит*), но и появление такой детали, как качающаяся на ветру полынь. Сплетение двух символов создает символический мотив «растение на ветру». Растение — древнейший языческий

и христианский символ. Напитанное влагой, оно обозначает плодородие, сухое и сломанное — смерть, зло [21. С. 982]. В эпизоде мнимой гибели Антипова значим эпитет *сухая* (попынь), обозначающий не только смерть растения, но и людей. Такова же роль эпитета *облетелая* в описании акации, которую в день смерти матери видит за окном маленький Юра: *Когда налетел ветер (А), кусты облетелой акации метались, как бесноватые, и ложились на дорогу*. Сухое или облетелое растение можно противопоставить налитому колосу, с которым в день Тониных родов автор сравнивает *косую штриховку дождя, струи которого ломал и отклонял в сторону порывистый осенний ветер (А)*. Как и указанный выше образ терзаемой ветром лозы, это символ новой жизни.

4. ВЕТЕР → СМЕРТЬ ЮРИЯ ЖИВАГО. Прекратившийся порыв ветра — символическое описание смерти Ю. Живаго: *Порыв пыльного ветра (А) проволочся по деревьям, задевая листьями за листья, стал срывать с дамы шляпу и подворачивать ей юбки, и вдруг улегся*. Мифологически отсутствие ветра означает отсутствие жизни. И как подтверждение этому в следующее мгновение доктор почувствовал приступ обессиливающей дурноты. Далее разворачивается описание смерти Живаго, маркером которой является градационно расположенная лексика: *приступ дурноты, непоправимая боль внутри, рухнул, не дышит, сердце не работает, смерть*.

Символами-дублерами являются пожилая женщина как символ смерти [23. С. 208] и трамвай как символ судьбы самого Живаго. Автор отмечает важность того факта, что маршрут женщины лежал параллельно маршруту трамвая. *Юрий Андреевич уже несколько раз терял ее из виду, когда починенный трамвай трогался с места и обгонял ее. И она несколько раз возвращалась в поле его зрения, когда новая поломка останавливала трамвай и дама нагоняла его*. Именно в этот момент герою приходит мысль о том, что есть несколько развивающихся рядом существований, движущихся с разной скоростью одно возле другого, и о том, когда чья-нибудь **судьба** обгоняет в жизни судьбу другого, и кто кого **переживает**. Слова *судьба* и *переживать* кого-то (то есть один умирает, а другой продолжает жить) придает образу трамвая символическое значение судьбы главного героя.

III. ВЕТЕР → СЛОВО, ВЕСТЬ

Это древнеславянское значение отражено в русских пословицах: *«Заочную брань (Б) ветер носит (А) // Это с ветру (А) сказано (Б). Это на ветер (А) говорится (Б). Это на вей-ветер (А) сказано (Б) // В прохладе живем: язык (Б) болтает (Б), и ветерок (А) продувает»* [18. С. 161, 177, 363]. Из русской народной песни: *«Вы, осенние ветры (А) буйные, Потяните к другу милому, Отнесите вы к нему весточку (Б)»* [24].

Символическое значение 'ветер как слово' находим в статье А.А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» [25]: *«Ветер переносит болезни и вести»*.

Эту статью Б. Пастернак, несомненно, знал, поскольку имя Блока неоднократно звучит на страницах романа, а в 1956 г. Б. Пастернак посвящает А. Блоку цикл «Ветер».

1. ВЕТЕР → письма и слова близкого человека. Значение ‘ветер как слово, весть от близкого человека’ появляется в трех эпизодах романа. По сути, краткие зарисовки о ветре — психологический портрет героя в момент получения новостей. Первый эпизод — чтение Юрием Андреевичем писем от Тони: *Юрий Андреевич читал **письма** (Б) от Тони, доставленные полевой **почтой** (Б) сразу в том количестве, в каком они там накопились... **Ветер** (А) шевелил страницами писем. За окном позевывал и ворочался сонный, сонно дышащий ветер. **Ветер** (А) плакал и лепетал: «Тоня, Шурочка, как я по вас соскучился, как мне хочется домой, за работу!»* Вести от жены герой воспринимает с теплотой и любовью, поэтому и ветер наделяется этими чувствами, выраженными олицетворяющими глагольными формами *шевелить, позевывать, ворочаться, дышащий, плакать и лепетать*.

В двух других эпизодах речь идет о прощальных словах, превращающихся в ветер со снегом или дождем благодаря развернутому сравнению [26], которое и становится актуализатором символического значения. В частности, после бегства от партизан, в Юрятине, Юрий Андреевич снова получает письмо от Тони. Сначала появляется символ-дублер — «сороки как предвестники новостей» [27] и *ветер слегка пушил и раздувал их перья*. По мере чтения письма герой узнает о рождении дочери Маши, об отъезде Тони с детьми в Париж и понимает, что не увидит их больше никогда. Это надвигающееся горе передается образом усиливающегося ветра со снегом. Автор сравнивает кружащиеся снежинки с рисунком пробелов между буквами в письме; снежные хлопья становятся этими пробелами, и письмо длится бесконечно: *как будто это не **снег шел** (А), а продолжалось **чтение письма** (Б) Тони и проносились и мелькали не сухие **звездочки снега** (А), а **маленькие промежутки белой бумаги** (Б) между маленькими черными буковками, белые, белые, без конца, без конца*. Отметим, что мелькание пробелов и букв не просто метафора снега, но выражение слез и физической боли во время сердечного приступа и последующего обморока Юрия Андреевича. Наречия, характеризующие усиление снегопада, выстраиваются в восходящий градационный ряд, подкрепленный формами степеней сравнения: *слегка (пушил перья сорок), быстрее и гуще (нес снег)*. Параллельно разворачивается и градация эмоций героя, переходящая в сердечный приступ: *отсутствующие бесслезные глаза, сухие от горя (глаза), опустошенные страданием, ничего не видел кругом, ничего не сознавал, застонал, схватился за грудь, обморок, повалился без сознания*.

Похожий прием Б. Пастернак использует в эпизоде прощания Ларисы у гроба Юрия Живаго, когда ее слова сравниваются с шелестом ветра,

а слезы — с шумом дождя: *Казалось, именно эти мокрые от слез слова (Б) сами слипались в ее ласковый и быстрый лепет (Б), как шелестит ветер (А) шелковистой и влажной листвой, спутанной теплым дождем.*

2. ВЕТЕР → весть о революции, диктатура пролетариата.

Это значение — аллюзия к «Двенадцати» А. Блока, на которую указывал еще Д.С. Лихачев [28]. Наиболее близко по семантике к блоковским образам описание в конце романа самосуда красноармейцев над разбойником: *поезд из-за ветра (А) тихо-тихо, ну, просто сказать, тихим шагом шел... Из теплушек красноармейцы (Б) на полотно один за другим. Вытащили его (разбойника — И.Я.) на шпалы, руки, ноги к рельсам привязали и по животу поезд провели, — самосуд.*

Весть о революции входит в жизнь героев романа постепенно. Сначала это только тревожные и противоречивые слухи, политические разговоры, отсутствие телеграфной связи. Эти настроения иллюстрировал пока еще слабый и теплый ветер: *Несколько дней была переменная, неустойчивая погода, теплый, заговаривающийся ветер (А) ночами, которые пахли мокрой землей.*

Ворвавшийся в форточку московский свежий ветер сильнее. Он хлопнул какую-то дальнюю дверь и, кружась по всем углам, стал, как кошка за мышью, гоняться за остатками дыма. Следующее предложение связано с предыдущим семантическим параллелизмом, подкрепленным сравнительным оборотом: *В это время в комнату так же стремительно, как воздух в форточку (А), ворвался Николай Николаевич с сообщением (Б): — На улицах бой. Идут военные действия между юнкерами, поддерживаемыми Временное правительство, и солдатами гарнизона, стоящими за большевиков.*

Позже, в момент, когда Юрий Андреевич читает экстренный выпуск об установлении в России советской власти и введении диктатуры пролетариата, ветер превращается в метель, которая *в открытом поле с визгом стелется по земле, а в городе мечется в тесном тупике, как заблудившаяся... Метель (А) хлестала в глаза доктору и покрывала печатные строчки газеты серой и шуришащей снежной крупой.* В макроконтексте нескольких глав снова выстраивается восходящая градация глагольных форм, характеризующих усиление ветра-метели: *заговаривающийся (ветер), ворвался (ветер), усиливающийся (ветер), повалил (снег), стала разыгрываться (метель), хлестала в глаза (метель).* Означаемое маркировано лексикой со значением новости о революции: *экстренный выпуск, печать, правительственное сообщение об образовании Совета Народных Комиссаров, установлении в России советской власти и введении в ней диктатуры пролетариата.*

IV. ВЕТЕР → ЗЛО, МАГИЯ

О вьюгах как демонической силе писал А.Н. Афанасьев: *«Зимою злые духи вылетают на белый свет, бегают по полям и от холода дуют себе в кулак; от такой прогулки бесов сдавливается снег морозом и трещит под ногами, а от дуновения в кулак встают бураны, метели и осыпаются деревья*

инеем» [14. Т. 1. С. 976]. В романе это значение связано с образом Кубарихи-Злыдарихи — коровьей знахарки, с *бабой ветреняжкой*. Ее слова раскрывают символическое значение ветра-метели: **Ветер** (А) *ведь это, воздух, снеговая пыль. А то-то и есть, кума, не ветер это буран* (А), а **разведенка оборотенка** (Б) *детеньша ведьмочка своего потеряла, ищет в поле, плачет, не может найти*.

В «Поэзии заговоров и заклинаний» А. Блок описал колдовскую вьюгу, в которую надо воткнуть нож: «*В вихревых столбах* (А) **ведьмы и черти** (Б) *устраивают поганые пляски и свадьбы; их можно разогнать, если бросить нож в середину вихря: он втыкается в землю, — и поднявший его увидит, что нож окровавлен*». В романе есть иллюстрация этого блоковского фрагмента в словах Кубарихи: *Придет зима, пойдет метелица в поле вихри толпить, кружить столбунки. И я тебе в тот столб снеговой, в тот снеговорот нож залукну, вгону нож в снег по самый черенок, и весь красный в крови из снега выну*.

Значение снежной бури как зла, имеющего демонически-потусторонний характер, имеет оценочное символическое значение и является фактическим ключом к ряду эпизодов, в которых усиливающаяся метель предвосхищает или параллельно иллюстрирует беду: смерть матери Живаго, письмо об отъезде Тони и детей за границу, объявление о свершении революции.

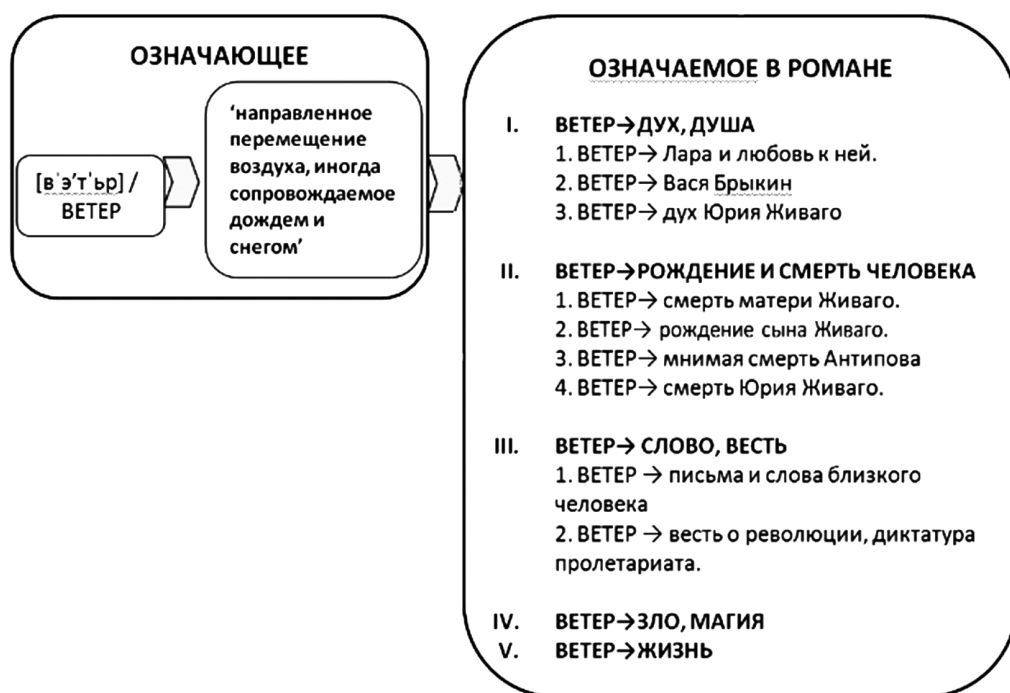
V. ВЕТЕР → ЖИЗНЬ

Это значение возникает в описании эмоционального состояния Юрия Живаго в Мелюзее. Летний ночной ветер в этом отрывке переносит запахи *векового графинино сада* и особенно *благоухание старой зацветающей липы*. Означающее здесь оформлено сравнительным оборотом: *Всё кругом бродило, росло и всходило на волшебных дрожжах существования* (Б). *Восхищение жизнью* (Б), как *тихий ветер* (А), *широкой волной шло, не разбирая куда, по земле и городу, через стены и заборы, через древесину и тело, охватывая трепетом всё по дороге*.

Значение ‘ветер как жизнь’ следует считать собирательным. Оно связывает сквозной и значимый символ ВЕТЕР в романе с его названием. Живаго — значит не просто ‘живой’: это совокупность всего самого главного, судьбоносного, чем наделен человек, — сама жизнь и уход из нее, дух и душа человека, любовь и рождение детей, встреча и потеря близких людей. Вся многозначность и полнота понимания слова *живаго* является, по сути, эманацией символа ВЕТЕР. Феноменологическое понимание жизни возникнет в импровизированной речи молодого Юры Живаго, успокаивающего Анну Ивановну: *Но всё время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях... Смерти не будет. «Смерти не будет»* — слова из Апокалипсиса Иоанна Богослова и первое название романа в рукописи 1946 года. Ветер — сама жизнь (*живаго*) в космическом и даже мистическом ее понимании как

жизнь и смерть одновременно, как бессмертие («смерти не будет»). Это своего рода «*медиатор между жизнью и смертью*» [29. С. 378].

На рис. представлена знаковая семантическая структура символа ВЕТЕР в романе. Означаемое двухуровневое: римская цифра указывает на известное в русской культуре символическое значение, нашедшее отражение в словарях символов или в русском фольклоре (например, «ВЕТЕР→ДУХ, ДУША»); арабская цифра обозначает трансформацию этого значения в авторском замысле и ее реализацию в «Докторе Живаго» (например, «ВЕТЕР→Лара и любовь к ней»).

Семантико-семиотическая структура символа ВЕТЕР
Semantic and semiotic structure of the symbol WIND

Заключение

В романе «Доктор Живаго» символ ВЕТЕР представляет собой сложную знаковую семантическую модель А→Б. Означаемое А выражено словами, называющими в тексте романа стихию ветра и несущих им осадков, а также признаки и действия стихии (слова *ветер, метель, дождь, вьюга, заговаривающийся, порывистый, бушевала, свистела и др.*). Означаемое — система из пяти известных в русской культуре архетипических значений, обусловленных древним аниматическим представлением о ветре. В тексте эти значения трансформированы автором и детализированы под влиянием персонажей и сюжета романа.

В микроконтексте означаемое и означающее сосуществуют и вплетены в структуру синтаксических конструкций. Наиболее частотными в репрезентации символа являются восходящие градационные ряды однородных членов предложения, либо слов в составе текстовых тематических групп. Такие ряды разворачивают картину усиления ветра и превращения его в дождь или метель. Одновременно разворачивается градационный ряд слов, раскрывающий переживания главного героя. Параллельные ряды градации выражают символ в следующих фрагментах: буря и осознание смерти матери Юрия Живаго в ночь после похорон; рождение его сына; начинающийся снегопад и сердечный приступ во время чтения письма об эмиграции Тони и детей; постепенно приходящие новости о диктатуре пролетариата. Для актуализации того или иного символического смысла ветра автор особое значение придает символу-дублеру — символу с тем же означаемым Б, но с другим означающим А. Таких примеров несколько: виноградная лоза как символ плодородия и женщины; перевозящая души на землю лодка Харона как символ рождения человека; засохшее растение как символ смерти; идущая женщина как смерть; трамвай как символ судьбы; дом как символ человека.

Ветер возникает в ключевые моменты жизни Юрия Живаго. С одной стороны, ветер — это зло, принесенное революцией, это смерть матери и собственная смерть, а также невосполнимая потеря близких: эмигрировавших Тони и детей, уехавшей из Варыкина Лары. С другой стороны, ветер — это рождение сына, любовь к детям и женщине. Ветер в романе сквозной и амбивалентный символ, обозначающий саму жизнь в самом мистическом ее понимании — как бессмертие.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском сознании // Русистика и компаративистика. Сб. научн. тр. по филологии / ред. С.А. Васильев. М.: Книгодел, 2021. С. 219–235.
2. *Кошарная С.А.* Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек — Природа» в русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2003. С. 47.
3. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
4. *Лотман Ю.М.* Текст и полиглолизм культуры // Избранные статьи: В 3—х т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 142–148.
5. *Якушевич И.В.* Лингвокогнитивная типология символов // *Russian Journal of Linguistics*. 2012. № 4. С. 5–13.
6. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 17.09.2022).
7. *Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта, Наука, 2002.

8. Халикова Н.В. Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И.А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 51–59. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59>
9. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука — Восточная литература, 1994.
10. Нагина К.А. Траектория «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 31–40.
11. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М.: Изд. Моск. ун-та, 2003.
12. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–91.
13. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2014. Вып. 1–39.
14. Афанасьев А.А. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 тт. Т. 3. М.: Индрик, 1991.
15. Ивинская О.В. В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Paris: Fayard, 1978.
16. Якушевич И.В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. Владимир: Транзит-ИКС, 2018.
17. Якушевич И.В. Языковая организация мифологического двоимирия в стихотворении Б. Пастернака ВЕТЕР // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 5. С. 74–79. <https://www.doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-74-79>
18. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1.
19. Скороспелова Е.Б., Чаглыян Ш.К. Семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(58). Ч. 2. С. 41–44.
20. Кобзева Н.В. Грамматические средства выражения образа *метель* в тексте // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 10(90). С. 137–140.
21. Словарь библейских образов. М.: Библия для всех, 2005. С. 141–144.
22. Петрухин В.Я. Лодка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 128–129.
23. Кабакова Г.И. Женщина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 205–208.
24. Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевского. Т. V. СПб.: Гос. тип., 1899. С. 1–2.
25. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // Собрание соч.: в 6-и тт. Т. 3. С. 31–59. М.: Правда, 1971.
26. Девятова Н.М. Субстантивные сравнительные обороты в русском языке // Русский язык в школе. 2005. № 2. С. 85–88.
27. Леонтьева Т.В., Мокиенко В.М. Из восточнославянской паремиологической орнитологии: друзья и враги сороки. Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17–20 мая 2022 г.) / Ред. колл. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. Брянск: РИСО «БГУ», 2022. С. 68–74.
28. Лихачев Д.С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. С. 7–24.
29. Жолковский А.К. Поэзия и грамматика живаговского «Ветра» // Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 369–409.

References

1. Karasik, V.I. (2021). Wind as a linguocultural symbol in Russian and English consciousness. In: *Rusistics and comparative studies. Collection of scientific works on philology*. S.A. Vasiliev. (Ed.). Moscow: Knigodel. pp. 219–235. (In Russ.).

2. Kosharnaya, S.A. (2003). *Linguoculturological reconstruction of the mythological complex “Man — Nature” in the Russian language picture of the world* [dissertation]. Moscow: Russian State Library. (In Russ.).
3. Kolesov, V.V. (2006). *Russian mentality in language and text*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
4. Lotman, Yu.M. (1992). Text and polyglotism of culture. In: *Selected articles*. Tallin: Aleksandra. (In Russ.).
5. Yakushevich, I.V. (2012). Lingvokognitive typology of symbols. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5–13. (In Russ.).
6. Solodub, Yu.P. & Albrecht, F.B. (2002). *Modern Russian language. Lexicology and phraseology (comparative aspect)*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
7. Dictionary of the Russian language (1999). A.P. Evgenieva (Ed.). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 17.09.2022). (In Russ.).
8. Khalikova, N.V. (2020). Formal and Semantic Structure of the Artistic Image “The Wind Blows” in I. Bunin’s Fiction. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 51–59. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59> (In Russ.).
9. Gasparov, B.M. (1994). Literary leitmotives. *Essays of Russian literature of the XX century*. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura (Oriental Literature) Publ. (In Russ.).
10. Nagina, K.A. (2011). Trajectory of the “blizzard” text (Tolstoy’s presence in the works of B. Pasternak). *Pushkin Leningrad State University journal*, 1, 31–40. (In Russ.).
11. Pronina, E.E. *Psychology of journalistic creativity*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.).
12. Arnol’d, I.V. (1982). Implication as a method of constructing a text and the subject of philological study. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 83–91. (In Russ.).
13. Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund (1974–2014). O.N. Trubachev (Ed.). Moscow: Nauka. Iss. 1—39. (In Russ.).
14. Afanas’ev, A.A. (1991). *Poetic views of Slavs on nature*. Vol. 3. Moscow: Indrik. (In Russ.).
15. Ivinskaya, O.V. (1978). *In captivity of time. Years with Boris Pasternak*. Paris: Fayard. (In Russ.).
16. Yakushevich, I.V. (2018). *The symbol “house” in the Russian language and poetic text*. Vladimir: Transit-X. (In Russ.).
17. Yakushevich, I.V. (2021). Linguistic organization of the mythological world in B. Pasternak’s poem “The Wind”. *Russian language at school*, 82(5), 74–79. <https://www.doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-74-79> (In Russ.).
18. Dal’, V.I. (1989). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
19. Skorospelova, E.B. & Chaglyyan, Sh.K. (2016). Semantics and functions of the blizzard motif in B. Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”. *Philology. Theory & Practice*, 4(58), 41–44. (In Russ.).
20. Kobzeva, N.V. (2010). Grammatical means of expressing the image of a blizzard in the text. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 10(90), 137–140. (In Russ.).
21. Dictionary of Biblical images. (2005). Moscow: Bible for All. pp. 141–144. (In Russ.).
22. Petrukhin, V.Ya. (2004). Boat. Slavic antiquities. In: *Ethnolinguistic dictionary*. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 3. Moscow: International Relations. pp. 128–129. (In Russ.).
23. Kabakova, G.I. (1999). Woman. In: *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 2. Moscow: International Relations. pp. 205–208. (In Russ.).
24. Great Russian Folk Songs. A.I. Sobolevsky (Ed.). Saint Petersburg: State Type. (In Russ.).
25. Blok, A.A. (1971). Poetry of conspiracies and spells. In: *Collection of Works*. Vol. 3. Moscow: Pravda. pp. 31–59. (In Russ.).

26. Devyatova, N.M. (2005). Substantive comparative turns in the Russian language. *Russian language at school*, 2, 85–88. (In Russ.).
27. Leont'eva, T.V. & Mokienko, V.M. (2022). From the East Slavic paremiological ornithology: friends and enemies of the magpie. In: *Russian traditions of everyday linguoculture in the Slavic frontier: Scientific reports of participants of the International Scientific and Educational Forum* (Novozybkov, Bryansk region, May 17–20, 2022). S.N. Starodubets, V.N. Pustovoitov, S.M. Pronchenko (eds.). Bryansk: Bryansk State University publ. pp. 68–74. (In Russ.).
28. Lihachev, D.S. (1989). Reflections on the novel by B.L. Pasternak “Doctor Zhivago”. In: *Pasternak B. Doctor Zhivago*. Moscow: Book Chamber. pp. 7–24. (In Russ.).
29. Zholkovsky, A.K. (2011). Poetry and grammar of the Zhivagovsky “Wind”. In: *Pasternak's poetics: invariants, structures, intertexts*. Moscow: New Literary Review. pp. 369–409. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Якушевич Ирина Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин института гуманитарных наук МГПУ (Московский городской университет); *сфера научных интересов*: лингвопоэтика в связи с сенсорной лингвистикой и теорией символа, этнолингвистика и лингвокультурология, диалектология; *e-mail*: sa1107@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3053-7530; SPIN-код: 8004–2629

Information about the author:

Irina V. Yakushevich, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines Moscow City University (MGU). *Research interests*: linguopoetics in connection with sensory linguistics and symbol theory, ethnolinguistics and linguoculturology, dialectology; *e-mail*: sa1107@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3053-7530; SPIN CODE: 8004–2629

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-910-930

EDN: FAACOF

УДК 811.161.1'42:821.512.122

Научная статья / Research article

Жанр как семиотическая структура: на материале русской казахстанской повести

А.А. Баянбаева¹ , А.С. Демченко¹ , В.В. Барабаш²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
050040, Республика Казахстан, Алматы, пр-т аль-Фараби, 79

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 alenchika@mail.ru

Аннотация. Лингвистический анализ художественного текста на материале произведений русской казахстанской литературы остается актуальной проблемой современного языкознания, поскольку в ней параллельно развиваются реализм и постмодернизм. Цель исследования заключается в выявлении и описании двух основных жанровых разновидностей современной русской казахстанской повести. В ходе проведенного исследования были использованы следующие методы: теоретический, историко-литературный, системно-типологический подход, поэтико-структурный анализ произведения. Повесть Николая Веревочкина «Поющие в переходах» — реалистическое произведение. В ее художественном мире содержится изображение системы литературных героев на основе детерминизма, обусловленности формирования и развития характера человека различными факторами. Детерминизм определяет прочную связь структурных элементов повести. Веревочкин постепенно раскрывает характеры основных героев в различных ситуациях. Проблематика повести также носит традиционный для литературы реализма характер. Автор демонстрирует приверженность гуманизму, который является мировоззренческой основой реализма. Также дан анализ произведения постмодернизма — повести Асель Омар «Алфавит». Определение «повесть-лексикон», введенное автором, отражает жанрово-родовые особенности этого произведения. Повесть-лексикон Асель Омар состоит из микроновелл, которые одновременно являются словарными статьями. Особенность этих статей состоит в том, что они основаны на определенной сюжетной линии. Микроновеллы расположены в алфавитном порядке, что дало основание автору настоящей статьи назвать их словарными статьями. Повесть-лексикон Асель Омар, в отличие от повести Николая Веревочкина, написана в более свободной сюжетной форме. Применение принципа эссе позволило автору создать повесть-рассуждение. Главное для Асель Омар — выразить мысли по различным темам. Произведение Николая Веревочкина является повестью-историей. Таким образом, в современной русской казахстанской прозе представлены два основных типа повести — реали-

© Баянбаева А.А., Демченко А.С., Барабаш В.В., 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

стическая и повесть постмодернизма. В силу исторических и культурных причин преобладает реалистическая повесть. Произведение Асель Омар «Алфавит» является уникальным примером постмодернистской повести-лексикона в современной казахстанской литературе.

Ключевые слова: реализм, постмодернизм, русская казахстанская проза

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2023

Дата приема в печать: 15.06.2023

Для цитирования:

Баянбаева А.А., Демченко А.С., Барабаш В.В. Жанр как семиотическая структура: на материале русской казахстанской повести // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 910–930. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-910-930>

Genre Varieties of Modern Kazakh Russian Story

Aigul A. Bayanbayeva¹ , Alena S. Demchenko¹ , Viktor V. Barabash²

¹Kazakh National University named after al-Farabi,
79, Al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan, 050040

²RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 alenchika@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify and describe the two main genre varieties of the modern Russian Kazakh story. In the course of the study, the following methods were used: theoretical, historical-literary, system-typological approach, poetic-structural analysis of the work. In Russian Kazakh literature, realism and postmodernism are developing in parallel. The story of Nikolai Verevchkin “Singing in the transitions” is a realistic work. Its artistic world contains an image of a system of literary heroes based on determinism, the conditionality of the formation and development of a person’s character by various factors. Determinism contains the strong connection of the structural elements of the story. Verevchkin gradually reveals the characters of the heroes in various situations. The problematics of the story also has a traditional character for the literature of realism. The author demonstrates commitment to humanism, which is the ideological basis of realism. The article also analyzes the work of postmodernism — the story of Asel Omar “Alphabet”. The definition of “story-lexicon”, introduced by the author of the article, reflects the genre and generic features of this work. The story-lexicon Asel Omar consists of micro-novellas, which at the same time are dictionary entries. The peculiarity of these articles is that they are based on a certain storyline. The micronovelas are arranged in alphabetical order, which gave the author of this article reason to call them dictionary entries. Asel Omar’s lexicon story, in contrast to Nikolai Verevchkin’s story, is written in a freer plot form. The application of the essay principle allowed the author to create a reasoning story. The main thing for Assel Omar is to express her thoughts on various topics. The work of Nikolai Verevchkin is a narrative story. Thus, in modern Russian Kazakh prose, two main types of story are presented — realistic and postmodern story. Due to historical and cultural reasons, the realistic story prevails. The work of Asel Omar “Alphabet” is a unique example of a postmodern story-lexicon in modern Kazakh literature.

Keywords: realism, postmodernism, Russian Kazakh prose

Article history:

Received: 01.06.2023

Accepted: 15.06.2023

For citation:

Bayanbayeva, A.A., Demchenko, A.S. & Barabash, V.V. (2023). Genre Varieties of Modern Kazakh Russian Story. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 910–930. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-910-930>

Введение

Русская проза органично входит в пространство художественной литературы Казахстана. Если рассматривать семиотическое поле казахстанской литературы как домен — базу данных, функционирующую по определенным законам, — станет очевидным, что его наполнение будет гетерогенным. Казахстанская литература — синергетический феномен, границы которого в определенном смысле «разомкнуты»: постоянное взаимодействие между лингвистическими, культурными и эстетическими зонами сформировало особое семиотическое пространство, внутри которого циркулируют элементы различной лингвокультурной этиологии.

Это касается не только элементов собственно языковой системы. Особого рода знаками выступают и маркеры принадлежности текста к определенному качественному уровню — жанровые структуры, которые не только упорядочивают вербальное пространство, но и накладывают на него известные ограничения и предъявляют весьма конкретные требования. Жанр — своего рода форма, «трафарет» эстетического феномена. Представляя собой развернутую знаковую единицу, жанр может либо подчиняться закону изоморфизма — то есть выражать эквивалентность формы и содержания, либо демонстрировать принцип действия ассиметрии языкового знака, когда его сигнификативная часть (имя жанра) не совпадает с денотативной «разверткой». В этом случае трансформируется и горизонт читательского ожидания. Жанр литературного произведения, с одной стороны, конвенционален, с другой — вариативен, даже окказионален — если такова авторская интенция. Так или иначе, жанр представляет собой регламентированную форму, требующую от текста соответствия ряду параметров: определенного объема; специфического для данного жанра нарратива; соответствующего распределения актантов; конкретной событийности и консекутивности. Эти детерминанты жанра влияют на непосредственно внутритекстовое наполнение художественного феномена.

Границы жанров — как в казахстанской, так и в постсоветской прозе — расширились. Произошла гибридизация жанровых форм, сопряженная с определенной селекцией жанровых признаков и параметров. Жанр — подвижный феномен; он чутко реагирует на те изменения в общественной

и культурной жизни, которые требуют от литературы выбора конкретной формы овеществления. В рамках настоящего исследования мы попытаемся продемонстрировать, почему в литературе Казахстана востребован жанр повести; какова его внутренняя дифференциация и основные признаки.

Литературные произведения, написанные на русском языке выдающимися казахстанскими писателями, изучаются в вузах и школах. Основоположниками русской литературы Казахстана были русские писатели И. Шухов, А. Сорокин, Н. Анов, Дм. Черепанов, Дм. Снегин, М. Зверев, В. Чугунов и др. Они заложили прочные основы, позволяющие ей развиваться, несмотря на различные объективные трудности. Художественную литературу на русском языке создают представители различных национальностей. И. Щеголихин, Г. Бельгер, В. Михайлов, Н. Чернова, А. Жаксылыков, Б. Канапьянов, А. Кан, Н. Веревокин и другие талантливые писатели внесли свой определенный вклад в развитие казахстанской русской литературы.

В казахстанском литературоведении наблюдается устойчивый интерес к исследованию русской художественной прозы: проблематика и художественные особенности русской литературы представлены в работах С.В. Ананьевой и В.В. Савельевой [1], И.Х. Габдирова и Ш.Р. Елеукунова [2], В. Бадикова [3], Б.У. Джолдасбековой [4] и др. [5–8], в том числе опубликован биографический справочник «Русские писатели Казахстана» [5]. Казахские литературоведы сосредоточили также внимание на изучении поэтики отдельных жанров русской литературы: романа [9–11], повести [12] и рассказа [13]. Необходимо отметить, что в настоящее время ряд аспектов современной русской прозы, в том числе творчество талантливого казахстанского автора Асель Омар, остается неизученным.

Предметом настоящего исследования стали произведения Николая Веревокина «Поющие в переходах» и Асель Омар «Алфавит». В рамках настоящей статьи мы осуществили анализ жанровых особенностей двух повестей, который позволит составить определенные представления о направлениях развития художественной литературы в Казахстане. Цель исследования — охарактеризовать поэтику основных жанровых разновидностей казахстанской русской повести.

Обсуждение

В современной русской казахстанской прозе развиваются два направления: реализм в его различных модификациях и постмодернизм.

В течение последних трех лет в литературном журнале «Простор» было опубликовано несколько произведений: повести Юрия Манакова «Таёжных кряжей родники», Владимира Рыжкова «Кинщик», Орал Арукуновой «Февраль», Тамары Умбетовой «Заберите меня домой» и др. Позиции реализма в художественной литературе Казахстана традиционно сильны. На развитие

реализма оказала огромное влияние доктрина социалистического реализма. Как известно, в СССР на официальном уровне ведущим творческим методом признавался социалистический реализм, который унаследовал многое от литературы критического реализма. Советская литература, включая казахстанскую, находилась под жестким идеологическим контролем со стороны государства. Среди признаков двух творческих методов отметим наиболее важные: в центре внимания авторов-реалистов находились деятельные литературные герои, которые обладали волей к жизни, стремились к утверждению своих нравственных ценностей и представлений. Герои условно делились на положительных и отрицательных, стояли на противоположных мировоззренческих и моральных позициях, что приводило к изображению конфликта между ними. Положительные герои олицетворяли различные стороны мировосприятия автора. Их антагонисты воплощали чуждые автору ценности и представления.

Представители двух творческих направлений руководствовались концепцией влияния внешней среды на становление человека. Это определило их интерес к показу развития духовной истории первостепенных литературных героев. Биографическая история ключевых литературных персонажей выступала основой сюжетного развития. Категорию духовной истории можно рассматривать как сюжетобразующий фактор. Эта категория стала определять наличие фабулы, которая отражала основные этапы нравственного становления ключевых действующих лиц. Кроме того, необходимость следовать принципу детерминизма обусловила использование развернутого повествования и описания. Этот план привлекался для показа внешних условий становления внутреннего мира ключевых литературных героев.

О роли реализма в истории русской литературы Казахстана свидетельствует тот факт, что ее видные представители (И. Шухов, А. Сорокин, Н. Анов, Дм. Черепанов, Дм. Снегин, М. Зверев, В. Чугунов, И. Щеголихин, Г. Бельгер, В. Михайлов, Н. Чернова и др.) создавали произведения на основе принципов этого творческого метода. Сказанное выше будем иметь в виду при анализе произведений современной казахстанской прозы, одним из ярких представителей которой является Николай Веревошкин.

Николай Веревошкин — известный казахстанский писатель, лауреат международного литературного конкурса «Русская премия», автор романа «Зуб мамонта», написанного с применением стратегий постмодернизма, и реалистической повести «Поющие в переходах, или Четвертое состояние воды (краткое изложение событий, случившихся с членами семьи Староверовых в один день — 11 ноября 2000 года)».

Название произведения Николая Веревошкина содержит указание на фабульный характер текста, который воспроизводит события из жизни одной семьи. Наличие фабульной линии — один из основных родовых признаков эпоса.

По объему и содержанию новое произведение известного казахстанского прозаика является повестью и находится в контексте развития русской прозы.

Повесть начинается с диалога между мужем и женой. Диалог играет роль экспозиции. Из обмена репликами мы узнаем, что муж собирается на работу. Жена провожает его, дает советы. Диалог совмещается с кратким психологическим комментарием, который позволяет читателю составить предварительные представления о герое.

— Зачем зонтик берешь? Погляди в окно.

Из кухни в сумрачную прихожую проникал брус прозрачного золота, в котором безмятежно кружились стаи белых пылинок.

— Я старый альпинист и не верю в хорошую погоду.

Но зонтик поставил в угол. Не мужик, а сто килограммов пластилина. Все в нем раздражало жену. Особенно его послушность¹.

Диалог главных героев повести соединяется с непосредственными авторскими сведениями: мужа зовут Андрей, а жену Ольга. Далее эти сведения расширяются и конкретизируются: Андрей выходит на улицу. Далее приводится его портрет глазами жены:

Она смотрела из окна в его унылую спину. Конец шарфа, заброшенного за спину, укрывал футляр. Не успел выйти из дома, а на лысинке уже лежал желто-красный лист клена. Пояс от пальто, как обычно, волочился следом².

Постепенно уже в самом начале повести у читателей формируются достаточно определенные представления об Андрее. Ясно, что это мужчина средних лет, умный, образованный, непрактичный. Подобная авторская стратегия Веревочкина отвечает установкам художественной литературы реализма, в произведениях которого поступки героев мотивируются их характерами. В самом начале повести упоминаются отдельные ключевые черты характера главного героя, которые найдут дальнейшее подтверждение по мере развития сюжета произведения.

Как известно, в реалистическом произведении хронотоп привлекается для мотивации развития сюжетного действия. Диалог происходит в прихожей стандартной городской квартиры. В соответствии с поэтикой городского депрессивного текста автор констатирует, что прихожая сумрачная. Хронотопы квартиры и сумрачной прихожей способствуют пониманию характеров героев повести. Для развития депрессивной тональности повествования автор использует радикальные художественные средства. Это описания хронотопа улицы (*утренний холод хмурой, не выспавшейся улицы, осенний ветер выдул из города краски, оставив лишь серую пустоту скуки*).

¹ Веревочкин Н. Поющие в переходах // Простор. 2020. № 10. С. 100–118. С. 100.

² Там же. С. 101.

Далее главный герой показан в трамвае, где его посещают безрадостные мысли:

Как это унижительно — жить ради куска хлеба, думал Андрей, сдавленный чужими телами на задней площадке трамвая³.

В повести Веревошкина представлен социальный план. С его помощью до читателей доводятся авторские рассуждения по поводу ранних времен становления рыночной экономики в Казахстане. В литературе реализма имеет место принцип достоверного изображения общественных и исторических реалий. Веревошкин последовательно следует этому принципу. Глазами главного героя автор рисует следующий эпизод:

С утра у газетного киоска «Союзпечати» толпились хмурые прессоголики. Им необходимо было похмелиться свежей порцией новостей. С восторгом и ужасом наблюдали пожиратели газет, как разваливают страну. Андрей не страдал зависимостью от газет. Скорее наоборот — относился к этой страсти как к вредной привычке. Даже извращению. Когда люди начинают верить газетчикам и политикам, ничего хорошего их не ждет³.

Внимательный читатель увидит явный анахронизм — киоск «Союзпечати». События повести (как указано в ее заглавии) происходят в 2000 году, когда СССР уже несколько лет не было. Предложение *С восторгом и ужасом наблюдали пожиратели газет, как разваливают страну* характеризует позднее советское время, когда происходил демонтаж СССР, а не начало XXI века. Несмотря на отмеченный анахронизм, следует признать, что Николай Веревошкин в своей реалистической повести старается достоверно отразить реалии и общественные настроения начала текущего столетия.

Далее сюжетная линия, связанная с образом Андрея, на время прерывается. Автор переходит к истории его жены Ольги, которая работает кассиром в платном туалете. Ольга, бывший советский инженер, стесняется своего нового места работы. Но ей приходится зарабатывать на жизнь. Автор достоверно показывает реалии раннего этапа становления дикого рынка в республике. В то время закрывались конструкторские бюро, распускались профессиональные музыкальные коллективы, бюджетники (врачи и учителя) получали зарплаты с большим опозданием. Останавливались огромные промышленные предприятия. Все это было следствием развала сверхдержавы. Люди оказались предоставленными сами себе. Открывался простор для проявления экономической инициативы. Стал формироваться новый класс предпринимателей.

Реалии этого тяжелого времени показаны в повести Веревошкина не в их эпической полноте, а через призму судеб основных героев, в том числе Ольги:

³ Веревошкин Н. Поющие в переходах // Простор. 2020. № 10. С. 100–118. С. 102.

Первые месяцы она сидела за столиком в тесном тамбуре между мужским и женским отделениями. Пряталась за большой букет искусственных цветов. Закрывала лицо по самые глаза марлевой повязкой. Опасаясь не вирусов, а знакомых. Но знакомые не появлялись. Многие разъехались по чужбинам, называемым историческими родинами. Оставшимся отдыхать было некогда. Они челночили или искали работу. Многих она встречала за прилавками на базарах, барахолке, комках⁴.

Ольга не хочет, чтобы о ее работе в платном туалете узнал муж. Она не хочет его огорчать:

Это бы травмировало его. Может быть, даже убило. Он и без того страдает от мысли, что не может обеспечить своим женщинам достойного существования. Ей стоит большого труда поддерживать в нем надежду. Все когда-нибудь изменится, и городу обязательно понадобится симфонический оркестр, классическая музыка.⁵

Автор не сразу сообщает обо всех основных фактах истории героев, а по мере развития сюжета. Надежда Ольги, что городу будет нужен симфонический оркестр и классическая музыка, подталкивает читателей к выводу — Андрей был профессиональным музыкантом, но потерял работу в симфоническом оркестре.

В повести в связи с историей главных литературных героев возникают философские отступления:

Жизнь — вымирание. Вымирают народы. Животные становятся редкими, а потом вымирают. Вымирают профессии. И слова вымирают за ненадобностью. Навсегда исчезают отношения людей, связанные с вымершим ремеслом. Беззаботные отношения вечного студенчества. Кому сейчас нужны кульманы и этот рейсфедер-кривоножка? В городе не осталось ни одного конструкторского бюро. А вот туалеты всегда будут нужны людям. Пятьсот и более посещений за смену⁶.

В этом случае философское отступление продуцируется Ольгой, которая утешает себя тем обстоятельством, что ничего вечного на земле нет. Здесь возникает ироническая интонация героини о туалетах как непреходящей ценности.

После этого философского внутреннего монолога Ольги действие повести переносится в подземный переход, где играет на скрипке Андрей, зарабатывая на жизнь копейки. В этом эпизоде возникает новый литературный персонаж.

Стареющий седой пижон в берете, твидовом пальто, белый шарф скручен в модную петлю, стоял в стороне, тербя бородку и улыбаясь со снисходительным участием Мефистофеля⁷.

⁴ Веревошкин Н. Поющие в переходах // Простор. 2020. № 10. С. 100–118. С. 102.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Веревошкин Н. Поющие в переходах // Простор. 2020. № 10. С. 100–118. С. 105.

Далее описывается несколько театральная сцена в кафе с участием двух литературных персонажей. «Седой меценат» предлагает Андрею за его скрипку большие деньги, но для музыканта, верного своей профессии, это предложение неприемлемо, поэтому он отказывается продать инструмент. «Седой меценат» оказывается на деле мошенником. Затем вновь возникает сюжетная линия Ольги: она после работы в туалете отправляется приобрести лыжи в подарок Андрею на день его рождения, покупка которых ей не по карману. После обычных дневных мытарств семья, наконец, воссоединяется за праздничным столом. В финале воссоздана идиллическая ситуация. Дочь читает свой рассказ отцу, который признает у нее писательский талант. В этой семье все преданы друг другу. Несмотря на жизненные трудности и проблемы члены семьи любят друг друга. Эта беззаветная преданность является главным условием их жизни и дает им силы.

Повесть Веревошкина — реалистическое произведение, в котором воссоздан один день из жизни семьи интеллигентов. Очевидно, что действие произведения разворачивается в бывшей столице Казахстана, городе Алматы. Об этом свидетельствуют названия алматинских улиц, которые упоминаются в тексте повести — Саина и Жарокова. В повести также говорится о том, что город, как и реальный Алматы, находится в предгорье. Есть и другие факты, подтверждающие, что Алматы является своего рода прототипом для изображенного в повести города.

Произведение Веревошкина — городская повесть. В ней изображен большой город, воссоздан хронотоп города, улиц и других элементов художественного пространства. Главные герои — алматинские интеллигенты: муж, жена и дочь. Другие персонажи повести также городские жители.

Смысловое содержание повести также носит традиционный характер. Автор демонстрирует приверженность гуманизму, который является мировоззренческой основой литературы реализма. Положительные герои выступают носителями высоких нравственных ценностей, показывают силу воли, обнаруживают лучшие моральные качества в ситуации выбора. Система литературных героев повести образует особое пространство, которое преобладает в ее художественном мире. Каждый из героев воплощает определенное качество. Ольга — верная жена и любящая мать, Андрей — любящий муж и отец, дочь — воплощение любви к родителям. Отрицательный герой повести — Шурик, удачливый бизнесмен, нарисованный в соответствии с эстетикой реализма сатирическими красками, снижающими восприятие его внешности и характера (он маленький и толстый).

Все элементы художественного мира привлекаются для изображения системы литературных героев. Связь образов персонажей с художественным миром повести выражает традиционную для реализма идею детерминизма, обусловленности формирования и развития характера человека внешней средой. Детерминизм определяет жесткую связь структурных элементов повести.

Автор постепенно раскрывает характеры героев, помещая их в различные эпизоды, которые образуют хорошо продуманную композицию. Характерно, что фамилия «Староверовы» отражает мировоззрение автора, который наделил членов этой семьи положительными нравственными качествами (верностью, порядочностью, душевной чуткостью, трудолюбием, творческими талантами). Эти качества, по мнению прозаика, ушли в прошлое, лишь только небольшая часть общества продолжает следовать высоким моральным принципам, отказываясь от агрессивной борьбы за место под солнцем. Логично наделение ключевых героев «говорящей» фамилией. Эта фамилия резюмирует нравственный мир положительных героев повести Веревоочкина.

Эмоциональное пространство повести характеризуется конкретностью, обусловленностью и многообразием проявлений различных чувств. Эмоциональная сфера органично входит в состав художественной антропологии произведения. В этой связи напомним, что развернутая, конкретная и достоверная авторская эмоциональность является одним из основных признаков литературы реализма. Как известно, реализм придавал большое значение достоверности образов литературных героев.

Анализ повести Асель Омар «Алфавит» следует предварить кратким изложением эстетики литературы постмодернизма, который утверждает решающую роль письма, знака в становлении и развитии культуры и в целом цивилизации. Образы книги или рукописи занимают важное место в мировоззренческой системе постмодернизма. Ключевыми литературными героями постмодернизма становятся *библиотекарь*, который трактовался как хранитель сокровенного знания, изложенного в книге, и *энциклопедически образованный человек* с широкой эрудицией. В произведениях постмодернизма представлены также образы выдающихся исторических и культурных деятелей, которые подверглись трансформации в соответствии со стратегией этого творческого метода.

Следствием устойчивого интереса постмодернизма к книге (рукописи) как источнику разнообразных смыслов и интерпретаций стала интертекстуальность, главная функция которой — игра автора с чужими смыслами. Интертекстуальность является следствием отказа постмодернизма от логоцентричности прежнего искусства. Постмодернисты придерживаются утверждения Р. Барта о том, что текст литературного произведения есть объект для бесконечного количества интерпретаций [13]. В творчестве Асель Омар⁸ представлен интересный образец повести, написанной в ключе постмодернизма. Жанр этого произведения Асель Омар не указала.

⁸ Современная казахстанская писательница Асель Омар родилась в городе Алматы, окончила Литературный институт имени М. Горького, ученую степень кандидата философских наук, член Русского и Казахского ПЕН-Центров, Союза писателей Казахстана, Союза писателей Москвы. Награждена грамотами Правительства Москвы за вклад в культуру, золотой Есенинской медалью Союза писателей России.

Очевидно, что ее небольшая книга восходит к литературе постмодернизма. Достаточно вспомнить роман-лексикон знаменитого сербского писателя Милорада Павича «Хазарский словарь». Учитывая это, у нас есть основание определить жанр книги Асель Омар как повесть-лексикон. Думается, определение «повесть-лексикон» наилучшим образом отражает жанрово-родовые особенности произведения Асель Омар. Это еще одна особенность современной прозы Казахстана — прямой авторский отказ от определения жанровой принадлежности литературного произведения, своего рода минус прием.

Повесть-лексикон Асель Омар состоит из микроновелл, которые одновременно являются словарными статьями. Особенность данных микроновелл состоит в том, что они основаны на определенной сюжетной линии. Микроновеллы расположены в алфавитном порядке, что дало нам основание назвать их также словарными статьями. Принцип эссе, свободного письма, помогает автору повести-лексикона максимально использовать философские и художественные возможности расположения новелл-статей в алфавитном порядке. Автор получает возможность свободно выражать свои позиции на разные темы. В первой новелле «Астролябия», открывающей повесть-лексикон, совмещаются несколько стилистических и композиционных приемов: дается определение слова «астролябия», представлено описание этого инструмента, приводится фабула, воспроизводящая события одного из эпизодов жизни монгольского хана Хулагу.

В новелле, которая характеризуется емкой информативностью, воссоздан масштабный исторический контекст, что стало возможным благодаря принципу эссе. Эссе как форма свободного изложения авторских мыслей и впечатлений способствует органичному сцеплению разнородного материала, его организации в формате словарной статьи. Как известно, в литературном постмодернизме тема книги является одной из основных. Следуя формуле постмодернизма — мир есть текст — его представители уделяли большое внимание раскрытию этого тезиса в рамках художественного мира своих произведений. Образы сакральной книги и ее хранителя библиотекаря — неперенные атрибуты многих произведений постмодернизма.

В новелле «Астролябия» изложена легенда о монгольском хане Хулагу, который пожелал узнать будущее. Гадания монгольских магов и колдунов показали Хулагу глупыми и смешными сказками, и он приказал казнить их. Во время осады Багдада, сакрального города, хану сказали, что будущее он может узнать из рукописей знаменитых мусульманских ученых Бируни и ибн Корры. Ему принесли рукописи из библиотеки Дома мудрости. Хулагу взял свитки, увидел чертежи, астрономическую карту и ослеп на один глаз. Это привело его в ярость, он бросил бесценные свитки в реку Тигр:

На глазах солдат и архивариуса библиотеки вода великой реки смыла с плотной бумаги чернила⁹.

Но рукописи не погибают, книги вечные. Носитель этой точки зрения багдадский библиотекарь

все смотрел на тексты на воде, это были отрывки из «Статики» ибн Корры и чертежи Бируни о небесных телах, смотрел, пока рука хана с кинжалом в руке не оборвала его жизнь и кровь архивариуса не смешалась в водах Тигра с чернилами рукописи⁸.

Постмодернизм утверждает, что книги вечны, смыслы вечны. Книги как источники смыслов не погибают. Это представление постмодернистов нашло отражение в книге Асель Омар, в частности, новелле «Астролябия».

Следующая новелла «Букейханов» носит ярко выраженный биографический характер и посвящена Алихану Букейханову, выдающемуся деятелю, который внес заметный вклад в развитие общественной мысли Казахстана. Новелла характеризуется лаконизмом повествования, но в ней автору удалось ярко и эмоционально рассказать о жизни Букейханова. Несмотря на документальную основу текста новеллы о Букейханове, автор использует художественные средства, которые являются источниками экспрессивного начала:

Букейханов и сейчас как старая взрывная мина: опасен и силен, ждет, когда сработает механизм, им созданный¹⁰.

Я стою на Донском кладбище перед общей могилой расстрелянных в 1937–1938 годах в Бутырской тюрьме, снег присыпает могильный холм, он, словно еж колючками, покрыт маленькими табличками с именами убитых и замученных. И я глажу руками камень, расчищая мокрый снег. «Букейханов Алихан Нурмухамедулы, 25.03.1866–27.09.1937, Нурмаков Нигмет Нурмакулы, 25.04.1895–27.09.1937». Сколько же расстрелов было в этот день в Бутырке? Букейханов, «Алаш» — они заплатили по нашим счетам своей кровью на много лет вперед. Ты помнишь это?»⁹.

Следующая новелла — «Codex Cumanicus» — носит исторический характер. Образ сакральной книги — традиционный в литературе постмодернизма. Новелла Асель Омар не исключение. Автор новеллы демонстрирует широкую эрудицию, что также стало традицией в литературном постмодернизме. Снова в этой новелле сочетаются документальное и художественное начало. Рассказав об этой реально существующей книге, автор активно выражает отношение к ней в лирическом отступлении. В финале новеллы читаем следующие строки:

⁹ Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 14.

¹⁰ Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 14.

Кодекс Куманикус, птичье молоко нашей жизни, он и есть, и его нет, как сказка, он существует и манит к себе, но насладиться им в полной мере кажется невозможным, так он многолик и говорит словами бога и завораживающими загадками. Его содержание — чудо и прелесть языка, тайна и сила, красота и величие. Это живая бабочка, прилетевшая из дальних времен, но сегодня блистающая драгоценным блеском своих крыл¹¹.

Очевиден художественный характер приведенного фрагмента, в котором использованы различные метафорические образы для выражения авторских чувств и мыслей. Кроме того, автор активно выражает собственную философскую позицию. Так, Асель Омар констатирует, что Бог в Кодексе называется различными именами: Тенгри, Тенгри-бей, Крестус. В этом обстоятельстве заключается идея родства культур и религий. Таким образом, в новелле «Codex Cumanicus» представлено несколько планов: документальный, исторический, художественный и философский, что обогащает ее содержание. Соответственно, жанровое содержание новеллы также отличается сложным составом. Здесь органично переплетаются фабульная линия (признак рассказа, новеллы) и свободные лирические и философские отступления (признаки эссе). Подобная литературно-эстетическая стратегия восходит к поэтике постмодернизма.

В следующей новелле, являющейся путевой зарисовкой, рассказывается о посещении автором столицы Венгрии города Будапешта. Наряду с достоверным изображением зданий, улиц в новелле представлены художественное описание реки Дунай:

Мощная и сильная река катит свои воды тихо, ровно, словно погруженная в самосозерцание, и не беспокоит ее даже плавное движение большого теплохода «Иоганн Штраус»¹².

Жанровое содержание новеллы дополняется авторскими философскими рассуждениями:

Формы куполов вобрали в себя все разнообразие христианских учений. По архитектуре можно прочесть историю венгерской религиозности. Будапешт — венгерский Рим, так много эпох собрано здесь, отлито в богатом разноцветье камня, щедрых архитектурных формах. Эта земля хранит город, как магический кристалл, в котором отражено все, что здесь происходило многие столетия¹¹.

Заметим, что во фрагменте снова прочитывается мысль о связи эпох и культур.

Следующая новелла «Est» начинается с короткой лингвистической зарисовки, посвященной философскому анализу латинского слова «est». Автор утверждает, что оно:

¹¹ Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 15.

¹² Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 16.

отделяет мир мертвых от мира живых. Жаль, что в русском языке слово это отрицает, и мы не говорим теперь «Он есть человек», а только «Он — человек». Жизненная сущность небольшой частицы ставит все на свои места, подчиняется логике, делит время на прошлое, настоящее и будущее, дает имена и определения всему сущему¹¹.

Лингвистическое замечание перерастает в емкий философский вывод автора о сути времени, имени и сущего. Рассмотренная выше лингвистическая зарисовка выполняет функцию экспозиции. Далее приводится описание древнего кладбища. Здесь утверждается философская идея о тесной связи жизни и смерти:

Надгробия кладбища Сан-Микеле залиты солнечным светом, мир вокруг многоцветен и горяч, море теплое, ласковое и мирное, по верхушкам милых гладких волн прыгают солнечные блики, в воздухе разлиты кипарисовые ароматы. Мир так радостен и уютен, что кладбищенское молчание не может вытеснить его из сознания, мир — есть, и с миром покоятся на Сан-Микеле ушедшие в мир иной¹¹.

Жизнь и смерть — две стороны действительности. Далее описывается могила супругов из тюркского рода мадьяр. Могильный камень сравнивается с первой страницей книги (излюбленного образа постмодернистов). Автор в раздумье стоит над могилой тюрка, которого называет неизвестным предком. Возникает мотив незримой связи поколений.

Книга открыта на первой странице, и тот, кто умер, сообщает нам истину о бытии. Память и разум могут сколько угодно реять в поиске разгадок, торговец ли это был, воин, монах, писарь? Или он обжигал глину, ковал оружие, делал бумагу, был приказчиком в лавке пряностей, и его платье пахло кумином? Теперь этого не узнать, верно и точно только то, что он жил и теперь лежит здесь, человек из рода мадьяр. Жизнь исполнилась до конца, интуиция полна конечной информации, лаконичный язык латыни слился с жизнью¹¹.

Ассоциации автора связывают образ могильного камня на кладбище Сан-Микеле с каменной стелой Кюльтегина. Возникает объемный образ истории тюрков. Историческая память хранится в надписях на камнях. Камень, на котором высечен текст, является источником исторической памяти.

Новелла завершается философским выводом автора.

Без понятия о смерти, конечности человеческого существования невозможно было бы существование понятия «я» вообще. Человек взывал к знаку на камне как символу вечности, способному унести в даль будущего¹³.

Вновь звучит мотив непреходящей ценности книги. Книга — пространство вечности, хранилище памяти. Смысловое пространство новеллы входит в мировоззренческие контексты литературы постмодернизма.

¹³ Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 17.

В новелле «Fabulas» говорится о чудотворной силе книге, текста, фабулы.

Волшебные сказки, чудо-шкатулки с драгоценностями, радость и счастье волшебного эпического жанра, магия выдумки, способной разволновать и согреть сердце жителя мегаполиса, как горячий медовый отвар. Маркес, Фолкнер, Куросава, Гоголь¹².

Названы имена великих писателей, произведения которых несут успокоение, прогоняют усталость, дают новые силы. Автор отдает должное фабуле, без которой невозможен интересный и содержательный текст литературного произведения. Книга содержит фабулу, художественный эквивалент реальности. Книга — это модель реального мира. В ней таится мощь вымысла, способного излечить ум и душу городского жителя, уставшего от будней мегаполиса.

Новелла «Gemini» является собственно автобиографической. В начале новеллы дано описание алматинского майского дня. Автор с ностальгией вспоминает эпизоды своего детства. Большую часть сюжета новеллы составляют пейзажные описания, являющиеся источником лирической интонации. Новелла посвящена родному городу автора Алматы. Затем в тексте возникают онтологические образы, выражающие философские взгляды автора.

Колыбель моя и материнское плато, будьте благословенны. Колыбель человеческая висит над миром, над звездами и облаками. Будь благословен и ты, спелый алма-атинский май, вестник Эдемской погоды, город под знаком Близнецов, я люблю тебя, и каждый год жду, как счастье и надежду¹².

Образ родного города пребывает в контексте мирового универсума. В новелле звучит мысль о связи земного и космического, о прочном и органичном единстве бытия. Финал новеллы несет философское содержание.

Новелла «Hungarian» повествует о посещении автором Будапештской библиотеки, в которой хранится копия Кодекса. Асель Омар упоминает автора «Венгерской орфографии» Матьяша Деваи, который приводит факты влияния половецкого языка на развитие венгерского. Далее следуют ее философские размышления о стиле, о сущности языка, о природе искусства и науки. Писательница формулирует свое понимание стиля с помощью метафоры:

Стиль — чертова погремушка. Ремесло с загадкой, доступное многим, но мастерство избранных¹².

Затем автор, придерживаясь канонов постмодернизма, приходит к следующему выводу. *Интересно изучать язык чувственно, и только потом как систему. Чувственность помогает прийти к стройности в осознании структуры и стиля, развивает память, эмоция помогает запоминать*¹².

Как известно, постмодернизм выступает против логоцентризма и одобряет обращение писателей к интуиции, которая помогает найти неожиданное решение, увидеть глубинные смыслы в мире. В новелле «Информация»

читаем авторские рассуждения о засилье информации, чрезмерное изобилие которой, по мысли автора, может навредить. В ней рассказывается о страницах умерших людей в социальных сетях, которые остаются в Интернете. Асель Омар сравнивает такие страницы с виртуальным кладбищем. Постмодернизм утверждает, что весь мир — это пространство знаков, в которых закодированы определенные смыслы.

Страницы мертвецов, которые создали некогда живые, остаются, как эпитафии виртуального мира. Виртуальный мир породил свой вид захоронений¹⁴.

В новелле «Команико» звучит родственная идея, согласно которой рукопись является хранилищем времени, так как *автор, водящий пером по листу*¹³ — хранитель времени, который отличается своего рода собирательством знаков прошлого:

Трепещет над воспоминаниями, впечатлениями, обрывками фраз, хранит их, как хранят в чулане старый велосипед или чемодан без ручки, с нездоровым педантизмом архивариуса раскладывает все это свое богатство в ящички несуществующего бюро, сидит перед ним в воображаемом кресле¹³.

Вновь Асель Омар использует метафоры для художественной визуализации творческой деятельности. Образ архивариуса, ставший традиционным в литературе постмодернизма, является центром новеллы.

Следующие три новеллы постепенно подводят читателя к финалу повести-лексикона. Новелла «Мама» носит автобиографический камерный характер, посвящена она матери писательницы, которая сформировала у автора новеллы интерес к культуре. Прошлое — главный предмет авторской рефлексии. В новелле звучат знаковые имена:

Она любит Гогена, Параджанова, Хамдамова, Жан-Поля Готье, Галлиано¹³.

Новелла «No name. Переводчик», в которой представлены рассуждения о природе переводческой деятельности, лаконична.

Переводчик, интерпретатор, предатель. Он один знает то, что знают двое. Проверить переводчика симультанно — невозможно, да и кто будет проверять? Ведь нет абсолютной оценки для интерпретации, это не копия. Такого сделать человек не может, это дело высших сил. Даже копия, по сути, — интерпретация¹⁵.

Переводчик — это очень квалифицированный интерпретатор смыслов, содержащихся в высказывании. Тема интерпретации текста распространена в произведениях постмодернизма. Далее автор восхищается метафорами в книге «Cumanicus».

¹⁴ Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 20.

¹⁵ Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 21.

Народ создал метафоры, сохраненные в *Cumanicus*. Это все же какие-то конкретные люди сочиняли, талантливые, а другие подхватили. «Кровь есть у стекла — это огонь, он разливается ящерицей по черноте¹⁴».

Новелла «Оро. Золото» содержит поэтическое описание библиотеки Марчиано и каталога восточных рукописей. Библиотека, в которой хранятся редкие старинные книги и рукописи, является сакральным топосом в произведениях постмодернизма. В ней происходят различные значительные события, включая убийства. Автор новеллы бережно и с душевным трепетом держит в руках небольшую книгу

<...> формата кватро, в пергаменте кофейного цвета, вот она. Я смотрю на нее, стараясь унести в ощущениях все до мельчайших подробностей, трещины переплета, ровность букв неизвестного монаха, скрипевшего тростниковым каламом в скриптории монастыря в городе Сарае, водяные знаки, печати владельцев и библиотекарей на страницах хрупких и сильных, красочные инициалы, легкие полупрозрачные фигуры людей и животных, набегающие на текст¹⁴.

Автор выступает в роли хранителя времени, пытаясь унести в своей памяти образ книги. Налицо отождествление автора с ключевым персонажем постмодернизма. В самой книге, которую автор держит в руках, содержится целая вселенная смыслов:

молитвы, и снова словарь, спряжения, числительные, падежные окончания, названия стран мира и планет, словарь общения, словарь немецкий с арабскими транскрипциями персидских слов, заметки по фонетике¹⁴.

Пристальное внимание к смысловым пространствам свойственно авторам произведений постмодернизма.

В финальной новелле «Зифалом» автор пишет, что путь за книгой «*Codex Cumanicus*» завершен, но жизнь продолжается. Этот мотив имеется в новелле «Роем», в которой вновь возникает образ родного города автора Алматы. Новелла содержит мысль, что *выше любви к Родине — любовь к истине*¹⁶. В ее финале содержится жизнеутверждающая интонация.

Асель Омар вслед за многими писателями-постмодернистами манифестирует жизнеутверждающую силу книги, старинной рукописи.

Хрупкость жизни не пугает нас, когда мы обретаем нечто прекрасное, как эти буквы и слова на страницах старой рукописи, мы не можем это потерять. Жизнь продолжалась, дописывая свои строки в книгу, которую мы пишем каждый о себе¹⁷.

Напомним, что в литературе постмодернизма жизнь трактовалась как книга. Хрестоматийная формула постмодернизма «мир есть текст» в который раз оживает в книге казахстанского автора.

¹⁶ Омар А. Алфавит // Простор. 2019. № 10. С. 12–24. С. 22.

Подведем итоги анализа книги Асель Омар: повесть «Алфавит» является произведением-лексиконом, написано казахстанским автором в форме словаря, содержит основные признаки постмодернизма. Принцип свободного письма позволил Асель Омар выразить мысли по самому широкому кругу вопросов и проблем. Сюжет повести-лексикона носит децентрализованный характер. Повесть «Алфавит» — собрание путевых очерков, которые несут разноплановое содержание, что соответствует отрицательному отношению постмодернизма к различным формам жесткой организации текста произведения и следованию децентрализации повествования, сюжета в целом.

Основными объектами изображения в повести «Алфавит» выступают книги, рукописи, библиотеки, которые в соответствии с установкой постмодернизма утверждают ключевую роль письма, текста в становлении и развитии цивилизации. Это определило такую особенность поэтики рассмотренного произведения, как выведение образов ключевых в художественной литературе постмодернизма персонажей: библиотекарей, хранителей рукописей, писателей, которые имеют прямое отношение к книге и тексту, получивших в литературе постмодернизма статус философских категорий.

Характерно, что Николай Веревошкин и Асель Омар не стали обозначать жанровую принадлежность рассмотренных выше произведений. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что категория жанра для них не является основной. Строгие жанровые рамки произведений помешали бы свободному выражению мыслей и чувств. Повесть-лексикон Асель Омар является произведением постмодернизма, проблематика повести носит гуманистический характер, чем сближается с традицией критического реализма.

Рассмотренные выше повести Асель Омар и Николая Веревошкина объединяет гуманистический характер. Оба автора ценят индивидуума, постулируют его нравственные возможности, устремленность к добру и справедливости. В их произведениях ценится думающая, глубокая и целеустремленная личность, несущая в этот мир добро и любовь.

Произведение Николая Веревошкина является примером реалистической повести: изложена художественная история ее ключевых героев; психологизм способствует раскрытию их характеров; внутренний мир действующих лиц детерминирован проявлениями внешней действительности; характер и поведение литературных героев обусловлены различными факторами; развита описательная линия (портреты героев). Повесть-лексикон Асель Омар в отличие от произведения Николая Веревошкина организована в более свободной сюжетной форме. Соблюдение принципа эссе позволило ей написать повесть-рассуждение. Главное для Асель Омар — непосредственно выразить свои мысли по различным поводам и вопросам.

Произведение Веревошкина является городской повестью-историей. Хронотоп повести «Алфавит» носит более масштабный характер. Автор свободно оперирует глобальными онтологическими образами Запада и Востока,

прошлого и настоящего. Хронотоп повести «Поющие в переходах» ограничен в основном рамками города. Главное для Асель Омар — показать связь культур, эпох и народов, поэтому такой масштабный хронотоп отвечает этой художественной задаче. Цель Николая Веревошкина заключается в том, чтобы воссоздать жизнь обычной семьи горожан на определенном этапе.

Можно констатировать наличие в современной русской казахстанской прозе двух основных типов повести. Это реалистическая повесть и повесть постмодернизма. В количественном отношении преобладает реалистическая повесть. Произведение Асель Омар «Алфавит» является уникальным примером постмодернистской повести-лексикона в современной казахстанской русской литературе. Проведенный анализ двух основных жанровых разновидностей повести необходим для формирования представлений о путях развития казахстанской прозы.

Выводы

В современной русской казахстанской литературе одновременно развиваются реализм и постмодернизм. Реализм является ведущим творческим направлением в современной русской казахстанской литературе, определяя ее развитие. В русской казахстанской литературе представлены две жанровые разновидности повести — реалистическая и повесть постмодернизма. Доминирует реалистическая повесть.

Повесть Николая Веревошкина «Поющие в переходах» — реалистическое произведение. Элементы ее поэтики привлечены для детерминированного изображения системы литературных героев. Проблематика повести также носит традиционный для литературы реализма гуманистический характер.

Произведение Асель Омар «Алфавит» может быть определено как «повесть-лексикон», она состоит из микроновелл, которые одновременно являются словарными статьями. Элементы ее поэтики характеризуют произведение как постмодернистскую повесть.

Библиографический список

1. *Ананьева С.В., Савельева В.В.* Русская литература // Современная литература народа Казахстана / под ред. С.В. Ананьевой. Алматы: Evo Press, 2014. С. 70–158.
2. Творчество русских писателей Казахстана. Литературно-критические очерки / под ред. И.Х. Габдирова, Ш.Р. Елеукенов. Алматы: Ғылым, 1992. С. 229–265.
3. *Бадиков В.* Новые ветры. Очерки современного литературного процесса Казахстана. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2005.
4. *Джолдасбекова Б.У.* Проза русских писателей Казахстана. Алматы: Казак университеті, 2015.
5. *Джолдасбекова Б.У., Какильбаева Э.Т.* Русские писатели Казахстана: биографический справочник. Алматы: Қазак университеті, 2011.

6. Чагин А.И. После раскола: русская литература сегодня // Новейшая зарубежная литература: монография. Алматы: Жибек жолы, 2011. С. 325–336.
7. Джолдасбекова Б.У., Жаксылыков А.Ж., Сарсекеева Н.К., Баянбаева Ж.А. и др. Эстетическая многоплановость гуманитарного дискурса литературы Казахстана периода Независимости. Алматы: Қазақ университеті, 2016.
8. Сарсекеева Н.К. Формы выражения авторского сознания в русской литературе рубежа XX—XXI веков. Алматы: Қазақ университеті, 2006.
9. Савельева В. Наш современный роман как жанровый микс и некоммерческий проект // Простор. 2012. № 3. С. 164–177.
10. Таттимбетова К.О. Жанр романа в казахстанской литературе конца XX—начала XXI веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 360–365.
11. Таттимбетова К. Судьбы современного романного жанра в Казахстане // Актуальные проблемы развития мировой науки // Материалы III Международной конференции. Киев, 2017. С. 112–117.
12. Акашева С.С. Русская повесть Казахстана 60–80-х годов XX века (Вопросы жанра и стиля). Алматы: Алла прима, 2007.
13. Савельева В.В. Рассказы в современной прозе Казахстана: критика и актуализация жанра // Нева. 2015. № 12. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/neva/2015/12/rasskazy-v-sovremennoj-proze-kazahstana-kritika-i-aktualizacziya-zhanra.html> (дата обращения: 12.02.2023).
14. Барт П. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

References

1. Ananyeva, S.V. & Savelieva, V.V. (2014). Russian literature. In: *Modern literature of the people of Kazakhstan*. Almaty: Evo Press. pp. 70–158. (In Russ.).
2. Creativity of Russian writers of Kazakhstan (1992). Literary-critical essays, Kh. Gabdirov & Sh.R. Yeleukenov (eds.). Almaty: Gylym. pp. 229–265. (In Russ.).
3. Badikov, V. (2005). *New winds. Essays on the modern literary process of Kazakhstan*. Almaty: Zhibek Zholy. (In Russ.).
4. Dzholdasbekova, B.U. (2015). *Prose of Russian writers of Kazakhstan*. Almaty: Cossack University. (In Russ.).
5. Dzholdasbekova, B.U. & Kakilbaeva, E.T. (2011). *Russian writers of Kazakhstan: a biographical guide*. Almaty: Kazakh University publ. (In Russ.).
6. Chagin, A.I. (2011). After the split: Russian literature today. In: *The latest foreign literature: Collective monograph*. Almaty: Zhibek Zholy. pp. 325–336. (In Russ.).
7. Dzholdasbekova, B.U., Zhaksylykov, A.Zh., Sarsekeyeva, N.K., Bayanbayeva, Zh.A., et al. (2016). *Aesthetic diversity of the humanitarian discourse of the literature of Kazakhstan during the period of Independence*. Almaty: Kazakh University. (In Russ.).
8. Sarsekeyeva, N.K. (2006). Forms of expression of the author's consciousness in Russian literature at the turn of the 20th—21st centuries. Almaty: Kazakh University publ. (In Russ.).
9. Savelyeva, V. (2012). Our modern novel as a genre mix and a non-commercial project. *Prostor*, 3, 164–177. (In Russ.).
10. Tattimbetova, K.O. (2015). Genre of the novel in Kazakh literature of the late XX — early XXI centuries. *Polylinguality & Transcultural Practices*, 5, 360–365. (In Russ.).
11. Tattimbetova, K. (2017). The fate of the modern novel genre in Kazakhstan. In: *Actual problems of the development of world science*. Materials of the III International Conference. Kiev. pp. 112–117. (In Russ.).
12. Akasheva, S.S. (2007). Russian story of Kazakhstan in the 60-80s of the XX century (Questions of genre and style). Almaty: Alla prima. (In Russ.).

13. Savelyeva, V.V. (2015). Stories in modern prose of Kazakhstan: criticism and actualization of the genre. *Neva*, 12. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2015/12/rasskazy-v-sovremennoj-proze-kazahstana-kritika-i-aktualizacziya-zhanra.html> (accessed: 12.02.2023).
14. Bart, R. (1989). *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Баянбаева Айгуль Амангельдиевна, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировых языков Казахского национального университета им. Аль-Фараби; *e-mail*: aigul_bayanbayeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-2111>

Демченко Алена Сергеевна, PhD, исполняющая обязанности доцента кафедры русской филологии и мировых языков Казахского национального университета им. Аль-Фараби; *e-mail*: alenchika@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-9247>

Барабаш Виктор Владимирович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, зав. кафедрой массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *e-mail*: barabash-vv@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8909-2145>

Information about the authors:

Aigul A. Bayanbayeva, Senior Lecturer of the Department of Russian Philology and World Languages, Al-Farabi Kazakh National University; *e-mail*: aigul_bayanbayeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-2111>

Alena S. Demchenko, PhD, Acting Associate Professor of the Department of Russian Philology and World Languages of the Al-Farabi Kazakh National University; *e-mail*: alenchika@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-9247>

Viktor V. Barabash, D.Sc. (Philology), Dean of the Faculty of Philology, Head of Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: barabash-vv@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8909-2145>

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-931-945

EDN: DJYRGF

УДК 811.161.1'373'27

Научная статья / Research article

Жизнь идиомы — определение актуального корпуса фразеологизмов: опыт экспериментального исследования

М.Б. Будильцева , Н.С. Новикова

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 novikova-ns@rudn.ru

Аннотация. Жизнь идиомы, частота её употребления в речи ограничена временными рамками. Нам представляется актуальным и важным как в теоретическом, так и в практическом аспектах разработать методику выявления фразеологических единиц, которые используются в живой речи современных носителей языка и необходимы сегодня для коммуникации в русскоговорящей среде. Исследование проводилось на материале русских идиом с компонентами-соматизмами, включающими слово *сердце*. Необходимо отметить, что объектом нашего анализа явились фразеологизмы, используемые только в устной речи. Работа состояла из двух этапов: на первом была определена общая группа фразеологизмов с компонентом *сердце*, проведен компонентный анализ лексической единицы *сердце* и выделены фразеомобразующие семы, каждая из которых мотивировала определенную подгруппу ФЕ с компонентом *сердце* в составе общей группы. На втором этапе исследования был проведен опрос 100 информантов разных возрастных групп. Анализ полученных результатов позволил из 58 предложенных фразеологизмов с компонентом *сердце* выделить группу частотно употребляемых речевых идиом, включающую 25 ФЕ, которые являются актуальными с точки зрения современного носителя языка. Предлагаемая методика является универсальной, она может быть применена к любой другой группе фразеологизмов, что позволит авторам учебных пособий определить, какой именно идиоматический учебный материал необходимо включать в курс русского языка как иностранного для активного усвоения.

Ключевые слова: компонентный анализ, сема, соматизм, устная речь

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Будильцева М.Б., Новикова Н.С. Жизнь идиомы — определение актуального корпуса фразеологизмов: опыт экспериментального исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 931–945. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-931-945>

© Будильцева М.Б., Новикова Н.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Life of an idiom — Definition of Actual Corpus of Phraseological Units: Experimental Research

Marina B. Budiltseva ¹ , Natalia S. Novikova¹

¹RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str, Moscow, Russian Federation, 117198

 novikova-ns@rudn.ru

Abstract. The “life” of an idiom, the frequency of its use in speech is limited by the time frame: those elements that were actively used a hundred years ago are gradually disappearing from the lexicon of a modern person. Therefore, it seemed to us relevant and important, both in theoretical and practical aspects, to develop a methodology for identifying only those phraseological units that are used in the live speech of modern native speakers and are necessary for communication in the Russian-speaking environment today. The study was conducted on the material of idioms with somatic components, including the word *heart*. We emphasize that the object of our analysis were only phraseological units used in oral speech. The work consisted of 2 stages: at the first stage, a general group of phraseological units with a *heart* component was identified, a component analysis of the dictionary definition of the word *heart* was carried out, and phrase-forming semes were identified. Each of these semes motivated a certain subgroup of phraseological units with *heart* component as part of the general group. At the second stage of the study, we conducted a survey of 100 informants belonging to different age groups. Analysis of the results made it possible to single out a group of 25 active speech idioms units that is relevant for a modern native speaker of the language. The proposed methodology is universal, it can be applied to any other group of phraseological units, so it could allow to determine what kind of idiomatic material should be included in the Russian as a foreign language course for active assimilation.

Keywords: component analysis, seme, somatism, oral speech

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Budiltseva, M.B. & Novikova, N.S. (2023). Life of an idiom — Definition of Actual Corpus of Phraseological Units: Experimental Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 931–945. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-931-945>

Введение

Как известно, фразеологизм — это «устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной лексемы» [1. С. 147]. Как отмечается в [2. С. 6], «самый факт существования фразеологии представляет собой лингвистическую универсалию: не существует языка, в составе которого не было бы фразеологических оборотов». Добавим, что высокая частотность использования фразеологизмов в речи носителей языка — это тоже универсалия, но уже речевая (особенно, если мы будем говорить о фразеологизмах в широком смысле, относя к ним также пословицы и поговорки). Последнее связано с такими свойствами фразеологизмов, как устойчивость, воспроизводимость, экспрессивность и семантическая целостность.

Кроме того, фразеологизмы выступают в качестве средств, дифференцирующих функциональные стили речи (см., например, исследования Е.И. Мотиной, Н.И. Кохтева, О.А. Лаптевой, О.Д. Митрофановой, А.Н. Васильевой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др.), а также обладают высокой страноведческой ценностью (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.Е. Прохоров, В.М. Мокиенко, З.Д. Попова, А. Makkaï, U. Weinreich и др.). По определению, данному в [3. С. 7], «фразеологизмы — это своеобразный «черный ящик» культурной и языковой информации».

Особое место среди фразеологизмов занимают фразеологизмы-соматизмы. Сам термин «соматический» был введен Ф. Вакком на материале эстонского языка [4], получив распространение на русский язык в работе Э.М. Мордкович [5], где была впервые проведена систематизация русской соматической лексики. Далее исследования соматизмов продолжались в работах Н.С. Туровской [6], Д.С. Скнарёва [7], С.В. Боголеповой [8] и др. Соматическая лексика интернациональна ввиду универсальности строения человеческого тела, поэтому существует большое количество работ, посвященных анализу соматизмов в сравнительном аспекте (Е.И. Городецкая [9], А.Г. Абрамова [10], Й. Русецкая [11], Н.В. Сеницына [12], Л.Б. Воробьева [13], Д.М. Магомедов [14] и др.). Фразеологизмы с компонентами-соматизмами — это важнейшая часть языковой картины мира, поэтому при формировании языковой картины мира на иностранном языке они являются, по нашему мнению, неотъемлемой частью процесса обучения.

Цель нашего исследования — предложить методику выявления корпуса актуальных, с точки зрения современного носителя языка, фразеологических единиц (на материале русских идиом с компонентами-соматизмами), которая может быть использована авторами учебных пособий по русскому языку как иностранному для определения того, какой идиоматический учебный материал необходимо включать в активный словарь учащегося, а какой может быть переведен из активного тезауруса урока в область самостоятельной работы. Для доказательства актуальности данного исследования отметим, что, анализируя речь современного носителя языка, нельзя пройти мимо того факта, что те или иные фразеологические единицы имеют разную частотность употребления. «Жизнь» идиомы (как и жизнь слова¹), частота её употребления в речи ограничена временными рамками: многие элементы (например, пословицы, поговорки и т.п.), которые активно использовались сто лет назад, постепенно исчезают из лексикона современного человека. Поэтому актуально и важно как в теоретическом, так и в практическом аспекте разработать методику выявления только

¹ Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 10.02.2022).

тех ФЕ, которые используются в живой речи современных носителей языка и необходимы для естественной коммуникации в русскоговорящей среде сегодня. Подчеркнем, что объектом нашего анализа являются только фразеологизмы, используемые в устной речи.

Методы и материалы исследования

Материалом нашего исследования послужили русские фразеологизмы-соматизмы с компонентом *сердце*. Из «Большого фразеологического словаря русского языка»² были отобраны 58 наиболее, по мнению авторов, частотных фразеологизмов данного типа.

В ходе работы использовались как общенаучные методы (метод формализации, метод наблюдения, метод сравнения, эксперимент), так и специальные, в частности, метод компонентного анализа.

Результаты исследования

Нами был проведен анализ русских фразеологизмов-соматизмов с компонентом *сердце*. Фразеологизмы-соматизмы, в состав которых входит название частей тела человека или животного, представляют собой большую лексическую группу в любом языке (по данным Р.М. Вайнтрауба [15], в русском языке — это 30 % от общего числа фразеологизмов). По наблюдениям Д.С. Скнарёва [7], в образовании фразеологизмов участвуют более 100 соматизмов, при этом преобладают фразеологизмы с компонентами *глаза* (490), *рука* (398), *сердце* (307), *голова* (300), *нога* (232), *язык* (188), *ухо* (165), *лицо* (146), *нос* (100), *кровь* (97), *мозг* (93). С. Скорупка относит такие фразеологизмы к *натуральным*, которые «часто являются общими для многих языков, возникают независимо друг от друга, поскольку имеют общую основу в явлениях природы, в наблюдениях человека за природой, ее проявлениями и жизнью, в общих физических и психологических видах деятельности человека, в общих условиях развития» [16], в противовес *конвенциональным*, которые, по мнению ученого, являются национально-специфическими.

По нашему мнению, интернациональность соматизмов обусловлена принципом антропоцентризма: центром языковой картины мира в любом языке является человек, познающий субъект, который весь окружающий его мир сравнивает с самим собой, проводя аналогии со строением своего тела, с действиями и качествами человека [17].

Основными причинами нашего выбора фразеологизмов-соматизмов с компонентом *сердце* для материала исследования:

² Телия В.Н., Жукова И.В., Ковшова М.Л., Красных В.В. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ—АСТРЕЛЬ, 2021.

- 1) такие сочетания широко употребляются в разговорной речи, поэтому они часто оказывались и оказываются в фокусе внимания лингвистов, достаточно назвать работы Р.А. Магдиловой [18], Е.А. Романовой [19], А.С. Лиджиевой и Д.А. Сусеевой [20], К.У. Халиловой [21], О.Н. Кравченко и И.М. Субботиной [22], Л.Б. Воробьевой [13], С.И. Магомедовой [23], П.Г. Алиевой [24], А.Д. Субракова [25] и др. Они высокочастотны во всех языках мира (ср., например, 55 ФЕ, включающих компонент *сердце* в русском языке и 300 ФЕ с компонентом *coeur* во французском [28]).
- 2) обладая яркой образностью, они, как и все фразеологизмы, оживляют речь, усиливают ее выразительность. Широка смысловых и эмоционально-экспрессивных значений и оттенков значений фразеологизмов данной группы часто представляют главную трудность для усвоения иностранцами;
- 3) большинство анализируемых фразеологизмов обладает «историческим стажем», т.е. существует в русском языке очень давно (фразеология вообще «во многих случаях становится *памятью языка*») [3. С. 7], а фразеологизмы с соматизмами обладают этим качеством, может быть, в наибольшей степени).

Наше исследование состояло из двух этапов: на первом этапе мы обратились к данным толкового словаря — к словарной дефиниции. Нами был проведён компонентный анализ, на основе которого были выделены фразеологизмы образующие семы («фразеосемы»), мотивирующие определенную подгруппу ФЕ с компонентом *сердце* в составе общей группы ФЕ с данным компонентом.

Второй этап исследования, основанный на идее о том, что «жизнь» фразеологизма, частота его употребления в речи ограничена временными рамками, включал в себя опрос информантов, которые должны были в предложенном списке идиом определить те, которые, на их взгляд, являются устаревшими. Анализ полученных результатов позволил выделить корпус русских фразеологизмов-соматизмов со словом *сердце*, активных с точки зрения современного носителя языка.

Обсуждение

Рассмотрим детально этапы проведенного нами эксперимента. На первом этапе мы обратились к данным толкового словаря — к словарной дефиниции.

В Толковом словаре русского языка³ дается следующее толкование слова *сердце*:

1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости).
2. Этот орган как символ души, переживаний, чувств, настроений.
3. Важнейшее место чего-нибудь, средоточие.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/278698> (дата обращения: 10.02.2022).

4. Символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного.

Очевидно, что первое и четвертое значения слова *сердце* не являются базой для возникновения фразеологизмов, однако оставшиеся, основанные на донаучных знаниях и отражающие наивную картину мира, дают богатую почву для возникновения фразеологических сочетаний, из сопоставления общего и национально-специфического, что наглядно при сравнении второго и третьего значений, можно сделать определенные выводы о характере возникших на их основе ФЕ. При этом второе значение указывает на синонимию понятий *сердца* и *души*, что проявляется в структуре фразеологизмов-соматизмов, делая возможным два варианта употребления одного и того же словосочетания — и со словом *сердце*, и со словом *душа*.

В результате компонентного анализа второго значения слова *сердце* нами были выделены следующие фразеологические семы (фразеосемы):

- душа (внутренние качества человека);
- переживания, чувства (эмоции);
- настроение.

Каждая из выделенных фразеосем мотивировала определенную подгруппу ФЕ с компонентом *сердце* в составе общей группы ФЕ (всего было отобрано 58 фразеологизмов). Нами была проведена классификация отобранных единиц по мотивирующей фразеосеме, были выделены 3 группы: «Описание внутренних качеств человека», «Наличие, отсутствие и выражение эмоций» и «Желание/нежелание делать что-н.». В первой группе были выделены 2 подгруппы — «С точки зрения оппозиции *хороший/плохой*» и «С точки зрения оппозиции *храбрый/трусливый*». Во второй группе выделены 3 подгруппы — «Испытывать чувства» и «Выражать эмоции». В третьей группе выделены 2 подгруппы — «Иметь желание (настроение) делать что-н» и «Не иметь желания (настроения) делать что-н.». В пределах каждой подгруппы проведена более конкретная разбивка: так, например, в подгруппе «Испытывать чувства» выделяются «Испытывать чувство страдания», «Испытывать чувство сострадания», «Испытывать чувство страха» и др. Результаты классификации общей группы ФЕ по подгруппам сведены в таблицу 1.

Второй этап исследования основан на идее о том, что «жизнь» фразеологизма, частота его употребления в речи ограничена временными рамками. Поэтому на втором этапе исследования мы провели опрос информантов (всего участников — 100 человек, представителей разных возрастных групп с высшим, а также неоконченным высшим образованием). Участникам было предложено в списке идиом из таблицы 1 выделить те, которые, на их взгляд, являются устаревшими. При этом производилось ранжирование ФЕ: 1) никогда не употребляющиеся современным носителем языка; 2) употребляющиеся редко; 3) употребляющиеся часто. Результаты опроса представлены в таблице 2.

Таблица 1/ Table 1

**Классификация фразеологизмов-соматизмов по мотивирующей фразеосеме /
Classification of phraseological units-somatisms by motivating phraseoseme**

Мотивирующая фразеосема/ Motivating phraseoseme	Общее значение группы/подгруппы/Total meaning of group/subgroup	Примеры/Examples
1	2	3
Душа (как внутренние качества человека)/ Soul (as the inner qualities of a person)	I. Описание внутренних качеств человека / I. Description of the internal qualities of a person	
	I.1. С точки зрения оппозиции <i>хороший/плохой</i> /I.1. Opposition <i>good / bad</i>	
	I.1.A. Хороший человек / I.1.A. Good man	<i>золотое сердце/душа доброе сердце/душа благородное сердце/душа</i>
	I.1.B. Плохой человек / I.1.B. Bad man	<i>злое сердце/душа надменное сердце/душа холодное сердце/душа</i>
	I.2. С точки зрения оппозиции <i>храбрый/трусливый</i> / I.2. Opposition <i>brave / cowardly</i>	
	I.2.A. Храбрый человек I.2.A. Brave man	<i>смелое сердце/душа храброе сердце/душа отважное сердце/душа</i>
I.2.B. Трусливый человек I.2.B. Cowardly man	<i>заячье сердце/душа</i>	
Переживания, чувства (эмоции)/ Feelings (emotions)	II. Наличие, отсутствие и выражение эмоций / II. The presence, absence and expression of emotions	
	II.1. Испытывать чувства/ II.1. Having feelings	
	II.1.A. Испытывать чувство страдания / II.1.A. Endure suffering	<i>сердце/душа надрывается сердце/душа сжимается сердце/душа перевертывается сердце/душа кровью обливается сердце/душа разрывается (на части) сердце/душа терзается разбить сердце/душу надрывать сердце/душу терзать сердце/душу камнем лечь на сердце ад крошечный на сердце нож в сердце</i>
II.1.B. Испытывать чувство сострадания II.1.B. Feel compassion	<i>трогать сердце/душу болеть сердцем/душой за кого-н. принимать близко к сердцу брать за сердце/душу</i>	

Окончание таблицы 1/ End of table 1

1	2	3
	II.1.B. Испытывать чувство страха II.1.C. Feel fear	<i>сердце/душа обрывается</i> <i>сердце/душа уходит</i> <i>в пятки</i>
	II.1.G. Испытывать чувство злости II.1.D. Feel angry	<i>держат сердце на кого-н.</i>
	II.1.D. Испытывать чувство радости, удовольствия II.1.D. Feel joy, pleasure	<i>сердце/душа радуется</i> <i>сердце/душа поет</i> <i>отдыхать сердцем/душой</i> <i>как маслом по сердцу</i>
	II.1.E. Испытывать чувства волнения, тревоги II.1.E. Feel anxiety	<i>скребет на сердце/душе</i> <i>кошки скребут на сердце/душе</i> <i>тяжесть на сердце/душе</i>
	II.1.Ж. Испытывать чувство любви II.1.F. Feel the feeling of love	<i>отдавать сердце/душу</i> <i>отдавать руку и сердце</i>
	II.1.3. Испытывать глубоко спрятанные чувства II.1.G. Feel deeply hidden feelings	<i>хранить/беречь в сердце/душе</i> <i>в глубине сердца/души</i>
II.2. Выразить эмоции II.2. Express emotions		
	II.2.A. Выразить эмоции искренно II.2.A. Express emotions sincerely	<i>от всего сердца/души</i> <i>от чистого сердца/души</i> <i>с чистым сердцем/душой</i> <i>с открытым сердцем/душой</i> <i>открыть сердце/душу</i> <i>излить сердце/душу</i> <i>дать волю сердцу</i>
	II.2.B. Выразить эмоции экспрессивно (со злостью) II.2.B. Express emotions expressively (with anger)	<i>в сердцах</i> <i>срывать сердце на ком-н.</i>
	II.3. Начать испытывать положительные эмоции по отношению к кому-н. II.3. Begin to experience positive emotions towards someone	<i>войти в сердце/душу</i> <i>найти доступ к чьему-н. сердцу/душе</i> <i>покорить чье-н. сердце</i>
	II.4. Перестать испытывать положительные эмоции по отношению к кому-н. II.4. Stop feeling positive emotions about someone	<i>вырывать из сердца</i> <i>выбросить из сердца</i>
III. Желание/нежелание делать что-н. III. Desire / unwillingness to do something		
	III.1. Иметь желание (настроение) делать что-н. III.1. Have the desire (mood) to do something	<i>с легким сердцем</i>
	III.2. Не иметь желания (настроения) делать что-н. III.2. Not to have the desire (mood) to do something	<i>скрепя сердце</i> <i>с тяжелым сердцем/душой</i> <i>сердце/душа не лежит</i>

Таблица 2/ Table 2

Результаты опроса информантов/Results of the survey

ФРАЗЕОЛОГИЗМ/ PHRASEOLOGISM	Частота употребления (в %)			Комментарии Предпочтительнее выражение со словом ДУША/ Preferred expression with the word soul
	Никогда не употребляющиеся/ Never used	Редко употребляющиеся/ Rarely used	Часто употребляющиеся/ Frequently used	
1	2	3	4	5
золотое сердце/душа	21,4	47,1	32,9	2,9
доброе сердце/душа	1,5	29,9	55,2	41,8
благородное сердце /душа	31,3	55,2	10,4	7,5
злое сердце/душа	58,6	30	10	4,3
надменное сердце/душа	82,1	14,9	0	3
холодное сердце/душа	16,4	46,3	35,8	3
смелое сердце/душа	57,1	32,9	10	4,3
храброе сердце/душа	22,4,49,3	34,3	41,8	3
отважное сердце/душа		41,8	7,5	3
заячье сердце/душа	61,4	28,6	1,4	34,3
сердце/душа надрывается	18,6	34,3	35,7	18,6
сердце/душа сжимается	7,5	37,3	52,2	3
сердце/душа перевертывается	32,8	32,8	3	20,9
сердце/душа кровью обливается	3	7,52	86,6	3
сердце/душа разрывается (на части)	1,5	23,9	65,7	17,9
сердце/душа терзается	46,3	32,8	10,4	25,4
разбить сердце/душу	4,5	25,4	70,1	0
надрывать сердце/душу	32,8	41,8	20,9	20,9
терзать сердце/душу	25,4	34,3	28,4	
камнем лечь на сердце	37,3	32,8	29,9	
ад крошечный на сердце	61,2	38,8	0	
нож в сердце	9	31,3	59,7	
трогать сердце/душу	12,9	21,4	44,3	44,3
болеть сердцем/душой за кого-н.	6	17,9	55,2	53,7
принимать близко к сердцу	1,5	3	97	58,2
брать за сердце/душу	7,5	22,4	47,8	
сердце/душа обрывается	32,9	30	31,4	10
сердце/душа уходит в пятки	3	25,4	64,2	31,3
держат сердце на кого-н.	84,3	12,9	1,4	1,4
сердце/душа радуется	5,7	8,6	65,7	48,6
сердце/душа поет	7,5	14,9	62,7	62,7
отдыхать сердцем/душой	7,5	12,4	56,3	64,2
как маслом по сердцу	74,6	20,9	4,5	
скребет на сердце/душе	21,4	31,4	30	44,3
кошки скребут на сердце/душе	4,5	25,4	53,7	44,8
тяжесть на сердце/душе	1,5	34,3	53,7	20,9

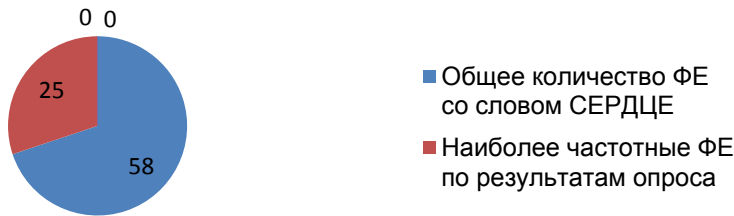
Окончание таблицы 2/ End of table 2

1	2	3	4	5
<i>отдавать сердце/душу</i>	14,3	32,9	35,7	41,4
<i>отдавать руку и сердце</i>	14,9	31,3	53,7	0
<i>хранить/беречь в сердце/душе</i>	13,4	44,8	32,8	20,9
<i>в глубине сердца/души</i>	5,7	15,7	60	55,7
<i>от всего сердца/души</i>	1,4	1,4	85,7	32,9
<i>от чистого сердца/души</i>	1,5	6	91	6
<i>с чистым сердцем/душой</i>	9	17,9	64,2	20,9
<i>с открытым сердцем/душой</i>	7,5	37,3	49,3	22,4
<i>открыть сердце/душу</i>	4,5	28,4	50,7	56,7
<i>излить сердце/душу</i>	3	23,9	43,3	74,6
<i>дать волю сердцу</i>	44,8	40,3	10,4	7,5
<i>в сердцах</i>	5,7	22,9	70	1,4
<i>срывать сердце на ком-н.</i>	73,1	25,4	1,5	
<i>войти в сердце/душу</i>	42,9	30	14,3	27,1
<i>найти доступ к чьему-н. сердцу /душе</i>	32,9	44,3	21,4	4,3
<i>покорить чье-н. сердце</i>	15,7	17,1	67,1	
<i>вырывать из сердца</i>	20	44,3	35,7	
<i>выбросить из сердца</i>	30	44,3	25,7	
<i>с легким сердцем</i>	11,9	14,9	73,1	
<i>скрепя сердце</i>	11,9	11,9	70,1	
<i>с тяжелым сердцем/душой</i>	4,5	35,8	52,2	13,4
<i>сердце/душа не лежит</i>	1,5	9	65,7	71,6

В таблице выделены ФЕ, которые являются частотными в речи современного носителя языка по мнению > 50 % информантов. Анализ результатов позволил выделить группу активных речевых идиом и устаревших, не используемых в устной речи, но функционирующих в художественных текстах. Из 58 фразеологизмов, предложенных информантам, были выделены 25, которые вошли в корпус актуальных с точки зрения современного носителя языка фразеологических единиц. Соотношение общего количества фразеологизмов со словом *сердце (душа)*, представленных в опроснике, и наиболее частотной их части по данным опроса отражено на рисунке.

Критерием отнесенности к данному корпусу была частота их употребления ($\geq 50\%$), при этом учитывалось также высокая частотность ($\geq 50\%$) использования слова *душа* вместо слова *сердце*.

Таким образом, корпус русских фразеологизмов-соматизмов со словом *сердце (душа)*, актуальных с точки зрения современного носителя языка, включает в себя 25 фразеологических единиц и представлен в таблице 3.

Рис. Соотношение актуального корпуса ФЕ и общего количества фразеологизмов со словом СЕРДЦЕ по данным опроса

Fig. The ratio of the actual corpus of PUs identified according to the survey and the total number of phraseological units with the word *heart*

Таблица 3/ Table 3

**Корпус актуальных ФЕ с компонентом СЕРДЦЕ/ ДУША
с точки зрения современного носителя языка/
Corpus of actual phraseological units with the HEART / SOUL component
from a modern native speaker's point of view**

ФРАЗЕОЛОГИЗМ/ PHRASEOLOGISM	Частота употребления (в %)/ Frequency of use (in%)
<i>Сердце сжимается</i>	52,2
<i>Сердце кровью обливается</i>	86,6
<i>Сердце разрывается (на части)</i>	65,7
<i>разбить сердце</i>	70,1
<i>нож в сердце</i>	59,7
<i>болеть душой за кого-н.</i>	55,2
<i>принимать близко к сердцу</i>	97
<i>сердце/душа уходит в пятки</i>	54,2
<i>сердце радуется</i>	65,7
<i>душа поет</i>	62,7
<i>отдыхать душой</i>	56,3
<i>кошки скребут на сердце</i>	53,7
<i>тяжесть на сердце</i>	53,7
<i>отдавать руку и сердце</i>	60
<i>в глубине души</i>	85,7
<i>от всего сердца</i>	91
<i>от чистого сердца</i>	64,2
<i>с чистым сердцем</i>	50,7
<i>открыть душу</i>	70
<i>покорить чье-н. сердце</i>	67,1
<i>с легким сердцем</i>	73,1
<i>скрепя сердце</i>	70,1
<i>с тяжелым сердцем</i>	52,2
<i>душа не лежит</i>	65,7

Как видно из приведенной таблицы, наиболее частотными по результатам эксперимента оказались следующие ФЕ: *принимать близко к сердцу, от всего сердца, сердце кровью обливается, в глубине души (сердца)*. За ними следуют *разбить сердце, с легким сердцем, скрепя сердце*. Именно с них, по нашему мнению, следует начать обучение иностранцев русским фразеологизмам-соматизмам с компонентом *сердце*, постепенно переходя к менее частотным, также вошедшим в нашу таблицу.

Заключение

Результатом проведенного исследования стало выделение из 58 русских фразеологизмов с компонентом *сердце* группы, включающей 25 ФЕ, которые являются активными, по мнению носителей языка, сегодня. Описанная в статье методика может быть применена к любой группе фразеологизмов для выявления корпуса актуальных, с точки зрения современного носителя языка, фразеологических единиц.

Результаты нашего исследования могут быть использованы авторами учебных пособий по русскому языку как иностранному для определения того, какой идиоматический учебный материал необходимо включать в активный словарь учащегося, а какой может быть переведен из активного тезауруса урока в область самостоятельной работы. Отнесение того или иного фразеологизма к разряду устаревших имело четкую корреляцию с возрастом информантов: чем моложе были опрашиваемые, тем меньше идиом относились ими к разряду высокочастотных. Данное наблюдение позволяет расширить сферу параметров будущих исследований в области частотности фразеологических единиц с целью выявления тех из них, которые активно используются в живой речи носителей языка, учитывая речевые особенности различных возрастных групп, а значит — закладывая базу для создателей учебных пособий по РКИ, ориентированных на разные группы учащихся.

Библиографический список

1. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Litres, 2022.
2. *Хайруллина Р.Х.* Сопоставительная фразеология русского и башкирского языков. Уфа: БашГУ, 1989.
3. *Вальтер Х., Малински Т., Мокшенко В., Степанова Л.* Русская фразеология для немцев. СПб.: Златоуст, 2005.
4. *Вакк Ф.* О соматической фразеологии в современном эстонском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1964.
5. *Мордкович Э.М.* Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов // Актуальные проблемы фразеологии. Новосибирск, 1971. С.244–245.
6. *Туровская Н.С.* Роль метафоры в формировании соматических фразеологизмов с компонентом «глаз»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

7. *Скнарёв Д.С.* Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
8. *Боголепова С.В.* Сравнительный анализ описания лица и его частей в русскоязычной и англоязычной картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2. С. 32–35.
9. *Городецкая И.Е.* Соматизмы как отражение антропоцентризма в языке // Сборник. Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Вып. 4. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2004. С. 32–34.
10. *Абрамова А.Г.* Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005.
11. *Русецкая Й.* Концептуализация культурных стереотипов душа и тело в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
12. *Синицына Н.В.* Соматические номинации в субстандартной фразеологии английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2013.
13. *Воробьева Л.Б.* Национально-культурная специфика репрезентации соматизмов в русских и литовских фразеологизмах // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 214–217.
14. *Магомедов Д.М.* Структурно-семантический анализ соматических фразеологических единиц аварского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Махачкала, 2019.
15. *Вайнтрауб Р.М.* О соматических фразеологизмах в русском языке // Лексические единицы русского языка и их изучение». Ташкент: ТГУ, 1980. С. 51–55.
16. *Skorupka St.* Idiomatyzmy frazeologiczne u jezuku polskim i ich geneza // Славянская филология: сб. ст. Т. 3. М.: Наука, 1958. С. 124–155.
17. *Novikova N., Cherkashina T., Varlamova I., Budiltseva M., Karapetyan N.* Anthropocentrism in language teaching // INTED 2020 Proceedings 14th International Technology, Education and Development. Valencia, 2020. pp. 4826–4830. <http://doi.org/10.21125/inted.2020.1324>
18. *Магдилова Р.А.* Семантическая характеристика соматических фразеологических единиц с компонентами «сердце», «голова», «рука» в арчинском и русском языках // Исследования по общей и дагестанской фразеологии: сб. научн. ст. Махачкала, 1989. С. 94–98.
19. *Романова Е.А.* Устойчивые сочетания с компонентом сердце в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Петропавловск-Камчатский, 2007.
20. *Лиджиева А.С., Сусеева Д.А.* Функционирование соматических фразеологизмов в русском языке // Вестник калмыцкого ун-та. 2012. № 4(16). С. 71–74.
21. *Халилова К.У.* Соматизм «сердце» в языковой картине мира (на материалах азербайджанского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Махачкала, 2012.
22. *Кравченко О.Н., Субботина И.М.* Соматизм «сердце» в составе фразеологических единиц с позиции антропологического подхода (на материале английского и русского языков) // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 20(191). Выпуск 23. С. 74–78.
23. *Магомедова С.И.* Соматизмы «глаз», «сердце», «голова» в объективации картины мира: на материале аварского и арабского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Махачкала, 2009.
24. *Алиева П.Г.* Специфика функционирования соматизма 'сердце' во фразеологических системах разных языков // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 379–380.
25. *Субраков А.Д.* Фразеологические единицы со словом «сердце» в языках разных систем (на материале хакасского и русского языков) // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Часть 2. С. 344–353.
26. *Купина Н.И.* Семантическая структура лексемы *coeur* во фразеологическом фонде французского языка // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы международной научной конференции. Т. 9. Ч. 2. Белгород: БелГУ, 2006. С. 76–81.

References

1. Telia, V.N. (2022). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Litres. (In Russ.).
2. Khayrullina, R.H. (1989). *Comparative phraseology of Russian and Bashkir languages*. Ufa: Bashkirskiy Gosudarstvennyy Pedagogicheskiy institut. (In Russ.).
3. Walter, H., Malinsky, T., Mokienko, V. & Stepanova, L. (2005). *Russian phraseology for Germans*. Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
4. Wakk, F. (1964). *On somatic phraseology in modern Estonian* [dissertation]. Tallinn. (In Russ.).
5. Mordkovich, E.M. (1971). Semantic-thematic groups of somatic phraseology. In: *Actual problems of phraseology*. Novosibirsk. pp. 244–245. (In Russ.).
6. Turovskaya, N.S. (1996). *The role of metaphor in the formation of somatic phraseology with the component “eye”* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
7. Sknaryov, D.S. (2006). *Phraseology of the Russian language with components-somatism: problems of semantics and pragmatics* [dissertation]. Chelyabinsk. (In Russ.).
8. Bogolepova, S.V. (2011). Comparative analysis of the description of the face and its parts in the Russian-speaking and English-speaking pictures of the world. *Philology. Theory & Practice*, 2, 32–35. (In Russ.).
9. Gorodetskaya, I.E. (2004). Somatism as a reflection of anthropocentrism in the language. In: *Actual problems of socio-humanitarian knowledge*. Iss. 4. Stavropol: Pyatigorskii gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. pp. 32–34. (In Russ.).
10. Abramova, A.G. (2005). *Phraseological units with somatism components in different languages (In Russian and Chuvash)* [dissertation]. Cheboksary. (In Russ.).
11. Rusetska, J. (2012). *Conceptualization of cultural stereotypes of the soul and body in Russian somatic phraseology (involving Lithuanian parallels)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
12. Sinitsyna, N.V. (2013). *Somatic nominations in sub-standard phraseology of English and Russian languages* [dissertation]. Astrakhan. (In Russ.).
13. Vorobyeva, L.B. (2014). National-cultural specificity of the representation of somatism in Russian and Lithuanian phraseology. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 5. Seriya “Sotsial’no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki”*, 5, 214–217. (In Russ.).
14. Magomedov, D.M. (2019). *Structural semantic analysis of somatic phraseological units of the Avar language* [dissertation]. Makhachkala. (In Russ.).
15. Vaintraub, R.M. (1980). On somatic phraseology in Russian/ Lexical units of Russian language and their study. Tashkent: TSU. pp. 51–55. (In Russ.).
16. Skorupka, St. (1958). Idiomyzmy frazeologiczne u jezyku polskim i ich geneza. In: *Slavic Philology*. Moscow: Nauka publ. p. 124–155.
17. Novikova, N., Cherkashina, T., Varlamova, I., Budiltseva, M. & Karapetyan, N. (2020). Anthropocentrism in language. In: *INTED2020 Proceedings 14th International Technology, Education and Development*. Valencia. pp. 4826–4830. URL: <http://doi.org/10.21125/inted2020.1324>.
18. Magdilova, R.A. (1989). Semantic characteristic of somatic phraseological units with components “heart”, “head”, “hand” in Arch and Russian. In: *Research on general and Dagestan phraseology*. Makhachkala: Dagestan State University Publ. pp. 94–98. (In Russ.).
19. Romanova, E.A. (2007). *Stable combinations with the heart component in English and German* [dissertation]. Petropavlovsk-Kamchatskiy. (In Russ.).
20. Lidjieva, A.S. & Suseeva, D.A. (2012). Functioning of somatic phraseology in Russian. *Bulletin of Kalmyk university*, 4(16), 71–74. (In Russ.).
21. Khalilova, K.U. (2012). *Somatism “heart” in the linguistic picture of the world (on materials of Azerbaijani and German languages)* [dissertation]. Makhachkala. (In Russ.).
22. Kravchenko, O.N. & Subbotina, I.M. (2014). Somatism “heart” as part of phraseological units from the position of anthropological approach (on the material of English and Russian languages). *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 20 (191–23), 74–78. (In Russ.).

23. Magomedov, S.I. (2009). *Somatism “eye”, “heart”, “head” in objectification of the world picture: on the material of Avar and Arabic languages* [dissertation]. Makhachkala. (In Russ.).
24. Aliyeva, P.G. (2019). Specificity of functioning of ‘heart’ somatism in phraseological systems of different languages. *The world of science, culture and education*, 2(75), 379–380. (In Russ.).
25. Subrakov, A.D. (2021). Phraseological units with the word «heart» in the languages of different systems (on the material of Khakass and Russian languages). *Prepodavatel XXI vek*, 4(2), 344–353. (In Russ.).
26. Bought by N.I. (2006). Semantic structure of the token coeur in the phraseological fund of the French language. In: *Unity of systemic and functional analysis of linguistic units: materials of the international scientific conference*. Vol. 9. Belgorod: Belgorod National Research University Publ. pp. 76–81. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Будильцева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка инженерного факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: budilceva51@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5928-3362

Новикова Наталья Степановна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка инженерного факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: novikova-ns@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-9647-4184

Information about the authors:

Marina B. Budiltseva, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language Academy of Engineering, RUDN University; *e-mail*: budilceva51@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5928-3362

Natalia S. Novikova, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language Academy of Engineering, RUDN University; *e-mail*: novikova-ns@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-9647-4184.

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959

EDN: ISLZAW

UDC 811.411.21:32:791.43

Research article / Научная статья

Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic

Polycode Text of the Series “اختيار 3”

Natalia M. Dugalich , Aurika T. Shavtikova , Okil IzildinRUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russian Federation, 117198 1142220162@rudn.ru

Abstract. According to the classification of speech strategies by O.S. Issers, semantic, lexico-grammatical, and pragmatic indicators act as linguistic indicators of speech strategies. The article is devoted to the analysis of the most significant linguistic and extralinguistic aspects of speech strategies that are used to create the image of the President of Egypt Abdel Fattah Khalil El-Sisi in the movie series “اختيار 3” (The Choice 3). These strategies were considered as part of the analysis of the Arabic polycode text, which is presented as the integrity of verbal and non-verbal components. The material of the study was the communicative acts of the main characters and the video sequence of the analyzed series, in which the authors recreated the revolutionary era of Egypt in 2013. The novelty of the study is an attempt to characterize Arabic political discourse as an independent linguistic phenomenon. As a result of the study, the authors arrive at the conclusion that the creation of the image of a politician requires such semantic indicators of speech strategy as: submission, threat, discrediting; lexico-grammatical indicators: syntactic synonyms of various types, paremia, dialectal forms. The effect of applying these communication strategies, which create the image of the Egyptian president, is enhanced by extralinguistic parameters and symbols studied within the theory of the polycode text. The analysis of the interaction of codes of various genres of the polycode text in the Arabic political discourse is of interest for further research.

Keywords: political discourse, Arabic language, Egyptian dialect, film discourse, speech strategies, image creation strategies

Article history:

Received: 5.02.2023

Accepted: 15.06.2023

For citation:

Dugalich, N.M., Shavtikova, A.T. & Izildin, Okil. (2023). Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series “اختيار 3”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 946–959. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959>

© Dugalich N.M., Shavtikova A.T., Izildin Okil, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Стратегии создания образа политика в арабоязычном поликодовом тексте на примере сериала «اختيار 3»

Н.М. Дугалич , А.Т. Шавтикова , Изилдин Окил

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 1142220162@rudn.ru

Аннотация. Согласно классификации речевых стратегий О.С. Иссерс, в качестве языковых индикаторов речевых стратегий выступают семантические, лексико-грамматические, а также прагматические показатели. Исследование посвящено анализу наиболее значимых лингвистических и экстралингвистических аспектов речевых стратегий, которые используются при создании образа президента Египта Абдель Фаттах Халила Ас-Сиси в киносериале «اختيار 3» («Выбор 3»). Данные стратегии были рассмотрены в рамках анализа арабоязычного поликодового текста, который представляется как целостность вербальных и невербальных компонентов. Материалом исследования послужили коммуникативные акты главных героев и видеоряд анализируемого сериала, в котором авторами воссоздана революционная эпоха Египта 2013 г. Новизной исследования является попытка охарактеризовать арабский политический дискурс как самостоятельное лингвистическое явление. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что для создания образа политика используются такие семантические индикаторы речевой стратегии, как: подчинение, угроза, дискредитация; лексико-грамматические индикаторы: синтаксические синонимы различных типов, паремии, диалектные формы. Усиливают эффект применения данных коммуникативных стратегий, создающих образ египетского президента, экстралингвистические параметры и символы, изучаемые в рамках теории поликодового текста. Анализ взаимодействия кодов различных жанров поликодового текста арабского политического дискурса является перспективным для дальнейших исследований.

Ключевые слова: политический дискурс, поликодовый текст, арабский язык, египетский диалект, кинодискурс, образ политика, речевые стратегии, стратегии создания образа

История статьи:

Дата поступления: 5.02.2023

Дата приема в печать: 15.06.2023

Для цитирования:

Dugalich N.M., Shavtikova A.T., Okil Izildin Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series “اختيار 3” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 946–959. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959>

Introduction

Strategies for creating the image of a politician are the promising area of interdisciplinary research at the intersection of linguistics, political science, marketing, cultural studies and intercultural communication. According to A.A. Komarova, the image of a politician is “a reflection of an emotionally

coloured idea of politicians in the mass consciousness” [1. P. 166]. The image of a politician is formed taking into account the strategies that he and the political party he represents choose and adhere to. However, depending on the linguistic culture, the choice and use of strategies may have peculiarities that reflect social and cultural experience of people. In this article, we consider strategies for creating the image of a politician based on the material of the polycode text of the Egyptian documentary series “اختيار ٣” (The Choice 3). The subject of the study is verbal and non-verbal means of creating the image of the current president of Egypt and the events of 2013 in Egypt¹.

Research Methodology

The material of the study was movie quotes and visuals of the Egyptian series “اختيار ٣”, which was released in 2022. This movie was chosen as the main source for the analysis of strategies for creating the image of a politician in a polycode text, since, in our opinion, the creative team of the series “اختيار ٣” accurately recreated aspects that reflect the political situation in Egypt in 2013. The study is based on the classification of communicative strategies for creating the image of a politician, proposed by O.S. Issers [2], strategies are understood as “specific ways of speech behaviour carried out under the control of global intention” [2. P. 104]. The classification implies the typology of speech strategies depending on the degree of scale of intentions: for example, a conversation with specific goals or a strategy aimed at achieving social goals, for example, maintaining status, exercising power, marking solidarity with the majority, etc. Semantic and lexico-grammatical indicators act as linguistic indicators of speech strategies.

The study of the polycode text was carried out within the tradition that has been developed in Russian linguistics, starting with the work by G.V. Eiger and V.L. Yukht [3] and other Russian linguists [4–11], based on the statement that a polycode text is the integrity of the perception of verbal and non-verbal components, which is predetermined by the cognitive, functional and communicative idea of the author of a particular text [11. P. 303]. The interaction of the verbal and non-verbal components of the polycode text of the film discourse makes it possible for the author’s team of the series to build a certain image of the hero. It is important to note that the tools of the polycode text are implemented in the conditions of the political content of the series.

---

¹ On 3 July 2013, Egyptian Minister of Defense Abdel Fattah El-Sisi announced the overthrow of President Mohamed Morsi and the suspension of the Constitution. Morsi was placed under house arrest, and then was formally taken into custody in connection with charges against him. More than 300 members of the Muslim Brotherhood were arrested in Cairo. In June and July, there were protests against the country’s president; clashes between Morsi’s supporters and his opponents led to dozens of victims. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Military_coup_in_Egypt_\(2013\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Military_coup_in_Egypt_(2013)) (accessed: 23.12.2022).

Multidisciplinary consideration of political discourse is one of the relevant areas of research along with the analysis of other types of institutional discourses [12]: academic discourse [8; 13; 14], media discourse [15–17], journalistic and Internet discourse [18–20], film discourse [21; 22]. Political discourse is the focus of modern linguistics and is analyzed from the point of view of the implementation of speech strategies [23], including verbal and non-verbal means of a polycode text [24–26].

As a matter of fact, political discourse is a special type of discourse that is used primarily to influence the masses of people with a view to achieving and/or maintain power. Political discourse is a means of communication between the politician — politician paradigm and the politician — people paradigm. E.I. Sheigal defines political discourse as “any speech formation, the content of which relates to the sphere of politics” [26. P. 121]. In this study, we rely on the understanding of political discourse as a speech activity aimed at “propagating certain ideas, emotionally influencing speakers of a certain language of a certain country in order to induce political action, develop public consent, make and justify socio-political decisions”, political communication must be effective, since its social significance lies in giving politically correct coordinates to the addressee [27. P. 163–165].

There are works devoted to political discourse in Arabic [25; 28–30], however, most of them that consider political discourse in Arabic carry out the analysis in the comparative paradigm of two or more languages or focus on stylistic, grammatical, pragmatic aspects of political discourse in Arabic. However, there are currently no works that study Arabic political discourse as an independent linguistic phenomenon. The novelty of the study is an attempt to characterize Arabic political discourse as an independent linguistic phenomenon.

Exploring the strategies for creating the image of the Egyptian President Abdel Fattah El-Sisi on the example of the series “اختيار 3”, we pay special attention to the characters that complement some or other scenes. Symbols are materialized, which in the verbal world, according to G.G. Pocheptsov, bears a double charge [31]. Thus, the presidents of countries speak against the background of their flags, each country has its own version of symbolization, which allows it to position itself among strangers. In a film, the author can express many meanings with symbols, since the symbol is collective, and the word, in turn, both collective and individual [31]. However, the symbol expresses a different, symbolic system, which enhances the role of symbolization of the film. Symbols rarely conflict with each other (for example, the wife of the imam of a mosque wearing sexy outfits). The symbols themselves are not part of one reality, the recipient connects the symbols into a single picture, based on his or her experience. Symbol in cinema is in context; the example can be the contextuality of Russian movies of the Stalin era: field surgery — Pirogov, radio — Popov, Pavlov — physiology. In the Arabic film discourse, examples of a symbol as a contextual phenomenon can be: the formation of intelligence agencies — Mohsen Mumtaz, the fight against apartheid — Palestinian people, Las Vegas of the Middle East — Beirut. Visual symbols, compared with verbal ones, are more durable

and universal [31]. Visual symbolism also provides a multi-channel impact, which a politician strives for. Messages sent through several channels should correlate with each other: if an Arab politician is a member of a party whose ideology is based on Sharia law (i.e., a set of Muslim rules governing all aspects of society), his public lifestyle must be appropriate (for example, he must perform Friday prayers in the mosque together with people of different strata of the population, or he must not consume food and drinks prohibited by Islam, etc.).

Research results

Before proceeding to the presentation of the results of the study and their discussion, it is necessary to justify the choice of the Egyptian series “اختيار ٣” as the main source of material for the polycode text. The release of the Egyptian series “اختيار ٣” took place in 2022. The storyline of the series focuses on street protests and riots, and also highlights the removal of former Egyptian President Mohamed Morsi. The series attracts much attention because it reveals hidden camera recordings of personal conversations between Morsi and religious and political figures who contributed to the course of events in Egypt in 2013. This film was chosen as the main source for the analysis of strategies for creating the image of a politician in a polycode text, since the directors, producers and screenwriters of the series “اختيار ٣” recreated many aspects that in one way or another reflect the spirit of revolutionary Egypt in 2013.

Semantic indicators of the speech strategy are the context of **submission** (persuasion, requests, convincement). The line of difference here lies in the peculiarities of the communicants’ interaction, in the case of violence against the will of the addressee. An example of such a strategy can be an episode from the series “اختيار ٣”, where Abdel Fattah El-Sisi, in his speech to demonstrators and protesters, angry with the policies of President Mohamed Morsi and the Muslim Brotherhood, used hyperbole to instill confidence in the future of Egypt to all who came out to the streets:

انا عاوز اقلكم ما تقلقوش ابدا على بلدكم مصر، المصريين لما ارادو التغيير، غيرو الدنيا كلها. الجيش المصري لما نزل، نزل حماكم وقعد ١٨ شهر ما مدينا ايدينا على حد، احنا ايدينا تقطع قبل ما تمسكو.
 ‘I want to say, never worry about your country, about Egypt. If the Egyptians want to change the world, they will. The Egyptian army, when it came out, protected you [the demonstrators] for 18 months, we [the army] did not harm any of you. Throw a stone at me if it’s not true (*literally* ‘cut our hands before they touch you’).².

As communication means we observe an appeal:

- to feelings, attitudes (‘never worry about your country’);
- to the qualities of a partner (‘If the Egyptians want to change the world, they will’);

² The translation is performed by the authors.

- to reason (الجيش المصري لما نزل ما مدينا ايدنا على حد 'we [the army] did not harm any of you');
- authority (Throw a stone at me if it's not true').

الجيش المصري نار لا تلعبو بيه ولا تلعبو معاه، لو اتدخل الجيش المصري، خلاص، خلاص، اللي شايفينو قد كده، قد كده من الجيش.

'The Egyptian army is fire, don't play with it, don't play with it. If the Egyptian army intervenes, then everything will be over, over. What you see now in the streets [of the army] is the tip of the iceberg of the Egyptian army'.

Abdel Fattah El-Sisi turns to **threats**, comparing the Egyptian army to fire:

الجيش المصري نار لا تلعبو بيه 'Egyptian army is fire don't play with it'

with a view to emphasizing the size and power of the Egyptian army and calling on the parties for an early political solution without resorting to the use of force.

Another semantic indicator of speech is the context of **discrediting**. For example, Abdel Fattah El-Sisi uses irony in his speech against former President Mohamed Morsi and the Muslim Brotherhood for not trying to understand the causes of popular unrest, but only threatening protesters with violent crackdowns. El-Sisi says:

اللي بيحكم البلد مش عرفين يعني ايه بلد.

'Those who run the country do not know what a country is'.

Discrediting is expressed in the form of:

- insults and mockery (اللي بيحكم البلد مش عرفين يعني ايه بلد 'those who run the country do not know what a country is');
- accusations (مش عرفين يعني ايه بلد 'do not know what a country is').

Abdel Fattah El-Sisi says: (4)

احنا لازم نتكلم مع الناس وننهى حالة الفوضى دي قبل ما غيرنا ما يتكلم معاهم ويستغل اللي بيحصل ده لأسباب سياسية. قولو للناس الحقيقة، قولو للناس الكلام ده، اتكلمو مع الناس.

'We [army commanders] need to talk to people and put an end to this chaos before anyone else talks to them and takes advantage of the current events for their own political purposes. Tell people the truth, tell them the way it is, talk to people'.

In this statement, we observe that semantic indicators are presented in the form of:

- semantic clichés ('tell people', 'we need to talk to people', 'talk to people', 'take advantage of the current events for their own political purposes');
- knowledge about the world (ويستغل اللي بيحصل ده لأسباب سياسية 'take advantage of the current events for their own political purposes');
- implicit components of a statement ('tell them the way it is').

At the level of vocabulary, we observe:

- stylistic parameters of words ('we need to ... put an end to this chaos before anyone else talks to them' — 'chaos' — high language);
- lexical indicators of conversational maximalism (expressiveness, excessiveness) ('tell people the truth, tell them the way it is, talk to people');

- repeats (‘let’s talk’, ‘tell’, ‘speak’, ‘اتكلمو’, ‘قولو’, ‘نتكلم’);
- particles (‘these’, ‘these words’, ‘ده’).

We frequently observe the use syntactic synonyms as *lexico-grammatical indicators* in El-Sisi’s monologues. Thus, the president says:

والخسائر حتكون أكبر بكثير من اللي حصل بعد أزمة 2011 . حتستمر سنين طويلة . الناس مش عارفة ان اللي بتطلبه ده أكبر من قدرة البلد، أكبر من تحملهم هم ونتيجته. حتكون عدم استقرار وارهاب وخسائر في الارواح أكثر من كل مرة. كل حاجة في البلد. حتتلخبط أكثر. لا حيبقى فيه سياحة ولا غيره . الدنيا حتخرب . واللي بيحكمو البلد. مش عارفين يعني ايه بلد. ولا عارفين ازاى يحلو مشاكلها . مهو اصله ما ينفعش نجرب في. بلد ظروفها صعبة اصلا . وانا بين خيارين . الأولاني إني أسكت. وده معناه حرب أهلية. البلد مش هتنجو منها.

‘And the losses will be much greater than those after the 2011 crisis. The crisis will be protracted. People do not know that what they are asking for exceeds the country’s capabilities, exceeds what they can bear. As a result, we will get instability, terrorism and a large number of human casualties. There will be chaos. There will be no tourism. The world will be destroyed. Those who run the country do not know anything about it. Everyone is confused. How to do it all. The country is in trouble. I am between two fires. If I keep silent there will be a civil war, and the country will not cope with it’.

Lexico-grammatical indicators appear in the form of:

- paroemiae (‘I am between two fires’, ‘وانا بين خيارين’);
- syntactic synonyms (‘instability, terrorism and a large number of human casualties’, ‘عدم استقرار وارهاب وخسائر في الارواح أكثر’);
- syntactic synonyms with additional connotations (‘the world will be destroyed’, ‘الدنيا حتخرب’, ‘the country is in trouble’, ‘بلد ظروفها صعبة اصلا’, ‘the country will not cope with it’).

In this monologue, El-Sisi emphasizes many times in different sentences that the country is in a deplorable state (عدم استقرار وارهاب وخسائر في الارواح أكثر من كل مرة) ‘instability, terrorism and a large number of human casualties’, ‘الدنيا حتخرب’, ‘everyone is confused’, ‘the world will be destroyed’, ‘ولا عارفين ازاى يحلو مشاكلها’, ‘the country is in trouble’, ‘بلد ظروفها صعبة اصلا’).

It should be noted that politician El-Sisi speaks the Egyptian dialect of the Arabic language (not the literary language) which is also an element of strategies and a lexico-grammatical indicator of the politician’s speech strategy:

خلينا نحاول، وانا بكلم بسيادة الرئيس نهردا. خلينا نحاول تاني.

‘Let’s try, I’ll talk to Mr. President today. Let’s try’.

In Arabic linguistic culture, it is generally accepted that a person who speaks literary Arabic (Fusha) belongs to an educated and privileged class, in contrast to a person who speaks a dialect. We believe that the authors of the movie series “اختيار ٣” intentionally chose the dialectal form of the Arabic language in order to emphasize that President El-Sisi is close to people, he understands what the country and the Egyptians need in a difficult time for them.

The analyzed semantic and lexico-grammatical indicators of speech strategies in combination with the visual range within the polycode text of the series allow us to build the image of a politician.

It is important to analyze El-Sisi's monologue in front of his mother as an example of a polycode text, the focus of which is the image of a politician (Fig. 1).

Fig. 1. El-Sisi talks to his mother
Source: A frame from the movie series “اختيار ٣”.

Abdel Fattah El-Sisi appears before the viewer in uniform, symbolizing the strength and officiality of the situation, but in front of his mother, he bows his head, kisses her hand, puts his mother's hand on his forehead (a gesture of great respect for an elderly mother in the Arab-Muslim culture). In many scenes of the series “اختيار ٣”, before making important decisions, El-Sisi comes to his mother, who silently listens to him and almost never advises anything. The public expression of respect for the mother of a high-level politician, building their communication on the contrast (the politician's monologue is opposed to the mother's silence, the politician's military uniform is opposed to the mother's hijab, the energy of the mature politician is opposed to the venerable age of the woman) are characteristic strategies for creating an image of a politician for the polycode text of Arabic political discourse.

The representation in the series of two Egyptian politicians Abdel Fattah El-Sisi and Mohamed Morsi is also based on the contrast, which we will consider in the following two examples (Fig. 2, 3):

In Figure 2, Egyptian Army Chief El-Sisi addresses President Mohamed Morsi and urges him to put an end to the problem of demonstrations, stop fighting and violence in Egyptian streets, and find a common formula for cooperation between all political forces and parties.

In Figure 3, Abdul Fattah El-Sisi is shown in dynamics: he is talking on the phone and watching television, which during the events of 2013 in Egypt was the main source of operational information, since social networks and mobile communications did not work at the time of popular unrest.

Fig. 2. Morsi receives El-Sisi in his office
Source: A frame from the movie series „اختيار ٣“

Fig. 3. El-Sisi in his office
Source: A frame from the movie series „اختيار ٣“

Additional elements to the image of an active politician are objects on the table of El-Sisi, in contrast to the empty table of former President Mohamed Morsi.

We observe the opposition of El-Sisi and Mohamed Morsi in a number of symbols. So, in El-Sisi's office behind him we see an ayat (line) from the Koran, which testifies to the religiosity of the politician (Fig. 3). However, on the wall in the office behind the back of the former president of Egypt, who represents the international religious and political association Muslim Brotherhood, there are no symbols of a religious or political level (Fig. 2).

On the left in the photo, behind El-Sisi, there are two flags: the first is the flag of the Egyptian Air Force and the second moisture is the flag of the land forces of Egypt. Placing the flags of the most important units of the Egyptian army behind El-Sisi indicates the full support of the army for El-Sisi and his decisions.

Conclusion

The linguistic and visual examples, derived from the Egyptian movie series “اختيار 3” (“The Choice 3”), allow us to conclude that the creation of the image of a politician in the political text of the Arabic political discourse is characterized by such semantic indicators of speech strategy as: submission, threat and discrediting. At the lexico-grammatical level there are syntactic synonyms of various types used to create the image of a politician; we also observe the presence and the use of paroemiae and dialect forms.

The visual level is built with the use of contrast and a number of symbols characteristic of the Arabic-speaking world, the decoding of which allows us to fully appreciate the scale of the politician’s personality.

We see the prospect for further research in a more detailed analysis of the interaction of codes of various genres of the polycode text in the Arabic political discourse.

References

1. Komarova, A.A. (2021). The Image of an Ideal Politician in the Minds of Russian Youth. *Vestnik Universiteta*, 6, 166–171. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-166-171> (In Russ.).
2. Issers, O.S. (2008). *Communicative Strategie and Tactics in Russian Speech*. Moscow. (In Russ.).
3. Eiger, G.V. & Yukht, V.L. (1974). The Construction of a Typology of Texts. In: *Text Linguistics: Proceedings of the Scientific Conference at Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez*. Moscow. pp. 103–109. (In Russ.).
4. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In: *Speech Effect Optimization*. Moscow: Nauka Publ. pp. 180–186. (In Russ.).
5. Maksimenko, O.I. (2012). Polycode vs. Creolized Text: Terminology Problems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 93–102. (In Russ.).
6. Kolesnikova, O.D. (2018). Creolized or Polycode Texts of Television News: Correlation of Concepts. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 2(69), 545–548. (In Russ.).
7. Evgrafova, Yu.A. & Maksimenko, O.I. (2018). Simulacrum in Static-Dynamic Scope of the Screen (a Case Study of Polycode-multimodal Texts of the Internet). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 831–841. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-831-841>
8. Popova, T.I. & Kolesova, D.V. (2020). Polycode vs Verbal Text in Academic Lecture Discourse. *Society. Communication. Education*, 11(3), 78–87. <http://doi.org/10.18721/JHSS.11306> (In Russ.).
9. Novospasskaya, N.V. & Zou, H. (2021). The Formation of Polycode Text Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 501–513. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
10. Ratsiburskaya, L.V. & Zhdanova, E.A. (2021). The Specificity of Russian Media Neoderivatives Reflecting Social Realia. *Russian Language Studies*, 19(4), 466–480. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
11. Novospasskaya, N.V. & Dugalich, N.M. (2022). Terminological System of the Polycode Text Theory. *Russian Language Studies*, 20(3), 298–311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
12. Karasik, V.I. (2000). On types of discourse. In: *Linguistic Personality: Institutional and Personal discourse*. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).

13. Alhaded, H.H., Glushchenko, T.N. & Alhadid, H. (2022). Evaluative Language in Arabic Academic Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 68–79. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-68-79>
14. Alhaded, H.H., Shavtikova, A. & Savalkha O.N.M. (2022). Methodology of Analysis of Directive Speech Acts in English and Arabic Academic Discourse. *Litera*, 8, 24–32. <http://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.8.38567> (In Russ.).
15. Talbot, M. (2007). *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
16. Kozhemyakin, E.A. (2010). Mass communication and media discourse: towards methodology. *Issues In Journalism, Education, Linguistics*, 6 (12(83)), 13–21. (In Russ.).
17. Bakich (Samylicheva), N.A. (2018). The Transformation of Precedent Phenomena in a Media Text as a Manifestation of Verbal Creativity. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 5, 185–190. (In Russ.).
18. Dubinina, N.V. (2011). The Problems of Origin and Progress of Female Prose in the Countries of Maghrib (Algeria, Tunisia and Morocco). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (1), 59–63. (In Russ.).
19. Karasik, V.I. (2018). Creatives in Network Discourse. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 29–44. <http://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-5-29-44> (In Russ.).
20. Guseynova, L.D., Dugalich, N.M., Lomakina, O.V., Neliubova, N.Y. & Ebzeeva, Y.N. (2022). The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics And Semantics*, 13(4), 1020–1043. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043> (In Russ.).
21. Zykova, I.V. (2019). Language Play in Construal of Poetics of Comedy Film Discourse. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 19, 205–215. (In Russ.).
22. Demina, O.V. (2021). Linguistic and Stylistic Means of Satire Construction in the Animated Series. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1124–1146. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1124-1146>
23. Chudinov, A.P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
24. Binshtein, M.M. & Samylicheva, N.A. (2022). Peculiarities of the Conceptosphere “Childhood” Verbalization in Political Discourse (on the Material of Political Telegram Channels). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4, 168–174. http://doi.org/10.52452/19931778_2022_4_168 (In Russ.).
25. Dugalich, N.M. (2020). Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 479–495. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495>
26. Sheigal, E.I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
27. Dugalich, N.M. (2018). Political Cartoon as a Genre of Political Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 158–172. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172>
28. Al-Sowaidi, B., Banda, F. & Mansour, A. (2017). Doing Politics in the Recent Arab Uprisings: towards a Political Discourse Analysis of the Arab Spring Slogans. *Journal of Asian and African Studies*, 52(5), 621–645.
29. Falih, M. (2019). Features of Diplomatic Discourse in the Arabic and Russian Languages (Linguistic and Cultural Aspects). *Izvestia VGPU*, 3, 112–117. (In Russ.).
30. Tyureva, L.S. (2022). The Problem of Translating the Realities of the Socio-Political Discourse of the Arabic Language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(865), 90–97. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_10_865_90 (In Russ.).
31. Pocheptsov, G.G. (2012). Newsroom “TV Series as Example of “Prompting” Reality Modeling by Social Communications. *Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*, 17, 235–238. (In Russ.).

Библиографический список

1. Комарова А.А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи // Вестник ГУУ. 2021. № 6. С. 166–171. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-166-171>
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008.
3. Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы научной конференции в МГПИИЯ имени М. Тореца. М., 1974. С. 103–109.
4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 178–187.
5. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст : проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
6. Колесникова О.Д. Креолизованные или поликодовые тексты телевизионных новостей: к соотношению понятий // МНКО. 2018. № 2(69). С. 545–548.
7. Evgrafova Yu.A., Maksimenko O.I. Simulacrum in Static-Dynamic Scope of the Screen (a Case Study of Polycode-multimodal Texts of the Internet) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 4. С. 831–841. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-831-841>
8. Попова Т.И., Колесова Д.В. Поликодовый vs. вербальный текст в академическом лекционном дискурсе // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–87. <http://doi.org/10.18721/JHSS.11306>
9. Novospasskaya N.V., Zou H. The Formation of Polycode Text Theory // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 501–513. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
10. Рацибурская Л.В., Жданова Е.А. Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 466–480. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
11. Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. № 3. С. 298–311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
12. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
13. Alhaded N.H., Glushchenko T.N., Alhadid H. Evaluative Language in Arabic Academic Discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Т. 13. № 1. С. 68–79. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-68-79>
14. Алхадед Х.Х., Шавтикова А.Т., Савалха О.Н. Методика анализа директивных речевых актов в английском и арабском академическом дискурсе // Litera. 2022. № 8. С. 24–32. <http://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.8.38567>
15. Talbot M. Media discourse: Representation and interaction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
16. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 6. № 12(83). С. 13–21.
17. Бакич (Самыличева) Н.А. Трансформация прецедентных феноменов в медийном тексте как проявление речевой креативности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 185–190.
18. Дубинина Н.В. Современная женская проза стран Магриба (Алжир, Тунис, Марокко) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 1. С. 59–63.
19. Карасик В.И. Креативы в сетевом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–44. <http://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-5-29-44> (In Russ.).

20. Гусейнова Л.Д., Дугалич Н.М., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Эбзеева Ю.Н. Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1020–1043. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043>
21. Зыкова И.В. Языковая игра в конструировании поэтики комедийного кинодискурса // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. Т. 19. С. 205–215.
22. Demina O.V. Linguistic and Stylistic Means of Satire Construction in the Animated Series // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1124–1146. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1124-1146>
23. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2006.
24. Бинштейн М.М., Самыличева Н.А. Особенности вербализации концептосферы «детство» в политическом дискурсе (на материале политических Telegram-каналов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 168–174. http://doi.org/10.52452/19931778_2022_4_168
25. Dugalich N.M. Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 3. С. 479–495. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495>
26. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
27. Dugalich N.M. Political Cartoon as a Genre of Political Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 158–172. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172>
28. Al-Sowaidi B., Banda F., Mansour A. Doing politics in the recent Arab uprisings: towards a political discourse analysis of the Arab Spring slogans // Journal of Asian and African Studies. 2017. Т. 52. № 5. С. 621–645.
29. Фалих М. Особенности дипломатического дискурса на арабском и русском языках (лингвокультурологические аспекты) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 3. С. 112–117.
30. Тюрева Л.С. Проблема перевода реалий общественно-политического дискурса арабского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 10(865). С. 90–97. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_10_865_90
31. Почепцов Г.Г. Телесериал «Newsroom» как пример «подталкивающего» моделирования действительности социальными коммуникациями // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 235–238.

Information about the authors:

Natalia M. Dugalich, PhD in Philology, Associate Professor at the Foreign languages department, Faculty of Philology; Head of Foreign languages department, Institute of Medicine, RUDN University; *Research interests*: polycode text, political cartoon, discourse studies of the Arabic language; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1863-2754>, Researcher ID K-8404-2017; Scopus Author ID: 57194526936

Aurika T. Shavtikova, PhD student at the Foreign languages department, Faculty of Philology; Assistant at Foreign languages department, Institute of Medicine, RUDN University; *Research interests*: polycode text, discourse studies of the Arabic and English language; *e-mail*: 1142220162@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9672-852X>; Researcher ID AEJ-0454-2022

Okil Izildin, PhD student at the Foreign languages department, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: discourse studies of the Arabic, French and Russian language, political discourse; *e-mail*: 1042215279@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2900-7698>

Сведения об авторах:

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, заведующий кафедрой иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов; *научные интересы*: поликодовый текст, политическая карикатура, дискурсивные исследования арабского языка; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1863-2754>, Researcher ID K-8404-2017; Scopus Author ID: 57194526936

Шавтикова Аурика Тхазреталиевна, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, ассистент кафедры иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов; поликодовый текст, дискурсивные исследования арабского и английского языков; *e-mail*: 1142220162@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9672-852X>; Researcher ID AEJ-0454-2022

Изилдин Окил, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; дискурсивные исследования арабского, русского и французского языков, политический дискурс; *e-mail*: 1042215279@rudn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2900-7698>

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-960-975

EDN: IVLUNG

UDC [811.161.1:811.581]'37'366.5'255.2

Research article / научная статья

Lexico-Semantic Group of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese: based on the Translation of F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"

Li Xiuyu , Evgeny S. Rybinok

¹RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str, Moscow, Russian Federation, 117198
 lixuyu0525@yandex.ru

Abstract. This study is devoted to the analysis of lexico-semantic group of verbs, which express attitude to someone in Russian and the ways of their translation into Chinese. A group of emotional and evaluative verbs included in the lexico-semantic field of interpersonal relations is analyzed. The choice of the study material is determined by the fact that this group of verbs is one of the most frequent in the use and widely represented in the novel "Crime and punishment" by F.M. Dostoyevsky, occurring 561 times. The significance of this research lies in the absence of a special systematic study of this lexico-semantic group on the material of literature in Russian and Chinese languages, as well as in the need to develop a comprehensive research methodology, methods of comparative and contextual analyses. The study reveals the semantic features of verbs in the Russian and Chinese languages. It is established that the lexico-semantic group under study consists of verbs that are perceived as categorical-lexical semes "relation" and can have both positive and negative semantic meaning. The semes 'positive attitude', 'love', 'faith', 'respect', 'compassion', 'pity' and 'negative attitude', 'suffering', 'doubt', 'fear' are subjected to study. These features determine the structure of the group in question in the lexical and semantic system of the Russian and Chinese languages, are expanding the understanding of the content and structure of the group of verbs. The result of the study is that the analysis of interlingual gaps reveals the presence of incomplete lexical correspondence to a foreign language word. The analyzed linguistic material made it possible to identify similarities and differences in the semantics of verbs when translating the text of the novel into Chinese.

Keywords: emotional and evaluative relationships, equivalents

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.14.2023

© Li Xiuyu, Rybinok Ev.S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Li, Xiuyu & Rybinok, Ev.S. (2023). Lexico-Semantic Group of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese: based on the Translation of F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 960–975. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-960-975>

**Лексико-семантическая группа глаголов
межличностных отношений в русском и китайском языках:
на материале перевода романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание»**

Ли Сююй , Е.С. Рыбинок

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 lixuyu0525@yandex.ru

Аннотация. Актуальность работы заключается в отсутствии специального систематического исследования лексико-семантической группы глаголов, выражающих отношение к кому-либо в русском языке, и способам их перевода на китайский язык, на материале художественной литературы в русском и китайском языках, а также связана с необходимостью разработки комплексной методики исследования, приемов сопоставительного, контекстного анализа. Анализу подвергается группа эмоционально-оценочных глаголов, входящих в лексико-семантическое поле межличностных отношений. Выбор материала исследования определяется тем, что эта группа глаголов является одной из самых частотных в употреблении и широко представленных в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (встречаются 561 раз). Выявлены семантические особенности глаголов в русском и китайском языках. Установлено, что исследуемую лексико-семантическую группу составляют глаголы, которые воспринимаются как категориально-лексические семы «отношение» и могут иметь как положительное, так и отрицательное семантическое значение. Исследованию подвергаются семы 'позитивное отношение', 'любовь', 'вера', 'уважение', 'сострадание', 'жалость' и 'негативное отношение', 'страдание', 'сомнение', 'боязнь'. Эти признаки определяют структуру рассматриваемой группы в лексико-семантической системе русского и китайского языков, расширяя представления о содержании и структуре группы рассматриваемых глаголов. Результат исследования заключается в том, что при анализе межъязыковых лагун выявляется наличие неполного лексического соответствия иноязычному слову. Проанализированный языковой материал позволил выявить сходства и различия в семантике глаголов при переводе текста романа на китайский язык.

Ключевые слова: эмоционально-оценочные отношения, эквиваленты

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Li Xiuyu, Rybinok Ev.S. Lexico-Semantic Group of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese: based on the Translation of F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 960–975. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-960-975>

Introduction

Modern linguistics proceeds from the position that language is an organized system in a proper way, i.e., a whole organic, the elements of which are naturally connected with each other and are in relationships [1. P. 411].

The vocabulary of any language in the world is also a system. The concept of “lexical semantic system”, was introduced into linguistic usage by academic V.V. Vinogradov. He wrote that “The boundaries of a word as a complex, and at the same time, as a complete linguistic unit, combining some forms, meanings and uses, can be determined only in the context of the lexical semantic system of the language, and only in relation to it” [2. P. 162]. F. de Saussure defined language as a system in which “everything is interconnected, interdependent and mutually conditioned”. According to Ju.D. Apresjan, vocabulary is a system, since its elements are not only connected with each other at different levels of language, but can also be transformed into each other [3. P. 118].

The lexico-semantic group (hereinafter referred to as LSG) is considered as one of the most important ways to systematize the lexical composition of a language. LSG is a set of linguistic units belonging to one part of speech, united by a common meaning and consisting of a common categorical-lexical seme and some other differential semes. According to the definition of E.V. Kuznetsova, “LSG can be represented as classes of words characterized by similarity of combinability, it is widely represented in the development of functional equivalence and speech polysemy”. I.P. Slesareva states that “the LSG is understood as a linguistic and psychological reality, a fundamentally distinguishable association of words, whose members have the same grammatical status and are characterized by homogeneity of semantic relations — relations of semantic proximity by synonymous type” [4. P. 35].

In the opinion of the Chinese researcher Wu Zhe, LSG includes the following semantic relationships of words: synonymy, antonymy, polysemy, hyponymy, etc. [5. P. 34]. In 1984 the Chinese researcher Ma Weiqun presents in his work the relations between the conceptual field, the semantic field, the lexico-semantic group and synonymic series, stating that the LSG most fully reflects the various relations between the meanings of words [6. P. 44].

LSG is fairly regarded as one of the main ways of description in teaching Russian or Chinese as a foreign language [7. P. 79]. Thus, the study of LSG is the most common representation of vocabulary as a system.

The intensification of intercultural, political and economic relations between Russia and China has led to the fact that the comparative study of the two languages, including in the field of semantics and linguoculturology, became even more necessary.

In the system of Russian vocabulary, the verb, according to the definition of N.Y. Shvedova, takes a central place and plays a “dominant role” [8. P. 409]. V.V. Vinogradov points out fairly that the verb is the most semantically capacious

category of the Russian language. This statement is shared by many scientists in the field of Russian and Chinese linguistics, claiming that the verb occupies a key place in the semantic structure and governs other semantic components.

The study of the semantic aspect of the functioning of the verbs of interpersonal relations in interlingual studies is important for the theory and practice of language research. Interpersonal relationships are understood as a set of various (positive, negative and neutral) interactions between people in the process of their communication. At all times, interpersonal relationships have been an important part of people's lives, they are what provide us with the emotions and experiences necessary for the harmonious development of personality, motivation, and simply a feeling of satisfaction with life. It is verbs that do not denote separate phenomena, but phenomena-situations, phenomena-relations, actions-relations [9. P. 111]. According to L.G. Babenko, verbs are divided into three main groups: 1) action and activity; 2) being, state, quality; 3) relation. Verbs of relation are represented by four subgroups: verbs of interaction, verbs of possession, verbs of interpersonal relationships, verbs of social relationships. In this article the material we have chosen to study also stems from L.G. Babenko's classification of verbs of interpersonal relationships. For example: *любить* 'love', *влюбляться* 'fall in love', *ненавидеть* 'hate', *плакать* 'cry', *аплодировать* 'applaud', *смеяться* 'laugh', *хохотать* 'guffaw', *игнорировать* 'ignore', etc.

In the opinion of R.M. Gaisina, verbs that are united on the basis of the common semantic component 'interpersonal relationships' are a set of words of several lexico-semantic groups, including verbs of behavior, verbs of feeling, verbs of speech, verbs of sound, etc. [10. P. 104]. L.M. Vasiliev points out that emotional verbs that express interpersonal relationships intersect with other kinds of verbs, sometimes with verbs of emotional experience and states, sometimes with verbs of speech and behavior, and with verbs of intellectual activity [11. P. 108].

M.V. Rumyantseva believes that groups of verbs of interpersonal relationships are perceived as categorical-lexical semes "relation", which denote that mutual communication, connection between someone, formed on some ground [12. P. 8]. The study of T.P. Akimova analyzes verbs of interpersonal relationships as "anthropocentric units", in that these verbs verbally formalize relations between people [13. P. 12]. The idea of studying the lexico-semantic space of language in the aspect of anthropocentric paradigm is now widely recognized.

The following terminological designations are accepted in this article: the verbal semantic class is relation, the subclass is interpersonal relationships, the lexico-semantic group is the expression of interpersonal relationships with the allocation of lexico-semantic subgroups.

Let us take a more detailed look at the analyzed group of verbs.

1. Verbs expressing positive attitude show that one or another subject has positive feelings (benevolence, trust, respect, esteem, etc.), someone is attracted by peculiarity of the object or something in the life. Hence such

verbs as *баловать* ‘spoil’, *доверять* ‘trust’, *дорожить* ‘value’, *жалеть* ‘pity’, *заботиться* ‘take care of’, *любить* ‘love’, *обожать* ‘adore’, etc., many of which are synonymous.

2. Verbs expressing negative evaluative attitude show that the subject has some negative feelings, i.e. treats someone with dislike, hatred (e.g. the verb *враждовать* ‘be at enmity with’), with disdain (e.g. the verb *дискриминировать* ‘discriminate against’), with dislike, irritation (e.g. the verb *ненавидеть* ‘hate’), etc.

In the present study, by the method of continuous sampling, 561 examples of the use of the LSG of verbs of interpersonal relationships of the emotional and evaluative sign with the typical semantics ‘to treat someone in some way, showing some feelings’ were identified. Based on these examples, 65 lexical units were analyzed.

Structure of verbs of interpersonal relationships in Russian

Many linguists consider semantics to be the main scientific discipline of the XX century: as L.A. Novikov mentions that the germs of the future science of meaning are clearly emerging, which should be characterized by further enlargement and comprehensive coverage of the object (the research of systems of interacting in semantic fields, text categories, word formation in a sentence), the disclosure of mechanisms of the meanings realization of units in different categories and peripheral meanings of words in different structures. The future science is also researching the nature and functions of aesthetic signs i.e. “language as art” and many others [1. P. 14].

In modern linguistic research, the concept of semantic structure iFFs usually largely used in lexicology, where it is seen as a unity of certain organized meanings.

One of the possible ways to describe the semantic structure of linguistic units is their direct semantic analysis. It allows to simultaneously show both the methodology of studying the lexical meaning and its “structure” [1. P. 483]. The main concepts connected with the semantic analysis of language are the text, the researcher and the system of language. A text in the wide sense of the word is understood to be a speech recorded in a certain way — literary output [1. P. 484]. The text of the novel “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky and its translation into Chinese by Zeng Siyi and Yue Lin are taken as the material for the study, where our attention is drawn to the theme and motives associated with the emotional state of the characters: love, truth, faith, respect, compassion.

The meaning of verbs of interpersonal relationships can be represented as a set of semantic components. As an example, the categorical-lexical semes ‘attitude’, ‘speech’, ‘feeling’, ‘state’, ‘emotion’ and others are considered. The semes, which are in certain relations and hierarchical relations, form the semantic structure of the word. It is realized with the help of differential semes.

The meaning of the words *любить* ‘love’ (138 examples), *уважать* ‘respect’ (19 examples), *читать* ‘honour’ (2 examples), *презирать* ‘despise’ (9 examples), *ненавидеть* ‘hate’ (14 examples), etc. present the categorical semes ‘attitude’ and ‘feeling’. At the same time, it should be emphasized that the verb *любить* ‘love’ occurs 138 times in the novel. For example:

«Я ее больше всех люблю! — с какой-то особенною твердостью проговорила Поленька, и улыбка ее стала вдруг серьезнее» [14. P. 348] ‘I love her more than anyone, Polenka answered with a peculiar earnestness, and her smile became graver’ [15. P. 157].

«Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...» [14. P. 612] ‘He bade us honour and love them, they are the humanity of the future...’ [15. P. 277].

The verb *ненавидеть* ‘hate’ (14 times), although widely represented in its different word forms, occurs 9 times less frequently than its antonym *любить* ‘love’ (138 times). For example:

«У ней жила дальняя родственница, ... которую эта Ресслих беспредельно ненавидела и каждым куском попрекала; даже бесчеловечно была» [14. P. 553] ‘She had a relation, a niece, ... Resslerich hated this girl, and grudged her every crust; she used to beat her mercilessly’ [15. P. 249].

The lexical units *уважать* ‘respect’ (19 examples), *почитать* ‘honour’ (8 examples), *читать* ‘honour’ (2 examples), *поклоняться* ‘worship’ (4 examples), *благоговеть* ‘revere’ (2 examples), and *благоволить* ‘favor’ (1 example), meaning to treat someone with esteem, deep respect, are also often found in the novel. For example:

«Однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казенных на пьедестал и им поклоняется (более или менее)» [14. P. 483] ‘But the same masses set these criminals on a pedestal in the next generation and worship them (more or less)’ [15. P. 219].

«Это хорошо; я думала, вы перед ним благоговееете, — заметила Авдотья Романовна с улыбкой» [14. P. 397] ‘I am glad. I thought that you were too uncritically devoted to him, observed Avdotya Romanovna with a smile’ [15. P. 180].

The analysis of the verbs of interpersonal relationships revealed in the text of the novel exposed that the lexeme *верить* ‘believe’ (to treat someone with full confidence, to rely on someone, to be confident in someone’s sincerity, conscientiousness) is one of the most used words in the novel “Crime and Punishment”, which is indicated by the number of their use (114 times). The lexeme *верить* ‘believe’ carries the semantics ‘trust’. For example:

«Никому-то из вас я не верю!» [14. P. 311] ‘I don’t believe in anyone of you!’ [15. P. 139].

«**Верите** вы мне? Ну, **верите** вы мне или нет?» [14. P. 369] ‘Do you **trust** me? Come, do you **trust** me or not?’ [15. P. 166].

A special place is given to a discussion of faith. The author shows that each person takes his or her own path to faith in a different way. In addition to the lexeme *верить* ‘believe’, the lexemes *доверять* ‘trust’ (6 examples), *ручаться/поручиться* ‘vouch’ (5 examples), *полагаться/положиться* ‘rely’ (2 examples) are often found in the novel. For example:

«Видите, как я вам **доверяю**, Аркадий Иванович, – право, так и выразилась» [14. P. 528] ‘You see how I **trust** you, Arkady Ivanovitch — that was actually her expression’ [15. P. 238].

«На него можно **положиться**, уверяю вас» [14. P. 375] ‘We can **depend** on him, I assure you’ [15. P. 169].

The meaning of the words *осуждать* ‘condemn’ (10 examples), *оскорблять* ‘insult’ (8 examples) and *насмехаться* ‘mock’ (2 examples) combines the categorical semantics: ‘attitude’, ‘feeling’ and ‘speech’. The verbs *насмехаться* ‘mock’ and *оскорблять* ‘insult’ contain the semantics ‘showing a negative attitude towards another person’. For example:

«И справедливо, ибо в нищете я первый сам готов **оскорблять** себя» [14. P. 22] ‘And quite right, too, forasmuch as in beggary I am ready to be the first to **humiliate** myself’ [15. P. 12].

«Я вовсе не **насмехаюсь**; мне только говорить этим языком надое-ло» [14. P. 922] ‘I am far from **jeering**; it’s simply that I’m sick of talking like this’ [15. P. 406].

The presented verb lexeme *жалеть* ‘pity’, used 21 times in the novel, means that the subject feel sympathy with someone in a difficult situation, and the lexeme *сочувствовать* ‘sympathize’ means: to feel sorry for someone. Quite often in the novel there are units *щадить* ‘spare’, *поощрять* ‘encourage’, *одобрять* ‘approve’. For example:

«– **Жалеть!** Зачем меня **жалеть!** – вдруг возопил Мармеладов» [14. P. 40] ‘To be **pitied!** Why am I to be **pitied?** Marmeladov suddenly declaimed’ [15. P. 19].

«Ну-с, так вот мое мнение: господину, отхлеставшему немку, глубоко не **сочувствую**, потому что и в самом деле оно... что же **сочувствовать!**» [14. P. 524] ‘Well, as for the gentleman who thrashed the German, I **feel** no **sympathy** with him, because after all what need is there for **sympathy?**’ [15. P. 236].

The lexical unit *дорожить* ‘value’ (6 examples), expressing the meaning ‘value something highly, fear to lose it’, appears 6 times in the novel. For example:

«Я не выйду за него, не быв убеждена, что он ценит меня и **дорожит** мной» [14. P. 429] ‘I would not marry him if I were not convinced that he esteems me and **thinks highly of** me’ [15. P. 195].

We have analyzed the verbs of interpersonal relationships, also denoting negative attitudes, which are presented in this literary text. In his novel, F.M. Dostoevsky often describes the psychological experiences of his characters, while they are cleansed from their sins, receive spiritual purification. Indeed, in life we meet not only love and faith, but also suffering, doubt, fear and much more. For example:

«Он никогда еще не видал и не **подозревал** у него такого лица» [14. P. 838]
'He had never seen and never **suspected** such an expression in his face' [15. P. 372].

«Встану, да и брякну всем в рожу всю правду; и увидите, как я вас **презираю!**» [14. P. 471] 'I shall get up and throw the whole truth in your ugly faces, and you'll see how I **despise** you' [15. P. 215].

The meaning 'disapproving attitude to the behavior, action or word of another person' is realized in the unit *осуждать* 'condemn', occurring 10 times in the text. The unit *пренебрегать* 'neglect' with the semantics 'to treat someone without respect or fail to take care of someone' occurs less frequently — 4 times. For example:

«Говорила и **осуждала** она спокойно и серьезно» [14. P. 295] 'She **made her criticism** quietly and earnestly' [15. P. 131].

«Болезнь, Родион Романович, болезнь! Болезнью своей **пренебрегать** слишком начали-с» [14. P. 642] 'It's all illness, Rodion Romanovitch! You have begun to **neglect** your illness' [15. P. 289].

Emotional-evaluative relationships are expressions of people's feelings about other people. They are characterized by the influence of emotions on a person in the process of his interaction with the outside world and other people: different views, characters, attitudes to the world. The mentioned above lexical units have a high frequency, as they express a certain attitude or feeling of a person to other people. In addition, these lexical units occupy an important place in the creative personality of F.M. Dostoevsky himself. The lexico-semantic group of verbs of interpersonal relationships, as a special group of verbs denoting relation between people, plays an important role not only in the study of the word meanings, but also in communicative activity.

Comparative aspect of the study

The comparative study of vocabulary is a branch of linguistics that studies the lexical systems of two or more languages by comparing them with each other.

In her famous work "Problems of Describing and Teaching Russian Vocabulary" I.P. Slesareva emphasizes that when teaching the Russian language to foreigners, it is necessary to use LSG as the basic unit for describing vocabulary. Chinese researcher Ma Weiqun argues that the LSG most fully reflects the different relations between the meanings of words, it is also the most applicable approach to the study and teaching of a foreign language [6. P. 44].

Comparative analysis has a direct connection with translation. The method of comparative analysis is not only an important way for a translator's specific practical activity, but also for studying the problem of translatability in translation theory, especially for studying the problems of equivalence of the original and the translated text. Different genres have different writing styles and language characteristics, which must be considered in the translation process [16. P. 218].

All the time, translation of literary texts has attracted academic scientists, and the professionals involved in the research, the use of research methods, and the cultural background related to language have become more and more extensive [17]. The study of verbs expressing interpersonal relationships not only helps to translate texts effectively, but also to extract the hidden emotions in the translation of texts.

In our study, the translation of F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment" into Chinese discusses the verbs of interpersonal relationships, which can be categorized into the following subgroups:

1. Monosemous verbs, in which, as O.S. Akhmanova notes, each unit of linguistic meaning corresponds to a separate meaning [18. P. 94]. For example:

喜欢 xǐ huān — *нравиться* 'like', 爱 ài — *любить* 'love', 信任 xìn rèn — *доверять* 'trust', 讨厌 tǎo yàn — *ненавидеть* 'hate', 侮辱 wǔ rǔ — *оскорблять* 'insult', etc.

In most cases, the translator was able to translate the verb adequately. Chinese verbs have equivalent meanings to Russian verbs. Let us demonstrate this with examples:

你知道，我是多么爱你：你是我们——我和杜尼娅唯一的亲人，是我们的一切，是我们的全部希冀，我们的期望 [nǐ zhīdào, wǒ shì duōme ài nǐ: nǐ shì wǒmen — wǒ hé dùniyà wéiyī de qīnrén, nǐ shì wǒmen de yīqiè, shì wǒmen de quánbù xījì, wǒmen de qīwàng] [19. P. 85]. In the original: «Ты знаешь, как я **люблю** тебя: ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше» [14. P. 55] 'You know how I **love** you; you are all we have to look to, Dounia and I, you are our all, our one hope, our one stay' [15. P. 26].

Love is one of the most beautiful feelings in the world, and it occupies one of the central places in the novel in terms of the number of situations expressing 'interpersonal relationship'. Virtually every one of the key characters in the novel has a love story of his own. In the words of F.M. Dostoevsky, "The strength and depth of human nature are learned in love and faithfulness".

In the translation of the novel, verbs that coincide with the original in meaning, denoting a negative emotional-evaluative attitude, are revealed. An example follows:

拉斯科尔尼科夫赫然大怒：他突然心生一念——侮辱一下这个胖乎乎的花花公子 [lāsī kēěrníkēfū hèrándànrù; tā tūrán xīnshēngyīniàn — wǔrǔ yīxià zhègè pàngūhū de huāhuāgōngzǐ] [19. P. 130]. In the original: «Раскольников ужасно разозлился; ему вдруг захотелось как-нибудь **оскорбить** этого жирного франта» [14. P. 88] 'Raskolnikov felt furious; he had a sudden longing to **insult** this fat dandy in some way' [15. P. 33].

When translating verbs from two languages, we will encounter difficulties associated with the different meanings of these verbs, which in many cases do not match the native language. The Russian verbs that do not have equivalent meanings in Chinese are considered. For example, the verbs *дискредитировать* ‘discredit’, *дискриминировать* ‘discriminate’, *недолюбливать* ‘dislike’, *опротиветь* ‘disgust’, *почитать* ‘honor’ do not have equivalent meanings in Chinese. In another case, the Russian verb *опротиветь* ‘disgust’ is not expressed by a verb in Chinese, but by a word combination. The meaning of the verb is represented by the characters ‘对……厌烦 [duì ... yàn fán] (букв. вызывать в ком-либо отвращение) to become loathsome’. Let’s give an example:

我提出这个问题是有目的的，但是三年来，我……对千篇一律地复述这些老生常谈已经厌烦极了 [wǒ tí chū zhè gè wèn tí shì yǒu mù de de, dàn shì sān nián lái, wǒ ... duì qiān piān yī lǚ dì fù shù zhè xiē lǎo shēng cháng tán yǐ jīng yàn fán jí le] [19. P. 439]. In the original: «Я ведь и заговорил с целью, а то мне вся эта болтовня-себятешение, ... до того в три года *опротивели*» [14. P. 277] ‘I began this discussion with an object, but I’ve grown so *sick* during the last three years *of* this chattering to amuse oneself, of this incessant flow of commonplaces ...’ [15. P. 122].

2. Polysemous verbs expressing emotional and evaluative attitudes. In Chinese, this group of verbs, as well as in Russian, has a complex semantics [18. P. 4]. Interlinguistic inconsistency also exist in polysemous verbs. Let’s look at some verbs in detail.

The Chinese verb 数落 [shù luò] has different lexico-semantic variants of meaning: a) *попрекать* ‘to reproach’; b) *без умолку пересказывать новости* ‘to retell the news without a word’. A similar case is illustrated by the following example:

这个可怜的女人数落着，号啕大哭，气喘吁吁 [zhègè kělián de nǚrén shùluò zhe, hàotáo dàkū, qìchuǎn xūxū] [букв. Бедная женщина попрекала, подывая и тяжело дыша] [20. P. 1109].

In the original text the author F.M. Dostoevsky describes it as follows: «*Вопила, рыдая и задыхаясь, бедная женщина*» [14. P. 755] ‘*Wailed the poor woman, sobbing and gasping*’ [15. P. 336]. In the original text the author does not use the verb *попрекать* ‘reproach’, but “the troubles started coming in”, the poor woman describes one misfortune after another, so in the translation must be accurate and complete in accordance with the characteristics of the Chinese language.

The Chinese verb 生气 [shēng qì] also has lexico-semantic variations and can mean: a) *сердиться/рассердиться* ‘to be angry’; b) *жизненная сила* ‘vitality’. In Russian *irritation* as the main (primary) meaning refers to the LSG of interpersonal relationships, but unlike the Chinese verb, the Russian verb *сердиться* ‘angry’ has no such meaning as *жизненная сила* ‘vitality’. For example:

请别嘲笑我，也别生气 [qǐng bié cháoxiào wǒ, yě bié shēngqì] [19. P. 544].
In the original text: «*He смеётся и не **сердится!***» [14. P. 370] ‘Don’t laugh, and don’t be **angry!**’ [15. P. 167].

忆及不久前成功地谋到了一件差事，他似乎倏然变得生气勃勃，脸上甚至闪现出某种神采 [yì jí bù jiǔ qián chénggōng dì móu dào le yījiàn chàshì, tā sìhū shūrán biàndé shēngqìbóbó, liǎnshàng shènzhì shǎnxiàn chū mǒuzhǒng shéncǎi] [19. P. 56].
In the original text: «*Воспоминания о недавнем успехе по службе как бы **оживили** его и даже отразились на лице его каким-то сиянием*» [14. P. 35] ‘The recollection of his recent success in getting the situation seemed to **revive** him, and was positively reflected in a sort of radiance on his face’ [15. P. 17].

Equally interesting is that when translating the same verb *уважать* ‘respect’ into Chinese in different contexts, the translator uses a synonymous series of verbs with a common meaning represented by the characters ‘尊重 [zūn zhòng]’ и ‘尊敬 [zūn jìng]’. For example:

«— Я не выйду за него, не быв убеждена, что он ценит меня и дорожит мной; не выйду за него, не быв твердо убеждена, что сама могу **уважать** его» [14. P. 430] ‘I would not marry him if I were not convinced that he esteems me and **thinks highly of me**’ [15. P. 195].

假如我不相信他会尊重我，珍视我，我是不会嫁给他的；假如我不是确信我自己会尊重他，我也不会嫁给他 [jiǎrú wǒ bú xiàngxìn tā huì zūnzhòng wǒ, zhēnshì wǒ, wǒ shì búhuì jiàgěi tā de; jiǎrú wǒ búshì quèxìn wǒ zìjǐ huì zūnzhòng tā, wǒ yě búhuì jiàgěi tā] [19. P. 634].

«Да: каким образом ты сегодня же убедишься, что можешь **уважать** его и что он... ценит, что ли, как ты сказала?» [14. P. 430] ‘Oh, yes. In what way will you get convincing proof to-day that you can **respect** him, and that he... esteems you, as you said’ [15. P. 195].

是的：你今天究竟以什么来证明你会尊敬他，而他也会.....尊重你，你是这样说的，对吗？ [shìde: nǐ jīntiān jiūjìng yǐ shíme lái zhèngmíng nǐ huì zūnjìng tā, ér tā yěhuì...zūnzhòng nǐ, nǐ shì zhèyàng shuō de, duìma] [19. P. 635].

Another point worth exploring in our study is that depending on the context different variations are also used when translating the Russian verb *щадить* ‘spare’ into Chinese. For example:

«...и что будто бы это было слишком грубо, с отцами-то, что можно было бы их **пощадить**, написать мягче» [14. P. 683] ‘She might have **spared** them and have written more kindly’ [15. P. 306].

Version № 1: 人们都认为，她这样做似乎对父母太粗暴无情了，应该怜恤父母，写得温婉一些 [rénmen dōu rènwéi, tā zhèyàng zuò sìhū duì fùmǔ tài cūbàowúqíng le, yīnggāi liánxù fùmǔ, xiě dé wēnwǎn yīxiē] [19. P. 1020].

Version № 2: 据说，这似乎太粗暴了，如果写得婉转些，父母就可以宽恕他们 [jùshuō, zhè sìhū tài cūbào le, rúguǒ xiě dé wǎnzhuǎn xiē, fùmǔ jiù kěyǐ kuānshù tāmen] [20. P. 1014].

In the case of different subjects (In the first — Terebiev (Теребьева), in the second — her parents), the verbs chosen for use are different. Both variants correspond to the original text.

«**Пощадите**, батюшка, я человек грешный» [14. P. 899] ‘*Have mercy on me, my good friend. I am a sinful man*’ [15. P. 396].

Version № 1: 饶了我吧, 老弟, 我是一个罪孽深重的人 [ráo le wǒ ba, lǎodì, wǒ shì yīgè zuìnièshēnzhòng de rén] [19. P. 1341].

Version № 2: 宽恕我吧, 老弟, 我是个有罪的人 [kuānshù wǒ ba, lǎodì, wǒ shìgè yǒuzuì de rén] [20. P. 1312].

In Chinese, the verb 饶 [ráo] expresses the meaning: *щадить, прощать* ‘spare, forgive’. The sentence ‘饶了我吧’ is usually used in a conversational context. In the authors’ opinion, the first version of the translation is more successful, as it is more appropriate to the context of the original dialogue.

«Но его ни с вами, ни кругом вас не было, я-таки смотрел: это отважно, хотели, значит, **поощадить** Родиона Романыча» [14. P. 916] ‘*But he was not with you nor anywhere near. I was on the look-out. It’s spirited of you, it proves you wanted to spare Rodion Romanovitch*’ [15. P. 403].

Version № 1: 然而, 他既没有陪您来, 也没守护在您周围, 我还是观察过的, 这堪称浑身是胆, 也就是说, 您很爱惜罗季昂·罗曼诺维奇 [rán ér, tā jì méi yǒu péi nín lái, yě méi shǒu hù zài nín zhōu wéi, wǒ hái shì guān chá guò de, zhè kān chēng hún shēn shì dǎn, yě jiù shì shuō, nín hěn ài xī luó jì áng·luó màn nuò wéi qí] [19. P. 1365].

Version № 2: 可是他没有和您一同来, 也不在您的周围, 我到底注意着: 这是很勇敢的。看来, 您想饶恕罗季昂·罗曼诺维奇 [kěshì tā méiyǒu hé nín yītóng lái, yě búzài nín de zhōuwéi, wǒ dàodǐ zhùyì zhe: zhèshì hěn yǒnggǎn de. kànlái, nín xiǎng ráoshù luó jì áng·luó màn nuò wéi qí] [20. P. 1335].

The verb 饶恕 [ráo shù] means ‘to treat indulgently’. In this context, it is most appropriate to use this verb.

All of the examples we have described above are in the novel and in the translation of texts express an emotional attitude towards a certain person, a certain event, an object and a phenomenon.

The study reveals the semantic features of the verbs of the two languages – Russian and Chinese, which seems crucial in the translation process. The analysis of interlingual gaps indicates the presence of incomplete lexical correspondence to the foreign language word. Insufficient consideration of the semantic features of these verbs in both languages can lead to an incorrect understanding of meaning. A comparative study makes a vitally important theoretical basis for teaching Russian and Chinese.

A comparative study of verbs of interpersonal relationships showed that depending on the context, one lexical unit in Russian is translated into Chinese in different ways: *уважать* — 尊重 [zūn zhòng] и 尊敬 [zūn jìng]; *щадить* — 怜恤 [lián xù], 饶 [ráo] и 爱惜 [ài xī]. On yet another occasion, the Chinese verb 生气 [shēng qì] has two meanings: *сердиться/рассердиться* ‘to be angry’ and *жизненная сила* ‘vitality’. In order to reduce the errors in the use and understanding of verbs of interpersonal relationships, it is necessary to study their semantics, since they are not exactly the same in the two languages at all times.

Conclusion

In the process of communication and translation, in addition to taking into account the semantic and structural features of the word meaning, it is also necessary to consider the national and cultural characteristics used in work or life in order to accurately convey its specific meaning. The comparative analysis of lexico-semantic groups of verbal words belonging to the interpersonal relationships convinced us that in interpersonal communication there is something more than just the transmission and perception of the meaning of specific words. Even the accurate meaning conveyed by a single word in the context is filled with a variety of connotations that can intensify or diminish its meaning. The linguistic analysis of the LSG of verbs of interpersonal relationships on the material of the translation of the F.M. Dostoyevsky’s novel “Crime and Punishment” into Chinese provides an opportunity to gain insight into the essence of the specific features and properties of the two languages.

References

1. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Vol. 1. Problems of linguistic meaning*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
2. Vinogradov, V.V. (1977). *Selected works. Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Apresjan, Y.D. (1963). Modern methods of studying meanings and some problems of structural linguistics. In: *Problems of structural Linguistics*. Moscow: USSR Academy of Sciences publ. pp. 102–150. (In Russ.).
4. Denisenko, V.N. (2014). *Method of field in lexical semantics*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
5. Wu, Zhe. (1998). The hierarchical structure of the lexical-semantic system and the status of lexico-semantic group. *The journal of Heilongjiang University*, 1, 33–36. (In Chinese).
6. Ma, Weiqun. (1984). A brief explanation of lexico-semantic group. *Teaching Russian in China*, 1, 44–45. (In Chinese).
7. Denisenko, V.N. (2006). *Semantic field theory: texts, questions, comments*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
8. Shvedova, A.Y. (1995). The verb as a dominant of the Russian lexicon. In: *Philological collection. To the 100th anniversary of the birth of Academician. V.V. Vinogradov*. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences publ. (In Russ.).

9. Fakharova, G.R. (2011). Functions of verbs of interpersonal relations in the language of works by I.A. Bunin. *Perm University Herald*, 2, 111–116. (In Russ.).
10. Gaisina, M.R. (1981). Lexico-semantic field of verbs of attitude in modern Russian. Saratov: Saratov State University publ. (In Russ.).
11. Vasilyev, L.M. (1981). *Semantics of the Russian verb*. Moscow: HS Publ. House. (In Russ.).
12. Rummyantseva, M.V. (1997). *Semantics and functions of verb predictions of interpersonal relations in the modern Russian language*. Saint Petersburg: St. Petersburg University publ. (In Russ.).
13. Akimova, T.P. (2018). Communicative-pragmatic features of verbs of interpersonal relations. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University publ. (In Russ.).
14. Dostoevsky, F.M. (1866). *Crime and punishment*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
15. Crime and Punishment. Transl. into English. [Электронный ресурс]. URL: <https://liteka.ru/english/library/631-crime-and-punishment#3> (accessed: 08.07.2023).
16. Yue, Haoping & Fan, Xing. (2023). The influence of cultural differences on literary translation and the choice of translation strategies. *Overseas English*, 7, 217–219. (In Chinese).
17. Wang, Junya. (2023). *Research of natural language processing based on dynamic search corpus in cultural translation and emotional analysis*. URL: <https://portal.sclib.org/interlibSSO/goto/11/+jmr9bmjh9mds/kns8/defaultresult/index> (accessed: 08.07.2023).
18. Dong, Junfei. (2020). Semantic features of emotive verbs in Russian and Chinese. *The journal Vestnik Berdyansk State Pedagogical University. Series, 1. Pedagogy. Psychology. Philology*, 4, 94–97. (In Russ.).
19. Dostoevsky, F.M. (2019). *Crime and punishment*. Zeng, Siyi (Transl.). Zhejiang: Zhejiang Literature & Art Publishing House. (In Chinese).
20. Dostoevsky, F.M. (2015). *Crime and punishment*. Yue, Lin. (Transl.). Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese).
21. Babenko, L.G. (1999). *Explanatory Dictionary of Russian Verbs*. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms. Moscow. (In Russ.).
22. Aleksandrova, Z.E. (1986). *Dictionary of synonyms of Russian language*. Moscow. (In Russ.).
23. Dictionary of antonyms of the Russian language. URL: <https://antonymonline.ru>. (accessed: 19.01.2023). (In Russ.).
24. Dictionary of Chinese—Russian. URL: <https://www.zhonga.ru> (accessed: 23.06.2023).
25. Zhang, Jianhua & Zhao, Wenyan. (2021). *Modern Russian—Chinese Dictionary*. Beijing.
26. Liu, Shuxiang & Ding, Shengshu. (2016). *Modern Chinese Dictionary*. Beijing.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
3. Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М.: «АН СССР», 1963. С. 102–150.
4. Денисенко В.Н. Метод поля в лексической семантике. М.: РУДН, 2014.
5. 吴哲. 词汇-语义体系的层级结构及ЛСГ的地位. 外语学刊黑龙江大学学报, 1998, №1. С. 33–36. (У Чжэ. Иерархическая структура лексико-семантической системы и статус ЛСГ // Вестник Хэйлунцзянского университета. 1998. №1. С. 33–36).
6. 马为群. ЛСГ (词汇语义群) 浅释. 中国俄语教学. 1984. №1. 44–45. (Ма Вэйцунь. Краткое объяснение ЛСГ (лексико-семантическая группа) // Преподавание китайского / русского языка. 1984. №1. С. 44–45).
7. Денисенко В.Н. Теория семантического поля: тексты, вопросы, комментарии: учеб. материалы к спецкурсу «Проблемы общей и русской семантики». М.: РУДН, 2006.

8. Шведова Н.Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: к 100—летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. М.: Изд—во ИРЯ, 1995. С. 409–414.
9. Фахарова Г.Р. Функции глаголов межличностных отношений в языке произведений И.А. Бунина // Вестник Пермского университета. 2011. № 2(14). С. 111–116.
10. Гайсина М.Р. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1981.
11. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981.
12. Румянцева М.В. Семантика и функции глагольных предикатов межличностных отношений в современном русском языке. СПб: Изд-во СПбГУ, 1997.
13. Акимова Т.П. Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношений. Волгоград: ВГСПУ, 2003.
14. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Ленинград: Наука, 1989.
15. Crime and Punishment. Transl. into English. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://liteka.ru/english/library/631-crime-and-punishment#3>. (дата обращения: 08.07.2023).
16. 岳好平, 范星. 文化差异对文学翻译的影响及翻译策略的选择 // 海外英语. 2023. № 07. 217–219. (Юэ Хаопин, Фань Синь. Влияние культурных различий на литературный перевод и выбор стратегии перевода // Английский за рубежом. 2023. № 7. С. 217–219).
17. Wang Junya. Research of natural language processing based on dynamic search corpus in cultural translation and emotional analysis. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://portal.sclib.org/interlibSSO/goto/11/+jmr9bmjh9mids/kns8/defaultresult/index>. (дата обращения: 08.07.2023).
18. Дун Цзюньфэй. Семантические особенности эмотивных глаголов в русском и китайском языках // Вестник БДПУ. Серия 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. 2020. № 4. С. 94–97.
19. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. / пер. с русс. Цзэн Сыи. Чжэцзян: Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 2019.
20. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / пер. с русс. Юэ Линь. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 2015.
21. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ — ПРЕСС, 1999.
22. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: около 9000 синонимических рядов под ред. Л.А. Чешко. М.: Русский язык, 1986.
23. Словарь антонимов русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://antonymonline.ru>. (дата обращения: 19.01.2023).
24. Словарь китайско-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zhong.ru>. (дата обращения: 23.06.2023).
25. 现代俄汉双解词典 / 张建华, 赵文炎主编 ; 2版. 北京: 外语教学与研究出版社, 2021. (Чжан Цзяньхуа, Чжао Вэньян. Новый русско-китайский словарь. Пекин: Издательство аудио и видео продукции иностранных языках, 2021).
26. 现代汉语词典 / 吕叔湘, 丁声树 ; 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. (Лю Шунхиань, Динь Шэньшун. Современный словарь китайского языка. Пекин: Коммерческий пресс, 2016).

Information about the authors:

Xiuyu Li, postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: Interests semantics, lexicology, comparative research; *e-mail*: lixuyu0525@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-8283-534X

Evgeny S. Rybinok, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: polycode text, film text, semiotics; *e-mail*: rybinok-es@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-8761-5304; ResearcherID: AAC-9021-2022

Сведения об авторах:

Ли Сююй, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: проблемы семантики, лексикологии, сопоставительное исследование; *e-mail*: lixiuyu0525@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-8283-534X

Рыбинок Евгений Сергеевич, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: поликодовый текст, кинотекст, семиотика, семантика; *e-mail*: rybinok-es@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-8761-5304; ResearcherID: AAC-9021-2022.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
